ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОССПЭН)
2010

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

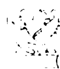
Иван Тихонович
ПОСОШКОВ

КНИГА О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ
ЗАВЕЩАНИЕ ОТЕЧЕСКОЕ

СОСТАВИТЕЛИ,
АВТОРЫ ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬИ
И КОММЕНТАРИЕВ:

Н. В. Козлова,
доктор исторических наук

Л. Н. Вдовина,
кандидат исторических наук



МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОССПЭН)
2010

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)
П61

Долгосрочная благотворительная программа
осуществлена при финансовой поддержке
НП «Благотворительная организация «Искусство и спорт»

Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое / И. Т. Посошков; [сост., авторы вступ. ст. и коммент. Н. В. Козлова, Л. Н. Вдовина]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 592 с. — (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

П61

ISBN 978-5-8243-1203-4

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-8243-1203-4

Иван Тихонович Посошков

В истории общественной мысли есть личности, с которыми ассоциируется духовное состояние современного им общества. Одни философы, литераторы, публицисты обретали славу еще при жизни, к другим она приходила лишь после смерти, спустя многие годы. Случалось и так, что вся глубина и масштаб взглядов того или иного автора раскрывались и вовсе через столетия, а его воззрения именно тогда становились востребованными и как никогда актуальными. Так произошло с сочинениями Ивана Тихоновича Посошкова — активной и самобытной личности петровской эпохи.

Творческое наследие Посошкова обширно. Ему принадлежат многочисленные проекты, записки и литературные произведения, посвященные вопросам реформирования монетного и денежного дела, армии, развития просвещения, христианской нравственности и этики, борьбы со старообрядчеством и лютеранством. Среди них выделяются два главных и наиболее обширных труда: «Завещание отеческое к сыну» (1719), написанное в форме наставления и поучения сыну на различные случаи жизни, и «Книга о скудости и богатстве» (1721–1724), ставшая итогом всей литературной деятельности публициста.

Интересна история создания, открытия и публикации «Завещания отеческого». Известия об этом сочинении содержались в «Книге о скудости и богатстве». Посошков дал своеобразную аннотацию своему произведению: «И аще книга “Отеческаго Завещания” принята к печати будет, еже аз сыну своему, Николаю, сочиних, то надлежит готовящемуся во презвитерство и ее дать читать, понеже тамо положено отчасти, как презвитеру духовенство свое вести, и не токмо единому презвитеру, но тако и простому монаху жить, и како во архимандритах будучи, как братия пасти и как себя вести и что подобает и архиерею творити, и каковым способом раскольников истребляти, и как и мирянам душеполезно жити, и как и детей своих малых учити, дабы отцу не на пагубу они были, и как между собою любовь хранити, и как правда творити, и как Бога любити,

и как молитвы своя к нему приносити, и как ему угождати. Вся суть тамо изъявлена, поелику Бог даровал ми проразумети». (С. 58.)

Полтора века спустя с того времени, когда были написаны эти строки, в 1872 г., А. Н. Попов в Москве купил у продавца старинных книг подлинную рукопись «Завещания отеческого», полностью написанную рукою Посошкова. Московская рукопись (в дальнейшем будем называть ее по месту хранения в библиотеке Румянцевского музея — Румянцевской), переплетенная в кожаный корешок с обложкой из цветной тисненой бумаги, состояла из 19 тетрадей в «четверку», то есть в четверть листа. В рукописи были две владельческие записи, из которых следовало, что в 1760 г. она принадлежала московскому купцу второй гильдии Екиму Петрову, а также крестьянину Финогену Степановичу Давыдову.

Рукопись состояла из вступления, «предречения», и шести глав. Найденное «Завещание отеческое» было вскоре опубликовано[1], оно существенно расширило представления о личности и взглядах его автора. Сопоставляя содержание найденной рукописи и известий о ней в «Книге о скудости и богатстве», А. Н. Попов и другие исследователи заметили отсутствие ряда сюжетов (а, следовательно, и текстов), на которые обращал внимание Посошков. Объяснить такое несоответствие можно было двумя версиями: или найденное «Завещание отеческое» является сокращенной редакцией памятника, или рукопись содержит только часть сочинения. Последнее предположение вскоре подтвердилось.

В 1890 г. в архиве Святейшего Синода Е. М. Прилежаев нашел рукопись без начала и последних листов, две трети которой были написаны почерком Посошкова. Петербургская рукопись (Синодальная) включала 16 тетрадей в «четверку» и содержала последние три главы «Завещания отеческого», приложение к нему, «Пополнение» и Предисловие к читателям, то есть ту часть сочинения, которая считалась утраченной. Объединив тексты Румянцевской и Синодальной рукописей, Е. М. Прилежаев подготовил и издал полный текст «Завещания отеческого»[2]. Разрешение на издание было получено от обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева.

---

[1] Завещание отеческое сыну. Сочинение Ивана Посошкова. Открыто и издано Андреем Поповым. М., 1873.

[2] Завещание отеческое. Сочинение И. Т. Посошкова. Новое издание, дополненное вновь открытою второю половиною «Завещания» / Под ред. Е. М. Прилежаева. СПб., 1893.

«Завещание отеческое» — произведение, которое по жанру представляет собой нравственный наказ отца сыну, а не обычное духовное завещание. За пять дней до смерти, 26 января 1726 г., Посошков написал духовную, в которой перечислил собственные долги и своих должников[3]. Авторство Посошкова не вызывает сомнения. Оно подтверждается не только известиями из «Книги о скудости и богатстве», но и непосредственным упоминанием фамилии Посошкова на одной из страниц книги. (С. 453.)

Над «Завещанием отеческим» Посошков начал работать в 1712 г., ему было тогда уже 60 лет. Жил он в то время в Новгороде, вел бурную торговую и предпринимательскую деятельность, совершая регулярные деловые поездки в Петербург. Занятостью Посошкова, возможно, объясняется то, что это сочинение писалось довольно долго и окончено было в 1719 г. К этому времени Посошкову было уже 67 лет, а адресату «Завещания отеческого», его сыну Николаю, всего 7 лет. Подробные отцовские наставления юному отроку были сделаны в некотором роде в расчете на будущее. Посошков предвидел, что может умереть раньше, чем его наследник вырастет и почувствует необходимость в его советах. В Предисловии к читателям, которым заканчивается Синодальная рукопись, он откровенно назвал причины и цель создания «Завещания отеческого»: «...по житию века человеческаго, последние дни аз доживаю, и совершеннаго возраста сына своего ми видети не лет есть, и учить ми его, како ему жити в Законе Божии, и како во гражданьстве пребывати, и како себя опасно вести, — некогда». Поэтому отец решил оставить письменный наказ и благословение, чтобы сын руководствовался отцовскими наставлениями. «Аще бо, сыне мой, в каковом чине не будеши, а моего наказания не забудеши и будеши вся управляти по предложенному ти моему Завещанию» (с. 549), — на этой фразе обрывается текст Синодальной рукописи. Остается неизвестным, что было написано в утраченном конце Предисловия.

«Пополнение» к «Завещанию отеческому» содержит изречения из книг Священного Писания, в основном Ветхого Завета, и указания на некоторые события священной истории, расположенные

[3] *Кафенгауз Б. Б.* И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М.; Л., 1950. С. 138.

в алфавитном порядке. Эта часть работы — своеобразный «ключ» к Библии, открывающий читателю наиболее важные, по мнению Посошкова, страницы, «к житию человеческому потребные». Отец рекомендовал сыну выучить их наизусть. Они интересны еще и тем, что Посошков к библейским выдержкам прибавлял и собственные рассуждения, пояснял назидательность примеров из Священной истории применительно к русской жизни.

Произведение под характерным названием — «Книга о скудости и богатстве» — Посошков предназначал для представления Петру I. Оно являло собой пример широко распространенных в то время «прожектов» и «изъявлений», сочиняемых лицами разного социального положения по самым разнообразным вопросам жизни общества и государства. «Книгу..» Посошкова от других современных ей проектов отличает широкий охват жизни русского общества и, что особенно важно, поиск источников приращения не только материального богатства России, но и расцвета ее духовности, утверждения «истинной правды» — «невещественного богатства».

Необычна история этого произведения, завершенного 24 февраля 1724 г., и трагична судьба его автора, который вместо заслуженной награды 26 августа 1725 г. оказался в Петропавловской крепости Петербурга, где и умер спустя 5 месяцев, 1 февраля 1726 г., в возрасте 74 лет. Посошков был похоронен у церкви Самсония странноприимца на Выборгской стороне, где погребали колодников Тайной канцелярии.

Косвенной причиной его ареста, обстоятельства которого остаются неясными, послужила, возможно, рукопись «Книги о скудости и богатстве», обнаруженная в библиотеке опального вице-президента Синода и новгородского архиепископа Феодосия Яновского. По иронии судьбы книга, прославившая в дальнейшем автора, ускорила его кончину. Можно не сомневаться в том, что тяжелые испытания Посошков принял и перенес как истинный христианин. Его укрепляла та вера, о которой он писал в «Завещании отеческом» сыну: «Во всех видимых и привременных злоключениях буди благодарен и глаголи усты и сердцем: буди во мне воля Твоя, Господи! Аще и смерть наведет на тя поносную, и тогда благодарен буди, понеже тою поносною смертию хощет тя очистити от грехов твоих. И аще от всего своего сердца и от всего помышления своего вдашися в Его волю Божию, то никогда душею своею не погибне-

нии, и не токмо сносная беда, но и самая смерть ни во что ти будет, а еже ты будеши в Бозе и Бог в тебе будет». (С. 274, 425.)

Вероятно, власти заинтересовались Посошковым в связи с громким делом Феодосия[4], по которому арестовывалось и допрашивалось множество лиц. Нельзя точно сказать, успел ли Посошков представить свою книгу Петру I, скончавшемуся 25 января 1725 г. О намерении Посошкова говорят лишь два черновика соответствующего доношения на имя царя. О том, что рукопись «Книги...» не осталась без внимания и была прочитана, свидетельствуют пометки, сделанные против отдельных высказываний ее первым читателем. Однако неизвестно, кто им был. Позднее переписчик внес эти пометки в текст снятого им списка.

Впервые сочинение И. Т. Посошкова оказалось востребовано в середине XVIII в., когда оно привлекло внимание великого М. В. Ломоносова, поручившего снять копию с рукописи «Книги о скудости и богатстве» для Академии наук, в собрании рукописей библиотеки которой эта копия хранится до сих пор[5]. Этот список был известен просветителю и издателю Н. И. Новикову, который в 1772 г. упомянул о нем в составленном им первом «Словаре русских писателей»[6]. Затем он был описан в каталоге рукописей Академии наук, изданном в 1818 г.[7] Позднее книга Посошкова была совершенно забыта, пока наконец один из списков ее не оказался

---

[4] Феодосии Яновский – новгородский архиепископ и вице-президент Синода, активный сторонник церковной реформы Петра I. После смерти преобразователя высшие церковные иерархи, не смирившиеся с новыми порядками в церковном управлении и ликвидацией патриаршества, сумели отстранить Феодосия. Сделать это его противникам позволили свойственные архиепископу властолюбие, неудержимость в слове и корыстолюбие. Обвиненный в дерзости и расхищении церковной утвари, в мае 1725 г. он был сослан в дальний монастырь.

[5] Известны еще 5 списков сочинения Посошкова, сделанных в 50–60-х годах XVIII в. Все они хранятся в рукописных собраниях библиотеки Академии наук и Государственной национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

[6] *Новиков Н.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 172.

[7] *Соколов С.* Каталог обстоятельный российским рукописным книгам, к российской истории и географии принадлежащим и в Академической библиотеке находящимся. СПб., 1893. С. XCIII.

в руках у историка, страстного собирателя древних рукописей, профессора Московского университета М. П. Погодина, приобретшего его в числе многочисленных редкостей на аукционе из собрания коллекционера И. И. Лаптева[8]. Рукопись, размером в «четверку», имела переплет из белой кожи. Страницы рукописи хранят многочисленные подчеркивания карандашом и заметки Погодина на полях. Против одного рассуждения Посошкова Погодин на полях написал: «Целую руку твою!». О силе эмоционального воздействия ее на читателей свидетельствуют и упомянутые ранее читательские пометы, имеющиеся в других списках книги. Окончив чтение рукописи, Погодин записал в своем дневнике: «Благодарю судьбу, которая доставила мне случай ввести такого великого человека в святилище русской истории»[9].

К этому времени были напечатаны лишь две небольшие записки Посошкова: «О ратном поведении» (1793) и «О духовных делах» (1815). Добиваясь разрешения на публикацию открытой им рукописи, М. П. Погодин в докладной записке министру народного просвещения графу С. С. Уварову, предназначавшейся для Николая I, характеризовал сочинение Посошкова как «полный трактат о состоянии России и о тех мерах, кои принять должно для того, чтобы привести отечество в лучшее состояние»[10]. «Книга о скудости и богатстве», вместе с некоторыми ранее изданными записками, была опубликована Погодиным в 1842 г. С этого времени начались растущая известность и слава Посошкова. Через два года Погодин отыскал другое неизвестное до того произведение Посошкова под названием «Зеркало очевидное», направленное против старообрядчества. Из-за цензурных препятствий сочинение в сокращенном виде было опубликовано лишь в 1863 г., а полная редакция увидела свет только в начале XX в.[11]

---

[8] На аукционе, проходившем в Петербурге, по поручению М. П. Погодина участвовал московский торговец старинными книгами Т. Большаков.

[9] Цит. по: *Кафенгауз Б. Б.* И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность. С. 4.

[10] Там же. С. 5.

[11] Сочинения Ивана Посошкова, изданы на иждивении Московского Общества истории и древностей российских Михайлом Погодиным, профессором русской истории. М., 1842; «Зеркало очевидное» И. Т. Посошкова. Редакция полная, издал проф. А. Царевский, вып. 1. Казань, 1898. Вып. II. 1905.

Одновременно с открытием одного за другим сочинений Посошкова усиливался интерес к его личности: в 1861 г. были опубликованы документы об аресте Посошкова, его заключении и смерти в Петропавловской крепости, извлеченные из архивных дел Тайной канцелярии. Стали появляться биографические статьи и заметки о Посошкове. К его сочинениям (как к свидетельству современника для изучения эпохи Петра I и памятнику общественной мысли) обратились историки, экономисты, литературоведы, государственные и общественные деятели. За возможность «узнать великие и отличительные способности Русского крестьянина» Погодина благодарил президент Вольного экономического общества Н. С. Мордвинов. «Первым русским экономистом» Посошков был назван в Энциклопедическом словаре Брокгауза-Эфрона. На аграрный аспект идей Посошкова обратил внимание выдающийся русский экономист XX в. А. В. Чаянов. Идеи Посошкова занимали крупнейших русских историков XIX в. С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, о них писали А. Г. Брикнер, Н. П. Павлов-Сильванский, П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер, Г. В. Плеханов.

Сочинения Посошкова имелись в Яснополянской библиотеке Л. Н. Толстого. Их, особенно «Книгу о скудости и богатстве», Толстой внимательно изучал, о чем свидетельствуют многочисленные пометки великого писателя на ее страницах. Его интересовали сами проекты Посошкова и содержащиеся в книге яркие, выхваченные из жизни эпизоды, зарисовки быта, и, конечно, характерные для петровского времени слова и выражения, острый и меткий язык публициста.

Многие из поставленных Посошковым вопросов, связанных с наиболее рациональным переустройством России, волнуют и современных исследователей. В новых обращениях экономистов и историков к его идеям — не только необходимость их осмысления в современных исторических условиях, желание воссоздать «связь времен», но и возможность разобраться в некоторых непростых проблемах российской действительности[12].

---

[12] См.: К 350-летию со дня рождения русского экономиста Посошкова И. Т. (1652–1726). Материалы заседания Постоянно действующего Круглого стола «Экономический рост России», Москва, 20 ноября 2002 г. // Научные труды международного союза экономистов и Вольного экономического общества России. Т. 12 (40). М.; СПб., 2003. С. 135–179; *Славкина М.* О нынешнем звучании реформационного плана трехвековой давности (размышления над переизданной «Книгой о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова) // Российский экономический журнал. 2003. № 11–12. С. 58–63.

Итак, краткий историографический экскурс показывает масштабность личности Посошкова и значимость его трудов, по праву вошедших в историю русской культуры, политической и экономической мысли.

* * *

Биографические данные И. Т. Посошкова фрагментарны и не дают возможности подробно обрисовать его жизнь и деятельность[13]. Неизвестен в точности даже год его рождения. На основании косвенных сведений установлено, что Посошков предположительно родился в 1652 г. в дворцовом селе Покровское-Рубцово, расположенном на берегу Яузы. В старину село называлось Рубцовым и принадлежало Никите Ивановичу Юрьеву. Впоследствии оно вошло в состав дворцовых земель. Покровским его стали именовать после постройки здесь царем Михаилом Федоровичем церкви Покрова Пресвятыя Богородицы (1619). При первых Романовых в селе находились загородный царский дворец и обширное дворцовое хозяйство.

В 1646 г. в Покровском с четырьмя окрестными деревнями было 143 пашенных крестьянина в 92 дворах и 47 крестьянских оброчных непашенных дворов, а в них 97 человек. К числу крестьян, промышлявших ремеслами, торгами и промыслами, принадлежали дед и отец Посошкова. Они упоминаются среди старинных ремесленников серебряного дела, входивших в состав дворцовых оброчных непашенных крестьян. До 1709 г. и сам Иван Тихонович называл себя крестьянином, подчеркивая, правда, что это только сословный признак: «в художестве работник, в чине земледелец». В 1723 г. крестьяне с. Покровское, как и ряда других дворцовых сел, были записаны в посадское тягло и причислены к городскому населению Москвы.

[13] Наиболее тщательные разыскания биографических сведений об И. Т. Посошкове проводил Б. Б. Кафенгауз, не только опиравшийся на данные, введенные в оборот его предшественниками, но и заново изучивший архивные документы Тайной канцелярии, в фонде которой сохранились разные личные и деловые бумаги, принадлежавшие Посошкову и переданные в канцелярию при его аресте. Настоящий очерк о жизни и деятельности И. Т. Посошкова написан на основе следующих публикаций: Книга о скудости и богатстве. И. Т. Посошков. Редакция, вступительные статьи и примечания Б. Б. Кафенгауза. М., 1937; *Кафенгауз Б. Б.* И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М., 1950.

Мать будущего публициста Улита Михайловна была московской уроженкой, двор ее отца находился за р. Яузою в Котельниках. Она также принадлежала к семье дворцовых ремесленников, мастеров Серебряной палаты. Есть основания полагать, что семьи — и по отцовской и по материнской линии — были вполне зажиточными. Жена Ивана Тихоновича Софья Родионовна также принадлежала к крепкой в хозяйственном отношении семье, поскольку размер ее приданого составил значительную для того времени сумму в 300 руб. (около 1800 руб. на деньги конца XIX в.).

Ничего не известно о том, где и как учился Посошков. Скорее всего, обучение грамоте он прошел по Часослову и Псалтири, а хорошее знание грамматики и церковнославянского языка получил по учебнику Мелентия Смотрицкого. Несомненно, что он обладал известной начитанностью, знал церковную литературу и законодательные памятники, в частности Соборное Уложение 1649 г., был знаком с историческими и географическими представлениями своего времени, прекрасно владел живой разговорной речью. Свои разнообразные технические и математические познания Посошков, вероятно, приобрел в среде мастеров-серебренников, обслуживавших Оружейную палату. Во всяком случае, его связи с ремесленной средой Москвы хорошо прослеживаются. Любовь к чтению и жажда познания сопровождали Посошкова всю жизнь. «Завещание отеческое» — результат многолетнего духовного самообразования, начало которого было заложено еще в юности.

Сочинения Посошкова, рассыпанные в них замечания автобиографического характера позволяют судить о круге лиц, с которыми он встречался и был связан. Это были представители духовенства и чиновничества, посадские люди разных городов, купцы и ремесленники, старообрядцы (с ними он беседовал или спорил по церковным вопросам), дворяне. Имена большинства из них стерло время. Сохранились лишь немногие. В их числе Авраамий, старец Андреевского монастыря, подавший Петру I некие «тетради», содержащие критические по отношению к правительству и поведению царя мысли. Знаком был Посошков с новгородским митрополитом Иовом, известным своей просветительской и благотворительной деятельностью. Судя по полученным от него рекомендациям к вице-губернатору Петербурга Я. Римскому-Корсакову и кн. Якову Долгорукову, Посошков заслужил внимание и уважение митрополита.

В библиотеке Иова хранились списки некоторых сочинений публициста. Встречался Посошков и с другим образованнейшим человеком своего времени — князем Д. М. Голицыным, а также с известным «прибыльщиком» и дьяком Оружейной палаты, а позднее архангельским губернатором Алексеем Курбатовым.

С молодых лет до старости Посошкову приходилось по разным делам много ездить по России. Он бывал не только в Москве и Петербурге, но и в Пензе, Алексине, Ломове, Мценске, Черни, Инсаре, Воронеже; хорошо представлял поволжские города (Симбирск, Самара, Саратов, Царицын, Астрахань), наблюдал жизнь мордвы, черемисов, чувашей, татар. Как человек вдумчивый, он в своих путешествиях почерпнул немало бесценных сведений о религиозных сторонах жизни, гражданских отношениях разных групп общества, развитии народного хозяйства, природных богатствах России.

В конце XVII и в начале XVIII в. Иван Посошков состоял денежным мастером Оружейной палаты, потом трудился на московском денежном дворе, где отличился в качестве изобретательного техника. В 1694 г. Посошков работал над моделью денежного станка, предназначавшейся «в поднос» Петру I. Кроме того, он изобрел какие-то приспособления («рогатки»), для усовершенствования ружейной стрельбы и представлял их царю в Преображенском в начале 1697 г. После выхода в 1700 г. указа о чеканке новых медных денег Посошков, по его словам, был единственным, кто сумел наладить это новое производство.

Финансы и денежное дело были острыми вопросами того времени, особенно в связи с начавшейся в 1700 г. войной со Швецией, сопровождавшейся проведением военной реформы, перевооружением армии, строительством военно-морского флота. «Деньги суть артерия войны», — говорил Петр I. Денежное дело занимало Посошкова не только в связи с его профессией денежного мастера, но и как публициста и «прожектера». Уже первое литературное произведение Посошкова, до нас не дошедшее, содержало проект денежной реформы. Ее суть заключалась в выпуске мелкой монеты, потребность в которой у населения была вполне очевидна: ее недостаток заставлял людей разрубать серебряные деньги на части. Указ 1700 г. объявил о выпуске новой медной монеты. Таким образом, уже первые предложения Посошкова соответствовали общему направлению петровской политики в области денежного дела.

В дальнейшем он еще не раз подавал правительству проекты развития финансов и монетного дела.

С тяжелым поражением русской армии под Нарвой в самом начале Северной войны связано появление написанного Посошковым «Доношения о ратном поведении». Оно проникнуто стремлением помочь правительству и государю, поскольку «без верных помощников трудно ратное дело управить». Наряду с критикой неустройств в армии, сочинение содержит ряд хорошо продуманных проектов по их преодолению. Их основные положения (например, о необходимости учить каждого солдата меткой стрельбе в цель) будут повторены Посошковым в «Завещании отеческом» и «Книге о скудости и богатстве».

Но это была не единственная область интересов и активных действий мастера денежного и ружейного дела. Во время своих поездок по разным местам ему удалось сыскать самородную серу, «самую чистую, что подобна камню янтарю», краски и даже нефть. В первые годы XVIII в. правительство Петра I предпринимает энергичные меры по развитию металлургии и горного дела. К поиску различных руд тогда привлекались все желающие, «всяких чинов люди». В случае их обнаружения и подтверждения пригодности разведчиков ожидала награда. Награждение в 50 руб. за серный прииск получил и Посошков. Плата была скромной, сам Посошков признавался, что мог на этом деле извлечь многотысячный доход. Но он был горд тем, что испытал удовлетворение от сознания оказанной им государству и армии пользы: «А я истинно его и. в-у тем объявлением серы сделал прибыль многотысящную и в военном деле учинил помощь не малую». (С. 148.) В 1704 г. он делает неудачную попытку открыть фабрику игральных карт, а затем до 1708 г. берет на откуп водочную продажу в Москве на Каменном мосту, где находился казенный питейный двор. О разнообразии занятий Посошкова говорят и его работа по садовому «строению» в селе Фили, принадлежавшем боярину Л. К. Нарышкину, и служба после переезда в Новгород в звании фонтанного мастера.

В 1710 г. Посошков получает место водочного мастера «для строения водок» на казенном дворе в Новгороде. Но еще до отъезда к новому месту службы им были написаны новые «прожекты» в области монетного дела и литературные сочинения. В их числе небольшая записка, названная впервые опубликовавшим ее Н. П. Пав-

ловым-Сильванским «Доношением о исправлении всех неисправ». В ней в сжатом виде уже содержатся мысли, развитые позднее в «Книге о скудости и богатстве». Вопросы духовного просвещения и нравственности, в том числе в среде духовенства, были затронуты Посошковым в трех записках (1703–1710), предназначенных для местоблюстителя патриаршего престола митрополита Стефана Яворского. Они распространялись в рукописи как литературные произведения, были известны новгородскому митрополиту Иову, а позднее — М. В. Ломоносову. Посошков предлагал проект создания училищ, чтобы «Россию учением просветить». Особенно он ратовал за открытие в епархиальных городах школ для подготовки священников, «готовых для защищения веры»; предлагал способы борьбы с тайными раскольниками. Тогда же Посошков пишет самое обширное свое произведение — «Зеркало очевидное», направленное против старообрядцев и лютеран. Труд был подготовлен на основании изучения древних рукописей на Московском Печатном дворе и впечатлений от диспутов, которые он вел многие годы с раскольниками и протестантами. В книге автор намеревался, как в зеркале, представить противникам церковной реформы их заблуждения. Это сочинение стало известно и было одобрено митрополитом Димитрием Ростовским, который назвал его «великим раскольникам обличением».

С переездом в Новгород, помимо казенной службы, Посошкова по-прежнему занимают хозяйственные дела, связанные прежде всего с торговыми операциями, в частности поставками продовольствия и других товаров в Петербург. На доходы от этих дел он приобретает дома в Петербурге и Новгороде, землю в Кашинском и Новгородском уездах и крепостных. По подсчету самого Посошкова, у него было около 150 четвертей земли и 20 с небольшим душ крестьян мужского пола. Дом в Петербурге находился на «Санкт-Петербургском острове, ниже кронверка, в Малой Никольской улице, что от Мытного двора, в приходе церкви Успения Пресвятыя Богородицы»; он был куплен в 1716–1717 гг. за 400 рублей. Приобретя дом в столице, Посошков получил право числиться в составе городского населения Петербурга и стал именоваться «Санкт-Петербургским и Новгородским жителем». В Новгороде на Торговой стороне им были куплены два двора: один за 50 рублей, а другой – за 150. В 1719 г. Посошков построил винокуренный завод и взял подряд на поставку вина, о чем сам и упоминает в «Книге о скудости

и богатстве». Кроме того, в Устрицком погосте Новгородского уезда, где находились его земельные владения и винокуренный завод, Посошков содержал на откупе таможенный сбор, а также винную, пивную, медовую и водочную продажу. Откупа как способ сбора с населения государственных налогов и эксплуатации казенных регалий были наиболее быстрым способом накопления капитала. Обычным в практике торгового дела того времени было обращение купцов разного масштаба к кредитным операциям, что позволяло значительно увеличивать размер оборотного капитала, а следовательно, расширять объем и масштаб своей торговой деятельности. О широком обращении Посошкова к кредиту свидетельствует составленное им в тюрьме духовное завещание, где он перечисляет свои долги на общую сумму в 2350 руб.

Последним хозяйственным предприятием Посошкова должна была стать текстильная фабрика по производству шерстяных и полотняных тканей широкого ассортимента. Во время своего приезда в Петербург накануне ареста он хлопотал о разрешении на её открытие в Новгороде.

Хозяйственная деятельность Посошкова, его активность и предприимчивость позволили ему сделать известные накопления и стать, по его собственным словам, «не последним человеком»[14]. По своему социальному положению он принадлежал к среднему купечеству, а характер и разнообразие его деловой активности как нельзя лучше отражали специфику российского предпринимательства XVIII в. В данном случае важно, что Посошков российскую действительность — предмет своих размышлений в многочисленных сочинениях — знал не понаслышке. Он не был отстраненным от реалий жизни теоретиком. Работая денежным мастером и служа на питейном дворе, участвуя в подрядах и откупах, занимаясь промышленным предпринимательством и изобретательством, соприкасаясь

---

[14] О солидности достигнутого И. Т. Посошковым положения может свидетельствовать и крайне редкий для того времени факт выхода его дочери Пелагеи замуж за дворянина — подполковника Барыкова, а после его смерти — за полковника киевского гарнизона иноземца Петра Роде, до этого долго служившего в лейб-гвардии Семеновском полку. Эти браки обеспечили потомству Посошкова по дочерней линии выход из купеческой среды во дворянство. Выдавая дочь замуж за Барыкова, Посошков дал за ней 1000 рублей, деревню и приданое стоимостью в 300 рублей.

с различными сферами государственного хозяйства и аппаратом управления, с жизнью Церкви, находясь в пестрой по своему социальному составу среде, Посошков все наблюдал, все подмечал, все впитывал и осмысливал, чтобы изложить затем в виде готовых «прожектов» и советов.

* * *

Среди сохранившихся и опубликованных в разные годы произведений Посошкова наибольшей известностью пользуется его главный труд — «Книга о скудости и богатстве». Будучи памятником общественной мысли бурного времени петровских преобразований, «Книга...» не потеряла своей злободневности и в наши дни. В ней не только ставятся, но что особенно важно, не остаются без ответа «вечные» вопросы российской жизни: «Отчего приключается напрасная скудость и отчего гобзоватое богатство умножается», «како бы истребити из народа неправду и неисправности и како бы насадити прямую правду», «како бы водрузити любовь и безпечное житие народное», как уничтожить «обидников и воров и разбойников и всяких разных явных и потаенных грабителей», чтобы «народ весь обогатить»... В этом ярком и самобытном сочинении с публицистическим блеском подвергнуто острой критике состояние дел в различных областях государственного хозяйства и изложена целостная программа обновления России.

Духовенство и воинство, суд и право, купечество и торговля, ремесла и промышленность, крестьянство и землевладение, государственная казна и финансы, природные ресурсы и их защита, школа и просвещение — ничто не ускользнуло от острого и заинтересованного взгляда купца-публициста. При этом реальное состояние различных сфер жизни государства напрямую соотносится с положением основных социальных слоев, с теми «неправдами и неисправностями», которые препятствовали выполнению их основных функций и в итоге благосостоянию всего общества. Цель замысла Посошкова как раз и заключалась в том, что исправление «неисправностей» предполагалось им в каждой из областей жизни, а от устранения неправды выигрывали все слои населения. Эти идеи входили в противоречие с российской действительностью, когда хозяйственное и военное развитие достигалось за счет ухудшения положения основной массы народа и роста произвола.

Судя по литературе о Посошкове, наибольшее внимание к нему всегда проявляли экономисты, а взгляды и идеи купца-предпринимателя в первую очередь рассматривались сквозь призму экономических теорий. И в наше время экономисты продолжают считать Посошкова «своим»[15]. Конечно, экономические вопросы пронизывают всю «Книгу..» Посошкова. Это и понятно, так как, будучи крестьянином по происхождению и купцом по роду занятий, Посошков тесным образом был связан с различными сферами хозяйственной жизни современной ему России. И все же масштаб личности Посошкова таков, что «своим» его по праву могут считать не только специалисты разных областей знаний, но любой россиянин, о духовном и материальном благополучии которого и радел Посошков. И если понимать под здоровьем состояние духовного, социального и физического благополучия, то без преувеличения можно говорить о том, что Посошков радел о здоровье нации, поскольку не только о духовной и материальной составляющей богатства писал он, но и о значимости социального статуса различных категорий и слоев российского общества, об их праве через посредство своих лучших представителей участвовать в «многонародном совете» для законодательного устранения «всяких неисправностей».

Представленная Посошковым трактовка природы богатства и скудости включает в себя глубокое и ясное осмысление конкретно-практических положений и выводов. Причем те два понятия, которые вынесены Посошковым в название его сочинения, — «скудость» и «богатство» — являются не антиподами, а составляют единое целое в его концепции. Предлагаемые в «Книге...» меры, по мнению ее автора, должны служить процветанию и обогащению

[15] Примечательно, например, что одна из новейших публикаций «Книги о скудости и богатстве» вышла в издательском доме «Экономическая газета» в серии исторических памятников под общей рубрикой «Экономика и духовность», а в 2002 г. заседание Круглого стола Вольного экономического общества было посвящено 350-летию со дня рождения «русского экономиста Посошкова И. Т.». См.: *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. Издательский дом «Экономическая газета». М., 2001; К 350-летию со дня рождения русского экономиста Посошкова И. Т. (1652–1726). Материалы заседания Постоянно действующего Круглого стола «Экономический рост России». Москва, 20 ноября 2002 г. // Научные труды международного союза экономистов и Вольного экономического общества России. Т. 12 (40). М., СПб., 2003. С. 135–179.

страны. Мерилом же богатства страны и государства является не богатство государственной казны и правителей, а богатство и благоустройство народа: «...в коем царстве люди богаты, то и царство то богато, а в коем царстве будут люди убоги, то и царству тому не можно слыть богатому». (С. 93.) Эта мысль публициста выходила за ограниченные пределы представлений экономистов XVII–XVIII вв. о богатстве. У Посошкова воплощением «изобильного богатства» являлась совокупность не денежных средств казны, а «домовых внутренних богатств» каждой семьи. Какие же, по Посошкову, главные условия обретения всеобщего процветания? Их несколько. Первое и главное среди них — жить по правде, христианским заповедям, любви друг к другу, с «неколебимым постоянством яко в благочестивой вере, тако и во всяких делах». Таким образом, на первом месте, как условие и цель процветания, стоит «невещественное богатство», «снискание правды»: «Паче же вещественнаго богатства надлежит всем нам обще пещися о невещественном богатстве, то есть о истинной правде». Без духовной составляющей, по убеждению Посошкова, достижение вещественного (материального) благополучия как отдельных людей, так и общества невозможно. Более того, духовное оскудение и «древнее богатство отончевает и в нищету приводит...» (с. 47), то есть утрата духовной составляющей ведет к неправде и, как следствие, к скудости. По замечанию современного ученого-экономиста, «Посошков рассматривал духовные начала и духовное развитие не только как фактор экономических и социальных отношений, но и включал их в ткань этих отношений»[16].

Позднее идею невозможности экономических успехов без этики и духовной культуры в русской философской мысли отстаивали Н. Бердяев, Вл. Соловьев, о. С. Булгаков и другие. Они подчеркивали, что высшие цели жизни не экономические и не социальные, а духовные. У истоков этих воззрений стоял И. Т. Посошков. Он впервые ясно и четко сформулировал идею духовной составляющей понятия богатства и хозяйственного развития. Примечательно, что сделал это представитель предпринимательских кругов России.

[16] См.: К 350-летию со дня рождения русского экономиста Посошкова И. Т. (1652–1726). Материалы заседания Постоянно действующего Круглого стола «Экономический рост России». (Выступление Л. В. Никифорова.) С. 141.

В дальнейшем эта идея, вытекающая из системы православных ценностей, стала важным элементом ментальности отечественных предпринимателей.

Непременным условием достижения народного богатства и благополучия для Посошкова является устранение «напрасной скудости». Не скудости вообще, а именно «напрасной», т. е. той, которой можно избежать — за счет истребления неправды, искоренения воров, «всяких разных явных и потаенных грабителей», разбойников, неправого судейства, скудости по причине нерадения, лености, упущения, бесхозяйственности. Антиподом этому выступают бережливость и рачительность — как по отношению к природным богатствам, так и к казенным средствам, и к людям — солдатам, крестьянам, купцам.

Посошков приводит совершенно замечательное сравнение, отмечая, что подобно пчеле, которая «муха весма не велика и собирает она мед не карчагами, но самыми малыми крупицами», а в результате усилий множества их собираются многие тысячи пудов меда, также и «царство может весма обогатитися», ежели все люди «будут жить бережно» и рачительно. (С. 102.) Для аграрной России, расположенной в зоне рискованного земледелия (плодородные земли Северного Причерноморья Россия получила и начала хозяйственно осваивать только к концу XVIII в., а торговая выгода от обретения выхода к Балтике оставалась задачей дальней перспективы), разумная бережливость, рачительность, «бережливость без скупости» (Н. Есипов), богатство без расточительности, без роскоши, чтобы напрасно ничего не пропадало, были крайне актуальны. В этом отношении примечательна оговорка, сделанная Посошковым при определении, что есть «царственное богатство». В доношении к Петру он писал: «то самое царственное богатство, чтобы весь народ по мерности своей богат был». Чем же определялась мера? «Домовыми внутренными своими богатствы, а не внешними одеждами или позументным украшением», то есть теми возможностями, которыми обладало собственное хозяйство. (С. 47.) Итак, духовное начало определяет разумность накопления и умеренность расходования вещественного богатства. В этом суть положения Посошкова о богатстве. Но хозяйственный прибыток с помощью различных способов может быть повышен. Их перечень велик — осуществление межевания земли, а следовательно, ее учет; изменение податной системы; нормирование и регламентация частновладельческих ра-

бот и платежей крестьян, поощрение их неземледельческих промыслов; укрепление экономического положения купцов; защита отечественного предпринимателя от конкуренции со стороны иноземного торгового капитала, обеспечение его интересов при взаимоотношениях с казной (отсрочка при взыскании недочета казенных сборов), организация государственного кредитования купеческих промыслов, наконец, грамотность, профессиональная выучка и многое-многое другое. Каждый из этих вопросов, подробно и обстоятельно рассмотренный в «Книге...» Посошкова, имеет свою историю, далеко выходящую за петровское время.

Большинство вопросов было решено лишь спустя многие десятилетия, а то и не решено вовсе. Например, государственное кредитование коммерции, причем в ограниченных территориальных пределах, ведет свою историю с организации в 1754 г. Купеческого банка в Петербурге. Банкротский устав, принятый было в 1740 г. в регентство Анны Леопольдовны, менее чем через год после очередного дворцового переворота был изъят из употребления, а новый был принят лишь в 1800 г. А до этого продолжалось то, о чем писал Посошков, когда «за доимку двор и пожитки оберут, да оценив впол или в треть или в десятую долю, да и продадут и тако совсем его и разорят». (С. 94.) Посошков предостерегал от увлечения роскошью, заграничными безделками, покупка которых обогащает привозивших их в страну иноземцев и усиливает отток денег из страны. Русскому народу «надобно не парчами себя украшати, но надлежит добрым нравом и школным учением». (С. 131.) Эти идеи бережливости, борьбы с роскошью, проповедь скромности и умеренности, нравственности вполне созвучны настроениям «Домостроя» — очень популярного тогда сочинения XVI в. Легко увидеть, что и у себя в книге Посошков выстраивает будущую Россию в виде рачительного, рационально устроенного и бережно обновляющегося Дома.

В «Книге о скудости и богатстве» настойчиво проводится мысль о богатстве природных ресурсов России, которые требуют к себе бережного и рачительного отношения. Посошков проявляет заботу об охране лесов от истребления, настаивает на запрещении рубки молодого леса в степных местностях, доказывает необходимость разумного использования рек, озер: «Ныне многие жалуются на рыбу, глаголя: “плох де лов стал быть рыбе”. А отчего плох стал, того невыразумеют; <...> токмо оттого, что молодую рыбу выло-

вит, то не с чего и болшой быть». (С. 166–167.) Конечно, с тех пор как писал Посошков, добавилось немало новых факторов, сводящих на нет казавшиеся некогда безграничными природные ресурсы. Но рядом с ними все тот же неистребимый эгоизм человека, уничтожающего все под корень — и неспелые орехи, и не нагулявшую или идущую на нерест рыбу, и мальков, и леса, и реки, и озера...

Многократно подчеркивая огромные возможности, которыми обладает Россия для своего хозяйственного развития, Посошков главным принципом экономической политики делал хозяйственные интересы страны, выгоду отечественных производителей и торговцев. Он выступал за развитие торговых отношений с иностранными государствами, но предлагал только те товары покупать, без которых «пробыть не можно», а прочие их «затейки и прихоти» отставить, «дабы напрасно из Руси богатства не тащили». В целях привлечения денег в страну, по его мнению, следует увеличить экспорт готовых изделий, заменив ими вывоз сырья, в частности вывоз льна и пеньки заменить экспортом полотна и канатов: «Сие бо велми нужно, еже кои материалы, где родятся, тамо бы они и в дело происходили». (С. 145.) В России, по наблюдению Посошкова, имелись благоприятные условия для устройства мануфактур по производству тех товаров, которые пока привозятся еще из-за границы. Среди них природные богатства страны, обилие сырья, дешевизна продовольствия. «И чем им от наших материалов богатитися, то лучше нам, россианом, от своих вещей питатися и богатитися», — писал он. (С. 146.)

Учитывая заинтересованность иноземцев в российских товарах, Посошков предлагал удерживать цены на них на высоком уровне за счет организации купеческого «компанства»: «Сие странное дело, что к нам приехав с своими безделками, да нашим материалным товарам цену устанавливают нискую, а своим цену ставят двойную...» (С. 127.) Иноземцы, по свидетельству Посошкова, стараются действовать подкупом и взятками. И бояре, не ставившие купечество «ни в яичную скорлупу», за мелкую мзду предоставляли им выгодные контракты. Эти порядки при Петре I пресекли: «А ныне, слава Богу, монарх наш вся сия рассмотрел, и подлезть им уже никак». В своей совокупности предлагаемый им набор моделей ведения внешней торговли (от торгового экспансионизма на рынках Западной Европы до временного изоляционизма) с использованием как чисто либеральных, так и жестко консервативных методов был нацелен не

только на рост благосостояния России, но и на обретение ею уважения и признания в западном мире[17].

В отношении торговли Посошков писал: «А торг дело великое! <...> купечеством всякое царство богатитца, а без купечества никакое и малое государство быть не может». (С. 50.) Но он же выступал против всякого рода обманов в торговле: «...иные товары и самые плохие да, закрасив добрыми, продают за добрые и цену берут неправедную», отчего «незнающим людям великия пакости чинятца». (С. 123.) Посошков уверен, что впоследствии за их грех обманщики сами приходят в еще большее убожество и что ежели все торговцы «ни стара, ни мала, ни несмысленного не обманывали бы», то на все купечество и на его торг «благодать бы Божия воссияла <...> и Божие благословение почило бы». (С. 124.) В целях пресечения жульничества он предлагал во всех рядах учредить должности контролеров, у которых бы покупатели могли проверить качество, вес и цену товара; недобросовестных же торговцев — штрафовать и наказывать батогами или плетьми.

Посошков много говорит о пользе знаний, умений, профессиональной выучки, необходимости овладения грамотой всеми слоями общества, в том числе и крестьянами. В первой же главе о церковном правлении и духовенстве, определяя «священство» как «столп и утверждение всему благочестию и всему человеческому спасению», он требует от пресвитеров особых знаний книжного учения и разумения как необходимого условия роли пастыря и борца с ересью. Для того чтобы и военный люд был стеной и твердой защитой государству, нужно тщательное обучение войск, особенно меткой ружейной и пушечной стрельбе. Посошков предпочитает количественно меньшее войско, но отборное, хорошо обученное. Продолжительное и усердное обучение ремесленников рассматривалось им как первейшее условие производства качественных изделий.

Публицист выступает за законодательное обеспечение прав и интересов изобретателей («вымышленников»), чья деятельность дает новый стимул развитию ремесел, и обращает внимание на отсутствие условий, побуждающих мастеровых людей развивать свои уменье

[17] К 350-летию со дня рождения русского экономиста Посошкова И. Т. (1652–1726). Материалы заседания Постоянно действующего Круглого стола «Экономический рост России». (Выступление Д. Н. Платонова.) С. 147.

и навыки. Напротив, скудное жалование казенных ремесленников склонит их к краже, «ко всякой неправде и о мастерстве к нерадению». По этому поводу автор обрушивается на нерадивость и близорукость властей и правителей, которые «за кроху умирают, а где тысячи рублев пропадают, то ни во что поставляют, и неданием полнаго кормления у руских людей охоту и к мастерству прилежание тем пресекают и размножитися доброму художеству не допускают». (С. 143.)

Посошков не отказывается от разумного заимствования иноземных достижений в различных областях. При составлении нового Уложения он предлагает использовать лучшее, что имеется в западноевропейских законах. Он признает полезным приглашать на русскую службу знающих и «радетельных» иноземцев. Но вместе с тем он указывает на необходимость наблюдать за всеми их делами «пронзительным оком».

Целый ряд идей и предложений Посошкова соответствовал мерам, осуществляемым правительством Петра I в области экономики, социальных отношений и культуры. Но были среди них и значительно более радикальные, чем те, что проводила власть. Так, при всей готовности Петра I ради решения общегосударственных задач идти на ущемление узкосословных интересов всех слоев общества, включая дворянство, взаимоотношения помещиков с собственными крестьянами не подлежали государственному регулированию и вмешательству. Посошков же, напротив, доказывал не только право, но и обязанность государственной власти законодательно определить размер платежей и работ крестьян в пользу их владельцев. Это право вытекало из корневого общинного представления о том, что земля как творение Божие не является частной собственностью, а потому владеть ею может лишь государь. Осуществление предложения Посошкова означало бы значительный шаг на пути ограничения крепостнической эксплуатации. Впервые верховная власть предпримет некие шаги в этом направлении лишь в 1797 г. — изданием Павлом I указа, запрещавшего помещикам принуждать крестьян к работам в воскресные и праздничные дни и рекомендовавшего им ограничить барщину тремя днями в неделю.

Признавая исключительную роль закона в жизни государства и общества, Посошков особый акцент делает на составление «правосудной книги» или нового Уложения. Сама идея выработки нового свода законов (взамен во многом устаревшего Уложения царя

Алексея Михайловича 1649 г.) не была нова или оригинальна. И при Петре I, и в последующие царствования предпринимались неоднократные попытки ее реализации, а специально создаваемые для этого уложенные комиссии работали почти непрерывно. В отличие от таких комиссий, где заседали назначаемые правительством чиновники, Посошков для составления проекта нового Уложения предлагал созвать депутатов от всего населения, включая крестьян и солдат. Демократизм его проекта особенно удивителен при учете того факта, что Земские соборы как органы сословного представительства к тому времени, когда Посошков писал свою «Книгу...», не собирались уже без малого 80 лет, а Уложенная комиссия, составленная из депутатов от разных сословий, но значительно более узкого круга, была созвана лишь в 1767 г. Другая, на этот раз вполне оригинальная идея, не имеющая аналога в допетровской России, дополняет его предложение «общесоветия». Проект новой «судебной книги» подлежит испытанию на практике таким образом, чтобы каждый, независимо от чина, мог внести в него свои поправки и предложения. В результате освидетельствование Уложения «вольным голосом» выливалось в его всенародное обсуждение. Созданный таким «совершенным общесоветием» основной закон затем поступал на рассмотрение и утверждение царя. По убеждению Посошкова, всеобщее обсуждение необходимо, потому что «Бог никому во всяком деле одному совершеннаго разумения не дал, но разделил в малые дробинки, комуждо по силе его». (С. 97.) Исключения, надо полагать, не составлял и царь. Поэтому «общесоветие» никак не умаляет самодержавную власть царя, который «как чему повелит быть, так и подобает тому быть неизменно, и ни мало ни направо, ни налево неподвижно». (С. 200.) К тому же «общесоветие» используется лишь однажды для составления нового Уложения в целях наилучшего удовлетворения народных нужд.

Свободное изъявление мнения на этапе обсуждения «судебной книги» у Посошкова сочетается с безусловным и полным подчинением всех и каждого указам государя, любой власти вообще. Малейшая попытка неповиновения должна жесточайшим образом пресекаться и наказываться. Нарушение уставов, указаний начальства всех рангов расценивается им как своевольство и гордость. Такое отношение к власти вытекало из безусловного признания им за государством решающей роли в развитии общества.

«Книга о скудости...» полна жизненных зарисовок с натуры, обобщенных до характеристики явления. Она написана человеком, остро чувствовавшим всю нескладность и неустроенность российской жизни, задавшимся гуманной целью искоренения «непотребных противностей» и «неисправностей». Иные из них настолько с тех пор укоренились, что относящиеся к ним реплики и предложения Посошкова кажутся написанными как бы про сегодняшний день. Вот, например, его суждения о воинской службе: «...надобно служилой люд беречи, чтобы их нужда ни хлебная, ни одеждная не касалася...». Ибо скудость средств, отпускаемых на содержание солдат, провоцирует среди них воровство и дезертирство: «И в таковой скудости живучи, как ему и не своровать и как ему и с службы не бежать?» (С. 73, 49.) Не менее злободневно звучит и другая мысль публициста: «...всячески надобно подщатися, како бы пиянства из народа поубавити». (С. 209.) Подобных (актуальных для всех эпох российской истории) высказываний — масса.

В отличие от «прожектов» профессиональных «прибыльщиков», чей энтузиазм был направлен сугубо на изыскание новых источников доходов казны и подогревался собственным их денежным интересом, Посошков мыслил значительно масштабнее и абсолютно бескорыстно, «не себя ради». Обновление России, обогащение и прославление россиян — вот что было главной целью предлагаемых им реформ. Позднее идея бескорыстного служения Родине и общественной пользе станет необходимым слагаемым формировавшегося в XVIII столетии высокого понятия «патриот». Таким патриотом в истинном понимании этого слова и был Иван Тихонович Посошков.

* * *

В историографии «Завещание отеческое» оказалось в тени «Книги о скудости и богатстве» — бесспорно, лучшей работы Посошкова. Историки обычно связывали этот памятник с традицией древнерусской литературы, идущей от «Домостроя», подчеркивая консерватизм религиозной и нравственно-этической концепции автора. Между «Книгой о скудости и богатстве» и «Завещанием отеческим» нет неразрешимых противоречий. Более того, они органично связаны друг с другом. Е. М. Прилежаев справедливо заметил, что в одном произведении Посошков выступает как гражданин, а в дру-

гом — как истинный христианин и достойный сын церкви[18]. Но это две стороны личности одного человека. На фоне «Книги о скудости и богатстве» «Завещание отеческое», фундаментальный труд, дошедший до нас в оригинале, выглядит незаслуженно обойденным. К нему редко обращались исследователи. До сих пор не написано специальных крупных исторических работ, посвященных «Завещанию отеческому». Великолепная публикация источника, подготовленная Е. М. Прилежаевым и вышедшая в свет в 1893 г., до сего времени остается первой и последней.

Почему сложилась такая ситуация? Кто виноват и есть ли вообще виновные? А. Г. Брикнер и А. А. Царевский обличали Посошкова в двуличии, подчеркивали сочетание в его мировоззрении передовых общественно-экономических идей с религиозным фанатизмом, внешней обрядностью и домостроевскими понятиями. Не следует подходить с «презумпцией виновности» ни к Посошкову, ни к его сочинению. Они отразили эпоху в увиденном автором многообразии, и не их вина, что еще не нашлось историков, способных оценить написанное. К сожалению, последние чаще всего исходили в своих оценках из того, какими могли бы быть (а не были) нравственные критерии и представления передовых людей петровской эпохи. Другие из дошедших до нас сочинений Посошкова дают определенные основания для заблуждений такого рода. Поэтому исследователи рассматривают «Завещание отеческое» как бы свысока, не вписывая взгляды его автора в этическую систему XVIII в. и предшествующего столетия. Не учитывается и еще одно важное обстоятельство. Морально-этические взгляды входят в систему формирующейся русской культуры Нового времени со всеми присущими ей особенностями и противоречиями[19]. Поэтому, оценивая идеалы «Завещания отеческого», следует исходить не из новаций петровского времени, а из православного вероучения и традиций русской жизни. Хотя произведение обращено к сыну, Посошков изложил нравственные правила христианской жизни в отношении к церкви, государству,

---

[18] *Прилежаев Е. М.* Предисловие // Завещание отеческое. С. IX.

[19] См.: *Краснобаев Б. И.* Основные черты и тенденции развития русской культуры в XVIII в. // Очерки русской культуры XVIII века. Часть первая. М., 1985.

обществу, семье, приемлемые для любого православного русского человека.

Посошков по воспитанию, образованию, образу жизни и мировоззрению был прежде всего православным христианином. Нравственные воззрения, нормы и правила поведения человека в обществе строятся в «Завещании отеческом» в строгом соответствии с христианской, а точнее, православно-христианской моралью. Посошков начинает с наказа сыну твердо держаться «церкви Христовой» и православной веры: «в каком законе родился, в том и пребывай», остерегаться ересей и других «иноземческих учений». (С. 220.) Отец призывал сына стоять на «недвижимом камне» веры «древнего благочестия», данного Богом и законами, утвержденными Вселенскими соборами.

Правоверный христианин в своем поведении должен следовать евангельским заповедям. «Возлюби Господа Бога твоего, возлюби ближнего твоего, как самого себя, почитай отца и мать, не кради, не лжесвидетельствуй, не прелюбодействуй» — эти и другие заповеди христианства составляют для Посошкова краеугольные камни бытия и главные принципы общественного и личного поведения. В средневековой этике, религиозной по своей сути, они воспринимались как заповеди Бога. Нравственные нормы в христианстве нравственны уже в силу своего божественного происхождения. Бог — моральный абсолют, недостижимое для человека совершенство, «человекам это невозможно» (Мф 19:26). Человек греховен, «все под грехом <...> нет праведного ни одного» (Рим 3:9–10), поэтому его удел — вера в Бога и покаяние. Посошков предлагает православному христианину почитание Бога, молитвы и христианскую благотворительность как верный путь совершенствования. Истинное богатство для христианина — не вещественная категория, а стяжание святого духа, обогащение души, а не тела. «Не ищи богатства временного, а ищи богатства вечного», — учит Посошков сына. (С. 317–318.) Не стремись к богатству, не позволяй ему властвовать над тобой, отчего происходят гордость, тщеславие, сластолюбие. Но, если так случится, что будешь богат, не скупись на милостыню бедным и помощь церкви.

«Завещание отеческое» позволяет представить повседневную религиозную жизнь русского человека, которая выражалась в молитве во время церковных служб и дома, благоговении к храму, почита-

нии икон, отношении к духовному отцу. На протяжении веков православный храм был не только местом, где совершалось богослужение. Для христианина храм представлял уменьшенную копию Вселенной, символ взаимосвязи неба и земли. Храмовое пространство — это место, где человек приобщался к макрокосмосу, постигал нравственные ценности. Прав был Е. Н. Трубецкой, писавший о православном храме: «Это гораздо больше, чем дом молитвы, — это целый мир, не тот греховный, хаотический и распавшийся на части мир <...>, а мир, собранный воедино благодатью»[20].

В наставлениях Посошкова нельзя не заметить отпечатка личного опыта, собственного понимания долга христианского молитвословия. За внешним порядком молитвенной обрядности лежат искреннее проявление христианской любви к Богу и всецелая преданность воле Божьей. Долг христианской молитвы был для самого Посошкова глубокой внутренней потребностью и неотъемлемой частью его личности. Подробные рекомендации о том, как молиться, класть поклоны, вести себя в церкви, почитать иконы, отражали сложившиеся традиции бытования православия в среде наиболее ревностных христиан.

Посошков написал для сына своеобразное пособие с изложением основ православия, толкованием молитв и объяснением богослужения. При этом он предостерегал от следования только внешней обрядности: «А аще и будеши молиться яко вне ума своего, и о чесом молишися языком, а ума своего в ту молитву не простреши и мысли своея на небо к Самому Богу не возведеши, то ты будеши яко бездушный бубен: что гремиши, того и сам не ведаеши. Бог бо ту токмо молитву приемлет, которую человецы от всего своего сердца и от всего помышления на небо возводят с богомыслием». (С. 304.) Молитва должна вызывать в сердце молящегося благоговейные чувства к Богу — преданность, благодарение, самоуничижение, сокрушение о грехах, покорность воле Божьей. Для достижения этого молитвенного состояния Посошков советовал отдаваться молитве всем сердцем, не отвлекаясь на привычные мысли и дела.

Иван Тихонович внушал сыну, что непосредственным его руководителем в жизни должен быть духовный отец, перед которым «буди не яко сын пред отцом своим родным, но яко раб пред гос-

---

Трубецкой Е. Н. Три очерка о русской иконе. М., 1991. С. 101.

подином своим покорен, и низок тако, яко самый последний человек»; напоминал о долге православного христианина несколько раз в год исповедываться и причащаться. (С. 265, 266, 270.)

С осуждением относился Посошков к некоторым новым порядкам: появлению в церкви прихожан, стоящих опершись на трость, в парике, с саблей или шпагой. В этом он усматривал иноземное влияние, которое насаждало религиозное вольномыслие, в том числе и протестантизм. Немало страниц в «Завещании отеческом» посвящено обличению Мартина Лютера, который — «еретик из еретиков», проповедник безнравственности. Посошкова возмущало, что «люторство» ставит свои «толки» выше учения Господа и его учеников апостолов, а лютеране следуют «своевымышленным» новым законам своего лжеучителя.

Неприятие веры для Посошкова означало и неприятие в определенной степени чужого образа жизни, культуры, знаний. Богопротивным умствованием он называл мысль Коперника о движении земли вокруг солнца («проклятый Коперник, Богу суперник»). (С. 328.) В таком восприятии нет ничего удивительного: система Коперника не была в начале XVIII в. общепризнанным научным учением.

В оценке иностранного опыта Посошковым отразилось народное восприятие новаций петровского времени. «Немцы, — считал он, — они нас обманывают, да денги у нас выманивают, а самые правды никогда нам не скажут». Такой взгляд, основанный на собственном жизненном опыте, не отрицал использования лучших достижений Запада: покупать не безделицы, а то «без чего нам пробыть немочно». (С. 259.) В этом вопросе у российского купца Ивана Тихоновича Посошкова было развито чувство не просто личного, но национального достоинства: «Много немцы нас ушлее науками, а наши остротою <...> не хуже их»; «иноземцы не с небеси пришли, но такие ж люди, яко и мы, всему тому навычка, да добрая расправа», — писал он еще в самом начале XVIII в.

По мнению Посошкова, вступивших на путь измены христианской вере следовало строго наказывать, вплоть до предания огню. Особенно суров он был к раскольникам, предлагая даже останки их подвергать поруганию: «А буде кости их останутся, то разбив их, паки изжечь, чтобы в пепел претворились; и тот пепел в помет человечь вмесить, или в непроходимое болото разъвеять, чтобы ученикам их собрать и во святые мощи причести им было невоз-

можно». (С. 382.) Не стоит обвинять Посошкова в излишней жестокости. Как сын своего века, он хорошо знал, что сожжение заживо было распространенным наказанием за преступления против веры, широко применявшимся с последней четверти XVII в. Смертная казнь не была для людей петровской эпохи чем-то необычным. В Воинском уставе (1716) она упоминалась в 179 случаях.

Христианское мировоззрение, отличавшееся удивительной цельностью, представляло человека как некий микрокосм, «малый мир», частицу макрокосмоса, устроителем которого являлся сам Господь Бог, Вседержитель. В земном мире государство, церковь и семья были связаны неразрывно. Государство воздвигалось на надежном основании — семье, на которой строилось общественное и личное благополучие. Традиционные нормы поведения, определявшие отношения супругов, родителей и детей и другие внутрисемейные отношения, диктовались христианской моралью.

Как гласила народная мудрость, воспитание ребенка надо начинать от «юной версты», пока он лежит поперек лавки. Родительские обязанности — важнейший долг перед Богом и государством. Посошков сокрушался по поводу того, что в России родители мало задумываются о воспитании в своих чадах благонравия, причиняя тем самым великое зло не только себе и детям, но и государству. Он был сторонником жестких воспитательных мер. Детей следует строго наказывать, не давать им «потачки», держать в страхе божьем и «в великой грозе»; только в таком случае из них вырастут добрые и достойные люди, почитающие родителей. (С. 255–257.) Пожалуй, в этих рекомендациях Посошков ни на шаг не отступал от «Домостроя». На уровне средневекового мышления и его взгляд на ребенка как на маленького взрослого, который должен постоянно быть занят полезным делом, а не забавляться играми. Однако невозможно не согласиться с мнением Посошкова о том, что с ранних лет ребенка нужно приучать к труду, терпению, умеренности.

Юность полна искушений. Юноше трудно сохранить нравственную стыдливость, целомудренную скромность и чистоту, присущие неиспорченному детству. Поэтому так важно предостеречь его от чувственных соблазнов и раннего грехопадения — всего того, что делает человека чуждым святого и возвышенного. Посошков учил сына с малых лет воспитывать в себе в отношении к людям кротость, услужливость, доброту, терпимость, осмотрительность в сло-

вах и поступках. «Чтобы никакова человека ти не оскорбити чем; но всякому человеку, еще другу, аще и не другу, аще кого знаеши, аще и не знаеши, и аще с киим человеком и век не видатися, обаче всякому делай добро», — таков отцовский наказ. (С. 234.) На простых примерах отец показывал сыну, что главное предназначение человека состоит в том, чтобы творить добро, не нарушать созданную Богом гармонию. Из малого может родиться большое, из поступков вырабатывается характер. Не руби напрасно в лесу деревьев, не обращайся жестоко с животными, и «егда научишися миловати скоты, то уже устыдишися не миловати человеки, но во всяких им нуждах будеши способствовати». (С. 232.) Еще один отцовский совет — быть умеренным в еде и питье, поскольку «пьянство не токмо едино здравие, но и ум вреждает и всякое безчестие наводит, и в самое убожество приводит». (С. 262.)

С особым благоговением относился Посошков к книгам, считая, что их следует почитать как иконы, читать «неборзостно и с прилежным вниманием», делая выписки наиболее важных мыслей из Божественного Писания. (С. 337.) Именно таким образом было составлено им самим «пополнение» к «Завещанию отеческому». Враг праздности, Посошков рекомендовал сыну не сидеть без дела: или заниматься каким-нибудь ремеслом, или читать, или молиться.

Посошков как любящий отец, желая сыну счастья в браке, особое внимание уделял выбору жены. Он советовал искать невесту в своем кругу, не богаче себя («жена честна мужем, а не муж женою»); обращать внимание на красоту духовную, а не телесную. Посошков выступал против унижающих девушек смотрин («девица такой же человек, яко и ты, а не лошадь»). Живя с женой, смотреть на нее не как на работницу, а как на помощницу и добрую советчицу мужа в делах «домовых». (С. 236, 267–268.) Брак — дело святое, а не «лакомство блудное», цель его — создание крепкой семьи и рождение здоровых детей. Эти, казалось бы, простые истины Посошков настойчиво внушал молодому человеку. Его возмущали некоторые старинные русские свадебные обряды, связанные с первой брачной ночью. Он строго наказывал сыну и его избраннице следовать полному плотскому воздержанию в венчальный день, чтобы божественная благодать действительно снизошла на их брачный союз. Напоминая сыну о святости семейных уз, отец наставлял молодых супругов хранить в браке верность и чистоту телесную.

Усвоение системы знаний, норм и ценностей, иначе говоря — социализация, включает и образование. В феодальном обществе функции социализации сводятся к сохранению и воспроизводству существующих общественных отношений в рамках определенных сословий и сословных групп. В «Завещании отеческом» дается традиционное представление о программе обучения молодого человека из купеческой среды. Посошков считал, что начинать следует с изучения славянской грамоты, грамматики и цифири (до деления включительно), затем переходить к освоению греческого или латинского и польского языков, чтобы иметь возможность читать ученые книги, не противные вере и благочестию. Обязательным Посошков полагал приобретение навыков рисования, «ко всякому бо художеству рисовалное дело присутственно и зело потребно». Завершать учебу следовало овладением каким-либо «художеством» (ремеслом) в зависимости от склонностей ученика. (С. 258.) Предложенный Посошковым путь выдержан в духе лучших образцов обучения XVII столетия.

В результате социализации молодые люди усваивали ценностную ориентацию тех сословных групп, к которым они принадлежали. Корпоративная мораль диктовала свои представления о долге и чести. Посошков считал долгом купеческого сына продолжить дело отца. Он высоко оценивал роль торговли и купечества в экономике страны («без купечества никакое, не токмо великое, но и малое царство стоять не может»), пытался найти купечеству достойное место среди других сословий («купечество и воинству товарыщь»), переживал приниженное по сравнению с дворянством положение купечества в обществе («бояре не ставили купечества ни в яичную скорлупу, бывало, на грош все купечество променяют»). (С. 120.) Принадлежность к определенной сословной группе способствовала формированию внутрисословной, корпоративной солидарности, укреплению чувства собственного достоинства. Не чуждо все это было и самому Посошкову. «И я, кажется, и не последний человек», — не без гордости писал он, вспоминая горестный эпизод из своей жизни, связанный с незаконным содержанием его целую неделю под караулом. Посошков сокрушался о том, что если так поступили с ним, человеком, лично знакомым с Дмитрием Михайловичем Голицыным, президентом Камер-коллегии, то насколько беззащитны от судебных злоупотреблений были менее известные и состоятельные купцы («коего мизерного посадят, да и забудут»). (С. 78.)

Главной добродетелью купца Посошков считал честность, которая выражалась в твердом купеческом слове, использовании «правых и верных» мер и весов, определенных профессиональных норм поведения и правил торговли («товаров плохих не называй добрыми», «чужого товара доброго не нарицай худым», «росплатою не волочи», «у росплаты денег из договорные цены не отворачивай»). (С. 351, 352.) В условиях рыночной конкуренции держаться достойно: не переманивать к себе чужих покупателей, не скрывать реальное качество товара, то есть всегда и во всем, даже в ущерб своей торговле, быть честным.

В «регулярном» государстве каждый человек должен был принадлежать своему «чину», в соответствии с которым быть на своем месте и исполнять свои обязанности. Идея сословного деления общества пронизывает представления Посошкова. Он полагал, что русским людям подобает себя украшать не золотом, серебром или париками, а воинству — храбростью, судьям — правосудием, купцам — «нелестным» товаром и «неподвижным» словом, духовенству — верою, «книжным учением, риторским и философским разумом». (С. 259.) Его рассуждения в «Завещании отеческом» не могли, естественно, отражать всей сложности социальной структуры русского общества первой четверти XVIII в. Но они интересны тем, что понятие «сословие» было для современников довольно широким по содержанию, «всякая группировка, всякое занятие, всякая профессия» могли рассматриваться как сословие[21]. Посошков считал возможным переход из одного сословия в другое. Он допускал, что если сын разорится, то ему придется стать крестьянином, а если ему повезет, то офицером, подьячим или даже архиереем. Независимо от рода занятий Посошков советовал сыну строить жизнь в строгом соответствии с христианской моралью, включая и золотое правило нравственности — «не твори людям, чего себе не хочешь».

Исходя из богатого личного опыта, Посошков знал, что в жизни надо быть готовым к любым испытаниям. Первый его совет на все времена: чтобы ни случилось, не впадать в уныние и отчаяние, искать честные пути выхода из трудных положений. Отец представил сыну возможные ситуации, связанные с изменением его купеческого ста-

[21] См.: *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М., 1987; *Хейзинга Й.* Осень средневековья. М., 1988.

туса. Болезнь или другие обстоятельства могут довести до разорения, тогда «возложи суму и не гнушайся нищетою». Посошков рассуждал как христианин: нищета и богатство даются от Бога (Сир 11:14), нищие имением и духом получат воздаяние от Господа (Мф 5:3). Оказавшись на положении холопа, в «рабском житии», служи верно господину, кто бы он ни был, честно и добросовестно работай на него, не поддавайся никаким искушениям в господском доме, и Господь не оставит тебя. Если придется трудиться по найму, землекопом или бурлаком, «работай без лени и лукавства» в будние дни, а в воскресные — посещай церковь. Став крестьянином, работай на помещика так, как на себя. Не ропщи на Бога, и в крестьянстве спасешься и достигнешь царствия небесного. С уважением и пониманием относился Посошков к труду ремесленника. Искусное мастерство, закрепленное личным клеймом мастера, выполнение заказов в срок, умение держать данное слово, профессиональная честность («аще золота возмеши, ни меди, ни серебра не примешивай») — таков перечень качеств, необходимых для занимающихся «художеством». (С. 348, 349.)

В петровское время Россия почти постоянно находилась в состоянии войны. Поэтому Посошков не исключал и того, что его сын может оказаться на военной службе солдатом или офицером. Долг военного человека — служить царю «всею правдою», храбро воевать с неприятелем, стойко переносить лишения, не притеснять мирное население. Офицер должен быть справедлив к своим солдатам, обучать их военному делу; солдат обязан подчиняться командирам, содержать в порядке оружие, научиться метко стрелять. В бою надо надеяться на свое умение стрелять, а не на «заговоренное» ружье. Посошков предостерегал сына от распространенного предрассудка: «Аще заговоры иметь будеши, то с Богом вражду возъимееши <...> И аще с теми заговоры убьют тебя, то будеши ты черту баран, и кровь твоя и з душею твоею ни за что погибнет». (С. 356.)

На гражданской службе особое внимание Посошков уделил подробному разъяснению обязанностей подьячего и судьи. В начале служебной карьеры подьячему следует быть всегда в канцелярии «неотлучным от дел», не отказываться от поручений старших по должности, не затягивать («не волочить») ведение порученных дел. С годами полученный опыт в приказном делопроизводстве употреблять только на богоугодные дела: «Ты так себя в приказных

делах поведи, чтобы все твои дела были праведны, а лукавства, или какие неправды, и следу в делах твоих не было бы. И аще тако будеши свои дела управляти, то тебе приказное сидение въместо скитьского жития будет». (С. 365.) Канцелярскому служителю, преодолевая немалые искушения, не согрешив перед Богом и людьми, трудно, но можно сохранить доброе имя.

Самой тяжелой из мирских служб Посошков считал судейство, которое требовало полной самоотдачи: «к судейскому правлению всю свою мысль приложи, и ни о доме своем, ни о вотчинах, ни о жене, ни о детях своих такова попечения не имей, яко о управлении судейском, како бы тебе людей Божиих разсудити в правду». (С. 370–371.) Он предложил целый устав гражданского и уголовного судопроизводства, с образцами речей судей к истцам, ответчикам и свидетелям. Многие мысли о судье и исполнении им служебного долга, высказанные в «Завещании отеческом», вошли в «Книгу о скудости и богатстве».

Посошков хорошо представлял жизнь белого и черного духовенства – от простого дьячка до архиепископа. Он допускал, что неудача на других жизненных поприщах может привести сына в пономари или дьячки, которые являлись низшими членами церковного причта. И хотя эти церковнослужители имели скудное пропитание, исполнять свои обязанности им следовало со смирением и терпением.

С благоговением и ответственностью он подходил к «презвитерскому» служению, считая это дело святым, данным не от земных властей, а от самого Бога. Священник (Посошков употреблял слово «презвитор») должен вступить на путь пастырского служения после подготовки к нему под руководством опытного наставника. Посошков учил сына-священника не допускать в своем приходском храме небрежности и торопливости в церковной службе; в некоторых церквях все еще сохранялись двоегласие и многогласие. Особое внимание он уделял общению пастыря со своими прихожанами во время исповеди, из которой священник узнавал об их духовно-нравственном состоянии, укреплял в истинах веры и правилах благочестия. Он предлагал священникам вести записную книгу, в которой фиксировать, какого числа, имени и чина человек был на исповеди, в каких грехах исповедовался, где родился, воспитывался и ныне живет, был ли причащен, и какая была не него наложена

епитимия. В своем приходе священнику следовало посещать прихожан на дому, следить за тем, как они живут, выполняют ли его наставления.

Важное место Посошков отводил проповеди, с которой священник должен был обращаться к пастве в воскресные дни, большие и малые праздники, а также в обычные дни, если на службе присутствует больше десяти человек. Отец советовал сыну строить свои пастырские поучения «по естественному разуму», поскольку «от философских и богословских учений не многим полза бывает, но паче от простого учения люди ползуются, понеже у нас люд простой». (С. 410.) Для подготовки самостоятельных проповедей Посошков рекомендовал сыну «Обед духовный» и «Вечерю духовную» Симеона Полоцкого, единственные в то время печатные сборники церковных проповедей. Со своей стороны он предлагал два собственных поучения; одно было направлено против раскольников, другое содержало толкование молитвы «Отче наш».

Если сын-священник овдовеет, то отец советовал ему поступить в монастырь. Посошков изложил правила иноческой жизни, проявив великолепное знание монашеского бытия и монастырского быта. В этом нет ничего удивительного. Посошков был знаком с московскими и новгородскими обитателями монастырей — от простых монахов до архимандритов. Переход в иночество означал не только отказ от мира, но и отречение от самого себя: «аще бо самого себя не сломиши, совершенный инок быти не можеши». (С. 430.) Отказ от мирской жизни предполагает истинное смирение и аскезу. В том случае если сын станет над братией игуменом или архимандритом, он должен строго соблюдать общежительный монастырский устав. Посошков выступал против стремления к роскоши, излишествам в еде, одежде, которые проникли в среду высшего духовенства. Глава монастыря должен был не только следить за поведением монахов, но и вникать в отношения с монастырскими крестьянами. В «Завещании отеческом» даны подробные указания, как строить крестьянские дворы, чтобы обезопасить их от пожара — с приложением двух планов. Эти предложения Посошков повторил в «Книге о скудости и богатстве» — в главе о крестьянстве.

Свои соображения были у Посошкова и относительно архиерейского служения сына. Глава епархии должен был, вступив на кафедру, лично познакомиться с епархиальным духовенством и выяснить по-

ложение каждого прихода, а затем предпринять поездки по епархии с целью ревизии монастырей и пересмотра состава монашествующих. Нравственный облик и поведение монахов и монахинь должны были стать предметом особого внимания со стороны архиепископа.

Посошков считал необходимым учреждение в епархиях училищ для подготовки презвиторов к пастырскому служению. Впервые он писал об этом Стефану Яворскому еще в 1704–1707 гг. Духовный Регламент (1721) обязывал епископов открывать при архиерейских домах школы для детей духовенства. Можно сказать, что это предложение было реализовано.

По мнению Посошкова, среди первостепенных дел архиерея были: защита сельских священников от произвола служащих архиерейских приказов и помещиков; борьба с пьянством среди черного и белого духовенства; розыск тайных раскольников. Для искоренения раскола рекомендовалось несколько способов: сжигать непримиримых раскольников, определять раскаявшихся под присмотр приходских священников, некрещеных детей раскольников крестить и отдавать в духовные училища. В качестве наиболее действенных мер для обнаружения тайных раскольников Посошков предлагал, во-первых, провести поголовную перепись всего населения епархии и составить подворные описи каждого прихода; во-вторых, при всех церквах завести записные книги (родильные, крестильные, исповедальные, причащальные, венчальные и погребальные). Свое мнение Посошков подкрепил образцами соответствующих книг и записей. Со временем многие из предложений этого проекта вошли в русскую церковную практику.

В «Завещании отеческом» был затронут еще один важный вопрос пастырского служения — обращение других народов, живущих в Российской империи, в православную веру. Миссионерская деятельность представителей русской православной церкви на землях чувашей, мордвы, вотяков, якутов, лопарей, чуди и других народов несла им христианство и письменность. В своих рассуждениях о том, какие средства употреблять для успеха христианской проповеди среди инородцев, Посошков продемонстрировал личное знакомство с этнографическими особенностями быта и обычаев народов Поволжья.

Как бы высоко ни был поставлен сын-архиерей, наказ Посошкова по-христиански прост: «Трудись апостольски, а не властелинъски.

Всякому делу буди предначинатель, а не перстоуказатель <...> за Божие дело, и за малое, стани, яко лев; или узриша человека, обидяща убогаго, стани за него подобне, яко же и за Божие дело». (С. 466, 467.) Таким нормам в своей жизни надлежало следовать каждому православному христианину, независимо от его сословной принадлежности.

В своем «снискании правды» Иван Тихонович Посошков твердо стоял на «камне» православной веры. Его правда неотделима от христианской морали — основы его мировосприятия и жизненной позиции. В понимании Посошкова завещание сыну означало передачу нравственных ценностей, традиций, норм, правил. Опыт старшего поколения должен предостеречь младших от ошибок, дать им надежные ориентиры, которые могут послужить опорой в жизни. Поэтому «Завещание отеческое» интересно в первую очередь с точки зрения донесенных традиций, а не новаций. Этическая концепция христианства формировала нравственные устои и идеалы: чувства общественного долга, личного достоинства, трудолюбие, честность. Бурное петровское время принесло немало перемен, затронувших разные стороны жизни. Но главное для Посошкова осталось неизменным — жить по христианским заповедям, способствуя тем самым процветанию государства Российского, благополучию своей семьи и личному благочестию. «..Я научился быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть в обилии и в недостатке. Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп 4:11–13). Может показаться, что это не слова апостола Павла, обращенные к филиппийцам, а исповедь русского человека Ивана Посошкова, православного христианина, патриота, предпринимателя, экономиста.

* * *

Настоящая публикация «Книги о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова подготовлена на основе первого научного ее издания, осуществленного в 1937 г. Б. Б. Кафенгаузом. Оно выполнено по так называемому Академическому списку, сделанному в 1752 г. для Академии наук по поручению М. В. Ломоносова. Рукопись имеет переплет из темной кожи с золотым тиснением орнамента, виньетки с государственным гербом в виде двуглавого орла и надписи:

«Посошков. О скудости и богатстве книга»[22]. Это самый ранний и в то же время наиболее тщательно выполненный и полный список «Книги о скудости и богатстве», подлинник которой не сохранился. В него включены отсутствующие во всех остальных списках титульный лист (в настоящем издании не воспроизводится) с полным заглавием книги и с упоминанием автора, а также оглавление на отдельном листе. Небольшие пропуски, явные ошибки и неясности, имеющиеся в списке Академии наук, были восстановлены и исправлены Б. Б. Кафенгаузом по другим спискам. В данной публикации они не выделяются, не оговариваются также и незначительные новые аналогичные замены. Более пространные пропуски, восстановленные по другим спискам, заключались в квадратные скобки. Имеющиеся в издании Кафенгауза постраничные археографические примечания и варианты разных списков опущены.

В настоящем издании тексту «Книги о скудости и богатстве», как и в издании 1937 г., предшествует доношение Посошкова Петру I, где он излагает основные задачи своего сочинения[23]. Известны два собственноручных плохо сохранившихся черновых варианта этого доношения. В данной публикации использована реконструкция текста, осуществленная Б. Б. Кафенгаузом на основании обоих вариантов.

В отличие от текстов XVIII в., с прописной буквы пишутся все имена Божии лиц Святой Троицы и слова Бог и Богородица, а также слова, производные и употребляющиеся вместо них (Боже, Божие, Господь, Спаситель, Пречистая Дева и др.).

Настоящая публикация «Завещания отеческого» подготовлена на основе издания этого сочинения под редакцией Е. М. Прилежаева (СПб., 1893). Поскольку Румянцевская рукопись полностью, а Синодальная в большей части являются автографами Посошкова, в основном сохранено его правописание. Оставлены следующие внесенные Прилежаевым изменения: 1) раскрыты титла; 2) окончания

---

[22] В Академическом списке сочинение И. Т. Посошкова называется «Книга о скудости богатстве». В других списках и источниках название несколько отличается: «Книга о скудости и о богатстве», «Скудость с богатством», «Книга скудости с богатством».

[23] Черновик доношения Посошкова Петру I впервые опубликован Г. Есиповым в 1861 г. в журнале «Русское слово» (№ 7).

слов, сокращенно обозначаемые над строкой, даны полностью в строке; 3) где нужно, вместо строчных, поставлены прописные буквы; 4) не сохранено слитное написание предлогов «в», «к», «с» со словами, но в ряде случаев «х», «з», «в» не отделены от слов; 5) оставлена пунктуация; 6) приписки над строками и на полях, а также заголовки и цитаты, написанные на полях, введены в текст; 7) оставлено выделение заголовков по рукописи. Настоящая публикация отличается от издания 1893 г.: 1) не сохранены ударения над словами; 2) опущены постраничные примечания археографического характера; 3) не сохранены «ять», «і», «ъ» в конце слова; 4) в середине слова и в приставках «ъ» сохранен; 5) «ь» в середине слов сохранен даже в тех случаях, где в настоящее время он не ставится; 6) не печатается знак «указующая рука» на полях, имеющийся в Румянцевском списке.

Подготовка текстов и комментарии «Книги о скудости и богатстве» — Н. В. Козловой, «Завещания отеческого» — Л. Н. Вдовиной.

Н. В. Козлова, доктор исторических наук,
Л. Н. Вдовина, кандидат исторических наук

И. Т. ПОСОШКОВ

ИЗБРАННОЕ

Всепресветлейшему державнейшему имъператору и самодержцу всероссийскому, Петру Великому, Отцу Отечествия[1], *государю всемилостивейшему.*

ДОНОШЕНИЕ

В российском народе присмотрих отчасти, яко во владущих судиях, так и в подвластных многое множество содевающияся неправды и всяких неисправностей.

И того ради возжелах пред очи твоего имъператоръского величество о достоверны и слышанных и о мнимых делах предложити по мнению своему изъявление.

И на оныя неправды и неисправности, елико мне Бог даровал, мнения своего изложение ко исправности тех неправостей и неисправностей трекратное трекратие предлагаю, а имянно: Первое трекратие о неисправе и поправе духовенства, воинъства и правосудия. Второе трекратие о неисправе и поправе купечества, художества и разбойников з беглецами. Третие трекратие о неисправе и поправе яко во крестьянех, тако и во владении земли безобидном и о собрании царскаго интереса многогобзовитаго.

И на тое тречислие написах трелетним своим трудом книжицу и нарекох ю «Книга скудности и богатъства», понеже имеет в себе изъяснение, отчего содевается напрасная скудости и отчего умножитися может изобильное богатство. И притом предложих мнением своим, како бы истребити из народа неправду и неисправности и како бы насадити прямую правду и во всякых делех изсправление и како бы водрузити любовь и безпечное житие народное.

И тако мнение мое о помянутых делех лежит, аще Бог милостивно призрит на не и ваше императорское величество по настоящему царскаго правления благоволит въступити в ня, то я без всякаго сумнения могу рещи, еже на киждо год при нынешних зборех на малой пример [собр]ания казны в царская сокровища миллиона по три приходити будет.

[А буде твердо] устоят тая новая расположения, то легко будет собиратися и по шти миллионов на год. [А буде вся] изъявленная дела прямо установятся и твердо вкоренятца без уятия пред..., то будет собиратися миллионов и по десяти или и болши на всякой год.

[И аще ни]когда изменения тем новорасположенным делам не будет, то год от году [богатство] яко царское, тако и всенародное умножатися будет.

...[вра]жды и обиды вси истребятца и надеюсь на всещедраго Бога, что аще волею [или неволею], обаче разные чины яко военные афицеры с простым народом будут... высокомнимые дворяня могут претворитися в кроткия [овчата и будут иметь] любовь и с простым народом, понеже вси единые державы люди есмы. [А егда правда вкоренитца и] любовь в людех утвердится, то мочно разумети, что Бог на всех [нас призрит милостивым своим] призрением и прославит нас во весь свет славою... восхощет, понеже вся слава и богатство в его суть руце Божией.

Прошение же мое величеству твоему предлагаю токмо еди[но], еже б желание мое в дело произвелось, иного ж ничесого не требую, токмо да не явится мое имя ненавистливым и завистьливым людям, паче же ябедникам и обидникам и любителем неправду, понеже не похлебуя им писах. А еще уведят о моей мизирности[2], то не попустят мне на свете ни малого времени жить, но прекратят живот мой. Обаче буди в том воля Бога моего и воля твоего императорскаго величества, яко ти Бог, всевидящее око, во сердце положит и Дух Святый наставит, тако и да будет. Ведает про то Бог, что не себя ради потрудихся в нем, но токмо от вложения в мя от Бога ревности потрудихся.

Доносит о сем величества вашего всенижайший раб Иван Посошков, пиша своеручно.

КНИГА[1] О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ

СИ ЕСТЬ ИЗЪЯВЛЕНИЕ ОТЧЕСОГО ПРИКЛЮЧАЕТСЯ НАПРАСНАЯ СКУДОСТЬ И ОТЧЕСО БО ГОБЗОВИТОЕ БОГАТСТВО УМНОЖАЕТСЯ

Аз, мизирный его императорскаго величества рабичищ, мнение свое сицевое предълагаю о собрании царских сокровищ, сице, еже верным его величества рабом тако подобает пещися, еже бы елико о собрании казны старатися толико и о еже бы и собраное туне не погибало, и не токмо собраннаго, и несобраннаго прилежно смотрети, дабы даром ничто нигде не лежало и не погибало.

Подобное и о всенародном обогащении подобает пещися без унятия усердия, дабы и они даром и напрасно ничего не тратили, но жили бы от пьянственного питья воздержнее, а и во одеждах не весма тщеславно, но посредственно, чтобы от излишняго украшения своего, наипаче же жен своих и детей, в скудость не приходили, но вси бы по мерности своей в приличном богатстве разширялись.

Понеже не то царственное богатство, еже в царской казне лежащия казны много, нежели то царственное богатство, еже сигклит[3] царского величества в златотканных одеждах ходит, но то, самое царственное богатство, еже бы весь народ по мерностям своим богат был самыми домовыми вънутренными своими богатствы, а не внешними одеждами или позументным украшением, ибо украшением одежд не мы богатимся, но те государства богатятся, из коих те украшения привозят к нам, а нас во имении теми украшенми истосчевают. Паче же вещественнаго богатства надлежит всем нам обще пещися о невещественном богатстве, то есть о истинной правде. Правда отец Бог, и правда велми богатство и славу умножает и от смерти избавляет, а неправде отец диавол и неправда не токмо въновь богатит, но и древнее богатство отончевает и в нищету приводит и смерть наводит.

Сам бо Господь Бог рек (Матфия, глава 6, стих 33): «Ищите прежде Царства Божия и правды его», и прирече, глаголя, «яко вся приложатся вам» (то есть богатство и слава). По такому словеси Господню подобает нас паче всего пещися о снискании правды, а егда

правда в нас утвердится и твердо въкоренится, то не можно царству нашему росъсийскому не обогатится и славно не возвыситися.

То бо есть самое царству украшение и прославление и честное богатство, аще правда яко в великих лицах, тако и в мизирных, она насадится и твердо вкоренится и вси яко богатии, тако и убозии, между собою любовно имут жить, то всяких чинов люди по своему бытию в богатстве доволни будут, понеже правда никого обидить не попускает, а любовь принудит друг друга в нуждах помогати. И тако вси обогатятся, а царския сокровища со излишеством наполнятся и, аще и побор какой прибавочной случится, то, не морщася, платить будут.

И аще великий наш монарх Петр Алексеевич, по данной ему от Бога благодати и по самодержавной своей власти, вся нижеписанная моего мнения предложения в бытие произвести повелит, то, я чаю, и без прибавочных поборов преизлише царская сокровища наполнятся. И тако на Бога надежду имам, еже и настоящих прежних со крестьян поборов убудет.

По моему мнению сие дело невеликое и весма нетрудное, еже царская сокровища наполнити богатством, за еже царь, яко Бог, еже возхощет, во облости своей может сотворить. Но то великое и многотрудное есть дело, еже бы народ весь обогатить, понеже без насаждения правды и без истребления обидников и воров и разбойников и всяких разных явных и потаенных грабителей никоими мерами народу всесовершенно обогатитися невозможно.

* * *

Первее же предложим расположение о духовном правлении, потом о воинском и о протчих мирских делех и о здравом и гобзовитом и постоянном собрании интереса его и. в-ва.

1. Священство столп и утверждение всему благочестию и всему человеческому спасению, ибо без него никаковыми мерами до царства небеснаго никакову человеку дойти невозможно. Они наши пастыри, они и отцы, они и вожди, а в книжном учении и разумении не весма доволни. И сего не вем, чего ради тако деется, токмо, мню, аще и страшно ми изрещи, дабы архиерейская клятва на мя не пала, а иначе не вем, како ми возъписати, понеже аз признаваю, еже от оплошки архиерейския тако чинится, понеже полагаются на служебников своих в поставлении поповъстем. Тии бо приимут от

новоставлиника дары и затвердят ему во псалтыри псалъма два-три и перед архиереем заставят то твержение читати, и той ставленик ясно и внятно и поспешно пробежит, и архиереи, не ведая того ухищреннаго подлога, посвящают во презвитеры[4], и от такова порятка у иных грамота и плоха. А по моему мнению, аще бы кой ставленик и в школе учился, обаче надлежит его испытати, каков он в разуме и во всяком разсуждении, да тогда уже ево посвящати бы. А буде которой и грамоте учился, а смыслу к разсуждению несть в нем, и таковых во презвитеры посвящать, мне ся мнит, отнюд не надлежит. Паче учения надлежит во презвитерех искать умнаго разсудительства, чтобы он мог пастырем быть словесных овец. Аще бы попы яко градские, тако и селские, были разумительны, то никоими делы расколникам в простом народе множится было невозможно и нимало возъникнути было б им некак. И о сем речется в настоящей главе.

2. Военной люд — стена и твердое забрало царству, а камандиры их и судии военного правления не имут попечения о них, чтобы они ни голодни, ни холодны были, но всем бы довольны. Зело бо от них слышно, что от недостатку великую нужду подъемлют, ибо иным салдатам на месяц и по десяти алтын[5] не приходит, то чем ему прожить, где ему взять шуба или рукавицы и иные потребности, такожде и харчу на что ему купить? И в таковой скудости живучи, как ему и не своровать и как ему и с службы не бежать? Нужда не токмо к бежанию принудит, но и изменить готов будет, а изменя, и ратником на своих будет.

О салдатех и о драгунех надлежит весьма великое попечение имети и пильно того смотрети, дабы они пищею и одеждою были не скудны, а егда будут всем доволни, то они и в службе будут исправнее. И сего ради, яко главных полков, тако и последних и новобраных полков, вси не были бы ни голодни, ни холодни.

А и сие едва право ли учиненно по немецкому ли артикулу или наших командиров вымысл, еже солдату или драгуну мундир дадут, а последи за весь тот мундир из жалованья и вычтут, и того ради вычету иным солдатам и по десяти алтын на месяц не приходит. И мню я, что е. и. в-ву не весьма известно, и о всем пространнее речется в настоящей главе о воинстве.

3. Древний российских судей обычай был, еже в приказех иметь челобитчиков множество, и так бывало их много, что иногда нико-

ими делы до судьи дойти худосильному не мочи. К тому ж, насажают колодников множество, а решения им не чинят, да, перековав, роспустят по улицам милостыни просить. И тем они росъсийское царство безчестят, что ни в коем государстве такого числа колодников не сыщется, колико у нас. И сие чинитца ни от чего иного токмо от нерадения судейскаго, и о сем пространнее речется во главе судейства.

4. И купечество у нас в России чинитца вельми неправо: друг друга обманывает и друг друга обидит, товары худые закрашивают добрыми и вместо добрых продают худые и цену берут непрямую, и между собою союзства ни малого не имеют, друг друга ядят, и тако вси погибают, а в зарубежных торгах компанства[6] между собою не имеют и у иноземцов товары покупают без согласия своего товарищства.

А торг дело великое! Надобно судьям всем об них попечение иметь неоскудное, понеже купечеством всякое царство богатитца, а без купечества никакое и малое государство быть не может. И того ради под великим охранением блюсти их надлежит и от обид их оберегати, дабы они ни от кого обидимы не были и во убожество б не входили и его и. в-ву приплод бы несли со усердием. И о сем пространнее речется в настоящей главе.

5. И в художественных мастерствах весьма деется у нас в Руси неисправно. Вначале, егда кой человек отъдастца в научение к мастеру и поставит срок, к которому ему выучитца, и аще мастер не скроется и научит его скоро, то он, не дожив срока, и станет прочь отъбиватца, и, отъшед, станет делать собою, и аще хуже мастерского станет делать, то он цены збавит, да и мастерство все погубит. А за таким порятком в Руси у нас и нет самого доброго мастерства. И о художествах пространнее речется в настоящей главе.

6. Разбойников у нас в Руси паче иных государств множество, ибо не токмо по десяти или двадцати человек, но бывает по сту и по двести человек в артеле и больши (и аще их весьма не истребити, то царству нашему российскому ни коими делы обогатитися невозможно). А вся сия чинится от неправаго судейства, ибо егда какова вора или разбойника приведут, то аще и попытают его, да посадя в тюрьму, да кормят его лет десять или больши. И в такое протяжное время многие и уходили, а, ушод, пуще старого воровали, а иных

разбойников судьи, вместо смерти, паки отпускали на старые их промыслы и, то, надеясь, безбоязненно воровали. И о истреблении их в настоящей главе речется.

7. Надлежит же и о крестьянстве воспомянуть, чтобы и их от разорения и от обид поохранить и в лености б пребывать им не попускать, дабы от лености во всеконечную скудость не приходили. Аще бо кои крестьяня живут и в хлебных местех, обаче и те бы зимою даром не лежали, но трудились бы, овыя в лесах, овыя ж в домовых рукоделиях и иныи ж в подводах бы ездили, а лежа и своего припасеннаго хлеба, не потрудясь, не ели бы и дней бы своих даром не теряли. А у коих крестьян лошадей добрых нет и в подводы наяятся не на чем, те шли бы в людския работы и работали бы из найму или и из хлеба, а даром бы не лежали. И о сем пространнее в настоящей главе речется.

8. Дворяня при животе своем и по смерти сродников своих земли делят на малые разные жеребьи, одну пустош разделяют частей на десять и болши. И в том лише съсора да беда да смертное убивство, и такое обыкновение весьма нездраво.

А и сие не токмо не право, но и весьма гнило, еже землям достоверного размерения и меж не зделано, и колико ее под рукою монарха нашего есть, а платежа с нея ни малого нет. Дворяня накупив пустошей, да в наймы отдают, и многия деньги на кийждой год кортомы[7] с нее берут, а великому государю ни по деньге[8] на год не платят. И о сем о всем пространнее в настоящей главе речется.

9. Российское царство на пространнем месте стоит и многонародно оно есть, а собрания казны в царския сокровища весьма негобзовита собирается, ибо в военное время не достает того собрания на военные росходы, а пространства земли в нем толико, еже и исчислити неможно, а несть с нее ни малого особливаго собрания. А аще бы с нея учинен платеж по ней и самой малой, чтоб низше никто на ней даром не жил, то и одного и земляного платежа милионное собрание бы было и было бы оно недвижимо. Земля самый гобзовитый данник ему, великому нашему монарху, была бы и никогда измены бы ему бы было. И аще прямо вся собрания исправятся и собиратели будут прямо собирати, то тако мочно нашему великому государю довольну казною быть и без наметных поборов, еже на кийждой год милиона по два-три за всякими рас-

ходы в царских сокровищах и оставитися будет. И о сем в настоящей царского интереса главе речется.

Во изъявлении моем сем предложив девять глав, а вся сия деватерица глав состягаются к насаждению правды, неправды же и всякого воровства ко истреблению. И аще на всю сию девятерицу с высоты Бог милостивно призрит, а с низоты императора нашего великаго изволение всеусердное произыдет, то не токмо едина царская сокровища со излишеством наполнятся, но и весь народ обогатится и вражды многия прекратятся. И егда сия девятерица оснуется и твердо укоренится, то яко река тещи имать повсегодно, неумолчно и неизменно.

Глава 1. О ДУХОВНОСТИ

В духовном чине, аще будут люди неученые и в Писании неискусные и веры христианские всесовершеннаго основания неведующии и воли Божией неразумеющии, к тому же аще будут пьяницы и инаго всякаго безъумия и безъчинства наполнены, то благочестивая наша христианская вера вся исказится и весьма испразднится и вместо древняго единогласнаго благочестия вси разъидутся в разногласныя расколы и во иные еретические веры[9].

От презвитерского небрежения уже много нашего российскаго народа в погибельные ереси уклонились. Большая бо часть склонилась в погибельный путь, в древнем же благочестии уже малая часть остается, ибо в Великом Новеграде едва и сотая часть обрящется ли древняго благочестия держащихъся. А презвитеров аще и много во граде, обаче не пекутся о том, еже бы от таковыя погибели их отвратити и на правый путь направити, но есть еще и такие презвитери, что и потакают им, и того ради церквы все уже запустели. И так было до нынешняго 723 года в церквах пусто, что и в недельный[10] день человек двух-трех настоящих прихожан не обреталося. А ныне архиерейским указом[11], слава Богу, мало-мало починают ходить ко святей церкви. Где бывало человека по два-три в церкви, а ныне и десятка по два-три бывает по воскресным дням, а в большия праздники бывает и больше, и то страха ради, а не ради истиннаго обращения. И въпредь, аще подкрепления не будет, то вси по прежнему ходить к церквам не будут, вельми бо в них вкоренилась раскольницкая ересь.

А вся сия гибель чинится от презвитеров, ибо не токмо от люторские или от римския ереси[12], но и от самаго дурацкаго раскола[13] не знают чем оправити себя, а их бы обличить и научить, как им жить и от пропасти адъския како им изъбыть. Но и закрепить крепонько не разумеют, или не смеют, или на пенязи склоняются и небрегут.

Не постави, Господи Боже мой, сего моего словесе воосуждение, еже дерзнух поносительно на пастырей своих писати. Сам весь ни пред Богом, ни пред царем, ни пред простым народом чем исправен, но токмо едино от мнения моего припало желание, да нет ли из сего моего изъявления Бог возрастит некое исправление.

Видел я в Москве презвитера из знатнаго дому боярина Льва Кириловича Нарышкина, что и татарке против ея задания ответу здраваго дать не умел. Что же может рещи сельской поп, иже веры христианския, на чем основана, не ведает?

И ради таковыя священнической несправности надлежит о священницех великое попечение приложити, дабы презвитеры были всему благочестию опора и от ересей забрало, и от адских волков оборона и людей Божиих отвлачили бы от погибельных врат. Презвитеру подобает быть подобну апостолом Христовым, чтоб они ни о здравии своем, ни о богатстве, ни о пище своей тако не пеклися, како о спасении душ человеческих, понеже Бог всех погибших взыщет на них.

И ради таковаго исправления, мне ся мнит, его и. в-у надлежит постаратися о граматике, чтоб принудить ее выправить добрым расположением с самым дробным[14] истолкованием, и тако дробно ее разобрать, чтоб всякие скрытности ясно отъкровенныя были, и чтоб и без учителя можно познать всякия падежи и склонения и, тако исправя ю, напечатать бы их тысяч пять-шесть или десяток.

Ныне есть напечатано в Москве тысяч пять-шесть грамматик, да Бог весть, какие на печатном дворе камандиры, напечатали ее толь просто, что без учителя и орфографии не можно растолковати и научитися, чтоб по ней правописание разуметь. К тому ж еще и бумагу положили в них самую плохую, коя никуды кроме черных писем, по нужде что разве на такой бумаге календари печатать, потому что они на один только год печатаются. А грамъматика дело высокое и прочное, и того ради и печатать ее надлежит на самой доброй бумаги, чтобы она прочна была.

И во всех епархиях построить бы школы пространные и в те школы собрать всех поповых и дьяконовых и дъячковых и понамарских детей, от градских церквей и от уездных, от десятилетных[15]. И буде которые отцы добром их в школы отпустить не похотят, то брать бы их и неволею и учить грамматике и всякаго книжнаго разума.

И положить о сем недвижимый предел: буде кой человек школьнаго учения не принял и грамматическаго разумения не научился, таковых бы отнюд во презвитеры и в дияконы не посвящати. Такии причетники[16] церьковные пожелают презвитерства, то будет и триттатилетные, в школы и без понуждения приходя, учитися и учением своим будут поспешати. И таковые люди годы и в два-три научится могут, понеже себя ради будут поспешати и с охотою учится имут.

И которой из них учение грамматическое твердо приимет, а летами своими юн, то таковых надлежит и риторики поучить или и философии. И тии не токмо во презвитерской сан, но во архииерейство будут годны и учителями могут застати.

И таковым способом вся Россиа может умудритися не весьма многими леты. И сие преславное дело трудно токмо начати, да основати, а тамо будет оно уже само правитися, понеже и учение грамъматическое и прочиих наук умных и острым людям вельми охотно и любсзно бывает.

А аще сие утвердится, еже во презвитерство неучившихъся в школах не посвящати, то не мочно будет того миновати, еже бы желающему презвитерства не поучитися в школе, то я чаю, что друг друга будут учением своим и предваряти.

А аще и в манастырях во аргимандриты и во игумны, не бывших в школьном учении не посвящити же, то многия и иноки будут граматическаго учения касатся и всякому книжному разумению внимати, а в возрасте сущим паче грамматическаго учения потребно книжное разумение. И того ради вельми потребно инокам до школы ходити и тамо от духовнаго учителя учитися и вразумлятися всякому благочестию и страху Божию и Священная Писания толковати и всякому доброму нраву навыкати и в доспытацыях подтверждатися.

А егда грамматики и всякаго благоразумия научатся и книг Божественнаго Писания начтутся, то не то что раскольнику, но и лютору и римлянину, могут отъпор дать и уста их заградить, понеже

вси они от истинаго христианства совратились, и бродят вси, яко козлята, по непроходимым дебрям и по неудобным возшествия стреминам, и тако в далекия пути зашли, что и возвратитися к прежнему благочестию не могут.

И егда священничестии дети и прочие церковники научатся грамматическаго учения, и книжного разумения навыкнут всесовершенно, то и о пастве своей прилежнее будут пещися, дабы адъския волки не распудили их.

А ныне истинно таковых презвитеров много, что не то, чтобы кого от неверия в веру привести, но и того не знают, что то есть речение вера, и не до сего ста, но есть и таковые, что и церьковные службы, како прямо отправити, не знают, да и знать не по чему: печатнаго двора справщики от многово питья и от роскошного житья утыли и не хощут яснаго изъявления о всяком церковном служении напечатать, чтобы всякой мог разумети, как что отъправляти. Но токмо той презвитер мало-мало и может прямо отъправляти, кой довольное время побудет в городе при соборе или при разумном презвитере в подначальстве, то тот то лише может по надлежащему службу церьковную отправити. А буде кой под началом не много побыл, тот ничего по книгам отправить не может.

А по прямому делу надлежало о всяком служении напечатать в тех же служебных книгах ясно, дабы и простолюдин мог разумети, как что отправити. А ныне многия наугад отправляют, как кому примыслитца. И сие стало не весьма добро, что так деетца и того ради и во градех в церквах многое несогласие бывает, а о селских и дивить нечего.

И ради совершеннаго в церьковных служениях исправлениях о всякой службе надлежит в тех же служебных книгах напечатать мелкою печатью тонкостное расположение, как коя служба или действо какое начать и как отправить и совершить. И аще обо всем будет ясно напечатано, то во всех церьквах не токмо во градских одних, но и в засельских всякое служение отправлятися имать согласно.

И ради всесовершенного исправления не можно пробыть, еже б не напечатать тонкастнаго расположения о всяком священнодействии, а в совершенные школы послать учителей иноческаго чина и мирскаго, кии грамъматическаго учения искусны, и других учителей к ним, кии книжнаго разумения искусни и церьковнаго круга

навычни и кии в Божественном Писании силу знающии, еже непоемныя речения могли разсуждати.

И грамматические бы учители учили своего учения грамматическаго до обеда, или рещи, до полудни. А по полудни бы те другие учители, иже Божественнаго Писания искусни, учили б их страху Божию и книжному чтению и церьковному обхождению, паче того, как Бога знать и как его почитать и как к нему молитвы своя приносити, и Божественна литоргия с каковым страхом служити, и в действиях тоя святыя литургии[17], как к Богу ум свой возводити и детей своих духовных пасти, чтобы от паствы им адъския волки не разхитили, и сверх того учения давали бы им книги читать духовные и гражданские и бытейские. И того ради надлежит Библии напечатать не малое число, и во все школы книг по пяти-шти разослать, такожде маргаритов[18], соборников учительных, Евангелиев толковых и апостольских бесед и четьих миней[19], а ради церковнаго служения месячные минеи и прочих, кии в церьковном служении употребляются, дабы в школе будучи, научилися прежде приятия священства всего церьковнаго служения и управления здраваго.

И ради утверждения в вере и ради охранения от люторския и калвинския[20] и от протчих иконоборцов напечатать книг, колико надлежит, «Камень Веры», иже блаженныя памяти преосвященный резанский митрополит Стефан Еворский[21] сочинил, и книг по пяти-шти в школу отослать, и чтобы тот многоценный Камень желающии презвитерства затвердили его на память, чтобы о всяком ответе помнил изусть сказать, такожде и иноки, желающии во благочестии жити. А негли случится коему во архиереях быти и, в том сане будучи, весьма паче презвитерскаго той святой Камень во устех имети, чтобы тыим каменем могли изоустно еритическия челюсти сокрушати. Ради же обличения раскольнича книгу «Розыск» и «Зеркало Очевидное», иже раскольниче блядословие обличают и всю их неправость ясно показуют, паче же книгу, названную «Пращею»[22], дабы ис тоя пращи камением духовным, испущеным далече их прогнати и без вести их сотворити, дабы они во двор овец стада Христова не влезли и Христовых овец не вреждали бы. И тыих книг Розыска и Пращи и Зеркало, буде будет принято к печати, книг и пяти-шти в школу разослать же.

А не худо бы и на иные еретические веры, на римлянскую, на унеятскую[23], на армянскую и на древние ереси, яко на арианскую[24],

на несториеву[25], на аполлинариеву, на евтихееву, на севирову и на прочие, кии уже и истребишася, напечатать изъявления, дабы наши пастыри вся та лукаваго диавола стрелы разумели и возразить их чем знали. И аще презвитеры будут всех вер еретических силу знати и будут разуметь, чем их обличить и чем себя от них оградить, то свое стадо могут от тыих волков адъских охранити.

А буде кой презвитер еретических вер в конец знать не будет, то уличить ему их ересей невозможно. Того бо ради и святый апостол Павел написал, еже подобает в нас ересем быти. Яве есть, яко того ради написал, дабы мы, ведая их ереси, могли их уличить и их же орудием самих их побеждати и, зная их ереси, могли бы мы от них остеречи себя.

И все школьники читали бы книги неспешно, но с самым вниманием, дабы чтомое мог разумети и памятствовати. И кой ученик невнятно будет читати, то той учитель, кой ко чтению и вразумлению книжному приставлен, непрестанно их понуждал и вразумлял, как их вразумительно читать и чего не дознают, толковал бы им. И кои книги кто читает, от тех бы книг спрашивал их по одинкам и внимал бы, каково кто памятно сказывает, и той учитель в памятную б книгу записывал, кто каков есть.

И буде кой ничего сказать не помнит, и тому чинил бы наказание и велено бы ему в другой ряд прочести. И буде и в другой ряд прочтет, а что читал, не помнит, то яве есть, еже тот во презвитерство не будет годен.

А кии внятно и памятно будут читать, тем надлежит давать читать книги церковнаго круга, месячные минеи и триоди и осмогласники[26], и прочие, иже во святей церковной службе употребляются. А чаю не худо бы и летописных книг дать им почитать, чтобы обо всем знали, что досель бывало.

И тыи школьники по чтении книжном под вечер по часу место учились бы писать, чтобы все школьники читать и писать добре умели скорописью и уставом.

А в день недельный велели бы им чинить между собою доспытацыи от Священных Писаний. А учители оба бы слушали и внимали, кто каков в разуме и в разумении Святаго Писания, и каково кто разсуждает, все бы то впредь для памяти записывали, а и того смотрили бы, кто к какому делу склонен, к духовному ли или к светскому.

И буде кой ученик склонен к духовностии и Писания Святыя разсуждает здраво, то тех бы отличали в особливость и давать им книги читать о чине священства и учить их уже прилежнее, как им стадо Христовых овец пасти, и как им духовных детей в пастве своей блюсти.

И аще книга «Отеческаго Завещания»[27] принята к печати будет, еже аз сыну своему, Николаю, сочиних, то надлежит готовящемуся во презвитерство и ее дать читать, понеже тамо положено отчасти, как презвитеру духовенство свое вести, и не токмо единому презвитеру, но тако и простому монаху жить, и како во архимандритах будучи, как братия пасти и как себя вести и что подобает и архиерею творити, и каковым способом раскольников изтребляти, и как и мирянам душеполезно жити, и как и детей своих малых учити, дабы отцу не на пагубу они были, и как между собою любовь хранити, и как правда творити, и как Бога любити, и как молитвы своя к нему приносити, и как ему угождати. Вся суть тамо изъявлена, поелику Бог даровал ми проразумети.

И егда куды потребуют презвитера, то из тыих бы учеников отсылать во презвитерство не по отечеству, ни по богатству, ниже по прошению прихожан, но по разуму и по истинному священства достоинству. И достоинство бы того школьника подъписывались оба тыи учителя, еже он годен во презвитерской сан.

И послать ко всем архииереам, чтоб ни единаго ставленика без свидетельства учительскаго во презвитерство не посвящали. Прежнее архииерейское слушание ставлениче вельми ми не понравилось, понеже архииерейские служителие у новоставленников приемлют дары и, приняв дары, дадут ему затвердить во псалтыри[28] некоторые псальмы и, заложа, дадут перед архииереем тому ставлинику прочести. И архииерей, видя его твердо и разумно читающа псалтырь, возмнит, яко бы и во всяком чтении таков, благословит его во презвитерство. И тако те служителие архииереев своих в порок приводят.

И я сына своего в сем поостерег, написал ему в таком же своем Завещании, аще случится ему быть во архииерействе, чтобы он в слушании ставлеников на служителей своих не покладывался, но сам бы всякого своего ставленика свидетельствовал, и книгу не псалтырь, но давал бы незнаемыя книги читать, а потом бы и на словах его спросил. И на разглагольных речах всячески познать мочно, каков кто смыслен или несмыслен.

В Новегороде видел я прошлого 720 года новоставленика такова в диаконстве, что на литургии не мог единыя страницы во Евангелии прочести, еже бы разов пяти-шти не помешатися. А был он в подъначальстве в соборе Николая чюдотворца, иже на Дворищи, и так он и отпущон во свояси.

А иноков, кии возжелают архимандричества, то тыих архиерею наипаче надлежит на словах дробно распрашивать, како он Божественыя Писания разъсуждает и како он общую свою братию намерился пасти, дабы ему, перед Богом став, рещи: «Се аз и дети, их же ми дал еси», или токмо единаго себя хощет Богу предъставити. И аще хощет токмо единаго себя спасти, то таковато не подобает во архимандриты поставляти, понеже архимандриту не токмо о иноках, но и мирских жителех попечение имети и на спасение наставляти надлежит. И того за хотящим архимандричества смотрити, не лаком ли ко имению и не падок ли к питью и ни склонен ли к блуду, чтоб, будучи во архимандритстве, не нанес бы на тот свой чин пороку. И того ради надлежит первее освидетельствовать братиею, в коем манастыре он жил, а потом и мирских людей надлежит спросить, кие при том манастырю живут. И аще от всех будет похвален, то, буде в Писании доволен, надлежит возъвести в таковый чин.

Да в Завещании ж своем написал я сыну своему, чтобы новоставленнаго презвитера, несовершенно научившися всякого священнодействия, ис подъначала отнют бы не отпускать, дабы на архиерея н465ечения какова за неисправность его не понести.

И в том же Завещании написах всякое презвитерское дело, как что ему управляти и как детей своих духовных исповедывати и как богатых и убогих пасти, елико мя Бог въразумил, вся написах. И того ради, мнитца мне, вельми ко исправлению священическаго бытия то Завещание потребно будет.

И аще коея церкви попов сын возъжелает отцу своему наследником быть, а по свидетельству учителей своих явится к тому чину негоден, то, аще и заручная о нем челобитная будет, отказать ему, но таковых ко гражданству отсылать. А кии ко учению и непоемны, а во нраве добры и страх Божий в себе имут, то тех поставлять в церковной причет в дьячки и понамари.

А кой из них будет понарочитее, тово мочно в дьяконство вчинить. А в презвитерство отсылать самых достаточных, и в Писании

разсудительных и во нраве кротких, чтобы он был свет миру, а не тма. И таковых достойных священства, аще и понамарские дети или крестьянские, отсылать во презвитерство к церьквам, а не по отечеству, ни по заступе.

А буде кой и разумен на всякое разсуждение, а нравом неключим, и таковых не токмо в презвитеры, но и в причет церьковной отнюд не отсылать, но таковых разве отсылать к приказным делам или како ни есть, кроме священства и причету церьковнаго.

А которой и весьма добр, да пить будет любить, то и таковых во священный чин отнюд не отсылать же, понеже пьянство велик порок презвитеру наносит и причетникам не весьма оно добро.

И не токмо новоставленных презвитеров, но и старых, кои уже и состарелись во презвитерех, вреждает оно. И того ради надлежит предел учинить сицевы: аще кой презвитер, напившись до пьяна, по улице ходя или где и сидя, будет кричать нелепостно или бранитца и скверисловити или дратися с кем или песни петь, то таковых имать и во архиерейской приказ отъводить, а за такое нелепство их наказывать утруждением во архиерейских и монастырских работах, и сверьх утруждения обложением штрафа или отъятием священнодействия или како том уложено будет от архиереев, дабы презвитеры и диаконы чрезъмерно до пьяна не напивались. А буде каковым случаем и напьетца, то шол бы во утишное место и выспался, а народу бы себя отнюд не открывал, что он пьян.

А буде кой поп или диакон, паче же аще инок, пойдет пить на кабак или в корчму, то таковых надлежит наказать сугубо, дабы на духовной чин пороку не наносили.

И аще священный чин от таковых неключимств исправится, то яко новый свет в России возсияет. И тако их надлежит изучити, чтобы во время исповедания детей своих духовных паче всего научали о благочестии и о благоверии, како в нем твердо стояти, дабы никаковы блазьни люторские и римлянския не склонялися и с раскольниками бы, никакова разглагольства не знаючи, не разговаривали. И на той же исповеди учили бы, как молитвы своя к Богу возсылати с благомыслием и како духовный чин почитати и как за царя и за вся христианы Бога молити и како обходитися в мире со клевреты[29] своими и с соседми и каковом наказании детей своих родных ростити и как их страху Божию учити, чтоб, родив детей плотию, от Бога вложенную душу вечно не погубили

и каковым им к сродникам и чужеродным любительным быти, и чтоб никому зла никакова не делали, понеже вси мы по Христе братия есмы.

И о сем всех бы своих детей духовных увещевали, чтобы они детей своих юных, не токмо градския, но и поселянския учили бы грамоте и всякому благонравию научили их, а по улицам играть без дела шататися не попускали с великим и твердым запрещением, чтобы то их наказание в детях духовных незабвенно было, но вси бы отцы и матери детей своих в страсе Божиим возращали, и о сем на всякой исповеди подътверждли бы, чтобы им незабвенно было.

А аще како в духовности будет строитися, то и во всем народе свет возъсияет благоразумия, понеже вси людие от такова отцов своих духовных твердаго и прилежнаго попечения яко от сна возбудятся, ибо вси стали бы прямо разумети, как Бога знати, и как его молити, и как угодников Божиих почитати, и како их в помощ себе призывати, и как все свое житие христиански вести.

Тако бо пастырем духовным надобно о пастве своей пещися, дабы вси праведно жили, и не токмо чтобы им чужое похищати, но и не желали б чужого ничего, а аще и на пути кто что обрящет лежащее, искал бы обронившаго или во устроенное место относили; и чего себе не хощут, того бы отнюд никому иному не токмо творили, но и не желали бы. И тако живущие вси, и в мирском житии будучи, не далече бы от Царствия Божия были.

И аще уложено будет, еже попам сельским и причетникам их пашни по прежнему не пахать и сена не косить, но пещися им токмо о церьковной службе, да о пастве духовной, а вместо пашни давать им дворянам и крестьянам, кои у них в приходе, от своего приплоду десятая доля, то презвитерам в той же исповеди детей своих духовных твердо подтверждати, чтоб неизменно от всякого приплоду, колико отложить себе на пищу, то без утайки и без желания отделяли бы десятую долю как из хлеба, так и из мяса и из яиц и из прочего харчу, и отсылали бы к церкви на пищу презвитерам с причетники и нищим, кои при церкви живут.

А колико отделят хлеба или скота или иного чего на продажу, то ис того бы отделяли великому государю на пошлину такую же десятину. И отцам духовным твердо детям своим духовным заказывать, чтоб отнюд ничего не таили, и буде правдою будут яко Богу, тако и царю отделять десятину, то Бог их благословит всяким изо-

билием, понеже уравнятся они древним законникам[30], иже от всего своего притяжания давали десятину[31].

О сем я неизвестен как деется в протчих христианских землях, чем питаются сельские попы, а о сем весьма известен, что у нас в Руси сельские попы питаются своею работою и ни чем они от пахатных мужиков неотменны. Мужик за соху и поп за соху, мужик за косу, и поп за косу, а церковь святая и духовная паства остаетца в стороне. И от такова их земледелия многия християне помирают, не токмо не сподобившися приятия тела Христова, но и покаяния лишаются и умирают яко скот. И сие како бы поисправити, не вем, жалования государева им нет, от миру подаяния никакова им нет же и чем им питатися, Бог весть. И я мнение свое предлагаю сицевое: аще возможно учинить тако, чтобы прихожан всех у всякия церкви одесятствовать, чтобы от всякия своея пищи отделяли церьковникам десятину или дватцатину, как о сем царское и архииерейское произыдет изволение, то бы таковым порядком были сыти и без пашни. А и правильно им без пашни быть, понеже они слуги суть Божии и подобает им по Господню словеси питатися от церкви, а не от земледелия.

А аще презвитеру земля пахать, то церкви святей будет солгать и паства своя истерять.

Презвитеру не токмо земля пахать, но и торгом ему никаким не торговать, а и мастерства ему художественного делать не надлежит, дабы и того помешательства церьковной службе и пастве духовной не чинилось, понеже они от мирскаго жития отделены суть на службу Божию, и того ради ни о чем ином кроме службы церьковные и паствы духовныя пещися им не подобает. А и питатися им по повелению Божию надлежит от церьквы, а не от работы и не от рукоделия своего. И егда службы церковныя, ни потребы не случится, то бы забавлялися чтением книг Божественнаго Писания или бы что полезное и писали ко спасению человеческому или ко украшению церьковному.

Сам бо Господь Бог в самом начале священства, егда изведе израиля из земли египетския и въвед во обетованну землю, всем израильтянам землю по жеребьям их повелел давать, а иереем и служителем церьковным не повеле земли давати, яве есть, дабы прилежны были к церьковному служению, и повелел им питаться от церьквы, а не от земледельства.

Кольми же паче в новой благодати подобает о служении церьковнем пещися презвитерам, понеже и души человеческия им быша вручена. А у нас сельския попы обременены земледельством и того ради не тако пекутся о служении церьковном, яко о пашне своей, а паства душевная уже в стороне стала быть, и того ради многое множество христиан православных умирает без покаяния и без причащения тела Христова. Сельские бо презвитеры самые люди простые, взростет он в деревне, деревенския дела и смышляет.

А что Бог взыщет всякия погибшия души на них, ничего того не смышляют, и коль у Бога душа человеческа велика, ничего того не знают.

И аще сия моя изречения вознепщует кто, яко бы аз написал сие во осуждение и на поругание презвитерам, и о сем Бог есть свидетель, что не ругания ради написах сия, но ради исправления. И сам и не без страха, что в такое дело великое вступих, обаче буди Божия воля, он вся весть, чего ради дерзнух.

И аще великий наш монарх благоволит по Господню повелению презвитеров от земледельныя роботы освободить, то надлежит указом его и. в. определити, чтобы как помещики, так и крестьяня их и дворцовых волостей и архииерейские и монастырские, все от приплоду своего хлебнаго, которой ему надлежит на пищу себе употребили, и от того хлеба отделяли бы десятую часть и отдавали презвитерам с причетники во время молочения з гумна своего. И во вся дни живота своего тако бы творили неизменно, дабы благословил их Бог и всего бы у них усугубил. И аще сие дело сперва повидится и тяжеловато, а егда обыкнут, и Божие благословение на них почнет и нивы у них будут гобзовиты, то всю тягость забудут.

А что того десятиннаго хлеба отделено презвитерам с причетники и что того хлеба за росходом останетца, и тот хлеб употреблять нищим и странным на пропитание.

А ради нищих больных яко в городах, тако в селех и на погосте[32] построить больницы и богадельни, по приходу смотря, и питать их тем осталым хлебом или как о том изволение царское состоится.

А которыми землями владели и пахали попы с причетники, и те земли, мнитца мне, еже бы их отдати в наймы и теми деньгами строить церьковное строение и нищим больницы.

А кой хлеб надлежит продать помещику или крестьянину, из того хлеба отделяли бы такожде десятую часть великому государю

на пошлину. Такожде и от скота, которой определен будет продать, то из тоя цены такожде отделить десятая часть в пошлину. А кою скотину употребит кто себе на пищу, то и с тое скотины отделить десятая ж доля в церьковь на пищу служителем церьковным и в богадельни. Такожде и в меду и в масле и в рыбе и в яйцах и во всяких прибытках, от всего, неизменно про себя употребляемом, отделять к церьквы десятая доля, а от продажного отделять великому государю в пошлину десятая ж часть.

И тако творя, уподобимся мы древним благочестивым законникам, ибо будем яко Богу, тако и царю, от всякого приплоду давать десятину и тем подаянием презвитеры и с причетники без земледельства довольни всякою пищею будут. А от подаяния молебеннаго и иных потреб будут презвитеры с причетники своими домы своя и одежды строить.

И аще тако устроитца, то могут презвитеры и повседневно утренние и литургии служить и на всякую потребу всегда будут готовы. И тако творя, презвитери будут всесовершенные слуги Божии и за царя и за вся люди богомольцы.

А ныне вси сельстии попы, аще у коея церкви попа и два-три, то мало церковныя службы у них бывает.

В Новгородском уезде, в Устрицком погосте, случилось мне быть, и у тоя церьквы три попа да дьякон, а на Святую Пасху только по два дни литургия была. А тутошные жители сказывали, что больши де одной обедни на святой недели прежде сего не бывало, то де тебя поопаслись, что две обедни были. И жил я ту неделю, ничим же отменну от простых недель, ни обеден, ни вечерен, ни утренних не было.

А у коих церьквей по одному попу, то, чаю, и во весь год обеден десятка другова не отъслужит, понеже аще пашня ему не пахать, то голодну быть.

И ради земледельства поповскаго стоят Божия церьквы яко пустые храмины без славословия Божия, а православные христианы за их земледельством умирают ничим же отменно от скота.

И сельские презвитери ничим не отменны от простых мужиков, мужик за соху, и поп за соху, мужик за косу, и поп за косу. И в празднуемый день, где было итти в церьковь на славословие Божие, а поп с мужиками пойдет овина[35] сушить, и где было обедня служить, а поп с причетники хлеб молотить. И в таковых суетах живуще, не токмо стадо Христово пасти, но и себя не упасти.

А аще по вышеназначенному о них устроит Бог, то во святых церьквах всегда служба будет и пещися будут о пастве словесных овец, а уже не о пашне. А отъслужа церьковную службу, книги бы читали и по домам детей своих духовных ходили и смотрили, как они живут, исправно ли в его приказании и не погрешил ли в чем. И тако на всякой месяц всякого своего сына посещал бы и подкреплял их, чтоб памятовали то, чему его на исповеди учил и что ему приказал, незабытно бы исправлял. И в тех посещениях отнюд бы ничему не касался и вина бы не пили, потому что он ради надзирания духовныя паствы ходит, а не ради потребы, и чтобы те презвитеры уподобились святым апостолом, туне бы их посещали и на спасение наставляли.

А кому даст Бог смысл в книжном писании, то между дел книги бы певчие писали, охочим людям продавали. А егда с потребою куда позовут, то, всякое свое дело бросив, шол бы с поспешением, дабы исправить та нужда, понюже требуют его. И тако творя, вси бы и сельские попы были пастырьми совершенными и в крестьянском житии свет бы возсиял.

А нынешняя паства вельми неисправна и сего вельми опасна есть, чтобы Бог не взыскал на главных пастырех, понеже кии презвитери и во градех живут, и тии не весьма знают, в чем грех или в чем спасение. И того ради прихожан своих к покаянию не принуждают и, как кому жить спасительно, не наставляют и от того многия людии в неведении своем погибают.

Я, истинно, таковых стариков много и при Москве видел, что лет по штидесят и больши жития своего имеют, а у отцов духовных на исповеди не бывали, не ради раскольничества, но ради непонуждения презвитерскаго. Тако у них обычай был, что, не состаревся, деревенские мужики на исповедь не хаживали, и тако иние, не дожив до старости, и умирали. А сие чинилось ни от чего иного, токмо от нерадения презвитерскаго, и о таковом нашем неисправном житии и помыслить ужасно. А вся сия царским изволением и синодским радением исправится могут.

А не радить о таком великом и страшном деле вельми яко царю, тако и архиереем опасно есть, ибо чрез уста святаго пророка Иезекииля (Иезекииля, глава 17, стих) тако Дух Святы возгреме, еже хощет Бог всех погибших душ человеческих взыскати от руки господствующих ими.

И сего ради ужасно такова грома, от Бога изошедшаго, и яко духовным властям, тако и мирским надлежит великое попечение приложити, дабы та неисправность исправити, и от того бы избыти, еже бы не взыскал Бог погибающих душ на правителях господствующих ими.

И мое мнение тако мысли моея касается, яко вся наша погибель и спасение залежит во презвитерех. Аще они будут несмыслени, то и люди паствы его несмыслени будут, а аще презвитери будут благоразумны и святи, то и люди паствы его вси будут вразумительны и к святости блиски. Их бо наставлением всякаго благоразумия могут наполнитися и в христианстве прямо и твердо стояти и души свои от вечныя погибели соблюдати, и за твердым их наставлением вси благодатиею Божиею приближатся к Царству небесному.

И егда презвитери во учении своем исправятся и всякаго благонравия навыкнут, и тогда и одежда им прежняя своя гнюсная и многошвенная годствует изменити. И не токмо градские, но и сельские попы и дьяконы не токмо гнюсные и раздранные носили, но и серьмяжных бы серых и белых сукон некрашеных отнюд бы не носили, но носили бы рясы широкорукавные и длинные. Буде кому сукна немецкаго купить не в мочь, то делали бы из яренку[34], а буде и того не в мочь, то бы и серьмяжные сукна белые красили в вишневую или в лазоривую краску.

А в непотребном одеянии презвитерам и диаконам отнюд ходить не подобает, понеже они слуги суть Божии и предстоят у престола Божия, жертвы приносяще за царя и за вся христианы.

И за их близость к Богу сам Господь Бог еще и в ветхозаконной церькви не токмо священникам, но и служителем церьковным повелел в чистых одеждах служити.

Кольми же паче подобает в новой благодати священному чину чистоту во всем имети яко в теле, тако и в души, подобие и во одежде и во всяком своем и житейском исправлении, чтобы они яко житием своим, тако и одеждою быти от простолюдинов отменным не одною верхнею одеждою, но и нижнею и всем своим убором: шапка бы была з бобром или с лисицею круглая, сапоги бы были ниские, переды круглые, а лаптей бы отнюд ни в каковых местех не носили. И з запрещением отсещи сие, еже бы отнюд к престолу Божию в лаптях не приступали, сии бо не токмо чин свой, но и Божией чести уятие творят. Ради бо чести Божия повелено презвитерам у престола Божия служить в украшенных ризах и по тому

уставу иной презвитер во время служения своего возложит на ся одежду златотканную, а на ногах лапти растоптанные и во всяком кале обваленные, а и кафтан нижней весь гнусен. И такое презвитерское убрание зря, кто не удивится, что злато мешают з блатом[35]. И царево дело подлежит вести честно, а Божие и наипаче.

И презвитеру подобает быть всегда трезву и слово ко всякому человеку иметь умилительное, взор кроткой, ступание ног тихое. И к людем, кии им словеса не полезны, отнюд бы тыих не говорили, но что на пользу, то б токмо и говорили. И тако творя, подобни будут апостолом Христовым, и за такое их житие вси люди будут их почитать и, что уложено будет им на пропитание давать, то с радостию будут им давать.

И о сем како его и. в. соизволит, тако ли, яко я мнение свое изъявих, или кто ин иначе примыслить, тако и да будет. Аминь.

Глава 2. О ВОИНСКИХ ДЕЛЕХ

В военном деле аще люд будет в военном артикуле не весьма навыклый и в ружье силы неразумеющии, к тому же аще и стрелять цельно неумеющий, то весьма таковые люди в военном деле будут не споры и неприятелю не страшны[36]. А еще же к тому и пищею будут не изобильны, то и наипаче плоха будет у таковых служба. Есть слух, что иным солдатам и по десяти алтын на месяц денежнаго жалованья не приходит и о таковой их скудости, чаю, что никто великому государю не донесет, но чаю, доносят, бутъто вси сыти и всем довольны. Годов тому с шесть или с семь назад на Высшем Волочке новобранному солдату за вычетом досталось на месяц две гривны[37] и он, приняв деньги, вынял нож, да брюхо у себя и перерезал. И сие яве есть, еже не от радости так он учинил, что и живот свой ему не смилился. И о такой причине командиры их, чаю, что никогда его ц. в-ву прямо о том не донесут, что он от великия своея скудости в жалованье так над собою учинил.

И от такова порядка и от бескормицы служба вельми не спора, потому что, голодной идучи, за соломину зацепляется, а не то что ему неприятеля гнать и чрез колоды и чрез ручьи скакать. Голодной человек подобен осиновому листу и от малаго ветра шатаетца, у голоднаго и работа худа, а не то что служба. Истинно, слыхал я от солдат и такую речь, что ради смерти своей. И от таковых какая

спорынья в службе, что не желает неприятеля убить, но желает сам убиен быть, дабы ему вместо здешния нужды тамо каковое либо упокоение за приятие смерти своея прияти.

А аще же и всем довольны и военному делу научены будут добре, а дана им будет воля и потачка яко рядовым, тако и афицерам их, то паки дело военное неспоро у них будет, ибо аще что и во армии не по нраву им будет, то пакости от них опасно: самовольство никогда добра не делает, кроме пакости.

И при квартерах солдаты и драгуны так несмирно стоят и обиды страшныя чинят, что и исчислити их не можно, а где афицеры их стоят, то того горши чинят, дрова жгут нагло, а буде дров не достанет, то и надобной лес рубят. А буде кто станет говорить, что де вам по указу великаго государя велено дрова свои жечь, то жесточае будут чинить, и того ради многие и домам своим не ради[38].

А во обидах их суда на них сыскать негде, военной суд аще и жесток учинен, да жестоко и доступить его, понеже далек он от простых людей. Не токмо простолюдину доступить по нему, но и военной человек не на равного себе не скоро суд сыщет.

В прошлом 721 году прислан был в Новъгород Преображенского полку капитан Иван Моисеев сын Невельской для розыску во взятых луданах[39], которые присланы были из Москвы в Новъгород на продажу. И к тому камочному[40] делу приличился новгородец, посадской человек Петр Терентьев, токмо в одном свидетельстве, а я и ни к чему не приличен, а тот Невельской, взяв ево, Петра, на постоялой свой двор, и держал под караулом больши дву недель. И аще и до него, Петра, дела нет, а он прислал писаря своего с салдаты и животы ево петровы запечатали, а меня из задние горницы выбили. И жена моя стала говорить: «Покажи де указ, почему нас из хором вон выбиваешь и животы наши печатаешь». И ее солдаты сильно выволокли из горницы и стали из двора вон выбивать и мы поупрямились, не пошли вон. И он, Невельской, прислал с такими грозами: «Буде вы из двора вон не выдите, то де приеду сам и совсем де вымечу на улицу, а жену де твою за косы выволоку вон». И жена моя, убоявся увечья и такова великаго бесчестья, по чужим дворам больши дву недель скиталась, а я на том петрове дворе по приказу воеводы князя Юрья Яковливича Хилкова жил.

И того капитана Невельского называют добрым и разумным человеком, а такия обиды чинил. И Петр побывал у него з гостинцом, то

он ево животы отъпечатал, а моих не распечатал, знатное дело, что и с меня хотелось ему нечто сорвать, и едва упросил ево воевода князь Юрей Яковлич, что приказал роспечатать и караул свесть.

И того же 721 года полковник Дмитрей Ларионов сын Порецкой, будучи в Новегороде в концелярии провинциальнаго суда, бранил меня всякою скверною бранью и называл вором и похвалялся посадить меня на шпагу, а за что посадить хотел, вины своея ни малыя не знаю. И то ругание мне от него было и шпагою похвальныя слова при судейском столе, а судей в то время уже не было, только был тут натариус Роман Семиков. И то мне ругание и похвальные его слова он, натариус, и приказные подьячие и дворяне многия слышали. А я наутро принес судьям челобитную, чтоб в брани и в похвальных словах ево, полковника, допросить, и он, Порецкой, в допрос не пошел: «Я де судим в Военной коллегии, а у вас де в Новегороде отвечать не буду».

И я, аще и не весьма последний человек, а суда не сыскал. Как же сыщет суд, кто мизирнее меня? Только что о обидах своих жалуйся на служивой чин Богу.

А аще учинен будет суд равный, каков простолюдину, таков без поноровки и афицеру, то и нехотя все пряткость свою отложат и будут ко всякову чину склонны и не токмо на квартерах, но и на пути, по прежнему никого обидить не будут.

И аще служивые вси яко рядовые солдаты и драгуны его и. в. указу ослушны не будут и обижать престанут и начнут со всеми чины в любви быть, такожде, аще и афицеры их в такое ж послушание внидут и со всеми чинми в любви будут, и к тому аще у всех полков пехотных военной артикул гораздо будет тверд, еже ни от какова замешания неприятельскаго им не смешатися, то на бою будут яко каменная стена.

А буде же в ружье будут силу знать и у фузей[41] огнивы будут иметь огнистые и кремни приправные, чтоб осечки никогда не было, и фузеи каковы чисты свону, паче же того внутри, и к струне нутрь приправленной, то таковое ружье вельми будет надежно и к стрелянию цельно и в ратоборстве споро. А к тому, аще и стрелять будут не по прежнему на ветер, но в самое дело, чтоб ни пуля, ни порох даром не пропадал, и аще толь твердо научатся с руки стрелять, чтоб никакого бегуна, скачущаго на коне не упустили, то таковые солдаты на бою неприятелю будут вельми страшны, не токмо на сухопутном бою, но и на водяном будут страшны.

И ради морскаго бою вельми учить молодых солдат, чтоб они навыкли с руки в цель бить без погрешения, чтоб, и на малых шлюпках едучи, могли и во время волнения в цель без погрешения убивать. И аще тако затвердят, то самая честная морская битва будет и чаю, что и на весь свет славна и ужасна была.

К тому ж, аще и рукобитное ружье будут иметь самое острое, то и в таковом ружье спорынья будет немалая, понеже острое ружье, хотя чуть коснетца кишкам и прочиим внутренным, то той человек жив быти уже не может и никто излечить ево не может. А тупым ружьем, аще и сквозь утробу человечью проколет, то та рана залечить можно, потому что оно кишок не повредит, а самое острое ружье — смертная язва.

И таковым солдатам, мнитца мне, не худо бы перед рядовыми солдаты и жалования прибавить. Рядовому солдату в год жалованья 16 рублев, а тем, которые будут из фузеи с руки в 20 саженях по шапке бить без погрешения, то таковым, видится, мочно дать и по 20 рублев на год, дабы, на то смотря, и иные острились на такое же умение. А буде же в таковой же мере будут по подвижной цели убивать без погрешения же, и таковым, видитца, мочно и по 25 рублев на год дать, понеже таковы солдат заслужит за два или и за три человека неумеющих.

И на сухопутном бою на сходе с неприятелем, аще таковых солдат тысяца человек выстрелят, то на худой конец повалили бы неприятельских людей сот пять-шесть, то каков бы ни был неприятель жесток, умякнул бы, и, нехотя, рожу свою отворотил бы назад. Я чаю, что другова запалу не стали бы дожидатися, стали бы смекать, как бы на побег пойтить.

Есть слово похвальное про фины, что де так крепко на бою стоят, что убьют де человека, а другой на то место и станет. И то не дивно, буде убьют у ста человек человека одного или двух, то плохо заступать, а буде же у ста человек, да убьют пятьдесят или шестьдесят человек, то я не знаю, как бы и те славные фины могли заступить. А буде же на побег не пойдут, но станут на месте том укреплятися и дождутца другово запалу, то и бежать будет некому, но вси тут уснут.

Я сего не могу знать, что то за повычай древней солдатской, что только одно ладят, чтобы всем вдруг выстрелить бутто из одной пищали[42]. И такая стрельба угодна при потехе или при банкете ве-

селостном, а при банкете кровавом тот артикул не годитца, там не игрушки надобно делать, но самое дело, чтоб даром пороху не жечь и свинцу бы на ветер не метать, но весь тот припас шол бы в дело, почто сошлися. Я много слыхал от иноземцов военной похвалы такой: «Так же жестоко билися, что во огне де стояли часов с шесть, и никто де никово с места збить не мог». И сия похвала немецкая у них бы она и была, а нам дай Боже ту похвалу нажить: «С русскими де людми битца нельзя, есть ли де одиножды выпалят, то де большую половину поварят». И такая битва не в шесть часов, но в одну минуту. И есть ли Бог изволит тако нашим руским солдатом научитися, что ни один бы пули даром не терял, и таковых солдат есть ли тысячь десяток набрать, то я чаю, что и з дватцатью тысячами не пошел бы никто на битву с ними, от русских солдат, бутто от лютаго зверя, всякой бы неприятель бежал без оглядки.

Под Азовом на Швартов полк набежали татары, и солдаты по приказу своего полковника по немецки все однем разом выпалили и всем полком не убили и десяти человек. И те татарове увидели, что почали ружье заправлять, вскочили вдруг, ружья им заправить не дали и всех, что овец, погнали в свою землю и с полковником.

А есть ли бы не на ветер стреляли, да половина бы выстрелила, а другая б в запасе была, то бы не погнали, что овец. А аще бы все умели цельно стрелять, то и на худой конец ста два-три убили бы, то и татарове не смели бы толь смело на целой полк навалится, а естьли бы сот пять-шесть у них убили, то бы они к чорту забежали, что и сыскать бы их негде было. Татарове смелы как большого урону нет, а егда человек сотницу другую потеряют, то и они щоку свою отворачивают, любят они даром взять.

Был я еще в молодых летех на Пензе и тамошние жители, служивые люди, усмотрили во мне, что я гораздо цельно стреляю, то истинно не лгу, что говорили мне: «Останься де ты здесь в лето, то де мы татар не будем боятися». И я стал говорить, еже одному мне нечево с ними делать, и они мне сказали: «Видем де мы, что ты скор стрелять и пули даром не теряешь, а татары де напорчиво напирают, что мы не умеем никого из них убить, а тебя де видим, что ты и птицу убиваешь; а от них де выезжают нартики и сажен в десятке разъезжают, а мы де, уставя пищали, да стоим пред ними, а ты де хотя одного б из них убил, то бы они уже не стали так наезжать, а есть ли де человек двух-трех убил, то бы де и все изчезли».

И по такому примеру, аще бы Бог изволил таковых бойцов тысячь десяток другой набрать, то ведаю я, что стали бы все неприятели трусить, а естьли же к таковым бойцам да састроить рогатки огнестрельныя з затинными пищальми[43], то из таковых пищалей въстретили б неприятеля сажен во сте и пока к сражению сходятся, а у них бы начальных людей, кои перед полком выступают, поубавил бы. А егда саженях в 30 будут, то бы встретил их рогаточною стрельбою, а кои от рогаточныя стрельбы останутся, то тех бы те солдаты из своих фузей подхватили. И от тоя стрельбы кои остальцы будут, то бы их ручным боем прикололи, а буде устемятца на побег, то конные, такие же огнестрельные драгуны, проводили бы их до упокоения вечнаго.

И к таковой огнестрельной пехоте да устроить конных бойцов, хотя одну тысячу человек таковых, чтоб, на коне скачучи или и рысью бегучи, стрелять могли по цели въпред себя и на обе стороны и назад себя, то таковая и одна тысяча заменит у дела паче десяти тысячь. А дело бы у них споряе и дватцати тысячь было, потому что противу таковых бойцов, я невем, кто бы мог устояти и чтобы по прежнему во огне целой день стояти, но и в четверть часа скучат. Я то могу разуметь, что и дву запалов не вытерпят, но все остальцы будут смекать, как бы голова своя унести.

И аще бы Бог помог таковых воинов набрать тысяч пять-шесть, то не почто бы пятьдесят тысячь войска коннаго держать и кормить напрасно. И аще как пехота, так и конница, не будет пулей даром терять, то от таковых бойцов неприятелю трудно будет и на убег бежать, а и догонять таковых бойцов неприятель не посмеет. И таковым воинам подобает и ружье самое доброе и цельное иметь и имел бы конной воин ружья при себе, фузею, да пару пистолетов длинных, да коротышков карманных пару ж, да копейцо при седле самое острое иметь под ногою, ратовище[44] аршина в три или в полчетверта[45]. И таковым воинам подобает носить одежда красная, понеже они огнистые люди, яко огнь малой многие древеса пожигает, тако и сии; а аще на пространном и свободном месте, то и малыми людми, аще Бог помощь свою им пошлет, могут многих поразити.

И таковые бойцы при свободных местех десятию тысящами заслужили бы за пятьдесят тысящь. И аще и не таковы будут умётельны стрелять, еже бы ни единые пули даром не потерять, обаче

надобно служивой люд беречи, чтобы им нужда ни хлебная, ни одеждная не касалася. Зело бо о них слышно, еже иным на месяц и по десяти алтын не приходит, то чем ему прониматися, где ему взять шуба и иные потребности, и харчу на что ему купить? И в таковой скудности будучи, как ему не своровать и как ему из службы не бежать? Нужда пригонит к побегу, а иной и изменить будет готов.

О солдатех и о драгунех надлежит великое попечение имети и пильно того смотрити и при квартирах, чтобы они ни пищею, ни одеждою не скудны были, а при армии и наипаче подобает их довольствовати, чтоб они радующеся служили. И егде всем будут довольни, то и служба их будет исправнее яко в главных полкех, тако и в последних и в новобранных. Аще будут вси пищею и одеждою довольны, то вси, радуюся, будут служити.

А и сие, мнится мне, не весьма прямо учинено, аще и с немецкего переводу взято, еже мундир солдату или драгуну дать, а последи за весь тот мундир из жалованья месячнаго и вычесть. И от таковых вычетов как солдатам нужде не быть? Жалованья ему на месяц учинено только тритцать алтын, а за вычетом дасца ему только десять алтын или меньше. И ис таково малого жалованья чем ему шуба и шапка и рукавицы и чулки или онучи купить? И мне мнитца, и вычеты отставить и по гривне денег на месяц надлежит им и прибавить, чтобы им было чем исправить свои нужды. Мне мнитца, аще вычеты отставлены будут, то гораздо радостнее и радетельнее будут служить.

Я истинно видел, в Санкт-Петербурге солдат купил мяса на грош на последней недели рожественскаго мясоеда и говорит: «Хотя бы де для заговенья оскоромится». И сие не самая ли нужда, что весь мясоед ел сухой хлеб? И буде и в службе будучи, при армии такую ж нужду принимают, то трудна их служба. Я мню, аще бы пищею и одеждою довольни были, то чаю, что служба у них въдвое споряе была. А егда голоден и холоден и ходит скорчася, то он какой воин, что служа воет?

А буде кой солдат иди драгун и от довольной сытости да станет плутать и из службы збежит, то, поимав ево, распросить, отъчего он побежал. И буде не хотя служить, то учинить ему смертная казнь или вместо смертныя казни наложить ему на лоб хер или иной какой знак, чтобы он всякому знатен был, что он беглец, то уже тот въпредь

не побежит, потому что за таким знаком никто его на двор не пустит и ни х какой работе нигде ево не примут, и где кто ево не увидит, аще не при полку, то поимать ево может и, съвязав, отослать к суду, а суд ему уже смертен.

А буде же пойманной солдат скажет, что бежал он от обиды афицера своего, то надлежит розыскать. И буде обида будет явна, то надлежит дать кару афицеру, а солдата от хера свободить.

Многие бо солдаты и драгуны на афицеров своих жалуютца, что великия им обиды чинят, а управы на них не сыщут.

И ради общежительства любовнаго, аще великий наш монарх повелит суд устроити един, каков земледельцу, таков и купецкому человеку, убогому и богатому, таков и солдату, таков и афицеру, ничим же отменен, полковнику и генералу, и чтоб и суд учинить близостной, чтобы всякому и нискочинному человеку легко было ево доступить, како на простолюдина, тако и на служиваго, то по таковому уставу не то что афицерам солдат изобижать, но и земледельцев не будут обидить. Аще увидят прямой правой суд, то вси прежную свою гордость и озорничество и обиды все отложат и будут со всеми чинами любовно обходитися и на квартерах стоять будут смирно, и чего им не указано, не станут того делать и указы его и. в. не станут ничтожить, ибо те же люди, да вси изменятся. И зато всякому чину будут милы и в квартерном стоянии вси будут им ради яко свойственникам.

Сей же суд, мне мнится, не весьма прав, еже простолюдину о обиде своей на солдата у солдата ж милости просить, а на афицера у афицера ж. Старая пословица есть, еже ворон ворону глаза не выкълюнет. Сие бо есть явное дело, что салдат на салдата никогда не посягнет, а офицеры и давно не променяют своего брата и на салдата, а не то что на простолюдина. Всегда бо свой своему поневоле друг, а нельзя им друг другу и не наровить, потому ныне тот винен, а на иной день будет и он винен, и того ради не можно им правого суда на своего брата изнести.

А аще суд будет по нынешнему и разной, служивым особливой, а прочиим чинам особливые ж, да будут единой главной канторе подсудны и во всем послушны, то может правда уставитися. Абаче ради нелицеприятного суда надлежит судьям быть особливым, кроме солдат и афицеров, чтоб уже был суд всем людям без поноровки, и судьям страшно жестокой указ предложить, дабы никаковому лицу

ни понаровки, ни посяжки не чинили, а неправедно ни самого земледельца безвинно осудить или и челобитной у него не принять не смели.

Прежней суд у салдат таков был: буде солдаты кого убьют или ограбят, то они ж будут и правы, а кого били иль грабили, то того ж и виноватым делали. И хотя кто салдата и поимает, то и сам не рад будет, ибо аще и с полишным приведет к ним, то поимщик же бит будет. Мой человек поимался за лошадь мою, то лошадь у него отняли да его ж капитан Маврин высек батоги[46]: «Для чего де ты обоз останавливаеш, ты б де за лошадью шол в Санкт-Петербург, там бы де и суд на него дали». И тот суд далек стал быть и труден, лошадь дана 4 рубли, а послать туды бит челом, то больши того еще приложи. И та лошадь была у подводчика, а не у салдата, только под обиходом афицерским, а и тут суда не сыскал.

А и сие изложение, мню я, что не весьма здраво положено, еже и служивому на служиваго бит челом служивым же афицерам. И буде на равнаго себе бьет челом, то всячески дадут суд, а буде на афицера, то и мыслить нечего, что суда не сыщет, как ни есть, а изволочат. Буде кто не вельми докушлив, то ево манами проволочат, а будет кто докушливо станет бит челом, того посылками[47] удручат, что не рад будет и челобитью своему.

И то стало быть худой суд, и того ради надлежит всячески потщатися о правом суде, дабы никто к Богу не воздыхал и на суд поречения бы никакова не наносил и чтоб Богу никто не жаловался, но всякому б человеку суд был правой и всякой вине решение б чинить на земле, а до небесного судьи не допустить бы.

И аще суд у нас в Руси устроитца праведной и приступ к нему будет близостной и нетрудной, то никто никого суду Божию предавать не будет, но кийждо по вине своей и суд и награждение приимет на земли.

Глава 3. О ПРАВОСУДИИ

Бог правда, правду он и любит. И аще кто возхощет Богу угодити, то подобает ему во всяком деле правда творити. Наипаче всех чинов надлежит судьям правда хранити не токмо в одних делах, но и в словах лживо ничего не говорити, но что прилично к правде, то и говорить, а лживых слов судья никогда б не говорил.

Понеже судья судит имянем царским, а суд имянуется Божий, того ради всячески судье подобает ни о чем тако не старатися, яко о правде, дабы ни Бога, ни царя не прогневити.

Буде судья суд поведет неправой, то от царя приимет времянную казнь, а от Бога вечную не токмо на теле, но, и на души казнь вечную понесет.

А буде же судья поведет суд самой правдивой и нелицеприятный по самой истинне яко на богатаго и славнаго, тако и на самаго убогаго и безславного, то от царя будет ему честь и слава, а от Бога милость и Царство небесное.

Судья бо аще будет делать неправду, то ни пост, ни молитва его не поможет ему, понеже уподобится лживому диаволу.

А буде же будет делать прямую правду, то подобен будет Богу, понеже Бог самая правда. И аще судья не погрешит в суде, то паче поста и молитвы поможет ему правосудие его, писано бо есть, яко правда избавляет от смерти.

Судье ни о чем не подобает у Бога просити, токмо о том, дабы Бог ему открыл, како между людми Божиими суд правдив судити, дабы от незнания своего правого не обвинити, а винного не оправити.

Мой ум не постизает сего, како бы прямое правосудие устроити, но, елико ми Бог дарует, готов, написав, предложити. Токмо не без страха есм о сем, еже аз весьма мизирен и учению школьному неискусен, и како по надлежащему достоит писати, ни следа несть во мне, ибо самый простец есм, но токмо возложився на его Божию волю, дерзнух мнения свое изъявити простотным письмом.

Первое же мнение свое предлагаю о судействе сицевое: егда кто от его и. в. определен будет ко управлению судному, то подобает ему умолить презвитера, дабы Господу Богу всенощное бдение отправил и литургию и молебное пение Богу отцу нашему небесному б возъпел. И в том молении просил бы о откровении в делах у господа Бога со слезами, еже бы Бог подал ему познавати правость и винность во всяком деле. И во всем том правлении надлежит всего себя вручить Богу и ежели бы он не допустил до какова либо искушения и чтоб от неправости какой не впасти бы в каковые напасти.

А не худо бы и на всякой день, востав от ложа своего, тот новосочиненной Богу Отцу нашему небесному канон прочитовати с бо-

гомыслием, дабы дела его судные строились по воли его Божией и не допустил бы Бог до какова либо искушения и избавил бы от всякаго лукаваго дела.

И положить себе надлежит устав недвижимый такой, еже, вшед в канцелярию и седши на место, перьвее велел бы колодников, что их есть, поставить перед себя налицо и спросил бы всех порознь, кто в чем сидит, и у коего подьячего дело его, то справитца з делом. И буде дело до кого невеликое, то того ж часа и решить ево, а буде коего дела решить того часа невозможно, то велел бы того освободить на поруки или на росписку или за пристава и положил бы срок, когда коему явитца. А что ежедневно являтца, то самое безделье и излишня волокита, стал бы он на положенной срок. А в приказе бы кроме розыскных дел, отнюд бы никого не было. И до коего сроку кто будет свобожон, то судья бы написал в памятную свою книжку, чтобы того числа решить ево, и тот срок судье вельми надлежит памятовати, чтобы на себя пороку не навести.

И тако на всякой день судье годствует колодников пересматривать, чтобы не был кто напрасно посажон. Изъдревле много того было, что иного подъячей посадит без судейскаго ведома, а иного и пристав посадит, и без вины просидит много время. И аще кой судья сего смотрить не будет, то взыщется на нем вина в главной канторе, коя на управу неправым судьям учинена будет.

А древняго у судей обыкновения такова не было, еже бы колодников самому судье пересматривати и дела их без докуки[48] разсматривати, только одни подъячие перекликают и то того ради, что все ли целы, а не ради решения, и того ради много и безвинно сидят и помирают голодом.

В прошлом 707 году при моем виденье привел в Преображенское[49] слуга боярской деловаго человека[50] за то, что он сказал за собою слово государево[51]. И князь Федор Юрьевич спросил у него о слове и он сказал: «Я де желая великому государю служить в салдатех, а помещик де зато велел меня сковать, я де того ради и сказал за собою слово государево»[52]. И князь Федор Юрьевич и отослал ево в салдатство, а каторой человек ево привел, посажон был в острог и сидел тот приводец недель с пятнадцать с Великова поста до Петрова дни[53], и то пришол их стряпчей, да вынул на росписку. А по правому разсуждению не довелось было и единаго дня ево держать, а и росписка было брать не для чего. Все сие затейки приказных

людей, а людям Божиим таким задержанием и напрасными росписками чинят великой убыток, до кого дела нет, не по что того роспискую вязать.

Тако и по всем приказам чинят. В прошлом 719 году сыщик Истленьев в Устрике[54] у таможенного целовальника[55] взял с работы дву человек плотников за то, что у них пошпортов не было, и отослал их в Новъгород. И в Новегороде судья Иван Мякинин кинул их в тюрьму и один товарищъ, год пересидя, умер, а другой, два года сидел, да едва-едва на росписку свободил. И тако многое множество без разсмотрения судейскаго людей Божиих погибает.

На что добрее и разумнее господина князь Дмитрея Михайловича Голицына[56], а в прошлом 719 году подал я ему челобитную, чтоб мне завод построить винокурной и водку взять на подряд[57], и, не ведомо чево ради, велел меня за караул посадить. И я сидел целую неделю и стало мне скушно быть, что сижу долго и за что сижу не знаю. В самое заговенье[58] госпожинское велел я уряднику доложить о себе и он, князь Дмитрей Михайлович, сказал: «Давно ль де он под караулом сидит?». И урядник ему сказал: «Уже де он целую неделю сидит». И тотъчас и велел меня выпустить. И я, кажетца, и не последней человек и он, князь Дмитрей Михайлович, меня знает, а просидел целую неделю ни за что, кольми же паче коего мизирнаго посадят, да и забудут. И тако многое множество безвинно сидят и помирают безвременно. А по мелким городам многие и дворяне приводят людей своих и крестьян и отдают под караул. И того ради как по приказам[59], так и по городам надобно иметь росписи, что есть колодников, и чтобы без записки в роспись никакова бы колодника ни в приказе, ни в тюрме не держали. А буде в пересмотре явится кто в роспись не въписан, то кто его посадил без записки, надлежит жестоко наказать, дабы впредь так не делали. А и старых колодников, буде по вся дни пересматривать судья за многоделием не управится, то хотя чрез два дни или чрез три, а буде же и тако не управится, то неотложно пересматривать понедельно, а наипаче по понедельникам. И приказных сидельцов в приказе и пересматривать, а тюремных сидельцов, в тюрму приехав, и пересмотреть накрепко, нет ли какова незаписнова колодника или нет ли уходца из записных. (Я истинно удивляюсь, что то у судей за нрав, что в тюрьму посадя, держат лет по пяти-шти и больши.)

А естьли бы судьи и воеводы новоприводных колодников ежедневно пересматривали, то бы сего уже не было и никому бы безвинно посадить и под караулом держать было некак.

А и делам всем, по моему мнению, надлежит всякому судье учинить росписи же и ту роспись по вся дни прочитать и подьячих понуждать, чтоб от челобитчиков докуки не ждали, но то бы и помнили, чтоб дело не лежало без делания и готовили бы к слушанию.

И егда кое дело к слушанию готово, то судье с товарищи[60] слушать, не дожидаясь от исца иль от ответчика докуки о вершенье. Судье надобно помнить то, чтобы даром и единаго дня не пропустить, чтоб дела какова ис той росписи не вершить и, слушав, чинить решение немедленно, дабы людие Божии во изълишних волокитах напрасно не мучились.

А и дела к слушанию готовить, по мнению моему, надлежит сице[61]. Которой подьячей из коего дела делал выписку, то бы и подъписал под тою выпиской: «Я, имрек, выписку сию делал и истец по сему и по сему прав». А буде истец винен, а ответчик прав, то такожде имянно подписать, почему он прав и почему другой виноват.

И судьям, то дело выслушав, высмотрить хорошенько правды и неправды, и ради лутшаго разумения зделать из дела выметка коротенькая и росписать имянно правости и винности и, высмотря тое выметку, посмотрить подьяческого оговору, кого он правит. И буде подьяческой оговор с судейским сходен, то и ладно так, а буде у подьячего оговор зделан разумнее и правильнее, то такова подьячего надобно поберегать, а буде дел пять-шесть иль десяток зделает и оговоры его правильны, то надлежит ево и честью повысить.

А буде же подьячей зделал вопреки правде, то учинить ему наказание неоскудное, а буде же делал токой приговор по пристрастию, то люте наказать и жалованья убавить. А буде же в другой ряд такожде неправо подпишет, то уже и казни подпадет.

И егда кто богатой или и самой убогой челобитную о обиде своей или и в каковом ни есть случае подаст, то, по моему мнению простотному, надлежит ее судье принять и заметить число подачи, а к записке ее в протокол не отдавать, и самому судье вычести ее со вниманием, чтоб чтеное памятовать. И, высмотря челобитную в тонкость, взять того челобитчика в особое место и спросить его сице: «Друже! Подал ты челобитную о обиде своей, право ль ты на него бьеш челом»? И аще он речет: «самою правдою», то надлежит ему

молвить: «Господа ради, сам ся осмотри, чтобы тебе не впасти в напасть и в великой убыток, паче же убытку в грех не впади, чтобы тебе во второе Христово пришествие праведным его судом осуждену не быть», и сказать: «Мы судим овогда право, овогда же и неправо, понеже мы не сердцевидцы, а тамо не наш гнилой суд будет, но самый чистый и здравы и всякая лож и правда будет явна, и не токмо большие дела, но и самая малая крупина будет обнажена, понеже сам сердцевидец Бог имать судити».

Святой апостол Павел глаголет, яко страшно есть впасти в руце Бога жива (Ко евреям, глава 10, стих 31). И сего ради ты, друже мой, сам в себе помысли, дабы тебе не впасти в Божей суд. Вельми надобно Божия суда страшитися, понеже Бог ни на каковыя лица не смотрит, но на самое дело. И аще ты сего человека изубытчиш напрасно и на нашем суде аще и прав будеш, а тамо оправдание наше буде тебе в большее осуждение, буде напрасно его изубытчиш, а и нас на грех приведеш».

«А еще же ты сам пред ним чем винен, а надеясь на свою мочь потолочишь ево, то уже самое горшее осуждение приимеши. И аще тогда и каятися будеши, да ничего себе не поможеши, итого ради ныне осмотрись, дабы тебе в вечную погибель не врынутися. Кто пред Богом не грешен и кто пред царем не винен? Такожде и между собою како бы в чом не посъсоритися; Господа ради не входи в большую съсору, ни приложи болезни к болезни и суперника своего не вводи в большей убыток. Естьли ты и прав будеш, то не без убытку тебе будет, а естьли же да неправ будешь, то ево изубытчиш, а себя и наипаче в великую напасть въвалишь, понеже все убытки ево, что он ни скажет, безсрочно доправлено на тебе будет, да в казну заплатиш пошлину, а приказным людям даш заработные деньги. Пойди себе и з добрыми людми подумай, и как ни есть, хотя на себя наступя, а лутши помирись, а челобитную ево у себя поблюди, дондеже о миру договор учинят».

И потом ответчика велеть сыскать, и егда ответчик приведен будет, то такожде на словах ево проспросить, чем он ему виновен, и спросить ево за верою, чтобы он сказал всю правду, как что было и за что у них стало. И буде он тебе повинитца, то ты для памяти вину ево у себя запиши и за повиновение надлежит над ним милость показать, како бы их смирить, а до больших бы убытков не допустить. А аще повинится в малой вине и о прочем скажет с клятвою,

что написал на него излишнее, то уже судье надлежит более пороздробить исца на словах и поискать правды всякими примерами. И буде ответчик прямо сказал, то в исце мочно поклепной иск познать.

А буде ответчик, за таким великим притужанием, вины своея ничего не скажет и клятвою закрепит, что он ни знает, ни ведает, напал де на него челобитчик напрасно, и то, что он ни скажет, записать и всячески на словах ево пороздробить, как кого на тот час Бог вразумит.

И аще кто умно будет разговаривать, то на тонкостных[62] словах мочно познать, правду ль сперва сказал или неправду. И буде признаетца в нем вина, то надлежит ево и наипаче принудить с великим притужанием, чтоб он помиловал себя и помирился бы.

А буде же признана будет исцова неправда, что ищет он нападком, то надлежит ево понудить к миру, чтобы он ни ответчика, ни себя в убыток бы ни вводил и вражду свою порвали б без допросов, чтобы им обоим убытку напраснаго не было.

А буде же истец или и ответчик будет гордо говорить и на мир итти не похощет, и таковому сказать: «Добро то, буде ты прав будеш, а буде же явишися винен, то тогда ни малыя милости от нас не получиш. Однако же, аще ты и весьма прав, а лучши без больших убытков помиритца, потому что и худой мир лучши добрыя брани, и живите себе в любви. Ведаеш ли ты о сем, что иде же любовь, тут и Бог, а иде же вражда, тамо диавол»? И дать им сроку дни на три или на четыре и аще во всем помиритца, то пришли бы они оба перед судью и объявили бы о миру своем. И тот их мир записать в книгу, на то устроенную, и записать имянно, о чом у них было дело подлинником, а не перечнем, и к той записке приложили бы руки, а челобитная подрать и отдать челобитчику. И мировые пошлины взять с них по указу и в мировой книге под запискою их и под взятьем пошлин закрепил бы сам судья иль воевода. А аще кои суперники в мир не пойдут, то чинить им допрос по указу перед судьею, и кто кого чем будет уличать, надлежит судье слушать и внимать и на словах обоих их надобно судье поводить и искать в них правды. И на многих и тонкостных словах означится правда и неправда.

И буде из них один силен и честен и словесен, а другой беден или не беден, да безсловесен, к тому же аще и малосмыслящь, то

судье надобно на сильное лицо, не стыдяся, востати, аще во убогом или и неубогом, да безсловесном исце или ответчике призначится правость. А которой многословесием своим не даст ему в словах выправиться, то всячески, ради любве Божия, помощи подобает безсловесному, и сильному не давать ево, безсловесного, изобидити, понеже суд имянуется Божий, то тако надлежит и чинить, чтобы суд был подобен Божию суду, нелицеприятен. И чтобы на суде и в допросех были исцы и ответчики сами, а не наемные ябедники, понеже ябедники ябедничеством своим и многословесием и самую правду заминают и праваго виноватым поставляют, а виноватого правым, и так правду заминают, что и судьи слов своих разобрать не могут. А кой не ябедник, а ябедник буде мешать ему не будет, то он больши правду будет говорить и буде молвит какое слово неправое, то он и сомнетца, и того ради не у ябедника скоряя винность и правость познать мочно. И того ради супернику не надобно давать слов его заминать, а и подьячему, кой записывает, торопить ево, ни спорить, ничего не надобно, как он знает, так пусть и выправляется, только бы лиш посторонних и к тому делу неприличных слов не говорил бы.

И егда будут в допросех и станут на очной ставке друг друга уличать, то судье при себе надобно держать та записка, которая записана в канторе в первых их разговорех и смотрить прилежно, не будет ли ищик или ответчик с первыми своими словами разбиватца. Буде станет говорить не так, как на одине сказал, то во измененых словах паче перваго надлежит в словах раздробить, чтобы дощупатца самые правды. И аще безъсловеснаго явятся слова с первыми сходны, а у многословесника явятся разны, то всячески надобно безъсловесному помогати и сильному не дать ему теснить и обиду чинить.

А буде во время допросу подойдет кто с стороны и станет в каких-либо словах учить, то того учителя надлежит взять под караул. И буде безхитростно поучил, то штрафом ево обложить, а буде нарочно, на то уготовавшись, пришол, то и розыску[63] подлежит.

И того ради во всякой канцелярии надлежит зделать особые чуланцы, чтоб во время допроса никто посторонней тут не был, а и судье бы никто не мешал.

А за обидимаго и самому судье надлежит быть стряпчим, обидънику же быть жестоким судьею и немилостивым. Так надобно здраво судить, чтоб аще и самый свойственник ближней под суд

прилучится, а по делу винен будет, то отнюд не надлежит ево щадить, чтобы во второе свое пришествие господь Бог не стал пересуживати, а за неправой суд не быть бы осуждену самому судье на вечное мучение.

И у коих суперников учинится какая съсылка общая или и необщая, то паче судные записки прилежно и разсмотрительно надлежить в них поискать прямые правды, потому что ни в чом таковые лжи не обретается колико в свидетельстве.

А что в проклятых повалных обысках[64], то сам сатана сидит, а Божия правды ни следа нет: всех свидетелей пишут заочно, а и попы и дьячки, не видя тех людей, на коих кто послалъся и на словах не слыша, да руки к обыскам прикладывают.

И ради истребления таковые ябеднические неправды надлежит первее по обыкновению приказному взять у них скаски[65] за руками, и чтоб подьячие их в словах не разбивали и не научали бы, как лутчи сказать, но дали бы им в словах валю, и что ни скажут, добро или худо и сходно или и несходно, так бы и писали и чтобы к тем скаскам приложили они руки, а дьяк или секретарь закрепил бы того ж часа, дабы последи нельзя им переменить тех сказак. А буде кой скажет: «за мною де те ж речи», то так и записать, что сказал те ж речи и за мною, кои первой третей сказал.

А кто послался на повальной обыск, то по прежнему взять у них свидетельство за тамошними руками. И егда те обыски приняты будут в приказ, то надлежит велеть им привести ис тех свидетелей человек двух или трех из разных деревень, а буде большой сыск, со всякаго десятка по человеку ради достовернаго свидетельства.

И егда свидетели явятца в канцелярии, и судье, те обыски приняв и высмотря их, взять из тех свидетелей одного в кантору, и поставя ево пред образ Божий и рещи: «Ты, друг мой, написан свидетелем, скажи ты мне так, как тебе на втором Христовом пришествии стать, и не моги ты ни единова ложнова слова сказать. Аще неправду скажеш, то себя погубиш, и ты сам себя побереги и ни моги ты ни прибавить, ни убавить, как что ты видел, так и сказывай. Я тебе сказываю, что естьли ты мне солжеш и скажеш по дружбе или изо мзды неправду, то кто тебя принудил солгать, виновен будет платежу, а тебе за неправое твое свидетельство по новоизложенному его и. в. указу отсекут голову И ради незабытныя памяти и иным лжесвидетелем на показание голову твою возложат на кол и поставят

ее при входе в канцелярию, дабы всем всегда зрима была (и колико лжесвидетелей ни явитца, всех рядом головы на колье тыкать). А пожитки все их взяты будут на великаго государя, а жены и дети будут отданы в вечную работу. И того ради сам ты себя и детей своих побереги, буде ты подьячему сказал и ложно, то ты теперь исправся и скажи мне самую правду, как ты что видел или слышел от кого, или только от того слышел, кто на тебя послатъся. И буде ныне прямую правду мне скажеш, то себя избавиш ты от смерти, а что подьячему ложно сказал, в том прощон будеш».

И аще кто скажет пред судьею прямо, что он по научению того суперника, кой на него слался, сказал ложно, то та вина разделить на двое, половина тому лжесвидетелю, а другая учителю, и учинить им наказание равное и по жестоком наказании запятнать их на лице и на руке лжесвидетельным пятном. И буде впредь в таком же ложном свидетельстве явятся, то безъотложная чинить смертная казнь.

И кто в таковом деле не принесет повинную, то таковых от наказания жестокого чинить облегчение. И на такия дела и книга иметь особливая, чтоб, кроме повинных, иных никаких дел не писать, чтобы мочно было без замедления сыскать, хотя в десять лет. А буде кто в таковой же вине явитца впредь, то чинить ему указ уложенный.

А буде же пред судьею в канторе не повинитца, а в словах своих станет мятца, то таковаго надобно с великим притужанием напорно всякими образы разными допрашивать: давно ль то было и товарищи ево, кои в росписи написаны, все ли тут были, и прежде ево они пришли или после, или все они вместе пришли, и отъкуду пришли и где они сошлися, и отъчего у них сталось и как кончилось, и о коем часе дня или ночи и в какой хоромине или на дворе или в ином каком месте; и буде в хоромах, то в коем месте, в переднем ли углу или у дверей или у печи за столом, и сидя ли или стоя, и рано ль или поздно, на дворе ведрено ли в то время или ненасливо было и после того случая, как разошлися и кто из них прежде пошол от него или кто остался или все вместе пошли и колько их было и всех ли он знает иль и никого не знает?

И как кого Бог вразумит, надлежит в самую тонкость свидетелей допрашивать и все те дробные речи записывать имянно, как кто о чом ни скажет, потому что в свидетельстве без меры много ложных свидетелей бывает, а на тонкостных роспросех мудрено ему

ложь свою укрыть будет. И, допрося, отвести ево в особное место, чтобы он ни с кем никакова слова не промолвил.

И потом, другова свидетеля взяв, такожде в тонкость допросить и у того допросу никто бы посторонней не был, но токмо подьячей один, кой будет записывать. И буде грамоте кто умеет, то руку бы приложил, а буде кой не умеет, то печать бы свою приложил, чтобы последи спорить не стал.

А буде каким случаем тот допрашеваной свидетель промолвит с товарищи слово какое, ко льже подтвердительное, то надлежит распросить ево уже и в застенке, чево ради такую речь им промолвил.

И колико их свидетелей не будет, всех допрашивать таковым же образом, а буде не все свидетели придут, то никово из них недопрашивать, пока все на лицо не будут.

И по таковому тонкостному допросу вся будет правда и неправда явна. И буде кои свидетели были б ложные, то как бы они не ухищряли, а в таковых допросах ни коими делы ложнаго свидетельства утаить будет не можно. При Данииле пророце и два свидетеля не могли своея лжи сокрыти, и зато оба смерти преданы. А естьли где случится свидетелей человек пять-шесть, то хотя бы они все целый год твердили как им сказать, то не могут неправаго свидетельства сочинить, но всех их лож явна будет.

А буде же в свидетельстве случится токмо один человек, то такожде надлежит ево сперва по приказному обыкновению подьячему допросить, потом по вышеписанному ж изъявлению взять ево в кантору и роспросить ево таким же тонкостным допросом или и вящши того, как на тот час Бог вразумит судью, понеже в одном свидетеле многотрудно прямая правда сыскать. Обаче, допрося ево, отдать под караул и въвести в кантору того, каго оправит и роспросить ево имянно противо свидетельскаго порядка без уятия дробных вопрошений, но еще и приложить тонкостнейших допрошений, дабы и в одном свидетеле мочно было правду и неправду сыскать, и спросить ево о том свидетеле, прежде ли суперника ево пришол к нему или после и, пришед, в коем он месте сел или стоял, и от него вместе ли с тем суперником пошол вон или прежде или после?

И буде тот истец или ответчик в роспросе своем размолвитца, то паки взять того свидетеля и объявить ему размолвка и пристрастить ево гораздо, чтобы он сказал самую правду без пытки. И буде повинится, что был он научон на такое ложное свидетельство, то по

вышеписанному ж вина разложить на обоих, кто ево научил и на него, послушника лжи.

А буде теми допросами рознять не мочно, то привести в кантору, кого свидетель винит. И буде тот суперник, видя себе обличение прямое, повинится, то и конец делу. А буде же не повинится и скажет с клятвою, что свидетель на него свидетельствует ложно, и ради изыскания правды и его спросить тем же порядком в дробь, как они в то время случились с суперником оным, и свидетель тот, как тут прилучился быть, при нем ли пришол, или до него тут был, и чтобы сказал всему тому делу начало и конец, и всему тому делу весь порядок, как что было.

И буде с третьим будет у него различие в порятке того случая, то паки взять в кантору свидетеля и, применяясь к различным словам, спросить ево обо всем снова иным уже порядком. И буде сомнетца в словах своих и явитца в порядке том разность, то, немедля, и в застенок и спросить уже и с пристрастием и с розыску. Естьли явитца, что он налжесвидетельствовал по дружбе иль по свойству, а не из найму, то мнитца мне, мочно ему от смерти быть и свободну, а наказание весьма жестокое учинить, как о том уложено будет. А знак не токмо на руке, но и на лице положить такое, чтобы он всем людям знатен был, что он лжесвидетель, и никто б ему не верил.

И ради таковых допросов изыскательных надлежит судье приезжать по обеде, чтобы допрашивать всякими разными порядками, не торопясь, не так допрашивать как семо написано, но смотря по делу и по случаю и на самое дело зря, а не наизуст, ибо, дела не видев, не можно о всем въполности написать, семо токмо означено для примеру, каким порядком что чинить. И к тому применяяся, надлежит в Бога милости просить всякому судье, чтобы вразумил ево, как ему правда сыскать и как неправда познать. И во время допроса не надлежит в судейскую полату излишних людей пускать, чтобы в допросах помешательства какова не чинили.

И егда исцовы и ответчиковы и свидетельские допросы кончатся и правда вся означится, то немедленно надлежит и вершить ево, чтобы, за тем делом волочась, люди Божии не разорялись и напрасно не убытчились.

Буде же кои люди повинны будут смерти, то и их держать долго не надлежит, токмо для покаяния неделя место или дней десять, дабы в тыя дни постился и молилъся и о грехах своих каялся.

А буде кои люди явятся богохульцы, иже Тело Христово и животворящую Ево Кровь в скверну вменяют и ругающеся мерзостью запустения нарицают, то таковому не надлежит живу быть ни суток, но, из застенка вышед, и вершить ево, потому что таковых сам Бог еще при Моисее повелел предавать смерти.

Осмотрись, старичок, и эту речь вонми, несть грех, побеждающий Божие человеколюбие![66]

А буде кто из таковых хульников проситца будет на покаяние, верить тому не подобает, понеже несть таковым покаяния. Сам бо Господ Бог усты своими рек: «Аще кто духа святого возхулит, не отпуститца ему той хрех ни в сей век, ни в будущий» (Матфея, глава 12, стих 31). А тыи богохульцы явно Духа Святаго возхуливши, иже действо Духа Святого хулят и силу его Божественную снижают и отъемлют, яко бы ныне Дух Святый ни на какая церьковная действа не сходит и не действует.

Вси бо богохульцы последуют диаволу, како диавол, что ни речет, то все ложь, ничим же разни и богохульцы, что не скажут, то все ложь, как законы их ложны, так и слова их все лживы.

И буде вступятца за них духовнаго чина или мирскаго и будут просить, чтоб из таковых богохульцов от смерти свободить, и буде поручатся в том, что он совершенно каетца и хощет к православной древне вере приступить неложно, то в поручной записи написать имянно, что въпредь ему богохульником не быть и людей Божиих из древней веры в новыя своя разноверия не привлачить, но и старых своих товарищей, отпадших от благочестия, обращать на истинную христианскую древнюю веру. И аще кого увещает на покаяние, приводил бы в приказ к записке, а буде обращать от своего заблуждения не будет, то он лестно покаелся и зато порутчиков ево оштрафовать надлежит, а ево в вечное заточение отослать или уже и вершить ево.

А буде же кто по покаянии своем будет учить своему зловерию[67], то уже отнюд сроку ему не давать, ево жестокой смерти предать, а порутчиков ево оштрафовать с наказанием.

А разбойников, мнитца мне, больши трех пыток не для чего пытать, дабы во многих пытках не продолжилось их сиденье. Вора и разбойника держать долго отнюд не надобно, что доле он сидит, то боле от него пакости. И каково вор в первом и в последнем застенке говорит согласно, то и, привед его к плахе, паки спросить,

правду ли на них сказал? И буде и при самой смерти то же скажет, то ево вершить, а по оговорных людей послать и, как прилично будет, так и розыскивать и последи его.

И аще такой краткостной суд будет ворам и разбойникам, то им страшнее жестоких смертей будет, понеже кой прежнему долго жить не станет, что попал, то и пропал. А долгое сидение великая была им потачка, а и каторга им не великая угроза, потому что и с каторги уходят. А аще в неделю конец будет, то всякой вор и разбойник страшен будет.

И егда приведут какова вора, а тут есть какой вор давной сиделец, то новоприводнаго отънюд к нему сажать не надобно, не распрося, но посадить его особливо, чтоб ни с кем он не виделся, а после и роспросу не весьма спускать надобно; потому что многия с приводу всю правду сказывают и в убойстве винятся. А егда старые колодники подъкрепят, то уже и станет с себя зговаривать и с огня уже не будет винитца, и тако иные и на свободу выходят.

Буде воры оговорят в товарыщстве своем жителей домовых, то в домех их во всех клетях переискать накрепко, нет ли какова платья или и иной какой рухляди, коя ему не свойственна. И буде у кого явитца приличие к воровству, то и без свидетельства будет он явен, а буде никакой прилики не сыщется, то соседей всех допросить накрепъко, ведают ли за ним какое воровство, и чтобы сказали без утайки. И сказать тем соседям имянно, буде о воровстве ведаете и не скажете, а последи явитца, что ведали, то какова смерть вору, такова и вам будет.

И аще и ничего ближние соседи не скажут, обаче спросить и дальных, и буде и дальные соседи скажут, что он доброй человек, то положа на руце его такой знак, что был он в оговоре и отпущен на свободу. А буде впредь иные воры оговаривать ево будут, то надлежит уже ево пытать.

А буде посланной по воров учинит ворам какую поноровку и поноровка ево буде явна будет, то, чаю, достоин будет смерти.

Мне мнится, естьли бы новоприводных воров после приказнаго распросу, не медля ни часа и в застенок бы, чтобы он не надумался, то он оторопеет и скажет правдивее, а егда надумается, то уже прямой правды не скажет. И аще кой вор в приказном распросе винился, а с пытки станет запиратца, то надлежит ево жестокими муками мучить, чтобы он сказал, кто ево научил с себя зговаривать.

И егда скажет научившего его, то, взяв того учителя, жесточайшими пытками пытать, чтобы он сказал то, чего ради он учил зговаривать с себя и учинить ему наказание жесточайшее.

А которым ворам надлежит живот дать, то тех просто отнюд не отпускать, но учиняя наказание уставленное, на обеих руках и на лице положить клейма, чтобы он был всем людям явен, в какой вине был. И буде впредь хотя мало приключится к таком ж делу, то уже конец ему известной.

И о сем судьям вельми надлежит пещися, чтобы в тюрьмах колодников не много было, то бы добро, ежели бы и единаго узника не было. Худая судьям похвала, что колодников много держат, но то самая честная похвала, чтобы ни одного колодника не было.

То судье прямая честь, еже бы не токмо колодников, но и челобитчиков в канцеляриях немного шаталось. Я не знаю, что в сием за краса, еже так в канцелярию челобитчиков натиснетца, что до судьи и дойти не можно.

То бы добро, еже бы пред судьею человека два-три иль пять, шесть стояло и то, коим дело есть, а кому дела нет, то бы, поклон отдав, да и шол бы вон, а челобитчикам бы не мешал, такожде и судье в разсуждении препоны бы не делал.

По моему мнению надлежит судьям так учинить, чтобы не то что перед ними, но и в подьяческих столах никто бы без дела не шатался.

И подьячим всем надлежит приказать с крепким подтверждением, чтобы челобитчиков отнюд долго не волочили. И о сем всякой судья за подьячими смотрил бы прилежно, чтобы они без подлиннаго повеления ничего бы не делали. И буде кому надлежит выписка или и иное какое дело делать, то всякой бы подьячей своему делу срок положил и челобитчику велел бы на положенной срок приходить к себе, а до сроку отнюд бы в приказе не шатался. И, для верности давали бы подьячие челобитчикам рукописные ерлыки и в тех ярлыках писали бы имянно, к коему числу то ево дело он изготовит. И буде на тот срок он не зделает и челобитчик придет пред судью с срочным ерлыком, и по тому ерлыку судье надлежит призвать подьячего и спросить, чего ради он того дела по слову своему не зделал? И буде какое принесет о себе оправдание явное и приличное, а не самоизвольное медление, и тому надлежит дать сроку. И буде и к тому сроку не зделает, то уже надлежит ему дать наказание и со штрафом.

И аще в коей канцелярии тако устроено будет, то в том приказе никогда людей много шататца не будет. А челобитчики вместо излишние волокиты будут управлятися — купецкия люди за купечеством, а мастеровые за рукоделием своим, и от того в народе пополнение будет.

А гостинцев у исцов и у ответчиков отнюд принимать не надлежит, понеже мзда заслепляет и мудрому очи. Уже бо кто у кого примет подарки, то всячески ему будет способствовать, а на другова посягать, и то дело уже никогда право и здраво разсуждено не будет, но всячески будет на одну сторону криво. И того ради отнюд почести ни малые судье принимать не годствует, дабы в неправом разсуждении пред Богом и царем не согрешити.

А кто пред судью придет и будет стоять молча, и такова человека надлежит судье самому спросить тихим гласом, какова ради дела стоит. И егда скажет он о деле своем, то надлежит дело ево паче докушливаго управить, потому что многие люди бывают самые смирные и застинчивые и, аще и самая кровная нужда, помощника ему нет, а сам подокучить не смеет. И того ради всячески ему помогати, и буде ево весть правость, то и наипаче подать ему руку помощи, понеже, таковых безсловесных многословные ябедники[68] вельми изобижают и многоречием своим и правду их заминают. А буде кто бедной человек и на пути на кого либо побьет челом о обиде своей, а дело ево невеликое, вагою ниже рубля, то буде мочно, то тут бы ево и решил, а в приказ бы не волочить ево.

В канцелярии ж егда случится дел каковых слушать, то надлежит слушать ни одними ушми, но и самым умом, такожде и товарищи бы все слушали с прилежным вниманием. И во время слушания ни с каковы делом побочным не надлежит припускать к себе и ни с кем ни о чем не разговарить, дабы от прилежнаго внимания ума судейскаго не отводили. Так надобно разсмотрительно судить, чтобы никакой судья последи того вершенья не мог перерешить. Наипаче ж того годствует страшитися, дабы Бог того суда пересуживать не стал, а за неправое суждение не отослал бы в вечное мучение.

И егда все то дело прочту, то главному судье ни на кою сторону оговаривать не надобно, но токмо еже и уразумел, то держать в мысли своей. И егда товарищи мнения своя подпишут, то, высмотря их мнения, и свое объявить. И аще мнения их с его мнением согласны, то прочесть подьяческие оговоры, и буде и подьяческие

оговоры сходны ж, то нечего много и разсуждать, но так ево и вершить.

А буде же во оговорех чьих разность явится, то надлежит наипаче потолковать и хотя и в другой ряд прочесть и разногласие разобрать, не торопясь, и кои приговоры праве явятся, то, высмотря гораздо, вершить.

И в вершении первее бы подьячие приговор закрепили, а потом товарищи судейския, а последи всех главной бы судья закрепил, чтобы уже ни прибавить, ни убавить было невозможно.

А буде же кое дело спорно и к разсуждению не поемно, то надлежит подлинное дело отдать в другой стол, который на то устроенной — и подьячие б в нем сидели самые свидетельствованные и ко всяким делам разумительные. И велеть ему зделать из подлиннаго дела выметку и, по выметке разобрав, зделать выписка полная, а другая перечневая, и под выпискою подписать ему свое мнение. И аще и по той выписке разобрать будет не мочно, то аще и отъречено в древних указах, еже по окончании суда в пополнение ни челобитен, ни доношений принимать не велено, а мне ся мнит, не то что челобитен не принимать, но и волею брать у них изъяснительные скаски, дабы незаметно мочно решить их дело, или пополнительные челобитные или и снова суд дать, дабы мочно без погрешения ево вершить.

А буде кой подьячей подпишет мнение свое неправо, станет праваго винить, а виноватого править или какую фальш сочинить, правому или к вине или виноватому к правости, то надлежит тонкостнее у него выспросить и с товарищи своими прилежно разсмотреть и выразуметь. И буде означитца ево неправость и коварство, то таковаго надлежит и в застенке разпросить, чево ради так он делал.

А буде же объявил он саму правду, то надлежит ему жалованья прибавить и честию ево при иных повысить, чего судьи разобрать не могли, а он разобрал и ясно показал самую правду.

А буде кой истец или ответчик станет судейское вершенье спорить, а оправдания себе не сыщет, то на нем за неправой спор пошлины и проести[69] въдвое доправить.

А буде и после втораго вершенья станет спорить, то взять уже на нем пошлины и проести въчетверо, а судьям доправить на нем безчестье.

Я по своему мнении судное дело и управление судейское вельми поставляю высоко, паче всех художеств, на свете сущих. И того ради никакому человеку, не токмо малосмысленному, но и самому разумному не подобает судейства или начальства искать, но всячески от него отрицатися, понеже весьма тяжелоносно оно.

Не великое дело, кажется, что из городов в уезды посылают солдат по дворян и по иных всяких чинов людей, и дела прямого аще и на алтын нет, а по кого пошлют, то самые легкое дело, что рубля два-три убытку зделают, а иному рублев и десять учинят убытку и тем людей Божиих вельми убытчат.

Хотя малая какая справка приказная, то не хотят подождать до иного времени, но как здумаит, то и посылают безъсрочно. А того отнюд не чинят, чтоб послать о том, еже взять писменное ведение, или о чом ни надлежит взять на писме отповедь, но только то у приказных людей вытвержено, что поволоки со всякою отповедью в город. И аще кто живет от города верстах во сте-другом, то и тут рубля два-три убытку будет, а в роспутную пору, то будет рублев пять-шесть исътраты, а кто сот в пяти-шти случится, то и десятью рублями вряд изънятца. А приказные люди людских убытков не исчислят, они только свою тягость исчисляют, а людская нивочто, а естьли в деловую пору пришлют, то и без хлеба зделают.

И от таковых посылак вельми много пакости людям чинитца, а судьи о сем попечения ни малого не имеют, чтобы им людей государевых в чем поберечь идо убытка какова не допустить.

А кто хощет прямо его и. в. порадеть, то людей ево паче себя надлежит беречи, чтоб во убожество не приходили и того ради ни малого бы убытку им не чинили. Всякому судье надобно недреманно смотрить за всеми и непрестанно то и смекать, како бы правда прямая учинить и чтоб никого не озлобить и не разорить. Истинно, не имеют не малого попечения, чтобы в чем людей от убытку поберечь.

А и сие здраво ли господа судьи разсуждают, еже из Санкт-Петербурга из губернской канцелярии годы по три, по четыре, присылки были жестокие по новгородских служителей, кои были в бурмистрах[70] и в целовальниках у денежных зборов, чтобы ехали к отчоту. И ездили годы по три и по четыре и больши, да приехав, да там поживут недель десяток и денег десятка по два-три всякой изсорит, да и назад. И кой лет пять-шесть ездил, то я ведаю, что рублев по

сотнице проездили кроме гостинцов, а с гостинцами будет и по другому сту. И отътого людям чинитца великое разоренье и народное оскудение. Буде щитать, то не пошто откладывать из году в год, а буде не щитать, то волочить не почто.

А на что бы того лучши, что в коем городе кто служил, то там бы их и щитать. И щитать бы не десять лет спустя, но приняв казну да приходные и росходные книги, да и щитали бы тутошные судьи безъотложно, то бы всякому служителю легко было служить и отчитатца не трудно, потому что всякое дело ис памяти еще не вышло. А десять лет спустя, я не знаю, какой щот правой будет, только приказным людям покормка. А в скором отчоте и разорения бы ни малого служителям не было и, отъслужа, всякой бы за свой промысл принялся, и от такова управления никогда бы во всеконечное убожество купецкие люди не приходили б.

В немецких землях вельми людей берегут, а наипаче купецких, и того ради у них купецкие люди и богати зело. А наши судьи нимало людей не берегут и тем небрежением все царство в скудость приводят, ибо в коем царстве люди богаты, то и царство то богато, а в коем царстве будут люди убоги, то и царству тому не можно слыть богатому. Я сего не могу знать, что то у наших судей за разум, что ничего в прок государству не прочат, только прочат имение себе, и то на час, а царству так они прочат, что ни за что многие тысящи рублев теряют. Буде по какой причине возмут пожитки чьи на государя, то взяв власно, что в огонь бросят, ибо, взяв, положа их в полату, да держав възаперти год или больши, да станут ценить, то кая шуба соболья была рублев сот в пять, ажно вынут гной один, что и пяти рублев не стоит. И есть ли бы о сем предел положить сицевый, аще у кого под судом тако учинят, то згноеные пожитки доправить на тех начальниках, кои то учинят, то стали бы беречь и нехотя. И такова ради их управления те пожитки с сего света губят напрасно в невозвратну погибель.

А надобно судьям вельми сего смотрить, чтобы ничто ничье нигде даром не пропадало, понеже все, что есть в народе богатства — богатство царственное, подобнее и оскудение народное — оскудение царственное.

Я и сего не могу разуметь, чево ради бурмистров и иных зборщиков весьма турбуют и недочоты безъвременно правят. Буде кой человек каким недоразумением несколько казны утратит или и на

свою потребу взял и от отчоту в платеже не достанет, то, мне мнитца, надлежит у него взять скаска, как он те деньги заплатит. И буде скажет, что вскоре заплатит, то и добро так, а буде скажет в год или в два или в три, то безъвремянно разорять ево не надобно, но взять на нем на те деньги по указу процент.

И отътого великому государю пополнение интереса, а люди будут целы и промыслов своих не отбудут. А безъвременные правежи яко на крестьян, тако и купечеству явное разорение и царству истощение, а не собрание.

Царския собрания не истощатся аще и не круто будут собиратися, всячески свое место наполняет, а крутое собрание не собрание, но разорение. И буде на ком и недочот какой явитца, то только для известия надлежит писать в коллегию, чтоб там явно было, на ком что останетца недочотные казны.

И от такова порядка казне великаго государя будет великое пополнение и царственное украшение, понеже никто разорен не будет и в нищету пригнан не будет же и дом ево цел будет. А по прежнему уставу за доимку[71] двор и пожитки оберут, да оценив впол или в треть или и в десятую долю, да и продадут и тако совсем его и разорят.

А по новосостоявшемуся его и. в. указу на те доимочные деньги на всякой год на сто рублев придет прибыли по десяти рублев. И тако казна великаго государя будет цела и с приплодом, а люди все будут целы и ничим невредимы. И кои люди держат на откупу[72] кабаки или что иное и аще и срок пройдет платежу, то ни по нево, ни по порутчиков посылать отнюд не надобно, потому что в том излишнем задержании умножатися будет царской интерес. А посылками судьи промышленникам чинят великия убытки, а и царскому величеству не прибыль чинят, но токмо препятие его величества интересу.

Сего судьям вельми прилежно надлежит смотрить, буде дело важное и вельми нужное, а буде и важное, да к скорости не нужное, то мочно ему и посрочить. Во всяком деле надобно смекать, чтобы ему, великому государю, прибыток был, а напрасно б ничто не пропадало.

А буде кто похочет коликаго числа на промысл денег, то по требованию надлежит и из казны дать, только того смотрить, чтоб мочно ему верить, и на такую дачу учинить особливая книга[73].

А у крепостных дел[74] на иманцов[75] из царския казны денег или иных товаров или в подрядных делах, по моему мнению, отнюд имать не надлежит, но во устроенной на то книге надлежит иманцу росписатца, а под его рукою подписались бы порутчики и свидетели по обычаю.

А ежели царю брать на своих природных рабов записи, вельми неприлично и чести царстей неприлично. Записи писать надлежит народу между собою, того ради, буде против записи кто не устоит, то по записям друг на друга бьют челом и ищут судом.

А царю несличпо на людях своих судом искать, но аще кто винен будет, то вся может имения его взять, и не токмо имения, но и смерть и живот в руце ево есть. И того ради отнюд не надлежит царю людей своих записьми крепостными крепить, только бы руки он приложил, то и крепость на него.

И аще у кого иманье будет из казны рублев тысячь на десять или и на сто тысячь, то надлежит во устроенной на то книге росписатца. И буде он человек не весьма полной, то и порутчики тут же бы подписались, а свидетелем подписыватца не надобно, для того что судья закрепит. И аще тако устроено будет, то во иманье великое поспешение имать бытии, ибо коего дня понадобитца, того дня и совершится.

А и в купеческом деле не весьма потребно во иманье товаров имать у крепостных дел крепости, понеже в писании крепостей великое чинитца замедление. На что того лутче, что не токмо у иноземцев христианские веры, но и у бесурманов, в турецкой земле, не то что во сте рублях, но и в десяти тысячах и вящши не пишут записей по нашему на целых листах, но токмо роспишется иманец, да тому и верят и вместо нашего листа напишет строки две или три. А у нас, пока неправда не искоренитца, то для верности надлежит под иманцовою рукою порутчикам подписыватца и со свидетельми, то и меж купечеством единодневная бы зделка была и купечеству великая бы способность стала быть. А у крепостных дел чинитца великая волокида и торгу остановка и излишняя трата.

Мне ся мнит, паче всякого дела надлежит старатися о правом суде, и аще правосудие у нас уставится, то все люди будут боятися неправды. Всему добру основание праведный и нелицеприятный суд, тогда и собрание царския казны будет сугубо. И того ради надлежит сочинити правосудную книгу с подлинным разсуждением на всякия дела.

А буде не сочинить на решенье всяких дел новаго изложения, то и правому суду быть невозможно, понеже у всякого судьи свой ум и какого кому понравитца, так и судить, а надобно так его усидеть, чтобы и невесьма смысленной судья мог право судити.

И правосуднаго ради уставу надлежит древняго суда Уложение[76] и новоуставные гражданския и военные, печатные и писменные, новосостоявщияся и древние указные статьи собрать и по приказам из прежних вершенных дел выписать такие приговоры, на которые дела ни в Уложенье, ни в новоуказных статьях решения не положено. И к таковым вершения применяяся, надлежит учинить пункты новыя, дабы впредь такия дела не наизусть вершить и в сенат бы не взносить, но на всякия б дела были указные статьи ясные с совершенным расположением.

И к тем русским разсуждениям, прежним и нынешним, приложить и из немецких судебников, и кои статьи и из иноземских уставов будут к нашему правлению пригодны, то тыи статьи и взять и присовокупить к нашему судебнику.

И лутшаго ради исправления надлежит и турецкой судебник перевести на славенской язык и прочия их судебныя и гражданскаго устава порятки управительныя преписать, и кои сличны нам то бы тыя и от них принять. Слышно бо о них, яко всякому правлению расположено у них ясно и праведно, паче немецкаго правления, и того ради и дела у них скоро и право решат и бумаги по нашему много не тратят, а и хлеба напрасно не теряют, а наипаче купечество праведно хранят.

И к сочинению тоя судебныя книги избрать человека два или три из духовнаго чина самых разумных и ученых людей и в Божественном Писании искусных, такожде и от гражданства, кии в судебных и во иных правительных делах искусных, от высокого чина, кои не горды и ко всяким людям снисходительны, и от ниских чинов. Кои не высокоумны, и от приказных людей, кои в делах разумны, и от дворянства, кои разумны и правдолюбивы, и от купечества, кии во всяких делах перебывались, и от солдат, кии смыслены и в службах и в нуждах натерлися и правдолюбивые, и из людей боярских, кии за делы ходят, и из фискалов[77]. А мнитца мне, не худо бы было выбрать и из крестьян, кии в старостах и в соцких бывали и во всяких нуждах перебывались и в разуме смысленые. Я видал, что и в мордве разумные люди есть, то како во крестьянех не быть людем разумным?

И написав тыя новосочиненныя пункты, всем народом освидетельствовати самым вольным голосом, а не под принуждением, дабы в том изложении как высокородным, так и нискородным и как богатым, так и убогим и как высокочинцам, так и нискочинцам и самым земледельцам обиды бы и утеснения от недознания коегождо их бытия в том новоисправном изложении не было.

И, написав с совершенным общесоветием, предложить его и. в., да разсмотрит его умная острота. И кии статьи его в-ву угодны, то тыи тако и да будут, а кии непотребны, тыи да извергнутца или исправить по пристоинству надлежащему. И сие мое речение многии вознепщуют, якобы аз его и. в. самодержавную власть народосоветием снижаю. Аз же не снижая его в-ва самодержавия, но ради самыя истинные правды, дабы всякой человек осмотрел в своей бытности[78], нет ли кому в тыих новоизложенных статьях каковыя непотребныя противности, иже правости противна. И аще кто узрит какую неправостную статью, то бы без всякаго сумнения написал бы, что в ней неправости и, ничего не опасаяся, подал бы ко исправлению тоя книги, понеже всяк рану свою в себе лучши чует, нежели во ином ком. И того ради надобно всяким людям свои бытности выстеречи, дондеже книга не совершитца, и егда она совершится, то уже никто не может помогти. Того бо ради и дана свободность, дабы последи не жаловались на сочинителей тоя новосочиненныя книги, то того ради надлежит ю вольным голосом освидетельствовати, дабы всякая статья ни от кого порочна не была, но всяк бы себя выстерег и чтобы впредь никому спорить было не мочно, но во веки веков было бы оно нерушимо.

Правосуднаго установление самое есть дело высокое и надлежит его так разсмотрительно состроити, чтобы оно ни от какова чина незыблимо было. И того ради без многосоветия и без вольного голоса никоими делы невозможно, понеже Бог никому во всяком деле одному совершеннаго разумения не дал, но разделил в малые дробинки, комуждо по силе его, овому дал много, овому ж меньше. Обаче несть такова человека, ему ж бы не дал Бог ничего, и что дал Бог знать малосмысленному, того не дал знать многосмысленному. И того ради и самому премудрому человеку не надлежит гордитися и умом своим возноситися и малосмысленных ничтожить не надлежит, но и их в совет призывать надобно, понеже малосмыслеными человеки многащи Бог вещаети, того ради и наипаче ничтожить их душевредно есть.

И того ради во установлении правосудия вельми пристойно изъследовати многонародным советом. И аще и с самым многотрудным многосоветием учинена она будет, обаче въскоре печатать их не надлежит, но первее попробовать на делах и, буде никакой вредности в правлении том не будет, то быть ему так, а буде в какой статье явитца некакая неисправность, то о ней надлежит поразсудить и поправить ее. И того ради не худо бы годы два-три посудить по писменным или и по печатным маленьким тетраткам, и донележе тая новосочиненая книга строитца, многия бы статьи и опробовались.

И аще и иное какое дело с таковым смирением нисходительным будет строитися, то сам Бог при таковом деле имать быти и помощь свою ко исправлению подаст, понеже всегда Бог со смиренным пребывает, а от гордых и высокоумных отвращается.

А правосудное дело самое святое и богоугодное, и того ради всячески надлежит потщитися, дабы суд царев был яко Божий. Бог бо всем нам судья есть праведный и на суде его несть лицеприятия, тако и на цареве суде не требе быть лицеприятию. Бог есть правосудец, того ради и в человецех требует правого суда. И аз о правосудии тако мню, еже царю не тако полезен пост и молитва, яко правосудие.

И аще его и. в. укажет правосудное изложение, избрав из старого Уложения и из иных многих примеров, сочинить новое и пространное по своему природному глубокоумию и по данной ему от Бога благодати, благоволит и моего малосмыслия объявленныя дела разсмотрити, и аще, кии угодны явятца, прияты будут, то по пробе, аще оной за многие дикие дела не вредно будет, то напечатать их великое множество, дабы не токмо в городех, но и в селех без того бы судебника не было, чтобы всяк его читал и волю его и. в. ведал и ничего бы противно его в-ва воле не делал и от всяких неправых дел отъдалялся бы.

И впреди тоя книги надлежит зделать всем делам изъявление и разобрав их по азбуке и по чину дел разноличных, чтобы всякой человек без труда на всякое дело указ и совершенное решение мог во едину минуту обрести. А аще суду и всякому правлению, како его правити, совершенного основания писменного не учинить и в том правлении самые неподвижные твердости не устроить, то колико о правом суде не старатися, а правосудия прямаго уставить будет невозможно.

А и основание положа, мнитца мне, надлежит утвердить его жестоким указом и недвижимым. Аще кто великородной или и худородной вышъшаго суда или и нижняго в коем городе или в уезде главной камисар или подчиненной или и иной какой правитель или и посыльщик, наипаче же аще сыщик или фискал, не против того нового изложения станет что чинить своим вымыслом и хотя малую статью нарушит, то казнить ево неотложно, как о том уложено будет.

И ради самыя твердости надлежит судьям и прозьбы ни от каковых лиц не принимать, дабы правосудию ни малого нарушения не было. И аще кто и вельми заслужил и возънадеяся на заслуги, да по прежнему обыкновению учинит какую кому обиду, аще и самому мизирному человеку, то и тому суд был бы неотменен и за вину чинить указ неизменный по изложению, чему он подпадет, а заслуг ево в зачисление вины его не зачислять, чтоб тот правосудный устав ненарушим был.

А аще кой человек нехитростно вине какой подпадет и от надлежащего наказания или от казни аще надлежит послабить ему, то таковому на руке наложить знак, да аще паки в таковой же вине явится, то уже без всякого милосердия учинить ему указ надлежащий неизменно.

И аще в таковой твердости неподвижно правосудие годов пять-шесть постоит неизменно без нарушения, то вси яко малочинцы и худородные, тако и великочинцы и великородные и заслуженные люди будут страшны и не токмо по прежнему обиды чинить, но и от неправд будут остерегатца и со всяким тщанием будут делать правду.

И ради самые твердости в судах и во всяком правлении, чтобы от правосудия ни много, ни мало судьи не колебались, надлежит учинить особливая канцелярия, в которой бы правитель был самой ближней и верной царю. Еже бы он был око царево, верное око, и еже бы над всеми судьями и правительми был вышний и за всякими бы правительми смотрил властительно и никого бы он кроме Бога да его и. в. не боялся.

И к той канцелярии приход бы был самой свободной, а и сам бы тот правитель был низок и ко всяким бы людям был нисходителен и не тяжол бы он был. Аще и не по вся дни, обаче, улуча время, по коллегиям ходил бы и смотрил, каково кто дело свое управляет

и нет ли каковыя в делах неисправности и нет ли каких на них жалобщиков.

Такожде, обходя судебныя места, и челобитчиков бы спрашивал, не чинят ли кому какова нападка и излишней волокиты и не осудили ль кого не против данного им изложения и не взял ли какой судья или подьячей изълишняго взятка?

И у всех коллег и у канцелярий прибить печатные листы со изъявлением таким: буде судья или подьячей какую учинит в деле неправду, то приходили бы в тое канцелярию, то всякому лицу будет там управа.

Такожде, буде кто из сильных лиц изобидит кого убогово иль судья гражданской иль военной офицер чем солдата иль драгуна изобидит, а он суда не сыщет, то тут бы изобижанной искал обороны.

А буде кой судья или камисар или фискал неправду какую зделает, какую гибель царской казне похищением или небрежением, и аще кто о том подлинно уведомитца, то доносили бы в той канцелярии, не обинуяся и никого не опасаяся, потому аще и на господина своего или на камандира, аще и сильнаго, уже выдачи ис той надзирательной канцелярии не будет. Только бы верно доношение было и доносили бы не догатками своими или мнением своим, но усмотря самое дело, и за такое доношение доносители великим жалованием пожалованы будут.

А судьям и всем приказным людям государево жалованье денежное и хлебное надлежит отставить, чтобы в том жалованье казна великаго государя напрасно не тратилась. Я чаю, что судьям и приказным людям на всякой год тысячь десятка по два-три исходит, а пропадает она даром, ни за одну деньгу гинет, потому что они не много делают даром, а аще бы и даром делали, то что в том великому государю прибыли?

Мне мнитца, лучши учинить, пропитания ради, главным судьям и приказным людям учинить оклад з дел, по чему с какова дела брать за работу, и уложить имянно, по чему брать с рубля на виноватом и по чему с рубля имать с праваго и по чему брать с рубля в приеме денег в казну и по чему с роздачи жалованной и по чему с купецких и подрядных дел и по чему с каковые выписки иль с указу какова иль с грамоты, иль с памяти. И так надобно усидеть, чтоб ни самаго малого дела не обойтить, чтобы никакова дела даром не делали и брали б самое праведное по расположению.

И по таковому новоизложенному уставу давать все будут охотно, а и приказные люди будут дела делать охотнее и волочить уже не будут, потому что буде зделает во уреченное время, то примет себе мзду против указу полную, а буде ко уреченному числу не зделает, то возмет половину, а буде же гораздо заволочит, то и всея своея лишится мзды. И того ради всякой подьячей будет с поспешением делать, а и челобитчикам будет весьма полезно.

И тако надобно расположить, чтобы от рублеваго дела даже и до многотысящнаго всяким разным делам учинить указ определенной и чтобы всякой человек по своей работе оплату брал, а сверх указнаго числа отнюд бы ни единые деньги не брали.

А буде кто сверх указнаго числа лишку, хотя малое что возмет, то взять на нем штрафу, за всякую излишную копейку по рублю. А кто и даст сверх указнаго числа излишнее, то и на нем по рублю ж за излишную копейку имать штрафу.

И аще тако устроитца, то в приказной работе никому обиды не будет яко исцу, тако и ответчику и всякому челобитчику вестно будет, что от чего кому дать. И такова ради уставу и волокиты никакому делу чинить не будут, но всякой для себя поспешать будет. Обаче ради лутшаго исправления надлежит расположение учинить и делам всяким, буде кто одноденное дело проволочит три дни, то дать ему противо указные дачи половина, а буде же одноденное дело проволочит неделю, то лишен будет всего своего взятия за труды, а буде проволочит две недели, то чинить ему наказание неотложное. А о больших делах, которого не мочно меньши недели зделать, а он проволочит две недели, то такожде дать ему половина, а буде проволочит недели четыре, то лишен будет всего своего труда, а буде проволочит недель шесть, то нещадно бить его батоги. И всяким делам чинить расчисление по величеству дела и по количеству дней.

И ради достовернаго свидетельства брать челобитчикам у подьячих ерлыки, записав в коем числе взял от протоколу челобитную или и иное что и коему числу обещался зделать. И буде к тому сроку не зделает, то по тому и указ чинить, буде к сроку зделал, то взять ему за работу по указу сполна, а буде за срок проволочил толикое ж число, то взять половина, а буде за сроком здвое того проволочил, то ничего ему за работу не давать, а за вящую волокиту наказание чинить неотложное.

А о сем всем судьям и приказным людям задать страх великой и жестокой, чтоб никто сверх указного числа ни от какова дела сверх работных указных денег никаких гостинцов не принимали б.

А аще запрещения о излишнем имании и даянии не учинить, то указного числа взятие ни во что им буде и будут брать паче прежняго, такожде как ныне у крепостных дел за гривенное дело берут по полтине и больши.

И того ради и у крепостных дел надлежит учинить такое ж расположение, по чему с каковыя крепости брать за работу, а в казну с крепостей брать токмо пошлины, а писменные деньги отставить, а брать по указу писцу и надсмотрщику за свои труды самим, по чему кому надлежит. И буде того ж дни напишет, коего взял, то взять ему полная плата, а буде в двои сутки напишет, то взять половина, а буде в трои сутки напишет, то уже не брать за работу ничего, отдавать те крепости без платы. А буде кто, в трои сутки написав, да возмет за работу, аще и не сполна, взять на нем штраф сторичной.

И писать бы не токмо крепостные, но и приказные и всякия письма писали бы строк по пятидесяте и больши на странице. Сие вельми дивно, что во всем свете пишут мелким писмом, а на нас все окрестные государства бумаги напасти не могут. И аще зритца дело сие и невелико, что бумаги беречь, а, по моему мнению, оно не весьма мало, потому что от крупнаго писма и от небрежения рублев тысячь по десятку ни за одну деньгу из царства пропадает. У немец аще и дома она делаетца, а и жители тамошние богатее нас, обаче бумагу вельми берегут. Они же токмо бумаги, но и всякой вещи берегут и для того они и богати, что умеют бережно жить.

А и мы пока сами себя не осмотрим и всякия вещи не токмо из инова царства принесенныя, но аще и домашния вещи беречь не станем, то никогда богати не будем.

И ради подкрепления от излишних дачь приказным людям и о излишних тратах пищие бумаги, напечатать листы и у всех каллег и у концелярий те листы прибить, дабы все люди прочитали и никаких бы излишних трат ни себе, ни людям не делали. Пчела муха весма не велика и собирает она мед не карчагами, но самыми малыми крупицами, обаче множество их собирают многия тысячи пуд. Тако и собирание богатства царственнаго: аще все люди будут жить бережно и ничего напрасно тратить не будут, но всякие вещи будут от погибели хранить, то тое царство может весма обогатитися.

А буде кто покусится взять излишнее в другой ряд, то и штраф на нем взять сугубой: за рубль по двести рублев, наказание на козле[79], а за третью вину либо смерть, либо в вечную работу к рудокопным делам.

А аще кой судья и не по взятку, но по дружбе или по чьей прозьбе учинит не по новоизложенному уставу, то без всякаго милосердия учинить ему определенной указ, как о том уложено будет.

А аще кто изо взятку нарушит тот новоизданной устав, то, мнитца мне, надлежит и дом его совсем разорить и на неколико лет сотворить его пуст и прибить на том дому писмо со изъявлением вины, еже за нарушение правосуднаго изложения господину того дому учинен указ, а дом его оставлен пуст и живущаго в нем несть, но токмо мышеве и нетопыри[80] да вогнеждаются в нем. И таковое штрафование будет вроды родов памятно.

А аще судей малых и великих не казнить и великими штрафы их не штрафовать, то, и правое изложение учиняя, правды и праваго суда уставит будет невозможно.

А аще ради установления правды правителей судебных и много падет, быть уже так. А без урону, я не чаю, установитися правде, а прямо рещи, и невозможно правому суду уставитися, аще сто другое судей не падет, понеже у нас в Руси неправда велми застарела.

А не таким страхом не чаю я того злаго корения истребить. Аще бо коя и земля велми задернеет и дондеже того терния огнем не выжгут, то можно на ней пшеницы сеяти, тако и в народе злую застарелость злом надлежит и истребляти. А аще не тако, то, по моему мнению, не токмо в судех, но во всяком правлении правды не будет.

И аще великородных судей поберечи от жестоких казней, то лутши изъначала ради уставления правды в судьи посадить из нисских чинов, а паче из приказных людей, кои в делах искусны и страх Божий в себе имут. И с ними посадить, где пристойно, и из военнаго чина, кии от службы отставлены, и ис купечества, в которых острота умная есть. И за таковых никородных, аще кто и погрешит, стоять за них и упрашивать никто не будет, да и сами они паче высокородных боятися будут. А высокородные на уложенныя уставы мало смотрят, но как кто восхощет, так и делать будет по своей природной пыхе[81].

И тем низкородным судьям надлежит дать такое величество, чтобы они никаковых лиц не боялись, кроме Бога да царя, и делали б все свои дела по новосочиненному его и. в. указу неизменно, а от сво-

его ума не мудрствовали бы и ни на едину черту сверх указу не прибавливали бы, ни убавливали. И аще что потребное усмотрит кто, то доносили бы до царскаго величества, донележе то новое изложение еще не напечатано.

А буде из приказных людей в судьи выбрать некого, то бы из дворян мелких, кои остроумны и в делах искусны и боящияся Бога. А за нарушение новоизложеннаго указа известная и неотложная им смерть объявить, дабы они судили, а о смерти своей помнили.

И таковым порядком, аще Бог на не призрит и помощь свою низпослет, то мочно правосудию устроитися и у нас в Руси. Нам сие велми зазорно, что не то что у иноземцев, свойственных христианъству, но и у бесурман, суд чинят праведен, а у нас вера святая, благочестивая и на весь свет славная, а судная росправа никуды не годная и какие указы и. в. ни состоятся, вси ни во что обращаются, но всяк по своему обычаю делает.

И донележе прямое правосудие у нас в Руси не устроится и всесовершено не укоренитца оно, то никоими мерами от обид богатым нам быть, яко и в прочиих землях, невозможно. Такожде и славы добрыя нам не нажить, понеже все пакости и непостоянство в нас чинитца от неправаго суда и от нездраваго разсуждения и от неразсмотрителнаго правление.

И разбоев и иного воровъства множество чинитца и всякие обиды содеваются в людях не от чего иного, токмо от неправого суда. И крестьяне, оставя свои домы, бегут от неправды и росъсийская земля во многих местех запустела, а все от неправды и от нездраваго разсуждения, и какие гибели ни чинятся, а все от неправды.

И самыя правды и праваго разсуждения ни милостию, ни жесточию, ни изменными судьями, ни иными каковыми вымыслы, мне мнится, учинить невозможно, аще прежде не сочинить всяким великим и малым делам расположения недвижимаго сочинением особливым, понеже древние уставы все обветшали и от неправых судей вси исказились.

И аще Бог на дело сие милостивно призрит и помощь свою святую ниспослет и что ни случается в мире дел, на вся тая аще изложатся решения подлинная, новоисправная, и коемуждо делу собственное решение, то и немудрой судья может здраво судить. А без основательного изложения ничему полезному и к правде склонному быть невозможно.

Яко бо здания высокаго без твердаго основания не утвердити, так и правды совершенныя без основательнаго изложения никоими мерами уставити невозможно, понеже в нас неправда велми твердо въкоренилась. Кто с кого сможет, тот того и давит, а кои люди ядовитые, то маломочных и в конец разоряют, а судьи силняков и ябедников аще и видят, что напрасно нападают, а воспретить не смеют. И того ради велми трудно правду установити и не токмо всем правда творити, но чаю, что и изложение правое трудно сочинять, понеже сильные люди, кии обыкли обижати, не возложат на себя сила, но всячески будут препинати, дабы не весма им от праваго суда потиснутым быть. И того ради всячески будут тщатися, дабы им, по прежнему, мочно было убогих и маломочных обижать и разорять.

И аще препинатели правосудию явятца прежде начинания правосуднаго, то всячески надлежит их отсекати, дабы начинании правде препинания ни малого не чинили.

А ради совершенныя правды ни коими делы, древних уставов не изменяя, самого правосудия насадити и утвердити невозможно. В правителех бо велми трудна вещь, еже бы их от неправды отвратити и правда в них [насадити, понеже неправда в них] вельми въкоренилась и застарела. И от мала даже и до велика все стали быть поползновенны, овыя ко взяткам, овыя же, боящееся сильных лиц, инии же боящееся ябидников, а инии того бояся, да аще въпредь примет той власть таковую ж, какову он имеет, и чтоб тогда такожде б ему послабил. И того ради всякие дела государевы и неспоры и сыски неправы и указы его и. в. недействительны, ибо вси правителие дворянскаго чина своей братье знатным наровят, а власть имут и дерзновение токмо над самыми маломочными людми, а нарочитым дворянам не смеют и слова воспретителнаго изрещи, но как кому что угодна, так то и чинят и за тем всякие дела и неисправны суть.

Се бо колико послано указов во все города о недорослях и о молодых дворянских детях и, аще коего дворянина и на имя указано выслать, то того нескоро вышлят, но по старому Уложению дождався третьего указа и буде ничем отбыть не могут, то уже вышлют. В таковом ослушании и указов ц. в-ва презрении иные дворяне уже состарелись, в деревнях живучи, а на службе одною ногою не бывали.

И мне мнитца, сие велми странно, что царскому указу ослушну быть, и в Уложенье напечатано, что третьяго указа дожидаться[82], сие учинено самая потачка плутам и ц. в-ва презирателям. Но ныне

надлежит так учинить: буде по первому указу зазывному не поедет кто, то другая позывка чинить со штрафом, колико иску, толико и штрафу взять на нем, а челобитчику з другой позывки числить проести по указу.

А буде по кого послан будет с указом его и. в. салдат или и иной какой посыльщик, а он укроетца или отобьетца или з дороги уйдет, то и по первой посылке винить и штрафовать, и исцу проести числить с того времяни и иск весь без суда и без очные ставки доправить, то от такова указа и от перваго ноги задрожат и опрометью побежит к ответу и попрежнему не станут третея присылки ждать.

Тем прежним указом так дворяня избалованы: в Устрицком стану есть дворянин Федор Мокеев сын Пустошкин, уже состарелся, а на службе ни на какой и одною ногою не бывал и какие посылки жестокие по нему ни бывали, никто взять ево не мог, овых дарами угобзит, а кого дарами угобзить не может, то притворит себе тяжкую болезнь или взложит на ся юродство и возгри[83] по бороде попустит. И за таким ево пронырством инии и з дороги отпущали, а егда из глаз у посылщиков выедет, то и юродство свое отложит и, домой приехав, яко лев рыкает. И аще и никаковые службы великому государю кроме огурствае не показал, а соседи все ево боятца.

Детей у него четыре сына выращены и меньшому есть лет семнатцать, а по 719 год никто их в службу выслать не мог, а в том 719-м году, не вем по какому случаю, дву ево сынов записали в службу, обаче все записанные и незаписанные большую половину дома живут, а каким способом живут, того я не могу сказать.

И не сей токмо Пустошкин, но многое множество дворян веки свои проживают. В Алексинском уезде видел я такова дворянина, имянем Иван Васильев сын Золотарев, дома соседям своим страшен яко лев, а на службе хуже козы. В Крымской поход не мог он отбыть, чтоб нейтить на службу, то он послал въместо себя убогово дворянина, прозванием Темирязева, и дал ему лошадь да человека своего, то он ево имянем и был на службе, а сам он дома был и по деревням шестерлом розъежжал и соседей своих разорял. И сему я велми удивляюсь, как они так делают, знатное дело, что и в полкех воеводы и полковники скупы, с них берут, да мирволят им.

И не токмо городовые дворяне, но кои и по Москве служат и называются царедворцами, а и те множайшия великому государю лгут. Егда наряд им бывает на службу, то инии напишутся в сыск за

беглыми салдаты и, взяв указ, заедет в свои вотчины, да там и пробудет военную пору. А иные напишутся в выимщики, по дворам вино корчемное[84] вынимать, и ко иным всяким делам бездельным добившись, да тако и проживали военную пору.

А и ныне, естьли, посмотрить, многое множество у дел таких брызгал, что мог бы один пятерых неприятелей гнать, а он, добившись х какому делу наживочному, да живет себе да наживает пожитки, ибо овыя, добившись в камисары и в четверщики[85] и в подкамисарья и в судьи и во иныя управления, и живут в покое да богатятся. А убогие дворяне служат и с службы мало съезжжают, инии лет по дватцати и по тритцати служат. А богатые, лет пять-шесть послужа, да и промышляет, как бы от службы отбыть да добитися б к делам и, добившись к делам, век свой и проживают.

Яко же видеть, Сергей Степанов сын Унковской лет всего с пять служил, да добился к делам, и лет с пятнадцать живет у дел, а ныне живет он в Устрике камисаром да наживает. А и ныне ему вряд быть лет сороку и такой волот, еще бы в лучшую служил и в великанех бы мог служить, тако бы он не выше ль указные меры, и знатное дело, что отставлен он не з болшим двадцати лет от службы. И по сему откуду ни посмотриш, нет у великаго государя прямых радетелей, но все судьи криво едут, кому было служить, тех отставливают, а кто не может служить, тех заставливают. В Новегороде у седелнаго дела приставлен камандиром Иван Иванов сын Ушаков, и я ево застал в 710 году у того дела лет не з болшим дватцати был и ныне не з болшим ему тритцать лет, а службу едва и знает ли, что то она. А и дядя ево, Иван Наумов сын Ушаков, у дел больши мог бы служить. И тако вси, кои богатые, от службы линяют[86], а бедные и стары, а служат, а сытые, хотя и молоди, да служить не хотят. Ивана Артемьева сына Мусина-Пушкина дети, Марко да Григорей, записаны во Преображзенской полк в салдаты и едва на службе и бывали ль, а отпущены уж к делам, а молодиож, не з болшим по дватцати лет, и тако год за год, да и весь свой век проживут. И я о сем мню, что ему, великому государю, о сем не весма известно, но делают все правители, что здоровых молодиков[87] отпускают и, аще и з докладу отпускают, да докладывают непрямо, но прилпом доложат, толко слово у него, великаго государя, изо уст вытянут, а и делают, что хотят, и, чаю, запишут в указе, якобы по имянному его и. в. указу отпущон он или послан к такому то делу. И где было от таких молодиков

службе быть, а они, заехав в город, живут себе да прохлаждаются, и не то что службы, но, чаю, и караулу мало знают, и, живучи у дел, вместо военнаго дела учатся, как наживать, да век свой без службы проважать. А о том ни они, ниже те правители, кои их отпустили, ни мало не пекутца, чтоб они навыкали воинскому делу, как неприятеля побеждать, но учат тому, как бы им наживать и от службы отлинять.

А и прежде сих времен многия дворяня, на службе не быв, да добились к делам и живут у наживочных дел. Яко же видеть, в Устрицком стану есть дворяня два брата, Роман да Сергей Ивановы дети Чоглоковы, сказывают про них, что нигде на службе не бывали, а каким-то случаем добились в судьи. И один сидел на Устюжне Железной судьею годы с три и болши, а другой брат сидел на Вышнем Волочке и сказывали о себе высоко, бутто они по имянному его и. в. указу в судьи пожалованы. И того ради всяк их боялъся и, на кого ни нападут, всяк им уступал и перед ними не смели никто и слова молвить. А с нынешнаго московскаго смотру[88] нивесь зачем судейство их позамялось, писали они с Москвы о себе бутто по прежнему судьями им быть, обаче то их намерение не состоялось, знатное дело, что не могли перелесть.

И я сему не могу веры нять, чтоб таких здоровяков, и в службе не бывавших, великий государь в судьи пожаловал. Видим мы все, что его в-во, что даром никого не жалует, а жалует за службу да за выслугу. А они такие здоровяки, что на службе заслужили бы человек за десять, потому что они люди богатыя и могли б около себя держать неимущих дворян.

От сего бо служба не весма спора, что здоровые и богатые и в самых совершенных мужества летах дома живут, а убогие и хворые на службе служат, а от маломочного и голоднаго и служба плоха.

Сему я велми удивляюсь, что как монарх нашь стараетца и страсть дает без пощады великую, а не уймутся, ибо многое множество здоровых молодиков под прикрытие правители хранят, овых защищением своим, овых же при себе держанием, якобы споможения ради дел царственных, а самою вещию, како бы кое время прошло без службы; а иные и в службе записаны, а каким-то промыслом, приехав, в домы свои живут.

И сего ради, мнитца мне, не худо бы всем людям указ великаго государя сказать, чтоб у приежжаго с службы или от какова дела соседям всем требовать у него отпускного пошпорта, а буде по-

пшпорта отпускново тех чисел нет, то надлежит ево отослать в город под караулом. А буде в пошпорте написан срок, колико ему времяни быть в доме, то всем соседям смотрить, чтоб за срок и единаго дня не жил. А буде видя кого без пошпорта или и с пошпортом, да за срок будет жить, а, они, соседи, умолчат, то за молчание сосед всех ближних штрафовать.

А кои дворяня в службу не записаны и ни на какой службе не бывали, и буде каким пролазом добьютца начальства, а буде кто, какова чина ни буди, хотя дворянин, хотя холоп ево или чужой чей или церковник, хотя и крестьянин, подлинно уведает, что пожалован в судьи иль в камиссары или и во иное какое правление, или кто и без начальства в доме своем живет и крестьянами владеет, а великому государю никаковые службы не показал, то у таковых бы людей отнимать и отдавать тем, кои его ц. в-ву служат. А доводчику дать четвертая доля изо всего владения его или и половина, чтоб лучши радели и о таковых лежебоках доносили.

И аще таковых указов напечатать множество и разослать не то, что по городам только, но и по селам и по всем погостам и велеть дьячкам в неделные дни по отпении литургии дня по три иль по четыре прочитать всем въслух, чтобы все тот его и. в. указ ведали и лежебоков бы не таили, то одним годом всех кроющихся дворян и детей их явных сотворят.

И естьли бы Господь Бог помощь свою низпослал к нам, еже бы из судей и из фискалов и ис прочих правителей древнюю страсть неправды искоренить, то всякое бы дело не токмо царское, но и мирское споро бы было.

И о сем аз мню, аще и самыя жесточайшия казни вышшим и нижшим судьям чинить, а древняго уложения не изменить и всем делам новаго регула[89] не учинить, то не можно и правде в приказных делах состоятись.

Видим мы вси, как великий наш монарх о сем трудит себя, да ничего не успеет, потому что пособников по его желанию не много, он на гору аще и сам-десят тянет, а под гору миллионы тянут, то како дело его споро будет? И аще кого он и жестоко накажет, ажно на то место сто готово, и того ради, не изменяя древних порядков, колко ни бившись, покинуть будет.

Не токмо суда весма застарелаго, не разсыпав его и подробну не разсмотря, не исправить, но и хоромины ветхия, не разсыпав всея

и не разсмотря всякаго бревна, всея гнилости из нея не очистити. А судебное дело не токмо одному человеку, но и множество умных голов надобно созвать, дабы всякая древняя гнилость и малейшая кривость исправити, тяжка бо есть судебная статья.

Се бо и сам Господь Бог, Ветхаго Завета не отставя, Новаго не насадил, но егда Ветхий оставил, тогда Новой водрузил и тако он укоренился, еже и адова врата одолети не могут. Тако и правосудия никто разрушить уже не может, аще древние неправды все осечены будут въконец.

Се бо ныне колико новых статей издано, а немного в них действа, ибо всех их древносная неправда одолевает. И того ради по старому, кто с кого сможет, тот того и изобижает, а суда по старому на силнаго сыскать не можно.

На что нынешняго жесточае указу[90], иже сочинен о беглых крестьянех, а немного и в нем исправления будет, понеже тот указ токмо на одних маломочных людей, а сильным людям он ничтожен есть, старых не отдадут, а вновь кто к ним придет, принимать будут. Се бо и у меня человек пять-шесть збежало, однако и за тем указом место себе сыскали. И се уже другой год, збежали прошлаго 722-го года июля 9-го числа, а и поныне живут, а аще бы указу боялись, то бы никто их не принял. О беглых людех так надлежит учинить, чтоб как маломочные, так и силные блиско к себе не припускали и, мочи ль, не мочи ль, тако укрепить, яко же ниже явитца. А в вышеспомянутой статье господа удумали смеху достойно, въмесное ль то дело, что подлым людям уложили, еже беглых крестьян отвозить к помещикам их на подводах и денег за все годы, колко у него крестьянин жил, по дватцати рублев на год с ними же отвозить и отдавать прежним их помещикам. А о своих уложили легохонко, буде жили за кем беглыя люди по приему прикащиков их или старост, а буде приняли без писменнаго их господскаго повеления, то высечь того прикащика или старосту кнутом, а пожилых на тех владелцах не имать ничего. И то стал наружной провод, у них, господ, есть населено беглых крестьян в понизовых местех и в украиных все целые села великия, иже есть в них дворов ста по два и по три и болши. И сие не самой ли их разказ, чтоб толикое множество населить без ведома господина своего. И, мне ся мнит, с таковых силняков надлежит пред убогими въдвое взять. И в тех их селах живут никого не бояся, хотя кой помещик и уведает, то разве из под руки на них

посмотрит, а взять и помыслить нельзя. И воеводы в такие вотчины и посылщиков послать не смеют, а прикащик и староста, кои принимали, давно умерли и кнутом бить некого. И сего ради сей указ велми зделан прямой правде противен.

То бы указ прав был, естли бы написан был как богатому, так и убогому единоравен и написан бы он был с подлинным расположением и с явным изявлением, за какую вину брать зажилых денег по сту рублев и за какую вину брать по дватцати рублев и за какую вину и не довелось брать зажилых денег. И по нашему простолюдинскому мнению, аще не изменитца той указ, то великия пакости людям сочинятца.

Многия бо дворяня маломочные и купецкие люди весма разорятца, понеже, аще кто и не на вековое житье кого примет, но наймет поработать на неделю или на месяц за денги или в деревне в пастухи, не ведая, что он беглой, наймут токмо на лето, а не в вечное усвоение, то помещик его возмет сто рублев зажилых, да на нем же будет сносных животом искать, елико хощет. И от такова расположения многие и без вины разорятца.

Мне же ся мнит, сия статья надлежит расположить сице: аще кто беглаго человека примет на житье к себе в проки во крестьянство или в дворовые люди или и в бобыли, и принял хотя сам помещик, хотя прикащик ево, хотя староста, единаче зажилые денги брать на помещике том в чьей деревне жил, потому, чья земля, того и беда. А прикащик иль староста невинен, потому что он не себе ево принял, но господину своему, того ради и беда господину, а не прикащику ево. Нестаточное дело, чтоб прикащику иль старосте без воли помещика своего принять кого на житье.

Подобие и купецкой человек аще примет кого в вековое житье, а не на время, то всячески надлежит на таковых править по сту рублев, аще и недели у него не жил.

А буде кто станет насилно владеть чьим человеком, дворовым, или крестьянином, то, мне ся мнит, таковых и тяжчайши беглых людей штрафовать.

А естьли же кто наймет работать на год, а записи у крепостных дел не возьмет, то доволно и дватцать рублев с него взять, потому что он не в вечное владение его принял, но на время из заплата денежной.

А буде же кто наймет на день или на неделю в дому или где инамо поработать, то на таковых наемщиков поручных записей

брать некак. И таковые ни малому платежу неприличны, потому что они наняты на мало время.

А аще за наемщиков поденных и неделных и месячных брать зажилые денги, то всенародное разорение будет. Токмо то надлежит учинить, чтоб крестьяне всякаго звания, по прежнему просто, не токмо на год, но и на неделю, никуды бы ни в подводы от жилищь своих просто не ходили, но все бы государевых воластей и властелинских и монастырских у соцких своих брали бы отпуски за их печатьми. Також де и помещичьи крестьяня без писменых отпусков никуды бы не исходили, а с писмом таковым кто у кого ни найметца из денежные заплаты, то нанявый от всякого платежа свободен.

Мне же ся мнит, ради самые правды надлежит о беглых крестьянех так учинить, чтобы как богатым и силным, так и убогим и маломочным безъобидно было. И я правее сего не могу предложити, еже написать сице.

Всякаго звания силные и безсилные послали бы во все свои вотчины, кои в близости и кои и в дальности, и в понизовые новые и старые свои вотчины, и во украинные займища к прикащикам своим и старостам указы, чтобы без отлагательства новых и старых пришлых людей выслали за проводниками, кои лет и по пятидесять или и болыши жили за ними, и отдали б руками з женами и з детми и со внучаты их старым помещикам, чьи они были. И не то что по сту рублев на год, но и по сту копеек не надобно, толко б со всеми их животы движимыми отпустили бы, то и тому старые помещики велми будут ради.

И во исправлении тоя отдачи дать хотя на год сроку или и болши, чтобы все силные и безсилные совсем исправились в отдаче. И аще сиц состоитца его пресветлаго и. в. указ, то все помещики ради будут и без зажилых денег будут благодарны, и так бы все господа вотчины свои очистили, чтоб ни жадные души не оставили у себя пришлых людей ни мужеска, ни женска пола.

А буде кто за тою отдачею оставит у себя, хотя малых робят, не то что многое число, но хотя одного, а после отдачи обличится, то на господине взять за женску голову сто рублев, а за мужескую двесте рублев, а прикащику, да старосте по пятидесять ударов кнутом, а крестьяном всем по десяти ударов за тое утайку, чтоб и въпредь государев указ помнили, и чево спросят, не таили бы.

И за сицевым указом, чаю я, что и высокие персоны не станут старых беглецов держать, а вновь, чаю, поопасутся, не то что сами господа, и прикащики и крестьяня все будут исправны.

А буде кто, не похотя отвозить пришлых людей, да в воде потопит или и инако каким случаем умертвит, то за всякую голову по десяти человек повешено будет. А кто пожиткам их коснетца, то на нем доправлено будет десятирецею и отдано будет тому, чьи те крестьяне были.

И сицевым образом, чаю, что все беглые крестьяня возвращены будут и во всей России пустоту всю населят, а во иных местех и со обилием наполнилось бы теми пришлецами.

И сильным персонам и то будет забедно, что аще и без зажилых денег, но токмо з женами и з детми и со внучаты их и с пожитками их крестьянскими отдать их, то ведаю, что и о том будут охать. А тут им было легко приговорить, еже в прежнем указе написано, чтоб мелким помещикам отвозить з женами и з детми и з зажилами денгами, а самим, ведаю, что и подвод будет жаль дать. И того ради, чаю, что будут всячески сию статью спорить, чтобы сицевому указу не быть, любят они на чужой спине ехать.

А буде не сице зделать о возвращении беглых крестьян, то не чаю я концу быть, еже бы беглых всех возвратить на старые места и пустота б наполнить. Аще ныне высоким персонам послабить в отдаче беглых крестьян, то они старых всех у себя зажмут, а и вновь принимать будут, и правосудие прямое за такою их силою в России у нас не состоится. Сия статья видитца и не велми тяжка, что чужое отдать без наддачи, а высоким персонам покажетца за великую беду.

И аще сицевый его и. в. указ состоится, что всем, как ниским, так и высоким персонам всех пришлых людей вывести з женами и з детми и со внучаты, то я чаю, что одним годом вся пустота во всех деревнях наполнитца, и чаю, что иные и порожия пустоши будут населять. И егда пустота вся наполнитца людми, то и интерес царскаго величества умножитца и егда жилее будет земля, то и купеческие промыслы разширятца.

Толко разве останутца те беглецы, кои бежали за рубежи, а и тех есть ли его и. в. указ состоитца, что послать и зарубежи к тамошним жителем, то и они, чаю, что ослушны его в-ву не будут, вышлют все, у кого колко их есть. А буде кои на королевское имя записались, то и наипаче короли и курфисты тамошние с царским величеством

в тех беглых пришлецах соритися не будут и колико у кого есть, чаю, что поскоряе наших велможь, а ис черкаских маетностей[91] мочно, чаю, и посылкою взять.

В старом Уложенье напечатано: буде кто, похотя кого изубытчить, побьет челом напрасно, и егда сыщется, что бил челом он напрасно, то взять на том проести и волокиты по гривне на день[92]. И кто и в прямом деле побьет челом, проести та же гривна на день, хотя в рубле, хотя во сте рублех, хотя в тысяче иль в десяти тысячах рублев, то числитца та же гривна на день. И в том древнем расположении какая правда? А есть ли прямо разсудить, то надобно всему розмер положить, по колику проести числить на день в рублевом деле и по колику в десятирублевом, такожде и во сте рублях и в тысяче, и вящши тысящи надлежит расположить имянно, по колику проестей брать на день с какова иску, и то чинить по записям и по иным случаям в прямых искех.

А буде кто нападет нагло, похотя кого изубытчить, и егда допряма сыщется, еже напал он напрасно, то чего он искал, без всякаго милосердия доправить на нем то же число, чего он искал, и отдать тому, на кого он бил челом. А и проесть, по величеству иску расположа, доправить на нем же и отдать ему же, ответчику, да на нем же доправить пошлина въдвое дабы въпредь было ему и иным так делать наповадно.

Паки, егда кого обвинят в десяти тысячах, то указано стоять на правеже[93] сто месяцев, и того времяни будет девять годов и два месяца. А егда выстоит те лета на правеже, то тот виноватой принесет челобитную, чтоб ему те денги собирать в перевод в том переводе повелено дать сроку на толико ж лет, и истец, волочась, да и иску своему не рад будет. И то стала самая явная ворам и ябедникам потачька.

Мне же ся мнит, тыи статьи стараго Уложенья обе надлежит отставить и зделать так, чтоб каков иск ни был мал или велик, и егда кого обвинят в иску, то допросить ево, чтобы он дал сказку, когда он денги принесет. И буде на колко времени поволит ему истец дать во исправе сроку, то истец волен, хотя на год даст сроку. А приказным порядком болши недели на сто рублев дать не мочно, а в тысяче рублех на десять недель, а болши того иль менши, то давать срок по росчислению платежа.

А буде скажет, что платить нечем, то послать все ево пожитки движимые и недвижимыя описать и, оценя, велеть продавать с над-

дачею. А ценовщикам[94] велеть ценить прямою настоящую ценою, а буде ценовщики половинною ценою оценят, то за такую неправую оценку бить их кнутом. А буде выше настоящия цены оценят, то отдать им, ценовщикам, а у них денги принять и колико тех денег соберетца, отдавать исцу.

А и нынешней указ о нищих учинен не весма здраво, потому велено штрафовать тех, кои милостыню подают[95]. И тем никогда не унять, да и невозможно унять, и то положение и Богу не без противности, Бог положил предел, что давать милостыня, а судьи наши за то штрафуют. [А им штрафовать] давалцов не надлежало, [но надлежало] по тому указу его ц. в. нищих всех перехватать и допросить, чьи они крестьяня иль посадкие иль какие иные люди. И чьи они скажутся, то надлежало их розсылать на те места, откуды они пришли, а они, то отставя, давалцов штрафуют.

И сия статья правилнее б так учинить: кои хворы и увечны и престарелые, тем бы учинить покой, а кои ходят здоровые крестьяня и крестьянки и дети их, и тех, естли поволено будет, всякаго чина людям хватать, хотя в городе, хотя в деревне. Какой человек ни увидит нищаго здороваго, то, ухватя бы его, привел в приказную полату, и записать, где его взял, и, записав, отдавали бы их из приказу тому, кто ево привел, а буде он не возмет, то кто ево востребует, отдават бы вовсе, чей бы он ни был. А буде никто не возмет, то отсылат бы их х каковым делам государевым. То дворяня лище заслышат, часу не будут мешкать, всех заберут к себе и по миру ходить уже не будут пускать. И таким способом одним годом или менши нищие бродить не будут и по улицам ходить не станут.

Есть бо много таких помещиков, летом крестьян своих и людей держат у себя на работе, а зимою посылают в мир и велят по улицам бродить и милостыни просить. И скитаючись по миру, аще у кого буде найметца поработать и за роботу свою денги возмут, а те помещики, уведав то, что нанявшись, пожил месяц место иль другой, то они скажут, что он бутто збежал и, записав поимку, будет бит челом на того, у кого он из найму работал, о зажилых по указу. И тем не токмо купецким людям, но и дворянам чинят убытки великия.

А иные посадкие такия люди есть лежебоки, что живут своими домами, а не хотя ни торговать, ни работать, ходя по миру, милостыню собирают. А иные, сковавшись, ходят бутто тюремныя сидельцы и, набрав милостыни, да дома лежа, едят. А иные сами

и промышляют, а детей своих посылают милостыни просить. И таковым нищим, освидетельствовав, надлежит и наказание дать нескудное, чтобы даром хлеба не ели; буде кто промыслом своим прокормить себя не может, то шол бы на поденную работу или бы пошол в люди жить[96], а детей бы своих роздал мастеровым людям в научение, и, научась мастерства, могли и отца своего кормить. А скитаючись по миру, иного ничего не научится, только что воровать и тунеядцами быть. И таковые люди уподобились червию, что ничего не делают, а хлеб с свету губят даром.

Такожде и по тюрмам насажено у судей множество людей и те люди, тюремные сидельцы, ничего же не делают, толко лежат, да хлеб ядят, яко червие ж. И сия яко нищих, тако и тюремщиков, не надобно судьям в презрение полагать, но велми надобно пещися и не токмо одним судьям, но и подъячим, чтоб дней своих никакия люди даром не теряли и хлеба бы даром не ели. Бог не на то хлеб нам дал, чтоб нам ево яко червию съев, да в тлю претворить.

Но надобно, хлеб ядши, делать прибыток Богу и царя своему и своей братье и себе, дабы не уподобитися непотребному червию, иже токмо в тлю вся претворяют, а ползы ни малыя людям кроме пакости не содевают.

В России во всех городах и в селех и деревнях нищих и тюремных сидельцев, чаю, что наберетца тысячь десятка два-три или и болши и на кийждо год хлеба они съедят на худой конец, что тысячь пятдесять четвертей или и шестьдесят. И есть ли положить на человека с хлебом и с харчом и со одеждою их на самой малой оклад по шти рублев на год коемуждо человеку, то такими тунеядцами казны на кийждо год в тлю претворитца близ дву сот тысячь рублев. И такая великая гибель чинитца вся от нерадения судейскаго, в поборех за гривну хотят из человека душу вытянуть, а где многия тысячи погибают напрасно, того ни мало не смотрят и не внимают тому, как бы в чом прок зделать к пополнению царственнаго богатства, но толко то считают, что налицо принимают, то и в прибыль почитают. А что тем собиранием своим бед наделает людям, паче же самому великому государю наделает убытков множество, то ничего того не смотрят и не радят о том.

Самое основание собранию то радетелное, еже его и. в-ву кто потщится казну собирати, а людей не разорит. А сего всем правителем паче собрания смотрить, чтобы ничто нигде даром не про-

падало и никакие б люди хлеба даром не ели, но вси бы трудились и плод приносили.

Вси бо судьи и правители нарицатся ц. в-ву радетели и слугами верными наричут себя. А есть ли здравым оком посмотрить на них, то все их радения вопреки явятся прямому радетелю, не то, что чего собраннаго беречи, но и не собраннаго смотрить пилно, чтобы ничто нигде не тратилось и дней бы своих никто даром не терял.

И всякия собранныя вещи не токмо в царских сокровищах, но и во всем мире за богатыми и за убогими прилежно смотрить, чтобы нигде ничто и их даром не пропадало и излишняго ничего б нигде не тратили, то такой человек прямой будет царственному богатству собиратель.

И всякому правителю во своей провинции или и канцелярии, аще кто восхощет государю своему порадети, то не надобно ему много пить и прохладно жить и по лесам зайцов ловить, но о том все свое попечение иметь, како бы скоряе дела вершить и чтоб в приказе и в тюрме лишних дней не сидели и хлеба бы напрасно без работы не ели, но все бы были у дел своих. Кои по вине своей достойны смерти, то тех не для чего долго и томить и даром хлеб в них тратить, но надлежит их вершить.

А и по кабакам надобно смотрить, чтобы ярышки[97] голые без работы не жили тут. А буде кои для работы годны, то брать на них крепости, чтобы им никаким дурном не промышлять и зерьнью[98] не играть и пристани никаким лишним людям не держать, чтобы без работы никакой человек не был.

А кои люди надлежат какова наказания, то таковых не надлежит и дня единаго в тюрме иль в приказе держать, чтобы он дней своих даром не терял. А коих надлежит сослать на рудокопные дела и на иные черные работы, то и тех долго держать не для чего ж, но, запятнав вечным или времянным пятном, отсылать их, кои куды надлежат, не мотчав, чтобы они даром хлеба не ели.

А и кроме приказа всякому командиру во своей каманде смотрить накрепко, чтобы никто нигде даром не шатался и робята молодые кроме праздничных дней отнюд бы по улицам ни кознами, ни кубарями[99], ни иными какими играми не играли, а и в мужестве сущия никаковые вещи напрасно не тратили и яйцами б не билися[100]. И никакова чина люди и дворяня без писменнаго указа хлеба бы в вино не переводили и за крестьянами своими сами бы смот-

рили и прикащикам и старостам накрепко бы заказали, чтобы никакой крестьянин гуляком[101] не был ни летом ни зимою. Не токмо болшие, но и малыя ребята даром не шатались бы, но овыя учились бы грамоте, а иные рукоделью, каковые водитца во крестьянах, учились бы. Буде кой топором еще и не сможет владеть, то бы прясть учились и, научась, шли бы на полотняные дворы и там бы зимою из найму или и ис хлеба работали, а летом полевую б работу работали. И аще в юности навыкнет работать, то и под старость гуляком не будет.

А сие и не без греха есть, что за самыя малые вины да в тюрму сажают, а иные и безвинно сажают, иного посадят и на час, да забудут, то он в забвении просидит и год место. И ради памятования надобно всякому судье безотложно на всякой день колодников своих всех пересматривать, и всех их ставить перед себя налицо, то нелзя будет подьячему иль приставу посадить за хоженое[102] свое. И смотря колодников, всех бы новоприводных сам допрашивал, кто в каком деле приведен. И буде дело до кого малое, то того бы часа и решение ему учинил, то бы он промышлял, а, в приказе б сидя, дней своих не терял.

И аще все судьи тако будут управлять, колодников повседневно пересматривати и решение им чинить немедленное, то и тюремные дворы не надобны будут. От неуправления судейского велми много в мире пакостей и разорения чинитца и погибают многие напрасно, ибо многия, в заключении сидя, з голоду и от всякия нужды умирают безвременною смерьтию.

И о колодничем сиденье, мнитца, надлежит предел учинить сицевый: буде кто взят в розыскном деле, то решить ево в неделю и болшое что в две, а в исцовых делах держать больши суток отнюд не надобно. А буде за сутки будет кой судья в исцове деле держать, то кормить того колодника судье своим хлебом, и есть ли учинено будет тако, то по нынешнему держать долго не будут. А сие весма надлежит отставить, чтобы по улицам перекованным колодникам, ходя, милостыни не собирать. Ныне, истинно, стыдное дело, что в нищих да в колодниках пройти невозможно.

В старом управлении судебных дел было уставлено, буде в каком займе или иманье из казны денег поручатца порутчики в тысяче рублех человек десять или дватцать, а писали в записях, взять те денги на заимщике и на порутчиках, кто их них в лицах будет. И по

такому обыкновению, аще заимщик не исправитца, то, высмотря ис порутчиков, которой посытнее, да буде не умеет за себя стать, то на одном на нем и доправят и совсем ево разорят. А иной заимодавец немилостивой, как срок придет платежу, а заимщик не исправитца, то не даст сроку ни на неделю, всех порутчиков захватит в приказ, и егда обвинят их, то всех их разорит до основания. Буде денег не принесут въскоре, то пожитки у всех заберут безсрочно и оценят дешевле половины и все распродадут за бесценок. И тако всех порутчиков и разорят и межь двор пустят и от такова порядка многое множество народа в нищие пошло и то стало быть самое царственное разорение.

А аще зделать, так, чтобы во всякие поруки ручались порутчики по своей мочи, аще и в великом займе тысящном или и многотысящном станут ручатца, то всякой порутчик ручался б по своей силе. Буде кой может тысячу рублев заплатить, то бы в том и ручался и в руке своей имянно бы и описал, что он ручаетца в тысяче рублех, а кто с тысячу рублев не сможет, то всякой бы по своей могуте, кто во сте рублех, кто болши иль менши. И буде кто больши десяти рублев заплатить повытку своего не сможет, то в десяти рублех и подписался бы, и егда заимщик платежем не исправится, то болши десяти рублев с него бы не было взятья. И тако всякой поручик, что в руке своей написал, то и заплатит и по такому регулу никогда бы порутчики от поручения своего не разорялись и ручатца бы стали охотнее.

В старом Уложенье напечатано, еже сажать в некоторых делах за вину в тюрму годы на три и на четыре и болши, и та статья мне возмнилася весма непристойна[103]. Но чем посадить в тюрму да морить лет пять иль шесть, то лучши приложить ему наказания или иного какова штрафования, а дней жития человеческаго терять не надобно. Человек, на воле будучи, иной подле себя и посторонних человеку пять-шесть или и болши может прокормить, а в тюрме сидячи, и себя прокормить не можно, но въместо червя будет хлеб есть и в тлю претворять без прибытку.

В Новегороде в прошлом 718-м году пойман Ямъбурских стеклянных заводов того стеклянаго дела ученик Иван Семенов в том, что он сам себе пошпорт написал своею рукою. И дважды он розыскиван в том, что не писывал ли кому иному пошпортов или иных каких писем. И кроме того своего пошпорта не явилось, и ви-

дя, что иной вины никакой нет, то бросили ево в тюрму. И сидел в тюрме при Иване Мякинине три годы, а решить ево не мог, знатное дело, что дать тому ученику было нечево, а он, Мякинин, любил денги, а даром он никому ничего не делал. И буде, кто болши принесет, тот и прав будет его судейским разсуждением; он, будучи в судействе, не смотрил на правду, но смотрил на денги.

И таким судейским гнилосуждением пять лет без одного месяца просидел в тюрме и вся та пять лет погибла. А есть ли бы он, Мякинин, не алтынничал, да, по указу учиня б ему наказание, свободил, то бы он ста два-три прибыли в царстве зделал бы, а, сидя в тюрме, хлеб ел лжа, и тот хлеб пропал даром.

И ради совершеннаго таковых дел исправления, надобно у Бога всещедраго милости попросить, чтобы он, человеколюбивый Бог, на дело сие милостивно призрил. И возложась на его Божию волю, надлежить для установления самые правды первее состроить судебная книга с тонкостным расположением на великия и малыя дела, как кои дела решить. И так надобно ево устроить, чтоб никакова дела наизусть не вершить, но всяким бы делам решение наказания и милости ясно означено было, за что какая жесточь и за что какая милость, чтобы по тому расположению и маломысленной судья мог прямо всякия дела разсуждати.

Глава 4. О КУПЕЧЕСТВЕ

И купечества в ничтожность повергать не надобно, понеже без купечества никаковое, не токмо великое, но и малое царство стояти не может. Купечество и воинству товарыщь, воинство воюет, а купечество помогает и всякия потребности им уготовляет[104].

И того ради и о них попечение неоскудное надлежит имети. Яко бо душа без тела не может быти, тако и воинство без купечества пробыть не может; не можно бо ни воинству без купечества быть, ни купечеству без воинства жить.

И царство воинством разширяется, а купечеством украшается, и того ради и от обидников велми надлежит их охраняти, дабы ни малыя обиды им от служивых людей не чинилось. Есть многие несмысленные люди, купечество ни во что ставят и гнушаются ими и обидят их напрасно. Нет на свете такова чина, коему бы купецкой человек не потребен был.

И так купечество годствует блюсти, чтоб не токмо от обидников посторонних, но и они между собою друг бы друга не обидели и в купечество их иночинные люди отнюд бы не въступали и помешательства ни малаго им не чинили, но дать им торг свободной, дабы от торгов своих сами полнились и его и. в. интерес умножали.

Егда бо торг дан будет рускому купечеству свободной, чтоб не токмо иночинцы, но и иноземцы в торгу руским людям помешательства ни малого б не чинили, то и пошлинной збор будет не в том сочислении. Я так мню, что при нынешнем зборе пошлины будет собиратися въдвое или и втрое, а ныне от разночинных промышленников пропадает ее болшая половина.

Буде кто, коего чина нибудь, аще от сигклита, или от афицеров или от дворянства или и из приказных людей или церковные причетники или и крестьяня похотят торговать, то надлежит им прежней свой чин отставить и записатца в купечество и промышлять уже прямым лицом, а не пролазом и всякие торги вести купеческие с платежем пошлин и иных каких поборов с купечества равно со всем главным купечеством. И без согласия купеческаго камандира утайкою по прежнему, воровски, ничего не делать и пошлиннаго платежа ни малаго числа не таить.

Надобно всякому чину прямо себя вести, чтобы пред Богом не погрешить и пред царем в вине не быть. И как жить, так надлежит и слыть, аще воин, то воин и да будет, и аще иного звания человек, то всяк свое звание и да хранит цело.

Сам Господь Бог рек, глаголя, яко един раб не может дву господам служити (Матф., глава 6, стих 24). Тако и воину и инаго чина человеку всякому свой чин прямо вести, а в другой предел не вступати, аще бо кому х купечеству прилпнутися, то в военном деле солгать будет. Сам же Спаситель наш рек, глаголя, яко иде же сокровище ваше, ту и сердце ваше будет. А святый Павел апостол глаголет, яко никто воин обязуяйся куплями угоден будет воеводе (2 Тим., глава 2, стих 4). А и по простонародному речению есть глагол приличен сему, еже глаголетца: одно взять, либо воевать, либо торговать.

И посему воину и всякому иночинцу отнюд купечествовать не подобает, но буде у кого желание х купечеству припадет, то уже в тот чин и въписатися надлежит.

И сего ради, аще не учинить о сем предела, еже посторонних торговцов из господ и из протчих приказных и военных людей

и ис крестьян не унять, то весьма обогатитись купечеству невозможно и собранию пошлинныя казны умножатися не от чего будет.

А аще Господь Бог у нас в российском царстве устроит сице, еже судьи и все правители будут кийждо управлять свое дело с прилежанием, а в купечество не въступати, но токмо их от обидников защищати, такожде и военным людям, ни афицерам, ни салдатам в купечество не въступати же и ничем их не обижати, токмо пещися о своем деле военном. Такожде и приказные люди пеклись бы о своих приказных делах, а в купечество отнюд бы не въступали ж, а и мастеровые люди питались бы своим рукоделием, а в купечество и тии не въступали ж бы, такожде и крестьяня знали бы свою крестьянскую работу, а в купецкое дело ни мало не прикасались бы. А буде кой крестьянин может рублев на сто торговать, то тот бы, чей ни был крестьянин, государев ли или царицын или митрополей или монастырской или сенатской или дворянской или какова звания ни был, а торгу на ста рублев имеет, тот бы записался в купечество. И аще и там повелено будет им жить на старине, а уже пахоты ему не пахать и крестьянином не слыть, но слыть купеческим человеком и надлежит уже быть под ведением магистратским[105] и с торгу своего пошлина платить в мелочные зборы или по окладу со всего торгу уколом[106], то так тому и платить неизменно.

А дворяня ради себя пасли бы своих крестьян неоплошно и прикащикам своим и старостам наказали б накрепко, чтоб крестьяня ево ни мало к торгу не прикасались бы и никогда бы даром ни летом ни зимою не гуляли, но всегда б были в работе, а х купечеству ни малым торгом отнюд не касались бы, такожде и сами дворяня ни х каковому торгу не касались бы.

И буде кой крестьянин и богат, то бы он пустоши нанимал, да хлебом бы насевал и тот излишней хлеб продавал бы, а сам у иных крестьян ни малаго числа для прибытку своего не покупал бы. А буде купит хотя одну осмину, а кто свой брат крестьянин или и тот, кто продал, пришед в таможню, известит, то у того торгаша взято будет штрафу сто осмин, а кто о том донесет, дать десять осмин. А буде кто купит для продажи десять четвертей[107], то взято будет на нем штрафу тысяча четвертей, а кто доведет, тому сто четвертей.

А буде коему крестьянину припадет охота х купечеству, чей бы он ни был, явился б в магистрате и сказал, что могу я торговать на сто

рублев или на двесте или и вящши, то указом его и. в. взят будет в купечество.

И аще сие Бог устроит, еже всякаго звания человек будет пещися о своем деле, то всякие дела будут споры, а купечество так обогатится, что не в пример нынешнему богатству. А пошлины будет с них собиратися не то что вдвое, но, чаю, что нынешняго збору и втрое больши будет или и вящши.

Потому что ныне торгуют бояря, дворяня и люди их и афицеры и салдаты и крестьяне, то все те торгуют безпошлинно, а и купецкие люди за их имяны множество провозят безпошлинно же. И я не чаю, чтобы ныне и половина прямо пошлин собиралося, да и собрать е не мочно, аще не отставить вовсе торгу от господ и от служивых людей, потому что прикоснулись торгу лица силные, а кои и несилны, то магистрату неподсудны.

Я и о сем всесовершенно знаю, что в одном Новгородском уезде крестьян, кои торгуют, будет сто другое, а пошлин ни по денге не дают. И аще кой зборщик, увидя их, похочет пошлину взять, то дворяня за них вступятца и чуть живых оставят, и на то смотря, никакие целовальники и прикоснутца к ним не смеют. А есть такие богачи, что сот по пяти-шти имеют у себя торгу, а великому государю не платят ни по денге.

И естьли вся сия устроятся, то яко от сна купечество возбудится.

А сей древней купецких людей обычай велми есть не прав, еже и между собою друг другу неправо чинят, ибо друг друга обманывают, товары яко иноземцы, так и русские, на лицо являют добрые, а внутрь положены или соделаны плохи. А иные товары и самые плохие да, закрасив добрыми, продают за добрые и цену берут неправедную и неискусных людей тем обманом велми изъянят и в весах обвешивают и в мерах обмеривают и в цене облыгают. И тое неправды и в грех себе не поставляют и от такова неправаго порядка незнающим людям великия пакости чинятца.

А кои и обманивают, последи за неправду свою и сами все пропадают и во убожество вящшее приходят, и таков си оттончевают.

А аще бы в купечестве самая християнская правда уставилася, еже добрые товары за добрые бы и продавали, а средние за средние, а плохие за плохие и цену б брали по пристоинству товара прямую настоящую, по чему коему товару цена положена, а излишние б цены ни у какова товара не то что взять, но и не припрашивали б, и ни

стара, ни мала, ни несмысленнаго не обманывали бы, но во всем поступали б самою правдою, то благодать бы Божия возсияла на купечестве и Божие благословение почило бы на них и торг бы их святой был.

И ради неподвижные в купечестве правды надлежит во всех рядех устроить сотских и пятидесятских и десяцких. И в коей лавке сидит сотской, то над дверми лавочными прибить дощочка окруженная покрытая белилами, дабы всем она знатна была, и на такой дощице написать сице: сотской. Такожде над лавкою и пятидесятскаго и десятскаго, чтобы купующие, купя какой товар, знали где тот товар показать, прямо ли отвесил или отмерял и товар доброй или плохой и настоящую ль цену взял.

И буде взял цену не противо настоящия цены излишную, то за всякую излишную копейку взять на нем штрафу по гривне или по две и высечь батоги или плетми, чтоб въпредь так не делал. А буде в другой ряд так же учинит, то доправить штрафу сугубо[108] и наказание учинить сугубое жь.

А буде кто неправо отвесит или неправо отмеряет или не такой товар даст, какова купец требовал, или вместо добраго худой продаст, то таковому жесточае чинить наказание, а штраф противо товарные цены взять десятерично.

А буде в той неправости помирволит продавцу сотской или пятидесятской или десяцкой, то взять штраф на десяцком в десять мер, а на пятидесятском в пятдесят мер, а на сотском во сто мер, и наказание чинить им кнутное по колику ударов уложено будет.

И дать тем сотским и пятидесятским инъструкцыи с великим подкреплением, чтобы они за своими десятскими смотрили неоплошно, дабы они никаковому десятчинину понаровки ни малые не чинили и плохо б сего не клали, но боялись бы яко огня, дабы не дошло до великих лиц. И чтобы те десятские и по лавкам досматривали, чтобы никакова товара худово добрым не закрашивали, но каков кой есть, таков бы и продавали, доброй за доброй, а средней за средней, а плохой за плохой и весили бы и меряли самою правдою и излишние цены ни у какова товара не прибавливали бы и не припрашивали бы, но чего стоит, того бы и просили. А и заморские б товары, сукна и камки и прочие парчи меряли бы и продавали с перваго конца, а не з заднего. И каков купец ни пришол, богат или убог, аще разумен или и ничего не смышлящь, всем бы единаче

правдою продавали и ни у рубля, ни у десяти рублев единые копейки не имали и не babipрипрашивали бы.

Старик, нельзя одной цены уставить, веть товару имя одно, да добрата не одна. Ину пору уж и ты врьош![109]

И самыя ради безпорочные правды не худо бы всяким товарам весовым и локотным[110] положить цена уставленная, чтоб она какова в первой лавке, такова была и в последней.

А что с кого надлежит за какую вину взять штрафу, и тот бы штраф собирали сотские, не отлагая до иного дня, но когда кто провинитца, тогда бы и платился и, приняв штраф, записывали бы в закрепленную книгу и помесячно относили бы их в кантору надлежащую.

А со иноземцы приежжими на ярманках без воли главнаго купеческаго правления камандира ни великаго, ни малаго торгу не чинили бы. А буде кто, хотя на один рубль дерзнет приежжим иноземцам продать какова нибудь товара, без воли вышняго своего камандира, то взять на нем штраф сторичной, за всякой рубль по сту рублев и наказанье учинить кнутом, колико уложено будет ударов дать, дабы помнил и въпредь так не делал.

И с воли камандира своего и по согласию купечества, поставя цену товару своему, отпускали бы за море и за прочие рубежи руские товары как богатые, так и убогие с воли камандира своего по общему согласию кампанства, чтобы никому обиды не было.

И егда иноземец сторгует какова товара руского многое число или и малое, то всем руским людям, как богатым, так и убогим, комуждо из своих товаров поверстався по количеству товаров своих, чтоб ни богату, ни убогу обиды не было. А буде кто не похочет товару своего для малыя продажи росчинать, то как кто похочет, в том воля мочно дать.

И тако творя, между всеми купецкими людми будет мирно и согласно и цены никому уронить будет нельзя. И по чему какому товару цену с общаго совета наложат, то уже иноземцы по той цене и нехотя возмут.

А буде иноземцы, похотят нашим товарам цену снизить, и товаров по наложенной цене брать не станут, то надлежит у маломочных товары все богатым на себя взять.

И буде купецкие люди за недостатком денежным не соймут, то выдать бы им денги из ратуши и отпустить их восвояси, и въпредь

до указу таковых товаров не возили бы, хотя годы два-три или и болши, донележе со иноземцы торгу не будет, промышляли бы иным каковым промыслом.

И пока иноземцы по наложенной цене товаров наших принимать не будут, до тех времен отнюд ни малого числа таких товаров на иноземческие торги не возили бы.

И буде иноземцы, восхотя наших купцов принудить к своему умыслу, еже бы наших русских товаров ценою не взвысить, а своих не снизить, оставя торг, поедут за море без наших товаров, то и свои они товары, с коими приехали, повезли бы все с собою назад. А в анбары с кораблей не сторговавшись, отнюд класть им не попускать бы, хотя за анбары въдвое или вътрое наемные денги давать станут, или где в домы похотят сложить, отнюд того им не попускать. Но когда наших товаров им не брать, то и своих товаров оставлять им не для чего, как привезли, так пусть и назад повезут.

А в другое лето буде приедут, то надлежит нам на свои руские товары ко уставленной прошлогодной цене приложить на рубль по гривне или по четыре алтына или как о том указ великаго государя состоится, како бы купечеству слично было и денги бы в том товаре даром не прогуляли.

А буде два года иноземцы с торгом не будут, то на прежную цену наложить еще толико же, колико на первый год наложено. И тако колико годов ни проволочат они упрямством своим, то на кийждо год по толикой же накладке на всякой рубль налагать, не уступая ни малым чем, чтобы в купечестве денги в тех залежалых товарех не даром лежали, но прецент бы на всякой год умножался.

И аще в тех прецентах товарам нашим возвыситца, что коему прежняя цена была рубль, а во упорстве иноземском возвысится в два рубля, то такову цену уже и въпредь за упрямство их держать, не уступая ни малым чем.

И аще иноземцы упрямство свое и отложат и станут товары свои возить к нам по прежнему и наших товаров себе востребуют, а уже цены на руские товары прибавленной отнюд бы не убавливать и в предьбудущие годы по той же наложенной цене продавать, почему во упорстве их иноземском наложилась.

И буде двойные цены за наши товары не похотят нам дать, то и их товары перед ними, мы за Божиим благословением можем и без их товаров пробыть.

Обаче же я мню, хотя они и хитры в купечестве и во иных граждански́х росправах, а аще уведают нашего купечества твердое положение о возвышении цены, то не допустят до двойные цены, будут торг иметь повсегодно. Видя бо наше твердое постоянство, всячески упрямство свое прежне и гордость свою всю, и нехотя отложат, нужда пригоняет и к поганой луже. Для нас хотя вовсе они товаров своих к нам возить не будут, мы можем прожить и без их товаров, а они без наших товаров и десяти лет прожить не могут. И того ради подобает нам над ними господствовати, а им рабствовати пред нами и во всем упадка пред нами держать, а не гордость.

Сие странное дело, что к нам приехав с своими безделками, да нашим материалным товарам цену устанавливают нискую, а своим цену ставят двойную, а иным товарам и выше двойные цены.

И не до сего ста, но и денги нашего великаго царя ценят, до чего было им ни малаго дела не надлежало, им надлежит денги ценить своих государей, потому что они власть имут над своими владельцы. А наш великий император сам собою владеет и в своем государстве аще и копейку повелит за гривну имать, то так и может правитися. Мы в своем царстве с воли монарха своего волны на привезенные их товары цену налагать, а буде им нелюбо, то на ту цену не отдавай, волен он и отдать и не отдать, нам силою у него не отнять. А в том мы можем стоять, что несторгованому и негодному на сухом берегу места не дать, либо назад повези, либо в корабле держи.

Время было уже им прежняя своя гордость и отложить, плохо им было над нами ломатца тогда, когда сами наши монархи в купеческия дела не въступали, но управляли бояря. И, приехав, они, иноземцы, засунут силным персонам подарок рублев во сто-другое, то за сто рублев зделают они, иноземцы, прибыли себе по миллиону, потому что бояря не ставили купечества ни в яишную скорлупу, бывало на грош все купечество променяют.

А ныне, слава Богу, монарх наш вся сия разсмотрил и подлесть им уже некак, еже бы им по прежнему своему хотении уставить и на своем поставить.

И естьли они, иноземцы, от упрямства своего годы два-три или и пять-шесть торговатца с нами не будут, то купечеству нашему великая и неисчислимая прибыль будет, потому которые товары покупались у нас в Руси по рублю, то будут уже в покупке по полтине или и менши. А иноземцам менши уставленные цены за ино-

земческое упорство збавить отнюд не мочно, потому что такая цена уставилась за их непокорство.

Они на свои товары без жадные причины наложили цену высокую и тем нас велми изневажили, а им изневага не от нас, но от своего им упрямства. Они в причину поставили русские наши денги, до чего им ни малаго дела нет. Денги наши когда в их землю придут, то хотя они нашу копейку и за денгу не возмут, то в том они волны: их земля, их и воля. А в нашей земле нет им ни малыя власти, но волен нашь монарх, а по его монаршей воле и мы имеем некую часть воли. А они, пришед в нашу землю, ценя наши денги, да всяким своим товарам цену возвысили. Червонные были без гривны по сороку алтын, а ныне по два рубли, яфимки были по осмнатцати алтын, а ныне и по осмии гривен. Меди пуд был по три рубли, а ныне по семи и по осмии рублев, олово было не з болшим по три рубли, а ныне выше шти рублев, горючая сера была по полтине пуд, а ныне въпрое выше продают. Бумага пищая, коя была стопа по осмии гривен, ту ныне продают по два рубли. Оконечных стекол ящик покупали по три рубли, а ныне продают по десяти рублев. И колико ни есть заморских товаров, на все наложили они цену двойную, да тройную и тем они хощут российское царство пригнать ко оскудению[111]. И издеваяся над нами, въместо материалных товаров возят к нам разные питья, да похваляют их: «то питье честное и весма похвалное», дабы слыша их такую похвалу болши б у них покупали и денег бы им болши давали. А нам бы то их питье выпить, да высать, а иное и выблевать. Да привозят к нам стеклянную посуду, чтоб нам, купив, разбить да бросить. А нам естьли заводов пять-шесть построить, то мы все их государства стеклянною посудою наполнить можем.

И того ради велми надлежит нам себя осмотрить, их немецких росказов нам не переслушать, они какую безделицу ни привезут, то, надседаяся, хвалят, чтоб мы болши у них купили. И уже чево не затеют, и пиво, наваря да налив в бутылки, привозят, да продают бутылку по десяти алтын, а нам мочно та бутылка наложить на алтын или на две копейки.

И аще нашим товарам высокая цена уставитца или и не уставитца, то в воли монарха нашего, как он поволит, так и будет неизменно.

А их заморские товары весма надлежит принимать купечеству нашему по разсмотрению и по согласию общему и с воли камандира своего, а не по прежнему, самоволно. И выбирали бы, кои

товары были прочны и самые были добрые, а плохих отнюд бы не принимали. И те принятые товары такожде делили бы между собою полюбовно по количеству своих товаров с общаго же совета, чтобы ни кому и малыя обиды не было.

А буде же иноземцы на тот отборной товар еще сверх настоящия цены [наложат цену] излишную, то и того отборнаго товара с наложением прибавочной их цены не брать бы у них ничего, но брать по настоящей цене, какова до того отбирания уставилась.

А буде заупрямятца и отдавать тех товаров по настоящей цене не похотят, то отказать им, пусть весь свой товар повезут назад. А плохих и непотребных товаров и на полцены отнюд бы не принимать ни малаго числа для того, чтобы они дураками нас не называли и в товарах наших над нами не издевались бы.

А наипаче таких товаров не принимать, которые, купя, выпить, да выссати, или, приняв, розбить и бросить. Стекляная посуда мочно нам к ним возить, а не им к нам, и всякие товары, кои непрочны и портятся скоро, яко же обшивные их иноземческие пугвицы, принимать их и на полцены не надобно, понеже пока человек кафтан носит, то обшивные пугвицы двои или и трои переменит. И того ради годствует принимать пугвицы медные плотные, кои паяны не оловом или кои и без пайки, да насажены на деревянные болвашки, или оловянные серебром посеребрены на жестяных чашках. Такожде кои въместо сталных привозят визмутовые пугвицы, то и таких принимать не надобно ж, для того что и они непрочны ж, а принимать самые прочные, с коими бы мочно было кафтана два-три износить, буде и стеклянные черные, да зделаны на железных самых плотных ушках, то таковые мочно брать, потому что они велми потребны, платья не дерут, а к носке прочны, а цена им не высокая. Буде станут ушки делать у них гораздо плотны, то они портищь пять-шесть переносят.

А и во всяких товарех смотрить того накрепко, чтобы был прочен. И парчи всякие, кои бывают к носке прочны, те и брать, а кои на клею камчицы и атласцы и штофцы[112], хотя кои и цветны, таковых и на полцены принимать не надобно и никому бы из таких парчей и платья делать надлежит призапретить, потому что в них денгам перевод.

И не токмо шелковых, но и гарусных[113] товаров, кои неплотные и к носке непрочны, чулки и парчевые вещи, кои скоро пропадают,

таковых никогда ж принимать не надобно. Такожде и линтов, кои весма тонки и плохи, хотя самою малою ценою не доведетца же брать, но брать те линты, кои весма плотны, хотя и ценою выше, толко б к носке были прочны. А с мишурною битью[114] и никаких линтов не принимать, потому что в них никакова проку нет, токмо денежная напрасная трата.

Такожде и платков шелковых немецких и персидских не надлежит же покупать нам, потому что и в них токмо одна денежная истрата, а самые потребы ни полу нужные нет. Дать за него рубль или полтара рубли и годом платка два-три истеряет, а на другой год толико же надобно, и лет в десяток иной щоголь платков пятдесят истеряет, и хотя по рублю положить платок, то пятдесят рублев истратит. И на всякой год и в той безделице из царства тысячь десятка по два-три пропадает.

А на утирание носа и на утирание на лице пота гораздо потребнее платки льняные, нежели шелковые, а в шелковых токмо одни хвастни, да иноземцев обогащение.

И естьли заказ о шелковых платках будет, то никто их не востребует и будут по прежнему полотняными платками утиратися.

Немцы никогда нас не поучат на то, чтоб мы бережно жили и ничего б напрасно не тратили, только то выхваляют, отчего бы пожиток какой им припал, а не нам. Они не токмо себя, но и прочих свою братию всякими вымыслы богатят, а нас болши к скудости пригоняют.

И того ради надобно нам разумея разуметь о всяких их делах яко о купецких, тако и о военных и о художных делах. Не тут то у них правда, что на словах ладогазят, надобно смотрить их на делах, а не на словах и смотрить пронзительным оком.

А кои у нас в Руси обретаются вещи, яко же соль, железо, иглы, стеклянная посуда, зеркалы, очки, оконешные стекла, шляпы, скипидар, робячьи игрушки, вохра, черлень, празелень пулмент[115], то всем тем надобно управлятися нам своим, а у иноземцев отнюд бы никаковых тех вещей и на полцены не покупать.

А и сукон салдатских, мнитца мне, у иноземцов покупать не надобно ж, потому что наши русские сукна, аще и дороже заморских станут, обаче тыи денги из царства вон не выдут. Того ради и сукнами нам потребно прониматися своими ж, чтоб те денги у нас в Руси были.

И управителем не токмо одним купецких дел, но и гражданским надлежит смотрить того накрепко, чтобы непотребнаго и непрочнаго ничего из-за моря и из-за рубежей в Русь не покупали, но покупали б такие вещи, кои прочны и коих в Руси у нас не обретается или без коих пробыть не мочно.

Нам надобно не парчами себя украшати, но надлежит добрым нравом и школным учением и христианскою правдою и между себя истинною любовию и неколеблемым постоянством яко в благочестивой христианской вере, так и во всяких делех. И за таковое украшение не токмо на земли, но и на небеси будем славны.

А и сие в купецких людях деетца велми неправильно, еже аще которой человек, проча себе и детям своим, построит полаты, и аще он построит их и одолжась, а соседи и клеврети его вси (въместо ежебы его зато паче перваго любити и благодарити, что зделал от побочнаго огня преграду и царьственную учинил украсу), вознегодуют на него и налягут на него тяжелыми податми и службами. И то стала быть диавалская ненависть: за что было надлежало ему полготить, потому, что он, строя полаты, изубытчился, а они въместо лыготы нападут на него с разорением.

А мне мнится, не худо бы и царским указом сие подтвердити, чтобы лет на пять-шесть или болши построившим полаты в царских поборах давать лготы. И в те лготные лета в службы никаковы не выбирать бы, дабы он поправился и, на то смотря, стали бы и иные тщатися полаты строить.

Паки и сие, мнитца, не весма право, еже посадския люди многия украшают себя паче меры своея, а жен своих и детей и наипаче того со излишеством украшений и в том украшении излишнем себя истощевают.

Паки и сие мнитца, не худо бы расположить, чтобы всякой чин свое бы определение имел, посадские люди и все купечество собственное свое платье носили, чтобы оно ничем ни военному, ни приказному согласно не было.

А ныне никоими делы не мочно по платью познать, кто какова чина есть, посадской ли или приказной или дворянин или холоп чей. И не токмо с военными людми, но и с царедворцы распознать не мочно.

А мнитца быть то самое прямое дело, чтоб не то что от царедворцов или от салдат, но и между собою надлежит им различие иметь.

Первая статья купеческаго чина, кии вышши тысящи рублев, даже до десяти тысящь пожитка у себя имеют, тыи бы носили на верьхних кафтанех от сукна кармазиннаго[116], кой купуютца выше двух рублев, а камзолы луданые[117] и штофные и прочие шелковые парчи, кои без золота и без испещрения разных цветов, а разноцветных парчей купечество и на малых своих детей не надевали бы. Пуговицы носили бы серебряные позолоченные, а позументов и снурков золотных и серебряных, ни поговиц обшивных, отнюд бы не было и на малых их детях. А покроем надлежит, мнитца, въсему купечеству иметь верхние кафтаны, были б ниже подвяски, чтоб оно было служиваго платья длиннее, а церковнаго чина покороче, а штаны бы имели суконные и триповые[118], а камчатых и парчевых отнюд бы не было у них, а на ногах имели бы сапоги, а башмаков тот чин отнюд не носил же бы. А на головах бы летом носили шляпы и носили бы их аще и пуховые, а пол по служивом манеру не заворачивали, а зимою носили бы шапки с околыши лисьими и расъсамашными, а собольих бы отнюд не носили.

Собольи шапки носили бы гости да гостиные сотни[119], кии выше десяти тысячь имут у себя пожитку.

А средние статьи, кии имут у себя пожитку ото ста рублев, даже до тысящи, то тии бы носили сукна аглинские, кои около рубля покупается аршин, а камзолы китайчатые[120] и суконные носить, а пугвицы серебряные белые и медные, паяные медью и серебром посеребренные. А на головах летом носили бы шляпы без заломов, а зимою шапки лисьи и бобровые, а покроем особым от первостатейного купечества, а на ногах сапоги.

А нижняя статья, кии от десяти рублев имеют пожитка токмо до ста рублев, тыи бы носили сукна русские крашеные лазоривые и иными цветами, хотя валеные, хотя неваленые, толко бы были крашеные, а некрашеные носили бы работные люди и крестьяня.

И о одежном расположении, аще инем повидитца дело невеликое, мне же мнитца, велико оно. Первое, что чин от чина явен будет и всяк свою мерность будет знать, другое, что у всякаго чина денежные истраты излишные не будет, третье, что царству наполнение будет немалое.

И платеное расположение, я чаю, что иноземцы будут велми спорить того ради, что росходу парчам их будет гораздо менши. И о сем всем как воля его и. в. произыдет, тако и будет, и располо-

жить бы все статьи особливостно, не токмо материалными статьями, но и покроями, и утвердить бы накрепко, чтоб въпредь уже неподвижну быть. И того ради штрафом подтвердить и страх предложить, дабы никто не дерзал на изменение предела сего.

У кого пожитку на тысящу рублев есть, тот бы себя не ругал, но благодаря Богу носил бы достойное платье по пристоинству своему.

А ныне таковых много есть, что тысячи две-три имеют, а ходит в сером кафтане, а у иного и ста рублев нет, а он носит платье против тысящника. А по прямому, у кого пожитку болшого нет, тот бы не тщеславился, но всяк бы свою мерность знал.

И аще у кого пожитку выше тысячи рублев, а он платья по своему достоинству противо своего клевретства носить не будет, и кто ведая его пожиток, донесет о нем, то все ево пожитки переписать. И аще явится тысячи на две иль на три, то оставить ему ста [на два] иль на три, потому что он сам того себе возжелал, а излишнее все, аще и выше того будет, взять на великаго государя, а доносителю из взятого пожитку выдать десятую долю.

А буде у кого по смете явитца не з большим на тысячю рублев, тому в пеню не ставить, аще сто-другое или и третье явится излишнее и кто и доносил, нет ему ничего. А буде сот пять излишняя будет, то излишняя пятьсот иль и больши взять на государя, а ему оставить тысяча рублев или сот пять-шесть.

А кто выше своея меры платье себе зделает, и по доношению то платье снять с него и отдать тому, кто о том непристойном платье обличит ево. И учинить ему наказание, чтобы въпредь так он и иные не делали и себя бы не убытчили.

И аще сие дело и не великое, а царственному обогащению будет великая помога, никто излишняго тратить не будет.

И аще воля великаго нашего монарха на сие дело произыдет, то надлежит закрепить штрафом великим и страхом немалым, дабы не токмо во градех, но и в путех ездили бы во определенном своем платье.

А буде кто оденется не своего чина одеждею, то наказание чинить ему жестокое, а по людям смотря, надлежит и розыскать. А наипаче, аще крестьяня, да уберутца людми боярскими или и самыми дворянами или салдатами, то уже явно, что хощут идти на лехкую работу, на разбой.

Во одеждах так бы хорошо устроить, что не то, чтоб по верхнему платью или по исподнему, но и по рубашкам все бы были знатны, кто какова звания есть.

И по такому расположению все чины будут явны и никто волгатись во иной чин не может и, мне видитца, от такова порядъка и озорничества поубудет. Ныне бо многие, убравшись по салдатъски, ходя по улицам, чинят, что хотят, а никто пристать к ним не смеет, мнят быть их прямых салдатов, наипаче же кии убираются подобиям преображенских или семеновских салдат[121] и, тако творя, наносят слово на прямых салдат недоброе. А естьли бы все чины были расположены, то аще бы кто и поозорничал, то положил бы он порок на свой чин, а и сыскать бы скоро мочно было, кто озорничает.

И не худо бы расположить какими знаками и полки все яко салдатския, так и драгунские, чтобы всякий салдат и драгун знатен был, коего он полку.

И аще все чины расположить повидитца трудно, то хотя б то учинить, чтобы мочно было знать, кто идет иль едет, господин ли или раб. Обаче о всем сем како воля Божия и его и. в. произыдет, тако и может быть.

А сие велми потребно, еже бы то учинить, чтобы никто выше меры своея одежд и всяких украшений не строили.

А наипаче монахам шелковые одежды носить неприлично, а сие и весма непристойно, еже они носят рясы луданные, атласные и штофные. Они бо уже мира сего отреклися и, яже суть в мире, и миру подобает от них отречену быть, они живые мертвецы, они токмо Богу живы, а миру мертвы суть. И того ради ни малаго убрания не подобает им не токмо во одеждах иметь, но и во всяких вещех украшати себя светскими украшеньями не надлежит, но подобает им украшати себя святым житием и всякими добродетелми, паче же смирением и из монастырей неисхождением. Им по чину своему подобает носить самое простотное одеяние, от волны сотканное, а и покрой рясам их надлежит быть мешковатой, чтобы и в том украшения никакова не было.

А и исподы носили бы смиренные овечьи, а собольих и куньих, ни лисьих, ни бельих, отнюд бы не носили, ибо на худой конец, что они во всей России на всякой год тысячь десятка по два-три в том украшении истратят. И тая истрата самая непотребная, ни она цар-

ству украшение, ни она миру увесиление, но токмо тщеславие и к блудницам присвоение и иного ничего в том украшении несть кроме греха.

И аз не вем, како у инех на сие разсуждение будет, а мое мнение тако лежит, что отнюд им не то что одежд, но и опушки шелковые не подобает им иметь: чернец — мертвец. И от пянственнаго питья подобает им весма удалятися и между мирскими людми не шататися и в деревнях монастырских управителми не подобает им быть.

Но токмо знать им монастыры свои да святую церковь и келей своих никаковым украшением не украшати, а не худо, чтоб и стен не тесати и в кельях своих не токмо хлопцов молодых при себе держати, но и родных своих детей отнюд при себе не надлежит имети.

У инока инако всякому делу подобает быть. У инока ни отца, ни матери, ни детей, ни сродников нет, кроме единаго Бога. Им и пища сладимая и приправная и маслом гораздо усмаженная не весма подобает ясти. А егда случится торжественный день, то и тогда токмо ради разрешения маслица положить самую малую часть, дабы не весма ядь усладило, такожде и на питье разрешить от самые же малыя части, чтоб пьянства в себе не почуяти.

Чернцу подобает непрестанно быть в молитве, да в труде и в непрестанном богомыслии. Им так надобно жить, чтобы он весь был в Бозе и Бог бы был в нем неисходно, и не токмо ему сладостные ествы ясти или по люторскому мясу коснутися, но и рыбы кроме разрешенных дней не подобает вкушати. Вся бо та в мире суть, а не в монастыре и егда на рыбу разрешено, то и рыба не весма усмаживати маслом и иными приправами, но варить ее просто и кроме соли никакой потравы в нее класть не весма потребно. В монастыре токмо труд и алкание, а не роскошь какая и того ради называетца равно ангелское житие их, потому что непрестанно в церковном пении и в келейном правиле и в посте и в молитве пребывают и в богомыслии.

И в монастырех каков труд и воздержание всей братии, таков и архимандриту, и пища какова всем соборным и работным инокам, такова и самому архимандриту, и в таковом бытии самое будет братство. Такожде и одежда у всех бы была равная, безъукрасная и ничим одежда от одежды не отменная. И тако бы они в монастыре трудились, чтобы никто посторонней человек познать не мог, кто какова чина есть.

Христос, дая нам образ, будучи на земли, платья украшеннаго и изменнаго не имел и яко сам едину ризу имел, тако и прочим ученикам своим повелел единаризным бытии.

А и пищу Христос требовал простую без приправы (Лука, глава 10, зачало 54), егда бо пришел в весь посетити Лазаревых сестер и Мария села при ногу Иисусову, слушаше словес его, а Марфа начала припасать про Христа яди со учреждением, Господь же похвалил Марию, коя о пищи не пеклася, но седши, слушаше словес его Господних, а Марфе рек: «Марфо, печешися о мнозе, едино же есть на потребу». Что же сие, еже едино на потребу? Яве есть, яко повелел ей припасти то, чем мочно человеку сыту быть. Тако и инокам токмо то припасать, чем мочно человеку сыту быть, и есть надобно не чрез сытость, чтобы не отяготить себя и имения иноку никакова не подобает имети.

И в таковом житии могут они слыть евангеликами, понеже они никаковые утехи себе, кроме Бога, не имеют, всегда пребывают в посте и в молитве и мяса не вкушают и никакими сладостми не услаждают себя и яко Христос жил, тако и они живут. И живут житие безженное, а мнози в них обретаются и девственицы, и того ради весма им надлежит слыть евангеликами.

А люторы, я невем, с коего разума называются евангеликами. Они живут скотски, а не евангельски, мясо ядят яко безсловесной скот или яко безграмотная мордва. Им не то что таким высоким названием себя нарицати, но и человеками не весма пристойно им нарицати себя, но токмо прилично и свойственно нарицати себя свиньею и житие свое нарицать свинским, а не евангельским.

И ради всенароднаго охранения надлежит не одних иноков, но и купечество от излишняго пианства и от роскошнаго жития повоздержать, а наипаче надлежит закрепить от заморских питей, чтобы сами не пили и в гостинцы никому бы не носили. А чаю, не худо бы и приказным людям и служивым и прочиим всякаго чина людям призапретить, чтобы они в заморских питьях не касались и денег бы напрасно не теряли. Буде кто похочет прокладитца, то может и русскими питьи забавитися и не то, чтоб покупаючи пить, но и приноснаго никакова заморскаго питья не поваживались бы пить. И буде кто учинит и пиршество, аще и про высокия персоны, а заморских питей и духу бы не было, кроме табаку (а и табак не худо быв Руси жь завести сеять и строить ево позаморские, как

у них водитца, чтобы и на табаке денги из Руси напрасно не тратились), но чем Бог нашу страну наполнил, тем надлежит и чествоватись.

Иноземцам то прилично питье свое заморское в домех своих держать и ково ни похотят поить им, хотя ренским иль алканом, но хотя венгерским безденежно. А на денги буде продаст много или и мало, брать штраф сторичный, за копейку по рублю, а за рубль по сту рублев, а досталное питье, колико у него не сыщетца, взять на великаго государя.

А буде кто и иноземцов позовет к себе в гости, то потчивали бы своими питьи, а на заморские питья отнюд ни малаго числа денег не тратили бы. Но токмо заморские питья покупали бы одни санаты, да из царскаго сигъклита, кои самые богатые люди, обаче с разсуждением же, чтобы денгам не весма истратно было.

Разве х кому случится пришествие царскаго величества, то уже тут нет предела, иде же царское пришествие, тут и закон изменяется.

Нам от заморских питей кроме тщеты и богатству нашему росъсийскому препятствия и здравию повреждения иного несть ничего. И дадим мы из российскаго царства за него червонные да яфимки и иные потребности, без коих им пробыть не можно, и отчего они богатства себе приобретают, а от них, иноземцов, примем мы то, что выпить да высъсать и на землю вылить, а иное и выблевать и здравии свое повредить, а и веку своему присечение учинить.

А нас, росъсиян, благословляя, благословил Бог хлебом и медом и всяких питей довольством. Водок у нас такое довольство, что и числа им нет, пива у нас предорогие и меды у нас преславные вареные самые чистые, что ничем не хуже ренскаго, а плохово ренсково и гораздо лучше. Есть же у нас и красные питья, каразин[122] и меды крастные жь вишневые, малиновые, смородинные, костяничные и яблочные.

И аще заморские питья отставить, а повелеть строить меды разными виды, различными и въкусы и продавать их из авъстерии[123], то как их настроят, что болши заморских питей их будет.

А аще и табашные заводы завести в Руси[124] и ради добраго в нем управления, чтоб он был ничим не хуже заморскаго, добыть мастера добраго, чтобы научил строить по заморскии, то так нам мочно ево напасти, что и караблями за море мочно нам ево отпускать. Нам естьли в Руси ево строить, то выше копейки фунт ево не станет,

а заморскаго выше десяти алтын фунт покупают. А сеять ево места у нас много, нам так [можно] его размножить, что миллионная от него прибыль будет. А на каких землях он родится, таких земель у нас премножество, мочно нам ево сеять во всех понизовых городех, и наипаче в Синбирску, на Самаре, на Пензе, на Инзаре, на Ломове, во Мценску и на Саратове, на Царицыне и в Астрахани и на Воронеже и во всей Киевской стране. И в тех городех мочно его на кийждо год по тысяче тысячь пуд наплодить ево.

И аще он в Руси заведетца и размножитца, то те все денги, кои за него ныне за море идут, все останутца у нас в Руси, а естьли за море будем отпускать, то будут денги и к нам от них возвращатися.

И аще и табак в Руси заведетца, то кто колко каких питей русских и табаку ни выпьет, все те денги из царства вон не выдут, а заморския питья покупать ничим же лучши того, что денги в воду метать.

Обаче, по моему мнению, лучше в воду денги метать, нежели за море за питье их отдавать. Из воды колико ни есть либо кто и добудет, а из-за моря данные денги за питье никогда к нам не возвратятся, но те денги ис царства уже погибли.

А самаго ради лучшаго царственнаго пополнения надлежит и прочие заморские товары с разсмотрением покупать, ибо те токмо надлежит товары покупать, без которых нам пробыть не мочно. А иные их немецкие затейки и прихоти их мочно и приотставить, дабы напрасно из Руси богатства не тощили. На их мяхкие и льстивые басни и на всякие их хвастни нам смотрить не для чего.

Нам надлежит свой ум держать и что нам к пополнению царственному потребно и прибылно, то надлежит у них покупать, а кои вещи нам не к прибыли или кои и непрочны, то тех отнюд у них не покупать.

И аще мочно так учинить, еже бы в Санкт-Питербурхе и в Риге и в Нарве и у Архангелскаго города приежжие иноземцы товары свои продавали с кораблей, аще болшими стаями, аще и малыми обаче с кораблей бы продавали, а в анбары и на дворы не сторговався и пошлины не заплатя, не выгружали. А кои товары их за непотребность и за высокость цены не проданы будут, то те товары, не вынимая ис кораблей, назад к себе за море повезли бы, а у нас бы отнюд не оставляли их.

И аще тако состоитца, то иноземцы будут к нам ласковее, а прежнюю свою гордость всю отложат. Нам о том велми крепко

надобно стоять, чтобы прежную их пыхту[125] в конец нам сломить и привести бы их во смирение и чтобы они за нами гонялись.

И аще в сием мы можем устояти, еже бы товаров им своих незапроданных в анбары наши им не складывати, то станут они гораздо охотнее те свои товары продовать, а и пошлина уже будет со всего товара взята сполна, а на перевод по прежнему уже переводить не станут.

И хорошо бы в купечестве и то учинить, чтобы вси друг другу помогали и до нищеты никого не допускали. Аще своими денгами не могут ево справить, то из царские бы зборные казны из ратуши, давали им ис проценту на промысл, смотря по промыслу ево, дабы никто промышленной человек во убожество великое от какова своего упадку не входил[126].

И аще в купечестве тако будет строитися, то никогда они не оскудеют, но год от году в промыслах своих будут разширятися, и Бог их за такое братолюбие, благословляя, благословит и во всем им подаст угобжение и душевное спасение.

Глава 5. О ХУДОЖЕСТВЕ[127]

В художниках аще не будет добраго надзирателя и надлежащего им управления, то им никоими делы обогатитися невозможно, ниже славы себе добрые получити, но до скончания века будут жить в скудости и в безславии.

А естьли бы учинен был о них гражданской указ, еже бы им из самаго начала учитися постоянно жить, давшись к мастеру в научение, жить до уреченнаго срока, а не дожив не то, что года, но и недели не дожив, прочь не отходити, и не взяв отпускного писма и после сроку з двора не сходить, то бы все мастеры не в том безделном порядке были, но совершенными добрыми мастерами бы были[128].

А прежней такой порядок в них был, что отдавшись в научение лет на пять или на шесть и год место иль другой пожив, да мало понаучась, и прочь отойдет, да и станет делать собою, да и цену спустить и мастера своего оголодит[129], а себя не накормит, да так и век свой изъволочит, ни он мастер, ни он работник.

А сказывают про иноземцов, что у них учинен о сем гражданской указ такой твердой, что буде кто не дожив до сроку хотя

единаго дня, да прочь отойдет, то уже тот человек не будет добрым человеком никогда. А буде и доживет до сроку, а писма от мастера своего не возмет отпускного, то никто де его не примет ни в наймиты, ни в ученики никто де ево не возмет и того ради у них и мастеры добры и похвальны.

А у нас таковаго гражданскаго запрещения нет, чтобы, не дожив до сроку и совершенно не научась, от мастеров ученики не отходили и того ради и быть мастером добрым у нас невозможно.

Такожде, аще кто что вымыслит вънов̂ь от своего разума или и научась от кого, да начнет делать, а прежде того ни от кого такова мастерства не бывало, то таковому по иноземческим уставам надлежит и владеть тем мастерством до смерти своея, кто ево вымыслил, а иным не попускают того мастерства делать о смерти ево.

И аще тако устроено будет у нас в Руси, то такожде, что и у иноземцов много будет вымышлеников. Многие бы острые люди и нарочно стали тщатися, како бы что новое вымыслить, отчего бы ему поживитися.

А ныне у нас за непорядочное гражданство гинет добра много. Истинно, надлежит сему гражданской устав учинить, чтобы за вымысл новаго какова мастерства или промысла отнюд иным не попускать вступать, дондеже жив тот вымышленик.

То, на такой устав зря, много охотников будет, а ныне мнози не смеют вымыслов своих объявить, понеже вымышляя и делаючи пробу, изубытчится, а егда достигнет и лише начнет делать, а другия, увидя у него, да и почнут делать тоя ж дела и цену спустят ниже и тако сами не найдут, а у вымышленника корм отнимут.

Кто есмь я, а и у меня вымыслов пять-шесть было пожиточных, а покормитца мне не дали и все мои вымыслы пропали ни за что. Велми бо годствует о вымышлениках определение учинить гражданское твердое, то многия вымышленики явятся.

Такожде и о художественных делех гражданской же устав надлежит учинить, и еже бы над всякими мастерствы устроить надзирателей, а наипаче над иконописцами. И над всеми ими главнаго правителя приставить и за всеми мастерами и надзирателми прилежно ему смотрить и место ему дать, где те дела ему управлять, дабы все мастеры дела свои делали самым тщателным художеством безпорочно.

И во учении их устав положить недвижимый, аще кто пойдет к мастеру мастерства какова учитися, и аще и добре научится, а без

отпуску от мастера своего отойдет, то, учиняя ему наказанье отдать в салдаты. А буде кто из афицеров или из иных лиц мочью своею и писмо отпускное у мастера возмет, а мастер шед камандиру своему объявит, и то писмо по обличению будет отставлено, а заступщика по указу оштрафовать, каков о таких людех указ состоитца.

А буде кой ученик и совершенно мастерства надлежащего научитца, а без отпуску отойдет, то никому ево не принимать ни к каковым делам, но отослать ево в салдатство.

И за таковым укреплением, не дожив до сроку и не взяв у мастера отпускного писма, отходить не будут и мастерству уже учитися будут прилежнее, а и мастеры будут учить их охотнее. И за таковым уставом и поневоле будут учитца добре и, совершенно выучась и взяв у мастера отпуск, вышшему художественных дел камандиру покажет свое мастерство и отпуск, то как ему той камандир определит, еще ли ему доучиватца, или у иных мастеров из найма работать, или уже и самому ему мочно быть мастером, то так тому и быть.

И аще той ученик уже совершенно научился и в разуме уже совершенном, то освидетельствовав камандиру с товарыщи и с мастерами, и аще мастерство его чисто и честно и порока никакова не имущо, то дать ему указ полной, чтобы ему делать было свободно и дом мастерской иметь и учеников учить.

И кии мастеры будут именитые и домами мастерскими владеть будут, то всем им, коемуждо иметь у себя клеймо свое особливое, а и надзиратели такожде имели бы свои особливые же клейма.

И егда кой мастер зделает своего мастерства какую вещь, то мастер положил бы на той вещи свое мастерское клеймо. И буде кое мастерство будет в свидетельстве пред надзирателем и буде оно добро то бы на той вещи приклеймил и он свои надзирательским клеймом.

И те бы именитые мастеры за учениками своими и за наймитами смотрили накрепко, чтобы на мастерство ево похулки[130] какой не навели, потому что те дела будут за ево клеймом, и аще какая вина в той веще в материи или в мастерстве явится, то оштрафован будет тот мастер, чье клеймо на нем будет.

А штраф брать кроме оружейных дел десятеричный, в десять цен проданные вещи. А буде кой мастер оружейной зделает какую либо пищаль из ломкаго железа или и из мяхкаго, да худо проварит, и в стрельбе ее розорвет, то на том мастере, чье клеймо, взять штра-

фу во сто цен тое пищали, да ему же учинить наказание. А аще пищаль тверда и мастерством добра, а к стрельбе не целна, то взять штраф десятеричной, за рубль десять рублев. А аще кто зделает замок пищальной плох и не огнист или шпагу или палашь[131] или копье или какое ни есть ружье рукобитное без укладу[132], или железо положит ломкое, то взять на нем штраф двудесятной, за гривну два рубли.

А за прочие всякие железные мастерства, кои делаютца в домовое строение, буде что зделано будет из ломкаго железа, то за те дела брать штраф десятиричной, за гривну по рублю.

А буде лавочник купит на продажу, не разсмотря пороку, и будет продавать за доброе, то он заплатит штраф, надлежащий купеческаго регула, каков положен будет за продажу худых товаров.

И аще мастеровым людям без свидетельства и без гражданскаго управления не повелено будет своеволно делать, то все художники добрые обогатятся и прославятся, яко же иноземцы. Иноземцы такие же люди, что и мы, да они гражданским уставом тверды и в мастерстве добры, а егда и у нас гражданской устав будет тверд, то могут наши художники и превышшити их.

И тако годствует учинить, чтобы без ведома художественных правителей и пришлой никакой мастер русской или иноземец никакова рукоделия не делал бы, но егда его освидетельствуют камандиры с товарыщи и как ему определят, так и быть.

А буде кто иноземец приедет в Русь художник доброй мастерства имянитаго и у нас в Руси небывалаго, и таковому надлежит дать дом и отдать ему в научение человек десяток место или и болши и учинить с ним договор крепкой, чтобы он тех учеников учил прилежно и нескрытно.

И буде станет учить с прилежанием, и буде выучит против себя, то надлежит ему плата договорная дать и с награждением за то, что он нескрытно учил и скоро выучил, и отпустить ево за море с честью, чтобы на то воздаяние зря и иные мастеровые люди выежжали и всякия бы мастерства в Руси размножали.

А буде кой иноземец, по древнему своему обыкновению иноземческому, будет шмонить[133], а о ученье учеников не радеть, но чтобы, деньги выманив, за море уехать, и то ево лукавство и проводы мочно и в полугоде познать, то с чем он приехав, с тем и назад выслать его нечестно и чтобы он в Руси у нас не шатался, дабы, на то зря, впред для обману в Русь к нам не приежжали.

И кои ученики будут переимчивы[134] и мастерства каковаго совершенно научатся, еже противо заморскаго делать, то учинить таковых мастерами, и корм[135] им учинить довольной, чтобы мог он обогатитися.

В российских наших правителех есть разсуждение на сие дело самое нездравое, ибо рускаго человека ни во что ставят, и накормить его не хощут, чтобы он доволен был без нужды. И тем стиснением принуждают их х краже и ко всякой неправде и о мастерстве к нерадению, но токмо учинят ему корму, чтобы он токмо душу свою пропитал, дадут ему на день по пяти копеек. И таковым кормом и себя одного не прокормить, а жена и дети чем ему кормить, только что по миру ходить, заневолю научат воровать и в мастерстве своем неправду делать.

И таким своим разсуждением великому государю делают они великой убыток, а не прибыток. Они мнят тем учинить великому государю прибыль, что мастеровых людей не кормят, а они тем великой убыток делают. А и во всяких делех правители наши за кроху умирают, а где тысячи рублев пропадают, то ни во что поставляют, и неданием полнаго кормления у руских людей охоту и к мастерству прилежание тем пресекают и размножитися доброму художеству не допускают.

А кои ученики не весма научились, тех бы отдавать тому, кой всесовершенно научился, доучиватися, дабы и тии навыкли[136] добрым мастерством дела свои делать.

А наипаче всех художеств научитися надобно иконописцам иконнаго мастерства, чтобы им всесовершеная мера знать всякаго возраста человеческаго и чин надлежащий.

И надзирателем над ними надлежит быть самым умным и искусным людям, и смотрить накрепко, чтобы не был в них ни един человек неумеющей. И кии иконописатели не весма искусны, то работали бы они на мастеров и что им повелят писать, то бы и писали, а егда навыкнут, тогда и они могут мастерами быть.

И мнитца мне, что надлежит и с великим запрещением запретить, чтобы несвидетельствованные иконники и неимеющия повелителнаго у себя указа, еже писать ему святыя иконы, отнюд бы не писали.

Святое Писание глаголет, яко проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением. А иконописное дело тому присутьственно, понеже строятца они ради Божия чести и тая честь восходит на самаго Бога.

А так небрежително их пишут, что иные иконы страшно и видети, ибо иные образы от недознания своего пишут тако, что аще бы таковым размерением был кто живой человек, то бы он был страшилищем. В начертании бо образа Богоматеря пишут нос долгой и весма тонкой, и шию тонкую и долгую, у рук персты долгия и весма тонкия, а концы у перстов острые, каких ни у какова человека не видано и ни в коем члене не обрящеши, чтобы было прямо противо сущаго человечества. И таковое начертание стало быть образу святому ругание.

Обаче, кто издревле и писал от неведения своего, не разумея меры человеческия, той не погрешил и Бог на нем того не взыщет. И аще бо кой образ написан по розмеру или не по розмеру, не тем он свят, еже добре написан или и недобре, но всякой образ святится именем Господним. Обаче нам надлежит с великим опатством святыя иконы писати, дабы в чем не погрешити. И аще и святаго коего либо образ написать, то надлежит на нем и спасителев образ написать, дабы от имене Иисус Христова той образ свят был.

И аще у нас и многие люди знают размерение человеческое, обаче надлежит зделать азбука руская и написать ее руским манером, а не немецким, чтобы она всякому человеку поемна была. И написать ее надлежит сицевым манером: на первом листу написать человека в совершенном возрасте, стояща прямо и руки распростерты прямо же и длани персты прямо, нага суща. И от пяты положить линея до темени, другая линея или, рещи, черта положить поперек правыя руки от средняго перста до средняго же перста. И на тех чертах розмер положить вершками иль по мере головы человеческие или как надлежит. А на прочиих листах начать азбука, на первом листу написать младенца новорожденнаго, на втором однолетнаго, на третьем двулетнаго. И тако погодно написать до дватцати лет, а от дватцати до тритцатаго года прибавлять по два года, а от тритцати до девятидесят лет прибавлять по пяти лет, и всю тое азбуку написать нагими телесы. А потом другая азбука написать в платье, стоящих и седящих, и всякими разными виды. И состроя ее, вырезать на медных досках и напечатать их тысячу место и во все городы розослать и повелеть всем иконникам писать противо тое азбуки, а зъделать ее во всю десть[137].

А деревенским мужикам и безграмотным с великим запрещением надлежит запретить дабы от нынешняго времяни не токмо дере-

вические, но и градские, не взяв о себе повелителнаго писма, отнюд бы не писали икон. У нас в Руси в деревнях такие мастеры есть, что в алтын и в грошь и в копейку иконы продают и так плохо пишут, что ни рук, ни ног, толко стан да голова, а где надлежало глаза, да уста написать, то тут одни точечки наткнуты, да то и образ стал. И сего ради паче иных художеств надлежит над ними твердое смотрение учинить.

О сем же всячески надлежит потщатися, чтобы завести в Руси делать те дела, кои делаются изо лну и ис пенки, то есть трипы, бумазеи, рубки, миткали, камордки[138] и порусныя полотна и прочие дела, кой из русских материалов делаютца. Сие бо велми нужно, еже кои материалы, где родятся, тамо бы они и в дело происходили.

Аще бо лен и пенку, за море не возя, делать тут, где что родилось, то тыя полотна заморскаго въдвое или вътрое дешевле ставитца станут, а люди бы российския богатились.

И ради размножения таковых дел учинить бы указ, чтоб нищих, по улицам скитающихся, молодых и средовеких хватать и, записав в приказе, имать к тем делам. И молодых робят мужска пола и женска научить прясть, а подрослых ткать, а иных белить и лощить, то бы они, научась, были бы мастерами. Я чаю, что мочно тех гуляков набрать тысячь десяток, другой и, построя домы мастерские, науча тех гуляков тунеядцев, мочно ими много дел управить. И чем к нам возить полотна из наших материалов зделанных, то лучши нам к ним возить готовые полотна.

И аще первые годы повидитца оно и неприбылно и заморских аще и дороже ставитца будут, и того страшитися не для чего, но поступать в дело далее. И аще лет в пять-шесть совершенно не навыкнут делать, то и о том сумнятися не надобно, потому что, егда всех тех дел совершенно научатца, то годом другим окупятся.

За морем хлеб нашего дороже, а харчь и наипаче дороже, а лен и пенку от нас покупают ценою высокою, да страх морской[139] платят, да двое пошлины и провозы многия дают, обаче не ленятся, делают ис того лну и пенки, аще и высокою ценою тот лен и пенку покупают. И пищу себе от того своего рукоделия приобретают, ибо, зделав полотна, паки к нам их привозят и продают ценою высокою: за трипы берут по дватцати алтын и болши за аршин, рубки продают алтын по сороку и по полтора рубли, а камордка по 20 алтын и по рублю аршин.

А у нас в Руси, я чаю, что рубок и в дватцать алтынов не станет, а и камортка аршин, чаю, что выше десяти алтын не станет. И всякие дела, кои делаются изо лну и ис пенки, ниже половой цены ставитца будут, потому что хлеб и харчь у нас тамошнего гораздо дешевле, а лен и пенка гораздо ниже половины тамошной их цены укупить мочно.

И егда тыя дела у нас в Руси уставятца, то чем им лен да пенку продавать, лутче нам продавать им готовые полотна, парусные, и канаты и камордки и рубки и миткали и брать у них за те полотна яфимки и иные потребные нам вещи.

Я чаю, что мочно нам на всю Еуропу полотен наготовить и пред их нынешнею ценою гораздо уступнее продавать им мочно. И чем им от наших материалов богатитися, то лучши нам, россианом, от своих вещей питатися и богатитися.

Токмо трудно нам заводы завести да установити те дела, а егда руские люди научатца и дела сия установятца, то нелзя не вполы им ставитца.

И ради царственнаго обогащения надлежит на такие дела въначале состроить домы из царские казны на пространных местех в тех городех, где хлеб и харчь дешевле, в заоцких[140] местех или где что пристойно делать, и наложить на них оброк, чтобы люди богатились, а и царская казна множилась.

Також де и в прочиих мастерствах, которые царству пожиточны, а мастеры маломочны и собою им великих заводов завести нечем, то и таковым надлежит на созидание мастерских домов давать денги из ратуш или откуду его и. в. повелит, дабы всякия дела разширялись, и не токмо на строение, но и на всякие к тем делам на надлежащие инструменты и на всякие припасы, чтобы во удобное время всяких припасов припасали без оскудения. И земским бурмистрам за ними присматривати, чтоб напрасные траты денгам не чинили и не бражничали бы, но употребляли бы их в сущее дело, и те даные денги и прибыльные по изложению или по разсмотрению исправления их погодно ж брать.

Такожде надлежит достать и таких мастеров, кои могут делать волоченое железо мелницами, и жесть и кровелные доски железные. И аще и с трудом, а велми надобно их добыть и отослать их на сибирские заводы и чтобы тому мастерству и наших руских людей научили.

Такожде надлежит добыть мастеров, кои умеют гладкие и траф-чатые трипы делать, такоже и бумазейных мастеров, и завести бы и такие дворы и учеников им дать, чтобы и тому мастерству научить человек десяток, другой.

А буде кто из своея охоты заведет какие дела, царству потребныя из своего иждивения, и тем людям такожде указ бы дать, чтобы поволно было гулящих робят мужска пола и женска имать и учить и, научa, владети ими вечно, чьи бы они до поимки ни были, крестьяня или дворовые люди, быть им тут вечно.

И сицевым порядком нищие, бродяги и тунеядцы, все изведутъца, и вместо уличнаго скитания все будут промышленики. И егда совершенно научатся и обогатятся, и будут сами мастерами, а царство от их промыслу будет богатится и славою разширятися.

Да хорошо бы добыть и красочных мастеров, кои умеют делать крутик и лавру, киноварь и голубец и бакан веницейской и простой, и ярь веницейскую и простую, шижгиль[141] и прочие краски, иже делаютца от составления материй ис поташу, из смалчуги, из меди, из олова, из свинцу, из серы, из мелу и ис прочих вещей, в Руси обретающихся.

А кои краски натуралные, и тех надлежит с великим прилежанием искать руским охотникам и иноземцам, кои в тамошних своих краях видали, в каковых местах какие краски и потребныя материи, кои пригодны к лекарственным делам и х красочным и ко иным вещам, и обещать им плату хорошую за всякое обретение.

И надлежит его и. в-ву призвать к себе иноземцев, кои ему, великому государю, радетелные являются, от военных и от мастеровых, наипаче ж от дохтуров и аптекарей, кои выежжие[142], то они о многих вещах знают, а не худо и купецких спросить, кои за морем бывали. Мне сие велми дивно, земля наша российская, чаю, что будет пространством не менши немецких и места всякия в ней есть, теплые и холодные и гористые и моря разные и морскаго берега колико под нами и сметить невозможно, от Кольского острогу, естьли берегом ехать, то и годом всего его не изъехать, а никакие вещи у нас потребныя не сыскано. Я и не болшое место поездил, и хотя я и незнаючи ездил, обаче не туне моя езда, сыскал самородную серу, самую чистую, что подобна каменю ентарю, и во всей вселенной толико ее нет, колико у нас; лекарственную материю сыскал я, нарицаемую гум съфалтум и не вем, колико ее за морем,

а у нас хотя пуд сто мочно добыть. И нефти сыскал я многое ж число, вохры и черлени, хотя по тысяче пуд мочно добывать и пулмент есть же у меня в прииске. И я не знаю, чего бы у нас в Руси не сыскать, да мы не знаем, потому что за морем не бывали и в каковых местех что обретаетца не видали и не слыхали, а иноземцы, кои и знают, да не хотят нам объявить.

Я, истинно, от всего усердия своего радел, да нечего мне стало делать. За серной прииск, истинно не лгу, обещал мне князь Борис Алексеевичь[143] такое великое учинить награждение, что ни детям де твоим, ни внучатам не прожить будет, а сошлось мне жалованья толко пятьдесят рублев.

А я, истинно, его и. в-у тем объявлением серы зделал прибыль многотысящную и в военном деле учинил помощь не малую. Естьли бы я год место удержал ее за собою, то бы я рублев тысячу и другую ухватил, ведаю я, что дал бы мне князь Борис Алексеевичь по десяти рублев за пуд, еже бы подрядом мне ставить, и естьли бы годы два-три поудержал ее за собою, то бы я, великия пожитки от нея нажил. А я, отставя свою наживу, объявил ее, того ради, что увидел я такую в ней нужду, что уже по домам собирали не то что фунтами, но где золотников и пять-шесть сыщетца, брали на пороховое дело. А егда я привез ее к Москве три бочки и князь Борису Алексеевичу отдал, и иноземцы, приехав к нему, взяли по куску и послали в свои земли, и те иноземцы, видя, что удержанием серы военнаго дела не остановить, повезли серу по прежнему к нам. И за помощию Божиею, аще я за такое дело великое и ничем и невзыскан, обаче, славу Богу, что военное дело управилось.

Глава 6. О РАЗБОЙНИКАХ

О истреблении разбойников многое възыскание чинитца из давных лет и многие сыщики жестокие посылаеми бывали, якоже Артемей Огибалов, Евстигней Неелов и прочия подобны тем. Обаче тем ничтоже успеша, но всегда их множество и, кроме поморских и заонежских стран, во всех сторонах многие разбой чинят, многие деревни и села великия розбивают и людей до смерти запытывают. И никогда тыим разбойникам конца не будет, аще нынешняго судейскаго правления не изменить, и отчего они родятца, естли не пресечь.

Во всех государствах христианских и босурманских разбоев нет таких, каковы у нас в Руси, а все оттого, что там потачки им ни малыя нет, в тюрмах долго не держат, когда кого поимают, тогда ему и указ учинят и того ради там не смеют и воровать много.

А у нас, поимав вора или разбойника, не могут с ним ростатца, посадят в тюрму, да кормят ево бутто добраво человека и держат в тюрме лет десять и дватцать. И в таком долгом сиденье много их и уходит, а ушод, уже пуще старово воровать станут, и такова ради порядка надежно и воруют.

И сыщикам, колико бы их не было, не истребить их, аще не изменить о них регула. Мое же мнение о истреблении всеконечном воров и разбойников лежит сице.

Буде великий наш государь повелит во всю свою державу послать указы, написав сицевым подобием.

Еже бы во всех городех и во всех слободах дворянских и у приказных людей и в салдатских и посадских и в ямских и во иноземских слободах и в селех и деревнях, великих и малых государевых и архиерейских и монастырских и помещичьих и прочиих, всякаго звания людей яко у самих их, тако и у людей их и у крестьян учинить сотских и пятидесятских и десятских, и чтобы тыи десятские за своими десятками смотрили накрепко, чтобы никто и из высоких персон без ведома своих соцких или пятидесятских никуды не отъежжали. И куды кому случитца ехать, то бы у сотских или у пятидесятских своих брали за их печатьми отпускные писма и в тех писмах описывали бы имянно, куды кто поехал и за каким делом и на колико время поехал и людей с собою колико взял и кого имяны[144].

Такожде и у бояр во всех домех учинить десятских и пятидесятских и сотских над людми из людей боярских, а над господами из господ же. И не то, что десятские, но и сами бы все господа и люди между собою друг за другом смотрили бы накрепко, чтобы отнюд без ведома своих пятидесятских никуды никто не ездил и ночною порою из домов своих не исходили бы. И аще и с ведома куды поидут, или с отпуском куды поедут, то тыи сотские, пятидесятские и десяцкие и рядовые крепко бы за ними смотрили, туды ли они поехали, куды просились. И буде поехали не туды, то надлежит их вернуть назад и отослать к суду, потому что, аще кто явитца на каком воровстве иль на разбое и какая казнь будет вору, такая ж

казнь будет и соседям, кои ведали, да молчали. А буде из болшаго дому боярскаго кто сворует что, то того дому всем дворовым людям будет ведомцам, кои ведали, да молчали, такая ж казнь, а кои и не ведали, а того ж дому, и тех кнутом бить, колико указано будет.

А буде кой сотской или пятидесятской, уведав за кем воровство, да умолчит, то горши вора приимет муку и казнь лютейшую. А буде десятчаня, какова звания ни буди, сотским и пятидесятским и десятским будут непослушны, и на таковых подавать им вышшим судьям известие, что чинятся им силны, ходят и ездят по прежнему самоволно без их ведома. И судьям по таковых ослушников посылать салдат и, привед, допрашивать накрепко, чево ради они силны чинятца. И буде по свидетельству ослушание их явитца и не ради какова воровства, обаче за ослушание государева указа чинить им наказание, как о том уложено будет, чтобы впредь так не делали.

А буде в другой ряд такожде учинятся ослушны, то уже розыскивать и в застенке. И с розыску аще явитца, что они то учинили не ради какова воровства, но от застарелаго свого своеволства или от гордости своея, ничтожа тех своих смотрителей, и за ту вину противо прежняго наказания чинить сугубо и для явнаго их свидетельства по персту отсечь на руке или вместо отсеченья перстнаго наложить на руке знак, чтобы значил сугубою их вину.

А буде же кто явитца в таковой же вине в третие, то уже по трегубом наказании казнить ево рукосечением или и вящши, как о том уложено будет.

А буде же ослушание чье явитца ради какова воровства, то и в первой вине казнить ево смертью или какое жесточайшее наказание чинить с запятнанием на лице и на руках, дабы на то смотря все въпред были великаго государя указу страшны.

А буде сотскаго или пятидесятскаго или и десятскаго своего чем объругает рукодерзием или и словесным руганием непристойным, то в десять мер безчестие им да заплатят увечье в дватцать мер.

И таковые указы с нарочными посыльщики разослать во все городы, указов ста по два-три или болши или менши, смотря по количеству сел и деревень, чтобы всякому сотскому и пятидесятскому указ был дан печатной и чтобы те посылные люди в городех воеводам или кому надлежит отдать те указы имянно с росписками.

А городовым правителем те присланые указы розослать немедленно, во весь того города уезд, чтобы те посылные люди все села

и деревни объехали подлинно. И, приехав в село или в деревню, исчислили бы мужеск пол по головам и изо всякаго бы десятка мужеска пола выбрали б по десятскому, а ис пяти десятков по пятидесятскому, а з десяти десятков по сотскому.

И выбирали бы тех сотских и пятидесятских и десятских не по дворовому числу, но по исчислению голов мужеска пола. Аще и в одном дворе будет мужеска пола десять человек, то выбрать из них одного десятскаго, а буде в коем дворе будет мужеска пола дватцать человек, то выбрать в том дворе десятских два человека, а в коем дворе останетца за десятками человек иль два иль и болши, то причислять их к другим десяткам. И, набрав десять десятских, выбрать из них, кои по просужее, дву человек в пятидесятские, а одного из них же записать в сотские. И, выбрав тех сотских и пятидесятских и десятских и записав их имяна в книгу, наказать им накрепко, чтобы по тем великаго государя указам чинили неизменно и неоплошно, не опасаясь никого. И тот великаго государя указ, созвав всю сотню, и всем им прочесть въслух дважды или и трижды, дабы всем он был ведом и памятен и никто бы неведением не отъимался. И при всех людях те печатные указы отдать сотскаго сотскому, а пятидесятские пятидесятским обеим по указу.

И, отдав указы, у старост тех жителей взять сказка с великим подкреплением, что нет ли в их старощенье каких воров или разбойников или коневодов иль татей[145] или беглых каких людей. А буде и небеглые, да пришлецы зарубежские или волные какие люди, а нестаринные тутошные жители, и аще и из давных лет живут, то всех бы тех объявляли и ни единаго бы не таили, потому за ложную скаску великое и жестокое наказание со штрафом учинено будет. Такожде и во иных старощеньях, не ведают ли таковых людей или не держит ли кто у себя на дворе разбойнича стана, о всем бы имянно объявляли без утайки. А буде кто, ведая о разбойниках, да утаи, тому будет смертная казнь.

И того ради сказывали бы, не опасаясь их, воров или помещиков их, а буде кто кого прикроет, а последи уведомитца чрез выбраных сотских и пятидесятских и десятских, что они ведали про их воровство, а не сказали, то те их люди сами постражут и казнь будет такая жь, какова ворам. А буде сотские с товарыщи своими, тех прежних воров ведая, не объявят, а объявит кто посторонней человек, и но-

вовыборным сотским и пятидесятским и десятским тож будет, что и старостам за утайку.

И о сем с великим притужанием спрашивать их, чтобы паче огня боялись таковых прикрывать, каковых указ требует. Буде и за помещиком своим или за прикащиком ведают какое воровство или кто потаено держит у себя пришлых каких людей, то и о таковых отнюд бы не таили и их бы не опасались, потому что им уже конец будет, свободы по прежнему уже не будет им, но что попал, то и пропал. И буде кто и потаит, и тому конец невозвратной же будет, и аще и свой брат скажет [про соседа своего, что он ведал, а не сказал, то тому кто скажет] будет пожалован, а кто потаил, тому неотложная смерть.

А буде кой староста или и из рядовых крестьян скажет про себя, что был с помещиком своим или с прикащиком на разбое или на ином каком воровстве, то он в вине той прощон будет, токмо на лице его пятно положить, чтобы он въпредь был знатен, а помещика иль прикащика казнить смертию.

А буде на кого в дву или в трех деревнях скажут согласно, что разбой он держал, и, выехав ис тех деревень, приехав во иные деревни, такожде сперва спросить у старосты, нет ли каких причинных людей. И, окончав его допрос о его ведамстве, такожде спросить, не ведает ли кого и во иных старощеньях, и буде скажет про кого или и ни про кого не скажет, обаче спросить про того имянно, котораго прежде его облиховали, и хотя чуть призначит, что слух де есть про такова человека, а подлинно не знает, и то так и записать.

И приехав в город, те сказки объявить воеводе и воеводам по облихованых людей посылать посылка болшая. И, приехав, посыльщику у облихованых людей в домех обыскать накрепко, нет ли какова излишняго ружья или платья, кое им неприлично. Такожде и иной всякой борошень пересмотреть и нет ли какова потаеннаго места и нет ли там какой похоронки. И буде у кого сыщетца какое приличие, то и без розыску будет он явен, что он таковской. Обаче в канцелярию привед, распросить ево с великим истезанием и, буде не запретца, то по вине смотря, и решение учинить немедленно.

А буде станет запиратца, то пытать ево жестоко и спрашивать про товарыщей ево и, воруя, где он приставал и где стан имели и кто про воровство его ведает, сказал бы имянно. Такожде и о иных артелях спрашивать их и, буде ведают, то сказали бы, где их сыскать. И распрося, хотя кой во убивстве себя и не оговорит и разбойные

ины на себя не скажет, а околние соседы с подкреплением скажут, что он винен, то казнить их по изложению, чего будут достойны.

А буде кто и самой ведомой и знатной разбойник, да видя жестокой и твердый указ, своею волею явит себя и принесет повинную, то аще и человекоубийца был и разбойничи станы у себя держал или атаманом был, а обещается въпредь того не делать и товарыщей своих всех скажет и укажет, то такова человека не пытать и от наказания учинить свободна. А товарыщей ево всех казнить по изложению, а у него толко на щеке и на руке положить знаки, чтобы всяк мог ево знать, еже был он самой явной вор и покаялся, и пустить ево свободна.

А буде станет он и въпредь великому государю радеть и воров проведывать и ево радением аще будут сысканы какие разбойники и иных артелей, то надлежит ему дать и жалованье[146].

А буде же тот вор по покаянии своем да паки на тот же свой воровской промысл обратится, то уже ему жесточайшая казнь учинить колесовальная или реброповешание.

И приказать всем сотским и пятидесятским и десятским и соседям, чтобы все смотрили, аще х кому приедут начевать или и обедать, а возов с ними торговых нет, то, сошедшися, спрашивали бы у них, кто они таковы и откуду и куды их путь. И буде скажут, откуды их путь и куды, то спросить у них отпуску от их сотских и пятидесятских, и буде отпуск безспорно покажут и с словами их отпуск будет сходен, то по та и дело их.

А буде отпуск их с словами их будет не сходен или признают, что он не правой, а наипаче, аще станут в словах мятца или будут гордо говорить, то, взяв их и связав, отвозили к суду. А буде не станут даватца, то и за боем их имать, и аще на той поимке и до смерти кого убьют, и за то поимщикам никаковы беды не будет.

А буде гораздо их людно и призначатся, что они люди причинные, то повестить околним деревням, чтобы пришли и помогли их перехватать. А буде коя деревня по повестке на поимку не пойдет, и старосту того или сотскаго, кой на поимку не пошол, казнить по указу, а рядовых всех бить кнутом.

А буде староста и сотской и десятские наряжали, а рядовые не послушали их и на поимку не пошли, то староста с товарыщи свободны, а рядовых за ослушание их всех казнить неотложно, как о том уложено будет.

А буде кои люди и добрые и отпуск у них есть правой за печатью сотскаго или пятидесятскаго, а ради своея гордости отпуску своего не покажут и сошедшимся крестьянам будут противитися, и таковых людей имать к суду. И перед судьею буде во упорстве своем повинятца и скажут, что, ничтожа крестьян, отпуску своего не явили, и за то, скинув рубахи, высечь их батоги да на них же доправить штрафу, по чему уложено будет.

И ради таковых упорных людей указ сказать сотским, чтобы из околных мест сотские понеделно присылали из своих сотен человека по три иль по четыре в те деревни, кои стоят на болших проежжих дорогах. И ради озорников и в малых деревнях, кои на болших дорогах, держать из разных сотен человек по десятку, а в болших человек и по дватцати иль и болши, смотря по проезду, чтобы свидетелми были на силных озорников и на упорных людей, а на разбойников ради поимки.

И противо вышеявленнаго предложения, аще тако состроитца, то, я чаю, разбои одним годом потухнут, а другим, чаю, что и слуху про них не будут. Токмо надобно судьям положение то хранить, чтоб ничего из него не изронить, а аще не нарушитца тот указ, то, чаю, что во веки разбоев у нас в Руси не будет.

Воров и разбойников и ныне не велми бы много было, аще бы им от судей потачки не было. Тии бо егда уведают, что пойман вор или разбойник, то и спросят, чей он крестьянин? И егда услышат, что он силняго лица или и несилняго, да ябетоватого или свойственнаго себе или хлебосолца, то, догожая помещикам тем, отпускают и безо мзды на волю. И тии крестьяня или дворовые люди, надеючись на тех своих помещиков, смело воруют.

А у коих разбойников денег доволно, то те денги откупаютца.

В прошлом 719-м году, был я в приказе правинцыалнаго суда при сиденье Ивана Мякинина, приведен был некто дворянин Скрыплев и собою он человечен, а на шее у него цепь, а на нагах железа. И я, видя ево, спросил: «В каком деле сидит»? И сказали про него: «Дело де до него великое, и живу де ему не чаем быть». Ажио и ничего ему не доспелось, молитва денежная помогла ему, господин судья зделал ево права и здрава. И, едучи я к себе на завод, на Держкове волоку спросил про того Скрыплева, и тамошние жители сказали про него, что великой де озорник и губитель, человек де пять-шесть пошло от его рук, однако, судьи милостивые помиловали ево.

И сицевые ради причины, мнитца, быть тако, еже бы паче воров и разбойников дать страх судьям и подьячим. Егда бо и подьячие не станут ворам потакать и беречь их не будут, то и судье трудно будет содеять без подьяческого писма, достойнаго смерти на волю свободить. Мне мнитца, лучши ради всеконечнаго разбойнича истребления древние указы многоплодные все отставить и учинить указ новой краткостной.

Прошлаго 719 года в юстиц-каллеге[147] указ о истреблении разбойников, аще и с новою поправою сочинен и печатные листы напечатаны с великим подкреплением и по городам розосланы, обаче несть в нем ни малыя ползы, ибо по старому везде разбои чинятца, деревни разбивают и сожигают и крестьян жгут, понеже в том указе все древние указы собраны, а не весь он новой сочинен[148]. А в древних указех уставлено было, что, поймав разбойника, пытать трижды, а на очных ставках с товарыщи паки пытать. И бывает иным ворам застенков по десяти и по дватцати и в таковых многих пытках держали их многие годы и, сидя в тюрме, токмо пакости одни от них чинятца.

А аще бы, поимав вора или разбойника, привед в приказ, роспросить его дробненко и умненко, то он и в роспросе означится, прямой ли он вор или непрямой. И аще будет мятца и чисто правды не скажет, то мочно и страх ему задать, чтобы он допрос свой очистил прямо. И егда повинитца, то, не торопясь, надлежит ево спросить, давно ли он ворует, и где воровал и где приставал и куды краденой живот девал, или на зbegреж х кому положил и до воровства чем кормился и чево ради настоящей свой промысл покинул и помещик ево иль прикащик или соседи ведались про то ево воровство, и староста и сотской с товарыщи своими ведал ли кто из них? И буде в дробных допросех будет запиратца, а прямо очищать не будет, то аще и поздно, а то до утра отнюд бы не откладывать, но того жь часу и пытать ево, чтобы он ни с кем с прежними ворами не виделся. И аще старых сиделцов в тюрме и не будет, единаче пытки до утра не отлагать, чтобы он не надумался. И аще и с пытки ясно не скажет, то на иное утро паки пытать и огнем жечь. И буде и с огня ясно про воровство свое не скажет, а довод на него будет явной, то, не отлагая въдаль, вершить ево, как о том изложение будет повелевати.

А буде кои вор в первом роспросе без пытки повинитца во всем своем воровстве ясно и о всем своем бытии противо вышеписанна-

го скажет, то, мне мнитца, таковаго не для чего и пытать, но готовить ево к вершенью.

А буде про воровство ево помещик ево или прикащик или и иной какой камандир ведал, то по розыску чинить и им то же что и вору или еще, жесточайшую казнь чинить, дабы, на то смотря, иние наказались и никто бы въпредь воров, ведая, не прикрывал; такожде и соседи ево будет ведали за ним такое воровство, а не объявляли, то и им указ чинить по изложению.

А буде у кого в дому воры приставали и, из его дому ездя, розбивали и с ним делились, то тот становщик с ними же да осужден будет, без всякаго отлагательства казнен по указу. А дом ево весь до основания разорить, и неколико лет тому месту лежать пусту, дабы всем людям было явно и памятно, что в том дому был ворам стан и по такой признаке и малыя робята будут памятовать.

Аще кой вор с розыску или и без розыску скажет про своих товарыщей, кои с ним воровали, и домы их объявит, то, аще в близости домы их, послать по них, не медля, дондеже тот вор не свершен. А буде верстах во сте или далее, то ево вершить, а по них послать после, дабы в далных откладах дело не медлилось.

Слух есть про иноземцов, что они воров долго не держат, что лише сыщут вину ево, то тотчас и казнят. И не токмо за разбой великой и душегубной, но и за кражу вешают и того ради и воровать не смеют.

А у нас древние указы на воров велми учинены милостивы ворам, а кого ограбят, тем уже весма не милостивы, не то что за малую кражу повесить, но и за тысячу рублев не повесят, и того ради и поимки не весма боятца.

А естьли бы и у нас на Руси воров и разбойников въскоре вершили и по иноземски и за малые вины смерти предавали без спуску и без отлагательства, то велми бы страшно было воровать.

Ныне так дьявол их умножил, аще кой крестьянин хотя десятков пять-шесть наживет, а воры ближние, то уведав, пришед на двор да и совсем его разорят и, допытываяся денег, многих и до смерти замучивают. А соседи все слышат и видят, а на вырочку к соседу своему нейдут и ворам дают волю.

И ради охранения от таковые гибели всем крестьянам надлежит великаго государя указ сказать новастный. Буде с ныняшняго времяни на двор х кому какие воровские люди придут, то не токмо

ное деревни жители, но и из околних сел и деревень, и дворянам из своих усадьб, аще услышат шум или повестку, а на поимку воров не пойдут, то всех соседей бить кнутом, далних полехче, а ближних по более, да на них же всех доправит того грабленаго крестьянина убыток, колико те воры взяли, сугубо, и отдать грабленному.

И сие новое о всеконечном воров и разбойников и беглых людей изложение трудно токмо сперва будет, что без писменнаго отпуску из дому своего далее десяти верст отнюд не ездить, а в ночи [и в другую деревню, хотя в версте не исходить, а в городех ночью] и в другую слободу отнюд не исходить же. И аще сие установление год место и помнетца, а егда обыкнут, тогда и легко будет. А писменными отпусками весма разбои остановятца, потому что разбойники не из воды выходят, но из тех же сел и деревень и соседу про соседа ни коими делы не ведать не мочно, чем кто промышляет и куды кто ездит.

А и скопляютца они не на воздухе, но в тех же деревнях и ни коими делы невозможно им от соседей своих весма утаитися, того то ради и соседям тая ж казнь чинить, что и вору, понеже они все ведают, кто ворует иль кто торгует, а не извещают.

А аще соседи, видя за соседом своим худой промысл, не молчали, то не так бы деревенским мужикам на разбой ходить, а и дворянам трудно у крестьян своих утаитца и за сицевым уставом никоими делы разбойниками плодитися будет нельзя. И егда лет десяток место в таковой крепости побудут, то уже и без писем ходить и ездить будет мочно, толко судьи в делах своих были бы крепки, и его и. в. новаго изложения не нарушили, понеже всякое дело крепко постоянством.

Нам нечего дивитца иноземъцам, что у них воровства мало, се бо у нас в Руси и самые безхлебные места поморские и Заонежье, и у тамошних жителей ни разбоев, ни татей нет. Буде кто в лес пойдет и буде станет ему тепло, то он шубу иль кафтан верхней, сняв с себя, повесит на дерево, а назад идучи и возмет, паки лошадей молодых спустят в лес весною, а сыскивают уж после Покрова по заморозью. Чево ж ради так там деетца? Яве есть, что потачки ворам нет, буде кто в воровстве явитца, то въместо тюрмы посадят ево в воду, и того ради и крепко у них и никто чужово и на лесу лежащего взять не смеет.

О отпускных писмах

Сотским и пятидесятским надлежит отпуски давать сице.

Буде кому ехать на иной город на долгое время, то давать им отпуски на целых листах или на полулистах и в тех отпусках писать имянно, куды он поехал и за каким делом. И к тем отпускам, буде сотской отпуск дал один, то и печать ево бы была, а буде пятидесятской отпустил, то и печать бы была пятдесятскаго, а буде оба въместе отпустили, то и печати б обоих были, которые будут присланы им от воеводы. А прикладывать те печати въместо руки у всякаго отпуску при конце писма въместо закрепы.

И всякому сотскому зделать книга записная и пятидесятскому такожде своя ж и те отпуски записывать им в те книги имянно, куды он отпущон. И егда с тем отпуском приедет во уреченное место, то того ж часа явитца ему тутошному сотскому или пятидесятскому и тот бы сотской приезд ево записал в книгу и на отпуске подписать коего числа он явился.

А егда тот проежжей человек дело свое управит, то на том же ево отпуске подписать тутошному сотскому имянно, колико дней или недель прожил и откуды, куды он поехал, и к той подписке приложил бы свою печать, а колико времяни он тут был имянно, записал бы бытие ево у себя в книгу. И куды он с тем пошпортом ни приедет и колико дней где пробудет, все бы те сотские иль пятидесятские бытие ево подписывали, хотя где и один день пробудет, все бы по вышеписанному чинили, а без записки отнюд бы не отпускали.

А которые люди поедут или пойдут на малое время, толко побывать зачем в другую волость, то отпуски писать на четвертинке листа или и на осмушке и, написав, такожде по конец писма печать прикладывать. И те малы отпуски, кто пойдет или поедет дни на три или на четыре, записывать в записную книгу не для чего. А буде кто поедет на неделю или на две, то таких отпусков нелзя в книгу не записать, потому что в долгое время не явился б в какой причине. А буде где кто явитца без такова отпуску, то тех людей ловить и отсылать к суду. Такожде, аще кто и отпуск явит, да печать не того сотскаго, откуды он отпущон, или иная какая посторонняя печать, то такожде и тех имать и к суду отсылать. А приехав домой, те пошпорты отдавать сотским назад, а дома их не держать.

И аще сперва поивидится сие дело и трудновато, а егда обыкнут, то и тягости никакой не будет.

А за таким укреплением, я не вем, как бы разбойникам собиратися и станы иметь по деревням и на разбой по прежнему ездить.

И аще и в лесу соберутца, да в деревне нигде явитца им без таковых отпускных писем не можно.

А беглым салдатам и крестьянам велми будет трудно приходить и одною головою, а з женами и з детми, и с места своего тронутца будут никак, все пути их будут заперты.

Токмо надлежит указ жестокой сотским и пятидесятским и десятским предложить, чтоб они ни рядовые крестьяня ни по коему образу никакова человека, ни белца[149], ни черннца[150], ни нищаго, без такова отпуску на двор не токмо начевать, но и погретца бы отнюд не пускали, а кто понахалитца, то тех бы хватали и к суду отсылали. Такожде буде какия люди будут около деревни обходить или по проселочным дорогам прониматца, то такожде хватать и к суду отсылать, не мотчав.

И ради печатанья тех отпускных писем всякой воевода исчислил бы, колико в уезде ево сотских и пятидесятских и колико в коем урочище их будет, велел бы добрым мастерам на всякаго сотскаго и пятидесятскаго по печати, чтобы всякая печать значила, коего уезду и коего урочища и чтоб печать с печатью сходна не была. И те печати разослать ко всем сотским и пятидесятским.

И егда кой сотской напишет отпуск, то и печать бы свою, коя ему дана, в конце того писма припечатал, а буде пятидесятской отпуск напишет, то он бы свою и печать приложил. И егда признаютца, то все будут знать те печати и обманом никто пройти не может, потому что хотя сотские погодно будут и переменятися, а печати всегда одни будут.

Глава 7. О КРЕСТЬЯНСТВЕ

Крестьянское житие скудостно ни от чего иного, токмо от своея их лености, а потом от неразсмотрения правителей и от помещичья насилия и от небрежения их.

А аще бы царскаго величества поборы расположены были по владению земли их, колико кой крестьянин на себя пашет, и поборы бы собирали бы с них во удобное время, а помещики их изълиш-

няго ничего с них не имали и работы бы излишние не накладывали, но токмо и подать свою и работу налагали по владению земли их и смотрели бы за крестьяны своими, чтоб они кроме неделных и праздничных дней не гуляли, но всегда б были в работе, то никогда крестьянин весьма не оскудеет.

А буде кой крестьянин станет лежебочить, то бы таковых жестоко наказывали, понеже кой крестьянин изгуляется[151], в том уже пути не будет, но токмо уклонится в разбой и во иныя воровства[152].

Крестьянину надлежит летом землю управлять неоплошно, а зимою в лесу работать, что надлежит про домашней обиход или на люди, отъчего бы какой себе прибыток получить.

А буде при дворе своем никакой работы пожиточные[153] нет, то шол бы в такие места, где из найму люди работают, дабы даром времени своего не теряли, и тако творя, никакой крестьянин не оскудеет.

И к таковому крестьянскаго жития охранению надлежит приложить и сие, еже бы и дворы их перестроити, дабы им свободнее и покойнее было жить, понеже от тесноты селидебные крестьянство вельми разоряетца, потому в тесноте, аще у кого одного загоритца двор, то вся деревня выгорит и иногда и одного двора не останетца. И так погарают, что у иного ни хлеба, ни скота не останетца, и от того в конечную скудость приходят, а аще бы селидбою их не теснили, то бы гибели такой им не было.

И от такова их разорения надлежит им учинить охранение, дворы им велеть строить пространнее и не сплош двор подле двора, но с переступкою, гнездами, и улицы зделать широкия на пространных местах сажень[154] по тритцати шириною, а где и тесно место, то тут бы менши дватцати сажен улиц не делать, того ради, аще у кого загоритца, то все бы соседи бежали отънимать. И егда меж дворов будут промешки свободные, то со всех сторон отънимать будет свободно и тем двум дворам вовсе згореть не дадут, потому что соседи по прежнему не кинутца за убором домов своих, но все будут отънимать у того, у кого загорелось.

А в нынешнем селении никоими делы во время запаления соседям помощи подать не можно, понеже все мечутца за своими уборы, обаче не вси убратися могут, но у всех не без погибели бывает. И тако вси погибают, и отътого в самую нищету приходят.

И аще великий наш государь, сожалея о крестьянстве, повелит дворы крестьянские в селех и в деревнях построить гнездами, то

надлежит всем помещикам указ сказать, чтобы они как мочно, хотя не вдруг, но помаленку, а все бы дворы перестроили по два двора вместе, да два промешка межь дворами порожьжие сицевым манером (*см. чертеж на с. 162*)[155].

И аще тако построено будет, то отънимать во время пожара со всей стороны свободно будет и никакому двору вовсе згореть не дадут.

А егда отъправлены будут валовые писцы или межевщики, и тогда одним разом все дворы перестроить и землю им разверстать надлежит крестьянину на целой двор и колико на пол двора и на четверть двора. И по той земле распологать им и подати, надлежащие в казну царскаго величества, и протчие поборы по расположению, дабы всякому крестьянину сносно было, и обид убогому перед богатым не было, но всем бы уравнение было определенное по владению их.

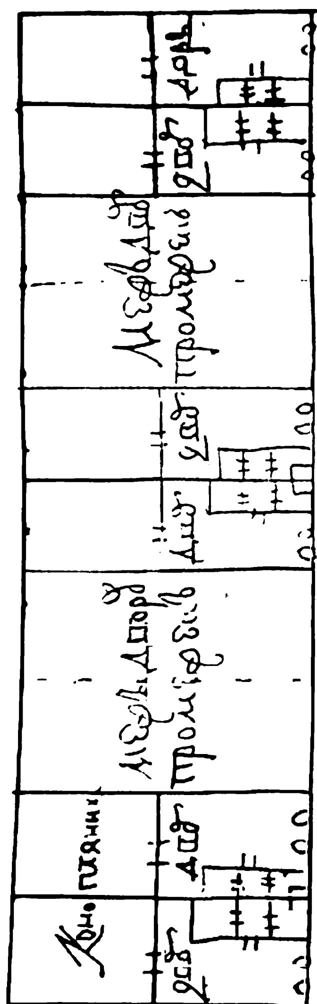
Паки крестьянству чинитца великое разорение от разбойников, ибо, аще в коей деревне десятка два-три или и гораздо болше, а разбойников аще и не великое число придет к кому на двор и станут ево мучить и огнем жечи и пожитки ево явно на возы класть, а соседи все слышат и видят, а из дворов своих вон не выдут и соседа своего от разбойников не выручают. И такова ради порядка разбойники по своей воле чинят и многих крестьян и до смерти замучивают и того ради не можно никакому крестьянину богату быть.

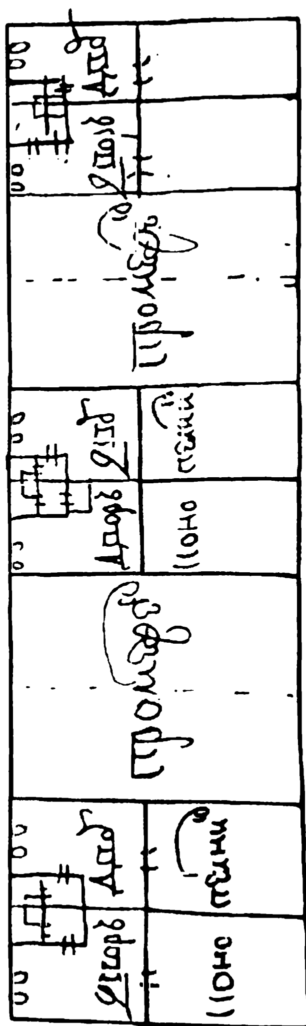
И ради охранения от такова их разорения належит во всех селех и деревнях указ сказать крепкой, что естьли х кому приедут разбойники, а соседи того села иль деревни на выручку соседа своего и на поимку разбойников не пойдут, то всех тех соседей бить кнутом, а что пограбят разбойники за их невыручкою, то доправить на них, соседях, сугубо.

А буде разбойников приедет много и им своею деревнею не удержать их, то тем соседям добежать в околние деревни и повестить, чтобы шли все поголовно мужики сърослые с ружьем и с крючьем и з дубьем на поимку тех разбойников.

А буде из коей деревни крестьяне не пойдут, то и тех бить кнутом и пограбленной пожиток в платеже, той деревне, в коей разбой был, помогать.

А буде за их невыручкою до смерти кого замучат, то за голову пятьдесят рублев или и больше, колико уложено будет, доправить на всех тех, кои на выручку не пошли.





Чертеж крестьянских дворов

А, аще бы крестьяне жили все в одну душу, друг друга берегли бы и друг за друга стояли бы, то бы разбойникам на них и помыслить некак было, еже бы их, нагло приехав, разбить и огнем жечь. И аще бы и между собою крестьяне жили союзно и друг другу обид не чинили, то бы все крестьяне были сыти и было б житие их святое.

Паки немалая пакость крестьянам чинитца и от того, что грамотных людей у них нет. Аще в коей деревне дворов дватцать или и тритцать, а грамотнаго человека ни единаго у них нет и какой человек к ним ни приедет с каким указом или без указу, да скажет, что указ у него есть, то тому и верят и отътого приемлют себе изълишние убытки, потому что все они яко слепые ничего не видят, ни разумеют. И того ради многия, и без указу приехав, пакости им чинят великия, а они оспорить не могут, а и в поборех много с них изълишних денег емлют, и отътого даровой приемлют себе убыток.

И ради охранения от таковых напрасных убытков, видитца, не худо б крестьян и поневолить, чтоб они детей своих, кои десяти лет и ниже, отъдавали дьячкам в наученье грамоты и, науча грамоте, научили бы их и писать. И чаю, не худо бы так учинить, чтобы не было и в малой деревне безъграмотнаго человека. И положить им крепкое определение, чтобы безъотложно детей своих отъдавали учить грамоте, и положить им срок годы на три или на четыре, а буде в четыре года детей своих не научат, такожде, кои ребята и вътредь подрастут, а учить их не будут, то какое ни есть положить на них и страхование.

А егда грамоте и писать научатца, то они удобнее будут не токмо помещикам своим дела править, но и к государственным делам угодны будут. Наипаче же в сотские и в пятидесятские велми будут пригодны и никто уже их не изобидит и ничего с них напрасно не возмет.

А чаю, не худо указ послать и в низовые городы[156], чтобы и у мордвы детей брать и грамоте учить отъдавать, хотя бы и насилно. А егда научатся, то и самим им слюбитца потому, что к ним, паче русских деревень, приезжие солдаты и приставы и подъячия, овогда с указом, овогда ж и без указу и чинят, что хотят, потому что они люди безграмотные и безъзаступные. И того ради всяк их изобижает и чего никогда в указе не бывало, того на них спрашивают и правежем правят.

А егда дети их научатся грамоте, то грамотные будут у них владетелми и по прежнему в обиду их уже не дадут, но будут свою братью от всяких напрасных нападок оберегать.

А иные выучась грамоте, познают святую христианскую веру, возъжелают и креститися, то ти грамотники мало по малу и иных свою братью к христианской вере приводить будут.

И кой мордва иль чюваша или черемиса крестятца, то тех уже воеводам и всяким правителем и приказным людем надлежит почитать и всячески их утешать и беречь их паче некрещеных и во всем от некрещеных чинить им милостивую отъмену, чтобы некрещеные крещеным завидывали.

Да крестьянам же и мордве указ великаго государя сказать, чтобы между собою жили любовно, друг друга ничем бы не обижали и лесу бы, кой годитца в строение, на дрова отънюд бы не рубили.

А при степных местех молодаго леса на дрова и в своих лесах отънюд бы не рубили, а рубили бы дерево, кое уросло, а в строение хоромное непригодное. И кое дерево повалилось, то бы обирали, а молодой лес, когда подростет и будет толщиною в заборину, то тогда бы рубили на всякие домашные потребы.

А где в степных местех засядет лес молодой, то осенью, вышед, тамошние жители травы б сажень на пять и шесть въкруг того лесу по вся б годы окашивали, чтоб вешнею парою степной пожар к нему не дошол и не выжег бы.

Видел я по степям много таких паросников[157], иные в человека вышиною, а иныя сажени и в две были, да все погорели и пропали. Аще б не пожары, то и при степных местех леса б великия были.

Паки был я на Черни и во Мценску и видел там, что рубят на дрова самой молодой лес толщиною в гороховую тычину и на один воз срубят дерев сто и болше, а в том же лесу видел я лежит валежнику. И стоячие деревья есть такие, что из одного дерева будет возов десять и больше, и пока старой лес были б подбирать, а тот бы молодежник подрос и им же бы пригодился всем.

А коя степь гораздо гола и леса удалели, то тамошние жители всякой бы к своей деревне занял десятин десяток другой и въспахал бы осенью наметал бы семян леснова, березоваго и липоваго и кленоваго и осиноваго и дубоваго и вязоваго и орехов спелых сырых четверик другой тут же б разметал. И как тот сеяной лес взойдет, от пожару б берегли, и первой год надобно его и пополоть, чтоб

сечная трава не заглушила ево и сеяные орехи лет в шесть иль в сем с плодом придут и в десять лет орехами обогатеют, на добрых землях велми они плодовиты будут.

И тако бы всяк у своей деревни так устроил, то бы и лесом и орехами все доволны были, хотя сперва и скушно покажется завести, а последи и сами сълюбитца.

И о орехах не худо бы учинить и заповедь, чтоб никто прежде Семеня дни[158] их не щипал, но дали бы им созреть, чтобы ядро наполнилось. И аще где на угревине и прежде Семеня дни наполнятся ядром, обаче прежде Семеня дни никто б не дерзал их щипать, но щипали бы последи Семеня дни, в то время, егда они будут сыпатца. И щипали бы, согласясь и с совету своего сотскаго, чтоб как семейным, так и безсемейным безобидно было.

И таковых спелых орехов один четверик лутче четверти недоспелых; ныне многие щиплют их възахват зеленые, а соспеть отънют не дадут и тем они протчих своих соседей оголожают, а себе хлеба от них не наживают, потому что было взять спелых орехов за четверик, а он и за четверть едва то возмет. И тем царскаго величества интересу чинят урон, понеже спелых орехов четверик гривны по четыре и выше продают, а в зеленых и за четверть того не дадут. И где было за спелые орехи пошлины взять рубль, а з зеленых и гривны не дадут, а кто и купит, не обрящет в них ползы, потому что ни в них еды, ни в них масла. Толко, купя, ореховники мешают их з добрыми и людей объманывают, закрасят с лица спелыми и в том себе грех приемлют.

В спелых же орехах есть и царственная прибылца, понеже идут они во иные земли, в Персиду и в Шведы и во иныя места, а неспелыя ни за что гинут.

И того ради велми надлежит от ранняго щипания орехи блюсти, дабы никто прежде Семеня дни щипать их не дерзал, а и после Семеня дни без воли сотьскаго и без общаго совету отънють бы не начинали их щипать.

А буде кто учинится тому изъложению противен и прежде Семеня дни нащиплет хотя малое число, то взять на нем штрафу пять рублев, да его же высечь батогами.

А буде кто привезет орехов на продажу сырых иль сухих, а щипаны будут недоспелые и ядром орехи будут не полны, то взять те орехи на государя. А кто их привез, взять штрафу за всякой четверик по рублю или как о том уложено будет.

А буде гораздо зелены, что и в половину ядра нету, то взять на нем штрафу сугубо, а орехи высыпать летом в грязь, а зимнею порою в прорубь.

А буде кто поимает кого прежде Семеня дни в лесу или и на дороге или и в деревне с свежими щипаными орехами, то те орехи отъдать тому, кто поймал, а кто пойман, на том доправить штрафу за всякой четверик по рублю, а буде менше четверика, то по количеству орехов, да его ж высечь батогами, дабы въпредь так не делали.

А буде прикащик или староста или сотской понаровит тому, кто пойман, и штрафу с него не возмет или и возъмет, а наказания по указу не учинит, или того поимщика станет чем теснить, хотя и после того времени, то на том прикащике иль старосте или и на сотском взято будет за нарушение его и. в. указу штраф определенной по новому изъложению и наказание чинить великое, каково и протчим нарушителем учинено будет.

Подобне и о рыбной ловле надлежит учинить, чтоб крестьяне от неразумения своего царскому интересу тщеты не чинили, ибо в коих озерах и реках снятоваго[159] рода нет, то в тех водах отънют мелкие рыбы не годъствует ловити. А крестьяне, не разумея снятоваго рода, въместо снятков ловят молодую рыбу, щучонки, язики, плотички, а наипаче ловят недорослых окунков. И не токмо дать ей год место перегодовать, но и самыя зародышки рыбные ловят, еже менше овсяного зерна и тем ловом в реках и в озерах рыбу переводят. Будучи я на Устрике, зачерпнул на лошку тех рыбеночков и щол, и было их числом 88, а естьли бы зачерпнуть погуще, то бы ста два-три зачерпнул.

А аще бы та маленкая рыбка перегодовала, то из одной той лошки была бы целая варя[160], а в два года из той лошки было бы 20 варь, что ж бы от тех двулетных рыбок в два года приплоду было? И тех рыбных зародышков, наловя и высуша, за четверик возмет гривни две, а естьли бы выросла в два года, то было бы возов десять или болши из того четверика, и въместо дву гривен взял бы рублев дватцать или болше и пошлины бы с нее сошло болши рубля.

И в таковом немыслии крестьянском не токмо царской интерес пропадает, но и у ловцов тех прямая покормка пропадает.

Ныне многие жалуются на рыбу, глаголя: «плох де лов стал быть рыбе». А отъчего плох стал, того невыразумеют; ни от чего иного плох стал быть лов, токмо отътого, что молодую рыбу выловят, то

ни с чего и болшой быть. Естьли и в скоте телят приесть молодых, то ни быков, ни коров не будет, такожде и у курицы, аще цыплят всех поесть годы два-три, то и куры все переведутся. И рыба ничем же от того разньствует, всегда болшая рыба выростает из малые и, аще малую выловят, то болшой не отъкуды взятца будет.

И по моему мнению, где и снятовой род есть, то и там надлежит запретить, чтоб самых мелких рыбных и снятовых зародышев не ловили, а ловили б перегодные, чтобы от той несмысленной ловли великаго государя интерес не пропадал напрасно, а и ловцы бы безвыпутною ловлею ни себя, ни людей не голодили.

И аще его и. в-ву порадеть, и закрепить накрепко со штрафом и за наказанием, чтобы отънюдь никто кроме самородных снятов недорослой рыбы не ловили, то велми рыба во озерах и в реках умножится.

И мнитца мне, надлежит закретить сице: буде кто мелких щученков или лещиков или плотичек и окунков недорослых, кроме самородных снятов, привезет на торг, аще сырых или и сушеных, то та рыба взять на государя и отъдать солдатам или нищим по багаделным, а кто привез, на том взять штраф за всякой четверик, по чему уложено будет, то одним годом сия статья утвердитца и никто недорослей рыбы ловить не будет. А паче надлежит прежде во все городы послать указы, чтоб отънют недорослой рыбы не ловили и неводов частых кроме снятовых не делали, а на другое лето всех штрафовать за презрение того указа.

А буде кто наловит недорослой рыбы про себя аще и малое число, и аще кто с тою рыбою поймает и приведет к суду, то доправить на том, кто ее ловил, штраф надлежащий по изъложению и с того штрафа четвертая доля, выняв, отъдать тому, кто ево привел к суду, а рыба ему ж отъдать. И таким штрафом и про себя ловить не будут.

И в таком установлении годы в три иль в четыре так рыбы умножитца, что весь народ рыбою насытитца. И аще тот устав и вънпред не нарушится, то по веки веков не оскудеет.

И аще она при нынешней цене въдвое или и вътрое дешевле будет, обаче в пошлинном зборе будет десятерицею болши, потому что в продаже рыбы будет великое множество.

А и сие не велми право зритца, еже помещики на крестьян своих налагают бремена неудобноносимая, ибо есть такие безъчеловеч-

ные дворяня, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы ему на себя что съработать, и тако пахатную и сенокосную пору всю и потеряют у них, иль что наложено на коих крестьян оброку или столовых запасов и, то положенное забрав, и еще требуют с них изълишняго побору и тем излишеством крестьянство в нищету пригоняют, и которой крестьянин станет мало посытее быть, то на него и подати прибавит. И за токим их порядъком никогда крестьянин у такова помещика обогатитися не может, и многие дворяне говорят: «Крестьянину де не давай обърости, но стриги ево яко овцу до гола». И тако творя, царство пустошат, понеже так их обирают, что у иного и козы не оставлят, и от таковые нужды домы свои оставляют и бегут иные в понизовые места[161], иные ж во украенные, а иные и в зарубежныя, и тако чужия страны населят, а свою пусту оставляют. А что бы до того помещикам дела, что крестьяне богаты, лише бы он пашни не запустил, хотя бы у него и не одна тысяча рублев была, толко бы не воровал и безъявочно не торговал, что крестьяне богати, то бы и честь помещику.

Крестьянам помещики не вековые владелцы, того ради они не весьма их и берегут, а прямой им владетель всероссийский самодержиц, они владеют временно.

И того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их царским указом охранять, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, понеже крестьянское богатство — богатство царственное.

И того ради, мнитца мне, лутче и помещикам учинить расположение указное, по чему им с крестьян оброку и иного чего имать и по колику дней в неделе на помещика своего работать и иного какого изъделья[162] делать, чтобы им сносно было государеву подать и помещику заплатить и себя прокормить без нужды. Того судьям вельми надлежит смотреть, чтоб помещики на крестьян изълишняго сверх указу ничего не накладывали и в нищету бы их не приводили.

И о сем яко высоким господам, так и мелким дворянам надлежит между собою посоветовать о всяких крестьянских поборех помещичьих и о изъделье, как бы их обложити с общаго совета и з докладу его и. в., чтобы крестьянству было не тягостно; и расположить имянно, по чему с целого двора и по чему с полудвора или с четверти или с осмые доли двора имать денег и столовых запасов и по колику с целаго и не целаго двора пашни на помещика своего

ю пахать и хлебом засеять и, зъжав, обмолотить. Такожде и подворы расположить по расположению дворовому, чтобы всем по владению земли было никому ни перед кем необидно, и чтоб и государские поборы сносно им было платить сполна без доимки.

И како о сем с общаго совета изъложитца и указом его и. в. утвердится, и тако аще нерушимо будет стоять, то крестьянство все будут сыти, а иныя из них и обогатятся.

Я, истинно, много о сем размышлял, како бы право крестьянские поборы с них собирать, чтобы его и. в-ву было прибылно, а им бы было не тягостно, и сего здравее не обретох, что прежде расположить крестьянские дворы по владению земли им данные, чем кой владеет и колико он на той своей земле хлеба высеет про себя[163].

Я не вем, чево господа дворяня смотрят, крестьянами владеют, а что то имяновать крестьянина не знают и по чему числить двор крестьянской ничего того не разумеют, но токмо ворота, да городню числят, а иные дым изъбиной щитают. И яко дым на воздухе исчезает, тако и исчисление их ни во чтожность обращается. А и во исчислении душевном[164] не чаю ж проку быть, понеже душа вещь неосязаемая и умом непостижимая и цены неимущая, надлежит ценить вещи грунтовалные. В душевном следовании труда много подъято, а и казны, чаю, тысячу десятка два истощилось на него, обаче, чаю я, что она вся туне пропала и труд весь ни во что, ибо побор сей несостоятелен будет. А в чесом надлежит прямо неподвижной прибыли искать и о том во главе 9 речется.

А о крестьянех, мнитца мне, лучше так учинить: егда кой крестьянин пожиток свой сполна помещику своему заплатит, то уже бы никакой помещик сверх уреченного числа ни малого чего не требовал с него и нечем бы таковых не теснил, токмо смотреть за ним, чтоб он даром не гулял, но какую мочно к прокормлению своему работу бы работал. И от такова порятка, кои разумные крестьяне, могут себе и хорошие пожитки нажить.

А буде кой крестьянин, хлеба не пахав, да станет гулять и въпред не станет ничего запасать, и таковых, не токмо помещикам иль прикащикам, но и сотским надлежит за ними смотреть и жестоко наказывать, чтобы от лености своей в скудость не приходили и в воровство бы, ни в пьянство не уклонялись.

Крестьянам и радетелным разорения чинитца не малое и оттого, что двороваго расположения прямаго у них нет. Кои силные помещи-

ки, те пишут дворов по пяти и по шти и по десяти в один двор, то тем лехко и жить. А кои средние могуты, те двора по два и по три въместо сваливают и одними воротами ходят, а протчие ворота забором забирают, то и тем крестьянам не весьма тягостно[165]. А кои бедные и безмочные помещики, то у тех крестьян все дворы целыми дворами писаны, и от такова порятка тии крестьяня от несносных поборов во всеконечную нищету приходят. А богатые и силные бояры своих токмо крестьян оберегают от поборов, а о прочих не пекутца.

И ради основания правды надлежит первее уставить в крестьянстве, что то имяновать двор и что пол двора или четверть или осмая доля двора.

Я сему велми удивляюсь, что в российском царстве премногое множество помещиков богатых и судейством владеющих, а того не могут зделать, чтоб, собравшись, посоветовать и уложить, что то крестьянской двор имяновать или пол двора или четверть двора и по чему бы разуметь целой двор или без четверти или с четвертью двор.

В Москве в посадских слободах, аще и мужики живут, обаче у них разумно учинено: кто на целом дворе живет, тот с целого двора и платит, а кто на полудворе иль на четверти, то с того и тягло платит.

А у крестьян писцы и перепищики ворота числят двором, хотя одна изба на дворе, хотя изб пять-шесть или десять, а пишут двором же. И то стал быть не разум, но самое безумство и всесовершенная неправда и убогим и маломочным обида и разорение.

По здравому разсуждению надлежит крестьянскому двору положить разъсмотрение не по воротам, ни по дымам изъбным, но по владению земли и по засеву хлеба на том ево владенье.

По моему мнению, аще у коего крестьянина написать целым двором, то надобно ему земли дать мерою толико, чтобы ему мочно было на всякой год высеять ржи четыре четверти, а яроваго осмь четвертей, а сена накосить ему про себя дватцать копен[166].

А буде коему крестьянину отъведено земли, что и четверти ржи на ней не высеет, то того двора и четвертью двора не надлежит написать, но разве шестою долею двора. И тако всякому крестьянину числить двора по количеству земли надлежит.

А буде ж кой крестьянин могутен, а земли ему от помещика отъведено малое число и он мочью своею наймет земли у иного помещика и на той наемной земле высеет хотя четвертей десять или болши,

и тое земли к дворовому числу не причитать и государевой подати никакой с той наемной земли не платить, потому что с тое земли будет платить помещик, который тою землею владеет. Такожде и помещику своему ничего ж с тое пашни не платить же а платить тому помещику по договору денгами или снопами, у коего ту землю нанял.

А буде кой помещик, видя коего крестьянина семьяниста и лошадиста даст ему земли со удоволством, что высевать он будет четвертей по десяти на лето ржи, а яроваго по дватцати, а сенокосу отведет ему на 50 копен, то с такова крестьянина можно брать как его и. в., так и помещику с полутретья двора. И тако все дворы расположить не по воротам, ни по дымам, но по владению земли и по засеву их на отъведенной им земле.

И аще тако во всей России устроено будет, то ни богатому, ни убогому обиды ни малые не будет, но всякой по своей мочи, как вечникому государю, так и помещику своему будет платить.

И ради охранения крестьянъскаго от помещиков их, надлежит и в помещичьих поборех учинить по земле ж и чтоб болши положенного окладу отънют на крестьян своих не накладывали. И тако яко в государевых поборех, так и в помещичьих будет им сносно. И по таковому расположению и помещикам дворов крестьян своих таить по прежнему будет не для чего, потому, буде кто дворы свои целые полудворами или четвертьми или осьмушками напишет, то и сам помещик не может уже с них больше того взять, ибо всякой крестьянин на чем будет жить и чем будет владеть, с того будет и платить как царю, так и помещикам своим.

И буде кой помещик напишет дворы целые полудворами или и менши полудворов и царския поборы будет платить против писма, а себе станет с них имать с целых дворов, и кто про то уведомится постороней человек и донесет о такой ево неправде судьям, то те дворы и со крестьяны отъдать тому, кто изъвестил. А буде и крестьяня, не похотя лишняго помещикам своим платить и донесут судьям, то того крестьянина, кой доведет, дать воля, да за довод пятьдесят рублев денег. А которые крестьяня ведали, что помещик их берет с них изълишние поборы, а умолчат, то тех крестьян бить кнутом, колико ударов уложено будет.

И аще кой помещик на целой двор или на пол двора или и на четверть двора посадит двороваго своего человека или деловаго или бобыля ли полоненника, то кто бы он ни был, а плата дворовая

имать с него по владению земли неизъменно. И тако как крестьяне, так и дворовые люди, будут великому государю данники и платеж им тягостен не будет, потому что платеж их будет по владению земли, определенной при дворе.

И таким порятком интерес его и. в. велми будет множитца и аще во всей России тако устроитца и поборы з двороваго числа лехкостнее будут. А по древнему порятку от поборов иные в конец разоряются, а иные даром живут.

По моему мнению, царю паче помещиков надлежит крестьянство беретчи, понеже помещики владеют ими времянно, а царю они всегда вековые и крестьянское богатство — богатство царственное, а нищета крестьянская оскудение царственное. И того ради царю яко великородных и военных, так и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто во убожество не въходил, но вси бы по своей мерности изобилны были.

И аще по вышеписанному крестьянские дворы управятца, то каково за силными лицы будет крестьянам жить, таково и за самыми убогими быть, и по прежнему бегати крестьянам будет уже не для чего, потому что везде равно будет жить.

И у коего крестьянина двор целой или менши или болши двора, обаче в селидбе строили бы по два двора гнездами и меж ними по два огорода, яко же о том в осмой глав изъявитца. И аще тако устроены будут деревни, то во время огненнаго запаления никакая деревня вся не выгорит.

А буде кой помещик будет на крестьян своих налегать, и наложит сверх указного числа или изълишную работу наложит, и аще те крестьяне дойдут до суда, и у такова помещика тех крестьян отънять на государя и з землею, то, на то смотря, и самой ядовитой помещик сократит себя, и крестьян разорять не станет.

А буде кой судья по доношению крестьянскому о винности помещиковой сыскивать не станет и отошлет их к старому их помещику или и сыскивать станет, да будет во всем помещику наровить, а на крестьян вину валить, и аще те крестьяне дойдут до вышняго суда и вину на помещика своего изъявят и судейскую вину предложат, то тот судья не токмо своих пожитков, но и живота своего лишится. И тако злый зле погибнет, а праведной судья за праведной свой суд настоящих благ насладится и грядущих не лишится во веки веков. Аминь.

Глава 8. О ЗЕМЛЕНЫХ ДЕЛЕХ

Сие, мнитца, не токмо неправильно, но и не безгрешно, еже дворяня после умерших своих сродников земли жилые и пустые делят на дробные части, ибо одну пустошь разделяют на многия разные владения, и по такому разделу бывает у одной пустоши владелцов по десяти и гораздо болши. И такая безделица бывает, что иному владелцу достанетца десять четвертей, иным же четверти по две, по три, а иному и по четверти и по осмине и по четверику, и всякую пахатную полосу худую и добрую, все пашут. И кто из них сам у себя, то тот всем своим жеребьем владеет, а кто безъмочен, тот ничем владеть не может, и в тех дробных делах кроме съсоры да беды иного нет ничего, и за съсорами общия земли многия и пустеют и дернеют и лесом поростают. И в том запустении царской интерес малитца, потому что с пуста никакова доходу не бывает.

А у кого земля собственная, то он ее росчищает и распахивает и навозом наваживает и год от году и худая земля добреет, такожде и сенные покосы раскашивают и от того царского величества интерес умножается.

И тии дворяня не токмо пустыя земли тако делят, но и жилыя села и деревни на многия доли делят. Есть в Новгородском уезде погост, именуемый Устрица, и в том селе дворов с дватцать, а помещиков владеют семеро разных фамилий, а во иных деревнях и болши того есть владелцов. И в таковых разъновладелцах нельзя быть без вражды и другу от друга без обиды.

И, мне мнитца, ради охранения от обид и после умерших лутчи дробные отъставить и делить земля пустая и жилая целыми пустошами и деревнями по урочищам.

А буде ради многих помещиков разделить целыми не можно, то те земли и деревни положить в цену, и буде кто из тех родъственников денги в дело положат, а землю жилую или и пустую возмет всю за себя, то и добро так. А буде все сродники скудны, то продать ее и постороннему человеку и денги по надлежащим жеребьям разделить, то не то что уголовщине быть, но и бранитца будет не о чем, потому что на денгах и малые дробинки разделят чисто.

А и сие весма неправо деется, что писцы и перепищики и дозорщики пустоши и жилые деревни, как коя слывет имянно, пишут и колико в коем урочище четверные пашни и сенные покосы пи-

шут же и, пишучи, не то, чтоб ее смерять, но и глазами не видав, пишут по крестьянским сказкам. И в иной пустоши напишут четвертей 50 в поле, а в дву потому ж[167], а егда кто станет сеять, ажно и во всех трех полях толико не высеет.

А в иной пустоши, видел я, написано шесть четвертей, а высевается ржи в одном поле по 20 четвертей, а лесу будет болши трех верст. И в таком расположении токмо одна смута и всякой деревне и пустошам толко мера, да прозвание, а при какой признаке[168] та земля или с какою землею смежна, ничего того не пишут и разделения межам совершенного не чинят. И оттого многое множество съсор и убивъства чинитца и инии, забыв страх Божий, взяв в руки святую икону, а на голову свою положа дернину, да отъводят землю и в таковом отъводе смертне хрешат. И много и того случаетца, еже отъводя землю и неправедную межу полагая, и умирали на меже.

А по правому разсуждению надлежит всем жилым землям и пустошам учинить межи недвижимыя, буде с кем не разделила ни река ни ручей, ни иная какая недвижимая признака, то присмотреть какую ни есть недвижимую признаку, коея б нарушить нельзя было. А буде нет таковые признаки, то и на чистом месте мочно зделать недвижимая признака, ибо выкопать яма глубокая, аршина в три или в четыре и шириною такожде, и навозить ее полну каменья болшаго и накласть бугром, чтобы матерые земли выше было, и на то каменье насыпать земли аршина на дъва или болши и тот бугор вековым утином[169] и будет.

И от того утину протянуть вервь[170] по меже прямо до поворотки и под ту вервь подставить мореходной компас и куда укажет компасовая стрелкыа северная, так имянно и записать и смерять по верви, колко от того утину до поворотки сажень будет, то так и записать[171].

И буде у поворотки признаки никакой недвижимой нет, то выкопать яма глубиною аршина в полтара или в два и шириною такожде аршина в два, и накласть в нее каменья или уголья, и насыпать над нею холм аршина в три и, утоптав, окласть дерном и на том холму посадить молодых деревец пять-шесть, кои б были годков трех или четырех. И колико около тоя земли не будет холмов, на всех садить одного рода деревцы, каково на первом холму, таково и на последнем.

А егда станут другую землю мерять, то по холмам другова рода и деревья садить, около коея земли сажены березки, то березы б тут

и были, а около коея земли сосенки или елки иль дубы иль вязы или и иные, то около тое земли одни бы они и были.

А с коею землею та будет смежна и приткнетца она к объмежованной земле, а на той меже по холмам сажено не того рода дерева, то те готовые холмы имянно и записать, колко их к той земле пришло, и деревье кое на них сажено, так и записать, а другова рода к тем деревьям не присаживать.

И где тое сумежные земли межа отъворотитца, то, буде згодитца от холма, то так и записать, а буде отъворотит она меж холмов, то подле старые межи учинить холм не на самой меже, но сажень место уступя от межи, чтоб старой межи повреждение не было и деревцы посадить на нем такое, какое около всея тоя земли начали садить.

И буде коя деревья посаженое посохнет, то паки посадить такое ж. А егда деревцы примутца, и годы два-три или и пять-шесть перемешкав, паки всякому межевщику меж своих всех осматреть, нет ли межам какова повреждения.

И буде где и мало осмотрит межу попорчену, то сыскать того, кто попортил и учинить ему наказание жестокое, как о том уложено будет. И деревья по холмам осмотреть и кое из них принялось и бежко почело рости, то деревье и оставить, а протчие подсечь. А буде на коем холму дерева два иль три бежко почали рости, то по расмотрению оставить и два иль три деревца, толко бы были одного роду, а изълишние все подсечь и приказать накрепко, чтобы тех деревец оставленных берегли накрепко и ничем бы их не вредили. А буде на том же холму какое дерево инова роду собою изъростет, и таковое подсекать, и рости им не давать, чтоб они признаки не повредили.

А во время межевания в кою сторону от утину вервь натянетца, то под ту вервь ставить вышепомянутой компас. И по компасу смотря, писать имянно, на кою сторону протянулась вервь, на восток или на полдень или на запад или на север, и коея четверти на которой градус и колико градусов поступило от востока к полудни или от полудни к востоку и прочая.

И межа от признаки до признаки или от поворотка до поворотка и колико коея прямызны будет мерою сажен, писать имянно, и в кою сторону она поворотила, направо или налево, и на колико градусов она поворотилась, так имянно и писать.

А буде где придет межа изълучиною и буде сосед соседу не уступит, то протянуть вервь от холма на холм прямо и смерять по

верви, колико меры меж теми холмами будет, и от тое верви смерять поперег, что тое изълучины будет, и записать имянно ж. И где старая межа, по реке иль по ручью, и та старая межею и да будет. Обаче вервь надлежит натянуть прямо и записать имянно, колико тое прямызны от холма до холма и где старыя межи изълучинами, так им и быть. А куды вервь была ради сметку земли, сохою тут не проезжать[172], но толко то писать, на кой градус та вервь была протянута.

А кроме изълучин, куда вервь ни протянетца, с обе стороны проехать сохою раз по два-три и свалить к верви въместо и та межа с коими землями делит межу, писать имянно, чья она есть и как она нарицаетца. И буде чрез межу случится какая река иль ручей или вражек или суходол или болото, все то писать имянно, на коей верви случилось и в коликих саженях от коего холма. И буде и дорога чрез нее лежит, то отъкуду и куда лежит и при какой признаке та земля, при реке ли великой или при малой или при озере великом или малом или при болоте каком.

И всякая межа писать с подлинною очискою, чтоб она во веки неподвижна была и пороку бы в ней ни малого не было. Аще и с трудностию потрудитца о сем, обаче в роды родов безъсорно б было житие. И егда Бог сие благое дело совершит, то, мнитца мне, не худо бы и напечатать их книг сотницу другую и по городам разослать. И аще где и пожар учинитца, то в другом месте она будет и межевальной труд не погибнет и сметения о земле нигде ни у кого не будет, но будет она бутто в зеркале всем зрима.

И объмежовывать каяждо земля сице: от утину до того пошла межа прямо на самой восток иль на полдень иль своротило направо иль налево, от коея четверти и много ль градусов въправо иль вълево поступило, и от утину до перваго холму земля того то села иль деревни, или пустоши какой с правые стороны, а с левые стороны також-де такая та имянуемая земля. И з коликими землями та пустош, кою межуют, ни сошлася, писать имянно, то уже той меже изъменитися не можно будет, ни в какия лета она не смешается, ибо по недвижимым признакам и по компасу и по мере от поворотки до поворотки и от холму до холму всякая межа разобрать будет мочно.

И когда кое урочище все въкруг объмежует и последняя вервь егда придет к утину, с коего утину начал межу вести, написать имянно по компасу, на которую четверть и на которой градус тоя четверти к утину пришла.

А буде о коей меже спор будет, то те земли вымерять, первее по писцовым книгам четвертную меру и сенокосные угодья, да також-де и около тое земли межа повести вышеписанным же порядком и межа положить около ея недвижимая ж.

И егда кою всю землю объмежует, то посреди тоя земли въдоль протянуть вервь от писменны и недвижимыя признаки на недвижимую ж признаку и смерять по ней, что тое земли длинку будет. Такожде протянуть и поперех, взяв начало от коего холма, и тянуть вервь на призначной же холм или на недвижимую какую признаку через длинную вервь и на перекрестье подложить кватрат и куды по перекрестье покосилось, так имянно и написать и как длинник, так и поперешник смерять, что его будет. И на том же перекрестье поставить компас и куда того компаса северная стрелка укажет, так и написать и на чердеже стрелка озъначить.

И на целом листу зделать той объмеженой земли чертежь по разъмеру, как межа ведена, так имянно и написать. И по колику от холма до холма и от поворотки меры, такожде и от иных признак до признак, цыфирными словами всякую меру особливо подписать и около ее какие земли прилегли, все имяна подписать и коликою мерою коя земля приткнулась. И на средине того чертежа означить длинник и поперешник точками на те же признаки, на которые вервь была протянута, и подле точек написать мера длиннику и поперешнику, колико сажень. И егда чертеж правильно написан будет, то по чертежу мочно будет всякому человеку, кто в розмере силу знает, и, не быв на земле, скажет, колико в ней десятин и колико четвертные пашни.

И того ради всякой межевщик, колико каких земель не объмежует, писал бы имянно, всякой земле особливыя чертежи и всякая пустош обмежеванная написана б была на особливом листу. И на тех же чертежах надобно написать колко по писцовым книгам написано в ней четвертей в поле и колко сена копен. И егда кой межевщик свою долю всю изъмежует, то те чертежи переплести в книгу и положить ее в поместном приказе в сохранное место въпред для утверждения правды.

И аще тако вся российская земля размежуется, то упокоятся все земляные съсоры, нелзя будет ни сажени чужой земли кому присвоить, но всякой будет, аще убог, и аще кто и ябедовать и нахаловать, а буде своим владеть. И силным безмочных теснить по прежнему

будет не мочно, разве отънять вся, и то будет явно всем, что чужим завладел.

И буде кто и покусится межу заравнять, или холм на чужую землю перенесть, то всякой человек будет ведать, потому что одним днем того не зделать, а и делать не одному человеку, и того ради будет славно и явно. А буде бы кто и зделал, то и последи сыскать мочно, разве чертежи и книги все пропадут, то тогда мочно обиду чинить. И того ради книги надлежит зделать печатные, а и чертежей по два-три мочно зделать и положить их одну книгу чертежную в Москве, а другу в Санкт-Петербурхе, а третию в том городе, коему та земля присудна.

И так надобно твердо заказать под великим штрафом, чтобы той межи хотя у кого в одном владенье будет, а тех меж отънюдь бы не перепахивали и ни межи, ни холма с места на место не переносили бы, но всякая межа была бы в роды родов на своем месте нерушима.

А и в степных местах такожде надлежит учинить недвижимые ж межи, отъмеряв по даче, вымерять десятинами, и, намеряв всю чью дачу вышеписанным же образом, зделать утин и от утину протянуть вервь прямо, аще и верста место будет до поворотка или и болши. И пока прямизна идет, по та щчитать лише сажени, а на поворотке зделать холм по вышеписанному ж и от того холма такожде до другой поворотки протянуть вервь пряму ж. И тако всю землю до утину объмерять и по верви отъехать сохою по вышеписанному ж и поворотки писать по кампасу ж и чертежи делать по вышеписанному ж. И буде близко лес есть, то по вышеписанному ж садить на холмах деревцы, а буде лесу молодого добыть где немочно, то набрать дубовых желудей и по десятку место на холму посадить, а на ином урочище наметать семян вязовых, а на ином березовых иль кленовых или и иных каких. Токмо какие семена на коих холмах пометаны будут, так и в книги записать и, всю межу устроя по вышеписанному ж, протянуть вервь с угла на угол, потому что в степных местах будут многие земли межеватись четвероуголно и, кроме угловых, холмов не будет. И на чертеже на средине написать стрелка северная, и на том чертеже и мера как меже, так и средине личба написать.

И тако всех господ великих и мелких дворян дачи отъмерять подлинною правдивою мерою, а не по прежнему глазомером, чтобы ни лишку, ни недомеру против дачь не было. Вельми надлежит

во всех межеваньях мера четвертной пашне полагать самая правдивая, да еще его и. в. повелит въместо душевредства душевных поборов брать з земли, по чему с четверти положено будет, то чтобы ни убогому, ни богатому обиды не было.

А в прежних глазомерных мерах у иного написано пять четвертей, а владеет на пятдесят четвертей, а у иного написано четвертей 20, а четвертей и пяти не высеет. А егда мера приямая будет во всех землях положена, то никому обиды не будет.

И межи учиня, так надлежит твердо блюсти, чтобы никаковой обмежеванной земли, ни жилой, ни пустой пустоши не токмо по прежнему на многия части, но и на двое не делит бы, но кому случитца продать или заложить или кому и отьдать, то отъдавать бы и продать всю, какова коя земля есть по обмежеванию без розделу.

И сицевое межеванье аще и не скоро окончитца, да уже прочно оно будет, и помещикам всем покой великой учинит. И того межеванья межи так надлежит хранить, чтоб не то что межа повредить, но и прозвания старого отънюд бы не изменить, но как кое урочище изстари названо, так бы оно и слыло до скончания века. И буде чье владение случится по смерти или по иному какому в розделе или в раздачу по указу, то делит бы целыми пустошами и урочищами по межевым книгам, а сверх бы тех меж ни прибавливали, ни убавливали.

А буде кто не токмо межу испортит, но аще и имя коей пустоши или урочищу каковому изменит, то объложить ево штрафом.

А буде черес кою землю лежит дорога, то отьехать дорогу с обе стороны сохою, такожде как и пограничную межу. И учинить ее шириною, буде проселочная тележная, то пустить ее трех сажен, а буде проезжая дорога городовая, то пустить ее шти сажен, а буде дорога московская, то надлежит ее пустить двенатцать сажен или и болши.

И те дороги в десятины и в четвертное число не числить, но из настоящия меры и изо владения вычислить вон, понеже на чьей земле дорога ни бывает, слывет она государева, а не помещичья. Того ради тое земли и в оклад ни кому не класть и хлеба на них никакова не сеять.

И аще великий наш император в сие дело въсовершенно вступит, а Бог свыше призрит и помощь свою святую ниспослет на не, то мочно всему сему делу состоятися и совершитися не весьма многими леты.

И изъмеряв поместныя и вотчинные земли, обложить их платежем с земли, по чему он, великий наш государь, укажет имать с четверти или с десятины на год со всех владетелей земли российския, которая останется за роздачею к крестьянским дворам под пашню их и под сенокос, в помещичьих полях и в пустошах и в лесах и в болотах, потому что с тоя земли, коя отъделена будет к крестьянским дворам, с тое земли будут платить крестьяня по дворовому своему окладу, яко же в седмой главе речеся, и того ради та земля за помещиками и числить не надлежит.

И буде положить мера десятине длиннику 80 сажен, а поперешнику 40 сажен, и с такой десятины[173], мнитца мне, что мочно с пахотные земли по осми копеек взять на год, а с сенокосные по шти копеек, а с лесные по четыре копейки, а з болотные по две копейки.

И я чаю, что на кийждой год денежнаго збору тысячь ста по два-три рублев будет приходить или и гораздо болши. И тот земляной збор будет прочен и никогда он не умалится, но токмо год от году прибывать будет.

Буде кто леса росчистит и пахотными полями устроит, то у того дачи прибудет. А буде кто, лес вырубя да хлеб сняв, паки запустит, и на ту землю прибавливать дачи не для чего, потому что она паки под лесным угодьем будет.

А аще кто и болото обсушит и устроит сенокос, то и тамо прибудет же збору. И того ради земским камисарам[174] на всякой год надлежит осматривать, буде кто прибавит пашни или сенокосу, то и окладу на него надлежит прибавить.

И по такому расположению никто даром землею владеть не будет, но все будут платежшики.

А ныне есть много таковых, что за иным помещиком земли пустошей десятка два-три есть и по окладу в них четвертей тысяча место будет, и те пустоши отъдают под пахату и под сенокос из найму, и на киждой год десятка по пяти-шти берут, а великому государю не даст он ни денги. Кто есть я, а и за мною с полтораста четвертей есть, а платежу моего нет с них великому государю ни малого.

И буде в Руси вся земля изъмерять прямо и исчислить десятинами, то я чаю, что десятин милионов десятка два-три и болши будет. И аще обложить кругом алтына по два з десятины, то тысячь сот пять-шесть будет того збору, и того платежа никому потаить или

и платеже похитрить будет невозможно, потому что ни единые денежины утаить будет невозможно.

Землю сотворил Бог недвижиму и владение земли, аще и переходит от рук в руки, обаче она стоит недвижимо. Того ради и побор аще с нея учинить, может он недвижим быть и состоятелен он будет.

И аще Бог на не призрит и помощь свою нисполет, то может оно не весьма долгим времянем состроитися. Трудно толко первой год потрудитца, а егда навыкнут, как межевать по кампасу и как мера полагать, и чертежи скоро навыкнут по розмеру рисовать.

И первой год, аще и по одному человеку смысленому послать, то дело управлять в какуюжде губернию, а на другой год мочно и по десяти человек послать, а на третей год, хотя по сту человек, то мочно послать, потому что лихо сперва установить, как то межевание отъправлять, то и одним месяцом многим мочно научится. Ибо поспешность сего дела в руце суть царстей, аще он возхощет, то немногими леты может тое дело управить.

И того земляного збору, чаю, что будет со всякия губернии тысячь по сту. Только, чаю, сильные лица будут всячески сие дело препинать, понеже они обыкли по своей воле жить и не так они любят дать, как любят себе взять.

Я чаю, что и дворовому расположению как ни есть, а будут препятие чинить, а естьли великий государь переломит их древнее упрямство, то, я чаю, что въполы будут дворовые поборы. Ныне з двора съходит рублев по осми иль малым чем менши, а тогда, чаю, что и по четыре рубли не сойдет.

И аще по земляному владению все крестьянские платежи, такожде и з дворян по владению ж земляному уставятца, то тверждее он подушного збору будет и вельми он постоянен и прибылен будет.

Земля трудно токмо управити, еже ее всю по вышеписанному размежевати и, измеряв в десятины, положить право, то последи всем оно любезно и покойно будет.

И тако надлежит в земляном деле потрудитися, еже б не токмо едина земля пахатная и сенокосная и лесныя угодья измерить, но и болоты бы все великия и малые измеряти и описать их имянно, в коих они урочищах и к чьим землям прилегли, и болшим болотам чертежи нарисовать особливые и спросить сумежных помещиков, кому кое болото во владение угодно, на нем ево и записать.

А буде сумежные помещики от болот отъкажут, то отписать их за государем и отъдавать их из приказу на оброк охочим людем. А кои болота малые земли чье случатца, и те болота писать за ними, в чьей земле прилучились.

И от коего болота помещики откажут, то те болота подобием пустошным въкруг всего межею обвести и на поворотах ставить холмы и такожде, как и круг пустошей, и въкруг всего болота отъехать сохою и зделать вал, а где придут иных земель межи помещичьи, то так и записать имянно. И кои люди от тех болот отъкажутца, то уже ни по какую потребу в них не ходили б и скота бы своего не пускали, но владел бы тот, кому оно отъдано или продано будет.

Такожде и дворы бы все яко крестьянские, тако и дворянские и всяких чинов у людей, и в городах у купецких людей, у протчих градских жителей и у приказных канцеляристов и у протчих служителей приказных и у самих судей дворы измерять и платежем обложить, дабы на земле ево ц. в. никто даром не жил.

Я чаю, под державою его и. в. под всеми жителми, кроме диких поль и глухих лесов, которые ни к кому во владение не отъданы, будет дробных верст милиона два-три и более и такое величество земли, что исчислить в конец невозможно, а платежу с нее государю ея нейдет ни малаго числа. Помещики, кои владеют учасками своими, отъдают в наймы и берут за нее денги многие, а великому государю не платят ни малого числа

А во всякой круглой версте пятисотной будет сороковых десятин 78 с осмою долею десятины.

И аще кругом с пахотные и с сенокосные и з болотные земли положить по грошу з десятины имать на год, то того поземелного недвижимаго збору будет милион место другой во всякой год. И тот збор никогда не оскудеет, но токмо мало по малу от расчистки лесов будет приполнятися.

И естьли сие Бог состроит, еже великий наш монарх обложит со владения земли имать платеж, то никто по нынешнему туне жителем не будет, но вси будут платежники по количеству владения своего.

И дворам крестьянским надлежит положить мера подлинная и неизменная, а не глазомерная, аще нарещи на коем крестьянине двор тяглой, то прямой бы уже и был двор.

И, мнитца мне, надлежит крестьянскому двору быть мерою в долину и с гуменником пятидесят сажен или штидесят, а шириною целому двору быть 12 сажен, а полудвору 8 сажен, а четверте двору 6 сажен, а осмушечному 4-х сажен. А дълина всем единаравная, чтобы овины у всех в далекости от двороваго строения были.

И платеж, мнитца мне, мочно положить с целого крестьянскаго двора во все поборы в год рубля по три иль по четыре, иль как удобнее будет по прямому правому разсмотрению, а с полудвора половины, а с четверте двора четвертая доля и платежа, и протчие платежи по мере дворов располагать, то никому будет не обидно и всем будет легко.

И на целой двор надлежит, по моему мнению, дать пахотной земли четыре четверти в поле, а в дву потому ж, а на полдвора две четверти, а кто на четверти двора будет жить, тому одна четверть земли в поле, а и в других полях по толику ж числу, чтоб ему по вся годы по целой четверте ржи высевать, а яроваго по две четверти. И аще кто будет жить на шестой доле двора или на осмой, то по тому и земли им отъводить неизменно. А буде кто похочет на себя тягла прибавить и колико двороваго тягла на себя прибавит, толико и земли ему под пашню и сенокосу прибавить и по таковому расположению все чинить неизменно.

Такожде и помещикам брать с них всякия свои поборы по тому же расчислению, такожде и в работе по земле ж расчисление чинить, то всякая и работа будет им сносна. И сверх бы того расположения никакой помещик изълишняго ничего б не накладывали, чтобы от излишных их поборов крестьянство во оскудение не приходило.

И аще тако расположено и устроено будет, то помещики душевредить не станут, еже бы по два иль по три двора въместо сваливати. И ради лутчаго от неправды помещичьей удаления и ради от огненного запаления охранения надлежит во всех селех и деревнях дворы строить гнездами, а несплоши по прежнему, но токмо по две селидбы крестьянские, яко же в седьмой главе назначено, семо же пространнее изъявитца с размерением длинника и поперешника.

И аще тако устроено будет, то никоими делы по прежнему сполить трех иль четырех дворов в один двор невозможно будет, да и не для чего тако чинить.

Чертеж крестьянских дворов и земельных угодий

И крестьянские дворы управя, надлежит и градские дворы изъмерити и такожде обложить платежем з земли дворовые, колико под ним есть.

Мнитца мне, з дворовые земли яко с купецких, тако и с приказных людей и с беломесцов[175] всякого звания, с силных и безсильных лиц, у коих в городех и на посадех дворы есть, кроме духовного чина и причетников церковных, с дробные сажени[176], кажетца, мочно по полушке на год имать или по полуполушке.

А с огородные земли и с подгородные, на которых землях овощи садят и сеют и сады загородные розъведены, такожде[177] измерять в дробные сажени и, мнитца, о тех загородных огородов с десяти сажен дробных по копейке мочно имать.

И с тех огородных овощей на одногородном торгу пошлина имать, кажется, не надлежит. Токмо разве куды на иной город повезут, то отъвозная пошлина надлежит взять, а егда состоится новая пошлина, то тогда будет и управлятися.

И ради таковаго великаго землянаго дела надлежит, чаю, особная канцелярия учинить, понеже во управлении сем дела много будет и събор в ней будет милионой и самой основательной. И сей земляной збор трудно токмо его основати, а егда оснуется и утвердится, то он яко река имать тещи неизменно. Земля сотворена от Бога недвижима, тако и збор земляной, аще Бог ево совершит, то будет он неподвижен во веки. Аминь.

Глава 9. О ЦАРСКОМ ИНТЕРЕСЕ

В собрании царскаго сокровища надлежит прямо и зъдраво собирати, чтоб никаковые обиды ни на кого не навести, казна бы царская собирати, а царства бы его не розоряти. Худой тот збор, аще кто царю казну собирает, а людей разоряет, ибо аще кто прямо государю своему тщитца служити, то паче собрания надлежит ему людей от разорения соблюдати, то оное собрание и спoро и прочно будет; к сему же и собранного надобно блюсти, дабы даром ничто нигде не гинуло. Охранение доброй товарищь собранию, аще бо охранения где не будет, трудно тут собирателю собирати.

Яко бо утлаго сосуда не можно наполнити, тако и собрание казны, аще собранного не будут блюсти, неспор тот збор будет.

Аз бо в 710-м году, будучи в Новегороде, видел: на гостине дворе две полаты накладены были конской збруи и иных полковых припасов и, что там ни было, все то згнило и прапало и весь тот припас вырыли из полат лопатами, и на колико сот рублев того было, Бог весть.

И по такому небрежению чаять, что и во всех городех и во армиах от такова ж камисарскаго недозрения в припасех и в хлебных запасех казны много с сего света погибает.

На что сего ближе и страшнее, еже в Санкт-Петербурх на карабелныя дела готовят леса дубовые, а и тут пакости великия чинятца.

В прошлом 717 году ехал я Ладожским озером и видел, по берегам и по островам лежит дубовых лесов множество и в том числе есть такое брусье великое, что, чаю, иной брус рублев по сту стал и иное брусье уже и замыло песком, иное чуть и видеть из песка.

И чаять, то и по иным берегам и островам не без тово то, и аще оно до днесь лежит, то много, чаять, и погнило. И по такому небрежию, Бог весть, колико от такова небрежения казны погибает напрасно.

И тое небрежение аще зритца и велико, обаче не токово, яко от лесных припасателей шкоды содевается, ибо лесные припасатели великую и несчислимую гибель чинят короблям, понеже леса готовят трапорехия[178]. И аще и один брус в коем корабле в притчинном месте изъгодится трапореховатой, то корабль весь погубит, а естьли в коем корабле брусов десяток другой трапорехих брусов случится, то такова карабля и почитать кораблем нелзя.

Корабль доброй и здоровой подобен городу, а ис тропореховатаго лесу состроеной хуже хворостинного плетня. Плетень, аще собою и некрепок, обаче егда военные люди будут в нем сидеть, то неприятель ево даром не возмет, а карабль, из дряблого дуба зделанной, и без бою от трясения воднаго пропадет и людей в себе и без неприятеля всех погубит.

На такое великое и нужное карабельное дело надобно бы выбирать лес самой доброй и зъдоровой зеленец. А кое дерево видится аще и здорово, а от древности оно покраснело, и такова дерева отънюд в карабелное строение не надлежит класть, того ради, что и оно непрочно. А которое дерево почало уже трапорешить, то такое, кроме дров, никуды негодно.

А видел я в Санкт-Петербурхе такия леса, привезенные к карабелному делу, что и расколоть прямо не уметь, но ломитца кусьем,

а и тесать станеш, то и щепы не отъщипишь, что ей не росломитца на двое или трое. И такова деревья ни блиско к корабелному делу не потребно привозить.

И, по моему мнению, в карабелном деле паче огня трапореховатого дерева подобает боятися, потому что корабль со всем убором станет, чаю, тысячь в сотницу, а и от небольших трапереховых держев весь пропадет и коя казна в нем ни будет, вся погибнет, к тому ж еще и людей в себе множество погубит. В карабелное дело дуб надлежит выбирать самой доброй зеленец за добрым свидетелством и видом бы он просинь, а не красен был. И аще ис такова дуба корабль будет зделан, то он уподобится железному, ибо и пуля фузейная не весьма его возмет. Егда бо такой дуб засохнет, то пуля и полувершка не пробьет, а в красной дуб пуля далече уйдет, а трапорехой и того глубочее пробьет.

И того ради которой корабль из такова здороваго дуба зделан будет, то он трапореховатых лутче дватцати караблей, понеже он, первое, что он пулей не весьма боится, второе, что от трясения волн не трутитца, третье, что он не гниет, но паче от воды жесточеет и может он жить лет пятдесят или и болши. И ис тропореховатого дерева зделанной карабль, не переживет и пяти лет и работа и казна вся, в нем посореная, даром пропадет.

И мне ся мнит, лутче корабли делать из здороваго сосноваго леса, нежели из дряблого дуба. Дряблой дуб в сыром месте и пяти лет не переживет, но весь изотлеет и пропадет.

Я, на деженом дворе будучи, ставил станы денежные, в кои денги и манеты печатаются в болших стулах дубовых. И были они толко по половине стула въкопаны в землю и те стулы в три года все пропали. И я по две дубины здоровые сплотил и станы в них поставил, то и доныне стоят не вредны.

И вышеобъявленная в дубовых припасех деется пакость от недознания лесных управителей. А иноземцы, аще и видят, что лес худ, да они о том не пекутся, но токмо о том пекутца, чтобы им зделать мастерски, да денги взять за работу со удовольством, а доброй человек не стал бы из худова леса и делать.

Они как художники, так и служивые, ничем же разньствуют и торговые, паче пекутца о своеземцах, нежели о нас. Я чаю, что и все европские жители не рады нашим короблям, им то надобно, чтоб они одни славились и богатились, а мы б от них из рук глядели.

И о сем моем изъявлении, чаю, что будут на меня гневатися и, естьли уведают о мне, что не на похвалу им написал, всячески будут тщатися, како бы меня опровреци.

Я их множицею видел, что они самолюбы, а нам во всяком деле лестят да денги манят, а нас всякими вымыслы пригоняют к скудости и безъславию.

Егда ц. в-ва состоялся указ, еже делать круглые денги медные, то никто ни из руских людей, ни из иноземцов, не сыскался такой человек, чтобы те инструменты к таковому делу состроить, толко иноземец Юрья Фробус[179] имался, что добыть таковых мастеров из-за моря.

И я, видя в том деле протяжность великую, въступил в то дикое дело и все то денежное дело установил. И я им, иноземцам, в том аще и учинил пакость, обаче мне шкоды никакой не было, а ныне нелзя их не опасатца, понеже их множество, и за поносное на них слово не учинили бы мне какой пакости.

И о непотребном лесу, к карабелным делам привозимым, исправить невозможно, аще нынешняго порятка в припасании лесном не изъменити и штрафа на припасателей и на отъправителей не наложити.

И, по моему мнению, видитца, надлежит учинить сице. Которые люди готовят тот припас в лесу, то повелеть бы секачам, вошод в лес, первое осмотреть дерево, на кореню стоящее, здорово ли оно есть. И буде стоит оно весело и признаки в нем к хворости никакой нет, то от земли саженях в двух или и выше вырубить иверень[180], и тот иверень, высуша, освидетелствовать. И буде дерево здорово и зелено, и к рубленью сторово и жестоко и к тясанью вяско, то свалить ево с кореня и тесать по образцу. И, вытесав, осмотреть ево, все ли оно здорово, и буде нет в нем ни зяблины[181], ни иной никакой признаки хворобной, то заклеймить его тому секачу. А кто у него примет, тому такожде осмотреть ево некрепко, нет ли в нем какова пороку, и буде во всем оно здорово, то и тому приемщику положить на нем свое клеймо, а без клейма никакова дерева, ни доски, к караблям без клейма не отъпускать.

А буде кое дерево с кореня свалят и стътанут ево тесать и тогда, аще означится в нем зяблина или дряблина или к тесанию будет кропко, и такие дерева отъдавать на бочки и на иныя потребы, кроме карабелного дела или те леса жечь на смалчугу. А буде на

какую потребу такой выметной[182] лес и к карабелному украшению, кроме основателных дел, годен будет, то тот лес отъпускать без клейма.

Подкрепление же о отъправлении карабелных лесов учинить бы тако: буде кое дерево карабелное великое или малое явитца у карабелнаго дела в привозе нездоровое, и то дерево бросить не в чотку[183], а чье на нем клеймо, тому такое ж дерево одно или два за одно у карабелного дела на своих проторях поставить. А секачей, кои тесали и, заклеймя, отъдали приемщику негодное, высечь батоги или кнутом, дабы впредь таких негодных дерев не рубили и не тесали.

И за токим штрафом въпредь уже таких негодных дерев ни рубить, ни тесать не будут и к карабелным делам отъпускать не станут.

А буде зеленого дуба на карабелное дело набрать будет невозможно, то, мне мнитца, не по что и тратить казны в дубовые леса, потому что плохой дуб ни малым чем не лутчи сосны, а казны в них преизлишне идет много. Я чаю, что тою казною, колико изъойдет на карабль дубу, сосновых мочно три иль и четыре зделать, а служить он лише бы не лутчи дубового стал. Дуб трапорехой егда напьетца воды, то он подобен будет глине, и на ходу вельми будет он тягостен, а сосновой и еловой гораздо будет легче, а и от трясения волн еловой лутчи дряблого дуба устоит.

Я чаю, что многия люди будут о сем спорить глаголя: «Никогда де сосне не быть крепостию против дуба». То и я того не пререкую, что доброй и зъдоровой дуб зеленец пятья или десятья лутчи сосны, а красная ель будет лутче, а которой истрапорешел ли, то тот хуже и ели.

Страшен ми сей глагол, что дерзнул о таком деле великом писати, но прозелная моя горячесть понудила мя на сие дело. Бог бо ми свидетель, что не ради какова поискания или прибытка желая себе, но токмо самые ради любви, юже имею к его и. в. самодержавию, ибо я от юности своея был таков и лутче ми каковую пакость на себе понести, нежели, видя что не полезно, умолчати. И что во изъявлении моем явитца неимоверно, то может свидетельством или пробою разърешитися во всех девяти главах, паче же всех свидетелств правдолюбивое сердце да разсудит вся.

Еще же будучи в Новегороде, в 710-м году видил я, к тем же короблям вьют канаты, и вьют их ис такой скаредной пенки, что

коя уже никуды не годитца, и, свив, съмолою засмоля, возят в Санкт Петербурх и отъдают на карабли, и в таковых канатах вящышая погибель, а не надежда.

И ради таковые пакости, мнитца мне, лутче в адмиралтийство принимать канаты несмолены, то несмоленого осмотреть, какова в нем пенка и колико в ней кострики[184] и зъдоровая ль она или гнилая, развив все, то мочно познать, а в смоленом ничего того не знать. И смолит бы их, уже освидетельствовав, то такие канаты будут надежны.

Конаты корабелные становые — дело великое и страшное, и делать их надлежит из самые добрые и зъдоровые пенки потому, аще канат надежен, то кораблю спасение, а аще конат худ, то кораблю и людем в нем сущим, явная погибель.

И буде и ныне конаты из такой же плохой пенки делают, то не по что якорей и метать в воду, но лутчи пускатися по ветру.

Еще же надлежит ми донести и о посошной работе[185]. Которые присылаютца з городов в Санкт-Петербурх на тримесячную работу, такожде и во иные места пришед, работают по три месяца, а работы их видеть нечево и смотреть на ту их работу моркотно[186], потому что гонят день к вечеру, а не работу к отъделке.

А аще бы и то исправить сицевым порядком. Выбрать к тем делам правителей добрых, кои бы не алтынники[187] были, и приказать им осмотривать разумно и сметить, колико на коей работе тримесячные работники в бытность свою зделали. И новопришедшим работникам ту работу объявить и неколикую часть к тому и приложить, по делу смотря, и сказать им так: «Аще толикое число зделаете, хотя в один месяц, то и отпущены с троемесячные работы будете». А зделав урок, хотя на государеву ж работу наймуться, хотя по мирским работам будут наниматца, а буде не похотят наниматца, то шли бы в домы своя.

И тем управителем сказать указ за жестоким штрафом и с наказанием, чтобы аще в один месяц ту тримесячную работу отъработают, то ничего бы с них не брали, и не волоча их ни дня, и отъпуск бы им чинили. И аще так уставитца, то крепко мочно надеятца, что многия будут тремесяную работу в один месяц отъработавать.

И кои работники урок свой отъработают, хотя скоряе месяца, а отъпуски давать им тремесячные, потому что они тремесячную работу сроботали. А естьли во отъпуске тремесячные работы не

отпускать, то отъкуда они посланы, станут на них данных им денег спрашивать назад.

И буде и не все коего города работники, но отъберутца артелью и помесячную уреченную им работу отъделают, то тое артель и отъпускали бы без задержания, и, на то смотря, будут и другие работники поспешать. А кои не похотят уроками делать, и те пусть все три месяцы работают. И аще тако устроитца, то всякия дела поспешнее будут отъправлятися.

И буде въпроки тако устроит, то всем работникам охотнее будет на работу ходить и дела будут отъправлятися поспешнее, потому что, отъделав свой урок, будут хотя на той же работе из найму работать.

И не токмо во одних черных работах надлежит учинить, но и в художных делах, как в руских, так и во иноземцах, надобно также учинить, чтобы всякая работа давать им уроками ж.

А месячное им жалованье надлежит отъставить и давать по заделию коегождо их, то всякия дела скоряе будут делатися.

Видел я в Оружейной полате, при сиденье Алексея Александровича Курбатова[188] иноземец принес фузею, к которой делал он деревянное ложе гладкое, ни резей, ни костей в него не сажено, а делал он то ложе четыре месяца, а на всякой месяц шло тому иноземцу едва не выше ли десяти рублев.

А естьли бы отъдать то ложе з договором, то взяли бы от него рубля полтара или бы и сорок алтын и зъделали бы дня в два или и три, а не в четыре месяца. И Алексей Александрович вельми на него кричал и говорил: «Ложе де болши дву рублев не стоит, а пришло де оно штидесят рублев».

Иноземцы все не пекутца, чтоб ему поскоряе зделать, но паче о том пекутца, како бы им подоле протянуть; иноземцы все ни о чем так не пекутца, как о месячных денгах.

А и в зборе царскаго интереса не весьма право деяться, ибо покушаются с одного вола по две и по три кожи здирать, а по истинной правде не могут ни единые кожи целые содрати и елико ни нудятся, токмо лоскутье содирают. И в том ц. в-ва интересу повреждение чинитца великое, понеже хощут изълишную пошлину взять, да в том и истинну всю истеряли.

Ибо по Торговому уставу, в котором городе товар какой собирается, то повелено с крестьян пошлины брать по пяти копеек с руб-

ля, а кто собирает, то с тех велено явочных з денег[189] по пяти денег с рубля да отъвозных по пяти ж денег с рубля, итого станет по гривне с рубля. И куда тот товар отъвезут и продадут, то паки с продажи берут по пяти копеек с рубля, итого станет по пяти алтын с рубля[190].

И ныне въместо тех пяти алтын с иных товаров не по денги с рубля не сойдетца, потому что многие покупают у себя на дому, а иные покупают, отъехав, в деревнях. И тако первая пять копеек, коя бы надлежало взять с крестьянина, и пропадает, а тот купец продаст кому тайно ж, и то и другая пять копеек пропадет и тот второй купец, привезши в свой город тайно, в свою лавку или и по иным раскладет. И тако в мелкую продажу он изойдет, то и третия пять копеек пропадет.

А буде кто какова тавара не может тако тайно учинить, то он возмет выпись[191] на свое имя, и кто у него купит, и тот по той чужей выписи и повезет. И буде удастца продать безъпошлинно, то тое выпись назад отъвезут и как ни есть с тем бурмистром сладятца, да и выпись о земь. И того ради многие отъпускных выписей и в книги не записывают.

А буде кто тайно товару своего продать не может, то токмо одну пошлину заплотит по пяти копеек с продажи, а та вся пропала.

А буде кто и тайно изъбудет, а откуды тот товар поднят, нелзя платежной выписи не явить, то возмет он платежную выпись где в малом городе или в селе, где тот товар никогда не бывал, и цену напишет малую. И с той малой цены возмут у него по договору с рубля и по две копейки, и с правдивыя продажи егда и по копейки с рубля сойдетца ли.

И тако въместо многих разных пошлин пятикопеечных ни полу одной пятикопеечной пошлины не сойдетца, но въместо пяти алтын едва сойдетца ли и по копейки с рубля. И того ради нелзя и быть зборам пошлинным великим, потому что вся пошлина на перевод идет.

И ныне многие вымышлиники, хотя зборы пополнить, вымыслили поземелные, подушные, хомутные, [приколныя] с судов [водяных], посаженные, мостовые, пчелные, банные, кожные, поносовщилные и с подвотчиков десятые, и называют то собрание мелочным събором[192]; обаче ни теми поторжними зборы наполнитися казна может, токмо людям турбация великая, мелочной збор, мелок он и есть.

Еще же к тем мелочным зборам приложили и иной збор, иже и ему весьма неприличный. Такому великому монарху и на весь свет славному и великому императору собирают ему на нужныя расходы со всякого збору по деньги на рубль. И сей збор паче всех зборов моему мнению противен, понеже царь наш всесовершенный самодержец и не токмо от своих рабов, но и от иных своих соседей скуден быть не может. Он, наш государь, подобен Богу, еже возхощет, может сотворити и казну свою может со излишеством наполнити и никакая нужда денежная коснутися его не может.

По моему мнению, вси вышепомянутые древняго уставу пошлинные многоплодны зборы и нововымышленные зборы мелочные отставить, да уставить един самый царственный праведной збор, иже до Христова воплощения уставленный, то есть десятинный, еже имать пошлины по гривне с рубля, а не по пяти алтын. И учинить бы тот збор постоянный и недвижимы и никогда ненарушимый, чтоб со всякого товара взять пошлина единажды по гривне с рубля и уже бы с того товара в другой ряд или в третей отънюд бы ничего нигде никогда не имать.

Аще кой товар того года и не продасся, но продасся в другой год или в третей, то бы уже с того товара другова платежа с тоя цены, с коей прежде заплачено, никогда бы ничего не имати.

И аще тако Бог устроит, то людям будет покойно, а ц. в-ву собрания пошлинного, не могу надежно рещи вътрое, и въдвое гораздо настоящаго збору будет болши.

Ныне от тех многих зборов люди приходят во оскудение, потому что колико разных зборов есть, толико и бурмистров, и у всякого бурмистра целовалники и ходоки особливые и кои люди в службы выбраны, те уже от промыслов своих отъбыли и кормятца теми ж государевыми зборными денгами. И того ради никакие зборы и не споры, а люди все тонеют, ово от множества служеб, ово жь за преступление крестнаго целования и чрез присягу делают неправду, денги зборные крадут, тем себя и питают и ради клятвопреступления не споритца им.

А егда службы свою отъслужат, то приказные люди станут их щитать да щипать и в том отхчоте год иль два проволочат, и тою волокитою и до конца разоряют их.

И, мне мнитца, лутче всяким служителем учинить указное определение, чем им питатися, дабы им в клятву не впадати, и питатися

бы благословенным кусом[193]. Такодже и приказным людям надлежит указ же учинить, по чему с какова служителя имать, дабы всякой человек своим благословенным кусом питался.

Сие моему мнению велми прикро, что бурмистров и целовалников выбрав в службу, да ко кресту принуждают и клятвами великоми заклинают, чтоб ни малому чему государеву не коснулся, а выбирают в целовалники самых бедняков, то как ему правда делать, что естьли ему не украсть, то и хлеба добыть ему негде. И тако вси в грех въпадают, те служители от нужды касаются краже, а другия ведают, что и первого дня без кражи не пробудут, а ко кресту принуждают.

А егда увидят чье похищение, то пытают и кнутом бьют и домы их разоряют, а за преступление клятвы и на том свете будут мучитися. По моему мнению, буде за всеми служителями смотреть и наказание чинить им, то лучши клятва отъставить, а буде клятвы отъставить не мочно, то наказание отъставить и отдать ево на Божей суд.

И буде крестного целования не отъставить, то надлежит у крестного целования спросить ево с запискою, чем он у того дела будучи, будет питатися, может ли своим кормом прокормитца. И буде скажет, что прокормитца ему нечем, то определить ево кормом, чтоб ему было чем питатися. И буде кто за определенным питанием зборным денгам коснетца, то уже жестоко надлежит ево наказать. И того ради весьма потребнее крестьное целование и всю клятву уставленную отъставить и учинить яко бурмистрам, тако и целовалникам указное хлебопитание.

И по всему сему лутчи, мнитца, крестное целование и клятву всю отъставить и учинить одно наказание, ибо полно ему и тово, что за вину свою на сем свете отъмучится, а на оном свете будет уже от тамочного мучения свободен.

В пошлинах видитца велми пристойнее с продаваемого товара имать единожды, ибо и с вола едина кожа содираетца, подобне и наказание человеку за вину надлежит учинить едино ж, либо человече либо Божие.

А и о соляной продажи, мнитца, быти не вельми ж делно учинено, еже быти ей в продаже ц. в-ва, но велми пристойнее быть ей в свободном торгу[194], а въместо продажные прибыли положить на всякой пуд, коя пойдет в продажу, пошлины по гривне на пуд, а не з денег. И где в какову цену ни купитца, хотя где в алтын или

и и трои пуд, обаче имать с нее по гривне с пуда или болши или менши, по колику его и. в. повелит имать с пуда.

И брать бы та пошлина на кореню, отъкуда она в розвоску пойдет, но со всякия ладьи сойдет пошлины по десяти тысяч рублев или и болши, такожде и з бузуну[195] и с поморки. И где бы был ее пуд по копейке, а пошлина единаче имать с пуда по определению установленному. И всякому купцу давать из тамошни ярлики свободные, чтоб ему не токмо в городех, но и в деревнях, в руских и иноземских и зарубежных, продавать свободно и пошлины с нее нигде никакой не имати. То тот сбор будет всегда цел, ни вода ево не потопит, ни огонь пакость тому збору не учинит, и буде где соль потонет иль сгорит, а царской казне ни малого помешателства не учинит.

И аще соли звободной торг будет, то многия тысячи людей будут от нее кормитися благословенным кусом, а не проклятым, понеже без кражи будут прямым своим трудом питатися. И аще соль нынешняго и дешевле будет, обаче многие люди и розбагатеют от нее и люди от безсолицы цынжать и безвремянно умирать не будут.

А ныне в деревнях такую нужду подемлют, что многия и без соли ядят и, оцынжав, умирают. И от задержания соли во иных местех выше рубля пуд покупают, да и то не въсегда, и от такой безсолицы напрасно люди помирают.

А аще бы незаперта она была и был бы торг ей свободной, то нигде бы без соли не было, а в казну бы его и. в. денги бы шли чистые с тысячи пуд по сту рублев, а ни бурмистров, ни целовалников, ни надзирателей к той соли не надобны б были. Ни водяные суды, ни кладовые анбары, ни работники, ни проводники, ни канаты, ни якори, ни иные какия припасы и подводы под нее ненадобны б были, но одна бы таможня управила, и то, токмо в тех городах, где тое соль купцы рознимать будут.

А где ее купцы с розновеску продавать будут, то там нималого збору не надлежит с нее имать и записки уже никакой ей ненадобно, кроме тое, отъкуда она поднята и в розвоз повезена.

А наипаче там ее надлежит записывать на кореню, где она сварена, тамо надлежит две записки иметь, едина выварная, а другая розвозная, и о самосатке то ж чинить.

И торговые промышленники, купя ее, куды похотят, туды и повезут, и хотя где какая и шкода ей будет, то все их, а государев збор всегда будет цел. А люди по нынешнему от безъсолицы цынжать

и безвремянно умирать не будут, потому что торговые люди по деревням сами возят и не токмо на денги продают, но и на хлеб и на скотину и на всякую всячину меняют и в долг отъдают.

А государевы купчины и бурмистры без денег ни на одну копейку дадут, а се и не везде ее продают и кому купить ее, ехать верст сто и другое иль и болши. И того ради крестьяня, кои маломочны, все пропадают и аще и многие от безсолицы помирают, да никто о том великому государю не донесет, а судьи хотя и ведают, да о том они не пекутца, чтоб люди все целы и здоровы были.

И в тех соляных зборех в бурмистрах, и в целовалниках, и во управителех, и в работниках, и в надзирателях тысяч пять-шесть или и болши есть, а вси они, бутто черви точат тое же соль и пищу себе приобретают от тоя ж соли.

А естьли бы та соль в свободном торгу была, то бы все те люди были промышленниками и питались бы от своих трудов.

И о сем мочно и сличитца, колико от соляной продажи приходит прибыли и колико на всякия расходы расходитца и за всеми росходы колико чистых денег останетца и колико пуд весом в год ее в продажу исъходит. И естьли со всей продажи объложить по гривне с пуда имать пошлины, то по исчислению пудов явно будет, колико тех гривенных денег будет. Я чаю, что не менши продажные прибыли будет, а въстани гораздо менши будет, а люди сытее будут.

И вышеявленной с соли пошлиной збор и с протчих товаров по вышепредложенному регулу надлежит уставить уже неподвижным. Еже бы брать пошлина всякая по вышеписанному на кореню, то все те зборы управит одна таможня. И отъкуду какой товар кто ни станет поднимать и по чему он будет тут на торгу куплен, или на дому у себя, или и в деревню отъехав, обаче по прежнему уже пошлины утаить нелзя будет, почему он ни купит, а пошлину дает полную, по гривне с рубля. И уже ни коими делы отъбыть от платежа невозможно будет, потому что без платежные выписи нелзя ему никуды того товару повести, того ради, что аще без платежные выписи куды он ни поедет, то взят будет тот тавар на великого государя безповоротно. А буде кто и кроме таможенных бурмистров и целовалников, какой ни есть человек уведает, что везет кто товар какой без платежные выписи и поимает ево, то ему ис того товару за поимку надлежит дать десятая доля.

И такова ради страхования никто, не объявя, своего товара никуды не повезет.

И егда кто товар будет ладить к отъпуску, то где б он ни был куплен, то объявит ево таможному бурмистру. И бурмистру того товар осмотреть имянно и весь тот товар весом и щетом и с ценою написать подлинно, такожде и у себя в закрепленную тетрадь записать подлинно ж, колко коего товара и насколько ценою и колико числом денег пошлинных с него взято. Такожде и в выписи писать имянно ж, колико пошлинных денег взято, а по прежнему отънют не писать, что взято по указу, но не токмо рубли и денга взятая писать имянно, чтоб всякому взятью прямое изъвестие было.

А буде у коего купца в то время пошлины заплатить нечем, то в платеже взять порука добрая и знатная и въместо записи руки поручикам прикладывать в закрепленной книге. И кто выпись возмет под запискою в той книге росписывались бы иманцы имянно, а без записки и без росписки отънюд бы не давали выписей.

И буде кой купец у подъему своего товара пошлинных денег и не заплатит, обаче в выписях того долгу ни доимок не писать, но писать, что пошлина взята толико то числом, а долги и доимки и поручиков в платеже писать у себя им в таможенных книгах или и заклад брать для того, чтоб по прежнему пошлинных денег на перевод не переводить.

И отъпуская товар, кой мочно пятнать[196], то весь тот товар перепятнать таможенным пятном. А буде кто соберет скота, быков иль коров, то на всякой скотине на правой бедре выжигать цыфирными словами число рублям, колико за кою скотину дано рублев, а колико за рублями копеек лишку, то теми ж цыфирными словами выжигать на правой лапатке. А коя скотина куплена ниже рубля, то личить копейками и выжигать такожде на правой лопатке.

И у лошадей такожде цену выжигать — рубли на правой бедре, а копейки на правой лапатке.

И за таким порядком нелзя будет ни единыя скотины, ни лошади, не заплатя пошлины и не запятнаной, ни продать, ни купить. И отъпуская ту скотину, бурмистрам писать в книгу имянно, колико какой скотины и коей что цена, а лошадям и годы писать и приметы.

А буде кто, накупя скота, погонит, не запятнав, то, аще и сь выписью погонит, взять вся та скотина на государя. И где тое скотину запятнанную на городе или и в деревне продаст и что возмет

сверх покупной цены, и с того перекупу взять пошлины с рубля по гривне, а с покупной цены отънюд не имать ничего. И буде кто и купит и, купя, продаст иному, хотя въскоре или годы два-три и съпустя, то брать пошлина с перекупу ж, а с первые плаченые цены отънюд не брать ничего.

И с тем товаром или с скотом в какой город приедут и платежную выпись[197] объявят, и тем бурмистрам ту выпись и въписать в закрепленную книгу подлинником и товар против выписи осмотреть и, буде съходен, велеть продавать и, что возмет сверх покупной цены лишку, и с того перекупу брать пошлины по гривне с рубля. А буде по той же цене продаст, то не имать с него ничего, токмо подъячему от записки дать копейка, да от списка две денги дать.

А буде явитца у вещаго товара у ста пуд лишку пуда два-три, то с того излишняго товара взять пошлина по указу гривенная. Також-де и в мере, буде у ста мер явитца примеру меры две иль три иль меньше и с того товара излишнего взять по гривне ж с рубля.

А буде же привесу иль примеру иль прочету явится болши трех мер, то взять на государя. А буде кто купит что тайным обычаем безъпошлинно, то у купца товар, а у продавца денги, кои он взял за неявленной товар, взять на государя да, скиня рубаху, бить их обоих батоги нещадно и вину их, за что биты, записать в книгу. И буде кто из них в другой ряд явитца в такой же вине, то взять у купца товар, да штрафу толикое же число, колико за товар дано, а у продавца денги сугубо взять, да обоих кнутом бить по колику ударов уложено будет.

А буде же продавец, продав беспошлинно, да принесет свою вину и объявит, что купец купил у него беспошлинно, ведая, то продавец свободен будет от вины, а у купца взять тот товар на великого государя со штрафом.

А буде же купец о том деле на продавца известит, то у продавца взять взятые денги со штрафом, а купец свободен.

А буде ни купец, ни продавец не объявят, что у них торг сошолся тайно, а со стороны доведет[198] на них, то потому ж взять денги и товар со штрафом, а доводчику дать ис того товара десятая доля, а продавцу и купцу наказание чинить вышеявленное, да на них же доправить те денги, что довотчику даны будут.

А буде кто, купя товар, или и свой домашней повезет на продажу, не записав таможне и выписи не взяв и пошлины не заплатя, или

пошлину и заплатил и выпись взята, а товар не запятнан или и запятнан, да не весь, то запятнанной продавать, а незапятнанной взять весь на государя.

И где на дороге или в селе таможенные целовалники спросят выписи, а у него выписи нет, или и есть, да товар или скот не запятнан, то тот товар, кой не записан или не запятнан, взять на великого государя безповоротно и колико ево будет, записав, продавать охочим людем, а денги записать в таможной збор.

А буде кои бурмистры или целовалники, видя товар какой или и хлеб какой везет без выписи или незапятнанной, а он не возмет того товара на государя, то на тех бурмистрах или на целовалниках доправить штраф сугубой и наказание чинить сугубое ж.

А которые товары собираютца к отъпуску за море и в Китай и в иные зарубежные страны, то и с тех товаров такожде пошлина брать по гривне ж с рубля на кореню ж, отъкуду тому товару отъпуск будет. И та пошлина брать вся же сполна и выписи давать им платежные ж, чтоб и на порубежных торгах с той цены, с каковые платил на кореню, не брать бы ничего ж.

А егда кой товар сторгуют иноземцы во отъвоз за море или и не за море, да за рубеж, то въместо всяких поборов взять пошлина отъпускная с коробелных машт по прежнему городскому окладу: по десяти рублев з дерева, с пенки трепаной и со лну з берковца[199] по три рубли, с смолы и с сала по четыре рубля, с юфоти з берковца по пяти рублев или по чему мочно положить, а с хлеба по рублю или по полтине з берковца ж. Такожде и на протчие товары, что ни будет разных материалов, по рассмотрению наложить на всякия мелочные поборы особливая отпускная пошлина, кроме той, что при подъеме того товара на кореню платили с покупные цены. А с железа связного[200], кроме настоящия пошлины, накладные не накладывать[201].

И по чему с какова товара объложено будет накладные пошлины имать, то надлежит всем купецким людям объявить, чтобы они про ту накладную пошлину ведали и, торгуясь со иноземцами, прикладывали б ту накладную пошлину к истинной своей цене, чтобы им в том пошлинном платеже изъяну не было. А буде кто продаст товар свой без приставки тое накладные пошлины, то та пошлина доправлена будет на продавце сполна.

Такожде кои товары прежде сего иноземцы покупали в городех или токмо о цене с тамошними жителми смолвились и с тех това-

ров по уставу брать настоящая пошлина с рубля по гривне при отъпуске на кореню ж сполна.

А с отъпуску за море и за протчие рубежи накладная пошлина имать со всех товаров сполна ж по окладу без уятия неизменно. А буде кто руской человек или и иноземец каким вымыслом привезет из руских городов какой-нибудь товар без платежные выписи, то тот товар без всякия отговорки взять на него, великаго государя, безповоротно и продать охочим людям. А на нем за вину взять протоможье[202], толикое ж число, чего тот товар стоит или как о том уложено будет.

А буде у кого от зарубежския продажи останетца какова товара и похочет он тот товар продать руским людям, то взять с того товару токмо с перекупу, а накладные пошлины уже не брать. А буде, купив кто про себя, продаст иноземцам в отпуск за рубеж, то неотложно взять накладная пошлина по указу сполна сверх настоящия гривенные пошлины с продавца того, кой, купя про себя, продал за рубеж.

А буде кои и руские люди похотят какой-либо товар вести за рубеж сами, то и с тех товаров такожде брать пошлина накладная неизменно сполна.

А и питейной збор, по моему мнению, весьма неисправно деятца и оттого царскаго интереса много тратитца: первое, что бурмистры живут в тех службах непрочные, но на киждой год переменные, другое, что убор питейных покоев плох и питья держут самые плохие, третие, что цена питью одному обретается разная. Вину имя одно, а ценою продают разною, в том городе тако, а в другом инако и кийждо город особливую цену имеет. Обаче и та цена непостоянна, но на кийждо год изменяют, а иное и дважды в году изменят и то стало быть непостоянство.

Царь наш не купец, но самодержавный повелитель, как чему повелит быть, тако и подобает тому быть неизменно и нимало ни направо, ни налево неподвижно. Яко Бог всем светом владеет, тако и царь в своем владении имеет власть и по его царской власти надлежит всякой вещи быть постоянной и похвалной и чтоб яко меры везде равные, и цене подобает быть равной и никогда неизменной, како в хлебородном году, так и в недородном. И какова цена вину в безхлебном месте, тако подобает продавать и в самом хлебном месте, ни питья не изменять, ни меры, ни цены не нарушивать, но иметь все невредно.

А и бурмистры переменные весьма неправо, потому, аще коему бурмистру прилучитца и не впервые на кабаке быть, то он буде и ведает, что ему надобно, обаче исправитися прямо не может.

А кой бурмистр въпервые сядет, то он везде потеряет, не знает, колико чего ему надобно припасти, и купит все в передачу[203] и где было найтить, а он тут потеряет.

А аще бы бурмистры были вековые, то бы нигде он не потерял и лишку бы ни у какой покупки не передал, но всякие припасы покупал во время дешевости. А мед кой год случится дешев, то мог бы он и на другой год или и на третей запасти. Такожде и посуду, какая к тому делу потребна, припас бы ее во удобное время и ни у каких бы припасов лишку не передал бы, знал бы он, что куды ему надобно.

И для того исправления надлежит в бурмистры выбирать людей не весьма богатых, но средние статьи, токмо разумных и правдолюбивых и в делах проворных и кои бы были не пьяницы, и чтобы всем городом положили на них свидетельство, что они люди добрые и радстелные и правдивые и со управления такова дела их будет.

И, выбрав таковых людей, учинить им жалованье городовое и, буде сверх настоящего збору неусыпным своим радением приберут излишнее, то за тот прибор дать ему сверх ево окладу со всякого приборного рубля по гривне. И те денги за излишней прибор [по гривне с рубля вычитать им из своих зборов, и тот свой прибор] имянно записывали бы в книгу и что кому выдет гривенных денег, записывали бы прямо. Такожде буде и целовалник кой у отъмерянного ему на год дачу питья сверх продажные цены принесет излишнее, и ис того лишняго числа давать им за их раденье половина. И те излишние примерные денги в настоящей книге записывать подлинно, и что из них дано целовалникам, тут же под статью записывать неотъложно.

И бурмистрам настоящее свое жалованье, кому каково обложено будет, имать бы им по вся годы самим из своих зборов и записывать в росходную книгу имянно.

А буде им за жалованьем своим ходить за судьями и за росходчиками по нынешнему, то уже правде быть нелзя, для излишных росходов будут лгать.

И в таковом управлснии велми питейные зборы будут споры, потому что ни у чего передачи не будет и истери излишнее никакой

не будет же и ничего он непрочно делать не будет и что им в жалованье достатца, возвратитца с лихвою. Я чаю, что из одного прикопу выберут свое жалованье, а настоящия питейныя денги все будут целы и всякое дело будет у них споро и прочно.

Паки и от сего интереса ц. в. гинет много, что помещики збору казны его и. в. не помогают, но еще и препятие чинят. И в коих пристойных местех по его и. в. указу повелено кабаки построить и собирать бурмистрам и целовалникам питейную прибыль и где уже построены были, помещики раззорили и зборы остановили. Василей Дмитривичь Корчмин[204], аще и добрый человек и великому государю верной слуга, обаче и он в сем велми похрешил, ибо в Волонецком погосте до его владения была питейная стойка построена и рублев по сту и болши на кийждой год на ней собиралась, а ныне приказной ево человек с питьем в ту стойку не пускает и в государеве погребе ставит свое питье и от того у великаго государя рублев по сту и болши пропадает. А иные помещики и такия есть, что и целовалников бьют и питье отънимают и посуду разбивают и по такому их озорничеству стали они быть государю своему противники, а не слуги. Чем было им государю своему радеть и в собрании казны чинить спожение, а не остановку, то они бедные забыли, что самою истинною земля, коя и под ним сам, не ево, но великаго государя, а и сам он не свой, но его ж величества, а страха на себе ни малого не имеют. И такое препятие чинитца в мелких помещиках, а о силных лицах и спрашивать нечего. Те и ногою ступить на ту землю, коя под его времянным владением, с питьем государевым не пускают. И в болших своих вотчинах построены у них свои кабаки и называют их кваснями и под именем квасни продают явно пиво, а вино продают потаенно.

А питейная прибыль самый древний интерез ц. в-ва, а не помещичей. И аще всесовершенно у всех помещиков самовластво их отьнять и во всех вотчинах по пристойным местам построить кабаки, то прибыли питейные тысячь по сотнице или и болши в год прибудет.

А буде же по прежнему его и. в. указу вино дворянам курить запретить и клейменые кубы и котлы отъставить, то, чаю, что по двести или по триста тысячь рублев на киждой год прибудет у питейной продажи.

А буде кто самой сильной человек будет просить, чтобы их квасни не розорять и торговать бы пивом им на себя, то повелеть годы

ни два три посадить за питьем верных целовалников или бурмистров, и что они соберут, то впредь мочно из наддачи и им на отъкуп отдать и брать с них отъкупные денги по договору с торгу, а чтобы по прежнему самоволством им своим владеть отнюдь не давать, понеже под всеми ими земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время. Того ради царю и воля в ней и вековая, а им меншая и временная и не токмо питейною и продажею им самоволно владеть, но и землею без платы не можно им владеть. А буде кто похочет питьем владеть, тот да даст с питейные продажи откуп с волного торгу, понеже промыслы суть царскаго интереса, и того ради никому въступатись в не не надлежит.

А дворяня и мелкия статьи многия, накуря вина, в деревнях своих продают, а иные, и в городы привозя, продают и тем питейной збор велми повреждают. А естьли клейменье отъставлено будет, то и продажи у дворян винной не будет.

А чаю, что не худо бы и таможенных бурмистров жаловалных же учинить, то чаю, что и у них прибылнее зборы будут. И всякое попечение положить уже на них, да на магистратов и на земских бурмистров, и чтоб земские бурмистры над всякими зборы надзирали и по окончании года они бы таможенных и питейных бурмистров и целовалников щитали и росходы бы их все сличали, чтобы тем вековым бурмистрам по нынешнему от приказных людей излишные турбации[205] не было.

А целовалников земские бурмистры ко всяким зборам выбирали б погодно. И буде кой целовалник радетелен явится и в деле своем проворен будет, то и целовалника того мочно жалованьем определить.

И аще годы три-четыре в целовалниках радетельно послужит, то уже может он и бурмистерскую службу служить.

И как что тем бурмистрам управлять надлежит, дать им пункты с полным расположением и о ведомостях определение учинить им прямое, без чего быть не мочно, писать в ведомостях надобно, колико в коем месяце собрано казны какой и колико в расходе и колико налицо.

А колико от месяца в месяц осталого питья и что тому оставшему питью истинная или продажная цена, то самая излишная турбация бурмистрам и прямому делу помешателство. И ныне и от недели в неделю пишут остатки и от того иного ничего нет, токмо питью

в перемерах истрата и писцам лишняя плата, а все идет из государевы ж казны.

По моему мнению, в ведомостях надлежит писать месячные одни перечни камерирам[206], чтоб им известно было, колико в ком определении казны собрано и колико в расходе и колико налицо. И таковыми ведомостями мочно управитися на трех строках, а не на трех листах.

А камерирам надлежит те переченки, собрав, отсылать веденис в камор-коллегию и въместо ста ведомостей послать токмо одна ведомость на одном листу. И в таковых ведомостях яснее будет зретися, колико где собрано и колико в росходе и колико налицо, толко три статьи нужно в ведомостях писать.

И в нынешних ведомостях бурмистры паче збору пекутца о ведомостях, да и нелзя им не так делать, потому что приказные люди с притужанием на них того спрашивают, чтобы в ведомостях писали имянно, колико в неделе какова питья продано и колико какова в другую питья неделю осталось и на сколко ценою. А егда месяц пройдет, то паки все водки сличают и в таковых ведомостях бурмистры же, оставя дело, да за ведомостями трудятца.

Такие ведомости надлежит писать годовые, ради подлинного известия и ради щоту после года, а не по неделно. Надобно то писать, в чем ему, великому государю, прибыль бы была умножалась же и собранная казна даром бы не тратилась.

А буде кой бурмистр не против данныя ему инструкции что учинит, то учинить ему штрафование великое и з наказанием и з запятнанием, как о том уложено будет.

А буде ж учинит похищение государевы казны, то аще и не смерть, а по наказании положить ему на лице клеймо, еже быть ему при армии вечно в черной работе.

А и земским бурмистрам нелзя быть без штрафа, дабы въпред таковых не выбирали.

А кои люди в купечестве, тех бы богатыя к зборам в бурмистры отънюд не выбирали, но надлежит им торговать и с торгов своих пошлина платить.

А буде у коих людей есть промыслы болшия, а денгами недоволны, и ради разширения того своего промысла востребуют денег взять ис прибыли, то, смотря по промыслу, давать сот по пяти, шти и по тысячи и болши, чтобы промыслы купецких людей расширялись и промышлиники б богателись.

И о таких дачах послать во все городы указы, чтобы торговым людям, у коих заводы промышленные есть, земские бурмистры из ратуши своегородным людям на промысл давали бы денги, по промыслу их смотря, ста по два-три.

А буде у коих людей заведены заводы болшие суконные или полотняные или бумажные или стеклянные или зележные или и иные, подобныя сим, то таковым, буде они люди добрые, а не замоты и промышленники прямыя усердные, то для разширения промыслов давать и по тысячи рублев и болши.

И в тех дачах крепостей у крепостных дел не писали б, но записывали бы в закрепленную книгу, чтоб никакого излишняго расходу емлющим денгам не было, потому что он на денги даст на всякой год процент по определению уставленному. И в тех денгах иманец бы росписался и под его рукою подписались бы порутчики. А буде дадут без расмотрения того иманьца и взятые денги он изгубит, то гибель тех денег взыщется не токмо на порутчиках, но и на всем городе.

И, мнитца, з больших промыслов болши шти рублев на год не надлежит имать, потому что у болшаго промыслу множество людей питатися будут и то станет быть пополнение царственное.

А буде кто похочет взять на перехватку для покупки товара на месяц иль на два или и на три, то надлежит имать со ста рублев и по рублю на месяц.

И тех прибылных денег никуды б не отсылать, только отсылать в то место, в коем году в котором городе колико тех денег собрано будет. И тех прибылных денег без подлиннаго указу, из камор-коллегии присланного, никуды не отпускать, но токмо отдавать их на перехватку на малыя месяцы.

И аще изволение ц. в-ва произыдет, что бурмистрам быть жалованным, то надлежит выбирать их из средние статьи; богатому аще дать на год и пятьсот рублев, то он так не услужит, как молотчей и изо ста рублев.

Богатой аще и у збору какова будет, то он болше попечение будет имать о своих собственных промыслах. А у коего болших промыслов нет, то он весь тут будет и о ином не будет много мыслить, но такмо то и на уме будет, како бы ему управить врученное ему дело.

О снискания питейные прибыли[207] мое мнение тако лежит, еже бы во всех порядках новостно учинить.

Подрядчикам велеть вино ставить во все городы неизменно самое доброе, чтобы из трех золотников[208] выгорал целой золотник, а просто молвить, чтоб в отъвесе третья доля выгорала, а две доли б в вексе оставалось. А жечь одним запалом, из весовой чашки не выливая, и чтобы то вино было самое чистое, чтоб в хрусталном стакане сосуде светлости не замутило и запаху б пригарного в нем не было.

А и винное ведро лутчи поправить и зделать ево пространнее, чтоб вина доброго входило в него тритцать фунтов. И егда подрядчики к отъдаче вино привезут и коя бочка по пробе будет годна, то прикинуть ее на вес и после порожжая бочка вывесить, и за вывескою явно будет, колико в коей бочке вина было. И в таковом порядке у отдачи не будет вину никакой росточки и принимать будет поспешно и неработно. Одним днем мочно бочек сто принять и отъдадчику будет спорее, потому что ни чанов, ни ушатов, ни ковшей мазать вином не станет и никакой росточки не будет.

А и продажная вину цена положить бы не по подрядной цене смотря, но по самому изволению ц. в-ва. Древней обычай был вельми неправилен, что буде подрядчики дорогу цену вину поставят, то дороже и продавали, а буде подрядчики возмут дешевле, то дешевле и продавали. И по такому уставу стали быть уставщики цене мужики, а не судьи, а по здравому разсуждению надлежит вину цену уставливать царским указом, а не мужичьим уставом.

И ради такова порядка во всех городех цена несогласная и тот устав, о моему мнению, был вельми противен ц. в-ва самовластию.

Вину надлежит в продаже быть цене единоравной и неизменной, чтоб она была во всех городех ровная. И аще во всех городех цена вину будет едина и вино везде будет равное, то и збор питейной вельми будет прибылен, потому что из города в город вина по прежнему возить не станут, но куды приедет, тут и купить будет.

А по самодержавной власти его и. в. надлежит во всех российских городех и в селех и в деревнях, кроме Сибири, цена иметь продаже неизменная, какова в Санкт-Петербурхе, так и в Москве, так и во всех городех и урочищах. А буде у черкас цены поднять немочно, то надлежит укрепить накрепко, чтобы там никто не токмо ись купецких людей, но и дворянов и афицеры отънюд, купя у них вина и табаку, без указу в великороссийские города, ни в села, ни в деревни не провозили. И буде кто повезет вина болши ведра с собою, то тех штрафовать великим штрафом и с наказанием.

А буде кой бурмистр или целовалник испортит продажное вино и учинит ево ниже уставленные пробы или и у подрядчика ниже пробы примет, то оштрафовать ево великим штрафом и жестоким наказанием.

И аще тако уставитца и нерушимо будет стоять, то никто никуды вина возить с собою не будет, потому что везде будет вино ровно и цена одна. И того ради и зборы питейные во всех городех велми угобзатца, а людям провозного росходу будет менше.

А о продажной цене вину как воля его и. в. произыдет, тому никто неизвестен, а, мнитца, простого вина ведру цена мочно положить, еже бы в продаже быть ему по три рубли, а в розницу по четыре алтына фунт, и аще где подряд будет и по полтине ведро, а в продаже отнюд цены не збавливать.

А для совершенные верности в вине, чтобы воды не примешивать, у самих бурмистров и у целовалников во всех городех и в селех и деревнях во всех стойках учинить маленкие весочки на железных цепочках, чтоб мочно было в них вина или вотки, один золотник отвеся, выжечь. Да у них же бы были янбурскаго дела грусталные фунтовые или полуфунтовые скляночки самые чистые, одна с пробою за камерирскую печатью, а другая такая же простая. И буде коему купцу повидитца вино или вотка плоха, то взять то спорное вино в порожную склянку и поставить их с тою запечатанною склянкою и к свету посмотреть, и буде с тою пробною склянкою будет сходна, то нет в ней примесу, а будет свет с пробною склянкою не сходен, то примесь есть. И буде тою пробою не верно купцу иль целовалнику явитца, то для совершенного вероятия в вышепомянутыя весочки влить того спорного питья весом против трех проб. И буде у вина выгорит одна проба, то нет примесу, а у водки буде выгорят две пробы, а от выгару останетца одна проба, то в водке той примесу нет же, а буде вес так не придет, то есть в нем порча.

И то освидетельствованное вино иль водку, запечатав, отънести к камериру и за тот примес чинить наказание жестокое, как о том уложено будет. И за таким порядком никоими делы ни в вино, ни в водку воды иль чего иного будет невозможно примесить.

И аще тако устроено будет, то, я чаю, что тысячь ста по два-три и болши в год при нынешных сборах излишние прибыли будет. И тая прибыль и в первом году означитца, а въпред, чаю я, что и гораздо болши будет, а люди трезвее будут.

Я не знаю, что многие судьи стараются о том, что питье было дешевле и чтоб пили болше, а того не разсудят, что у трезвых людей во всех чинех и во всяких делах всякаго исправления болши, а у промышленных промысл гораздо будет болше. А у пьяных людей и у приказных все неспоро, а у мастеровых людей и спрашивать нечего, токмо от питья люди, а наипаче от заморскаго, в великое оскуднение приходят и царскому интересу препятие немалое от излишняго питья чинитца.

А что зделали дворяня, еже бы им котлы клеймить и пошлины с них брать с четыреведернаго котла по рублю на год, и донесли его ц. в-ву, бутто от того приходу будет збору пополнение казне и тем они государя своего оболгали. Сие мочно и всякому разуметь, что тут будет прибыли болши, естьли им вина не курить и судов винокурных не было бы у них и следу[209].

И тем клейменьем оныя дворяня вместо прибыли зделали ему, великому государю, убытку тысячь по десятку в год и болши, а себе к свободному винному курению ворота отворили. Ибо кто из них заклеймит котел, даст с него в год рубль, а годом выкурит вина ведр ста три или четыре, и буде продаст, то возмет за него четыреста рублев и тою продажею великому государю учинит за тот данной с котла рубль убытку в питейной продаже рублев сто иль болши в год.

И за тем клеймением свободно стало быть и не заклеймеными котлами курить вино. В Устрицком стану дворян сотня место, чаю, есть, а слышел я от устрицкаго камисара, что в ведомстве его клейменых толко три котла, а вино все рядом курит по лесам да по долам, а иные и по домам за именем клейменых котлов курят, ничего не опасаяся. И от тоя свободности питейные сборы весьма стали быть плохи.

А естьли клейменье отъставить и всякому воеводе послать из города подьячего с солдаты и росходчика з денгами и велеть у всех дворян котлы и трубы обрать на государя и по настоящей цене за медь денги заплатить, а олово и свинец и всякую грязь на огне выжечь, чтобы великому государю в том изьяну напрасного не было.

И всять у всех дворян сказки с подкреплением, чтобы им въпред посуды винокурной у себя отнюдь не иметь и, созвав людей и крестьян, сказать им явно, что люди их и крестьяне все ведали. Еже аще после обору у кого явитца винокурной куб или труба, то та посуда

пошта будет на государя, да на нем же доправлено будет штрафу двадцать пять рублев или что уложено будет, а на дворовых ево людях, колико в доме его ни есть за неизвет взято будет по 5 рублев на человеке, а на крестьянине по два рубли с полтиною на каждом человеке.

А буде коего дворянина дворовой человек или крестьянин, увидя у помещика своего винокурную посуду или трубу винокурную, да, шед, уведомит, то дано ему будет — дворовому человеку пять рублев, а крестьянину полтретья рубля, да от помещика свобода.

А для нужд их дворянских надлежит им учинить указ, еже бы брать им вина ведра по два иль по три на год, смотря по пожиткам или по чинам по подрядной цене, а для утечки и усушки приложить на ведро к подрядной цене по гривне или по две или как о том уложено будет.

Аще бо у дворян вина своего не будет, то и пить будут менше, и по городам и по корчмам развозить не станут и приказным людям или мастеровым за работу вином давать не станут.

Я не знаю, что в том благодати или что добра, что много пить или и до пьяна и людей поить. По моему мнению, ради здравия телеснаго полно человеку чарки[210] по три иль по четыре на день пить, то он будет бодр и здоров, а буде ради веселия, то мочно и еще толикое ж число приложить.

А безмерное питье ничего добраго не приносит, но токмо приносит ума порушения, здравия повреждение, пожитков лишение и безвременную смерть.

А аще кто непремолчно будет пить безвоздержно, то и всего себя погубит. И того ради всячески надобно подщатися, како бы пиянства из народа поубавити.

И аще великаго государя изволения будет, что дворянам городовым брать вино с кабаков по подрядной цене, то надлежит зделать им оклад, по колико ведер коим чинам в год вина брать по подрядной цене и тот оклад, написав, разослать по городам, описав имянно, коего города в уезде кои дворяня живут. И в тех городех по тем окладным книгам вино бы им по вся годы отпускали по подрядной цене, и буде кто похочет сверх того указного числа, то уже брать ему по продажной цене. И ради раздачи дворянам вина учинить во всех городех на болших кабаках бурмистрам особые записные книги и тое дачу записывать имянно с рос-

пискою и со свидетелством других дворян. И те свидетели к той записке во свидетелстве руки б прикладывали того ради, чтобы один человек дважды не взял.

И по окончании года в конце тоя книги написать всех и прозвания по чину азбучному, чтоб всякого дворянина сыскать мочно было без замедления, колико кой дворянин вина взял, и кто у него были свидетели.

И те подлинные книги отъсылать в камор-коллегию. И буде явитца кой дворянин сверх указного числа вино излишнее, то взять на нем штрафу за всякое ведро излишнее по 25 рублев, а на свидетелях по 5 рублев на человеке или как о том уложено будет.

А буде кой дворянин или и афицер, взяв указное вино и нелишнее, да кому продаст, то взять с него штраф надлежащей, а кто купил, и на том таков же штраф имать неотменно.

А буде же кто, купя вино, да даст вышшему того дела камисару, то взять штраф на продавце, а купивый от штрафа свобожден и вино за доношение отдать ему.

А буде подрядчик винной дворянин или купецкой человек продаст кому вина, или и в почесть даст, хотя приказным людям, или и в займы съсудит кого или примет у кого хлеб, да высидит ему вина, то за всякое ведро взять штрафу на нем по 5 рублев, да ему ж учинить наказание, как о том определено будет.

А водки продавать самые нижные цены по шти рублев ведро, а фунт по две гривны, а средние по полуполтине фунт, а крепкие аптекарские водки[211], цефаликовая и апоплетиковая, коя строится в 20 проб, по полтине фунт, а с сахарною приправою россолис спирд миллии алексир ведериги и крепителна мастихийная по 20 алтын фунт, которые стоятца в 16 проб.

А малиновые меды и смороденные и прочие, кои строятся из ягод без вина, продавать ведро по 40 алтын, а фунт по 4 копейки.

А меды вареные, чистые, кои подобны ренскому, продавать ведро по 30 алтын, а фунт по алтыну.

А кои с вином строены такие жь ягодные меды, продавать ведро по 60 алтын, а фунт по два алтына.

А ставленных белых медов продавать ведро по 20 алтын, а фунт по 2 копейки.

А пива самого добраго и густова продавать ведро 20 алтын, а фунт по грошу.

А росхожего пива ведро по 15 алтын, а фунт по 3 денги.

А явку[212] пивную и медовую и бражную, мню я, что мочно ее всю отставить для того, что брать ее мотошливо[213], а варилщикам не без хреха, потому что сварит кто четверть, а объявит толко одну осмину, а кто сварит осмину, а явит пол осьмины, и то, стала быть неправда и грех. И всякой человек колико не явит, а сварит въдвое или вътрое, а явитца разве половина, а иные и не знаю, чтоб ему когда явитца.

А в явочной записке толко одним подрядчикам покормка, а великому государю велми не велик доход.

А естьли явка отставить, то все чины пива варить и меды ставить будут безпечно, потому что вынимать у них того питья никто не станет и, сварив, не станут торопитца, чтоб скоряя выпить, но будут прочнее держать. И ради своего здравия станут по малому числу пить и грех тот минетца, что лгать будет уже не для чего и клятвы и неправде не будут чинить.

А вместо тех поторжных явок и питейных пошлин наложить пошлина на хмель, на пуд хмеля по 4 рубли, а на фунт по гривне, то уже ни богатой, ни убогой, ни самой солдат не избудет того платежа: захочет пива, купит и хмеля.

И за таким повелением всякаго звания человецы будут великому государю платежщики и домашняго своего варения даром не будут пить.

И аще тако уставлено будет, то сторичной прибыток при явочных пошлинах будет, потому что хотя кто четверик сварит, а платеж по варению своему положит.

И во все городы послать его и. в. указы, чтобы в городех и в селех и в деревнях бурмистры таможенные и целовалники указ его в. ведали, буде кто везет хмель, хотя и боярской, без выписи, то тот взять на государя безповоротно.

А буде кто привезет хмель к записке, то записать ево в книгу, а имянно, чей он есть, и буде продажной, то осмотреть ево накрепко, нет ли в нем песку и инова какова примесу, потаенного или худаго хмеля нет ли внутри и не сыр ли он. И буде есть какая винность, то взять ево на великого государя безденежно.

А буде пороку никакого в нем нет, то взять с него пошлина торговая с цены по гривне с рубля да накладных по 4 рубли с пуда. А буде не продажной, но везут его про обиход боярский, и с того

хмеля взять токмо одна пошлина накладная по 4 рубли с пуда, а хмеля, добры он или плох, не досматривать, но каков он есть, таков и отъпустить. Токмо на вес привесить, колко ево будет, и, записав в книгу, дать ему для проезду выпись и в выписи написать имянно, что тот хмель непродажной, а накладная пошлина взята сполна. И буде кой хмель у них за обиходом будет и похотят ево продать, то тогда взять с него одна торговая пошлина с настоящия цены по гривне с рубля, кроме накладных пошлин.

И колико у коего бурмистра тех накладных пошлин соберетца, записывать особь статьею.

А которой порочной хмель взят будет на государя, и то взятье записывать в закрепленную книгу имяно и отъдавать те хмели на кабаки по настоящей цене без накладных пошлин.

Такожде и с меда продажного брать пошлина торговая с настоящия цены по гривне с рубля, да накладных пошлин по сороку алтын с пуда, а кто везет про себя или про боярской обиход, а не на продажу, и с того меда брать пошлина по 40 алтын с пуда и записывать такожде в закрепленныя книги, и та книга иметь от купецких особливая. И колико с хмеля и с меда непродажного накладных пошлин у коего бурмистра ни соберетца, писать особливо статьею, а что соберетца тех же накладных пошлин с купечества, и те писать особливою жь статьею, чтоб было известно, колико в год тех накладных пошлин с хмеля и с меда собираетца. И весь тот збор десятинной и накладной управлять будут одни таможенные бурмистры.

А буде кой господин не похочет накладных пошлин с хмеля или с меда платить, то тот хмель и мед имать на государя, а им из зборных денег тем же бурмистрам выдавать им денги по настоящей цене, по чему в записке у купечества, токмо вычитать из тех денег за торговую пошлину гривенную.

А буде кто подрядитца под хмель или под мед, еже поставить ему про царской обиход на дворец или и на кабаки, то тем подрядчикам дворцовым брать указы из дворца, а кабацким от камериров.

И где что они купят и тамошним бурмистрам осмотреть тот хмель, не сыр ли он и нет ли в нем подмеси какой или стебелья и листу. И буде нет никакова пороку, то привесить ево и с покупной цены взять торговая пошлина гривенная, а накладной пошлины не брать и дать ему выпись. Такожде и мед осматривать, нет ли в нем худова подмесу или мерлины[214], и буде добр, то потому же взять

пены по гривне с рубля, а накладной пошлины не имат же и, пригеся, отъпустить с выписью. А в выписях писать имянно, что оное куплено не на продажу, но на обиход дворцовой или кабацкой.

А буде кой хмель или мед явитца с подмесом, и тот хмель или мед имать на государя безповоротно, да на нем же доправить штрафу толикое ж число, чего тот товар стоит.

А буде кой хмель или мед в таможне был и бурмистр выпись дал, а после де осмотрят лавошники или кто ни есть, что есть подмесь, то взять штраф на том, кто выпись давал, за то, что он продавцу тому помирволил[215].

В России изначала при великих князех и при первом российском царе Иоанне Васильевиче были деланы денги из самого чистаго серебра[216], на кости плавленого, чему явное свидетельство тыи старые денги и ныне в мире обретающиеся.

А при царе Михаиле Феодоровиче начали делать из яфимочного серебра, на кости не переплавливая.

А ныне иноземцы приглашают, чтобы и в ефимочное серебро на дробные денги прилагать меди болшую часть.

А я, аще и самый мизирны человек, усмотря то начинание, не мог утерпеть, еже б не объявить о них, что в них пороку будет, в 718-м году написал доношение его и. в-ву о тех новоначинающихся денгах и изъявил, что такия денги вельми к воровству способны и самое денежным ворам предводительство будет[217]. И для подания приходил я к господину Алексею Васильевичу Макарову[218] и за жестокими караулщики не мог получить, еже бы то доношение его милости вручить. И поехал он к лекарственным водам и тако то доношение мое и осталось у меня и я последи того времени отъдал курхеру Егору Сергееву, которой в доме его, Алексия Васильевича, пребывает, и просил его, дабы по времени вручил ему. И вручил ли он то мое доношение ему, Алексею Васильевичу, или нет, про то не вем. И того ради в сей главе царскаго интереса умыслил изъявити и предъявих о той самой царской прибыли, которая ни ис чего родитца, токмо от изволения царского.

И о сем мнение мое тако лежит, еже бы о денежном деле тщание велие приложити, отъчего царская сокровища могут наполнитися и народ ползу не малу восприимет.

И управлять его годствует твердым разумом, дабы пороку в них во веки не было и чтобы никто воровски зделать их не мог, и во

установлении том ни малые б измены не чинить, но яко столпу быть неподвижну. И о сем не единым умом, но острыми и твердыми умы, а не ветренными, помыслити о них, како бы их устроити, дабы они прочны и непорочны и похвалны были.

И по моему мнению, зритца, лутчи, еже бы серебряные денги привести серебром в древную чистоту или и паче, чтоб денежнаго серебра ни в каковых вещах лутче не было.

Яко у нас в России вера содержитца христианская самая чистая, никакова примеса еретическаго неимущая, тако требе и денгам российским быть самым чистым без всякаго примеса и еже бы им от всех иностранных отъменным и от всех похвалным быть, яко в мастерстве, тако и в чистоте серебра.

И аще великий нашь монарх, всероссийский император, изволит противо древних наших российских денег чистотою или чище делать, то паки в вечные роды будут они похвалны.

Иноземцы в своих иноземских денгах сличают цену по положению в них материалу, а не по власти королевской, они паче почитают серебро и медь.

Мы же монарха своего почитаем яко Бога и честь его опасно храним и волю его всеусердно исполняем. И того ради, иде же узрим имя его ц. в. назначено, то мы честно и опасно храним. И под именем его и. в. аще медь, то и медь подобает пологати самую чистую без всякаго примеса, буде же серебро, то и серебро самое ж чистое и безпорочное было б. Буде и золото, то золото бы уже оно и было самое чистое и честное, чтоб оно всех земель превозвышело. Мое желание к сему тако лежит, чтоб так в червонцы золото учредить, что выше салтанеи ево поставить, дабы на весь свет, не токмо при животе его, но и по смерти б монарха нашего имя славилося, то бы добро во всех землях паче салтанеи за них хватались понеже червонцы не ради торгу или приобретения богатства, но ради самые силные и прочные славы его в-ва.

Видел я, российские червонцы состроены манером и мастерством самые чистые, а существом уронены, ибо во иных золото плохо и в запарку[219] нейдет, а надобно, чтоб и в сусалное золото годны были без прожиганья.

А и серебряные денги аще и не надлежит их во иные земли отъпускать, обаче лутче их делать из самого ж чистаго серебра, чтоб они противо царе-ивановских денежек чистотою были или бы и лут-

не, дабы в роды родов имя его и меж поселяны славилося чистотою серебра в денгах.

И таковые денги надлежит в торгах руских иметь, за рубежи жь отнюд их не отъпускать, за рубежи одни токмо червонцы отъпускать.

Подобне и медные денги надлежит делать из чистые ж меди без примесу серебра и без закрасы времянной еже бы ей снова являтися яко серебряной, последи ж, яко медной, но надобно их устроить, яко какая из дела выдет, такова б и во веки веков была неизменна.

И делать бы их не по иноземчески, по цене меди, но по изволению его и. в. Мне мнитца, что медные денги мочно делать гривенники весом по золотнику, а алтынники по полузолотнику, а копейки по чедверти золотника.

И аще кто речет ми: для чего в дробных копейках золотник меди пойдет по четыре копейки, а в алтынниках по шти копеек, а в гривенниках по десяти копеек?

Отъветствую: мы не иноземцы, не меди цену исчисляем, но имя царя своего величаем, того ради, нам не медь дорога, но дорого его царское имянование, того ради мы не вес в них числим, но исчисляем начертание на ней. Есть перваго выхода денежки весом по полтара золотника, то она еще весом и тяжела, обаче и за копейку никогда не пойдет, а на коей цате-[20] золотниковой начертание будет гривенное, то она за гривну и ходить будет. И по сему разумей, еже у нас не вес имеет силу, но царская воля.

У иноземцов короли власти таковыя не имеют, яко народ, и того ради короли их не могут по своей воле что сотворити, но самовластны у них подданыя их, а паче купецкие люди. И тии купцы по купечеству своему товар в денгах числят, а королевскую персону полагают на них въместо свидетеля, что та цата имеет в себе толико товару, за что она идет.

И по нашему простому разумению, то стало быть королю безчестье, а не честь, что не по имени его денги в себе силу имеют, но по купеческой цене.

И тыи иноземцы хощут то учинить, чтоб и у нас в Руси денги были по цене в них положенного товара, и того ради приглашают в медные денги часть серебра, дабы стоила материалом своим того, за колико ей ходить.

И мне ся мнит, тот их совет вельми нам непристоен, понеже у нас самый властителный и всецелый монарх, а не ористократ, ниже

димократ. И того ради мы не серебро почитаем, ниже медь ценим, но нам честно и силно имянование его и. в.

У нас толь силно его пресветлаго в-ва слово, аще б повелел на медной золотниковой цате положить рублевое начертание, то бы она за рубль и ходить в торгах стала во веки веков неизменно.

А в тех сумесных денгах[221] первой главной и несносной нам, верным его и. в. рабом, порок, еже по цене в денгах товару снизить его ц. в. имянование.

Другой в них будет, еже вложенное в них серебро ни за что погибает.

Третей порок, что воровским денгам будет великое предводительство, еже уже и явилось.

В денгах так надобно ухитрить, чтобы они не токмо ц. в-ву, но и всему б народу полезны были и чтоб никто воровски зделать их не мог.

Нам всем надобно вымышлять и старатися о том, како бы воровство и всякия неправды из народу истребити и правда насадити и всякое поречение от российского народа отълучити.

И те вышеупомянутыя денги с примесом серебра не успели начатися, ажно и воровские появилися. И я, присмотря их, в том же году две копейки да алтынник воровской увидел, и, взяв их к себе, доношение о них написал и по два дни ходил я к господину Алексею Васильевичу Макарову и получить не мог, еже бы то доношение вручить ему, понеже в то время поход был ц. в-ва в Заонежье к лекарственным водам. И я, видя то, съехал в Новъгород и за тем то доношение и замотчалось.

И аще те с примесом серебра денги не изменятца, то весьма воровства много в народе будет, а естьли от воровства убежать и прибыли в денгах поискать, то мочно делать из самые чистые меди лехкие.

И аще его и. в. изволение сицевое будет, еже б ради пополнения казны и ради всенародные ползы делать из золотника меди по 4 копейки, то из фунта будет их три рубли двадцать осмь алтын, а из пуда 153 рубли дватцать алтын, а алтынников по два из золотника делать, то из фунта будет их пять рублев двадцать пять алтын с копейкою, а ис пуда выдет их 230 рублев четыре гривны; а гривенников по одному из золотника, то из фунта будет их девять рублев дватцать алтын, а ис пуда будет их 384 рубля.

И по тому розвесу, аще пуд меди переделать в копейки, то прибыли у пуда будет сто сорок рублев, а алтынников у пуда прибыли будет 220 рублев, а у пуда же гривенников прибыли будет [illegible] рублев. И в год естьли меди переделать 10.000 пуд и в том числе пять тысячь пуд переделать в копейки, то прибыли у них в год будет 700.000 рублев.

А в алтынники естьли переделать три тысячи пуд, то прибыли у них будет 660.000 пуд.

А в гривенники естьли переделать две тысячи пуд, то будет у них прибыли 370.000 рублев.

И всего у десяти тысяч пуд меди за всеми росходы будет прибыли 1 840.000 рублев.

И ради истребления воровства прежние медные денги надлежит все переделать в такие же денги, то сверх прежние прибыли будет и от них приплоду милиона три-четыре или болши. А естьли старых не переделать, то воровства из них не искоренить, понеже много в них явилось отъливных, и буде их не окончить, то и въпред отливать их будут, а сиих новых денег ни отлить, ни запечатать воровски будет невозможно.

К сему же аще и серебреные все старые дробные копейки переплавить на костях насухо и переделать их в полтинные и рублевые монеты, то и у них прибыли будет не малое число.

И мое мнение лежит не о одних токмо денгах, но и всякая вещь, коя носит на себе царя нашего имя, то надлежит ей быть самой чистой и честной.

Того бо ради и о вине предъявих, еже бы держать и продавать на кружалных дворех самое чистое и честное вино, чтобы в домех мало такова обреталось.

Такожде и прочия питья, кои под имянем царским, были б самые добрые, несравненно з домовыми питьями въкусом и чистотою. И светлицы бы питейные были светлые и уборные и ни малые гнусности в них бы не было, потому что все питейные продажи носят на себе имя царское. И по такому имянованию надлежит быть ему честну, а не безчестну и людям упившимся было бы в них охранение, а грабления при них ни малого б не было, а у нас все сие противно деятся. И при кабаках и зерньшиков[222] отънюд не надобно, кроме караульщиков и охранителей. И посуда бы была добрая и чистая, а буде кой афицер или солдат, выпив питье, да сосуд бросит о зем-

лю и розобьет, то таковых надлежит штрафовать с нескудным наказанием, чтоб такова дому питейному ругания и обиды не чинили.

Так надобно кабаки устроить, буде кто, путем идучи днем или ночью, что до кабака дошел, то уже бы безпечен был.

И аще и товар случится какой царской, то и товару тому надлежит быть лутче прочих товаров. А аще кой товар, лутче простолюдимскаго не будет, то не надобно и нарицать ево царским, но такие товары купецким людям держать им, а не царю.

Царь судия и подобен он Богу. Того бо ради и всякой вещи за имя царское от мирских нелзя быть неотменной, ибо и в суде у царя, яко у Бога, нет лица ни богату, ни убогу, ни силну, ни маломочну, всем суд един, и то стал быть суд Божий. А аще денежное дело серебряных и медных денег обновитца, к тому ж и таможенные зборы и питейная продажа изменитца, то, я чаю, на самую малую цену миллиона по три и по четыре на год сверх нынешних настоящих зборов приходить будет.

А аще вся вышепоказанная дела исправятца и утвердятца, то я крепок на Божиею милость надежен, то его и. в-у на кийждой год милионов по пяти-шти и болши сверх нынешних зборов приходить будет. И аще его ц. в. изволение будет, еже вся сия предложенная моя мнения в дело произвести, елико предрекох о духовных делах и о воинских и о судейских и о купецких и о художных и о истреблении разбойников и удержании беглых людей и о земляных делех, о крестьянстве и о нетрудном умножении и собрании его ц. в. казны, то я, за Божиею помощию, без сумнения могу рещи, еже вся наша великая Россиа обновитца как в духовности, тако и во гражданстве и не токмо одна царская сокровища наполнятца, но и вси жителие российсти обоготятца и прославятца. А аще и военное дело возновитца, то не токмо единою славою прославится, но и страшны всем окрестным государствам будут. Аминь.

И сия мнения моего изъявительная писания о истреблении всякия великия и малыя неправды и неисправностей и о насаждении прямыя правды и правостей, елико ми Бог помощи своея ниспослал, вся написах, не обинуяся. И предлагаю на разсуждение токмо единаго высокопарнаго белаго орла, явного правдалюбца, императора всероссийскаго, Петра великаго, истиннаго самодержца и столпа незыблимаго. О сем же свидетель ми есть Бог, еже аз не себя ради сия писах, но токмо ревность моя понудила мя на сие дело.

И тако пламень любве к его ц. в. воспалися во мне, еже никая нужда пресещи не могла ибо аще и не велика сия книжица, обаче едва от многосуетий своих в три лета ю совершил. Аще и многократно преписовах ю, обаче ни от кого невидена быст, всячески бо скрывахся, дабы в народ не произнеслося сие мое предложение.

И ныне всеусердно твоего милосердия прошу, дабы имя мое сокровенно от силных лиц было, паче же от нелюбящих правду, понеже писах, не слагая им. Паче же да будет воля Божия и твоя превысокая царская воля во мне. Аминь.

Яко аще кто восъхощет Богу угодити, той не может мамоне[223] услужити.

Ничим же разньствует, аще кто и царю верно потщится услужить, той всему миру имать ненавистен быти.

Всенижайший и мизирниший рабичищь, правды же всеусердный желатель, Иван Посошков, утаенно от зрения людскаго трелетным трудом восписав, твоему царскому величеству предлагаю. Аминь.

1724-го году, февраля 24

ЗАВЕЩАНИЕ ОТЕЧЕСКОЕ к сыну своему, со нравоучением, за подтверждением Божественных Писаний

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Бога Вседержителя и всея твари Сотворителя. Предлагаю завещание сие любезному ми сыну...[224]. Прошу тебя, сыне мой любезный, Господа ради, всеми своими силами держися Создателя своего Бога, и да снабдиши заповеди Его святыя, а потом и моего отеческаго завещания да не отмещеши.

ПРЕДРЕЧИЕ К ЗАВЕЩАНИЮ

Сыне мой, храни душу свою от всякаго грехопадения, дабы ти в вечную погибель не низринутися, и того ради житие свое имей самое истинное, праваго христианства держащееся. От иноземческих же прелестных учений весма удаляйся, но в нем же еси законе родился, в том и пребывай, даже до кончины жития своего, да не отщетишися вечных благ, идеже православно жившии христиане пребывати имут.

И сего ради буди не подвижен, но стой, яко мраморный столп, на недвижимом камени утвержденный. Не скланяйся ни на шуюю страну[225], ниже на мнимое десно[226], понеже от мнимые десности многое множество народа древле от истиннаго благочестия христианскаго совратилося и в вечную погибель снидоша, якоже: ариане[227], несториане[228], мессалиане[229] и прочии еретицы, от мнимые своея правости, в ереси въпадоша и вечне погибоша. А потом римляне, люторане и калвиняне[230], от мнимые же правости, истиннаго правоверия отпадоша и, от того неправаго своего разсуждения и от мнимые своея премудрости, то есть свецкаго мудрования, по апостолову словеси, объюродеша (к Рим., глава 1, стих 22). И тем своим суетным мудрованием и высокомнением и благодать Божию далече от себя прогънаша, и повредив свой здравый ум, и на покаяние приитти не восхотеша, и не токмо на покаяние, но еще и зло ко злу прилагают: ибо кийждо[231] их свою ересь разширяет и кривую свою виру правою нарицают. А о древнем благочестии, еже по Христовом вознесении началось и седмию вселенскими соборы[232] утверждено бысть, и слышати не хощут, но идут новым своим путем, по которому пути от святых отец никто не шествовал. Ибо те их

Ѡ мирскомъ молєнїи и молитвѣ
Глава .д.

Страница Румянцевского списка «Завещания отеческого»

Страница Синодального списка «Завещания отеческого»

лжеучители хощут не тем путем, его же Господь содела, внити во царствие небесное, но пространным и веселостным. И сие не явная ли их блазнь проклятая? Господь неложными Своими усты рек (Матф., глава 7, стих 14), яко во царство небесное въводит узкой и прискорбной путь, а широкой путь въводит в погибель. Ездре же ангел Господень о царстве небесном тако рек (3 Ездра, глава 7, стих 7–8), яко путь к нему толь тесен, еже един токмо степень человечь вместитися может, и с единые страны того пути огнь, з другия же страны вода глубока; и речеся ему, яко вход тому веку тесен есть, и аще кто не приимет тесноты, не внидет в него. О сем же вси мы известны, яко ангели Господни никогда не лгут, но что Господь Бог повелит им творити, или рещи кому что, то они и творят. А тыи люторане и калвиняне избраша себе путь широкой и вси свои двери в него отвориша, а узкий путь заградиша и колодием завалиша, дабы им никто из их зловерия не шествовал; и того ради и зловерьстии их узким путем и не шествуют. И ты, сыне мой, на сия зря, внемли и разумевай: люторскому ли ложному словеси, или от Самого Бога изреченному неложному глаголу верити? Мы бо вси, во православной вере живущии, известно сие вемы, яко вся истина содержиться в Господних словесех, а не в люторских.

А ныне многое множество и из Российскаго народа людей погибает. Такожде бо, мняще быти себя мудрых, объюродеша, ибо, от высокомнения своего, от правыя древние веры отпадоша и, от мнимаго своего правоверия, в разные и многоразличные пути поидоша: овыя во лжехристовщину, овыя же во лжемоисеевщину, инии же во олазивую[233] поповъщину, а инии во всеконечную безпоповъщину[234] и во иные многоразличные вер названия разыдошася. И тако развратишася, яко законов их не токмо изследити, но ниже изчислити можно, и вси их законы и между собою разногласны суть, а всякой их расколничей лжеучитель свой устав нарицает правым, а прочия вси хулит и ругает. И по слову святаго Иоанна Златоустаго (Маргарит, лист 317), за одно их разногласие мочно разуметь, еже диавол совратил их в неискусен разум, и от такова их развратноверия вси вечною погибелию погибают. О сем бо и Исус Сирахов ясно сказует, яко мнение многих прелсти, и от неправаго своего мнения погибоша (Сирах., глава 3, стих 24). И о их расколничих лжеправостях, и о различии их нововымышленых вер отчасти явих в книзе *Очевиднаго Зеркала*, и тамо зря, можеши много

познати, како они движутся и от чего погибают. Паче же того позри в книгу *Розыск*, юже сочинил блаженныя памяти преосвященный Димитрий, Ростовский митрополит[235].

И ты, сыне мой, крепко сему внимай и храни себя от их прелестей опасно[236], дабы тебе не поползнутися в люторское и их раскольниче проклятое мудрование. Ныне бо мнози из Рускаго народа, научившеся от иноземцов, от правыя своея древние веры в люторское зловерие начинают скланятися и, от всескверннаго Мартина Лютора[237] уставленные, слабые и роскошные и весма развращенные законы начинают принимати. Свои же древние, от Самого Бога, и от учеников Его, и от их преемников святых отец, и в чудесех от Бога прославленных уставленые законы, и седмию вселенскими соборы утвержденные, и мученическими кровми запечатленныя отмещут. Возжелаша бо въместо света тму, вместо же вечные радости вечную горесть, за еже приемлют от явнаго законопреступника и ростриги Мартина Лютора, самаго известнаго блудника, и тако самоизволне сами ся в вечную погибель реют. А то забыли, колико в древней вере Господь Бог угодивших Ему явными и дивными чудесы прославил; а Мартин Лютор востал, тому уже слишком двесте лет минуло, а ни видеть ни слышеть, кто к их нововымышленой вере живой или мертвой чудотворец явился. Толко таких чудотворцов видим много, что могут до полунощи, иноежь[238] и до самаго света, в скакании и танцовании без сна проводити; умеют же и пить с музыками, и карты играти. И таковая их чудотворения известно мы вемы, обаче всех нас, во благочестии сущих, да сохранит Господь от такова их чудотворения!

И сего ради ты, сыне мой, якоже выше рех, держися всеми своими силами святыя восточныя Церкве и веру имей тую, кую насадил и возрастил благочестивый царь Константин, к нам же в Росъсию принесл бяше благочестивый великий князь Владимир, Киевский и всея России самодержец. Тая то самая правая вера, ни малаго порока в себе не имущая. А кии от восточныя Церкве отщепишася и тую древнюю веру порокуют, вси тии в вечную погибель склонишася. И от тоя древния веры прежде Римляня, возгордевся восточною Церковию, отпадоша. Мартин же Лютор и от тоя римъския веры отступил и сочинил себе новейшую веру, древние восточные и новые западные легчайшую. А Яган Калвин[239] уже и от люторские веры отложился и издал свои законы. И оба сии два волка адъские,

умы своими вознесшеся, вся древняя церковная от святых апостолов и от преемников их положеные уставы разрушиша, и вся уставы и догмы издаша новая, и за то в проклятие въпадоша и, от неправаго своего разумения, в вечную погибель вънизринушася. И для известия зловерия люторскаго, в *Очевидном Зеркале*[240] прочти внятнейшно[241] 23-ю главу и тамо, чадо мое, о Мартине и о послушниках его пространное изъявление узриши; и аще на память тамо сущия речи затвердиши, то не возмогут они противо тебя претися.

Наши же бедные суеумы от самаго своего безумнаго безумства погибают, понеже, на свое безумное упорство вознадеявшися, у ученых и разумных людей поучитися не хощут, а буде кто станет им о погибели их воспрещати, то и слышати не хощут. И от презелнаго своего безумия не просто от святыя Церкве отпадоша, но и войною на ню восташа. Ибо, во время стрелецкаго бунта, снидошася в Кремль и хотеша Московскаго патриарха до смерти убити, и прочих митрополитов и епископов и презвитеров[242], кии древняго благочестия держащихся, всех до смерти побити. Но десница Вышняго Бога на таковое их злое умышление еже в дело произвести не допустила: ибо, судом Царскаго Величества, возмутителю и предводителю их Никите роспопе, нарицаемому пустосвяту[243], изведше на площадь, голову ему отсекоша, и то видев, мятежницы вси умолкоша и кииждо их восвояси разыдошася. И от того девяностаго года живут вси в похоронках скрывшися, яко мыши в норы или яко клопы в щели, и, тайно вылазя из щелей, многих людей Божиих кусают: ибо не умолкая, вылазя, к простым людям в домы приходят, и с истиннаго пути совращают, и, отторгнув от святыя Церкве, в свою же погибель низводят.

Аз же тебе, сыне мой, твердо завещеваю и заклинаю, да всеми своими силами держишися святыя восточныя Церкви, яко рождьшия тя матере. А аще сие мое завещание презриши, и матере нашея святыя восточныя Церкве отречешися, и приклонишися к западней или к люторской, или к богохулникам, то есть, к нашим Российским расколникам присовокупишися, или аще и содружие с ними будеши имети секретное, то Божие благословение и милость Его да отъимется от тебя, и ангел хранитель да отступит от тебя, и мое отеческое благословение да обратится тебе в клятву. А аще же благословения Божия лишитися, ни клятвы понести на себе не хощеши, то не ими никаким еретическим и расколничьим словесем веры: вси бо они сплошь глаголют ложь.

О сем Сам Господь ясно рек, глаголя: аще рекут вам се зде Христос, или онде, не имите веры (Матф., 24, 23. Марк, 13, 21). А расколницы явно о сем лгут, сказующе, яко бы у них Христос в лесах и в подполиях их расколничьих храмин обретается, а во святых церквах и во всем народе Христа не сказуют, но токмо у них единых. И ты, сыне мой, не ими им веры, но ими веру словесем от Самого Господа глаголанным, о них же святии евангелисти Матфей и Марко изъявиша. Нам же сие зримо и известно есть: яко ту Христос пребывает, аще кто от святыя Церкве не отпадает и Тела и Крове Христовы причащается. Ибо о сем Сам Господь Бог изрек, глаголя: ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает, и Аз в нем (Иоан., глава 6, стих 56). И по тому Господню словеси яве есть, яко в тыих человецех Христос живет, кии пресвятаго Его Тела причастниками бывают; а расколники на свои души лгут, сказующе, яко бы у единых токмо их Христос пребывает. А у них ни по какому образу Христу быть невозможно, понеже они Тела Христова и Крове Его сами не причащаются и инем возбраняют, и по Господню словеси истинно несть в них Христа.

И ты, сыне мой, всех таковых противников святыя Церкве отревай от себя и никакова с ними сообщения дружескаго не имей, понеже они враги суть Божии. И аще кто приобщится врагу Божию, то, по глаголу Иоанна Златоустаго, и сам той враг будет Богу.

Глава 1. О ОТРОЧЕСКОМ ЖИТИИ

1. В начале отрочества своего, сыне мой, паче всех наук прилежи книжному научению, не токмо славенъскому одному, но и греческому, или латинъскому, или хотя полскому, понеже и на полском языце много таковых книг есть, кои у нас на славенъском языце не обретаются; а и к науке полской язык иных языков поемнее. И аще и латинъскому поучишися, обаче не вси их книги приемли: кии обрящеши на разврат благочестивые нашея веры или к каковому греху приводящия, тыи весма от себя отревай. И во всем храни себя опасно, дабы тебе в чесом[244] не поползнутися, и благочестия не погубити, и еретиком бы не быти.

2. Со отроки же пустошными[245] отнюдь не сообщайся, да не навыкнеши делам их злым; и не токмо тела своего, но ниже устен своих дерзнеши каковым либо скверноглаголанием осквернити.

А наипаче бойся сообщатися со отроки блудливыми, кии к блудной скверне склонны и содомскому греху сопричастны: за той бо грех и на сем свете Господь люте мучит. Ибо Содома за той отроческий блудный грех, со отцы и матерми и со всем имением и с малыми младенцы, пять градов небесным огнем сожже (1 Моис., глава 19, стих 24). А и в заповедех Господних написано, яко блуд содомский присно отмщается, а на оном свете паки будут люте мучими: таков бо есть Богу мерзок и ненавистен сей блудный грех робячей. А Моисею Господь заповедал таковых блудников предавати смерти. Господа ради, чадо мое, бойся сего блуднаго греха, смертный бо есть робячей блудный грех. И аще которой отрок тело свое сиею скверностию осквернит, тот уже и в возрасте от тоя скверны совершенно не очистится, и не токмо в крайнии архииереи или в презвитеры, но и в диаконы недостоин будет: уже бо той человек чужд престола Божия и в ближние слуги Божии причтатися уже не может. И аще на сем свете причтатися не можно, то како той на оном свете причтется, еже в неприступном свете у престола Божия служити? Тамо бо у престола славы Божия служат токмо тии, кии риз своих не оскверниша (Апок., глава 3, стих 4), то есть тела своего блудною скверною не оскверниша.

И сего ради ты, сыне мой, великим опасством[246] храни себя от блудные скверности, дабы тебе от Бога не отпасти. И ради совершеннаго охранения, велми бойся со отроки нелепыми сообщатися и не припускай к себе никакова человека, не токмо юного, но ниже возрастшаго. И да не попустиши кого либо за тайный твой уд коснутись рукою, ниже за сидение свое даси кому коснутись; но всякаго человека, хотящаго ти коснутися, отревай крепце. К сему же и от целования излишняго отвращайся, и да не убоишися никакова лица, аще бо и учитель твой или господин какой; от каковые ни будь персоны, всячески удаляйся и ни на каковая увещания не здавайся. И аще начнет тя силою целовати, всячески извиняйся; и аще станет ти каковые подарки от вещей каковых или от денег давати, отнюд не приемли; и аще станет сладостные яди и от овощей каковых давати, отнюд же не приемли и не прикоснися им, еже бы ти вкусити их: лютый бо яд сокровен в тех сладостех. Аще же начнет ти угрожати и побоями стращати, не убойся; и аще от учителя своего или от иного какова лица приимеши раны, то веждь, чадо мое, яко пред Богом велию добродетель тем претерпением сотвориши и со

святыми мученики венец прекрасный от Господа Бога приимеши. О, аще бы ты, чадо мое любезное, за таковое целомудрие убиен был еси до смерти, то бы ты велик был во царствии небеснем, и во прекрасном раю стал бы ты в безконечные веки веселитися и райския сладости наслаждатися!

Чадо мое, аще летами и юн еси, но буди разумом стар. Принуждающим тя на таковое беззаконное дело, яко же тя Бог вразумит, откажи сперва кротостно; аще же кротостнаго твоего отречения не послушает кто, то ты со гневом откажи; а аще же и того твоего отречения не послушает, то ты воплем елико можеши воскричи, и, устыдясь твоего кричания, всячески отступит от тебя. Обаче[247], ради въпредь будущаго от него нападения, аще аз еще в животе буду, то мне повеждь о таком его безстудии, или матери своей изъяви; а аще же нас и обоих в животе не будет, или и живы, да в отлучке будем, то ты изъяви отцу своему духовному без всякаго стыдения. И аще тако сотвориши, то и на сем свете велик и честен будеши, и во святителской сан удостоишися; паче же того[248], по отшествии от сего света, вечных благ наследник явишися. Бог бо велми любит тех человек, кии в телесной чистоте живут, и, такое твое твердое и неколеблемое целомудрие зря, въчинит тя во грядущий век у престола Своего Божия служити, яко же о сем явлено бе во откровении святому Иоанну Богослову (Апок., глава 7, стих 15).

3. Егда же, сыне мой, будеши в возмужании, тогда уже сам себя блюди, с великим опасением, от вышепомянутаго блуда. И того ради со отроки пакостливыми и похотливыми к блуду отнюд не водись, и еже не токмо бы тебе дело какое с ними блудное сотворити, но и словес скверных от них глаголати не навыкай. Но буди тверд и устен своих не моги скверноглаголанием осквернити; и не токмо скверноглаголания, но и пустошных и перебивочных словес не перенимай у них, и ругателных словес отнюд не глаголи. Понеже[249] о сем Сам Господь Бог, уча нас, тако рек: яко за всякое праздное слово воздадут ответ в день судный (Матф., глава 12, стих 36).

4. Чадо мое любезное, тако себя остерегай, дабы ти никаковым словом себя не одурачити: но что ни будеши глаголати, глаголи вымысля, чтобы ни старому ни малому, ни богатому ни убогому не досадити. И яко отрочат юных и пакостливых, тако и девиц блюдися, и ничем с ними не сообщайся, и к песням их не приставай, да не увязнеши в сетях их (Сирах., глава 9, стих 4). Понеже

у диавола то первая и главная уда на уловление юных человек — женские песни и похотное с ними целование; а потом уже диавол приводит и на совершенный блуд: в содружии бо жен или девиц, хотя и не хотя, въпадеши в блуд. И Святое Писание сказует, яко от жен начинание греха приходит (Сирах., 25); и сего ради отврати очи свои от красные жены или девицы; чуждые доброты не глядай (Сирах., 9); от уст жены прелюбодейные изо уст ея каплет мед, последи же горчае пелыни бывает (Притч., 5). И сего ради ты, сыне мой, прилежно Богу молись, дабы Он тебя укрепил, еже бы ти в целомудрии юность свою сохранити и блудом тела и души своея не осквернити. И того ради со девицами и со женами отнюд с прижиманием плотным не целуйся; и аще коя жена или девица, прижав тя, поцелует, то ты беги от нея, яко от ядовитаго змиа, дабы не прелстила тебя на блуд. И егда и случит ти ся с ними целоватися, то ты самым легким целованием с ними целуйся, понеже в плотном целовании есть сокровен великий блудный яд, и аще не убежиши, то тако тя угрызнет, еже и сам себя забудеши; и аще последи и спохватишися, да тому уже не поможеши, ибо яко вне ума своего от разгорения своего будеши и в блуд въпадеши. И не токмо от целования своего с ними отдаляйся, но и беседы с ними наодине не имей. Исус Сирахов велми о сем воспрещает, дабы людие, наодине беседующе, в согласие блудное не сходились (Сирах., глава 9, стих 10–11). Царь же Соломон целование со женами весма отревает и глаголет, яко последи в горесть обращается; и паки глаголет: жены чуждые доброта да не одолеет тя (Притч., глава 6, стих 25). И сего ради ты, сыне мой, от целования со женами, наипаче же со девицами, весма отдаляйся, да не въпадеши в блуд. К сему же и со отроки юными излишняго содружия и целования не имей, понеже, яко в любви женстей, в девичестей же и паче, уловлен будеши: подобие и в юных отрочатах диавол великия сети распростирает, и не токмо юных, но и состаревшихся уловляет. Ибо аще с таковыми лицы содружие любовное имети будеши, яко бы и не ради блуда, но аще и ползи ради каковы: обаче диаволскими сетми блудными ят будеши и в блуд, хотя и не хотя, въпадеши. А наипаче бежи от содружия со инокинями юными: люте бо диавол содружием их уловляет мужей, такожде и жен велми уловляет иноками, паче мирских мужей. Иноческими бо лицы велми люте уловляет диавол мужеска пола и женъска.

стих 10). Паки и сему внемли, еже и Сам Господь Бог и о маленких пичужках, киих на денгу две или три купуются, попечение имеет, колми же паче — о великой скотине, киих не две или не три на пенязь[251] купуется, но за едину скотину ста два или три ста пенязей платитца. Господь бо Бог и малаго Своего творения не презирает, и попечение великое о сотворении Своем имеет. Ибо рек, глаголя: не пять ли птиц ценятся пенезма двома, и ни едина от них есть забвена пред Богом (Лук., глава 12, стих 6); и ни едина из них и на землю не упадет без воли Его Божией. И по сему Божию милосердию не мни себе, сыне мой, еже какую добродетель не токмо человеку, но аще и скотине сотвориши, еже бы забвена у Бога была: веждь верно, яко Богу не неизвестно будет то твое добродеяние. И аще и велми мала сия добродетель скотинная пред человеческою, обаче и за нее от Бога будет ти воздаяние, а тебе сие в науку будет: егда научишися миловати скоты, то уже устыдишися не миловати человеки, но во всяких им нуждах будеши способствовати. Паки и по сему Божие милосердие разумей, яко всесовершенно Бог не токмо о человеках, но и о птичках попечение имеет. Ибо Моисею повелел всем людям заповедати, глаголя (5 Моис., глава 22, стих 6–7): аще кто обрящет птицу седящую на яицах, то яица да возмет себе на пищу, а матерь отпущением да отпустит, и за то благо ти будет, рече Господь. Повелел Господь шесть лет землю пахать и сеяти, а седмое лето пахать не повелел, и собою израсшаго хлеба жать не повелел, но повелел та оставити пришелцам и дивию зверю (3 Моис., глава 25). И по сему всему како ти, чадо, скота не миловати? За еже Бог не токмо скот, но и зверь милует, то ты ли не имаши их миловати?) Колми же паче полезно есть миловати человека, иже несравненно вышши скота безсловеснаго!

9. Подобне же тому чини, сыне мой, и в лесе. Егда бо внидеши в него, отнюд древа ни великаго ни малаго без потребы не съсецы: понеже Бог насадил древеса на потребу человеком, а не на ругание, ни на играние, и Бог его насадил и возрастил многими леты, а ты его во едину минуту съсечеши или сломиши без потребы. То ты сам себе помысли: можеши ли ты его сотворити? А аще чего не можеши сотворити, то не требе ти того и губити. Веждь, яко не без греха есть, еже без потребы древеса растущия посекати или ломати. Но аще восхощеши ради каковые себе забавы сломити древцо, и ты тыя ветви ломай, кии побочные сучцы или отрасли; и то есть яко у птицы

дети; а самые матки, то есть средины, кая прямо въверх возрастает, яко матки у детак, не отъемли, не сломи его без потребы, и возраста его не пресецай: егда бо оно возрастет, тогда оно будет на потребу человеку. Егда же и на прямую потребу будеши съсекати, аще на дрова, то ты такой лес и сецы, которой к строению непотребен, а угоднаго леса к строению в дрова отнюд не сецы: понеже угодной лес к строению некогда тебе же, или твоему брату згодиться; а аще доброе древо, которое годно на строение, а ты съсечеши его на сожжение, то ты своему брату сотвориши обиду.

10. Такожде и по пашне насеянной на коне отнюд не езди, понеже, тою своею ездою, насеявшему ниву великую обиду учиниши: егда бо конь на кое место ступит, то не токмо колос повредит, но и из корени изторгнет. И егда обрящеши где насеянный горох, или репу, или и иное что съедомое, не моги обиды учинити насеевшему, но токмо самую малую часть возми, дабы той господин Богу на тя жалобы не принес.

Так, сыне мой, опасно живи, дабы ты не токмо человекам, но и скотом мил бы ты был. И всякое дело первее к себе приложи и помысли о нем, угодно ль оно будет тебе, аще кто тако сотворит, яко ты кому хощеши сотворити. И аще тебе оно угодно, то и инем твори без сумнения; а аще же оно тебе самому не угодно явится, то ты таковаго дела людем отнюд творити не замышляй. О сем Сам Господь Бог заповедал нам, дабы мы чего себе не хощем, того бы и инем не творили (Лук., глава 6, стих 31). И ты, сыне мой, сие твердо в памяти своей держи, дабы тебе того отнюд не творити людем, чего себе не хощеши. И не токмо в великих и пожиточных делах, но и в самых малых делех или и словесех, то токмо и твори, то и говори, чего сам себе желаеши.

К сему же и еще прирек, глаголя: аще любящия вас любите, то кая благодать вам есть, ибо и грешницы любящия их любят; и аще добро творите добродеем вашим, то и в том, рече, несть вам благодати, понеже и грешницы такожде творят; и аще възаим даете, от них же чаете восприяти, кая вам благодать есть, ибо и грешницы грешникам взаим давают, да восприимут равная. И сие Господь рек, дабы мы врагов своих любили и за их зло добро бы им творили, а зла и за зло отнюд не повелел Господь творити. Колми же паче зло и Богу противно, аще кто, напрасно напад на кого, будет зло творити; а аще же кто за добро да будет зло творити, то уже и того горши!

11. Еще, же рече Господь: аще взаим даите, от них же не чаете взяти, то мзда ваша будет многа, и за таке милосердыя дела, рече Господь, яко будете сынове Вышняго. И повторяя, Господь рек: будите убо[252] милосерди, яко же и Отец ваш милосерд есть. И по таковому Божию повелению, сыне мой, буди ко всякому человеку милосерд. И аще возжелавши сыном Вышнего Бога быти, то ты того в себе и смотри, чтобы никакова человека и не оскорбити чем; но всякому человеку, аще другу, аще и не другу, аще кого знаеши, аще и не знаеши, и аще с киим человеком и век не видатися, обаче всякому добро делай. И аще тако творити будеши, то ты подобен будеши Богу. Богу бо ничто тако не любезно, яко милосердие; того бо ради Бог и уподобляет милосердых человеков Себе. . таковыя ради добродетели так от Бога пожалован будеши, еже не можеши и умом своим постигнути. И такова ради воздаяния велми себя опасно храни, дабы тебе яко во очи, тако и заочно, никому бы никаковые досады не учинити, но всякому бы человеку любовь и милость творити.

12. К сему же не повелел Господь никого и осуждати; тако бо рек: не осуждайте, и не осуждени будете (Лук., глава 6, стих 37). Зриши ли, сыне мой, коль велико есть, еже не осуждати: ибо аще ты не осудиши никого, то и сам от Бога осужден не будеши. Что есть се, еже не осуждать людей, а Господь таке великое милосердие обещал за неосуждение токмо едино! О, Боже, Боже нашь, кто от человек может милость и щедроты Твоя исчислити! И на сие Божие милосердие зря, ты, сыне мой, велми того остерегайся, дабы тебе кого не осудити: велик бо есть грех осуждения, велико же и воздаяние за неосуждение.

13. Сыне мой, аще в совершенный возраст еще и не приспеши, а начнет в тебе возжизатися пламень похотения блуднаго, то ты немедленно оженись законным браком, дабы тебе в беззаконие не въпасти и чистоты бы своея телесныя осквернением блуда не погубити. О сем бо святый апостол Павел ясно глаголет, яко лучши есть женитися, нежели разжизатися (Коринф., глава 7, стих 9).

О искании невесты. В начале попроси прилежным молением у Господа Бога, да даст ти жену благу, понеже сие есть дело Божие, какова кому невеста дати; а собою, как бы ты ни вымышлял, не улучишь добрые, аще Бог кому не даст. Мой же ти совет буди сицевый. Егда начнеши себе искати невесты, то ты не ищи невесты честнее себя, наипаче же богатые бежи, да некогда, недостатка ради

тного, поносим будеши от нея; но ищи себе равные, или паче нижши себя, понеже жена честна мужем, а не муж женою. Ты не богатства, ни чести в невесте ищи; но ищи смирения и разума, наипаче же того ищи в невесте страха Божия, понеже страх Божий являет начало премудрости. И аще оба во страсе Божии будете жити, то вы и здешная и будущая благая получите (Сирах., глава 1, стих 12–13. Притч., глава 9, стих 10–11). О сем бо и Сам Господь Бог усты Своими рек, глаголя: ищите первое царства Божия и правды его, и вся приложаться вам (Матф., 6, 33. Лук., 12, 31). Тому Господню словеси и вы поревнуйте: ищите первее царства небеснаго. И аще будете пещися о царстве Божии и о всякой правде, то вся благая, не токмо грядущая, но и настоящая приложатся вам. И сего ради прошением ничего житейскаго у Бога не просите; ибо тако Господь рек, яко и прежде прошения человеческаго Бог ведает, чего кто требует (Матф., глава 6, стих 8). И сего ради ты, сыне мой, всю свою надежду возвержи на Бога: Той бо тя препитает и как тебе жити устроит, токмо буди ты тверд. Егда приидет на тя какая скудость или беда, разумей, яко от воли Божия пришла ти есть она: о сем писано есть, яко нищета и богатство, зло и добро, смерть и живот от Господа (Сирах., глава 11, стих 14); и сего ради, сыне мой, вся любезно приемли и благодарно. И аще благодарно понесете нашедшия вам скорби или беды, то велию мзду от Бога себе приимете и мученическаго венца сподобитеся прияти. И такова ради воздаяния подобает вам паче о бедах радоватися, а не скорбети, дабы от Бога мзда прияти вечная; понеже здешняя, и благая и злая, вся минутся, а будущая безконечна суть.

14. ***О избирании невесты***. Еще же тебе, сыне мой, сказую и завещеваю: егда невесту будеши себе избирати, то и красоты преизлишние не ищи, да не въведеши женнею красотою иных человеков в соблазн, и да не будеши чужим грехам виновен. А аще же искать будеши красоты духовные, а не телесные, то есть смирения и страха Божия, и по той духовной красоте аще получиши и телесную красоту, то веждь, чадо, яко воля Божия тако ти соизволила: не опасайся пояти ю, аще и велми прекрасна будет. Множицею бо то бывает, еже телесная красота совокупно с душевною красотою пребывают, яко же Сарра, Ревека, Рахиль, Сусанна, Юдифь и прочия тем подобныя древле быша, и ныне бывают, жены благообразны и благонравны. И егда начнется у тебя сватание за кую невесту, то другия или третия

в то время в сватание себе не приемли. И аще кто и будет тебе о иной какой невесте возвещати, аще и с великою похвалою, умолчи, дондеже[253] у тебя с тою невестою сватанию окончание учиниться: ты ли ей не нравен будеши, или она тебе не нравна. И с тою невестою сватание разорвав, да уже за иную невесту сватание заводи. А такова безумия не моги учинити, еже бы ти невест двух или трех во едины времена смотрити, понеже девица такой же человек, яко и ты, а не лошадь. Лошади, аще две или три или и вящши посмотриши, и аще и вси тебе понравятся, и аще богат будеши, то купить всех их и иметь у себя можеши; а кую и не купишь, обаче, аще ти и нравна была, долго скорбети о ней не будеши. А аще невест двух или трех посмотриши и все тебе полюбятся, то что имаши творити? Понеже расстатца не ведомо как, а взять всех их невозможно, и того ради поймеши из них едину; а последи та твоя жена чем либо не понравится, то ты во вся дни живота своего будеши о тех невестах скорбети, их же смотрил еси. А аще же ты коих невест смотря и не полюбиши, а они тебя полюбят, а ты из них одну поймеши, то ты всегда бойся, дабы тебе самому или жене твоей пакости каковые не учинили. Многие бо беды от сего чинятъся. А аще кую посмотриши и всеконечно с нею разъидешися, то ты свободен будеши и гневу между вами никавова не будет.

И таковых ради случаев, в сватании своем не спеши и смотрить невесты не весма поспешай; но первое о ней, прежде своего смотрения, всячески испытай, какова она есть. И аще по словам угодна ти будет, то ты тщись увидеть ю не нарядным[254] делом, но у церкви или на переходе где, дабы тебе на девицу зазора какова не навести и досады бы ей каковые не учинити. И буде тебе по таковому случаю невеста явится ти нравна, то уже и себя ей ясно покажи, обаче не нарядным же делом. И последи осведомься подлинно, еже ты ей понравился ли; и егда подлинно увеси, еже ты ей понравился, то тогда и дело свое начинай с нею. То добро и свято, еже бы оба из воли и из любви сошлися. А егда уже с коею невестою положиши свое слово, еже взяти ю за себя, то не моги ты, чадо мое, слова своего нарушити; уже бо ти какую иную невесту ни скажут, не приемли ю, да не сотвориши и в законном браке прелюбодейства.

15. Егда же приидет година[255] твоего брака, не дерзни к себе пригласити какова либо волхва или чародея, да не отжденеши от себя даннаго ти от Бога святаго ангела хранителя. Идеже бо будет

призван диавол, то тамо Бога не бывает, и святый ангел хранитель, и произволением того человека, отступает от него, понеже свет вкупе со тмою быти не может. О сем бо святый апостол Павел ясно сказует, глаголя: кое [рече] согласие Христу с Велиаром (Коринф., глава 6, стих 15)? Ибо аще кто, оставив Бога, да поищет каковые помощи от диавола, то от того человека благодать Божия отъемлется и ангел хранитель отступает от него. А егда уже от коего человека благодать Божия отъимется, то той человек душею и телом погибает, и хужши свиньи бывает, понеже диавол и над свиниями власти не имеет. А кой человек от диавола поищет помощи, то в том человеке диавол всю свою волю исполняет и до покаяния не допускает, но, исполнив свою в нем волю, во ад низводит. А аще ж кто диаволу места не даст и помощи от него не востребует, но будет призывати Самого Бога и всю свою надежду возложит на Его Божию волю: то в том человеке Сам Бог пребывати будет, и святый ангел Господень никогда не отступит от него, и во всех путех его и во всех делех его не токмо точно хранити, но и помогати будет.

Истинну тебе, чадо мое, изъявляю: еже аще кто диавола и диавольских чаровников, ни волхвов, ни шептунов, не призывает, но на Самого Бога уповает и во всяком деле на Его святую волю полагается, то от того человека никогда ангел Господень не отступает, и от всякаго не токмо точию случая злаго, но и от грехопадения соблюдает. И во время брака никаковая порча того человека коснутися не может.

Глава 2. О БРАЧНОМ ЖИТИИ

1. И егда, сыне мой, сватание твое приидет к брачному совершению, то ты брака своего тайно не твори: но приведи свою обручницу ко святой церкви, к литургии[256] и, последи литургии, при всем народе, начни венчатися, то никаковая неприязнь не коснет ти ся. Всякая бо порча прикасается к тому, буде кой человек будет венчатися тайным обычаем, или не во указное время, или кто вознадеется на какова либо колдуна, или с преизлишним желанием блуда. А кто идет по церковному уставу, возложив свою надежду на единаго Бога, без лакомства блуднаго, то до таковаго человека не токмо диавол, но и никакое зло не касается, понеже того человека ангел Господень охраняет и никаковому злу коснутися ему не допустит.

Но яко древле Товиина сына, Товию, послал Господь ангела Своего Рафаила, еже сохранити его от диаволя нападения, тако и тебя повелит Господь Бог ангелу Своему сохранити тя от всякаго зла и не допустит диавола ни с каковыми кознми прикоснутися вас.

Егда же от святыя церкве в дом свой прибудеши, то, помоливъся Богу и святым иконам честь отдав с поклонением, сяди со обручницею своею чиновно за стол. И на той твой обед пригласи презвитера, венчавшаго вас, и с причетники, да отца духовнаго своего, такожде и невестина духовнаго отца. А аще отца духовнаго твоего или обручницына не случиться, то пригласи и посторонних каковых презвитеров, местных или и не местных, дабы у тебя было Христово на себе имя носящих три человека. А причетников церковных посади за той свой обед дванадесять человек. И угости их, яко можеши, да уподобится твой брак бывшему браку в Кане Галилейстем. А аще трех презвитеров обрести на обед не возможеши, то да пируеши и с единым презвитером; а аще и причетников двонадесяти не собереши, то ты наполни то число нищими. А богатых сродников и соседей на той твой торжественный обед не приглашай, но пригласи их на другой день или на третей.

2. А такова безумия не моги сотворити, еже бы ти, не окончив обеда и оставя тех своих избранных гостей, итъти в чертог. То бо есть дело не християнское, еже, не окончив обеда и благодарения Богу за обед не воздав, да из за третия ествы востати и итти на постелю. [Я мню, что сей обычай древней поганской застарел в народе нашем.] Но и соверша обед, не ускори итти в чертог свой, да не оскверниши того дня: понеже той день, в онь же еси венчалъся, свят ти есть, за еже Дух Святый низшел есть на вас; и аще не прожанеши каким своим непотребством, то во весь день имать на вас почивати. И того ради ты, сыне мой, не моги язычески сотворити, но весь той день пребуди во благодарении и в хвале Божией, а не в похоти плотстей. И не токмо похоть своя плотская исполняти, но и песней скверных не попусти воспети, но в духовных песнех да проводиши весь той день. Не дерзни прогнати от себя низшедшаго на вы Духа Святаго.

По прямой же правде, подобает всякому християнину до трех дней со обручницею своею не совокуплятися. О сем ангел Господень Товии ясно изъявил (Тов., глава 6, стих), яко аще кто уподобится коню и мску[257], в нем же несть разума, Бога ис помышления

своего изринув, да токмо блуду настоит, и над таковыми людми диавол власть имеет. И прирече святый ангел Товии, глаголя: ты же, егда примеши невесту свою, и, входяще в ложницу, по три дни воздержися от нея и ни что же ино твори, токмо в молитвах с нею пребуди. К сему же еще и сие прирече святый ангел Рафаил: первая нощь — на прогнание демонов; вторая нощь — в честь святым патриархом [то есть святым отцем, угодившим Богу]; третию же нощь — ради благословения плода, да родятся от вас сынове здравые.

И ты, сыне мой, аще хощеши сам с невестою своею здрав быти, то ты первую нощь воздержися от совокупления; буде же хощеши, дабы за тебя святии отцы в молении твоем помагали тебе, то ради их чести и другую нощь воздержися; а аще же восхощеши сынов себе здравых имети, дабы тебе наместниками, паче же наследниками были, то ты и третию нощь воздержись. Не изнеможет бо глагол ангелов: како бо он изрек, тако то и будет, понеже к Товии послан бысть святый ангел от Самого Бога, и еже Бог повелел ему рещи, то он изрек, то и изъявил, что ему от Бога повелено было. Ангели бо Господни никогда не лгут и собою без Божия повеления не глаголют, ниже что делают своим умом, но вся по воле Божией творят и глаголют. И святый Рафаил открыл Товии о таинъстве женитвенном[258] с повеления Божия, дабы и мы вси о том таинстве сведомы были. И по тому Рафаилову слову аще кто учинит, тот и сам будет здрав, и дети будут родитися здравы. Искони Бог вся глаголы глаголет ангеловыми усты, и того ради слово ангелово — слово Божие есть, и верно оно есть. И тамо от ангела речено, в ветхом завете, яко первая нощь воздержатися ради прогнания демонов, вторая же нощь в честь святым угодникам Божиим, третия же нощь ради здраваго рождения детей. И ты, сыне мой, аще по сему ангелову слову исправиши, то веждь, яко будет так, како он изрек. Обаче, аще вышеявленные три дни воздержешися, то ты, сыне мой, по новой благодати, тридневным своим воздержанием прославиши Святую Троицу: ибо первое нощеденъство[259] будет в честь Богу Отцу твоему небесному, второе нощеденство в честь Богу единородному Его Сыну, третие же нощеденство в честь Богу Духу Святому. И за таковое почтение Святыя Троицы не токмо на сем свете здрав будеши, но и во грядущем здравствовати имаши, и с сожителницею своею, въкупе и с чады вашими, в некончаемые веки веков, и будете веселитися, яко на браке, и за прославление Божие и вы прославлени будете. О сем

Господь Бог чрез пророка ясно изъяви, еже прославляющаго Его прославит (1 Цар., глав 2, стих 30); и егда уже Господь обещался прославляющаго Его прославити, то уже и на сем свете и на оном прославлени будете. И сего ради ты, сыне мой, непрестанно Бога прославляй, и за всякое дело благодарение Ему возсылай, и не престая в мысли своей Бога имей; и аще из мысли своея Бога испускати не будеши, то и Бог с тобою будет, и диавол не токмо вредити тя, но и приближитися к тебе не возможет. И о сем, сыне мой, сам ты в себе разсуди: язычески ли тебе лучши исправляти, яко же они обыкоша, или божески, дабы и Бог в тебе был? И аз ти, сыне мой, сказую, яко аще с Богом будеши неразлучно жити, то яко диавол, тако и всякая сего света пакость, коснутися тебя не может. Языцы бо, яко дикие волки, нападют на своих невест, или яко жеребцы на кобылиц; ты же, христианин сый[260], не моги быти ни хищным волком, ни яростным жеребцом, ниже язычником, но буди подражатель праведному Товии.

А аще же, сыне мой, юность твоя преодолеет тя и воздержатися до трех дней никоими делы не возможеши, то всячески потщися, дабы тебе поне един день сохранити честен, да не проженеши Духа Святаго, того дня на вас сошедшаго и брак вашь освятившаго. Такои Его сохрани, яко же ти выше речеся. И егда той твой святый день окончится, и гости твои вси разидутся, то ты тогда, благословение от презвитера прияв, в чертог твой вниди. И въшед, первее станте оба пред образом Спасителевым или пред образом Пресвятыя Богородицы и, в начале вашего моления, прочитайте канон, сочиненный Богу Отцу нашему небесному, да канон Пресвятей Богородице, нарицаемый параклис, или акафист[261]. Приложите же и третей канон, святому ангелу хранителю, а по канонех учиненное правило на сон грядущих прочитайте, иже в канонниках положен бяше. И читайте каноны и молитвы оба вкупе; и аще невеста твоя читать не умеет, то ты не борзостю читай, дабы и ей внятно было и вся бы читаемая словеса могла во ум свой въместити и разумети. И читай каноны и молитвы от дву лиц, а не от единаго токмо своего, дабы молитва ваша была обща.

3. По скончании же того вашего правила, сотворите вкупе по три поклоны пред святым образом и тако на одре своем да возляжете. Егда же и на одр возляжеши, не зверски напади на ню и не зело ускори в совокупление внити, но первее сотвори любовное

лобзание и побеседуй, какие можеши полезная словеса и побожная, или и житейская кая, нескверная и некощунная. А весьма бы лучши, еже соснув совокупити(с)я, дабы не яростно было твое совокупление. Люторове и ученицы их напрасно святят схождение со женою: оно токмо на душу греха не наводит, а тело от снития весма сквернится. Апостол бо Павел нарицает снитие со женою блудом, глаголя: блудодеяния ради койждо муж да имать себе жену, и каяждо жена своего мужа да имать, и жене муж должную любовь да воздает, такожде и жена мужу (1 Коринф., глава 7, стих 2). А святый Иоанн Богослов ясно нарече совокупление со женою скверною, глаголя: иже со женами не осквернишася, девъственницы, сии последуют Агнцу, аможе аще идет, и наречени суть первенцами Богу и Агньцу (Апок., глава 14, стих 4). И на сие слово зря, преемниче люторъской, что отвещаеши? Аз мню, что лучши, уста своя заградив, молчати.

И о сем, сыне мой, известно веждь: аще и един день воздержешися и по вышеписанному сотвориши, то никаковая ти пакость не коснется. Господь бо Бог, видя твое исправление, не попустит на тя приитти никаковому злу, но якоже Товии юному приставил Господь ангела Рафаила, тако и тебя за воздержание твое соблюдет невредна.

Глава 3. О НАЧАЛЕ МИРСКОГО ЖИТИЯ

1. И по браце твоем, сыне мой, живи християнъски, не яко иноверцы или немцы люторскаго зловерия, но в съхождении имей воздержание. Дни неделныя и прочиих праздников храни в чистоте, такожде среды и пятки и субботы снабди; имей со женою своею снитие токмо на понеделник, на вторник и на четверток, и то аще праздника не случитъся. А коея нощи снидешися, то, не обмывшися, из дому своего не изходи и в ризы своя не облецыся: не уподобляйся безсловесному скоту. Аще бо брак и честен, и ложе не скверно, но истечение и без похотения, по Господню словеси, не чисто есть; колми же паче нечисто, кое от похотения блуднаго истечет. И ты, сыне мой, не ради душевныя, но ради телесные чистоты обмыйся, паче же того, повеления ради Божия измыйся, да не явишися Богу противником. Вси бо противляющиися Богу погибнут.

По всему бо явно есть, яко издание сие всескверннаго блудника розстриги Мартина Лютора, еже, переспав со женою, не обмывшися быти, и в той плотской скверне ходити, и святыни касатися:

понеже вси преемницы его во истечении похотном не поставляют ни малыя скверны. Вси бо они не обмывшися от истечения похотнаго ходят, понеже предводитель их Мартин блудолюбив был и, от великаго блуднаго лакамства, некогда было ему обмыватися. И такови ради невоздержности, и закон он ли сам издал, или, угождая ему и себе, инии узакониша, а Божий закон отвергли от себя, и яко свиньи обвалявшися в кале ходят, и святыни касаются, ничто же разсуждая. И таким своим разумом они, мартиняне, хуже свиней явишася: понеже свинья безсловесна есть, а они словесни суть, и им мочно было разуметь, что добро и Богу угодно, такожде и что зло и Богу не угодно. И преемницы его так обезумилися, что и доднесь образумитися не могут, и в той богомерзской блудной скверне съсылаются на Павлово слово, реченное в послании ко Евреем, в третиейнадесять главе положенное, еже он писал к ним, воздержуя их от блуда и дабы и оженившимися людми не гнушалися, но кии оженилися, ничто же бы сумнящеся; и то сумнение отводя от них рек, глаголя: честна женитва во всех и ложе не скверно, блудникам же и прелюбодеям судит Бог (Евр., глава 13, стих 4). Приложи же святый апостол рещи и сие, еже бы поминати нам наставников, кии нам глаголаша слово Божие, и взирати повелел нам на скончание их жития, и еже бы нам ревновати вере их. И вы, люторстии преемницы, зрите вси и внемлите словесем святаго апостола Павла: се бо повелел нам смотрити на скончание жития тех, кии быша преемницы апостолстии, а не люторския, и повелел подражати вере их. А тогда, в бытность святых апостолов, люторской злочестивые веры не было, а была токмо едина вера благочестивая. И по тому апостолову слову, како кто смеет, древнюю от апостолов утвержденную веру отставив, да подражати нововымышленой еретической вере? Тая благочестивая вера стояла тысящу пять сот лет, а Мартиновой вере люторской токмо двести лет не з болшим. Мы же, во православии сущие, по апостолову слову, взираем на древние учители, кии в чистоте душевной и телесной жили и иже глаголаша нам слово Божие; то есть, взираем на Василиа Великаго[262], на Григориа Богослова[263], на Иоанна Златоустаго[264] и на прочия древния учители, кии жиша свято, а не в блуде валялись, яко новоизникший лжеапостол Мартин Лютор. И преемницы люторовы вышереченное апостолово слово на землю повергоша и с калом смесиша; не восхотеша на древних учителей взирати и вере их подражати, но пошли новым

путем, иже издал Мартин Лютор, и паче Христа возлюбили новаго еретика и блудника всескверанаго. Он бо, Мартин, не потаенный блудник, но всему свету явный. И на таковаго сквернаваго человека, по апостолову словеси, како взирати и житию его таковому подражати, не вем! Обаче есть такие человецы, иже подражают житию его. Сам Бог истечение мужеское нарек скверною, и повел от нея не токмо самем единым измытися, но повелел и ризы своя измыти, и, измывъшися, той день даже до вечера тому человеку быти нечисту. А ученицы Мартиновы то похотное истечение нарицают самою честною чистотою и ровняют ее с миром благовонным, яко же аз слышах от Ахтырсково полковника Ивана Перекрестова! И по вышеписанным святаго апостола Павла словесем мочно всякому человеку, разумети, и не весма смысленному, еже он, святый апостол, не тому учил, еже бы по снитии со женою, не обмывся, людие ходили: но учил, дабы в чистоте жили, ибо повелел слушати учителей тыих, кии жиша по воли Божией, в самой душевной и телесной чистоте, и глаголаша словеса Божия, а не люторская, слабостная[265] и развращенная; но како тии древнии учители скончаша житие свое, повелел тому их житию ревновати. А Мартин Лютор со ученики своими вся та апостоловы глаголы отвергл и ногама своима попрал, но токмо изо всех тех апостоловых словес, яко пес, похапил[266] токмо едино слово, еже святый апостол Павел написал древним законникам, Евреем сущим, а не язычникам, но ведущим повеление Божие, иже Он, Господь и Бог нашь, любяй чистоту, издревле, еще в ветхом законе [аще и слабее той закон нынешняго был], повелел по снитии со женою обмыватися. И бе та заповедь Божия во Евреех хранима твердо, и того ради святому апостолу к ним и писать было не для чего: не токмо бо апостолу, но и простому человеку зазорно писать или и говорить о том, еже что сам он известно весть. Он бо писал токмо о том, еже бы хотящии в чистоте жити не гнушалися женатыми людми и женами своими законными, понеже ради чистоты телесные начали было и законный брак в скверну въменяти. И того ради святый апостол изъявил им, яко брак — честен и ложе — не скверно, понеже сънитие со женою законною греха на душу не наносит, аще с целомудрием, но токмо плоть одна сквернится истечением похоти; а аще кто соблудит с чуждею женою, то уже не тело едино, но и душу осквернит. Зри, люторе, и на сей апостолов глагол, иже рече, яко блудяй во свое тело согрешает (1 Кор., глава 6,

стих 18). Се бо блуд плоть сквернит и, не омывшися, единым покаянием не можно очиститися, но омовением и приложением труда очистишися.

2. Паки святый апостол Павел рек, дабы мы и во учения странная и различная не вдавалися. А Мартин Лютор и вся своя учения внесе странная, ибо презрел древняя и новыя заповеди Божия вся, токмо имя христианское на себе оставил, а делами весма от всех Божиих, и апостольских, и преемников апостольских законы и уставы весма отринул. Сам Бог, еще прежде Моисеа, ясно запретил, дабы людие крови всякаго скота не яли; при Моисее же паче подкрепил, дабы отнюд никаковые крови человецы не яли. И то Господнее повеление он Мартин Лютор, разрушил и, по его повелению, ученицы его и доднесь с великим люблением скотию кровь ядят. Сам же Господь повелел поститися, а Лютор и пост отринул и, по повелению его, послушницы его, яко безсловесный[267] скот, ничто же разсуждая, по вся дни мясо ядят, и в самое воспоминание страстей Христовых мясо, яко безкнижная Мордва, ядят. И не до сего ста, но и свадбы играют, и въместо плача танцы водят веселостныя.

Господь Бог повелел нам учителей себе избирати смотря по житию их святому (Матф., глава 7, стих 20). И мы, православнии христиане, древняго благочестия держащиися, тако и творим: тех учителей слушаем, кии жили в чистоте, а не в блуде, в посте и молитвах пребывали, а не в пиянстве и танцах веселилися. И за таковое их удручение плоти Бог прославил их дивными чудесы, иже мертвых воскрешали, горы преставляли, и болезни, неудобь исцелные, врачевали своими молитвами. А другия народы явно пред Богом погрешили: вышепомянутую заповедь Божию ни во что въмениша, и во учителя себе и в предводителя ко спасению избраша сквернаго блудника, и хощут от терния обирати грозды и от репия смоквы (Матф., глава 7, стих 16), и по его прелестному учению и доныне живут; яко безсловесный скот, ни в чесом скверны, ни греха не признавают, но все у них свято. И ты, сыне мой, не прикасайся нимало к учению их люторскому, но приемли учение древних учителей, о них же святый апостол Павел возвестил нам и повелел житию их подражати.

3. Мы вси прежде Мартина Лютора вемы, яко совокупление законное души не сквернит, но токмо сквернит тело; и того ради надлежит тело омыти, а не омывшися, по Господню словеси, нико-

ими делы быть человеку невозможно, за еже похотное истечение его оскверпит. И аще ти, сыне мой, речет кто от люторских преемников: «отнюд де после снития со женою омыватися не подобает», и ты его вопроси: «которой апостол или пророк или от древних святых отец написал сие, еже по снитии со женою не обмывся ходити?». И аще он речет: «Павел де апостол явно написал, еже брак честен и ложе не скверно», — и ты ему паки рцы: «да чево ж де ради он не написал того, чтобы по снитии со женою не обмывшися ходити?». И аще речет: «мочно де и самому знать, что когда в чем скверны нет, того и омывать не подобает», — и ты ему отповеждь: я де человек простой и толковать по вашему не умею; а то де я и без толку вашего знаю, что Сам Господь повелел, по снитии со женою, еще и в ветхом завете, обмыватися: колми же паче подобает в новой благодати чистоту хранити, понеже не пришол Господь ветхаго закона полезная дела разрушити, но еще и подкрепил». И о сем ниже речется. И паки рцы воспретителю своему, глаголя: «видиши ли, яко апостол Павел не нарушил древняго Божия узаконения, но токмо вы нарушили Божие приказание, еже Сам Бог повелел в чистоте ходити; а вы в нечистоте плотстей велите ходити и я вашему слову верити не смею. Аще бы омовение не потребно было, то како бы Павел апостол умолчал? Понеже писал он сие ко Евреем, и о сем он совершенно был известен, что Евреи вси, не омывся, не токмо во святилище, но и из двора вон не выходят, и сам он евреин же был: то како бы он не написал к ним, еже бы омыватися было не потребно? И сего ради, пожалуй, ты умолкни и не приводи людей в соблазн; паче Бога не мудрися, дабы тебе не объюродети; не послабляй ты людем Божиим в нечистоте жити. А аще хощеши о сем послабити всем нам, то первее сыщи, кроме блудолюбца Мартина, от святых отец кого ни есть, еже бы повелел омовение отставити, то тогда и я послушаю твоего повеления; а аще же не обрящеши, то для Бога умолкни и на душу свою греха не наводи. Горе приводящим люди в соблазн, горе бо и мудрым о себе. Господа ради, не мудръствуй паче Бога». А аще кто Самого Бога слушати не хощет и апостолу Павлу внимати, тот живи люторски. Токмо тебя, сыне мой, сохрани Боже от такова безумия. Господь бо Бог сотворил нас самовластных и положил пред нами два пути, и им же восхощем, тем и шествуем. Аще кто похощет здесь по-люторски повеселитися, то на том свет возрыдает; а кто хощет на оном свет вечне веселитися,

тому подобает на сем свете нужду претерпети и Христовым словесем вънимати, а от люторства бежати, и яко душевную, тако и телесную скверну будет омывати.

Люторане напрасно на святаго Павла съсылаются, яко бы он послабил в нечистоте телесной им ходити. Павел апостол достоверно ведал, что истечение похотное скверно есть и еже не омывшися ходити не можно, понеже и сам он евреин был, а не язычник, и рода фарисейскаго. Но писал он то, чего новопросвещенные Евреи не знали: те бо новопросвещенные Евреи не то чтоб хотели, по-люторски, не омывшися ходити, но и женидбу в скверну въменять было стали, и женатыми людми гнушатца было начали; и того ради Павел апостол и писал к ним, чтобы они о женидбе не сумнялися. И вы, люторстии преемницы, сами в себе разсудите: како было апостолу то писать, что они твердо хранят? А вы, от высокаго своего самомнения, и в церковь дерзаете входити, и к причастию в той плотской скверне приступати не усумневаетеся. О, лютаго люторскаго безумнаго разсуждения, о, великаго и несказаннаго безстрашия! Разве вы Тело Христово за простый хлеб снедаете, то вам ничто есть; а по нашим православным древним догматам, толь Тело Христово свято, еже и ангели святии со страхом на него зрят, и мы на сем свете не имеем иные святости, еже бы подобна была ко уравнению Телу Христову. И к такой превеликой святости приступая, мы не токмо тело омываем, но и душу свою святым покаянием очищаем, и сладостное насыщение все из себя истребив, да к таковому преестественному делу приступаем. А что Бог осквернил, то како нам то поставляти в чистоту? А сие вы, бедные высокоумы, забыли, еже и во откровении Иоанну Богослову ясно явлено (Апок., глава 14, стих 4), яко тии человецы, иже со женами жиша, осквернишася, и последуют Агньцу Божию токмо тии, иже со женами не осквернишася и ложа женитвеннаго не познаша, то есть девственницы токмо едины.

А люторстии преемницы и обмыватия от тоя скверны плотския не хощут, и нам возбраняют, и от такова их глубокаго безумия ничто же суть они, токмо безсловесный скот, или незнающие Бога язычницы. Святый бо апостол Павел того не написал, еже бы Божий приказ отставить и, переспав со женою, не обмывшися бы ходити.

И да не зазрит мне от верных никто же, еже о едином омовении многократно воспомянух: понудила бо мя презелная люторская

глабость и гнилыя их толки, дабы во многократном воспомяновении паче могли пояти[268], яко не надлежит люторскому гнилому рассуждению нам православным внимати.

А аще кто соблудит со женою чуждою, то тот грех не токмо водою, но и покаянием без довлетворения не очиститца; а Лютор и довлетворение отверг от себя, но во всем ученикам своим послабил.

4. И аще коего человека, мужа или жену, начнет плоть воспаляти к блуду, то годствует иные нужды отставити и мужу женитися, а девице или вдовице посягнути за муж, дабы в таковый скверный и смертный грех не въпасти, и в протяженном таком грехе долго не быти. Понеже человек смертен есть, а за блудный грех, по правилам святых отец, отлучаются от причастия на лета многая, и в таковое протяженное время множицею и смерть случается. И смертнаго ради страха велми годствует сего блуднаго греха блюсти себя, дабы не впасти в него. И от сего греха отвлача нас, святый апостол Павел к Коринфяном написал, яко лучши есть женитися, нежели раждизатися (1 Коринф., глава 1, стих 9). Видиши ли, чадо, яко Павел апостол и от раждизания отводит, и повелевает женитися: колми же паче, от самаго блуда отводя людей Божиих, пишет сия. А и оженившимся повелел сходитися времянно, а не тако, яко люторовы ученицы и преемницы творят, и повелел пребывати в посте и молитве, а не по-люторску в нечистоте быть; и вместо поста сладостныя ествы ясти, или въместо молитвы скакати, и плясати, и танцы водити. И ты, сыне мой, твердо внемли словесем святаго апостола Павла: се бо и с женою повелел сходитися с воздержанием и повелел пребывати в посте и молитве. И по сему апостолову словеси, како бы кому не обмывъшися ходити? Понеже, по снитии со женою, донележе не измыется водою, не можно ни х каковой святыни приступити, ни благословения презвитерскаго прияти, ни самому, аще презвитер сый, кого благословити, понеже на теле его есть скверна телесная, от истечения похотнаго изшедшая. А неомовение от тоя скверны не ино что знаменует, токмо похотливость к блуду и противность Богу.

5. Еще бо Мартин Лютор не родился, а православнии христиане то знали, еже брак честен. Еще бо и прежде апостолова послания, Сам Господь Бог объявил нам, яко брак честен, ибо, во время плотского Своего бытия на земли, в Кане Галилейстем на браке был, и обедал тамо, и, видя недостаток вину, первое чудо сотворил на том торжестве брачном и силу Свою Божию объявил: простую воду

в вино претворил (Иоан., глава 2, стих 7). А кроме брака ни на каковом пиршестве Господь не обедывал. И по сему, паче и Павлове словесе, нам православным явно есть, яко брак честен. И нам несть ни единаго словесе о браке, ниже о снитии: но токмо наше слово лежит о истечении, от похоти плотския изшедшей. Понеже Той же Господь Бог, бывый на браки, прежде Своего воплощения узаконил, еже по снитии со женою обмытися, а не обмывся никуды не исходити, но, и омывшися, той день нечисту быти [и то вседневное медления ко очищению от скверны тоя телесныя въместо игоношения у Бога положено бяше]. И на сие Божие слово всяк зри и разумей, яко аще кто и водою измыется, обаче тем омовением весма, без игоношения, не очистится; но егда во игоношения той весь день пройдет, то тогда уже совершенно очистится. А той изменник Христов, Мартин, не то что по омовении указное время игоношения на себе понести, но аще то истечение и по бедрам течет, а он уже по своему суемудрию и чист стал быти. Чудное и пречудное дело, как в таковое безумие народ такой великой, Немецкой и Белоруской, въпал, еже явнаго Божия приказания не слушают, да слушают проклятаго изверга, Мартина Лютора, и учеников его сквернолюбцов, и на Господа Бога клевещут, яко бы Он закон Свой нарушил, а паче на святаго апостола Павла лгут; будто он омовение плотское отставил! Ни! Апостолу Христову не можно вопреки что Господу Своему сотворити или глаголати, но токмо вопреки глаголют и творят антихристовы апостоли, а не Христовы. Тыи токмо люторстии преемницы вопреки Христу делают: не токмо о едином омовении прекословят, но и вся заповеди Божия опако обращают.

Христос не пришол древний Свой закон разорити, но исполнити. Сам бо о Себе ясно изрек, глаголя: Аз не приидох разорити закон, но исполнити (Матф., глава 5, стих 17); то како апостол Христов может закон Его разоряти? Тако бо Господь ясно рек, глаголя: не мните [о Мне], яко приидох разорити закон или пророки; не приидох разорити, но исполните; аминь бо глаголю вам: дондеже прейдет небо и земля, и ота едина или едина черта не прейдет от закона. И подкрепляя Своя заповеди, тако Господь рече (стих 21): слышасте, яко речено бысть древним: не убиеши; иже бо аще убиет, повинен будет суду; Аз же глаголю вам, яко всяк, гневаяйся на брата своего всуе, повинен будет суду. И паки рече Господь (стих 27): слышасте, яко ре(че)но бысть древним: не прелюбы[269] сотвориши;

Аз же глаголю вам, яко всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею. И паки рече Господь (стих 38): слышасте, яко речено есть: око за око и зуб за зуб; Аз же глаголю вам не противитися злу; но аще кто ударит тя в десную твою ланиту, обрати ему и другую. И паки рече Господь (стих 43): слышите, яко речено бысть: возлюбиши искренняго своего и возненавидиши врага твоего; Аз же глаголю вам: любите враги ваша; благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас и молитеся за творящих вам пакости и изгонящих вы; и за то будете сынове Отца вашего, Иже есть на небесех. И на сия глаголы Христовы зря, всякому мочно видети, яко Господь в новой благодати не послабил и перваго Своего законоположения не нарушил, понеже Сам Он Законодавец бе, но паче перваго подкрепил, глаголя: аще кто написанных в законе заповедей сих малых едину токмо разорит и научит тако человеки, мал наречется во царствии небеснем [то есть: яко на брак пришедый не в брачных одеждах изгнан бысть и ввержен во тму кромечную, тако и мний не возможет быти с великими купно, но изгнан будет и ввержен во тму кромечную]; а иже сотворит и научит, сей велий наречется во царствии небеснем. И, по вышеписанным Господним словесем, не вем, не вем, како Господне повеление о обмовении оставити! Мартин Лютор что ни делал, того он и сам не ведал, понеже он, от презелныя ярости к блуду, вне ума своего был; а иным было мочно, и поосмотрясь, Законодавца своего истиннаго Бога законы порочити, и обращати их опако[270], и законы располагати по своим прихотям, по-люторски.

6. И всяк, поставляяй плотскую похотную скверну в чистоту и мняй, яко бы не подобает ю омывати, позри на сие умным своим оком и разсуди здравым умом. Сажа копчоная, аще не токмо скверну в себе какую имеет, но еще и многих иных материй чищши есть: обаче, аще и мало ею лице свое или руце очернит, то, не омыв того своего и малаго очернения, и из дому своего не изыдет. А аще восхощет итъти пред царя, или и пред велможу, или и к своим равенникам[271] на пиршество, то и двократы или и вящши измыватися имать, дабы и признаки[272] тоя черности на лицы или на руках его не значилось. И не токмо лицо или руки, но аще и на одежде какое очернение есть, то, не очистив с тоя одежды каковаго и малаго очернения, из двора вон не выходят. И не токмо на одежди, но аще и на сапогах какое и от персти[273] призачернится, то и того не

очистя из дому своего не исходят. Колми же паче подобает тое учернение человеку омывати, которое Богу мерзко! Аще бо кто учернитъся сажею, или и иным чем, и то очернение, малое или и великое, Богу гнюсности никаковые не наносит, обаче вси, и люторскаго зловерия, не омывъшися от видимыя человеками черности, не токмо пред царя, но и в торг или на вечеринки свои не ходят; а пред Бога смело идут в том очернении, кое Господь Бог видит Своим Божиим зрением и заповедал всем Своим верным рабам измыватися. И аз не вем, коего духа бяху люторане и белорусцы: не токмо царя своего или велможи, но и клевретства[274] своего стыдятся, а небеснаго Царя и Бога ни во что поставляют! От царя аще и несть такова запрещения, еже бы пред него не измывшися не приходили, обаче и без повеления его омываются; а Господь имянно повелел от похотнаго истечения уморавшимъся омыватися, а люторане и белорусцы сами не моются, и инем запрещают; дабы вси Богу вопреки делали. Чудное сие дело, како бренные человецы умняя Бога своего хощут быти! И люторанам не дивно вопреки Богу что творити, понеже они люди отчаянные, и на древний Божий закон со оружием ополчишася, и вся древняя догмы опако обратиша. А белорусцы вси древняго благочестия твердо держатся, а во омовении от похотнаго истечения люторам последуют. Чудное сие дело, что в Писании и сокровенные речи разсуждают, а сего явнаго и всем откровеннаго заповедания Божия не могут пояти!

Ты же, сыне мой, сие себе веждь: елико Бог человека болши, толико и очернение похотное от очернения сажнаго болши есть. Видимое бо очернение сажное, или и иное какое, тленными очми видят, а невидимое очернение плотское невидимое око Божие видит. И по сему явному изъявлению мочно и не весма мудрому человеку сие разумети, еже яко небо от земли отстоит, тако вещественное очернение от осквернения похотнаго отстоит; яко капля при мори, тако сажа при очернении истечения похотнаго. А людие не токмо сановитии, но и простии, из домов своих мало исходят в том видимом очернении: колми же паче подобает Самем Богом зримое очернение омыти!

О сем всем людем не неизвестно, еже аще кто что от своего умничества[275] ни издаст, наипаче же в духовных делех, той сам себя в проклятие въводит, и кто таковых и слушает, в то же проклятие въведет. А Мартин Лютор колико каких законов ни узаконил, а вси

от своего умышления издал. И того ради вси тыя его законы стали быть Богу противны, понеже он во уме своем вознесъся, и древних святых отец, в посте и во всяких добродетелех просиявших, уничтожил, и вся уставы церковныя отринул; и не токмо отеческая, но и Божия заповеди отверг и издал вся новая, древним преданием противная. А святый апостол Павел ясно о сем изъявил, яко Бог мира сего мудрование обуил (1 Кор., глава 1, стих 20). А он, Мартин, вся своя законы издал по умъствованию мира сего и по лакомству своему, а не по духовной твердости. И паки той же святый Павел, Римлянов уча, глаголет; яко кии человецы возмнят себя быти мудрых, тии уже обезумишася (К Рим., глава 1, стих 22). И по сему апостолову слову, он, Мартин, явился самый всесветный дурак, понеже в разуме своем велми вознесъся и никого в равенство себе не уподобил, и того ради и в совет себе старших себя и мудрших никого не пригласил, и не токмо восточной, но и западной Церкви учинился противником, и учинился он сугубый еретик, перелитрованный[276] в еретичестве своем: первее был в римском отпадении, а потом высочайшую себе ересь обрел, и бысть еретик еретиковичь. И кии человецы его, Мартина, и похваляют, то вси тии либо несовершеннаго разума, либо несовершенно его ереси разумеют. И аще кто, ведая его пред Богом противление, да похвалит его законы, то той пред Богом сугубо согрешит и в таковое же проклятие въпадет, яко и он.

И ты, сыне мой, ведая вежды, яко смертне согрешиши, аще Бога и приказание Его ни во что въимениши и, по-люторску, переспав со женою своею, не обмыешися и риз своих не измениши. Аще же к Богу любовь имаши и верный Ему раб быти хощеши, то и повеление Его люби, и исправляй их; противно же воли Его Божией ничесого не твори, и всякая наказания от Святаго Писания яко от честых Его Божиих уст приемли, и во всяком деле, несравненно с человеческими делами, Его Божия дела веди, и повеление Его твердо храни, и что Богу не угодно, того отнюд не твори. А аще Бога с человеки будеши ровняти и повеление Его ни во что въменяти, яко же люторане творят, то аще на сем свете Бог тебя не накажет, то уже во грядущем веце стогубо[277] постраждеши. Тамо бо не токмо за телесную похотную скверну, но и за словеса пустошная воздаши Богу ответ. Не умничай паче Бога и словес Его в ничтожность не повергай. Он бо рек, яко за всякое праздное слово, еже изрекут

человецы, воздадут ответ (Матф., глава 12, стих 36): колми же паче, аще кто не словом, но самым делом погрешит пред Ним! И сего ради ты, сыне мой, отнюд пустошных словес, наипаче же ругательных, не глаголи, но токмо что потребно, то и глаголи.

Паки, сыне мой, и сему внемли: егда Господь сходил к Моисею на Синайскую гору, тогда повелел Бог всем людям, до сошествия Своего за три дни, от жен отлучитися (Исход, глава 19, стих 15). Видиши ли, люторе, яко, и по омовении, три дни не удостоишася и к Синайстей горе приступити: а ныне не к Синайской горе, но к самому престолу Божию како кто дерзнет нечист приступити? И того ради ныне, в новой благодати, паче древняго подобает человеку себя пред Богом очищати: понеже тогда сень была, ныне же самая истинна совершается. Тогда Господь схождение Свое чинил чрез ангела, а ныне уже Сам Он, Господь и Бог наш, чрез волю Свою, в действе Евхаристии[278] присутствует Своим низхождением, и Святым Своим Духом вся сущая во святей литургии совершает и освящает. А люторы и преемницы их ту великую святость церковную хужши Синайские горы поставляют, еже, переспав з женою и не обмывшися, яко безсловесный скот, в церковь идут и святыни касаются. Люторам вся Божия и отеческия заповеди ни во что, но токмо предводителя своего Мартина слушают. Избрали себе въместо законника беззаконника, въместо чистотолюбца сквернолюбца и, въместо ангельския чистоты хранителей, бесов блудных послушника и блудные похоти рачителя, и тому всескверному блуднику душами и телесы въверилися. А той Мартин, по Господню словеси, тогда же, егда он такое растленное учение начал издавати, довелся огню предати. О сем бо Господь Бог ясно всем нам изъявил, яко древо, не творящее плода добра, посекается и во огнь въметается (Матф., глава 7, стих 19); а прежде того словесе рек, яко древо злое не может плода добра сотворити. И ради совершеннаго нам поятия прирек Господь, глаголя, дабы мы от плодов учителей себе познавали; еще же и сие прирек: не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет во царство небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех. И сие всяк зри и разумей. Се бо Господь ясно изрек, яко творящии волю Отца Его небеснаго [то есть волю Божию], и по сему Господню словеси, токмо тии вънидут во царство небесное, кии человецы живут по воли Божией; а кии противно Божией воле живут, тем несть части во царствии небеснем. И всякий человек

рассуждай, то ли то воля Божия, еже по-люторски, в плотской скверне, не омывъшися ходити? Ни! Лгут бо люторане, сказующе о себе, яко бы они по воли Божией живут. Аще бы по воли Божией жили, то бы они онаго прелестника, антихристова посланника, Мартина Лютора, тогда же бы по Господню словеси во огни сожгли. А они, бедные, обрадовались легкостному[279] житию: что той прелестник сказал легонко, тому и поверили. А узкой и прискорбной путь, от самого Господа похваленный, иже въводит во царство небесное, оставили, и избрали себе, по глаголу учителя своего Мартина, путь широкой, и хощут им вънити во царство небесное, тем путем, который ведет в вечную погибель. И аще бы здравый ум ученицы Мартиновы имели, то бы, по евангельскому Господню словеси, не токмо его единаго, но и учение его, и кии тогда на легкостныя его словеса склонились, и тех бы въкупе с ним, во огни сожгли, дабы и память таковаго прелестника вечно погибла. Нам же, во православии сущим христианам, годствует от таковаго их прелестнаго учения удалятися, дабы в такое же безумие люторское не вдатися. Сыне мой любезный, велми бойся люторских преданий, понеже вся предания и толкования их велми развратна суть и Божиим заповедем противны.

И аще кто чтый, от умножения словес моих о едином омовении, вознегодует на мя, и аз извествую о сем, яко умножих от нестерпимыя досады: понеже люторане велми истечение похотное легчат и святят. И аще и зазорно о едином деле десятерицею воспоминати, обаче воспомянух, елико за Божиею помощию возмогох. А прочее аще кто восхощет о люторском развратном житии и о неправых их толкех, той да зрит во *Очевидном Зеркале*, в 23-й главе: тамо бо многия их пакости может узрети и разумети.

7. Егда же, сыне мой, даст тебе Господь Бог от семене твоего плод, то не велми избирай имя, но паче тщися нарещи имя того святаго, на кий[280] день Бог тебе его изведет из утробы жены твоея на свет. А и в том дне избирай паче имя то, коего мало дают люди, дабы и тыи святыи, за тяжелость имян, не в презрении были. Сей бо обычай в народе не весма прав, еже имяна давати младенцем знакомые, а диких[281] имян обегают, иже суть: Созонт, Доримедонт, Акила, Селиван, Евлампий, Ермоген, Евгений, Евграф, Орест, Олимъб, Урбан, Фалалей, Амъплий, Епимах, и прочиих таковых имян не дают, и тыим святым презрение чинят напрасно. И не без обиды сие им чиним, понеже они такие же святии угодницы Божии, яко же и лег-

кие имяна; а мы так их презираем, еже и имян их слышати не хощем. А аще бы никакова имяне не обходили, то бы и тии святии славились: ов бы тезоименника своего образ написал, а ин бы и церковь во имя тезоименаго своего патрона воздвиг.

И аще, по уставу, восхощши и до осмаго дня новорожденному младенцу имя нарицати, и еже бы быти ему до того осмаго дне без имяне, и то буди так по намерению твоему. Обаче и тогда тщися имя нарещи того святаго, в он же день он родилъся, и тако день рождения его будет во вся дни живота его памятен. А аще до осмаго дни не будеши того своего младенца без имяни держати и восхощеши в первый день и имя ему нарещи, то наипаче потщися, дабы ти того святаго не минути и нарещи бы того святаго, аще славнаго, аще и неславнаго, аще легкое имя, аще и тяжелое, каковое ни случится того дне [то бо презвитери от недознания своего тако творят, еже тщатся нарещи имя младенцу того святаго, коего случится по рождении младенца во осмый день]. А в требниках того ради положено, еже бы до осми дней младенцу быть без имяне, и во осмый день принести его в церковь, и тамо, пред царскими дверми или пред образом Пресвятыя Богородицы, повелено имя нарещи; а о том не положено, еже бы того святаго нарещи имя, в он же внесен быстъ в церковь. И по сему яве есть, яко о избрании имяне положено на произволении; и аще кто изволит имя нарещи того осмаго дне случившагося, или четыредесятаго, или более, или и перваго дни, в он же родился, в том несть ни греха, ни запрещения.

И тебе, сыне мой, в закон аз сего не полагаю, точию изъявляю: яко лучши и свойственнее есть того святаго нарещи имя, в он же день младенец родится, и тако день рождения его, и без записки, до скончания живота его не забвен будет. О сем же ти твердо завещеваю, да долго младенца не крещена не держиши: но всячески потщися, еже бы ти в третий день, или во осмый по рождении, и крестити его, и Тела Христова причастити, дабы тебе в правилную вину не въпасти. Понеже мнозии и в возрасте нечаянно умирают, во младенчестве же и паче опасно, дабы некрещеный не умер и в замедлении крещения души бы его не погубити, и чтобы и вам обоим век свой о душе его не плакати: понеже некрещеные дети вси царствия Божия не наследят, а и вы на оном свете истязани будете. Спросит бо Бог тоя души на вас и, за небрежение, без мучения не пробудете, ибо в том небрежении и свои добрые дела погубите.

Буде же женскаго пола родится младенец и того дне имяне женъского не случится, то да наречеши тое имя, кое въпреди ближее имется. А назад не моги давать имяне, понеже той день бяше уже прошол и како можеши его возвратити? Но и не хотя будеши его целый год ждати, а въпреди и много что дней десять тебе пождати, а не целой год.

8. Егда же чадо ваше будет здраво и начнет языком своим немовати[283], то не могите в самом начале в вечную погибель его низводити, якоже нецыи безумные отцы чад своих учат: въместо еже бы учить младенцу Божие имя натверживати и страх Божий в него вькореняти, а они первее учат безстрашию. Ибо отец учит матерь бранити, и кукиши ей казати, и по щекам бити; а матери насупротивно тому же злу учат и повелевают отца бранити, и бить, и кукиши казать, и за бороду драть. И младенец еще не разумеет, что то есть свет или что тма, или что добро или зло, а отцы и матери, прежде всякаго учения, и начнут чадородие свое учить злым делам и погибелному нраву. И тем погибелным учением тыи безумные отцы и матери утешаются, а того бедные не ведают, еже чесому в самой младости дети научатся, то и в самой старости того не лишатся. Яко младое древо камо[284] наклониши или куды скривиши, то уже во старости никоими делы исправити его невозможно: тако и младенец, аще в юности научится злу, то уже и в старости добрым человеком не будет. Аще бо младенца кой отец и не учит злу, но токмо аще не в наказании возрастит, то и тии зли бывают и погибают. Аз бо много таковых своим подлым оком видех, кии в потворстве возрасли: овии повешены, овии же в пианство уклонилися, и пожитков своих лишишася, и смертми нечаянными измроша, иния же безвестно погибоша. И тако у нас в России народа болшая часть погибает от неучения младенческаго, то есть от потачки.

И киих уже отец да мать научат злу, то о тех уже и спрашивать нечего, и таковых всех спросит Бог на отцах, да на матерях. Избави Боже и началствующих людми, дабы не взыскал Бог и на них, понеже у нас народ ненаказанной. Мню я, что всякому камандиру, а наипаче духовному чину, надлежит о сем пещися, дабы отцы и матери детей своих учили страху Божию и всякому благонравию. Отцы бо и матери хужшее, то есть плоть раждают, а лучшее, то есть душу, погубляют, и чад своих души и с плотию в вечную погибель реют. Лучши бо чад не раждати, нежели, родив, да и з душею погубити.

И како Бог не взыщет на отцах, да на матерях тех погибших душ? Ей, взыскуя взыщет. Токмо сохрани Боже, дабы не взыскалось на архиереех и на отцах духовных за неупасение их, дабы не збылось на них реченное от Бога чрез пророка, глаголюща владетелем, еже под рукою его живущих и от неупасения погибающих от руки их взыщет.

И ты, сыне мой, аще хощеши таковыя своея беды избегнути, то, егда даст тебе Бог чада, и ты в начале не токмо таковому безумию, яковое выше явих ти, учити, но и того не учи, еже бы тебя звал тятею, а матерь мамою. Но самое ваше началнейшее учение да будет: «Бог на небе», и, руку его взяв, указуйте ею на небо и паки глаголите: «Бога бойся; ни с кем не бранися, ни дерися; Бог с неба смотрит и, что ты ни зделаеши, видит; и языка своего не выставливай: Бог за то тебя убьет»; и всячески страх Божий водружайте в них. Объявляйте же им и милость Божию, чтобы они Бога любили и боялись бы Его, понеже сие издревле писано есть, яко начало премудрости страх Господень (Притч., глава 9, стих 10). И по сему в ком уже будет страх Господень, то в том и премудрость Божия будет, и таковаго человека душа уже не погибнет.

9. Образам же святым учите детей своих кланятися по достоянию и глаголите им, указуя на образы: «сей — образ Божей; а сей — Богородицын; а сей — угодника Его, сего или сего; и ты им кланяйся, а Бог с небеси, видя твое поклонение, помилует тебя и даст тебе того или того много». И аще тако их научите, то они и вы милость Божию получите. Надобно детей учить неоплошно и держать их в великой грозе: первое, чтоб пред Богом трепетен был; другое, чтоб и вас боялся. Так ведите, чтоб и взъгляду вашего боялись. И аще в Божием и вашем страхе возрастут, то они добрые люди будут; а есть ли же в ласкании, и во всякой потачке, и в неге возрастите, то уже в том пути не будет: либо будет пьяница, либо блудник, либо озорник, либо и самый вор. Аще бо со младенчества детей своих научите себя бранить и бить, то в возрасте бойтеся, чтобы вам от них до смерти убиеным не быть. Велми бо, велми зло, еже младым детям чинить потачка: всякое бо зло и безумство родитца от родителевые потачки.

10. А кой человек в наказании возрастет, той всегда доброй человек будет. Того бо ради древнии святии, соблюдая людей от погибели, повелевали детей своих бить нещадно. Исус Сирахов тако рек: сыну своему не давай воли в юности его, но сокруши ребра ему,

дондеже млад есть; а егда ожестеет[285], то уже не покорит ти ся. Паки подтверждая, рек: сына аще в наказании возрастиши, то удивит тя, игранием же погубиши его; а аще в наказании возрастиши, то последи насладишися от него и похвалишися о нем. И паки глаголет: любяй своего сына участит ему раны, да напоследок возвеселится о нем (Сирах., глава 30, стих. 1–2, 9–12). Соломон же глаголет: жезлом бей младенца, да душу его избавиши от злыя смерти (Притч., глава 23, стих 14). И паки глаголет: аще кто сына своего не любит, той жалеет жезл свой от биения; любяй же своего сына прилежно наказует его (Притч., глава 13, стих 25). И паки глаголет: сына своего наказуй, и возлюбит тя и даст лепоту души твоей (Притч., глава 28, стих 17). И сего ради ты, сыне мой, в великом наказании чад своих имей, и яко страху Божию, тако и цареву учи. К тому же смирению и прочиим добродетелем учи их прилежно и наказуй нещадно. И не токмо самому тебе с ними играть, но и на улицу ради играния не пускай их, дабы не навыкали, от неключимых[286] отрочат, кощунства, и всякаго сквернословия, и празднословия. Сам бо Господь, уча нас, тако рек, яко за всякое праздное слово в день судный воздадут ответ (Матф., глава 12, стих 36). И сего ради велми блюди чад своих от всяких пустошных и смехотворных словес, дабы и вам ответу Богу за них не дати.

11. Егда же коего сына отдаси во училище, книжнаго ради научения, то и тогда ни малыя воли ему не давай, но в велицей грозе держи ево. И приставь к нему приставника[287] вернаго, старика или старуху, чтоб ему не попускали с рабятами играть, а наипаче не попускали бы с ними въместе спать или и сидеть на одине; так тем приставникам твердо накажи, дабы из очей своих ни на мал час не выпускали. А егда повозмужают и за двенатцать лет которой сын переступит, то блюди твердо, дабы з девицами и со женами ни малаго кощунания[288] не чинил; и спать с ними, аще и в свойстве кая будет, не попускай; ниже со отроки на особности попускай ему спати, дабы он в самой младости и прежде возмужания в блуд не впал. И того ради все бы твои дети спали во очесех ваших; и в нощи надзирайте их, дабы кто из них не изшол во иную храмину начевать. А наипаче не попускайте на чужие дворы, аще и к свойственникам, ходить начевать, но всегда бы начевали во очесех ваших.

12. Егда же книжнаго учения славенъскаго крепко навыкнут, и грамматику славенскую изучит кой, такожде и писать добре на-

учится, и, выкладке цыфирной научив до деления, поучи его и латинской грамате и языку, или греческому, или хотя полской грамоте и языку, а потом поучи его и художеству-[89], х каковому он свойственен будет. И каковому художеству, тягостному или и лехкостному, научиши, то как твое хотение будет. А сего учения не моги отложити, еже бы тебе его не научить рисовать и в размере силу знать, чтобы он всякое дело, прежде начинания делати, мог его нарисовати по размеру. И аще в розмере будет силу знати, то ко всякому мастерству будет ему способно; и аще и командиром у какова дела будет, то он может всякое дело насквозь видети: ко всякому бо художеству рисовалное дело присутственно и зело потребно. К сему же понуждай ево потребное и не потребное рисовати, чтоб он навыкал тому рисованию досконало[290]. И по вся дни положи ему зарок, колико листов книг прочитати и поколику ни есть и написати Божественных Писаний, дабы никогда празден не был и дней бы своих не терял даром.

13. И при том порядке, обучай ево и нужду всякую терпети. Одеждами драгоценными не украшай его, и не токмо драгоценными, но и в мяхкая одеяния не облачай его, кроме праздничных дней; но даждь ему платье носить самое росхожее, или и грубое, дабы он навыкал терпению. И аще придет на него скудость или бедство какое, то не будет он гнушатися и земледелнаго одеяния. То бо наше неразумие, еже детей своих преизлише украшати и во всем их нежити; но надлежит детей своих украшати украшением духовным, а ризное украшение никакова добра не принесет, кроме пакости: от украшения бо навыкают дети гордости и вящшее присвоение[291] к блуду. Егда бо девицы, или и замужние жены, узрят младаго отрока во убранстве добром, то, зря на них, паче уязвляются. А аще кой отрок и млад, да в суровом одеянии будет, к тому же аще не во уборстве, к тому же аще не попустите с ними ни шутить и никаких разговоров перебивочных говорить, то на таковаго не восхотят и взозрить. И буде узрите или уведомитеся от кого, еже сын ваш з девицами или с молодицами будет шутить, то ты и ребра ему сокруши, без всякаго милосердия накажи ево; дабы въпредь ни мало к ним не приближался, дабы он в блуд не въпал и тела своего и з душею не осквернил. И таковаго ради охранения, надлежит до самые женидбы водить детей во одеждах не уборных и не красных.

Егда же оженится, то тогда мочно уже и получши одежда учинить ему. Обаче и тогда выше меры своея отнюд не давай им носити, но со уятием[292], дабы в том излишние траты пожиткам твоим не было, а наипаче царственному богатству излишние траты не было. Нам иноземцов денгами не наполнить: они тому велми ради, еже бы мы во уборстве великом и в паруках[293] ходили, толко их бы денгами осыпали. Въместное ли то дело, еже накладные волосы рублев по пятидесят и болши продают, а что в них есть? Понося токмо, да бросить.

14. Нам не золотом, ни серебром, ниже накладными волосами подобает себя украшати, но паче подобает нам себя украшати в воинъском деле храбростию, в судейском деле — правосудием, в купечестве — праведным и неподвижным словом и товаром нелестным, мастеровым же людем — в тщателном художестве. В духовном же деле, паче всех воспомянутых украшений, украшатися благочестивою правою христианскою древнею верою, еже блюсти ю цело и непоколебимо; к тому же украшатися книжным учением, грамматическим и риторъским, и философъским разумом. И аще сия вся в нас будут, то на весь свет будем мы славны, а и на оном свете не без похвалы будем.

На немец нам смотрить нечего: они нас обманивают, да денги у нас выманивают, а самые правды никогда нам не скажут. Толко предлагают нам всякие фигуры, на чом бы им излишние у нас денги выманити, и привозят к нам дудки, да робячие игрушки, да всякие напитки, чтоб мы купя да высъсали; и на питье и на иные безделицы, кои купя да бросить, тысячь по сту рублев и болши на кийждо год выманивают. Нам надлежало было то у них покупать, без чего нам пробыть немочно.

И ты, сыне мой, всячески тщися детям своим одежды чинить не от высоких цен: елико себя ради, паче же — ради царственнаго пополнения, дабы наше Российское царство, от излишняго наряду, не отончевало. И тоя же ради царственныя прибыли, детям своим обшивных пуговиц, ни шелковых, ни шерстяных, ни самых золотных не покупай, понеже обшивные пуговицы — перевод денгам, потому что они в скорых числех пропадают и взвороту от них и пула[294] не будет. А немцы велми похваляют тыя часовые пугвицы. А ты, сыне мой, на их немецкие басни не смотри, делай детям пугвицы либо серебряные, либо медные. То хорошо, чтоб пугвицы

портищев пять-шесть износили; а обшивных пуговиц на одно портище пятья[295] будешь переменять, и придут тебе дороже серебряных, а износя все бросишь. А серебряные, кои плотно зделаны, колко кафтанов ни переносишь, а денги в головах.

15. Такожде, сыне, и пищами сладостными детей своих не весма питай, но обучай их к ядению суровых ядей, понеже суровые яди приносят человеку здравие и долголетие. Ибо кии человецы обыкнут в твердых ядех пребывати; тех век протяжнее бывает, а сладостные и лакомые яди человеческому здравию велми вредителны и век таковых крачши бывает.

16. К сему же приложи и сие, дабы дети твои не пьяницы были. О сем всеми своими силами тщися, дабы дети твои трезвенны были и от пьянственнаго питья воздержны были. А наипаче не пускай заморских питей пить, понеже тыи питья паче здравию человеческому вредителны, а царьственному богатъству истощителны, и не токмо истощителны, но и разорителны. И аще обыкнут твои дети одежды носить грубые, и яди ясти суровые, и пьянъственна питья, а паче заморскаго, пить не будут, а к тому аще обучиши их в ежедневных трудех пребыва(ти), то велми будут здравы и долголетны, и в разуме и во всяких своих делех будут тверды.

И тако детей своих крепко держи, еже бы никакова дела своим изволом, без вашего ведения, не делали, но все бы житие свое и дела их были по вашей воли: понеже самоволие и в совершенном мужестве человеков враждает, колми же паче в юности. Аще бо здраво посмотрить, то всякие пакости содеваются в народе, яко духовные, тако и гражданьские и житейские, от самоволия. К сему же ты, сыне мой, детей своих всему тому обучай, чесому аз повелех тебе обучатися и навыкати. И х каковому чину будет он склонен, то ты те статьи и предлагай пред него.

17. По рождении же чадородия вашего, дондеже жена твоя не очистится от скверны своея, по люторскому безумию не моги учинити, еже снитися с нею. Такожде и в месячных кровотечениях жены твоея, дондеже она не очистится от течения крове, отнюд не сходися. Господь о кровотечении месячном тако крепко заповедал, да аще кто и чистый человек, во время месячнаго кровотечения, на постеле токмо сядет, то и тот нечист будет, и измытися и тому человеку повелел Господь, и не токмо тело, но и ризы измыти; и измывъся, и той человек нечист будет даже до вечера (3 Моис., глава 15, стих 5).

И ты, чадо мое, по сицевому заповеданию Божию, донележе жена твоя в том кровотечении будет, спи на особой постеле; егда же она очистится и обмоется, тогда ты на постели ея да ляжеши, тогда и снитися с нею можеши, по повелению Господню, а не по моему. А аще, за любление жены своея, во время кровотечения ея отлучитися от нея не похощеши и будеши на одной постели с нею спати, то будеши ты таков же нечист, какова и жена твоя. И ты в тыя дни, дондеже не обмоешися, не моги никаковыя святыни прикоснутися. И аще в тыя дни случится праздник, и пойдеши к церкви слушати вечерни, или утренние, или и литургии, то ты стой вне церквы: понеже, не измывшися, во святую церковь внити тебе, ни жене твоей невозможно. И аще вся сия, по повелению Божию, будеши исправляти, и в вечернее пение неделных и празднишных дней со женою сходитися не будеши, то Господь Бог благословит тя детками благими. А аще вечерняя пения, воскресная и праздничная, и прочая Божия повеления положиши в ничтожность, то дети твои родитися скорбны и злы и весма неключимы, и Божия благословения на них не будет, и вы будете в грехе, а дети ваши в погибели.

А и во вся дни живота твоего живи, сыне мой, с воздержанием. Схождение со женою имей разсмотряя дни, а скоту безсловесному и Лютору безумному не уподобляйся, еже бы тебе, дней не разбирая, со женою своею съхождение имети. Но токмо аще когда у жены твоея юность воспламенеет и от того паления возжелает снитися с тобою, а отложити до иного времяне не возможет, то ты не моги от нея отрещися: аще и не во указный день, снидися с нею, дабы она от нестерпимаго воспламенения не въпала бы в прелюбодеяние, да и ты не будеши виновен грехопадению ея. К сему же блюди, дабы от чужаго семене наследника имению твоему не зачела, понеже во время воспаления великаго зачинаются дети. И, по снитии, той же час и обмойся, и ризы, в них же снидешися, измени, да не сравнишися с безумными и богопротивными люторы.

Такожде и в ядении пищном имей воздержание же, и к воздержанию приложи и обыкновение неизменное, и не пресыщайся, да не въпадеши в болезнь (Сирах., глава 37, стих 32–33). И рано ясти не изваживайся (Псалом 126, стих 2), понеже и раннее ядение болезнь человеку наносит, и внутренняя вредится, и того ради тот человек совершеннаго сво(е)го веку уже не доживет. И аще восхощеши обыкновенныя ти яди, или и питие, изменити, то ты изменяй помалу,

дабы ти здравия своего не повредити и безвремянно бы не умерети. Всякое бо крутое изменение вредително бывает. Аще бо кто напиется допьяна вина, и в том пьянстве дни два-три пребудет, и последи того помалу не истрезвится, то таковым скорая смерть случается, и велми многия от перепою, не дожив века, умирают. Такожде и по изменении яди не без болезни бывает. А аще кто дни три-четыре хлеба не поест, а потом аще токмо хлеба одного наестца доволно, то и от хлеба умрет; а аще помалу будет той хлеб въкушати, то без всякаго вреда пребудет. А и в подобное время, егда начнеши ясти, то не избирай в сосуде лучших кусков, но каков тебе ни случится взять, таков и яждь, да не явишися сластолюбец (Сирах., глава 31, стих 13–18). И егда случит ти ся сладостную ядь ясти, то не удержуй ю во устех своих, ради устнаго услаждения, да не сотвориши в себе гортанобесия. Положи, сыне мой, в ядении своем неизменный, и прилежи паче к ествам твердым и не весма сладимым, понеже сладостныя яди приносят человеку вредительство, а наипаче изменение ядей вредит человече здравие. И в коих ядех и обыкнеши, положи себе меру, дабы ти никогда чрез сытость не наестися, но так яждь, дабы тебе не отяготитися; лучши бо есть не доядати, нежели переядати. Аще бо будеши не доядати, то ты всегда будеши бодр и здоровее будеши; и аще в пищи устав положиши неизменный, да к тому аще и упиватися не будеши, то ты и долголетен будеши на земли, и скорби не весма будут тя вредити. Наипаче бо случаются скорби от преизлишняго пития пьянъственнаго: велми бо оно человека разогревает и болезнь наводит, а множицею и смерть безвремянная случается. И я так признаваю, яко никоторой человек веку своего прямого не доживет, которой много упивается; велми бо, велми пианство человеки погубляет и в самую скудость приводит. И того ради ты, сыне мой, всячески тщися, еже бы ти допьяна не упиватися. А сие бы и наипаче лучши, дабы тебе и весма его не касатися: понеже пьянство не токмо едино здравие, но и ум враждает, и всякое безчестие наводит, и в самое убожество приводит. И Приточник о них тако глаголет, яко пианица обнищает и облечется в раздранная одеяния (Притч., глава 23, стих 21).

19. И егда будеши зван на каковую либо вечерю, то не ищи себе места вышшаго и между равенников своих, но ищи нижшаго. О сем бо и Сам Господь заповедал нам, да не ищем вышшаго себе места (Лук., глава 14, стих 10). А старших себя, такожде и честнших, почте-

нием почти. А аще же случится тут презвитер, или диакон, или монах, аще и велми от убогих мест, или и безместной, и в ризах раздранных, не моги ты его посести[296]. Аще ты и зело будеши богат, или честию возвышен, обаче ты сяди ниже его, понеже ты никогда равен ему быти не можеши: вси бо мирстии сановники пред презвитеры низки суть. Есть в народе обычай зело непотребный: ибо богатые люди, а наипаче сановитии, презвитеров ниже себя сажают; и то они чинят от неразумия своего, мнят бо себя великих быти, а священный чин, наипаче же за их убожество и безкниженство[297], снижают. И то они, ово от незнания их священнической чести, ово же от безумия своего, а наипаче от гордости своея тако чинят, от чего тебя сохрани Боже. Ты, сыне мой, аще будеши и помещиком, и придет к тебе тот поп, кой у тебя в селе служит, или и у крестов в дому твоем из найму будет служити[298], то и такова презвитера никогда выше не садись, но почитай его, яко апостола Христова. И не моги нарядить его на кое либо работное дело, но разве ты ему в работном деле служи, а не он тебе; за отца себе веди его, а не за работника, и ни в какую обиду не давай его, и пищею лучшею его питай, дабы твоя пища пред Самого Бога взошла. А того отнюд не моги сотворити, еже бы ему в чем либо посмеятися; аще и упьетца, яко человек, ты же храни его, яко отца своего, дабы тебе от Бога за непочитание его не принять какой казни: издревле бо Святое Писание повелевает их почитати. У Исуса Сирахова написано: прослави иерея, страха ради Божия (Сирах., глава 7, стих 33). А аще же где на обеде, до твоего приходу, презвитер посажен за столом нижши прочиих гостей, мирян сущих, ты же, приняв у него благословение, сяди ниже его, а между иными гостьми вишши того презвитера отнюд не моги сести; так чини, чтоб никогда презвитер ниже тебя не сидел. И аще и звавый тя господин начнет тя нудити, дабы тебе вышши презвитера сести, отнюд не садись. И аще звавый тя будет на тебя гневатися, не слушай, но слушай ты паче повеления Божия, а не человеча: понеже Бог их почтил высокою и неудобь измеримою честию, то како ты дерзнеши его снизити? И аще кой презвитер и упьетца, яко и простолюдин, обаче ты не моги того учинити, еже бы его не почтити: он бо есть слуга Бога Вышняго. И аще он и пьян будет, обаче данный ему от Бога дар не пьян, но действителен есть. Дух бо Святый им действует и никогда въдохновенный от Самого Бога во презвитеры дар Духа Святаго не отъемлется, кроме преступ-

ления закона Божия, или архиерейскаго запрещения. И сего ради велиею честию подобает священников чтити и от мирских чинов начальников отменною. И аще ты твердо будеши о почитании священнаго чина стояти, то и звавый тя не усилит тебя, еже выше презвитера посадити тя. Никто бо и от царскаго сигклита[299] презвитеру может уравнитися. И за почитание презвитеров благословит тя Господь Бог свыше, и аще звавый тя узрит почитающа презвитеры и весь священный чин, то и он научится свясчеников почитати, а ты за то сугубую благодать от Бога приимеши.

И обедуя в людех, избирай себе куски из блюда хужшия, или кои тебе ближшия; а от далняго края не взимай, да не будеши мерзок посадившему тя за стол; и за столом сидя, не ускори прежде господина или честньшаго тя гостя ясти (Притч., глава 23, стих 1–2. Сирах., глава 31, ст. 16–20). И сице творя всем любезен будеши.

Господа ради, чадо мое, во всяком деле смиренно поступай, и Господа Бога всеми своими силами держися, и повелений Его не забывай, и благочестия, в нем же еси родился, не моги нарушити, и вся древняя святых апостол и преемников их предания храни неослабно и тщися их присно исправляти. И рабов Его Божиих и в животе сущих, архиереев и иереев, честию отменною, несравненно с царскими слугами, почитай, да и ты от Бога почтен будеши. А отца своего духовна паче родившаго тя отца почитай и во всем перед ним рабствуй: яко бо душа честнее плоти, тако и отец духовной плотскаго честнее есть. Плотской отец родил токмо твое те(ло) и питал тебя пищею тленною, и то твое тело от него рожденное, яко и пища, истлеет; а духовной твой отец питает тя пищею безсмертною. Аз бо родих тя в тление, а той претворит тя в нетление. И отец родной аще в чесом либо свяжет свое рождение, а отец духовной всячески розвязати может; а егда же отец духовной сына своего правилно свяжет, то и Сам Бог не розвяжет. Понеже Сам Он, Господь Бог, вручил им сие, еже аще кого свяжут на земли, то связан будет и на небеси; а аще кого разрешат на земли, то той будет и на небеси разрешен (Матф., глава 18, стих 18). И по сему дару Божию велик есть отец духовной. И паки Господь рече: аще кому грехи отпустите, отпустятся им, а им же удержите, удержатся им (Иоан., глава 20, стих 23). И по сему Господню словеси и по данному им от Него Господа Бога дару, без их отеческаго прощения никому прощени грехи быти не могут.

20. Но токмо аще в далкости от жилищ христианских, и презвитера, по некоей воли Божией, а не по произволению, не случится в тых местех, или аще в какие неприятелские руки въпадеши и восхощут тя убити, то ты воззри на небо, умные же очи возведи пред самого Бога и, из глубины сердца своего воздохнув, воспомяни своя грехи токмо в мысли своей, их же помниши и их же и не памятствуеши, дабы отпустил тебе вся та твоя согрешения. То веждь, сыне мой, еже прощен будеши; токмо аще, прежде того случая, презвитеров не гнушался еси и покаяния не отбегал, но по вся годы каялся и Тело Христово принимал, то истинно и без презвитера прощен будеши, понеже при нужде и закону пременение бывает. А аще же до того случая презрением презирал презвитеров, и покаяния убегал, то не надейся на то твое покаяние: за прежнее твое от покаяния убегание не будешь прощен. А аще же и в пустыню пойдеши без благословения отеческаго, мало и в том пути бывает, понеже Господь всю власть спасения нашего вручил им, пастырем нашим. И не до сего ста: но и ключи царства небеснаго им же вручил (Матф., глава 16, стих 18). И того ради и наипаче подобает их почитати и во всем им услуговати, а не господствовати ими, но всегда пред ними быть рабами и повеления их хранити.

21. И ты, сыне мой, ничесого не моги без благословения отца своего духовнаго творити. И аще поедеши в путь, то, не приняв от него благословения, отнюд не езди. И ни в чем пред ним ты не повысься. Каков ты богат или честен ни будеши, а перед отцом духовным буди не яко сын пред отцом своим родным, но яко раб пред господином своим покорен, и низок тако, яко самый последний человек. И каковую ти отец духовный ни даст заповедь, храни ю яко зеницу ока, и не моги и единые черты повеления его изменити. И аще будеши отца своего духовнаго вся повеления исправляти неизменно, то веждь, сыне мой, яко диавол никоими делы вредити тя не возможет, ибо ко исправляющим заповеди пастырей своих душевных никаковые пакости диавол, не токмо собою, но ни по насланию какова либо чародея, вредити того человека может. Диавол аще и велми естеством тонок и проницателен есть, иже и сквозе железо проходит, а в человека без диры внити не может. Но егда Божию заповедь или отца своего духовнаго приказание человек кой преступит и въскоре покаятися не потщится, то к тому человеку диавол дерзо приступает и враждает его. А егда покается, то

паки диавол от него отдаляется и в такова человека никоими мерами внити и вредити его не может, но токмо тайными искушеньми искушает, дабы в чесом либо паки привести его в преступление заповеди Божия или отца духовнаго и еже бы ему за то преступление паки возъимети над ним властелство свое. Аще бо кто заповеди отца своего духовнаго преслушает и начнет что и доброе от своего изволения делати, то не без бедства будет. Некогда бо инок, не послушав пастыря своего, но по своему изволу оставив обитель, пошол в пустыню, яко бы ради лучшаго угождения Богу; обаче, за самоизволное его хотение, обратилось то его дело в пакость, ибо диавол прелстил было его. И аще бы Бог, за молитвы пастыря того, его же было преслушал, не помиловал его, то бы той отшелник душею и телом погибл бы, понеже той диавол, преобразився во ангела светла, рек ему, якобы услышана его молитва у Бога и Бог якобы повелел взяти его и с плотию на небо. И той отшелник, обрадовався взятию своему на небо, возвестил отцу своему о том своем возшествии на небо. Отец же, егда то услышел, познал прелесть бесовскую, тече к нему скоро. И егда приидоша бесове взяти его, отец же, охапив[300] того отшелника, нача держати; бесове же, егда не возмогоша его от рук пастыря того исхитити, восхитив на воздух мантийцу его и раздробив, вергоша ю на землю; и от того часа поят игумен того отшелника паки в монастырь, и тако молитвами отца своего спасеся (Пролог). Паки пишется марта в 26 день преподобный Малх, такожде не послушав заповеди отца и наставника своего, пошол из монастыря своим изволом, и на пути ят бысть от Срацын и, с некоею женою связанный, веден бысть в плен и принужден на той жене женитися. И тогда той преподобный Малх с плачем к Богу возопи, и Бог посла ему помощь Свою святую, и с тою женою завет положили, еже для лица жить и спать въместе, а от блуда чисто себя сохранити; и усмотрив удобное время, оба избегоша. И прииде той преподобный Малх с покаянием ко отцу своему, и тако спасеся от лову диаволя.

И сего ради ты, чадо мое, яко Божия, тако и отца своего духовнаго заповедания держи твердо, дабы тебе ни малым чем их не нарушити. А буде каковым либо случаем и погрешиши в чесом, то ты немедленно, не дожидаясь поста, прииди ко отцу своему духовному и согрешение свое исповеждь ему. И тако творя, всегда з Господем будеши; ты будеши в Бозе и Бог в тебе обиталище Себе со-

творит. И егда ты будеши в Бозе, и Бог в тебе будет, то диавол и приближитися к тебе не возможет. Егда же в чесом преступиши, хотя в малом чем, то уже диавол присвоится к тебе, понеже будеши ты празден Божия благодати. Диавол бо не токмо великих ради преступлений и смертных согрешений над человеки власть приемлет, но и малых ради согрешений, о них же мы ничтоже мня погрешаем, приемлет власть. Аще бо кто токмо кому поругается, или чему посмеется, или и в мысли своей повознесется, то и по тому согрешению диавол прикасается человеку и вреждает его. Паки, аще в чесом либо похвалишися, то и тут без пакости мало проходит: понеже тем человек Божию милость и благодать Его от себя прогонит, и диавол, то видя, касается человека и вредити его может. И того ради ты, сыне мой, аще в смертный грех въпадеши, то не дожидайся поста, яко же и выше рех: исповеждь то свое грехопадение отцу своему духовному, дабы Божия благодати всеконечно от себя не прогнати. А аще либо кому посмеешися, или в разуме своем высоко о себе помыслиши, то и часа единаго не медля, в коем часе согрешил, в том и покаяние принеси к Самому Богу, и о том своем согрешении, с воздыханием сердечным, возведи свои умные очи на небо пред Самого Бога, и о том своем погрешении проси прощения, и в мысли своей положи свое намерение, еже бы въпредь таковаго пред Богом и пред человеки погрешения остерегатися. И на такое твое доброе намерение воззря, Бог в том твоем согрешении простит тя. И аще сице всегда творити имаши, то никогда диавол не токмо вредити, но и коснутися ти не может. Великая бо пакость содевается человекам за презрение повелений Божиих и отцов духовных.

22. А и в ереси ни от чего тако не въпадают, яко от высокомнения своего и от презрения повелений, заповеданных от отцов духовных. Егда бо кой человек возмнит себя быти паче иных разумна, той и отцу своему духовному будет непослушен, ибо от высокомнения его нападет на него юродство, и за преслушание отца духовнаго и благодать Божия от таковых людей отъемлется. А егда уже благодать Божия отъимется от кого, то диавол всеконечную власть над ним возъимеет и, аможе восхощет, тамо и ведет его.

И сего ради ты, чадо мое, не моги и близ себя допустити самоумничества, но во всяком деле, не токмо в духовном или во гражданьском, но и в домовом правлении, употребляй совета, ово от помощницы своея, ово жь и от посторонних людей.

23. А без совета, наипаче без женняго, отнюд ничего не твори, понеже она от Самого Бога дана тебе не ради порабощения или токмо послужения, но ради самые помощи, и приял ты ее от святыя Церкве, за благословением презвитерским, и в соединение Бог соединил вас, дву человеков, во единаго. И в самом создании человека тако Бог рек: не добро быть человеку единому, но сотворим ему помощницу по нему (1 Моис., глава 2, стих 18). И посему, аще кто будет жену ничтожить и претворять ю в рабий образ, и той будет Богу противно чинити: Бог ее нарек помощницею, а не работницею, и не простою помощницею, но подобною. И сего ради, аще у кого случится жена и малосмысленна, обаче, ради повиновения словесем Божиим, подобает с нею советовати. И аще она от недостатку своего ума и не даст совета здраваго, но Бог, видя того человека снижение и Божию глаголу повиновение, откроет ему самому, еже и сам узрит, яко открилось ему. А есть ли же кто женою своею погордится и совета от нея не востребует, но токмо на свой разум вознадеется, то той поткнется. Аще она и малосмысленна, а Бог, ради твоего смирения, такой ей глагол благой во уста ея вложит, еже и мудрому будет во удивление. [То себе всяк веждь, яко Бог, чрез малосмысленных, паче мудрых открывает сокровенной совет]. И тако творя, Божий раб и евангельский ученик явишися. Господь рече: идеже еста два или три собрани во имя Мое, тамо есмь посреде их (Матф., глава 18, стих 20); а вас Сам Бог собрал и Духом Своим Святым осенил вас, и ваше соединение не простое, но Самем Богом совокупленное. И аще и не Сам Бог сочетает, но токмо снидутца с призыванием имяне Божия, и тамо Господь обещалъся быти: колми же паче Бог посреде вас будет, аще истинную любовь между собою имети будете! А идеже Бог будет, тамо и помощь Его святая будет.

Господь бо, пресекая в нас гордость, повелел нам не токмо со женою, но и с посторонними человеки совет совещевати во благое. И не токмо о едином духовном и полезном деле, но повелел о всякой вещи советовати, дабы мы умы своими не возносилися, но всегда бы смирялися, яко пред Богом, тако и пред человеки, и совета от них требовали не гордостно, но с самым унижением: понеже Божий дар и в самом простоумном есть, его же и у мудраго несть. И того ради тыи люди вси погибают, кии, презрев слово Христово, не хощут ни с кем посоветовати, но токмо на един свой ум надеются. О таковых и святый апостол Павел ясно сказует, яко иже воз-

мнеша себя быти разумных объюродеша (к Римл., глава 1, стих 22); а юрод не ино что, токмо дурак, а у дурака кроме безумства несть ничесого. И Исус Сирахов тая же глаголет, еже бы о всяком деле советовали с мужи благочестивыми (Сирах., глава 37, стих 15). Зри, сыне мой: се бо издревле еще Исус Сирахов написал, еже советовати не с худыми людми, но со благочестивыми. И сего ради ты не моги с безумными людми, наипаче же с богопротивными, советовати ни о чесом, дабы, от гнилова их совета, вреда какова себе не прияти. И аще вся своя дела будеши творити с общаго совета добрых и разумных людей, то будеши ты истинный Господень ученик и ветхаго и новаго завета творитель. И аще ты, сыне мой, во уме своем и недостаточен будеши, и возноситися в разуме своем не будеши, но будеши себя смиряти, и о всяком деле, с истинным усердием, прилежно будеши от инех людей совета требовати, то ты паче мудрых людей умудришися, понеже во всяком деле, за твое нисходителное[301] смирение, будет тебе Бог помощь Свою посылати, понеже Бог велми любит смирение низкостное.

24. К сему же ты, сыне мой, не моги сего сотворити, еже бы ти кой год пропустить, не исповедовавши отцу духовному грехи своя, и пресвятаго Тела Христова и животворящия Его Крове не причастяся минути. Понеже житие человеческое не известно есть: не вси бо человецы в совершенную старость приходят, но множайшая часть во младости и в средовечии[302] умирают. И того ради всякому человеку надлежит на всякой час быти к смерти готову, дабы вечне себя не погубити. Мнозии бо человецы умирают и нечаянно; на всяком месте смерть случается, всякими разными образы. И того ради, сыне мой, велми живи опасно, дабы тебе грехов на себе не умножити, но присно их очищай. Аще Бог тебя сподобит и единожды в год причаститися, а исповедывайся дважды или трижды в год; а аще чаянно или и нечаянно в какой либо грех въпадеши, то и в мясоястие прибегни ко отцу своему духовному и грех той новосоделанный исповеждь ему; а долго во грехе не лежи, дабы он в тебе не въкоренился. И аще будеши частее каятися, то никогда никакой грех не одолеет тя, понеже не даси ему въкоренитися в себя.

А такова безумия отнюд к себе не припускай, еже некоторый из безумных безумныше человецы, диаволския мудрости научившися, глаголют, якобы вящший то грех, еже аще кто, покаявся, паки в той же грех въпадет, и того ради, глаголют, лучши жить не каявшися,

нежели покаявшися грешити. И таковое разсуждение имущих диавол многих себе уловил, и ныне уловляет, аще кто в тот диаволский разсудок въдастся. Мнозии бо, боящеся того разсуждения, до старости покаяние отлагают, и диавол, овладев им, при смерти уже покаяния не допускает. Тыи же толковники глаголют: какое де покаяние, еже в одном грехе десятерицею каятися и, по покаянии, тожде творити? И аз тожде глаголю, яко не велми добро, еже по покаянии тойже грех творити; обаче, за немощь свою, аще и сторично согрешиши, ничтоже сумняся паки кайся и Бога о том моли, дабы тебя, Своими судбами, яко же Он весть, удержал бы тебя от того греха А покаяния отнюд въдаль не отлагай, но аще видится и стыдно, обаче присно[303] кайся. Сия бо есть самая диаволя наука, еже отлагати свое покаяние в далкость, или паче отлагати до старости: то бо уже готовая петля, от диавола уготованная на человека, еже свое покаяние до старости отлагати. И кии человецы покаяние свое отлагают до старости, тии и при самой смерти мало каятися улучают, понеже Бог, за удаление от покаяния, благодать Свою отъемлет от таковых, и таковых диавол низводит во ад. А инех человеков егда диавол от частаго покаяния отведет, тогда наводит на него отчаяние, и таковые человецы лов бывают диаволу.

Ты же, сыне мой, тако тщися жити, дабы тебе всегда быти готову умереть. И того ради со злыми людми отнюд содружения[304] никакова не имей, и толкований от них никаковых не приемли, и в совет к себе никаковых злых и богопротивных людей не призывай. Ты токмо то себе и вымышляй, с чем бы тебе на оном свете суду Божию предстати. Аще бо непрестанно будеши о втором суде Божии помышляти, то никогда в великой грех не въпадеши, но и от малых всячески повоздержешися.

25. К сему же, ложася спать и от сна въставая, Господа Бога моли, дабы диавол никаковыя власти над тобою не возъимел и на грехи бы тебя не приводил, и еже бы Господь Бог сподобил тебя, при кончине жития твоего, о грехах чаянных и нечаянных покаятися, и пресвятаго Тела Христова и предражайшия и животворящия Его Крове въкусив умерети. И сего моего ти завещания не моги, сыне мой, положити в забвение, еже бы о сем не молитись, чтобы сподобил тебя Бог при кончине причастия святаго ти въкусити. Понеже, аще кто сподобится при кончине своей Тела Христова въкусити достойне, то того души демони на воздушных мытарствах удержати

не могут; но тии души, по Господню глаголу, идут во царство небесное. Тако бо Господь рек: ядый Мою плоть и пияй Мою кровь имать живот вечный, и Аз, рече, воскрешу его в последний день (Иоан., глава 6, стих 54). И паки Господь повтори, глаголя: ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает, и Аз в нем. И, по сему Господню глаголу, како могут демони той душе прикоснутися, в коей Сам Господь Бог пребывати будет?

Глава 4. О МИРСКОМ МОЛЕНИИ И МОЛИТВЕ

1. Еще же тебе, сыне мой, завещеваю: егда от сна воставать будеши, то ты во время своего востания, прежде всякаго глаголания, возложи на ся крестное знамение истовое. Первее возложи на чело, потом низведи свою руку на пуп, от пупа же на десное плечо, а потом на левое. И егда возлагать имаши то крестное знамение рукою, мыслию своею помышляй и душевныма очима зри на тое изъображение ясно, еже на ся возлагаеши, святый крест Христов четвероконечный, и Самого Его, Господа Иисуса Христа, на нем распеншагося, умныма своима очима зри. Егда же руку свою возложиши на чело, то во уме своем помышляй о вышнем роге креста Христова; егда же низводити будеши руку свою на живот, то помышляй о длинном древе крестном; а егда уже руку свою низведеши на пуп, то помышляй о нижнем роге креста Христова. А егда положиши руку свою на правое плечо, то помышляй о правом роге креста; егда же с праваго плеча понесеши руку свою на левое плечо, и тогда во уме своем держи о поперечном древе крестном; егда же положиши руку свою на левое плечо, и, при том положении руки, в мысли своей держи о левом роге святаго креста. И тако во уме своем держа, умныма своима очима ясно узриши истинный крест Христов четвероконечный, возлагаемый на ся, и противо таковаго изображения диавол не может устояти, но, яко дым исчезает, исчезнет. И в тое же время языком своим тихо, или токмо умом своим, рцы: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

2. И в сложении перстов тую же Святую Троицу, по древнему христианскому узаконению, исповедуй[305]. Двоперстнаго же сложения, его же несмысленнии расколницы держатся, велми бойся, понеже то сложение еретическое, армянскаго мудрования, и православным христианам отнюд таковым сложением знаменатися не

ет, за еже в том сложении много есть ересей, проклятию ...ащих. И о тыих ересях изволяяй да зрит во *Очевидном Зер...* 18 главе: тамо бо вся узрит ясно.

...И востав на нозе свои, первее сотвори пред образом Божиим ...клоны. Един — глаголя: «Господи, благослови ми день сей ... без греха, и во вся дни живота моего не остави мене, да не ...ту аз окаянный»; и поклон сотвори по своему разсуждению ...цы: «Пресвятая Госпоже Владычице Богородице, не остави мя ...упления Своего, да в день сей, и во вся дни живота моего, ...ыи не погибну»; и поклон сотвори, яко же и первый. И паки ...нгеле Божий, хранителю мой святый, сохрани мя в день сей ...ха и во вся дни живота моего от всякаго злоключения, да за...ния моя аз окаянный не погибну»; и той третий поклон ...и мнее первых двух. И, исправя те воставалные три поклоны, и от одра своего и твори еже ти требе.

...ж же с нуждами своими управишися и лице свое умыеши, же правило свое настоящее исправляй, елико уставлено будет а твоего духовнаго, или и от своего изволения.

...з же точию принуждаю тя проглаголати ти от Самого Бога ...енную молитву трижды, то есть: *Отче нашь, Иже еси на...*, всю до конца; и по коейждо молитве по поклону полагай, ...зднеству дня. Аще несть неделя[306], ни суббота, ни праздник, то ...й земные поклоны; а аще же праздник, или неделя, или суб... ...ли пятдесятница, то во вся тыя дни полагай токмо до пояса. ...авя тыи три молитвы, проглаголи трижды же поздравление ...елово Пресвятей Богородице, еже от Самого Бога повелено ...ему изрещи Пресвятей Деве Марии, то есть: *Богородице Дево, ...я благодатная*, весь же до конца; и, по скончании коегождо ...вления, полагай по поклону же.

...лаголи не борзяся, но со вниманием и богомыслием. Егда бо ...: *Отче нашь, Иже еси на небесех* (Матф., 6, 9; Луки 11, 2), ...мысль свою возведи на небо и умныма своими очима зри ... Бога, на херувимех седящаго. При сем же глаголе веждь, ...ой: егда ты нарек Бога Отцом себе, то ты тщися и волю Его ...и. Яко учоные детки отцов своих слушают и воли его ни ...преступити не смеют: тако и ты тщися, дабы тебе, по глагола...воему, совершенным сыном Богу и быти; и воли Его отече...а ни что же противно сотвориши. И, ради Его Божия любве,

люби враги своя, и злословящих тя блажи, и за сотворшаго ти какую беду моли Бога, Отца своего, дабы не мъстил за тебя. И тако творя, по Господню глаголу, совершенно сын Богу наречешися (Матф., глава 5, стих 45).

Егда же induced речеши: *Да святится имя Твое*, тогда ты умом своим помышляй о святости Его Божией. Святи же Божие имя сице: егда узриши имя Божие не токмо на иконе, но аще и на ином либо чесом написано, и за имя Божие уже то разумей свято быти; Сам бо Господь повелел нам имя Свое святое святити. И по тому словеси Господню иконы святыя вси святи суть; и не токмо икона написанная, но аще и вещь какая наречена Богу, то и вещь та свята есть. Егда бо повелел Господь перворoдных сынов отдавать в дар Богу, и рече: да будет свят Богу (2 Моис., глава 13, стих 1). А царь Давид кое злато и сребро назначил в церковное строение, и о том злате рек, яко освятил е Богу (2 Цар., глава 8, стих 11). И посему все то свято есть, иже наречено на имя Божие. И того ради архиереев Божиих, и иереев, и причетников церковных, и иноков, почитай честию отменною от простолюдинов; а и крестьян их, и слуг монастырских и святителских всячески охраняй, и не то, чтобы тебе их обидети, но и от иных обидников елико можеши охраняй, понеже всеми сими делами Божие имя святитъся. А наипаче имя Божие святитъся пред неверными и неимоверными силы Божия и величества Его. Моисей пророк каков велик у Бога был, а при воде пререкания, пред Израилтяны, не посвятил имяне Божия, то есть, еже не рек им такова словесе, яко «Бог силен и вся, елико требуете, даст вам», и за то Господь тако на Моисея разгневался, еже не допустил его и брата его Аарона внити в обетованную землю. И на сие зря, и ты, сыне мой, аще кого узриши сумнящася о силе Божией, не моги умолчати, но ясно силу Божию проповеждь, яко силен есть и вся Ему возможна суть, точию да не усумневается требуяй.

Егда же речеши: *Да приидет Царствие Твое*, тогда ты ум свой возведи к престолу Божию на небо и призывай, яко языком, тако и умом, дабы Его Божие царствование было в тебе. И, по тому своему глаголу, буди покорен Богу паче, неже царю земному; и егда уже царствования Его просиши, то буди на всяк час пред Ним трепетен.

Егда же речеши: *Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли*, и в том глаголании всего себя в волю Его Божию въдавай. О воле же Божией тако в себе утверди, еже что ти ни случиться не по твоему

хотению, но противно воле твоей, и то истинное изволение Божие быти разумей. И о сем от всего своего сердца у Отца своего небесного проси, дабы в тебе и всегда содевалась Его Божия воля, а не твоя. Понеже ты аще желанием и великим желаеши чего, а на ползу ли тебе то твое желание будет, или на погибель, того не веси; а человеколюбивый Бог ведая ведает, что тебе в ползу будет, токмо ты во всем на Его Божию волю полагайся, на свой же разум и малаго надеяния не полагай. И аще от всего своего намерения надежду свою всю возложиши на Божий Промысл, то житие твое паче царского веселостно будет, понеже и презелная скудость будет ти сладостна паче богатства многаго, и не токмо сносная беда, но и самая смерть ни во что ти будет, за еже весь ты будеши в Бозе и Бог в тебе будет.

Господь бо Бог великою надеждою обнадежил нас и святым Своим словом, глаголя, яко без воли Его Божией и малая птичка и на землю не падет (Лук., глава 12, стих 6); и еще к сему прирече, утверждая малодушие наше, рек: вы же колми лучши есте птиц, еже и власы ваши изочтени суть (Матф., глава 10, стих 31). И на сии глаголы Христовы зря, сыне мой, внемли: се бо и маленкия пичужки, коих на денгу две или три купуются, не забвены суть у Бога; то како забвен будет человек, ему же и цены несть? Зриши ли, сыне? И пичужек памятует Бог, еже не токмо убитой ей быти, но и на землю без Его Божией воли не упадет. И сего ради ты, сыне мой, всю свою надежду несум(н)енно на Господа Бога возлагай. А Псаломник глаголет, еже надеющиися на Господа, яко гора Сион, не подвижатся во веки (Псалом 124, стих 1). На иныя же лица человеча никаковыя надежды своея крепкия не возлагай. Писано бо есть: не надейтеся на князи, сыны человеческия, в них же несть спасения (Псалом 145, стих 3). Пророк же Иеремий тех людей проклинает, кии надежду свою возлагают на человеки (Иерем., глава 17, стих 5).

И аз ти, сыне мой, сказую. Аще приидет на тя какая несносная напасть: от царскаго гнева, или от иного какова владыки, или от водопотопления, или от огненнаго запаления, или от разбойников, или от иноязычников, и аще тя и в плен возмут, или в заточение послан будеши, или и на мучение предан будеши; то и в таковом своем видимом сего света злоключении не даждь безумия Богу и ни какова гневна глагола на Бога не возглаголи, но и помышления во ум свой гневнаго на Бога да не помыслиши. Но во всех таковых

видимых и привремянных злоключениях буди благодарен и глаголи усты и сердцем: «буди во мне воля Твоя, Господи». И аще от всего своего сердца и от всего помышления своего вдашися в Его волю Божию, то никогда душею своею не погибнеши. А аще в тыих великих напастех смерть себе приимеши, то ты велею радостию возрадуйся, понеже, от упования на Бога, за истинное возложение твое на волю Его Божию, от пресвятыя Его Божии руки венчан будеши венцем славы небесныя и со святыми мученики, за Христа пострадавшими, уравнишися. О, чадо мое, щаслив бы ты был, аще бы в том злоключении и в мучении смерть себе приял с надеждею на Бога, понеже вси, яко за имя Христово пострадавшии, тако и без вины убиеннии восходят на небо без препятия бесовскаго! Тако и твоея души воздушнии бесове ни о каковых грехах истязовати не будут, токмо аще в том страдании не возропщеши на Бога: вси твои грехи невинное твое и благодарное страдание очистит, и душа твоя прямо возлетит на небо; а аще же в том злострадании возропщешь на Бога, то весь свой труд тот многоболезненный погубиши. Во известие же буди тебе, сыне мой, сие: святии Российстии князи Борис и Глеб не за имя Христово пострадаша, но токмо без вины убиени, обаче Бог их к мученикам причол и, во известие нам, дивными чудесами их прославил. Аще и скорую себе смерть прияша, а от Бога почтени быша. А ты, аще многое злострадание претерпиши с совершенным благодарением и в той надежди умреши, то брака Агньча не лишишися, и облечешися в ризы белыя, и служити имаши у престола Божия. О сем бо во откровении явил Бог возлюбленному Своему ученику Иоанну Богослову: еже кии приидут от скорби великия, тии облечени будут в ризы белыя, и имут служити пред престолом Божиим, и не взалчут, и Бог всяку слезу от очей их отъимет (Апок., глава 7, стих 14–17). И сего ради радостно есть в злоключении человеку умрети, понеже во веки веков будет веселитися.

Егда же речеши: *Хлеб нашь насущный даждь нам днесь*, и во время того глаголания помышляй, еже бы Господь Бог, Отец твой небесный, дал бы тебе и з домом твоим чем питатися, душевне и телесне, и удостоил бы тя, на коеждо лето и при кончине жития твоего; причастником быти Тела и Крове Христовы, и нуждных твоих потребами наполнил тебя.

Егда же речеши: *И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим*, и при том глаголе мысль свою возведи на

небо, пред Самого Бога, и глаголи яко усты, тако и помышлением своим, дабы тебе Бог грехи твои такожде простил, яко же и ты прощаеши людем и, чем тебе кто винен, вины их отпускаеши. А аще же ты будеши злобен и никого в винах перед тобою соделанных не прощаеши, то не можно тебе сея Богом данныя молитвы пред Самем Богом с богомыслием глаголати, понеже Бог — правда, правду и любит.

И ты, чадо мое, не моги ни за какое досаждение на кого либо гневатися: но кто тебе какое зло ни сотворит, всем прощение подавай и ни на кого ни за что не злобься. И аще будеши тако творити, то ты совершенный сын Отцу твоему небесному будеши, и за такое твое милосердие и Отец твой небесный вся твоя грехи отпустит тебе. Сие бо слово и повтори Господь, глаголя: аще вы [рече] отпущаете человеком согрешения их, то и Отец ваш небесный отпустит вам согрешения ваша; а аще же вы не отпустите согрешений людям, то и Отец вашь небесный не отпустит вам согрешений ваших (Матф., глава 6, стих 15, и глава 18, стих 35; Марк, глава 11, стих 26). И сего ради ты, чадо мое, отнюд ни на кого не гневайся. Кто тебя будет злоречить, или чем тебя ругати, ты же на всякие злые словеса и досадителная буди глух; и аще кто тя скверисловно и ругателно избранит, буди яко не слышай, и ничему тому не внимай, но вся та гнилыя словеса мимо ушей своих пускай и впреди о них отнюд не памятствуй. И не токмо тому, кто тя ругал, но и иному никакову человеку не воспоминай о том; буди ты, яко бы ничего не слыхал. И аще кто от клеврет твоих, болезнуя о тебе, начнет ти глаголати и воспоминати о тыих досадителех твоих, еже бы им какую либо месть учинити, ты же отповеждь ему: «свой у него ум, свой и язык, и еже восхощет, то и глаголет; а я ему не укащик». И, ради своея истинныя любви, и Богу за него помолись, дабы Бог не мстил ему за тебя; и сердцем своим ни мало на него злобься, но отпущением отпусти ему. И аще кто и не словом, но самым делом каковым озлобит тя и обидою изобидит тя, всячески потщися претерпети, еже бы ему не мстити, понеже Господь не повелел противитися злу; и аще кто ударит тя по щеке, обрати ему и другую (Матф., глава 5, стих 38). И буде тако сие сотвориши, то велик у Бога ты будеши. И паки подтверждая нас, Господь рече: любите враги ваши, а благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас, и молитесь за творящия вам пакости; и тако будете сынове Отца вашего,

Иже есть на небесех (стих 44). Аще же каковым либо случаем ты кому досадиши делом каким, или и словом, то ты, не медля, того же дня и прощения проси от него, да не зайдет солнце во гневе вашем. А аще же учиниши кому какую обиду, то ты и наипаче обиды въдал не отлагай, но в скорости возврати ему обиду сугубо и прощения у него испроси. Так ты, чадо мое, живи, дабы никто на тебя не токмо Богу, но и своему брату не пожаловался бы на тебя. Писано бо есть, да не возжелаеши ближняго твоего ни вола, ни осла, ни двора, и никаковыя вещи подруга твоего (2 Моис., глава 20, стих 17). Так, сыне мой, опасно живи, дабы тебе чуждаго ничего и не пожелати, а не то, чтобы тебе взяти; но аще что узриши и на пути лежащее, не моги себе во усвоение взяти, а аще видел еси обронивъшаго, или можеши признать, чие оно есть, то всячески потщися взыскати его и вдати бы ти тую вещь обронившему. И аще погубивый начнет ти часть некую давати от погубленных вещей, или пенязей колико, то буди на твоем произволении; обаче вопроси его, не сожалением ли дает тебе? И аще узриши от истаго желания дающа ти, то без сумнения возми; а аще сквозь зубы молвит, или паче, аще убог сый, а к тому аще чуждое обронил, то таковому лучши свое что приложи, а не то, чтобы тебе что от него взять. И сам ты, аще и убог будеши, обаче и тогда не моги за чужое что зацепитися; и не то, чтобы тебе чужое что похитити, или у кого что напрасно взяти, но и мыслию своею ничесого чужого не пожелай. И аще что тебе и понравится и, для безгрешности, восхощеши за тую вещь цену дати, обаче и тем от греха не убежиши; но лучши тебе, еже никакоым образом чуждаго не желати; но лучши на волном торгу таковая вещь купити. Ты, сыне мой, так житие свое храни опасно, дабы тебе и в пути едучи, не то, чтобы тебе что даром у кого взять, но аще, жажды ради, и кваса попросиши напитися, или лошадей своих накормити без заплаты[307], но за всякое тебе даяние чини заплату: то добро, еже бы твое было за людми, а не людское за тобою. Наипаче же всего чуждые жены не похощи себе, и мысль свою великим воздержанием воздержи, дабы тебе ничесого чуждаго не токмо похитити, но еже бы и не пожелати. И аще богат не будеши и жить будеши в последней нищете, обаче и тогда за чуждое не прикасайся, но чем тебя Бог благословил, тем и питайся; а у тебя кто что ни возмет, добром или и злом, не мсти им, но вся им отпускай, да и тебе Господь Бог отпустит согрешения твоя. И тако творя, истин-

ный раб Божий будеши, и не токмо раб, но и сыновства Божия сподобишися, и царствия Его вечный наследник явишися.

Егда же речеши: *И не введи нас во искушение*, и при том глаголании мысль свою имей к Самому Богу просителную, дабы не допустил тебя Он, Господь, до каковыя напасти, и соблюл бы тя яко от бесовскаго, тако и от человеческаго нападения невреждениа, и от всякия вещи, яко во тме, тако и во дни на человеки находящия, и от сряща, беса полуденнаго (Псалом 90, стих 5). А егда речеши: *Но избави нас от лукаваго*, и в тое время мысль свою такожде имей на небе; при Самом Бозе, и проси у Него всем сердцем, дабы тебя от всякаго диаволя и человеча лукавства, властию Божества Своего, соблюл тя безбедна; такожде от мечтания бесовскаго и от приведения на каковыя либо грехи избавил бы тебя невредна.

По окончании же того трикратнаго глаголания, паки мысль свою возведи на небо, ко Пресвятой Богородице, и рцы: *Богородице Дево, радуйся благодатная, Господь с Тобою*; и при том глаголании в мысли своей имей о архангельском благовестии (Луки глава 1, стих 26), егда благовестил Пресвятей Деве Марии о зачатии Иисусове; душевныма же очима зри на самое то благовестие. Егда же речеши: *Благословена Ты в женах*, и при том глаголе в мысли своей держи о том, еже Она, Пресвятая Богородица, благословена есть в женах паче всех жен, а не яко проклятыи люторане с своими скверными женами равняют. Мы веруем, яко Она не токмо их люторских всескверных жен, но и горних сил, ангелов и архангелов, и превышших херувимов и серафимов, несравненно честнши есть. Егда же речеши: *И благословен плод чрева Твоего*, тогда в мысли своей держи о Господе Бозе, родившемся от чресл Ея; яко Той благословен есть отныне и до века. Егда же речеши: *Яко родила еси Спасителя душь наших*, тожде и ты в мысли своей имей, яко истиннаго Бога, Спасителя нашего и всего мира Создателя, породила бяше; а умныма своима очима в той час зри Его ясно, Господа Иисуса Христа, на небесех суща. И то архангелово поздравление Пресвятой Богородице трикраты же проглаголи, и по окончании коегождо поздравления твори по поклону, по случившемуся дню, празднуемому или непразднуемому.

Потом проглаголи православные веры Символ единожды; а удобее бы и его проглаголати трижды же. И егда кий глагол имаши глаголати языком или токмо усты, то въкупе глаголи и умом своим.

И егда речеши языком или токмо усты: *Верую во единаго Бога Отца Вседержителя*, и ты тожде и умом своим глаголи, и сердцем к Богу возглашай, яко истинно, всем своим сердцем и всем помышлением, веруеши в Него, Бога Отца нашего небеснаго и всего света Содержителя; и при том глаголании умныма своима очима зри на небо и глаголи, яко на небеси пред Самем Богом стоиши и тое исповедание глаголеши. Егда же речешя: *Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым*, и в то время и умом своим тожде помышляй, яко Он всему свету Творец: иже очи наши видят, и иже не видят, и его же и ум нашь не постизает, все суть Его творение. И в тое же время умныма своима очима окружи, елико ум твой постигнет видимые и невидимые твари. Егда же речеши: *И во единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единороднаго*, и при том глаголании умом своим помышляй, еже, како веруеши во Отца, тако и в Сына Его, Господа Иисуса Христа, и яко един токмо Сын Божий Единородный. И тако вся глаголы, яже языком глаголеши, тая же и умом своим помышляй и, во время того символнаго глаголания, во иные ни какия дела или вещи ума своего никамо не отпускай, но при глаголании твоем и ум свой держи. А егда речеши: *Сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы*, тогда ты помышляй о благовещении Пресвятей Богородице. Егда же речеши: *И вочеловечшася*, тогда помышляй о рождестве Христове. Егда же речеши: *Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате*, тогда о распятии Христове в мысли своей и держи. Егда же речеши: *И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым*, тогда помышляй о втором Христовом пришествии и о страшном Его суде, яко будет нам судити, и за злыя наша дела послет в вечную муку, а за добрые дела и за исправление повелений Его Господних въведет во царство небесное, и тамо будут во веки веков веселитися и райския утехи исполнятися. А егда речеши: *Его же царствию не будет конца*, то, при том глаголе, то на мысли своей и держи, еже, по скончании сего света и по разлучении праведных от грешных, будет Господь Бог царствовати святыми и праведными во царствии Своем небеснем в некончаемые веки веков. И в том царствии Божии святым и праведным всем будет радость и веселие таковое, иже на сем свете никогда не бывает. Тамо никакия скорби, ни печали, ни воздыхания не будет, ниже какое попечение будет кто имети, но токмо радость и веселие; и противника никакова, ни Богу, ни людем, не будет, но

токмо едино всерадостное радование и преславное царствование. По скончании бо суда Божия и по разлучении праведных от грешных, царствию Его Божию не будет конца. И в Символе святии отцы положиша о том то предбудущем царствии Божии, иже начнется последи втораго Христова пришествия, а не о предвечном царстве. Нецыи же невегласы непщуют тому глаголу в Символе положену быти о предвечном Божием царствовании, и тако, от неразумия своего, противятся святей Церкви и глаголют: «несть конца»; и от такова неразумия мнозии то(т), на первом вселенском соборе святыми отцы положенный глагол, иже: «не будет конца», порокуют. А им надлежало было порочить той глагол, иже от несмыслия внесоша в Символ глаголати [«несть конца»], понеже той глагол символному разуму противен и furънесен он в Символ не от святых отец, но от самоумников и от неразумных преписателей. А кто в Божественных Писаниях силу разумеет, той может и собою признать, яко Спмвол сказует о том царствовании Божии, иже начнется по втором пришествии Христове. И аще кто хощет о Символе пространнее видети, той да зрит в 15 главе *Очевиднаго Зеркала.*

Ты, сыне мой, веждь о сем, яко тому царствованию Божию начало будет, конца же ему не будет; тамо бо никакова суперьника, ни противника, ратующаго противо Бога, не будет, но вся тогда будут мирна и безмятежна. А во предвечном Своем царствовании, аще и царствует всем Своим созданием, яко Бог бе и Творец всему Своему созданию, обаче не токмо диавол, но и человецы многая супротивления Богу творят и противо Его ратуют. И не токмо от неверных и незнающих Бога, но от избранных людей израильских супротивление великое Богу чиниша, ибо посланных от Него пророков побивали до смерти. И егда и Сам Господь Бог съшел к ним с небесе, еже призвати их во царство небесное, а они, въместо повиновения, во всем Ему противилися, и били, и всячески ругали, и не до сего ста: но, исполняя свою злую злобу, хотя Его, Творца своего, вечне обругати, на проклятом древе, то есть на кресте, распяша, дабы на Господе Бозе вечная клятва была, понеже писано бе, яко всяк на древе висяй проклят. Обаче Бог вопреки им зделал, ибо Своею Божиею властию и силою то их намерение обратил опако: се бо они сами осташася в вечном проклятии, а проклятое их древо, то есть крест, Господь Бог претворил из клятвы во благословение, и от безчестия превратил в великое почитание. Ибо так его Бог возвели-

чил и прославил и освятил, еже без него никакое действо не совершится, и святыня никакая не освятится, и диавол ничего тако не боится, яко креста святаго. И за такую их жидовскую злобу Господь Бог царство их разрушил, и, въместо обетованныя им земли, во всю вселенную расточил, и другую тысящу лет скитаются по чужим странам, не имуще себе ни единаго града, ниже себе князя или вождя имеют, но яко скот заблудящий скитаются и корчмами питаються. И егда жидове обезсилеша, тогда восташа идолопоклонники, и начата тии Христу Богу противитися и верующих в Него великими и страшными муками умерщвляти, дабы Его Божие царство запустошити. А егда мучители исчезоша, тогда восташа на Бога проклятые еретицы. А ныне, в пособие тем богопротивным еретикам, восташа трепроклятии расколницы, и вси единодушно подвизаются, дабы им Божие царство разорили, а диаволскую власть распространити. И по всему сему мочно и малосмысленным людям разумети, яко ныне Бог не всеми царствует, но мнозии есть в мире сем Ему и противницы. И аще Бог и всемощен, мог бы, по Своей Божией власти, тыих Своих противников во едину минуту истребити: обаче, человеколюбия ради Своего, терпит им до втораго Своего пришествия. А по скончании сего света и по совершении суда Божия, вся та противности исчезнут, ибо диавол, со всеми своими угодники, заключен будет в бездне; и тогда ратовати противо Бога уже будет некому, но вся тогда будут мирна, и от всех святых и праведных токмо будет Богу благодарение и похвалное пение, и между собою любезное и беззавистное сожитие. И то Божие царствование начало имети будет, конца же тому царству уже не будет. Того бо ради святии отцы, на первый вселенъский собор сошедшиися, в Символе и изложиша глаголати, яко «царствию Его не будет конца».

Егда же будеши той святой Символ окончевати и речеши: *Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века, аминь,* и, при том глаголе, в мысли своей имей, яко ждеши воскресения мертвых, еже вси умершии человецы, и в прах уже претворшиися, воскреснут и, по Господню словеси, сотворшии благая въниидут в жизнь безконечную, в то вышепомянутое царство, а сотворшии злая пойдут со диаволом в пропасть адскую, на вечное мучение, идеже плачь и вопль будет великий, и тамо будут в безконечные веки веков мучитися.

И окончав той Символ, начни от себя молитву приносити Богу. Телесныма очима воззри на Спасителев образ, умныма же очима

взирай на небо к Самому Богу и глаголи: «Господи Иисусе Христе, Боже нашь, спаси и помилуй Государя нашего Царя и Великаго Князя Петра Алексеевича; и даждь ему, Господи, телесное здравие, и душевное спасение, и во благочестии утверждение незыблимое, в ратном деле поможение Гедеонское; тайныя враги его обнажи пред ним, явныя же прожени от него, а противяшиияся порази пред лицем его, и на предьбудущия супостаты даруй ему победу и одоление». И сотвори о нем три поклоны. А потом — за Цариц поклон, за Царевичей поклон, за Царевен поклон, за отца духовнаго поклон, за родного отца поклон, за мать родную поклон. И всех своих родственников и друзей воспомяни, и кто тебе какую добродетель ни зделал, всех в молитве своей воспоминай. А потом и о себе воспомяни, глаголя: «Спаси, Господи, и помилуй и меня, грешнаго и сквернаго раба Твоего, да не погибну аз окаянный за беззакония моя». И поклон. «И супругу мою [имярек], Боже человеколюбче, помилуй, да не погибнет беззаконий ради моих». И поклон. «И даждь нам, Господи, житие целомудренное и в христианстве неподвижное». И поклон. [А егда имети будеши чада, то и их поимянно поминай и по поклону за коегождо полагай]. [А последи глаголи:] «И всех, любящих мя и ненавидящих, спаси, Господи, и помилуй, да вси спасени будем». И поклон.

Потом, телесныма же очима зря на образ Пресвятыя Богородицы, а умныма очима такожде на небо зря, глаголи: «Пресвятая Госпоже Владычице Богородице, моли Сына своего и Бога о Государе нашем Царе и Великом Князе Петре Алексеевиче, еже бы подал ему здравие и спасение, и во благочестии утверждение, и на супостаты победу и одоление, и о откровении умных его очес, да возможет вся своя враги явные и тайные познати, и во всяком деле правое и здравое разсуждение». И сотвори три поклоны. А по сем глаголи: «Заступи же, Пресвятая Мати Божия, и о благоверных Царицах, и о Царевичах и Царевнах». И за коеждо лицо полагай по поклону. По сем такожде, яко и выше речеся, воспомяни о отце своем духовном, и о родном, и о матери своей, и о друзьях и доброхотах. А потом рцы и о себе, глаголя: «Заступи же, Мати Божия, и о мне, грешном и скверном рабе Твоем, да не погибну аз окаянный за беззакония моя, и сожителница моя [имярек] да не погибнет беззаконий ради моих; и даждь нам, Пресвятая Мати Божия, житие целомудренное и во благочестии утвержденное» [аще будут дети,

то и о них воспомяни]. [И потом глаголи:] «И всех, любящих и ненавидящих мя, спаси и помилуй, Пресвятая Дево Богородице, да вси, заступлением Твоим, спасение и наследие вечных благ получим». И сотвори три поклоны, или и за коеждо имя по поклону полагай.

По сем воззри на образ святаго Иоанна Предотечи, а умныма очима на душу его святую, стоящую у престола Божия на небеси, и глаголи: «Святый пророче и Предотече Христов Иоанне, моли Бога о Государе нашем Царе Петре Алексеевиче, и о Царице его Екатерине Алексеевне[308] и о целомудренном житии их; и о благородных Царевичах и о целомудренном житии их; моли же, святый пророче, и о мне, грешнем рабе твоем, и о супруге моей [имяреке], и о житии нашем целомудренном». И поклон. Такожде воззри очима своима на образ святаго Иоанна Богослова, умныма же очима воззри на небо и, самого его стоящаго у престола Божия зря, глаголи: «Святый Апостоле Христов и Евангелисте Иоанне Богослове, моли Бога о Государе нашем Царе Петре Алексеевиче, и о Царице его, и о благовразумлении их; и о благородных Царевичах и о благовразумлении их; и о мне, грешнем рабе твоем, и о сожителнице моей имярек, и о благовразумлении нашем». И поклон. По сем такожде умные свои очи простри на небо и призывай в помощь себе святаго священномученика Власиа, глаголя: «Святый священномучениче Христов Власие, моли Бога о Государе нашем Царе Петре Алексеевиче, к о Царица его, и о благополучении их; и о Царевичах и о благополучении их; и о мне грешнем, и о супруге моей [имяреке], и о благополучении нашем». И поклон. По сем призывай себе в помощь святаго Спиридона Чудотворца, глаголя: «Святый святителю, отче Спиридоне, моли Бога о Царе нашем Петре Алексеевиче, и о Царице его, и о утверждении во благочестии; и о Царевичах и о утверждении во благочестии; и о мне грешнем, и о сожителнице моей [имяреке], и о утверждении во православии нашем». И поклон. По сем такожде проси святаго Онуфриа Великаго, глаголя: «Преподобне отче Онуфрие Великий, моли Бога о Царе нашем Петре Алексеевиче, и о Царице его, и о оставлении грехов их; и о Царевичах и о оставлении грехов их; и о мне грешнем, и о сожительнице моей [имяреке], и о оставлении грехов наших». И поклон. На окончании же сиих молений призови святую великомученицу Варвару, глаголя: «Святая великомученица Христова Варвара, моли Бога о

Царе нашем Петре Алексеевиче и о Царице его, да не постигнет их незапная смерть, ни болезнь; и о Царевичах, да не постигнет их незапная смерть, ни болезнь; моли же Бога, святая великомученица, и о мне грешнем, и о супруге моей [имяреке], [а аще будут ти дети, то во всех молениях воспоминай и их имяна, глаголя:] и о чадех наших [имяреках], да не постигнет и нас всех незапная смерть, ни болезнь, и да не погибнем». И поклон.

И паки проглаголи *Отче нашь*, единожды, и зря очима на образ Спасов, умом же зря к Самому Спасу на небо, глаголи: «Господи и Владыко человеколюбче, не отвержи мене от лица Твоего, и Духа Твоего Святаго не отъими от мене, и настави мя на дела благая и душеполезная; и отверзи ми, Боже, ум, еже разумети Святая Твоя Писания, да от неведения своего не погибну аз окаянный». И поклон. По сем воззри на образ Пресвятыя Богородицы, умныма же очима воззри на Самое Ее, на небеси сущую, у престола Божия стоящую, рцы: «Пресвятая Мати Божия, моли Сына своего и Бога о откровении ума моего, и о благословении начинаний моих, и низпослании свыше помощи Его в делех моих, и о оставлении грехов моих, и о получении вечных благ». И поклон. По сем на образ святаго ангела хранителя своего зря, умом же о нем помышляй, яко ту при тебе он стоит, и глаголи: «Ангеле Божий, хранителю мой святый, моли Бога о оставлении грехов моих, и о откровении Божественнаго Писания, и о получении вечных благ; и в настоящии сей день, и во грядущую нощь, [а аще в вечеру имаши сие глаголати, то ты глаголи: «в настоящую сию нощь и во грядущий день»,] и во вся дни живота моего сохрани мя от всякаго зла, да не погибну аз за беззакония моя». И поклон. По сем призывай себе в помощь тезоименнаго своего блюстителя, глаголя: «Святый святителю, отче Николае, моли Бога о оставлении грехов моих и о получении вечных благ. О, тезоименниче мой, не остави мя от заступления твоего, да не погибну аз окаянный за беззакония моя». И поклон. А аще тыих святых, их же о заступлении своем молиши, образов ту несть, идеже ты молитву дееши, или и есть, да ты не веси, идеже они написаны: то ты взирай умом своим на небо и призывай их в помощь себе, а поклонение твори образу Спасителеву, понеже Сам Он, Господь Бог, рек, яко Он во святых живет и святии в Нем, Бозе нашем, пребывают (Иоан., глава 17, стих 21 и 22-й). И по тому Господню словеси, и во образе Спасителеве всех тыих святых, их же

ты молиши, образам быти непщуй[309], в Нем бо вси святии, по глаголу Господню, обретаются.

И паки проглаголи *Отче нашь*, единожды, и зря телесныма очима на образ Спасителев, умом же к Самому Спасителю Богу нашему взирая, глаголи: «Помяни, Господи, прежде отшедъших благочестивых наших Царей, и Цариц, и Царевичей, и Царевен, и святейших патриархов». И поклон. Потом поминай преставльшихъся дедов и бабак своих, и прочиих своих сродников, и доброхотов своих, их же хощеши. И поклон. А по смерти нашей, и нас не забывай и по поклону полагай за нас. Потом рцы: «И всех православных христиан, от века преставльшихся, помяни, Господи, во царствии Своем всегда, ныне и присно, и во веки веков, аминь». И поклон.

По сем проглаголи *Богородице Дево, радуйся*, единожды, и зря умом своим на небо, глаголи: «Пресвятая Госпоже Владычице Богородице, не оставь всех нас, на прилежное Твое моление уповающих, да за беззакония наша не погибнем». И поклон. Таже «Достойно есть», или «О тебе радуется», или случившагося праздника задостойник. И поклон. А потом «Господи помилуй», трижды, и «благослови». Окончевая же, проглаголи молитву: «Господи Иисусе Христе, Боже нашь, помилуй нас, аминь». И сице правило свое отправя, что ти требе, то и управляй.

5. Сие же, сыне мой, памятствуй, еже бы, во время своего правила, ни о чесом тебе не размышляти и посторонних словес не глаголати, но токмо едину молитву отправляти; и о том токмо и да помышляеши, о чесом у тебя моление идет. И аще диавол, ненавидяй чистые молитвы, замешает чем, или наведением каковаго размышления из памяти твоея выгонит, и проглаголеши в безпамятствии своем, понеже диавол, пресекая твое возвеждение ума на небо, в забытие ума твоего приведет тя; и еже глаголал не упомниши: то ты паки начни ю глаголати снова. И аще вторицею, или и третицею, или и вящши, ум твой диавол отведет какими размышленми от богомыслия, то ты вся та глаголания ни во что себе въменяй, но токмо ту молитву счисляй, кую проглаголеши в самой своей твердой памяти, с богомыслием, иже ум твой во время кия молитвы будет пред Самем Богом на небеси. А кая у тебя молитва отправится не тако, то ни во что ти она въмениться, понеже Бог ту токмо молитву приемлет, кую человек глаголет от истиннаго своего намерения, с богомыслием, то есть с возведением умных очес на небо,

пред Самого Содетеля нашего Бога; а кую молитву глаголет кто в забытии ума своего, и та молитва до Бога не доходит, но на воздусе демони ю расторгают. Такоже и поклоны тыи пропадают, кии без возведения мысли своея на небо кто отправляет; но токмо тии и поклоны до Бога доходят, кии, такожде яко и молитву, кто отправляет з богомыслием, во время своего поклонения мысль свою возводит на небо пред Самого Бога.

6. И сего ради ты, чадо мое, велми умом своим, яко во время молитвы, тако и во время поклонов буди бодр, понеже и поклон твой той истинный явится, егда телом своим поклонишися видимому образу Божию, а невидимою душею — невидимому Богу, на небесех сущему, и, по евангельскому Господню словеси, истинный поклонник явишися. Тако бо Господь рек, яко истинии поклонницы поклоняются Отцу духом и истинною (Иоан., глава 4, стих 23). И таковых истинных поклонов, ни телом без духовнаго намерения, ни духовным намерением без телеснаго труда, никоими делы не можно исправити, кроме случая тяжкия болезни телесныя. Сие бо люторове держат ради своея преизлишние лености, или паче ради самыя их люторския гордости, еже поклонов телом не творят. И не токмо им во время служения церковнаго поклоны творити, но от презельныя своея гордости и стояти не хощут, но седят по креслам, яко разслабленнии, или паче, яко бездушные и недвижимые идолы. Тако бо они возгордеша и обленишася, еже не хощут нимало тела своего потрудити, или бы его, ради спасения своего, удручити; и ради Бога не хощут и единаго своего члена двигнути, ибо и крестнаго воображения не хощут на себя возложити. Ради же угождения диаволу, на вечеринках, в богомерзъских танцах, тако себя удручают, что едва с душею собираются и, тако утрудившися, спят даже до обеда; и то их житие стало быть не христианъское, но самое языческое. И таковых ради своих богомерзъских трудов, поклоны Богу отправляют токмо единым своим помышлением, и те свои мнимые поклоны нарицают истинными поклоны. Нас же, православных, во многотрудных наших поклонех, иже издревле от преемников апостольских уставленные, порокуют и глаголют, якобы мы противно святому Евангелию чиним, еже мы поклоны с трудом плоти своея отправляем. И в том своем глаголе съсылаются на вышепомянутое Господне слово, реченное Самаряныне. И в том своем мудровании они, люторане, велми обезумишася, понеже Господь не отрек телес-

наго поклона, но еще и прирек, глаголя: вы не весте, ему же кланяетеся, мы же [рече] вемы, ему же кланяемся; и сей глагол Христов не отречение от поклонов, но приречение. И паки рек: грядет час, и ныне есть, егда истинии поклонницы поклонятся Отцу духом и истинною, то есть, с истинным намерением духовным и богомыслием. И еще прирек, глаголя: таковых бо Отец ищет покланяющихся Ему; Дух есть Бог и ищет кланяющихся Ему духом и истинною. И вся своя та глаголы закрепил Господь сиим глаголом, еже рек: достоит кланятися (стих 24); а того не рек, еже бы не достоило кланятися. И по вышеписанному глаголу Господню, мочно было и люторанам уразумети, яко Господь не отрече поклонов; не рек бо того, еже бы токмо единым помышлением людие кланялися Богу [яко же лютораня блядословят]. Господь бо нимало не назначил, еже бы не подобило телеснаго поклона творити. Господь не поклон отрек, но отрек место, глаголя, яко ни во Иерусалиме, ни в горе сей поклонятся истиннии поклонницы. Кто же суть истиннии поклонницы? Яве есть, яко тии, иже кланяются Богу с богомыслием; ибо Господь не пришол разорити закон, но исполнити. Поклон бо телесный уставлен есть издревле, при первом Божием пророце Моисеи, и Господь той древний телесный поклон, во пришествии Своем на землю, исполнил, ибо к тому древнему поклону приложил Господь и духовный поклон, то есть богомыслие. Поклонению же плотскому и Сам Христос показал нам образ, ибо, пред волною Своею страстию, в вертограде[310], пад на землю, моляшеся (Марк., 14, 35; Лук., 22, 41). А лютораня не хощут и с места своего двигнутися, но, седя в креслах и на главы своя возложа парики, о поклонех токмо умом своим помышляют и то свое помышление за истинный поклон вменяют. Самаряныне бо Господь ясно изъявил, глаголя, яко истиннии поклонницы поклонятся Богу духом и истинною. Понеже древле кланялись токмо видимою плотию, без богомыслия, и той поклон был яко тело без души; а Господь, во пришествии Своем, той поклон оживотворил: яко в мертвое тело душу вложил, тако в той телесный поклон вложил Господь духовный, и бысть поклон сугубый. Яко тело з душею, тако и поклон с богомыслием; и яко тело без души и душа без тела не действителна, тако и поклон телесный без духовнаго, подобне и духовный без телеснаго, ничто же есть; и той-то одушевленный поклон, по Господню словеси, стал быти истинный. А люторове напрасно, от гордости своея и от великия

лености, той истинный поклон одушевленный отставили и хощут токмо единым духом поклоны отправляти, то есть, единым токмо помышлением хощут их исправити, и мнят себе и спасение вечное от таковых поклонов получити. Ни! Соблазнились бо они, весма неправо сие мудрование себе изложиша. Яко бо душа не может без телеснаго труда спастися, тако и поклоны мнимые, без телеснаго труда, ползовати человека не могут, но токмо — едина блазнь.

И аще кто, на люторское баснословие зря, соблазниться, и той сам себе да разсудит. Аще кто токмо единым своим умом помыслит о поклоне, и еже бы то помышление приял Бог и за истинный поклон въменил бы: и по тому их умъствовании, и воздаяние во грядущем веце прияти им будет токмо единой душе, без тела; а телу, за роскошное житие, по Господню словеси надлежит быти во тме кромечной; или паче, по самому их разсуждению и по высокому их умъствованию, во царствии небеснем быти единому токмо уму, понеже в посте и молитве и в поклонех трудился токмо един их ум, а тело з душею нимало труду не причастилося. Понеже Господь Бог призывает к Себе во царство небесное всех труждающихся и обремененных игоношениями; тех токмо обещался Господь упокоити (Матф., гл. 11, стих 28); а ленивому рабу и неключимому наследия во царствии небеснем не будет, но таковых повелел Господь въвергнути во тму кромечную, и прирск, глаголя: тамо будет плачь и скрежет зубов (Матф., гл. 25, стих 30). И по вышеписанному Господню словеси, како не трудившемуся плотию вънити с плотию во царство небесное? У люторан ум токмо с помышленми своими трудитца, то и наследие во царстве небеснем получит токмо ум един с помыслами своими; а телу и з душею искать места токмо в геене. Обаче и уму быти во царстве небеснем не можно, понеже Господь не уму упокоение обещал, но человеком труждающимся и бремена носящим; а не труждающимся и ленивым, кроме вечные муки, иного нечего ждати. Сие бо есть чудно, еже люторaня хощут одним токмо помышлением спасение себе соделати. Ни, ни! Никогда бо помышление, без совершеннаго труда и игононошения, спасти человека и в вечный покой въвести не может. И поклоны люторския мнимыя не ино что, токмо сонное мечтание. То бо есть истинный поклон, аще кто кланяется плотию, по вышеписанному изъявлению, с богомыслием.

7. И того ради, во время поклонов, отнюд никакова суетнаго помышления не подобает в мысль свою влагати. А аще от забвения,

или паче от диаволя ловления, из мысли твоея, сыне мой, богомыслие исторгнется: то ты, егда опамятуешися, еже без богомыслия поклон един, или два, или и множае сотворил, то подобает тебе те поклоны вновь отправити. А буде и вънторицею диавол из мысли твоея, каким ни есть миръским помышлением, радостным или печалным, исторгнет, то ты паки снова начни; и аще и до многих крат препинати ти будет, паки снова начинай. Донележе без всякаго замешания, с совершенным богомыслием, отправиши поклоны свои или молитву свою, то до тех мест снова все начинай и исправляй, дабы диавол не радовался о замешании молитвы твоея или поклонов твоих, творимых Богу и Пресвятой Его Матери и прочим святым угодникам Божиим, но радовался бы о исправлении твоем ангел Господень, хранитель твой святый. Понеже тем твоим многократным ко исправлению возвращением, ненавидящаго богомыслных поклонов и чистые молитвы, диавола посрамиши и от себя проженеши; а еже множае ко исправе возвращатися будеши, то болшую и мзду от Бога приимеши. О сем бо и царь Давид предрек, глаголя: пойте Богу, пойте разумно (Псалом 46, стих 8); то есть, не просто языком пой, но и разумом своим разумей, что поеши и кому поеши. И аще ум твой от пения твоего будет неотлучен, то та твоя молитва, и пение, и поклоны будут Богу угодны. А аще не тако, то тще твое пение, тща и молитва, тщи и поклоны твои будут. Святый Иоанн Златоустый о молитве тако глаголет: яко аще ты не чуеши, ни разумееши, еже глаголеши, то и Бог ту молитву не услышит; язык твой глаголет, а ум твой не весть, что глаголеши, и той твой труд вотще будет. Согласно же сему и святый апостол Павел глаголет: аще бо [рече] помолюся языком, и дух мой молится; а аще ум без плода [то есть, аще не помышляет того, еже глаголет], то что убо есть [рече]? Но помолюся духом, помолюся и умом; воспою духом, воспою же и умом (1 Коринф., глава 14, стих 14). Таковыя-то, чадо мое, молитвы, и пения, и поклонов требует Бог, дабы и дух совокупно с умом и с языком молилъся. И сего ради, аще речеши токмо: «Господи, помилуй», то и во едином том глаголе ум свой возведи на небо, пред Самого Бога, и глаголи не единым токмо языком, но и умом к Самому Богу вопий. И аще с богомыслием речеши токмо: «Господи, помилуй», то той твой глагол приятнее Богу будет паче всецелаго канона, без богомыслия глаголаннаго.

8. И аще, сыне мой, хощеши услышан Богу быти, то всякое свое моление и прошение возноси к Самому Богу на небо, яко же выше речеся. И тако творя, услышан будеши. И аще прошение твое на ползу тебе имать быти, то даст тебе Бог; а аще же будет ти не на ползу прошение твое, то, за теплое твое к Богу моление, Господь Бог, оберегая тебя от погибели въпредь будущия, не послет ти того, его же ты просиши по своему намерению. Понеже ты не веси, что от того въпредь случиться, а Господь Бог вся весть, чему быть. И того ради ты, сыне мой, не скорби, аще не по прошению твоему что деется; токмо ты всю свою надежду возвержи на Господа, и что ти ни даст, о том и благодарен буди. Мой же совет буди тебе, сыне мой, сицев, еже бы ти никаковыя вещи, на сем свете сущия, с прилежным прошением у Бога не просити: но токмо да будет твое прилежное прошение о откровении Божественнаго Писания, и о оставлении грехов твоих и жены твоея и детей твоих, и о получении царствия небеснаго. О сем бо Сам Господь Бог научает нас, глаголя: не пецытеся[311], что ясти, или что пити, или во что одеятися [всех бо сих языцы ищут]; весть бо Отец вашь небесный, яко требуете всех сих; но, рече, ищите прежде царства небеснаго и правды его, и сия вся приложаться вам (Матф., глава 6, стих 31; Лук., глава 12, стих 30). И аще истинную любовь имети к Нему будеши, то ни о чесом не пекися; к тому же аще и надежду свою всю возложиши на Его Божию волю, то уже ты ни о чесом не пецыся: Бог бо все житие твое управит, и еже ти ни дарует, то вся та на ползу ти будут. И аще найдет на тя какая а беда, малая или и великая, не убойся, ни усумнися: без Божия бо воли ничто тебе не случится. Аще ты виновен, то грех твой тою бедою очистится; а аще невиновен, а ты благодарно претерпиши, то сугубый ти венец от руки Божия соплетется. И о такой беде безвинной подобает ти великою радостию радоватися: то самое твое доброе счастие будет, аще в том злоключении смерть себе приимеши, понеже со святыми мученики венец себе приимеши, и диавола, якоже и Иов многострадальный, весма победиши.

10. Еще же тебе, чадо мое, завещеваю: егда ты будеши пред образом Божиим молитву к Богу возсылати, и в то время ни о чесом не размышляй и на стороны не поглядывай; но стой яко столп неподвижен, ум же свой весь въпери на небо пред Самого Бога. И аще у тебя в то время тело твое воззудеет, не моги двигнутися или почесатися; а аще утерпети от воззудения не можеши, то ты на мал

час молитву свою премолчи и, почесавъся, паки молитвуй; и аще и блоха начнет тебя копошити, всячески потерпи. Аще же странной человек[312] о какой либо нужде приидет к тебе что рещи, то в молитве своей премолчи, и аще самая его нужда, то исправь нужду его, и паки молитву дей. А аще домовой твой приидет к тебе и о чесом либо вопросит тебя, и ты, не окончав начатые молитвы, кая во устех твоих случится, ничесого не отвешчевай, дабы твоя молитва была без препятия. А аще же диаволским каковым умышлением, или людским докучанием, или своим размышлением, или забвением, какая твоя молитва препята будет: то ты, исправяся, паки начни ее и бодръственно соверши ю, еже бы без всякаго препинания исправити ти. И аще и въторицею, или и третицею смешается твоя молитва, и ты паки в тое же время, или неколикое время и премедлив, снова начни с опасным охранением, дабы ти тую свою молитву к Богу возслати без препятия.

11. А егда ты, чадо мое, пойдеши ко церкви, то, токмо въступя в церковную ограду, шапку с себя или и иное какое покрывало со главы своея сойми, яко днем, тако и нощию, да не явишися пред Богом горд. Понеже Бог гордым противится, смиренным же благодать Свою дает (Притч., глава 3, стих 34), а церковь есть дом Божий. Зри всяк и на сие: егда кто взыдет на двор некоего властелина, то и тут, отдаючи ему честь, шапки с себя снемлют; колми же паче подобает Божий дом почитати! Каков ты богат ни будеши, или честию от царя возвышен; а пред Богом нищ и убог еси, и яко прах и пепел под ногама Его. И сего ради пред Богом всячески себя смиряй и буди пред Ним яво последний убогий человек: не стыдись ради почитания Божия шапку с себя снимати, въблиз святыя церкви пришедъши. А и на всяком месте Господу Богу своему и образу Его святому отдавай честь достолепную. И аще узриши образ святый несомый с пением, то такожде, якоже и въблиз церкви, шапку со главы своея сойми и поклон отдай ему достодолжный. А аще же узриши несомо святое Тело Христово, то лише чють завидиши его, то шапку с себя сойми, и с коня своего или с колесницы сниди, и егда приближится к тебе, и аще и грязно, поклонись до земли. И аще и не в церковь идеши, ниже на молитву, но токмо минуеши въблиз святыя церкви, то, не сняв с себя шапки, не моги минути ея. И аще у церкви снаружья и несть образа написаннаго, обаче ты, зря на церковь, а наипаче на святый олтарь, возложив на ся крестное

воображение, поклон сотвори. А аще, во время твоего минутии, услышиши или узриши, еже во церкви литургию отправляют, то сотвори ты к церкви три поклоны и тако минуй ю, понеже литургия есть дело великое: в ней бо, ради оставления грехов наших, Агнец Божий закалается и в жертву Богу приносится.

12. А егда внидеши во святую церковь на молитву, то, вшедь, первее сотвори Спасителеву образу три поклоны. Чувственныма очима зря на образ Спасителев, умныма же очима зря на Самого Бога, на небесех сущаго, глаголя в себе: «Господи Боже мой, помилуй мя грешнаго», и сотвори поклон до пояса. И паки глаголи: «Господи, Боже мой, прости ми согрешения моя», и поклонись такожде. И паки третицею глаголи: «Господи Боже мой, управи молитву мою во спасение», и поклон третий сотвори. По сем, чувственныма очима зря на образ Пресвятыя Богородицы, умныма же очима такожде зря на самую Богоматерь, на небесех сущую, у престола Божия стоящую, глаголи в себе: «Пресвятая Госпоже Богородице, помилуй мя грешнаго», и поклон сотвори, подобный первым. И паки глаголи: «и заступи о мне грешном Сыну своему, Богу нашему», и вторый поклон сотвори Пресвятей Богородице. Зря же на образ, его же есть храм, и аще случиться храм святаго Иоанна Богослова, то, на образ его зря, ум свой возведи на небо и глаголи в себе: «Святый возлюбленниче и наперстниче Христов Иоанне Богослове, моли Бога о оставлении грехов моих», и сотвори поклон. И аще коего святаго ни случится церковь, глаголи в себе: «Святый апостоле Христов», или «святый святителю», или «святый мучениче Христов», или «преподобне отче нашь», имярек, «моли Бога о оставлении грехов моих», и сотвори ему поклон. И, отправя тыи поклоны, поклонись первее архиерею; а аще архиерея несть, то поклонись презвитеру; и аще он во олтари, то ко олтарю поклонись; и потом — людям, стоящим во церкви. И, поклонясь, стани на месте неподвижен.

Места же себе во церкви не избирай и, стоя, о стену или и об иное что не опирайся, кроме немощи телесныя, или древности престарелыя. А аще и в старости, а можеши стоять о себе, то стой не опершися. И жезлом, разве немощи телесныя, отнюд не подпирайся; а аще в бодрости, то и в руках жезла или тростки, по обыкновению малосмысленных, не держи. Аще и в чине хотя, афицерьском или судейском, будеши, трости отнюд в руках своих не держи,

стоя во церкви, но отдай ее слузе: понеже в церковь вошол ты молитися, а не судить кого, или поучение тростию кому чинити. Такожде и шпагу или саблю, не вошед в церковь, сняв с себя, отдай слузе, дабы тебе тем оружием, поклоны творя, не избости кому ока, или и иной какой досады не учинити. Немцы аще и ходят в церквы своя со шпагами, и они нам не пример: у них вера особая от христианския отличилася и порядок весь у них особой. Они, въшед во свою церковь, поклонов не токмо земных, но и поясных не творят, но на уготованных своих седалищах сидят, и стало им свободно не токмо со шпагою, но и со олебардами[314] внити во церковь. И каковое бы он оружие ни внес с собою в церковь, никому ничего им не учинит: понеже, седше на своем седалищи, хотя перед собою поставит его, хотя за собою, хотя на колени себе положит, да смотрит на него. А наше древняго христианъства обыкновение — не оружие острое в церковь вносити, но острую молитву к Богу, еже бы все небеса пробивала и подножия Божия касалася. И ты, сыне мой, аще у какова дела строптиваго либо будеши во управлении, то у дела царскаго за царские секреты стой, являяся яко лев; во церковь же въшед, буди яко кроткая овца, и того и смотри, еже бы тебе и грудью своею не потеснить кого, а не то, чтобы шпагою, поклонившися, кого убости.

Стоя во церкви, и не плюй гордостно, в далкость от себя, но плюй токмо пред собою в близости. И плюновение свое подтирай ногою, дабы и самому тебе поклонитися было не гнюсно и, егда поклон сотвориши до земли, чтобы тебе рук своих, или ризы своея, плюновением не оскаредити[315]. А егда поклонишися и сам себя тем плюновением умараеши, то будеши разуметь, что не добро плевать и не подтирать. Колми же паче худо, аще плюеши в далкость, пред инех человеков, стоящих во церкви. И аще кто поклонится, и твоим плюновением или сморканием руце свои, или чело, или ризу оскаредит, то и греху причастен будеши: понеже оскаредивыйся твоею гнюсностию гнев на тя имети будет. Тебе так надобно себя хранити, дабы и вне церкви никого на гнев не привести.

А и того не моги сотворити, еже бы тебе, ради своего простора, или честь свою отменяя, да кого от себя попхнути гордостно, или и тихо, да потеснити кого; но лучши сам уступи. Аще и самой последней земледелец тебя потеснит, не озлобься на него и не воспротивься ему, но уступлением уступи ему. То себе веждь, еже он не

собою то учинил, но подущением диаволим; диавол бо, хотя тебя на гнев привести и еже бы молитва твоя повредити. И аще ты хуждшему себя уступиши местом, то диавол отъидет от тебя посрамлен, а ангел Господень, хранитель твой, о таковом твоем терпеливом смирении возрадуется. И изшед из церкви, ни перед каковым человеком не высься, но буди всем равен, или всех нижши, понеже у Бога яко богатии, тако и убозии вси суть равны. И истиннаго ради смирения годствует в церкви всякому человеку во всем уступати. Егда и ко кресту пойдеши, или к евангелию, а учнут людие тиснутися, то ты уступи и премолчи; и егда вси перейдутся, тогда ты, свободне приступив, крест святый или евангелие поцелуеши. А аще, во церкви стоя, ощутиша позади себя стояща презвитера, или диакона, или монаха, то почтением почти его и, сошед с места своего, стани позади его; и аще и в великом могутстве[316] будеши, а во церкви стой яко самый последний человек. И на стороны отнюд не поглядывай: егда бо, поглядев, узриши жену или девицу доброличну и красотою ея уязвишися, то ты всю свою молитву погубиши и, въместо пользы, пакость себе приобрящеши; и того ради на стороны отнюд не поглядывай.

13. И аще ко церкви свещи принесеши неравные, то большии свещи подай во олтарь. Аще на утренней, то вели поставить у престола Божия, пред ковчегом, идеже Тело Христово хранимо; а аще на литургии, то во олтарь подай две свещи, и едину вели поставить у престола Божия пред ковчегом, вторую жь свещу на жертвеннике пред Агньцем Божиим; а аще уже совершися, то — пред самое Тело Христово, ту действуемое. Понеже Тело Христово честнее и святее святаго начертаннаго образа сторично. Образ бо имеет в себе токмо един вид, а в причастии самое истое Тело Христово; каково было оное Тело Христово свято, иже в воплощении Христове и в страдании и распятии было, таково и тут: ничим же умалено, токъмо вид изменен. И того ради ты, чадо мое, аще и в самом убожестве будеши, обаче не моги того учинити, еже бы тебе у литургии быти, а свещи пред Тело Христово не подати. Аще не в могуту тебе, за великое оскудение, копеечные свещи пред Тело Христово подати, то подай денежную, или и полушешную; токмо бы была пред Телом Христовым твоего подаяния свеща, такожде и у престола Божия пред ковчегом. А аще в могутстве неоскудном будеши, то не моги ниже алтынных свещь пред Тело Христово и к престолу Божии подавати.

И не токмо сам един подавай во олтарь, но и клевретов своих поущай, дабы такожде творили, и свещи пред пресвятое Тело Христово, и ко престолу Божию подавали свещи паче, неже пред образы; и сице творя, сугубую себе мзду приимеши.

14. А и образов святых не почитай всех за едино равенство. Но Божиему образу отменную и честь отдавай, и свещу болшую, нежели рабов Его образам, поставляй. И образу Пресвятыя Богородицы постави свещу таковую же, или мало чим и помнее. А образам святых угодников Божиих свещи подавай меншее Спасителевых и Богородичних свещь. И аще кой и празднуемый святый, обаче не моги болши или лучши Спасителевы свещи подати, но, праздника ради, постави разве равную; а того не моги учинити, еже бы тебе пред образ раба Божия поставить свеща вящшая, нежели Спасителеву образу. И егда свещу свою имаши пред кой либо образ поставляти, не тщися, еже бы ти свещу свою в лампаде сопреди поставити и, ради поставления своея свещи, прежде твоея свещи поставленные отлепити, аще и мали суть, и еже бы ти на то место своя прилепити. Но аще твоя свеща и болши ту сущих, обаче постави ю на прилучившемся месте, идеже есть место простое, и, тако творя в поставлении свещи своея, досады никому не учиниши. Понеже есть такие человецы, иже, поставив свою свещу, назирают ю; и аще узрит, еже свечку его кто отлепил и на то место прилепил свою, то он во сердце своем будет досаду имети. Ты, чадо мое, о сем себе веждь, яко Бог у убогих приношение приемлет паче, неже у богатых. Некогда бо богатии принесоша во церковь великая сокровища, убогая же вдовица принесла токмо две медницы[317], и Господь рече: аминь глаголю вам, яко вдовица сия убогая множае всех въметающих въверже в сокровищьное хранилище; вси бо [рече] от избытку своего въвергоша, сия же, елико имеяше, все въверже (Марк., глава 12, стих 43). Подобне и поставивый убогий человек свещу, бывает, еже последнюю свою денежку на нее отдал; к тому же, аще принесл ее бише от всея своея любви и взирает на ню, дабы она вся згорела пред образом тем, пред него же он поставил ю, а ты аще отлепишь и, погасив, положиши, то пресечеши намерение его и он велми возболезнует на тя. И того ради отнюд не подобает чужих свечь отлепляти и свою на то место поставляти.

А и в поклонех имей разньство же: каков поклон сотвориши образу Спасителеву, или Богородичну, та такова поклона никоего

святаго образу отнюд не твори. Того же паче стерегися, дабы тебе при Спасителеве образе, коему либо святому нижши поклона не сотворити. Никогда убо в равенство з Богом святых Его угодников же ровняй: Сам бо Господь о сем рек, яко несть раб болий Господа своего (Иоан., глава 13, стих 16). И сего ради Божию образу вящшую и честь твори; образу же раба Божия поклон твори со уятием при Спасителеве или и Богородичным образом. Егда же имаши святыя иконы целовати, то ты и тамо имей разньство: Спасителев образ целуй в нозе, прочиих же святых целуй руце, а не нозе. Подобне и во всяком деле: никоего святаго и в равенство с Самем Богом не ровняй. О сем себе веждь, чадо мое, яко никоторой святой собою никакова чудесе сотворити не может. Ибо и апостоли святии никаковых чюдес собою не творили, но имянем Господним и силою Его Божиею, а не своею чудеса творили. Подобне и прочими святыми Бог чудодействует, а не они сами собою; по вся Бог действует не токмо при животе их, но, и по смерти прославляя, и сухими их костми чудеса творит, дабы людие разумели, еже житие их Богу было угодно, дабы прочие люди, на то смотря, житию их ревновали и такожде бы подвизалися. По чудесем бо всем нам явно, яко житие их было Богу угодно.

15. Зриши ли, сыне мой? Люторы как себя в вере своей выхваляют, еже и примеру себе не сказуют, а Бог их ни малым чудом не прославит: уже бо вящши дву сот лет веру свою люторскую держат, а ни от живаго, ни от мертваго, чуда никакова не явилось. И по сему мочно и малосмысленному человеку и Божественнаго Писания не разумеющему сие разумети, яко вера их Богу неугодна. Ты, сыне мой, буди сын святыя восточныя Церкве, внемли житию древних святых отец, киих Бог прославил, а лютеранскому зловерию не прикасайся. Тии бо возбеснели: во след святых отцев, кии богоугодно жиша, не пойдоша; в начале ум свой самомнением и высокомнением погубиша, потом и веру правую древняго предания всю исказиша и, вместо теснаго пути, избраша себе пространной путь. И они по делам своим и воздаяние себе приимут; токмо ты, сыне мой, блюдися слабостнаго их жития, дабы тебе не погубить себя.

Егда же ты, сыне мой, намерение свое положиши, еже свещу поставити пред которой либо образ, а пред тем образом много свещь до тебя поставлено: и ты тут не тиснися свою свещу ставити, но осмотри, неть ли таковаго же начертания иного образа, стояща

без свечь, или и есть, да со оскудением. И ты потщанием потщися пред презренный образ свещу свою поставити: понеже во всех образех, яко в почтенном, тако и в презренном, единаче[318], за имя того святаго, первообразное почитается. Сие бо людие не от великаго разума творят, еже единаго изображения, единаго и имянования, един образ нарицают чудотворным, а другой таковаго же изображения нарицают нечудотворным. Ты же, чадо мое, аще зриши образ добраго мастерства, или недобраго, точию единаго имянования, то ты пред всяким молитву свою возсылай к Богу, и поклон яко тому образу, тако и другому твори равный. Ты не за старость, ни за новость, ниже за мастерство иконописцово, во за первообразное и за имя Божие образ святый почитай: понеже имя Божие свято есть, и за имя Божие и образ начертанный свят есть. Сам бо Господь повелел святое Свое имя святити, и по тому Божию велению вси образы, яко ветхия, тако и новыя, и како добраго мастерства, тако и недобраго, за имя Божие вси они святи суть. Бог ни краски, ни древо, ниже художество прославляет, но прославляет образы за первообразное и за надписание имяне Его святаго.

Нецыи же малосмыслении мнят быти тем иконам чудотворным, кии писал иконописец добродетелный. И аще бы тако было, еже иконописцовыя ради святости от икон чудеса содевались, то уже не имя бы Божие святило икону, но святило бы добродетелное житие иконописцово. И по таковому разумению, таковым людям не изображения коего имянования искать, ниже имяни Божия святагѡ, но токмо изыскивать и свидетелствовати, каков был иконописец житием своим, свято ли он жил, или грешно. И буде коя икона не от святаго иконописца написана, то и почитать та икона уже не надлежит; а кии от свято живущих иконописцов написаны, те уже блюсти и почитать ее честию отменною. И таковые иконы недалече будут от идолов, понеже чудеса будут творить не Божиею силою, но силою иконописцовою. И по таковому безумному и проклятию подлежащему разсуждению, Божие имя и сила Его уже ни во что будет, токмо велико будет имя иконописцово. Есть же нецыи и таковые человецы: аще увидят кую икону украшенну сребром, или златом и бисером, то тую икону вящши и почитают, и свещи пред них болшие подают. И сие уже и весма безместно есть, еже ради богатаго украшения святыя иконы паче почитать, неже неукрашенныя. Аз же тебе, чадо мое, о сем крепко завещеваю: да не поползне-

шися ты на таковыя дела нелепая, но буди ты тверд, яко столп мраморный; стой на недвижимом камени заповедей Божиих, и святыя иконы не за иконописцово доброе житие, ни за украшение, ни за старость писма, ни за новость, ниже за доброе мастерство, но за первообразное их, — ибо честь образа восходит на первообразное, по глаголу святаго Василиа Великаго и всего вселенскаго седмаго собора, — и за имя Божие их почитай; вси бо образы Божии, и Богородичны, и прочиих святых по имяни их за первообразное почитай. Такожде и презвитеров: аще богат, аще и убог, аще высокии науки, аще и недостаточен во учении, аще разумен, аще и малосмыслен, аще трезв или и пьян благословит тя, у всех за едино равенство приемли. Понеже благодать Святаго Духа, от Господа во святыя апостолы въдохновенная, на них почивает и благословением их действует Дух Святый, како высокоученым, тако и неученым, яко трезвым, тако и пианым, токмо аще кой не под запрещением: того-то бо токмо благословение недействително, на нем же запрещение архиерейское есть. Тако ты разумей и во иконах, яко за надписание имяне Иисус Христова вси иконы святи суть и почитати подобает вси заединоравно[319]. А аще же на образе коем надписания несть, коего святаго образ написан, того аз не могу разумети, достоит ли таковому образу поклонение видимою плотию творити, или ни? Понеже образ нам ничей неизвестен есть, подобен ли он написан, или и следа подобия его несть, о имяни же Иисусове, и Пресвятыя Богородицы, и прочих святых, коих Бог прославил, известни есмы; о существенном же подобии образов их совершеннаго известия не имамы, но токмо по надписанию имен их образы их почитаем. А без надписания имен, не вем, како их почитати, понеже мы видим: кии персоны писаны и с самых лиц, кии между нами живут, и тех персоны нимало не походят на того, с кого они со тщанием великим списаваны: ни мало не походя. И сего ради мы по единому токмо имяни, яко Самого Спасителя нашего, тако и Пресвятыя Богородицы, и прочиих святых, токмо по надписанию имян почитаем образы за первообразное.

14[320]. Чудеса же от святых икон Бог творит овогда по вере молящаго, овогда же по недоведомым судбам Его Божиим, и о таковых чудесех Он токмо един Бог весть, чесого ради творит. А молящемуся никому, без самыя теплыя веры, ни от какова образа, Бог чуда не сотворит, но вся чудеса по вере молящагося бывают. Всяк сие веждь:

егда Бог, воплотився, был на земли, и приходили к Нему людие ради исцеления, и аще Он и не икона бяше, но Сам Бог, сый во плоти, обаче от требующих исцеления верования желал. Яко же, егда возопиша два слепца, глаголя: Иисусе, сыне Давидов, помилуй нас! Иисус же глагола им: веруета ли, яко могу исцелити? И егда рекоша, яко веруют, тогда Господь прикоснуся очесем их, глаголя: по вере ваю буди вама; и абие[321] отверзостася очи ею (Матф., глава 9, стих 27). Паки: егда прииде от архисинагога Иаир князь, и молил Господа, дабы исцелил от болезни смертныя дщерь его, и Господь Бог пойде к нему, и сретоша от архисинагога, глаголюще: не движи Учителя, яко дщи твоя умре, — Господь же Иаиру рек: не бойся, токмо веруй (Марк., глава 5, стих 36). Паки: егда приде Иисус в Вифанию воскресити друга Своего Лазаря, и егда рекла ему сестра Лазорева, Марфа: Господи, уже смердит, четверодневен бо есть, — и глагола ей Иисус: не рех ли ти, яко, аще веруеши, узриши славу Божию (Иоан., глава 11, стих 40)? И по сему Божию предреченному нам объявлению, всякому человеку мочно разумети, яко без веры ни от какова образа чудес никаких не будет, но вся по вере Бог дает и по прилежному прошению. А кии чудеса бывают от святых икон без прошения, и тыи бывают по недоведомым Его Божиим судбам, яко бысть во граде Вирите[322] от образа Спасителева, в Нове же граде от образа Пресвятыя Богородицы. Несть бо такова образа Спасителева, или Пресвятыя Богоматере, им же бы Бог чудес не мог творити; но токмо от маловерия человеча, паче же от сумнителства, чудес Господь от образа Своего не содевает, понеже несовершенная вера и сумнителство велми чудесам препинание творит, яко же и при Самом Христе бысть. Егда Петър апостол веровал слову Христову, тогда по воде ходил; а егда усумнился, тогда и утопать было стал, и Господь ему рек: маловере, почто усумнился еси (Матф., глава 14, стих 31)? Тако бо и всякой человек, сомнения своего ради, исцеления не приемлет. А аще кто без сумнения, но с самою теплою верою, не токмо ко образу Спасителеву, но аще и святаго коего угодника Божия ко образу притечет, то Бог, прославляя Своих угодников, и чрез их образы чудеса творит многия.

И сего ради ты, сыне мой, не ищи особливаго образа чудотворнаго, но веждь, яко всяким образом силен есть Бог чудеса творити по вере. И, во церкви стоя, не избирай образов особливаго, еже бы ти пред ним молитва к Богу возслати, но паче воззирай на образ

Спасителев, иже над царскими дверми, или кой при царских дверех стоит. А сие велми безместно есть, аще во церкви стоя, да минуя мест(н)ые образы, на правой или на левой стороне стоящим, или по дому своего принесенному поклон будеши творити; сия бо вся безместна суть. Ты же всегда лице свое имей обращено к царским дверем, ум же свой имей на небеси. А аще не во церкви имаши стояти, то не избирай и тамо образа особливаго; но каков ни случится пред тобою образ, великаго розмера или и самаго малаго, токмо аще Божий, то и честь ему подобающую твори и, стоя пред ним, призывай Бога без всякаго сумнения, и с истинным своим усердием чрез той образ молитву свою возсылай к Богу. А аще несть образа Спасителева особливаго, но пред тобою случится образ коего либо святаго, то ты взирай на той образ Спасителев, иже над тем святым во облацех изображенный. И во всяком деле, не уровняй святаго образа Божия коего либо святаго образу, но всегда тщися образу Божию честь творити вящшую, образу же раба Божия и честь воздавай меншую. Есть бо в простом народе много того иже образу Божию поклон творят в пояс, Николая же Чудотворца образу, такожде и иных святых образам поклоны творят до земли, и всякое почитание паче Божия образа отдают, и свещи болшие, и множае их поставляют; и то бывает, еже пред образом раба Божия свещь полна лампада наставлена свещь, а пред Спасителевым образом и единыя несть. И то они творят от самаго своего несмыслия, и что творят, того и сами не ведают: какой их разум, еже рабу паче Господни отдают честь? Сего бо отнюд не подобает творити, ибо и грех на себя велик привлекают почитанием рабия образа паче Господня. Яко бо раб мнее господина своего, тако и образ его мнее есть Господня.

И аще кто зазрит ми в словеси сем и не восхощет сему моему воспящению[323] поверити, то той да помыслит: аще кто приидет пред царя и поклонится ему в пояс, а от него обратясь рабам его поклонится в землю; и о сем всяк, зазряй ми, да помыслит: тот, поклонивыйся не по разуму, не приимет ли от царя гнева? Яве есть, яко въместо милости восприимет гнев и наказание, за еже обругал царя и честь его уничтожил. Тако и образ Божий презираяй, рабий же почитаяй паче Господня, разсуди в себе, какую от Бога милость получиши презиранием и снижанием святаго Его образа?

15. Еще же тебе, сыне мой, и о сем завещеваю, да не токмо изображения коего либо святаго, но и Самого Господа начертанна-

го образа Богом да не нарицаеши, ниже в равенство з Богом образ Его счисляеши. Но видимому образу, по достоинству, видимую и честь твори, а Самому Богу невидимому — духом, и невидимою своею душею, и все своим помышлением, от всего своего сердца, молитвы своя возсылай. Дух бо Святый чрез пророка и царя изъяви нам, яко жертва Богу дух сокрушен (Псалом 50, стих 21). То бо есть самая жертва, еже в молитве имети пред Богом дух сокрушенный. Многословием бо и витийством Бога не удивиши, ниже многим подаянием Бога одолжиши; но аще кто всем сердцем и всею душею Бога любит, подобие и единовернаго своего, яко сам себя, и нужным людям в нуждах их помогает, и всякому человеку, яко другу, тако и недругу, добра желает, то тем может Бога должна себе сотворити.

И во церкви, чадо мое, стой, яко твердый столп; о стены не опирайся, но сам о себе стой; и ног своих не оттопыривай, и ногу на ногу не закладывай, но стой прямо и кротко; яко пред царем стой, со страхом. И аще и близ стены будеши стояти, отнюд не опирайся о ню, аще не немощен будеши. И стоя, на стороны не поглядывай: несть бо ползы в поглядовании на стороны, токмо пакость и молитве твоей препятие. И никого ни о чесом не вопрашивай, а кто тебя вопросит, не распростирай речей своих с ним, но всячески потщися прекратити их, дабы тебе, оставя молитву, в непотребные беседы не войти и моление бы свое не погубити. Во церкви стой яко на небеси, пред Самем Богом, и ни о чесом суетьном и мыслию своею не размышляй, но токмо розмышляй о грехах своих, дабы тебе испросити у Бога прощение им, и подал бы тебе крепость, еже бы тебе въпредь от таковых грехов повоздержатися. И еже в церкви читают или поют, то ты вся та во уме своем содержи, а иного, кроме воздыхания о гресех своих, ничего к церковному пению не примешивай. И по особым книжкам, по обы(к)новению Белорусцов и по обыкновению люторскому, особливаго правила во церкви не твори, но, вшед в церковь, церковная и исправляй. А особая правила, елика восхощеши, отправляй вне церкви, в доме своем, или где ти ни случиться, кроме церковныя общия службы; а въшед в церковь, церковная и твори.

Егда ты приидеши в церковь к литургии, то первее, по вышереченному словеси, отдаждь свещу первую церковнику, еже поставити ее во олтаре на жертвенnике, пред Агнцем Божиим; вторую таковую

же свещу подай, еже у престола Божия поставити; презвитерам же подай каковый хощеши пенязь, дабы за тебя, и за жену твою, и за детей ваших, в жертву Богу за ваше здравие и за оставление грехов ваших, вынял часть заздравную; а не худо, еже бы и за умерших ваших сродников повелел часть же вынять заупокойную. И пред святыя иконы, елико восхощеши, поставя свещи, стой, яко же выше рех ти, на месте своем, и кроме причины стой неподвижно, и слушай часов внимателно, и где приидут надлежащия поклоны, неленостно все отправляй.

Егда же изыдет из олтаря диакон пред царские двери и начнет поклоны творити, то и ты въкупе с ним поклоны твори и глаголи в себе, в первой своей молитве, во время отправления тех поклонов: «Господи, посли святую Свою служителем Твоим помощь, еже бы им святая литургиа совершити в мире, без пороку». Егда же диакон или презвитер начнет ектению[324] глаголати, то и ты словесем его последуй. Он речет: ***О свышнем мире и о спасении душь наших Господу помолимся***, ты же в себе глаголи: «Господи Боже наш, спаси нас». Егда же речет: ***О мире всего мира, благостоянии святых Божиих церквей и о соединении всех Господу помолимъся***, ты же в себе глаголи: «Господи, святую Твою Церковь во благостоянии утверди и нас всех соедини». Егда же речет: ***О святем храме сем и въходящих в онь Господу помолимся***, ты же глаголи в себе: «Господи Боже, всех нас, во святый Твой храм сей вшедших, помилуй». Егда же речет о патриархе, ты же глаголи в себе: «спаси, Господи, и помилуй святейшаго патриарха нашего [имярека], или святейших вселенъских патриархов»; а аще речет о митрополите, то и ты о митрополите моли. Егда же речет: ***О благочестивейшем Государе нашем Царе, и о Царицах, и о Царевичах, и о Царевнах, о всей полате и воинстве их Господу помолимся***, то и в в себе глаголи: «Господи, помилуй благочестиваго нашего Царя Петра Алексеевича, и Цариц, и Царевичей, и Царевен, и всех присутствующих ему», и поклон. Егда же речет: ***О пособити и покорити под нозе их всякаго врага и супостата***, то и ты глаголи в себе: «Господи, даруй Государю нашему Царю победу и одоление на вся враги и супостаты его». Подобне и прочии ектении внимателно слушай, и о чесом он молит, о том и ты моли.

Егда же начнут пети трисвятое, и поюще рекут: ***Святый Боже***, и ты глаголи в себе тожде, и мысль свою возведи на небо, и помыш

лии о Бозе Отце; егда же рекут: ***Святый Крепкий***, тогда ты помышляй о Сыне Божием, Иисусе Христе; егда же рекут: ***Святый Безсмертный***, и в то время в мысли своей держи о Дусе Святом. И тако творя, всю Святую Троицу, на небесех сущую, умом своим узриши. Егда же рекут: ***помилуй нас***, и тем глаголом Трисвятая Троица совокупится во едино Божество.

Егда же имут пети прокимны[325], то и ты их же в себе пой, и певаемая разумей, и мыслию своею воследствуй глаголанным словесам. Егда глагол идет о Господе, то и ты о Нем размышляй; егда же пойдет глагол о Пресвятей Богородице, то и ты о Ней же помышляй; егда же о святых апостолех, или о преподобных, или о мучениках глагол пойдет, то и ты о тыих же святых и в мысли своей держи. И о чесом каковый глагол ни будет, тако и ты во уме своем держи, с самым богомыслием.

16. Егда же будет начинатися чтение ***Апостола***, то ты в начале слушай памятно, коего послания то чтение, и что будет читаемо, всему внемли, и мыслию своею вси глаголы глаголанныя постизай, и инамо мысли своея от читаемых глаголов во Апостоле не относи, дабы тебе слышанные глаголы памятны были и инем бы сказати ти мочи, что во Апостоле чтомо слышел еси. Паче же того буди бодр во время чтения святаго ***Евангелиа***, дабы тебе не проронити и единаго глагола, тамо чтомаго, понеже во Евангелии читаются глаголы, Самем Христом глаголанныя; и въменяй их тако, яко бы от самых уст Господних слышиши, како воследъствующии Христу глаголы Его слушали. А кии человецы тогда Его Христовых словес не слушали и не внимали им, тыих всех Господь отвергл от Себя, и тыи преслушники вси погибоша. Тако и ныне, аще кто не внемлет Господним словесем, во святом Евангелии написанным, той человек от Бога отторгаетъся и во власть диаволю въпадает, и тако к вечней погибели низводятся. И сего ради ты, сыне мой, буди велми бодр во время евангельскаго чтения, дабы тебе и единаго глагола не проронити. И ради лучшаго подтверждения, пришед к себе в дом, приищи тое евангелие, иже во церкви чтено, прочти ево про себя со вниманием, и аще у себя прочтеши не борзяся и со вниманием умным, то и въпредь будет тебе оно памятно. Такожде и апостольское чтение, для совершеннаго памятования, у себя же в доме прочти и, прочет, памятуй чтомое. И тако твори по вся дни, егда во церкви будеши, и что чтомое услышиши, наипаче же аще во церкви далеко стоял

есн и невнятно чтомое слышел, то со прилежанием дома прочитай и чтомому внятно внимай.

Егда же начнется ектения, то ты такожде всем глаголам, от диакона или от презвитера изреченным, возследуй и внемли, и о чесом он молит, о том и ты моли; и моли не просто, но с самым богомыслием, дабы твое моление касалося колен Божиих. А аще и будеши молитися яко вне ума своего, и о чесом молишися языком, а ума своего в ту молитву не простреши и мысли своея на небо к Самому Богу не возведеши, то ты будеши яко бездушный бубен: что гремиши, того и сам не ведаеши.

Бог бо ту токмо молитву приемлет, которую человецы от всего своего сердца и от всего помышления на небо возводят с богомыслием. И егда начнется ектения о Царе, то и ты о Царе молитву деи и пред образом Божиим поклон за него по своему намерению твори. Аще бо во уставе и не положено, еже бы на ектениях поклоны творити, обаче от усердия своего, по елику возможно, годствует поклонитися за Царя своего, или и за иного кого, его же любиши и добра ему желаеши, дабы не единым духом, полюторску, поклонение ти Богу творити, но яко умом, тако и плотию совокупно с помышлением своим твори. А егда ектения о патриархе пойдет, то и ты о патриархе моли; егда же о воинстве, тогда и ты о воинстве моление свое простри; егда же о победе на враги, то и ты о победе моли; егда же о умирении, тогда и ты о умирении. Егда же о усопших, то и ты о усопших молитву свою к Богу возсылай, и коих ближних своих сродников и друзей усопших тут поимянно в мысли своей воспоминай, и поклон за них полагай. Егда же речется во ектении: ***о плодоносящих и добродеющих во святем храме сем, труждающихся, поющих и предстоящих людех, ожидающих от Тебе великия и богатыя милости***, тогда ты глаголи в себе: «спаси, Господи, и помилуй раба твоего [сего и сего, его же ты хощеши, воспомяни]; [последи же тех имян глаголи:] спаси же, Господи, и мене грешнаго, и жену мою, имярек, и чад моих, имяреков, и всех, во святей Твоей церкви и вне ея стоящих и ожидающих Твоея Божиея богатыя милости». И поклон един или три сотвори. По сему же и в прочия ектении вся глаголы глаголанныя, по вышеявленному же положению, исправляй, и ни единые ектении вне своего моления не пропускай.

17. Пришол ты в общественную церковь, с церковию и молись въкупе. И не токмо в собрании церковном, но аще и наедине будеши

молитися, то и тамо подобает не о едином себе токмо молитися. Сам бо Господь Бог научает нас, како нам молитися, глаголя (Матф., глава 5, стих 16; Лук., глава 11, стих 4): егда молитеся, глаголите: «Отче нашь, иже еси на небеси», а не Отче мой. И паки: «хлеб нашь насущный», а не хлеб мой; «даждь нам днесь», а не тако, еже бы рещи: даждь мне днесь; «остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим», а не тако повелел, еже бы: и остави мне долги моя, яко же и аз оставляю должником своим. И паки: «не въведи нас в напасть, но избави нас от лукаваго», а не тако рек, еже бы: не введи меня в напасть, но избави мя от лукаваго. Видиши ли, сыне мой, яко несть Божия повеления таковаго, еже бы человеку токмо о самом себе едином молитися, но повелел общественне молитися. И того ради в новой благодати повелено от Него, Господа, не токмо за друзей, но за врагов своих молитися (Матф., глава 5, стих 44). Того бо ради и повелел Господь общественне молитися, дабы происходила молитва от нас и за творящия нам пакости, всех бо нас Господь во единосугубие совокупил. Такожде бо и брат Господень, святый апостол Иаков, глаголет: молитеся друг за друга, да вси исцелеете (Иаков, глава 5, стих 16). Видиши ли, чадо, яко аще будеши не о себе едином, но и о других молитись, то и себе, и людем ползу содееши и любовь ко всем покажеши. А аще будеши о себе токмо едином молитись, то явишися ты самолюбец и Божию учению противен, и за единъственную молитву не тако ползу себе получиши, яко за общественную. Понеже тамо друзи и недрузи и самые враги воспомянутся, того ради и милость Божию вящшую получиши. Прежде бо воплощения Христова, в ветхом законе, молились и глаголали: «помилуй мя, Боже», и паки: «Боже, милостив буди мне грешному». А в новой благодати повелел Господь не токмо за себя единаго молитись, но и за враги, всех бо нас совокупил Господь во едино совокупление. Тогда убо был токмо един род Еврейский, и нарицался един Израиль, и за враги своя тогда молити не повелено было: ныне же от всех родов различных совокупил Господь во едино Свое усыновление и за врагов своих повелел молитися. Того бо ради и молитись повелел общественне, такожде и прошение всякое просити общественне же, ибо повелел просити сице: «хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша», и прочая. И сего ради ты, чадо мое, не буди самолюбив, но аще и наодине имаши молитися, обаче всегда и на всяком месте молись общественне. Вси

бо ми удове Христовы, и сего ради аз не вем, како не обще Бога молити? Егда же стоиши во церкви, то и наипаче подобает всю свою молитву творити общественную. Иже во церкви и вне церкви стоят, за всех купно молитись подобает, дабы всем милость Божию получити.

Егда же начнется певаема быти ***Херувимъская песнь***, ты же во время того пения читай себе вътайне в молитвенниках положенную молитву; обаче читай ю общественне жь, а не на едино свое лицо. И читай ю тайно, и не токмо языком, но и губами не шевели [дабы людие не поставили тя в великаго молитвеника]; но токмо умом своим читай, дабы никто ни видел, ни слышал, ниже разумел, что ты во время Херувимъския песни твориши.

Молитва в Херувимскую. «Слава Тебе, Господи Иисусе Христе, Боже наш, един безсмертный Человеколюбче! Слава Тебе, от Отеческих недр и от небесныя славы пришедшему, от Пресвятыя же Девы вочеловечшемуся и совообразну бывъшу плоти нас грешных! И очистив нас от грех наших, сообразны славы Твоея сотвори ны. Слава Тебе, въшедшему славно во Иерусалим, на жребяти осли, и в нем раны и поносное распятие претерпети, и смерть подъяти изволившему нашего ради спасения. Молим Тя, Боже нашь, даждь нам слезы от очию нашею, да омыем скверну беззаконий наших. И яко же сподобил еси Иосифа с Никодимом пречистое Твое Тело, снемши со креста, честно со страхом понести: сице и нас днесь, хотящих видети честные дары преносимыя. Сподоби же нас и Самому Тебе, седящему на престоле славы Твоея, со страхом поклонитися; за вся же смотрения и благотворения Твоя достойно благодарити Тя, и с воздыханием исповедатися Тебе, Спасу и Богу нашему. Ты же, Боже наш многомилостивый, прием от нас сие, кончину жития сего благую коемуждо нас даруй и сподоби нас в день судный одесную Тебе стати и слышати глас Твой благий и всерадостный, еже: приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царство от сложения мира!»

Читай же сию молитву не борзостно, но со вниманием и богомыслием. И Василиа Великаго на литургии сию же молитву читай, и во весь год, кроме преждеосвященных литургий. На преждеосвященных же сие токмо глаголи в себе: «Помяни нас, Господи, егда приидеши во царствии си; помяни нас, Владыко, егда приидеши во царствии си; помяни нас, Святый, егда приидеши во царствии си».

А аще вышеписанные молитвы во время Херувимъския песни проглаголати напамять не можеши, то ты стой со страхом, и стоя исчисляй своя грехи, и Богу о них кайся, и выпредь грешить зарекайся. В великий же четверток[326], егда будут петь: ***Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими***, то и ты тыи же глаголы с поющими в себе пой, со вниманием умным и богомыслием. В великую же субботу[327], егда имут пети: ***Да молчит всякая плоть человеча и да стоит со страхом и трепетом***, то и ты тыя же глаголы во уме своем пой, с великим вниманием и с самым богомыслием. И аще со страхом во церкви будеши стояти и вся глаголемая и певаемая внимати с богомыслием, то велми стояние твое во церкви Богу будет приятно и тощь из церкви не изыдеши. Понеже Богу пение и молитва, приносимая с богомыслием, велми приятна есть, суемыслие же человече, во время не токмо церковнаго пения и моления, но и во время келейнаго правила, велми Богу неприятно есть.

Во время же переноса, егда презвитер или диакон речет: ***да помянет Господь Бог во царствии Своем Государя нашего Царя***, ты же глаголи: «помяни, Господи, Государя нашего Царя и Великаго Князя Петра Алексеевича во царьствии Своем, всегда, ныне и присно, и во веки веков». Такожде и о Царицах, и о Царевичах, и о Царевнах. А буде же всех презвитер помянет, то и ты вкупе же помяни; и поминай их не просто, но с богомыслием; речеши тихо: «помяни, Господи», а мысль свою в то время возведи на небо пред Самого Бога. Егда же будет воспоминати патриарха, то и ты егоже воспоминай; и при том и отца своего духовнаго воспомяни, глаголя в себе: «и пастыря души моея, имярека, помяни, Господи, во царствии Своем, всегда, ныне и присно, и во веки веков, аминь». Егда же презвитер речет: ***всех вас, православных христиан, да помянет Господь во царствии Своем***, и ты в то время воспомяни, аще живы, отца своего и матерь, и себя, и детей, а потом глаголи: «и всех православных христиан помяни, Господи, во царствии Своем, всегда, ныне н присно, и во веки веков, аминь».

По переносе же читай сию молитву. «Владыко Господи Иисусе Христе, Боже нашь. Твоего ради страдания, и на кресте распятия, и погребения, не остави нас грешных, еже погибнути, зане зело есмы грешны. И сего ради молим Тя, Боже нашь, по множеству щедрот Твоих очисти вся беззакония наша, и покрый нас Твоим

бо ми удове Христовы, и сего ради аз не вем, како не обще Бога молити? Егда же стоиши во церкви, то и наипаче подобает всю свою молитву творити общественную. Иже во церкви и вне церкви стоят, за всех купно молитись подобает, дабы всем милость Божию получити.

Егда же начнется певаема быти ***Херувимъская песнь***, ты же во время того пения читай себе вътайне в молитвенниках положенную молитву; обаче читай ю общественне жь, а не на едино свое лицо. И читай ю тайно, и не токмо языком, но и губами не шевели [дабы людие не поставили тя в великаго молитвеника]; но токмо умом своим читай, дабы никто ни видел, ни слышал, ниже разумел, что ты во время Херувимъския песни твориши.

Молитва в Херувимскую. «Слава Тебе, Господи Иисусе Христе, Боже наш, един безсмертный Человеколюбче! Слава Тебе, от Отеческих недр и от небесныя славы пришедшему, от Пресвятыя же Девы вочеловечшемуся и совообразну бывъшу плоти нас грешных! И очистив нас от грех наших, сообразны славы Твоея сотвори ны. Слава Тебе, въшедшему славно во Иерусалим, на жребяти осли, и в нем раны и поносное распятие претерпети, и смерть подъяти изволившему нашего ради спасения. Молим Тя, Боже нашь, даждь нам слезы от очию нашею, да омыем скверну беззаконий наших. И яко же сподобил еси Иосифа с Никодимом пречистое Твое Тело, снемши со креста, честно со страхом понести: сице и нас днесь, хотящих видети честные дары преносимыя. Сподоби же нас и Самому Тебе, седящему на престоле славы Твоея, со страхом поклонитися; за вся же смотрения и благотворения Твоя достойно благодарити Тя, и с воздыханием исповедатися Тебе, Спасу и Богу нашему. Ты же, Боже наш многомилостивый, приим от нас сие, кончину жития сего благую коемуждо нас даруй и сподоби нас в день судный одесную Тебе стати и слышати глас Твой благий и всерадостный, еже: приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царство от сложения мира!»

Читай же сию молитву не борзостно, но со вниманием и богомыслием. И Василиа Великаго на литургии сию же молитву читай, и во весь год, кроме преждеосвященных литургий. На преждеосвященных же сие токмо глаголи в себе: «Помяни нас, Господи, егда приидеши во царствии си; помяни нас, Владыко, егда приидеши во царствии си; помяни нас, Святый, егда приидеши во царствии си».

А аще вышеписанные молитвы во время Херувимъския песни проглаголати напамять не можеши, то ты стой со страхом, и стоя исчисляй своя грехи, и Богу о них кайся, и въпредь грешить зарекайся. В великий же четверток[326], егда будут петь: ***Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими***, то и ты тыи же глаголы с поющими в себе пой, со вниманием умным и богомыслием. В великую же субботу[327], егда имут пети: ***Да молчит всякая плоть человеча и да стоит со страхом и трепетом***, то и ты тыя же глаголы во уме своем пой, с великим вниманием и с самым богомыслием. И аще со страхом во церкви будеши стояти и вся глаголемая и певаемая внимати с богомыслием, то велми стояние твое во церкви Богу будет приятно и тощь из церкви не изыдеши. Понеже Богу пение и молитва, приносимая с богомыслием, велми приятна есть, суемыслие же человече, во время не токмо церковнаго пения и моления, но и во время келейнаго правила, велми Богу неприятно есть.

Во время же переноса, егда презвитер или диакон речет: ***да помянет Господь Бог во царствии Своем Государя нашего Царя***, ты же глаголи: «помяни, Господи, Государя нашего Царя и Великаго Князя Петра Алексеевича во царьствии Своем, всегда, ныне и присно, и во веки веков». Такожде и о Царицах, и о Царевичах, и о Царевнах. А буде же всех презвитер помянет, то и ты вкупе же помяни; и поминай их не просто, но с богомыслием; речеши тихо: «помяни, Господи», а мысль свою в то время возведи на небо пред Самого Бога. Егда же будет воспоминати патриарха, то и ты егоже воспоминай; и при том и отца своего духовнаго воспомяни, глаголя в себе: «и пастыря души моея, имярека, помяни, Господи, во царствии Своем, всегда, ныне и присно, и во веки веков, аминь». Егда же презвитер речет: ***всех вас, православных христиан, да помянет Господь во царствии Своем***, и ты в то время воспомяни, аще живы, отца своего и матерь, и себя, и детей, а потом глаголи: «и всех православных христиан помяни, Господи, во царствии Своем, всегда, ныне н присно, и во веки веков, аминь».

По переносе же читай сию молитву. «Владыко Господи Иисусе Христе, Боже нашь. Твоего ради страдания, и на кресте распятия, и погребения, не остави нас грешных, еже погибнути, зане зело есмы грешны. И сего ради молим Тя, Боже нашь, по множеству щедрот Твоих очисти вся беззакония наша, и покрый нас Твоим

милосердием, безнапастъно прейти нам житие свое, и радости святых Твоих часть некую удели, яко благ и человеколюбец еси».

Егда же читаема будет ***ектения***, то никоего глагола не пропусти, но вси умом своим следуй, и о чесом ектения молит, о том и ты моли, и о чесом ектения просит, о том и ты проси, и никамо мысли своея не относи; и вся глаголы, во ектениях реченныя, управляй в себе по вышеписанному, яко же ти выше рех, з богомыслием. А аще же читаемых в ектении глаголов, за скоростью служителя или за далкостным стоянием, не урозумееши, о чесом молити или чесого просити, то токмо с поющими пой в себе: «Господи, помилуй», или «подай, Господи», а ум свой и все свое помышление возведи на небо. И тако моляся, от Бога услышан будеши, и еже диакон или презвитер во ектениях ни глаголал, вся от твоих устен явятся пред Богом: понеже с богомыслием последовал еси поющим, не тще бо моление твое будет.

Егда же начнется глаголати ***Символ веры***, то и ты з глаголющими глаголи въкупе токмо умом своим, а не голоси языком; и в глаголании мысль свою всю возведи к Богу, и что ни будеши глаголати, вся разумевай такожде, яко явих ти прежде, во утренннем правиле.

Егда же священник речет: ***Горе имеем сердца***, и ты тогда возведи мысль свою пред Самого Бога и глаголи в себе: «имам к Тебе, Господу Богу моему»; и яко речеши, тако и твори: дабы вся твоя мысль от всего твоего сердца возведена была к Богу. Егда же речется: ***Достойно и праведно есть покланятися Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице единосущней и неразделней***, и при том пении сотвори поклон един или три Троице Святей.

18. Егда же возгласит презвитер глагол Господень, иже Он учеником Своим и апостолом на вечери глаголал бяше: *Приимите, ядите: сие есть тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов* (Матф., 26, 27; Лук., 22, 19), и ты, рекши «аминь», таковому великому и удивителному милостивому слову, самыми истыми Христовыми усты изглаголанному, за такое Его Божие предражайшее и от века неслыханное дарование, поклонись до земли, или до рукоопертия. Во время же своего поклонения глаголи в себе: «верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистинну Христос, Сын Бога живаго, пришедый в мир грешныя спасти, из них же первый есмь аз». Егда же презвитер возгласит тояжде вечери Христовы вторый глагол, усты Христовыми изглаголанный, нам же всем православным предло-

женный и в вечное воспоминание узаконенный: *Пиите от нея вси: сия есть кровь Моя, новаго завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов*, и ты паки отповеждь, глаголя: «аминь», и таковому Христову слову великому, за такое Его человеколюбие, паки поклон сотвори, равен первому. Во время жь пения и поклонения твоего в мысли своей глаголи: «еще верую, Господи, яко самое есть истинное Твое сие слово, апостолом Твоим и нам изъглаголанное». По семь паки поклон сотвори третей, вящши первых двух, глаголя в себе: «и что Ти, Боже нашь, за такое Твое превеликое и дивное слово воздати, не вем, токмо приношу Ти всеусердное поклонение; приими е во благодарение»; и поклонився до земли, и дондеже вышеписанных словес не изглаголеши, на земли простерт буди, и востав, внемли певаемым. И егда в пении приидет глагол: ***и молим Ти ся, Боже нашь***, и ты в то время, возвед мысль свою на небо, сотвори един поклон, или и три, до пояса. Егда же возгласит презвитер: ***Изрядно о Пресвятей***, то аще праздник, или и суббота, то поклонись до рукоопертия; а аще несть праздника, ни неделя, и ни суббота, то поклонись до земли. Певаему же ***Достойну*** или ***задостойнику***, то ты вся, тамо глаголанные, умом своим воспевай внутрь себя, с богомыслием; по скончании же того гимна, паки поклонись, якоже и первее, и востав, певаемым внемли. Егда же возгласит презвитер: ***И да будут милости великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами***, ты же презвитеру тихо отповеждь: «и со духом твоим», и поклонись, служащему презвитеру до пояса. И аще ты, чадо, будеши и зело богат, или честию каковою либо почтен, обаче поклона не изменяй, но, яко последний от убогих человек, поклон твори, каков образу Божию, таков и презвитеру, да не явишися пред Богом и слугами Его горд: понеже гордым Бог противится, а смиренным дает благодать Свою. Егда же и диакон покадит тебя, не буди яко пень недвижимый, но поклон ему отдай достойный, аще и сановником будеши: поклоном бо не обругаеши, ни умалиши своего сана, но обругаеши и умалиши безумными и непотребными своими делами и неуправлением дел своих. Егда же начнется ектения, то ты во всех глаголех по преждереченному управляй, с богомыслием. Егда же будут читать Богом данную нам молитву: ***Отче нашь, Иже еси на небесех***, и ты всю сию молитву в мысли своей читай, с самым чистым богомыслием и со осмотрением самого себе, яко же напреди явих ти; и аще празд-

нуемый день, то сотвори поклон до рукоопертия, а аще же несть празднества, ни пятдесятница, ни суббота, то при конце тоя молитвы поклон сотвори даже до земли. Егда же речет священник: ***Мир всем***, и ты отповеждь тихим гласом: «и духови твоему», и поклонись ему до пояса. Егда же диакон речет: ***Главы ваша Господеви приклоните***, и в той час ты главу свою преклони и спину принагни, хотя малое число, и тако стой, яко осуженик, и не восклонись до возгласу презвитерскаго. Преклонив же главу, глаголи в себе: «Тебе, истинному Богу, главу свою прикланяю; Ты мя не остави и приими мя ленивого во царство Твое небесное, яко истиннаго раба Твоего». Егда же диакон, опоясався оларем[328], станет пред царскими дверми творити повеленные ему три поклоны до пояса, то и ты въкупе с ним сотвори три же поклоны, нижши пояса, даже до рукоопертия; в себе же глаголи: «Боже, очисти мя грешнаго от грех моих и всех нас помилуй». Егда же презвитер возгласит, глаголя: ***Святая святым***, и, той глас слыша, поклонись до земли, мысль же свою возведи на небо и глаголи в себе: «Ты еси един свят, Ты един Господь Иисус Христос, во славу Бога Отца, аминь».

Егда же имут пети ***кенаник***[329], и ты в то время глаголи в себе молитву сию: «Едине Святе, святых Святейший, едине Царю царей царствующих и Господи господей господствующих, Иисусе Христе, Боже нашь, Тебе сущему в недрех Отчих и в присносущней славе Его, нас ради пострадати изволивъшему и плоть Свою обещавшему дати нам, во оставление грехов и в жизнь вечную; се бо ныне прииде время того Твоего обещания дело, ибо под видом хлеба и вина, во пречистых сиих тайнах, Тебе истинному Богу и человеку, якоже и на небеси сущему, предстоим, и Тебя славя, Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и молим: призри на ны в час сей и во вся дни живота нашего помилуй нас; в день же разлучения коегождо нас душь наших от телес наших, приими я во пресвятыя Твоя руце и, пощадив, со святыми Твоими упокой, в безконечныя веки веков, аминь».

Приложи же и сие. «И даждь нам, Господи Иисусе Христе, Боже нашь, молим Тя, еже бы всем нам незабвенно памятствовати пречистыя Твоея плоти страдания, иже и в сией Божественней Твоей службе действуемое; и сподоби нас недостойных достойне пресвятаго Твоего Тела и животворящия Твоея Крове причаститися, во оставление грехов и жизнь вечную; и тую Твою Божественную тайну в сердца наша воздрузи и во умех наших утверди, дабы никогда

спасителныя Твоя страсти, нас ради подъятыя, и Божественныя Твоея Крове излияние в нас тще и безделно не явилось; но да будет всем нам, яко же и прочим избранным Твоим, во спасение и в живот вечный, аминь».

19. Егда же отверзутся царския двери, и явлен будет потир с Телом и Кровию Христовою, и возглас услышиши реченный: ***Со страхом Божиим и верою приступите***, и ты, таковый глас услышав и святым потиром показанное видев, пад поклонися до земли; и аще и многонародно во церкви, всячески потрудись, дабы тебе, пад на землю, честь Божескую святому Телу Христову отдати. Во время же того поклонения глаголи в себе: «верую, Господи, яко сие есть самое пречистое Твое Тело и самая Твоя Кровь животворящая»; и дондеже не окончивши сего глагола, не воздвизайся от земли. Егда же священник паки той потир из царских дверей явит и речет: ***Всегда, ныне и присно, и во веки веков***, а ты паки святому Телу Христову поклонись до земли и глаголи в себе: «аминь; благодарю Тя, Господи Боже нашь, яко сподобил еси нас причаститися святых Твоих божественных и безсмертных таин; не лиши нас, Боже, и небесных Твоих благ». Востав же от земли, паки сотвори три поклоны в пояс, или до рукоопертия, глаголя в себе: «и сподоби нас, Господи Боже, всех, во православии сущих, при кончинах наших, чистаго покаяния и святых Твоих божественных и животворящих сиих таин достоин причаститися, во оставление грехов и жизнь вечную; и отщетившихся от святыя Твоея Церкве обрати, Господи, и соедини во едино Твое избранное стадо, и помилуй нас, аминь». Егда же будут петь: ***Буди имя Господне благословенно отъныне и до века,*** ты же в себе глаголи: «буди имя Твое, Господи, благословенно отъныне и до века». И, по конце коегождо глаголания, твори по поклону поясных. Псалом же егда будут читати, и ты всем тамо реченным глаголом последуй, а умом своим с Богом беседуй. По псалме же, егда речет священник: ***Благословение Господне на вас, Того благодатию и человеколюбием***, ***всегда, ныне и присно, и во веки веков***, ты же, отвещав ему «аминь», поклонись ему в пояс. Егда же начнут пети многолетие, то и ты купно с поющими во уме своем пой: они воспоминают Царя, и ты Царя воспоминай; они — Цариц, и ты Цариц; они — Царевичев и Царевен, и ты тоже пой; они о патриархе, и ты о патриархе; егда же дойдет слово: ***всех православных христиан***, ты же в то время умом своим глаголи в себе:

«и всех нас, во православии сущих, сохрани, Господи, на многая лета». И сотворив святым иконам три поклоны, или и вящши, прими от презвитера благословение, изъиди из церкви. А аще презвитер во олтаре, то поклонись ко олтарю и, ту сущим людям поклон сотворив, изъиди. А аще начнут пети молебен, то не худо и молебнаго пения и моления послушати, и к церковной молитве и свое моление приложити.

Егда же пойдеши из церкви, а во дверех велми людие тиснутца, и ты помедли, дондеже теснота минет. И, шед из церкви, у дверей церковных стоящим нищим подай пенязей, елико хощеши. А во время церковнаго пения ходящим по церкви никаковым нищим милостыню подавать ти аз не потакаю; но подавай либо идучи в церковь, или идучи из церкве. А аще в могутстве будеши, то по следи вечерняго пения подаждь нищим, при церкви стоящим, три пенязя, а по утреннем пении шесть пенязей, последи же литургии подаждь дванадесять пенязей, или и вящъши, по могуте своей смотря. А аще же могуты твоея толикия не будет, то по вечерне подаждь един пенязь, по утренни же два, а но литургии четыре, или хотя и три. А аще и в самой бедности будеши, а всячески потщись, еже бы ти хотя по литургии пенязь подати, аще и един точию, дабы тебе тщу не изыти из церкви, и пред Богом да не явшися тощь (Сирах., гл. 35, стих 4). И аще что ни подаси, ни пред кем не славься, ни сам пред собою, ниже Богу извествуй, елико подаси. Даждь десницею, а шуйца бы твоя не увидала, то есть, да и в мысли бы своей о подаянии своем не повыситися; и что даси, да не исчисляеши, ни да воспоминаеши, како подания, тако и всякаго благодеяния; но вся сия остави единому Богу исчисляти.

А аще презвитер начнет пети молебен соборной, то ты не изходи из церкви, аще не имаши великия нужды; а аще и нужда, да не царственная, то всячески потщися, еже бы ти послушати молебнаго пения; и слушай с таковым же вниманием, яко и в литургии. Подобне и на утреннем пении, и на вечерни, и на повечерии, и в прочих во всякия службы, что поют или что читают, вся внемли и ничесого мимо ушес своих не пускай.

Егда же презвитер учнет читати на литургии, или на утреннем пении, поучение, или и ин кто будет читати от житий святых, или повести какия, или истории, то ты паче молитвы своея внемли читаемым глаголом и тщися, еже бы тебе их памятствовати незабыт-

но, дабы тебе можно было чтомое и людем сказати, понеже чрез чтение писаний Сам Бог к людем вещает. И сего ради всякаго чтения со вниманием слушай. И аще вся Божественная Писания ведети добре будеши и памятствовати, к сему же аще и закон христианъский добре разумееши, обаче ушес своих и мысли своея от поучения и от всякаго чтения не отвращай, но внятно слушай и внимай глаголемым. И аще внимателно будеши слушати, то не без ползы слушание твое будет: ибо из того твоего слушания иногда дасца тебе такое слово полезное, еже и во весь свой век будеши памятствовати и ползоватися им. Такожде, аще что и сам читавши, не вся глаголы во главе твоей въмещатися будут; но аще и многократно писание кое читал еси, а последи такожде найдеши нечто новое, кое было бутто закрыто от тебя; и зря на тое слово, сам себе будеши дивитися, еже, прежде того читаючи, не мог его разсмотрити. И того ради велми полезно есть, еже и чтомое паки читати, и слышанное паки слышати.

20. На преждеосвященных же литургиях, егда имут пети: ***Да исправится молитва моя, яко кадило, пред Тобою***, и ты в то время стани на колену и стой со умилением; мыслию своею проси у Бога, дабы молитву твою, яко же Он; весть, исправил. Егда же приидет глагол: ***воздеяние руку моею***, и ты в то вре(мя), стоя на колену, воззри на образ Спасителев и руце свои возлежи к небеси с богомыслием. Егда же приидет глагол: ***жертва вечерняя***, и ты в то время возложи на ся крестное воображение и, стоя на колену, поклонись до земли; и тако исправив, востани на нозе свои. Во время же переноса, пад на землю, ниц лежи, глаголя в себе: «Помяни нас, Господи, егда приидеши во царствии си; помяни нас, Владыко, егда приидеши во царствии си; помяни нас, Святый, егда приидеши во царствии си». И егда речеши: «помяни нас, Господи», и при том глаголе богомыслие свое имей к Богу Отцу; егда же речеши: «помяни нас, Владыко», и при том глаголе богомыслие свое имей к Богу Сыну Божию; егда же речеши: «помяни нас, Святый», и при том глаголе богомыслие свое имей к Богу Духу Святому. И прочая твоя всякая моления, аще во церкви, аще и в дом, или где ни случится, по вышеписанному ти предъизъявлению разумей, и никаковые молитвы Богу и святой Богородице без богомыслия не твори, понеже Бог не от языка, ни от гортани требует молитвы, но от сокрушеннаго сердца и от чистаго ума, возведеннаго на небо пред Самого Бога.

К сему же ни на един час Бога из мысли своея не испускай. Аще стоиши или седиши, аще идеши или лежиши, или что либо твориши, яко во дни, тако и в нощи, отнюд из мысли своея Бога не выпускай. И кроме молитвы, Бога в себе имей присно. Аще бо будеши Бога своего в мысли своей присно имети, то и Бог в тебе жилище себе сотворит, и диаволу овладеть тобою будет невозможно, понеже места ему в тебе уже не будет. И за такое твое боголюбие и при кончине твоей сподобит тя чистаго покаяния и пресвятаго Своего Тела и Крове достойне причаститися, во оставление грехов твоих и в жизнь вечную. И аще в богомыслии житие свое скончиши и душу свою в руце Его Божии с богомыслием же вручиши, то веждь, сыне мой, яко воздушнии демони к души твоей не прикоснутся, но свободно дойдет до царства небеснаго, и тамо будеши с праведными человецы, иже по воли Его Божией пожиша, в нескончаемыя веки веков веселитися.

21. Еще же ти, сыне мой, завещеваю: аще будеши имети святых икон доволно, то ты не все в доме своем держи, но отдели некоторые во церковь. И тамо их не в церкви, ниже в трапезе, но внутрь самаго святаго олтаря поставь; и чтобы их поставить окрест престола Божия, по стенам, и учредить их со всяким украшением приличным. И подавай пред них свещи неоскудные; а аще, за недостаточеством своим, свещь подавати тебе не можно, то и икон во олтаре не поставляй. Понеже от Самого Бога еще издревле поведано олтарь украшати образами херувимскими, и по тому повелению Господню, Соломон царь, во святая святых, олтарь украсил премного от злата соделанными херувимы, и седмь светилников златых во олтари, по Божию же повелению, поставлено было, ради Его Божия чести. А по вочеловечении Христове, в новой благодати, явишася во плоти херувимы, то есть святии Божии угодницы, иже пожиша равноанггельски, и ныне уже надлежит, вместо тех древле бывших херувимъских образов, святыя олтари украшати образами Божиими и Пресвятыя Его Богоматере, иже несравненно вышши древле бывших херувимъских образов; такожде — и святых угодников Божиих, кии на сем свете херувимъски пожили и у Бога заслужили. Понеже новые благодати олтарь несравненно вышши ветхозаконнаго олтаря: тамо бо приносимы были на жертву волы, и овцы, и козлы, а ныне приносится в жертву агнец Божий. И того ради и украшати его подобает паче ветхоза

конного. Тамо бо токмо седмь светилников возжигалося, ныне же подобает седмьдесят или и вящши свечь воспалити, дабы во олтари свет во время церковные службы возсиевал паче церковнаго сияния. И иконы тамо подобает поставляти украшенные сребром, и златом, и жемчугами.

22. И на всякое церковное украшение, и служителем церковным на пропитание, и нищим, и бедным, подавай неоскудною рукою, без жаления, с самым усердием, дабы тебе превзойти паче древних книжник и фарисей. Понеже о сем Сам Господь ясно нам рек, глаголя: аще не преизбудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете [рече] во царство небесное (Матф., гл. 5, ст. 20; Лук., гл. 18, ст. 12). А фарисеи давали Богу от прибытку своего десятую долю, и постились; они же ничего чуждаго не похищали, и неправды никакой не чинили, и жили в чистоте телесней. Зри, люторе и учениче люторов: се бо Господь правду фарисейскую похвалил. Что же их правда, точию се: еже постились, и от прибытку своего давали десятую долю Богу, жили в чистоте телесней; по снитии со женою, не измывшись, из дому своего не исходили. Ты же, сыне, живи не полюторску, но живи по повелению Божию. Зриши ли, яко Господь похвалил правду книжник и фарисей, то есть добрая их дела, в коих они пред Богом не погрешили и цело хранили, как им закон повелевал. И тако Господь о древнем своем узаконении рек, глаголя: не мните, яко приидох разорити закон или пророки; не приидох разорити, но исполните (Матф., гл. 18, ст. 17) [то есть, еже еще к тому древнему закону приложити и паче слабая заповеди подкрепити]. И, подкрепляя прежняя своя повеления, тако рек: аминь глаголю вам: дондеже прейдет небо и земля, иота едина, или черта едина не прейдет от закона. А люторы и преемницы их той глагол Господень подкрепителный повергоша, и ногама своима попраша, и ничесого, древле узаконенная, не исправляют. З женами своими переспав, ходят яко безсловесный скот, или яко безкнижная Мордва, не обмывшись, и в той нечистоте и в церковь ходят, и нас таковому же богопротивному делу учат. Кровь скотия, от Самого Бога заповеданная еже не ясти ея, ядя ядят с великим люблением. Евреи постились, а люторане и посты отринуша от себя, и живут яко безсловесный скот, и ничего себе в грех не поставляют; но вся им, яко свинье, чиста суть. Ты же, сыне мой, буди словесным человеком, а не скотом: разумей, что добро или что худо, и добрая дела, яко пшеницу,

в житницу свою собирай, а худая дела и люторская предания, яко плевы от пшеницы, отбирай и огню предавай.

Ты тако тщися, еже бы тебе книжников и фарисеев своими добродетелми превышшити, чтобы тебе, по Господню словеси, внити во царство небесное. И того ради положи в себе предел, еже на кийждо бы год исчислити прибытки свои все: и аще в год придет тебе по исчислению твоему, прибытку тысяча рублев, то отдели ты Богу сто рублев, и приложи ты рублев пять, или и болши, или и менши, по своей любви к Богу, приложи по своему намерению, дабы тебе превышшити фарисеево подаяние. Фарисей двократы в неделе постился: и ты по уставу церковному двократы в неделе постишися, то есть среда и пятница (и в тыя дни не токмо мяса, но и рыбы не яждь, кроме разрешенных дней[330]); к тому же от святых отец положены в году четыре посты; и аще тыи вси посты будеши поститися, то и в посте превзыдеши фарисеев. Они аще чюжого и не похищали, а за себя стояли; а ты такожде чужого не похищай, а кто твое похитит, не возвращай, — то и в том правда твоя превзыдет фарисейскую правду. Паки: кто тя ударит по ланите, и ты, по еврейскому узаконению, не бий его супротивно по его ланите во отмщение, но обрати ему и другую свою ланиту, — то и в том правда твоя превзыдет книжник и фарисей; и ни за какую досаду никому не мсти, то не токмо наследником будеши царства небесного, но и сыном Божиим наречешися. К сему же и чистоту телесную храни и, со женою переспав, не омывъшися из дому не исходи, дабы тебе Бога тем на гнев не привести и преслушником бы Божиим не быти, но всегда бы тебе быти с Богом.

А аще прибытку твоего будет болши тысячи рублев, или менши, то ты по тому же исчисляй, дабы тебе отделить Богу десятая же доля, с приложением по твоему разсуждению. И аще будеши и в самой последней скудости, и тогда не усумневайся и уставу своего не изменяй. Аще исчислити тебе годового доходу, за скудостью, будет невозможно, то ты, егда выроботаешь десять пенязей, то не отлагай до иного времяни, отдели десятой пенязь и освяти его Богу. И положи его особе, дабы тебе той пенязь не усвоити и ни в какую свою нужду его не издержати; но отдажь его либо в церковь, либо убогим людям требующим, либо презвитеру. И, тако творя и в малом своем подаянии, правда твоя преизбудет книжник и фарисей, и, по Господню неложному словеси, не лишен будеши наследия царства

небеснаго. А аще же, от преизлишняго богатства и за умножением многоделия, прибытку годового исчислити прямо не возможеши, то, ничтоже сумняся, применяяся по знатным доходам, десятую долю например, отлучи и освяти Богу, а за тем, в пополнение своего Богу даяния, буди на подаяние убогим не жалетелен[331], но со усердием давай. А буде кто от убожества своего придет к тебе заяти, то не моги отвратити лица своего: даждь ему и нужду его исправи, писма же в денгах отнюд не бери. А буде хощеши себя от народа укрыти, то ты писмо возми для лица и положи ево при людях в зепь[332], а последи, изяв, раздери его, дабы по смерти твоей сродники твои не разорили его, дабы и милость твоя в погибель не обратилась. Сия бо твоя заимодавная милость пред Богом велика будет, паче нищеты, ходящия по улицах: понеже многие нищие по улицам скитаются, а в доме своем не токмо хлеба, но и пенязей имеют доволство; а наипаче безногие и иными уды клосныя[333].

И на сие мое тебе завещание не вознегодуй на мя: не худа ради какова предложих ти сие; но ради приказания Божия, дабы ты не лишен был царства небеснаго. То себе, сыне мой, веждь, яко диавол велми сицеваго исправления ненавидит и всякими умыслы препинаст. Ты же буди тверд: диавол к тебе со скупостью, а ты руку свою паче распростри; не оскудееши бо от подаяния. Бог, видя твое усердие, подаст тебе невидимо. Аще бы аз не отец тебе был, не стал бы тебе тако предлагати. Аминь.

Глава 5. О ГРАЖДАНСКОМ ЖИТИИ

1. Живи ты, чадо мое, в совершенном страсе Божии: никого не обижай и ничего чужого не желай, но буди доволен своим си имением. Аще и весма беден будеши, в том и тщися пребывати, и богатьства времяннаго не весма ищи, но паче ищи вечнаго, чем тебе в бесконечная веки жить. Богатство бо времянное ничто же есть, и аще кто его и получит, не всякому оно на ползу, но вящши бывает на погибель. Ибо от богатства приходит гордость, тщеславие, чревообъядение, сластолюбие, вещелюбие, всякая роскошность непотребная. От излишняго изобилия и в блуд паче въпадают, и блудницы их паче любят, нежели убогих. Богатии же паче и обижают убогих и маломощных; и не токмо они сами, но и люди их многих обидят. И сего ради ты, сыне мой, не весма ищи богатства. Добро богатство

бывает тому, кий человек может им владеть Авраамъски; а аще кто тако держати его не может, то лучши жить в посредности, или и в самом убожестве. Богатъство бо, и кроме вышепомянутых страстей, и прежде получения, пакости наводит на человеки: ибо кии человецы желателно его ищут и хощут въскоре обогатитися, то въпадают в великия напасти и погибают. О сем бо и святый апостол Павел, уча нас, глаголет: яко хотящии обогатитися въпадают в напасти и сети, и во многия похоти низходят, еже повреждают человеки и низводят в погибель (1 Тимоф., глава 6, стих 9). И тако святый апостол о богатьстве сказует, яко корень есть всем злым делам сребролюбие, емуже нецыи желающе, заблудиша от веры и себя пригвоздиша ко многим болезнем. Паки святый Павел Тимофею пишет, дабы богатым запрещал, еже не выситися, ниже уповати на богатство гиблющее, но уповати на Бога жива (стих 17). И сего ради святый апостол Павел, оберегая нас, повелевает от богатства бегати, дабы мы в нем напрасно не погибали.

И аз тебе, сыне мой, сказую: аще ты погонишися за богатъством, то оно побежит от тебя; ты же, постизая его, всячески поткнешися и разбиешися; богатства не постигнеши, а себя повредиши. А аще же ты желанием желати его не будеши и с притужанием[334] за ним не побегнеши, то оно и само не побежит от тебя, токмо ты умей его содержати: не давайся ему под власть, но ты им господствуй. Так, сыне мой; живи: аще будет у тебя и доволное богатство, не радуйся ему, а аще и не будет у тебя, не печалуйся. Аще бо желанием желати богатства не будеши, то всегда безпечален будеши и сребролюбие не овладеет тобою, но ты одолееши и царствовати над ним будеши, а не оно тобою. Безжелателный[335] бо человек всегда весел бывает: аще у него много, аще и мало, о всем радуется и Бога благодарит, и живет яко царствует. Ты, чадо мое, пекися о померном[336] богатстве, а не о преизлишнем, токмо чем бы тебе з домашними своими быти сыту. А и ту свою сытость всю возверзи на Господа Бога своего: Той бо всякую тварь питает, то тебя ли не может пропитати? И сего ради паче от Бога ожидай, а не от своего происку: Он бо весть, колико ти дати. О сем Сам Господь Бог рек, глаголя: не пецытеся, что ясти, или что пити, или чим одеятися [всих бо сих, рече, языцы ищут]: весть бо Отец вашь небесный, яко всих сих требуете; но ищите [рече] прежде царствия Божия: и правды его, и сия вся приложатся вам. Не пецытеся убо о утренней, утренняя бо сама о себе печетъся. И на сия

глаголы Христовы зря, ты, чадо мое, не буди малодушен, но буди крепкодушен, и всю свою надежду возверзи на Господа Бога твоего, и Той та препитает. И в каковом Бог тебя житии устроит, тако и живи, а лучшаго с притужанием не ищи, дабы тебе не въпасти в какие напасти: Бог бо ведает, что кому дать и чем кому владеть. И егда будеши ты о малом благодарен, то и великим богатством будеши наполнен. И аще каковых богачей ни узриши, не завидуй им, ниже зазри им в чем, но паче себя зазирай.

И аще будеши богат, то не буди скуп. Во святыя церкви подавай на созидание и на украшение, она бо по вся дни за созидат(ел)ей своих молит; и нищих наделяй, и бедным людям в нуждах их помогай, дабы и тии со святою Церковию за тя Бога молили. И аще ты милостив будеши, то и Бог к тебе паче милостив будет и ни в каких нуждах тебя не оставит. Духовный чин почитай и подаянием своим неоскудным их наделяй. И аще врученное ти от Бога богатство добре управиши, то и во грядущий век воздаяние от Бога приимеши сугубое. И аще ты, чадо мое, будеши жити во страсе Божии и никого ни чем обидети, ни делом ни словом, не будеши; а диавол аще восхощет тя от тоя твоея добродетели отторгнути, наустит на тя какова злаго человека, и той, по наущению диаволю, начнет тебя обидети делом каким, или словесы неподобными озлословит тя: ты же всячески понеси на себе, а того и в мысль свою не влагай, еже бы тебе чем ему отмстити. Но и не жалься на него, не токмо людям, но ниже Богу; но паче всякими образы тщися, еже бы зделати ему каковую ни есть добродетель. И аще тако сотвориши, то Господь Бог твоих грехов не воспомянет, и за такую твою добродетель похвалит тя пред всеми Своими ангелы, и въведет тя во царство Свое небесное, и тамо будеши богат неоскудным богатством, и славен будеши паче царей земных. Диавол же, наведый на тя таковаго злодея, посрамлен отъидет от тебя.

Аще не токмо богатством в житии своем будеши от Бога наполнен, но аще и честию возвышен, обаче буди кроток и смирен, и ни пред кем не возносися: буди яко простый мирянин. Обиды не токмо убогим, но и богатым никаковые не чини, но паче буди сам от инех обижен. И дом свой не чрезмерно разширяй, дабы тебе своим излишним разширением обиды какой соседям своим не учинити, и вознесенным своим строением света бы у соседей не отняти, и никому бы тесноты какой не учинити. Буди ко всем людям нисходи-

телен. И за собою чужого ничесого не удержуй; а буде кто ти даст свое имение на сохранение, то ты паче своего тое сокровище храни, дабы каковые пакости и погибели тому чуждему имению не учинилось; и аще кто ти что дав забудет, возвращением возврати ему. Так ты себя храни, дабы тебе и к малой какой вещи чуждей не прикоснутися. И аще кто тя чем подарит, тщися воздати ему вящши; а аще вящши воздати не восхощеши, то ты ни малаго подарка не приемли. И аще взаим возмеши денег, или иного чего, и поставиши срок, то не моги ты за срок передержати, но всячески тщися, еже бы за день или за два до сроку принести ти заплату. И тако творя, от всех похвален будеши и добрым человеком прослывеши. А аще же к сроку не исправишися росплатою, то, прежде того дне пришед, испроси сроку.

А аще кто на пути, или на дому, или во церкви поклонится тебе, то не моги ты того сотворити, еже бы ти поклона не отдати: честному человеку по чести его и поклонись, а богатому по богатству, понеже яко честь, тако и богатство от Бога человеку дается. А и убогаго не презри и в поклоне не преобиди его: по елику возможно поклонись и ему, да поклонением своим порадуеши его. О сем же всячески тщися, дабы поклон твой был не гордостен. И аще и младенец каковый тебе поклонится, и тому поклон отдай. А такова безумия отнюд в себе не имей, еже бы ти, не сняв с себя шапку, да в ней и кланятися: не буди шапка твоя пригвождена ко главе твоей. И пред всяким человеком смирение и низость свою показуй безлукавную, и смирение твори не того ради, дабы тебя люди хвалили, но от самыя истинны. В словесех, и в делесех, и во всяких поступках смирение твори без всякаго притвора[337]; и не токмо в явности, но и в тайности, и внутрь себя смирен буди; и того своего смирения не ставь себе в добродетель, но ничтожа себя смирение носи на себе. И Бог, видя твое таковое смирение, во грядущем веце вознесет тя на высоту небесную и прославит тебя.

2. И аще Господь Бог даст тебе остроту разума, то ты паче смиряйся и ни пред кем не возвышайся. И буде вручено ти какое дело государево будет, то ты о доме своем и ни о чесом своем тако не пекися, яко о врученном ти деле: того и смотри, чтобы тебе чего не истеряти. А аще в том деле будеши какой росход имети, то перве ту дачу запиши в книгу, и егда уже запишеши, тогда отдай. А не записав, никогда никаковому человеку ни малыя дачи не давай, понеже

от сего пакость бывает великая: аще что отдаси, не записав, и восхощеши последи записать, а тебе случится иная какая нужда, и час по часу замедляеши, и тако ис памяти твоея выдет, и в безвестии та твоя дача незаписанная пропадет, и что ты без записки потеряеши, все та на тебе взыщутся. И от таковых незаписных дачь многие люди в конец разоряются. А другая причина от незаписки такая чинитца: егда кой человек, не записав, денги даст, а последи, забывшись, напишет одну дачу дважды; и аще и от забвения тако учиниши, то пред Богом согрешиши и в клятву въпадеши, и со взявшим спор наведеши, и сего ради и сам себе неверен явишися. А аще не записав отпускать ничего не будеши, то и от греха, и от убытку избежиши.

А и в доме своем имей две книги записные: едину настолную, в ню же всякия дела записывай повседневно, что, кому и за что даси, или у кого что возмеши, свое или чужое, или что купиши, и что за что даси; а другую книжицу имей при себе памятную, и нужнейшия дела и вещи записывай в ню. Тако, во всяком деле, того и стереги, в чом бы тебе пороку какова не нажить, и в грех бы не войтить, и никакову человеку досады бы не учинить. Так ты опасно себя храни, дабы на тебя никто, не токмо Богу, но и своей братье не пожаловался бы.

И аще у какова дела будеши и болшим командиром, обаче самоумничеством своим ничего не делай, но все чини с общаго совета. Сам бо Господь Бог повелел всякие дела, посоветовав со клевреты, творити. Тако бо Господь рек: аще два или три собрани будете во имя Мое, то тут обещался Он, Господь и Бог, посреди быти (Матф., глава 18, стих 20). А идеже будет Бог, ту и вся благая будут, и кое дело с совету устроиши, то, по Господню словеси, тое дело состоятелно будет. А аще умом своим вознесешися и будеши что делати без совета, то тут Бог тебе ни в чом не послет Своея помощи. Ты аще и болшим камандиром у какова дела будеши, обаче буди яко последний всем, и яко служай им. Сам бо Господь повелел болшому так себя смирити, яко мний всем и слуга (Лук., гл. 22, ст. 26; Сирах., гл. 32, ст. 1, 20–21). Тем ты себя не обезчестиши и чести своея нерониши, еже пред своими клевреты сам себя снизиши. И аще весма себя пред меншими тебя смириши, и, за такое твое смирение и Господню повелению исполнение, Бог тебя вознесет; яко же Сам Он весть. О сем же всяк да весть, яко Бог гордым противиться, смиренным же дает благодать Свою (Притч., глава 3, стих 34). Смирение бо не токмо пред Богом добро, но и пред человеки хвально.

3. И лжи во уста своя ни малыя не влагай, понеже лжи началник и отец есть диавол. И сему словеси верь, ибо Сам Господь изъявил нам о сем, яко лжи началник и отец — диавол и во истинне не стоит (Иоан., глава 8, стих 44). И ты, сыне мой, у диавола ничесому не учись, и в малом чесом либо не верь ему, понеже весь он ложь есть и во истинне не стоит: что он кому ни обещевает, все лжот и обманывает. Того ради и ты, сыне мой, велми бойся лжи, дабы тебе в сыновство диаволу не вдатися. А святый царь и пророк Давыд, Духом Святым провидев, вещает, яко Господь погубит глаголющих лжу (Псалом 5, стих 6). Такожде и лстиваго глагола никакова никому не глаголи: той царь и пророк вещает, яко погубит Господь вся уста льстивыя (Псалом 11, стих 4). Наипаче же в сием себя опасно храни, аще кто на тебя пошлетца в каковом свидетелстве, аще тебе и самый враг пошлетца на тя в правде, а в неправде аще и самый твой секретный друг, или ближний свойственник, или тобою и начальствующий, не моги солгати и, въместо правды, неправду сказати. Лучши тебе беда или и смерть подъяти, нежели, солгав, целу быти. Аще правду скажеши и за то от вышних лиц постраждеши, а наипаче, аще смерть себе приимеши, то тебе подобает радоватися: понеже ко святым мученикам причтешися. О, сыне мой, щаслив бы ты был, аще бы ты, за праведное свидетелство, смерть себе приял еси, понеже прямо бы ты возлетел еси на небо и воздушнии демони не могли бы души твоея одержати: тою бо ты своею мученическою кровию все свои грехи очистил! А аще во свидетелстве солжеши, мстя кому недружбу, или дружбы ради, или ради мзды каковыя, или ради страху от лица силнаго, да въместо правды скажеши ложь, а последи аще неправое твое свидтелство обличится, то ты судом царским смертную казнь постраждеши. И та твоя смерть разве токмо един той грех загладится, еже на лжи свидетелствовал, а прочиих грехов едва заслужиши ли. И сего ради всякому человеку велми годствует лжи боятися, дабы диаволу предану не быти. Анания со женою своею Сапфирою святому апостолу Петру солгали, то в том же часе и души свои извергли из себя (Деян., глава 5, стих 3). Господа ради, чадо, бойся лгати, дабы ти век не страдати.

Такожде и пустошных глаголов весма бегай, и глаголи токмо то, еже полезно или потребно; а еже посмешно, или ругателно, отнюд таковых словес не глаголи. Господь тако рек, яко за всякое праздное слово в день судный воздадут ответ (Матф., глава 12, стих 36). И тако

Господь кощунъства ненавидит, еже и благодать Свою от них отъемлет, ибо аз не видех ни единаго шута, еже бы умер с покаянием. И сего ради велми-велми издеватися над человеки страшно, дабы, за издевки посмешныя, христианския кончины не лишитися. Нам, в мире живущим, то и надежда наша, еже бы при кончине сподобил Бог чисто покаятися и достоине пресвятаго Тела Христова причаститися. И ты, сыне мой, велми бойся пустошных словес глаголати. Паче же бойся великим страхом, еже бы тебе убогого кого, или богатаго не обругати чем и досады не учинити, дабы тебе в день судный ответу Богу о них не давати. Но аще кого ты увидиши и велми глупа, не моги его ни ругати, ниже осудити, понеже то ругание коснется самого Бога, понеже Бог ево такова создал. И аще кого и велми глупа узриши, то ти поболи о нем и, елико можеши, помоги ему, за еже он не своим изволом таков, но Божиею волею. И Бог, видя твою такую любовь к малосмысленным, паче тебя умудрит и не токмо на том свете, но и на сем свете возградит тебе десятерично; а на оном уже и сторично восприимеши, и живот вечный наследиши.

4. Сыне мой, не буди ты горд, яко лютор. Ты не токмо апостольским преданиям, но и отеческим буди послушен, и не презирай их. И егда внидеши во святую церковь, то и ты буди свят, ничего суетнаго не размышляй, но токмо то мысли, како бы ти, стоя во церкви, Богу угодити и не осуждену из нея изити, но милость Божию себе получити. И того ради буди во церкви, яко кроткое овчатъко: ни малые гордости не припусти к себе, но всех буди крочшь, ни малыя высокости в себе не являй. Не уподобляйся гордым люторанам: они бо не токмо отеческая предания, но и Христовы заповеди вся опако обращают, токмо хранят с великим тщанием отца своего и предводителя до бездны, Мартина, лютаго губителя душ христианъских. И по его Мартинову наставлению, и в кирки свои въшед, в шапках и в шляпах и в паруках, седши в кресла, слушают своея обедни. Нарицают ту свою кирку домом Божиим, а вшед в ню, седят яко на торжищи, или яко в корчемнице, а не в Божием дому. И нам от таковые их превеликия гор(д)ости надлежит бежати, яко от лютаго какова яда. Есть бо нецыи и из нашего праваго христианъства, научившеся от них, во время божественныя литургии, во церкви стоят в паруках и в явление пресвятаго Тела Христова не снемлют их со глав своих, и тем они Тело Христово ругают, понеже и архииереи Божии в тое время покрывала своя снемлют с себя. А паручники не

хощут пресвятому Телу Христову чести отдати: уничтожа то божественное таинъство; стоят в покрывалах, ни что же разсуждая. И ты, сыне мой, таковаго люторскаго безумия отнюд себе не присмли и не мни того, якобы в паруке во церкви стояти безгрешно было. То себе веж(д)ь, яко аще в паруке стоять безгрешно, то и в шапки, и в шляпе уже безгрешно: вся бо сия едино есть покрывало. Какова бо шапка, такова и шляпа, ничим же разнъствует и парук. Но еще парук и горши шапки и шляпы: в шапке бо и в шляпе шерсть, или рещи, волосы, вещь бяше чистая, понеже емлются от чистых овец и от иных зверей дубравных, на коих не токмо греха, но и заповеди никакая не лежит; а в паруках волосы собраны от мертвых жен и девиц, много же и от скверных блудниц. И таковых мертвечинных и нечистых блудниц волосы православным христианом и вне церкви на главы свои возлагати не весма годъствует. Люторанам то свойственно есть, еже носити таковые паруки, понеже они вне суть истиннаго христианъства; обаче и им не безгрешно есть, еже в церковь в них ходити, понеже кирки их, аще и еретическаго зловерия суть, обаче под имянем Божиим. А уже где имя Божие назначилось, то уже стало быть свято, и за имя Божие уже надлежит почитати и кирка, а с корчемницами не подобает их ровняти.

Мартин Лютор аще ученикам своим на вся разрешил и от грехов всех свободил, обаче не токмо нам, правоверным, но и им самем надлежало было осмотряся слушать ево повеления. Не менши его насказал и Махомет, но надобно верить поосмотряся. Возлюбленный ученик Христов не повелевает всякому духу веровати; тако бо рече: возлюбленнии, не всякому духу веруйте, но искушайте их, аще от Бога суть (1 Иоан., глава 4, стих 1). И аще кто не весть: како кого искусити, то посмотри на житие его, каково он живет, чисто ли, или скверно? И аще кто в чистоте пребывает и живет свято, то тому мочно верить; обаче и тут не без сумнителства будет, аще древнему преданию будет противно учити. А аще кто живет грешно и в скверности пребывает, таковаго человека учению, аще помнится и право глаголет, не подобает верити. И сей секрет не от себя изнесох, но создавый нас Господь и Бог нашь, оберегая нас, изъявил сей секрет, како нам учителей своих познавати, глаголя: внемлите от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овъчиих, внутрь же суть волцы хищнии: от плодов их познавайте их. Не может древо доброе плод зол сотворити, ни древо злое плод добр творити. Всякое убо

древо, не творящее плода добра, посекается и во огнь въметается. Тем же убо от плодов их познаете их (Матф., глава 7, стих 15). Зри всякой человек, каково ясно Господь изъяснил, како учителей своих познавати нам. И по сему Господню словеси, никоими делы верить словесем Люторовым не довелось, понеже он житие свое имел самое скверное. И на житие ево зря, не то, чтобы ево слушати и волю его исполняти, но довелся он, по Господню словеси, огню предати, дабы и имя его исчезло. А Немцы толь обезумилися, яко хуже скота явились; что пьяной блудник ни соврал, тому и поверили. Лютоpане глаголют: «каково де Мартин Лютор ни жил, толко де мы ведаем, что он правой нам путь показал»; а Господь нело(ж)ными Своими усты рек, яко злое древо не может плода добра сотворити. А Немцы паче Бога себя поставиша. Господь рек, яко не объемлют от терния грозды, ни от репия смоквы; а Немцы то слово Господне на землю повергоша, и ногама его попраша, и нудятся от терния обирати грозды виноградны, а от репия смоквы сладостныя. Аз же, Господне слово подкрепляя, глаголю вам, яко, ища на тернии виноградных гроздов, не токмо руце или лица своя, но и душу свою пронзите, а гроздов не обрящете; такожде и на репейнике, что болши будете искать смоквей, то болши в репьи обваляетеся. И от терния все свое тело и душу избодете, а в репейнике вся своя одежды, извну и извне, обваляете и будете щуды[338] ужасновидные; душу и тело и ризы своя оскаредите, а ни гроздов, ни смоквей не обрящете. Явной то рок, что ножом себя в бок. Уже видя в блуде и во всякой скверне человека пребывающа, а возжелали от него ползы искати!

Господь Сам Своими святыми усты рек, глаголя, яко не всяк, глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет во царство небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех (Матф., гл. 7, ст. 21). И аще Мартин и поминал имя Господне, и тому было верить не довелось, но надлежало было посмотрить жития его: по Божией ли воли он живет, или по диаволей? И, видя его по воле диаволей живуща, отнюд не подобало было его слушати, понеже повелел Господь тех слушати, кии по воли Его Божией живут. Апостол Павел тако глаголет: подобии мне бывайте, яко же и аз Христу. А Мартин Лютор подобен не Христу, но самому диаволу; а диаволу и самому верити отнюд не подобает, а не то что подобнику его Мартину. Мартин одним словом грехи со всех своих послушников снял; а Иоанн святый Предотеча не тако глаголет, но повелевает сотвори-

ти плоды, достойны покаяния (Лук., гл. 3, стих 8). Что же плоды покаяния? Яве есть, яко — пост, молитва, воздержание и от грехов отступление. А Мартин повелел плоды творити своему люторскому покаянию: въместо воздержания — всякая роскошность, а въместо поста — вседневное мясоястия, въместо слезнаго моления — веселостное играние. И по таким плодам гнило люторское покаяние, гнила и надежда на таковаго гнилаго человека. Святый апостол Павел повелел наставников своих слушати тех, кии глаголаша слово Божие, и повелел взирати на скончание их жителства, и вере их подражати (Евр., гл. 13, ст. 7). А люторанам како воззирати на скончание жития своего предводителя, иже зле житие свое скончил? Вере его подражают и вся его приказания крепко хранят, а на скончание жития его не взирают отверстыма очима, но сомженныма[339]. Понеже не токмо на кончину жития его, но и на все его житие аще кто отверстыма очима позрит, то разве кто из ума своего изступил, тот токмо словесам его поверит; а кто в целом своем уме и разсуждение имеет здравое, то той, яко от змиа, от учения его пробегнет. Он все свое житие в блудной скверне проводил и тоя своея скверны и в грех не поставил: меня де такова Бог сотворил, и якобы виновен тому его греху Бог, а не он! И сластолюбивые Немцы тот ево кривой толк от всея своея души возлюбили, и доныне вси преемницы его во грехах своих Бога винуют, а не себя.

Токмо нас, во православии сущих, соблюди, Боже, от таковаго люторскаго безумия и от трепроклятыя их святости! Мы вси вемы, яко Бог безгрешен есть, и плоть человеческую приял на Ся от безгрешныя Девицы, и никаковому греху Спаситель наш не причастен. А Мартин Лютор, сам от блуднаго лакомства в кале блудном обвалявся и стыд свой прикрывая, безвиннаго Бога винует, и по ученью его, Мартынову, и преемницы его такожде винуют Бога, и вся своя грехопадения причитают к Божией вине, а не к своей, глаголя: таковых де нас Бог сотворил. И аще кто в них блудолюбив, или и иным каковым грехом обложился, то они вси вину ту причитают Богу, а не к себе. А христианъский учитель, святый Иоанн Златоустый, единым словом таковых кривотолков возражает, глаголя: аще де такова тебя Бог сотворил, то возжелавый блуд творити не скрывайся в клеть, но на торжищи, или и пред судиями, явно блуд твори; понеже, глаголеши, Бог тебя такова сотворил, то несть тебе в том блуде греха, ниже зазора. А аще сего сотворити не можеши страха

ради судейскаго, то како [рече] страх судейский природную твою страсть прогонит, а Божия страха не боишися, Иже не токмо тело, но и душу может мучити? А вы еще и виновна Его, Создателя своего, творите, якобы от Его Божиея воли грехи содеваете! Пред Богом извиняетеся, то чесо ради и гражданъским судием того не глаголете, еже Бог вас таковых сотворил, и чиниши ты то злое дело не по своей воле, но по Божией? Ты себе, кривотолче, до сему разумея, разсуждай: скот, аще и пред царем сходитца, несть ему вины и стыда он не имеет, понеже он по закону своего естества тако творит, и того ради они безвинны; а ты не то что судии, но и единоравнаго своего клеврета зазираешися. И посему, люторе, явную ложь глаголеши и безвиннаго Бога винуеши напрасно, якобы тя такова грехолюбива Бог сотворил; но вся сия слабость твоя и потачка предводителя вашего Мартина тако творит. Мы же вси ведая вемы, яко не можеши и з законною своею женою явно при народе снитие сотворити: аще бо ясно на тя зрят людие, то всячески похоть свою отложиши. А о сем, чаю, и вы не не весте, еже от Бога никто никамо укрытися может. Аз не вем, чесо ради судии ваши не по люторскому разуму суд чинят, иже разбойников и иных воров смерти предают? А по вашему люторскому высокоумию ни за каковую вину не токмо смертною казнью казнити, но и наказания чинить не надлежало, понеже Бог их таковых сотворил и, по вашему люторскому глубокоумию, во всех тех винах виновен Бог, а не они. О, превеликаго безумия, о, несказаннаго пред Богом безъстрашия! О, Боже нашь человеколюбче, доколе таковым Своим явным ругателем терпиши? Учение Твое древнее и новыя благодати развратиша, и грехи своя вся на Тя, Боже, возвалити хощут, и без труда, широким путем, нужды ни малыя не подъемше, царствие небесное похитити хощут!

5. И не токмо благочестивую древнюю веру восточныя и западныя Церкве уставы развратиша, но и творение Божие опако превратиша. Бог сотворил землю тягостную и недвижимую, и от небес всякую тягостную вещь устрои к земли клонитися, а легкости к небеси устрои возноситися; и вещь самую от всех элементов легчайшую, солнце, отдели от земли, сотвори его последи тягостныя земли, в четвертый день, и подъяв его к высоте, и постави на четвертом небеси, еже освещати ему всю вселеную, и на кияждо сутки повели ему объходити въкруг всея земли. А тыи люторaня то творение Божие опак обращают и глаголют, якобы легкость солнечная стоит недви-

жима; а тягостная земля на киеждо сутки обходити блядословит неисчислимые милионы верст! И таким своим блядословием не токмо слово Божие, но и дела Его опорочиша. Боговидец Моисей написал явно, от уст Божиих слышав, яко в первый день начала сего света сотворил небо и землю, невидиму и неукрашенну; и света не бе тогда, последи же сотвори свет. Небо же сотвори Бог видимое во вторый день, то есть твердь. В третий же день украси Бог землю травами и цветами, и всякими древесами. А в четвертый день сотвори Бог солнце, и луну, и звезды, и постави я на тверди небесней, а не в кентре всего света. А проклятый Каперник[340], Богу суперник, тот творителный глагол Божий спорит, и Моисеево писание, иже от откровения Божия написанная, ничтожит, и тому своему лжесоставному вымыслу никакова от Божественнаго Писания свидетелства не являет, но токмо своим богопротивным умствованием утверждает. И тыи же люторане в такое уже безумие от высокоумия своего внидоша, еже и Самого Бога ничтожити начинают, и глаголют: несть Бога. О, презелнаго люторскаго безумия! Законы вся Божия превратиша опако, а потом начаша творение Его обращати опако же! Тягостную землю подъяша на воздух, от кентра земнаго, идеже была от Бога сотворена, вознесоша на высоту небесную, и со звездами ю уравниша, и планетою ю нарекоша; а лехкость солнечную с высоты небесныя, идеже е устроил Бог, снесоша и поставиша в средине тверди небесныя, идеже, по Божию творению и повелению, всякая тяжелость собирашеся. Бог сотворил солнце в послужение и просвещение земли и живущим на ней человеком; а люторане солнце в Бога почтоша, устроиша ему недвижиму быти, а земле, и с человеки, повелеша служити солнцу и на кийждо день обхождение окрест его творити. И, по тому безумному умъствованию уже и Господа Бога, во время бытия Его на земли, сотвориша на кийждо день со землею солнцу служити! И за такия тяжкия богопротивные вины не хощут тем лжесоставникам и словесе воспретительнаго изрещи, а за сотвореные пред человеки винности, и за малые, смерти предают! Ибо за едину токмо гривну украденную смертное иго налагают, а пред Богом творимые вины вся возлагают на невиннаго Бога!

И возложение вин ваших на Бога, по высокомнению вашему, является вам, якобы вы и правы. Позрите же на Господни словеса: тако ли Он, Всевидец, глаголет, како вы мните? Мы же ясно видим, яко Господь не по люторскому лжесловию вещает, но по Своему

правосудию глаголет, яко сотворишии благая [а не злая] идут во воскресение живота [то есть, во царство небесное], а сотворшии злая идут в воскресение суда [то есть, на вечное мучение] (Иоан., глава 5, стих 29). И вы, суеумъственники, како сей Господень глагол разсудите? Хощет ли противно воли Его творящих въвести в царство небесное? А Павел апостол глаголет, яко всем, противящимся истинне, ярость и гнев [а не милость, яко вы мните]. Господь же рек: приидите ко Мне вси, труждающиися и обремененнии, и Аз [рече] упокою вы (Матф., глава 11, стих 28). А вы не хощете и единым перстом коснутися игу, во царство небесное ведущему, и хощете без труда вънити в покой вечный. Посты отринусте, воздержание откинусте, и всякия труды, ради оставления грехов своих издревле у всех православных христиан творимые, далече от себе отвергосте. Мартин, ваш предводитель, от высокия своея гордости забыв Бога, тако возгордилъся, и от преизлишняго своего лакомства блуднаго и ум свой погубил, и уставлял себе и прочиим лакомцам по прихоти своей, а не по Божией воле.

Господь ясно нам изъявил (Матф., глава 7, стих 13), яко закон и пророцы и Сам Он засвидетелствова, яко узкая врата и тесный путь въводит в живот, а пространная врата и широкий путь въводит в погибель. И аз не вем, где лютораня разум свой подели, еже хощут, широким путем шествуя, внити во царство небесное? Мартин, обрадовавшися власти своей иже сластолюбивые люди и сквернолюбцы присовокупишася к нему и вождом себе учиниша, начал тако безумно законы своя разполагати, еже древния вся уставы церковныя, восточныя и западныя Церквей, разрушил и издал новые: ибо послушникам своим повелел в роскошах жити, а посты и всякое воздержание весма повелел отринути. И тыи послушницы его, по его послабе, начаша жити роскошно и итти широким путем и веселостным; а узкой и прискорбной путь заградиша и колодием завалиша. А того во святом Евангелии забыша осмотрити, еже широкой путь лежит во адъскую пропасть, а не в царство небесное. В царство же небесное токмо един путь тесный и прискорбны(й) от Бога соделан, а инаго пути ко царству небесному несть. И кроме же сего пути аще кто поблазнитъся внити, не улучит во царство небесное, но токмо улучит в погибель вечную. И Господь Бог, от тоя погибели вечныя соблюдая нас, заповедал нам, еже итти в узкая врата, а не в широкая, еже бы вънити нам в живот вечный, а не в погибель.

Обаче Господь шествовати прискорбным путем не принуждает нас, но положил шествоваше в не на произволении нашем. И аще кто не восхощет итти прискорбным путем и пойдет широким и веселостным путем, то в том воля наша, а не Божия: понеже Бог человека сотворил самовластна, и предложил пред нас огнь и воду, и на нежe хощем, на то руку свою простреем; такожде положил пред человека живот и смерть, и еже человек изволит, то и дастца ему (Сирах., гл. 15, стих 16–17). А лютораня напрасно на Бога вину возлагают якобы они от Божия изволения грешат, а не своею волею. Господня воля то, еже оставити дом свой, и сродников своих, и жену, и чад, и всякое богатство мира сего; и аще кто тако сотворит, тому обещал Господь воздати въсотеро[341] (Матф., 19, 29; Марк, 10, 29). А Лазарев брат, егда молился Аврааму, да послет Лазаря, еже бы обмочити перст в воде и устудити язык его, и Авраам рек ему: чадо, восприял еси благая в животе твоем, Лазарь же злая; ныне же Лазарь утешается, ты же страждеши (Лук., глава 16, стих 25). Видиши ли, люторе: се бо Бог не по твоему судит, но за прокладное[342] и за утешное здешнее житие повелевает в геене мучитися, страдавшему же на сем свете повелевает тамо утешатися. И аще и ты, люторе, целым умом позриши на Христовы глаголы, а не на Мартиновы, то уразумееши, яко напрасно на Бога клевещеши, яко тако вам повелел Бог веселитися и, скача и играя, внити во царство небесное. И по сему изъявлению Божию, всякому человеку не безстрашно на сем свете веселитися, дабы на оном во веки веков не плакати.

Паки, вси высокоумъствующии, зря, внемлите: се бо Господь рекъл, яко мнозии от восток и запад приидут, и возлягут со Авраамом и Исааком и Иаковом во царствии небесном; сынове же царствия изгнани будут во тму кромечную; тамо будет плачь и скрежет зубов. Кто же суть сынове царствия? И яве есть, яко в ветхом завете сынове царствия были евреи; в новой же благодати сынове царствия — вси нарицающиеся христиане; а аще кто нарицается христианином, а дела делает не христианъские, изгнан будет во тму кромечную. Еще бо и в ветхом законе о пути, лежащем во царствю небесное, повелением Божиим святый ангел Господень Ездре изъявил ясно, яко толь узок той путь, еже токмо един степень ножный можаше въместитися, и с едину страну того пути огнь, со другия же страны вода глубока. И подкрепил ангел Господень, глаголя, яко аще кой человек чрез таковое нужное стремление не прейдет, то

како [рече] достояние свое приимет? (3 Ездр., глава 7, стих 7–9). И по сему ангелову словеси, я не могу разумети, какова духа люторания, иже, не прияв нужды, да хощут вънити во царство небесное?

И хотящим внити во царство небесное не лет есть, главы своея, стоя во церкви во время божественныя литургии, гордостно паруком покрыв, стояти. По слову бо святаго апостола Павла, откровенною главою надлежит молитись. Тако бо святый апостол Павел глаголет: яко муж, молитву деяй или пророчествуяй покровенною главою, срамляет Христа (1 Кор., глава 11, стих 4). И паки подтверждая, святый апостол глаголет, яко муж не должен покрывати главы своея, понеже образ и слава Божия сый (стих 7). А люторъстии учениц не токмо молитву деют, но и кланяются не токмо образу Божию, но и само(му) святому и пречистому Телу Христову, покровенными главами. В явление бо Тела Христова и самые крайние архииереи Божии, аще и благословенное и святое покрывало на себе имут, обаче тыи свое покрывалы снемлют с себя и в тое время стоят и покланяются главами откровенными. Тако подобает и всем православным христианам. Аще, ради афицерскаго украшения и ради отмены от простаго народа, по чину своему и надлежит носити, обаче во церкви отнюд не подобает в паруке стояти. Наипаче же в явление пречистаго Тела Христова и животворящия Его Крове надлежит, яко архииерею или иноку, тако и мирянину, покрывало с себя снимати. Ты же, сыне мой, аще будеши в каковом либо афицерстве, или в сигклитъстве, и по чину своему не можно ти будет без уборъства главу свою имети, то ты свои волосы отрости, каковы тебе Бог дал, теми украшайся, яко же годе ти будет.

6. Буди ты верный раб Христов: иди прямым путем, на шуюю страну не сварачивайся, ниже на мнимое десно. Мнимым бо десном диавол, паче шюия страны, корысть себе диавольскую получает, яко же наших Российских расколников нынешних, тако и древних раскольников, римлян и люторан. Вси бо сии от высокомнения своего падоша: с истиннаго пути совратився, да стали искать иных путей, ведущих во царство небесное. И диавол, видя их желание, забежал к ним с десные страны и разложил им толки по намерению их, лехкостныя; а Бог, видя их высокомнение и пред древними учителми возгордение, отъя от них благодать Свою, и тако, от мнимыя правости, падоша. И за желание их любосластное так их диавол притиснул, еже и доныне обратитися на истинный путь не могут и вси туне погибают.

И сего ради ты, сыне мой, буди яко столп, на каменном основании утвержденный, а на люторская блядословия и единым оком не воззирай. Но воззирай на истиннаго своего Предводителя, Господа Иисуса Христа: Его смирению учися, а от люторския гордости тако бежи, яко от ядовитаго змия. Аз тебе, чадо мое, истинну изъявляю, яко люторане что ни глаголют от толкований своих люторских, то все сплошь ложь и душевная погибель, понеже они закон приняли не от Христа, ни от учеников Его, ниже от святых отец, древних учителей церковных, но от сквернаго блудника, а Божия изменника, антихристова предитечи, то есть, от Мартина Лютера. Той бо в начале, с римляны, от восточныя Церкве отпал; а потом и та западнаго костела вера явилась ему тяжелоносна, отвергл и ту от себя и, от высокомнения своего, устроил себе самую легкостную веру, иже без всякаго труда: из роскошнаго жития и из блуднаго пространнои вход во царство небесное показал. И таковы ради послабы образ собою показал: иноческое иго с себя съвергл, и начал блуд творить, и мясо ясти не токмо в разрешенныя дни, но и в страстную неделю, яко в мясоястие, и во иноческом своем обещании Самому Богу солгал, и яко пес, обратяся на свою блевотину, стал жить по плоти, а не по духу. И таковым изменникам никогда никому верить не надлежит. И Господь у таковых законопреступников учения отнюд принимати не повелел, но повелел таковых огню предавати, ибо яко древо от плодов, тако учителей от дел их повелел Господь познавати. И, по тому Господню словеси, аще кто живет свято, у таковых и учение годствует принимати, понеже есть в нем плод доброй; а кии живут в роскоши, и во всяком сластолюбии, и в грехолюбии, у таковых, по Господню повелению, отнюд никакова учения принимать и малаго не подобает. А Мартин Лютор, паче своего собственнаго греха, пред Богом согрешил, за еже себя высоко вознес: древним законам, от Самого Господа, и от учеников Его апостолов, и от апостольских преемников узаконенными возгордел, и вся древняя предания, яко богопротивная, отринул и ногама своима попрал, и издал своевымышленные новые законы, древним противные. А Немцы, от презелнаго своего сластолюбия, ничего того в Мартине разсматривати не восхотели, но, яко безсловесный скот, вослед его вси единодушно поидоша: возмнеша бо быти себя мудрых паче древних святых отец и народов, прежде бывших, объюродеша. Оставив Христово учение и апостольское, и преемников апос-

тольских, дивных постников и девъственников, и славных церковных учителей, Василиа Великаго, Григориа Богослова, Иоанна Златоустаго, и прочиих таковых, их же и чудесами великими Бог прославил, отставили, да избрали себе въместо девъственника блудника, въместо постника — сластолюбца, въместо законника — беззаконника, въместо истиннаго учителя — прелестника, въместо созидателя закона Божия — разорителя, и въместо мужа свята — еретика проклятаго, Мартина Лютора. И по Господню заповедыванию, никоими делы, никакова учения от такова лжеучителя принимать не довелось, понеже Господь Бог явно объявил, глаголя: внемлите себе от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчиих, внутрь же суть волцы хищнии; от плодов их познавайте их [то есть, по делам их, каково кто живет] (Матф., глава 7, стих 15). А Немцы то Господне слово, презрев, отвергоша, себя же поставиша вышши Бога разумением своим, ибо хощут от злаго древа добрые плоды обирати. Вси бо иноземцы люторовыми сладостными словами прелстишася, и в погибельный ров въпадоша, и глаголют: «нам де до жития его дела нет, каково он ни жил; мы де то знаем, что он правый нам путь показал». И по такому их глаголу, вси преемницы Мартиновы своею волею Господни слова презирают, еже не по Его Господней воли учителей себе избирают, но по своим лакомственным и любострастным прихотям. И на сиих народех събыстся слово святаго апостола Павла, пишимое к Тимофею: проповедуй слово, настой благовременне и безвременне, обличи, запрети (2 Тим., глава 4, стих 2); и прорече, глаголя: яко будут времена, еже здраваго учения не послушают, но по своим похотям изберут себе учители; чешеми слухом, от истинны слух отвратят и к басням уклонятся. Тако сии высокоумы Немцы учиниша: отвратиша слух свой от истиннаго учения, и уклонишася к басням люторских пустословий, и избрали себе легкостное и сладостное житие, да тому же погибелному житию и нас хощут научити. И нам, во православии сущим, годствует, на такое их погибелное житие зря, плакати, а не учение от них принимати; нам их развращеннаго учения паче огня надлежит боятися и яко от змия бежати.

И ты; сыне мой, не весма с ними и водись, дабы каковому их люторскому учению не прилепитися. Всегда бо при воде обмочишься, а при огне обожжошься; подобне, при добром человеке добру научишися, а при злом злу и навыкнеши. А Мартиновы уче-

ники вси не имеют в своем люторстве ни единые черты душеполезнаго жития, иже ведет во царство небесное, но вси живут по миру сему, а не по духу; и аще с ними крепко поводишися, то всячески навыкнеши и делам их. В люторском законе сокровен великий яд адскаго аспида[343] и прикрыт лживым благочестием, и мнози человецы, того яда не познав, вънемлют учению люторскому и, яко безсловесный скот, вослед их идут; а куды идут, того не токмо они, но и сами предводители их не ведят. И того ради ты, сыне мой, весма от них бегай.

7. По Мартинову толкованию: еже есть на свете, то все чисто и свято, и они вси святи, и греха ни в чем несть у него; и несть того у них, еже бы было что скверно, но все у них чисто, и заповедь им не заповедь. Господь Ною, до Моисея за многая лета, разрешил все, еже живо, ясти, а крова никакова животна ясти не повелел; а последи Моисею уже и весма отрекл, еже бы отнюд ея не ясти. А люторяни на ту заповедь Божию и единым оком взозрить не восхотеша, и кровь скотию в сладость себе ядят. И аще кто здравый ум в себе имать, той не обрящет в них ни единыя черты праваго разсуждения.

И аще кто тебе, сыне мой, речет: «напрасно де ты парука не носиши», и ты ему рцы, яко «Павел апостол не повелел покровенною главою молитися; а естьли де парук носить, то не минеши того, еже бы тебе Богу в нем не молитися; и не токмо у Бога, но и у царя милости просити надлежит откровенною главою, понеже то смирения образ, еже откровенною главою милости просити; а покровенною главою молити кого и равнаго себе, то знаменует персидскую и люторскую гордость». И аще речет ти: «парук де не шапка, ни шляпа, ни чалма, но волосы человечьи, и убраны по обычаю натуралному», и ты ему рцы, вопрошая его: «егда де кто из рыбья тела зделает на образ гуся, или утицы, или четвероножнаго скота, или зверя какова, то не будет ли греха, еже в постный день тое ясти?» И аще речет: «несть в том греха; аще вид имеет птичей, или четвероножнаго скота, или зверя, по самою вещию рыба есть»,— и ты паки его вопроси, глаголя: «а аще кто из говяжья или из баранья мяса зделает видом рыбьим, или и овощия какова, то не будет ли греха иноку тое ясти, или и мирянину, в постной день?» И буде речет такожде: «что де ты меня искушаеши? вид де ни скорому, ни поста не наносит, ниже греха какова, ни святости, но судитца самая материалная вещь, а не вид; уже аще что ни зделано из мяса, то мясо

и есть, а не иная какая вещь, и ни иноком, ни мирянином в постной день ясти тоя яди не можно», — и ты ему рцы, яко «о мясе и рыбе право разсудил еси; чесоже ради о накладных волосах разсуждаеши неправо и глаголеши, яко парук не пример ни шапке, ни шляпе, ни чалме? А я де вижу, како шапкою, или шляпою, или и накладными волосами голову накроеши, то покрывало главе и стало быть; аще бо парук видом не шапочным, ни шляпным зделан, но самою вещию — покрывало главе; аще бо кто и скуфейку на главу свою наложит, тое жь стало быть покрывало. И, по проповеди святаго апостола Павла, не сняв того покрывала, не токмо во церкви, но и пред царем не подобает стояти и милости у него прошати. Веждь, господине, яко в паруке волосы, такожде и в шапке, и в шляпе волосы же, а не иная вещь. Люторы, господине, нам, православным христианам, не пример: у них все свято и ни в какой вещи, и ни в каком деле греха несть; а мы и родимся во грехах, и живем во грехах, и несть такова ни дня, ни часа, еже бы мы без греха пробыли. Мы и без их слабостных толкований доволны грехами; обаче аще в правом законе грешим, в том законе и покаемъся».

Люторы так разумом своям вознесошася, яко и безкнижную Мордву превышшили: ибо аще Мордва и никакова закона не имеют, обаче страстную неделю почитают и свадеб в ней не играют; а люторы нарицаются христианами, а не мордвою, а в такие страшные дни женятся и посягают. Ибо в прошлых годех, в Риге, во владении уже Государя нашего, полковник женилъся в великую пятницу; а прямые христиане в великую пятницу, поминающе Христово страдание, и хлеба не ядят, и на мягких постелях не спят. А лютораня, яко свиньи, ничего в грех не ставят и дней не разбирают: все у них безгрешно. И, такова ради безумнаго их толкования, въместо сетования, веселяся веселяться, и торжество брачное чинят, и не токмо мясо, но и блуд творят, и не обмывшись так и ходят, яко свиньи, и в той похотной скверне и в церкви ходят, и причащаются; и сказывают о их умъствовании, яко, наядшися и напившися и тобаку натянувшися, и к причастию приступают. И по таковому их неслыханному безумию како нам с ними сообщатися? Они бо не точни и Мордве, но то(л)ко точни безсловесным свиньям. И такова ради их люторскаго лжехристианъскаго жития, ты, сыне мой, велми их бойся, и о чесом они тебе ни будут разглаголствовати, не верь им, понеже их люторские толки вси богопротивны суть и правому

христианъству весма вредителны. Господа ради, всею своею силою держися ты, сыне мой, древняго христианъства, ни на каковые толки не здавайся, и во всяком деле поступай праведно, и дружество имей з добрыми людми и боящимися Бога. А со злыми людми, и с нечестивыми люторы, и с расколниками отнюд не водись и содружия с ними никакова секретнаго не имей, но знайся лехкостию, токмо ради каковы потребы гражданския.

8. ***Телу Христову несомому покланитися***. Идучи путем, аще узриша несомо Тело Христово, то остановись и, аще и грязно, поклонись до земли. А буде едеши на коне, и аще и честию какою почтен будеши, и аще и людей много последствовати тебе будут, не устыдись их: с коня своего, или ис коляски, сниди и поклонись до земли. И аще и руки огрязниши, тем чести своея не потеряеши, но паче чести себе присовокупиши. Каков бо ты богат или честен будеши, а пред Богом единаче раб, я не токмо раб, но прах и пепел еси, и того ради Телу Христову так кланяйся, яко осуженик.

О стоянии в церкви. Вошед же во церковь, на высоком месте не становись, наипаче же на хоры не восходи; но стой на нижнем полу, дабы тебе ниже алтарьнаго мосту стояти. Так ты твори, чтобы тебе не токмо презвитиров и причетников, но и клириков бы нижши стояти; наипаче же того, Тело Христово действуемо было (бы) выше очей твоих. Того бо ради подобает олтарьный помост вышши при народном стоянии строити. По Господню бо учению, во всяком молении и прошении подобает очи свои возводити горе, а не долу. Ибо Сам Господь Бог, уча нас, в прошении к Отцу Своему возводил очи Свои горе, а не долу (Иоан., глава 11, стих 41; глава 17, стих 1). И по Господню нам показанию, во всяком молении, и прошении, и благодарении, очи свои телесныя, въкупе и душевныя, подобает возводити на небо горе, а не долу. И в каком чине ни будеши, в церкви стой рабом, а не господином. И аще петь не будеши, то на крылос[344] не становись, и крылошан поющих, ради своея пыхи[345], с мест их не збивай. И аще и петь будеши, то стой не гордостно, и о крылос не облокотися, и спиною своею о крылос не опирайся, но стой просто, чтобы тебе, стоя на крылосе, Бога не прогневати.

Чрез церковной двор на коне не ездить. Аще при коей церкви и кладбища несть, обаче на кони, ни верхом, ни в каляске, ни в санях не езди. И аще и ограды несть около церкви, до крылца

церковнаго далече не доехав, востани и дойди до крылца пешь, и, шапку или шляпу сняв с головы, пойди; а к церковным дверем пришед и парук с себя сойми, и пойди в церковь рабски, понеже дом Божий несравненно властелинъскаго честнее. Обаче и на властелинъской двор внидеши и аще узриши его стояща и зряща на тя, то, аще и мраз велик, всячески вси восходящии на двор снемлют с себя шапки: колми же паче подобает, во двор церковной вшед, шапка с себя сняти, понеже дом Божий непримерно вышши и честнши дому властелинъскаго, а очи Господни на всех в дом Его въходящих зрят!

О прочитании книг и о почитании их. Егда будеши, сыне мой, книги читати, то читай их неборзостно и с прилежным вниманием. И держи при себе бумагу и чернила, и кая ти речь понравитца, записывай имянно, в коей книге, и в коей главе, и в коей части, и в коем стиху, и к чему она прилична. И егда лучится у тебя какое слово с кем от Божественнаго Писания, то ты по той записке в скором часе обрящеши; да се и памятнее тебе оно будет, и въпредь тебе та записка велми послужит: ползу бо великую себе и людям получиши от тоя записки. И никогда празден, сыне мой, не сиди: либо какое художественное дело делай, либо книги читай, либо молитвы или псалмы читай, либо мыслию своею с Богом беседуй. А в пустошная и кощунная словеса отнюд не вдавайся, понеже за всякое праздное слово на страшном суде ответ Богу воздаси. Книги же читающе, не облокотися о ню, но, книгу почитая, клади ее в честном месте, и на книги никаковые вещи светския не налагай. Яко святую икону почитаеши, тако и книги почитай: всякая бо икона за имя Божие свята есть, тако и книга за имя же Божие свята же есть и, того ради, надлежит ю почитати. И аще лучится с собою взять ее, то не полагай ю в штаны, но полагай в кафтанной карман, и то,не велми бы низок был. Сам бо Господь повелел имя Свое святое святити (Лук., глава 11, стих 2), и имяни ради Божия всякая вещь савята, на ней же написано имя Божие. Видех бо многих человеков, иже и подсвешники салные поставляют на книги, дабы она вышши стояла. И сие яве есть, яко чинят за недознание свое; а аще кто, ведая, да имя Божие уничтожит, той смертне согрешит.

9. И егда путем идеши или едеши, не моги ты и в то время безделен быти, но глаголи умом своим Давыдовы псалмы, кои можеши памятствовати. А аще же ни единаго не памятуеши, то нароч-

но затверди пятдесятой псалом: *Помилуй мя, Боже*, да 142 псалом: *Господи, услыши молитву мою*; третий же затверди 69 псалом: *Боже, в помощь мою воньми*. Между же ими промешивай Богом данную нам молитву: *Отче нашь* и Пресвятей Богородице поздравителный архангелов глагол: *Богородице Дево, радуйся*. И вся псалмы, и Богом данную молитву, и поздравление Богородице, глаголи не просто, но с богомыслием; и тако творя, всегда з Господем будеши и Господь с тобою будет. И аще и в далекостный путь поедеши, сице же твори.

А аще увидиши на пути человека, от разбойников обидима, то с поспешением поспеши, еже бы тебе исхитити его от рук обидящих его. И аще, в том изятии, раны или тщету какую в том защищении приимеши, не скорби: наградит тебе Господь. И аще и смерть приимеши, не сумневайся: Сам бо Господь рек, яко несть тоя любви болши, еже аще кто душу свою положит за други своя (Иоан., гл. 15, стих 13). А аще узриши на пути человека, увязша в грязи, или и без грязи, да увалился воз его, не моги минути, еже бы ти не извлещи его вон. Аще страждущий и не молит тя о помощи, помози ему. Господь повелел и врагу своему помогати в беде (2 Моис., гл. 23, ст. 4–5), а доброму человеку и без Божия повеления надлежит помощи. И аще ты, сыне мой, и с поспешением путь свой имаши, остановись и бедствующему помози, да такожде и тебе Бог поможет и в деле твоем поспешит тебе сугубо. Аще же, путем едучи, стретятся с тобою в тесном месте возовики[346] многие, или и один токмо едет з бременем, аще ты и весма силен, уступи ему. Не тесни его летом с мосту в грязь, а зимою з дороги в целик[347]; но лучши ты свороти, а его пропусти, и всю ту тягость на себе понеси. И за такую твою добродетель и за явное смирение Господь Бог и на сем свете, и на оном вознесет тя и прославит.

10. ***О начале всякаго дела***. Егда какое дело начинати будеши, то отнюд просто его не начинай, но первее возложи на ся крестное воображение истовое и глаголи в себе: «Господи, благослови ми дело сие начати и посли помощь Свою святую, да возмогу е совершити». А на писменных делех в начале полагай начертание крестное. И аще и ясти какую ядь начнеши, то и тамо, прежде положения во уста своя, возложи на ся крестное воображение з богомыслием, а не просто во уста своя влагай. Такожде и пития никакова просто не пей, но пей с воспоминанием имяне Божия. А первую чашу пей с возложением на ся и крестнаго воображения, и прияв сосуд в руце

свои, принесши ко устом своим, рцы: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа», и егда воспомянеши Святаго Духа, то с тем глаголом в сосуд той дуни крестообразно. И аще тако будеши творити, то никакая пакость, от диавола наносимая, не прикоснется, еже вредити тебя. А аще где сумнителства нет, то и тамо пей с воспоминанием имяне Божия; а просто ни у себя в доме, ни в людех не пей. И аще тако будеши творити, еже без призывания Божия ничесого делати не будеши, то вси твои дела благословенны будут.

А аще будеши доброе питие пить, то в мысли своей воспомяни мыслию своею бедных людей, кии и воды чистыя не имеют, но, из болот черплюще, мутную, и мшицами[348] нападшую, и червми кипящую воду пьют. Такожде и пищу, егда тучную и сладостную ясти имаши, то воспомяни убогих, иже и хлеба чистаго не имеют, но с мякиною и согнившийся ядят, и в мысли своей о себе помысли: како тебя Бог исполнил и удоволил таким изобилием, а прочии такия же человецы страждут. И такое их злострадание воспомянув, о изобилии своем воздаждь Богу благодарение, еже тя тако уизобиловал. И аще во время твоего ядения приидет к тебе нищий просити милостыни, то даждь ему лучшей кусок, кой тебе угоден; а худшаго отнюд не давай, дабы тебе, въместо милости, Бога на гнев не привести, понеже подаваемая милостыня в руце Богу подается. И аще Бога любиши, то лучшее Ему подаси; а аще хужшее Богу подаси, то ты ложь еси и любиши себя паче, нежели Бога. А в заповедех речено, да возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею мыслию твоею (Матф., гл. 22, ст. 37). И аще Богу худое подаси, то ты далек от любви Божия будеши. Ты, сыне мой, сам по себе разсуди: егда твой раб при твоих очах будет ясти лучшее, а тебе поднесет хужшее? И аще тебе будет то и угодно, обаче ты подай Богу лучшее [Каин принес Богу хужшее, за то весь свой век трясыйся ходил]. А аще же тебе то неугодно будет, еже от раба твоего, таковажь человека, каков и ты, поданое ти, неугодно, то помысли, како будет Богу угодно? Понеже Он не пример тебе, ты прах и пепел, и черьвь непотребный, а Бог — Творец тебе и всей твари; а ты подаси Ему хужши своего куса. Не моги ты, сыне мой, того учинити, еже бы ти Бога не от всего сердца любити и не лучшее бы Богу даяти, то есть, нищим и причту церковному.

Аще в какову храмину пойдеши въпервые, или и не въпервые, да давно в ней не бывал, то ты просто не входи в ню, но, во двери

ступая, возлагай на ся крестное воображение с богомыслием. А аще где позазришся вообразить на себе крестнаго воображения, то, с богомыслием ты молитву сотворив, вниди; а просто отнюд не входи, дабы на тебя диавол пакости каковые не навел.

Колдунов не призывати. Аще, сыне мой, найдет на тя какая беда, или болезнь тяжка, не моги ты призвати к себе какова колдуна, или шептуна, диаволскою силою помогающаго. И аще от таковых станет ти что давати ясти, или пити, отнюд не приемли. Или кто от какия либо болезни, а наипаче от трясавичныя, напишет какое отрицательное писмо и велит тебе съясти, аще и сожженое, отнюд не яждь. Бойся, дабы тебе, в таковом писме, прикровеннаго не съясти диавола и еже бы тебе последи самому не быти пищею диаволу.

И ни в какие въстречи, Господа ради, не верь. О семь Сам Господь запретил нам еще издревле, еже бы мы ни в какие въстречи не веровали. Токмо аз тебе, сыне мой, завещеваю: егда изыдеши из дому своего, то первее возложи на ся крестное воображение, с богомыслием, и изо чпага[349] своего изми три пенязя, велики или малы, и каковы тебе первые попадут нищие, кто каков ни будет, аще стар или млад, или увечен или и здрав, не разбирая, даждь первым, близь тебя случившимся. И аще узриши и весма древна или дряхла, идуща или седяща, а перед ним случаться тебе млади и здравы, и ты, не разбирая между ими, даждь те три пенязя первым случившимъся тебе. А потом, аще восхощеши, даждь увечному особой пенязь, в прибавку к первым; а первыя три пенязя неизменно отдаждь случившимся первым, идущим или и сидящим. А аще же и маломощен будеши, и трех пенязей дати на кийждо день не возможеши, то ты даждь поне един пенязь; аще з денежку не сможеши, то подаждь полушечку; обаче, по мощи своей, освяти той себе день и исъход свой из дому. А аще нищих не случиться во исхождении твоем из дому, то отдай тыя пенязи последи нищим же, или заключоным. А того не моги сотворити, еже бы ти, изшед из дому, не освятить того дня себе и исхода своего, да за тое твое подаяние благословит Бог той твой исход. А во иныя ни в какия приметы не верь: вся бо суть в руце Божией. Он может и зло в добро превратити; токмо ты ни в каковом деле от Него не отлучайся, но присно при Нем буди.

А аще скорбию каковою заскорбиши, ничтоже сумняяся, врачуйся от добраго врача, кой лечит зелием и былием, понеже в былии лечебную силу Бог положил. И врачуйся прежде разширения болез-

ни. Исус Сирахов сказует еще издревле, яко врачевство сотворено от Бога; и врача противо потребы его повелел чтити (Сирах., гл. 38, стих 1), то есть, за врачевание его платити ему. А аще заскорбиши, а лечитися не будеши, и та болезнь разширится в тебе и умреши от нея, то ты сам себе убойца будеши. Понеже и от малыя болезни, аще ее не препнеши лекарствы, смерть случается; а аще и великая болезнь зародится в человеке, а не даст ей кто разширитися, то она утолится, и оздравеет человек. Того бо ради и повелено прежде болезни врачеватися (Сирах., гл. 18, ст. 19). Поразумей себе и по сему: егда у кого загорится дом и, ощутя ево, начнут гасити, то человека и два-три иногда могут отняти; а аще въскоре не учнут гушити его, и егда разширитца, то уже и тысящею человеков уяти[350] его не возмогут, но весь тот дом згорит. Тако и болезнь: егда уже в человеке разширитца, то и многими лекарствы невозможно уврачевати; а прежде разширения, то и одним лекарством может ее уврачевати.

Аз же тебе, сыне мой, сказую и естественное лекарство: егда бо ощутиши в себе зараждающуюся болезнь, то ты до трех дней ничесого не вкуси, ни от пищи, ни от пития; ни малыя части не вкуси; аще и велми будет тя нудити на питие, или на ежу, претерпи; и по трех днех въкуси от малыя части, кая бы ядь была негрубая, и тако, и без лекарства, от тоя болезни свободишися.

11. ***О земледельстве***. А аще, сыне мой, и весма оскудеши, и, от тоя великия скудоты, чем пропитатися не возможеши, то и тогда, сыне мой, во отчаяние, ни во уныние не вдавайся, и ни х каковому воровству и неправедному делу не касайся, и к воровским людям и к разбойникам не прилепляйся, и с мошенниками, ни со обманщи(ки), и ни с каковыми людми неключимыми не снимайся, но, возложа надежду свою на Бога, иди в земледелную работу. И аще цену, велику или малу, возмеши, работай всею правдою, без лености и без лукавъства: не день к вечеру гони, но дело х концу приводи. И какую работу работать ни будеши, работай не так, каков обычай имут поденьщики, но работай так, как ты можеши про себя работать. И за таковую твою усердную работу господин той, у него же ты будеши работати, аще и ничего, при твоей братье, излишняго тебе не даст, обаче и въпредь такожде работай, как сам себе.

И за ту твою нелицемерную работу Бог тебе воздаст, и на сем свете, и на оном. То себе веждь, сыне мой, аще и до поту поработа-

еши, от того не умреши, но еще и здравее будеши, понеже и сурова пища сладка тебе будет.

А егда придет день праздничной, или неделной, то в тые дни всячески упразднися и отнюд никаковые работы не работай, но иди ко церкви Божией и послушай церковнаго пения. И аще кто тебя будет и нудить, и излишную цену давать, дабы ты в праздничной день, или в недельной, что ему сработал, не слушай: не меняй Божии дела на пенязи. Но токмо аще увидиши, еже есть ему какая нужда необходимая, то уже не ради пенязей, но ради любве Божия поработай ему; и аще станет ти за работу что давати, не приемли, понеже той день свят бе Богу. И в той день подобает токмо единому Богу работати, на службу Божию во церковь ходити, книги читати, или что и писати о ползе душевней, или, Бога ради, нечто кому и поработати, или кому и послужити пользы ради духовныя, а не ради каковы заплаты. А в пьянъство, или, по обыкновению бурлацкому, в зернь и в картеж отнюд не въдавайся.

А и во время земледелныя работы, никакова скверноглаголания, и празднословия, и кощунъства, якоже есть у работных людей обычай, ничесого того не твори. И аще кто тебя сторонней человек, или из товарыщей твоих, за смирение твое начнут тя ругати, умолчи, и буди яко не слышай: ни худово, ни доброво ответу им не давай. А буде кто ти речет: «что де ты молчишь и ничево им не откажешь?» и ты рцы: «они глаголют не мне, но себе забаву чинят; а мне что дела до их забавы? как они знают, так себя и утешают». А аще узриши кого из товарыщей твоих ленящася, понуждай его к работе тихостным понуждением. Глаголи: «брате, чесо ради лениво работаеши? грех тебе будет; нанялись мы работать, а не гулять; или не веси, яко грех тебе будет у господина пенязи против договору сполна прияти? Бог на тебе спросит, аще ты, не заслужа, неправедна денги возмеши; и аще пред Богом прав хощеши быти, то ты из договорные цены господину, у него же работал еси, уступи, дабы тебе греха не было». И еще ему рцы: «неправедное взять грешно паче кражи, потому в краже пред отцом духовным будеши каятися, а еже у кого излишнее или неправедное возмеши, то ты на том свете от Бога наказан будеши, понеже покаяния в нем пред отцом духовным не принесеши; надобно всякому человеку прямым сыту быть». И аще он тебя за то избранит, не злобься на него, но рцы: «хотя ты со мною бранись, хотя не бранись, токмо работай правдою: праведно ста-

нешь делать, то тебе же добро, а не мне; так же аще и худо станешь делать, тебе же и худо, а не иному кому». И как ты с ним ни разговаривай, а при господине не обличай ево, и своея выслуги не объявляли, но буди, яко и прочии работники равен. И за то ты от Бога будеши помилован паче клеврет своих; во грядущем же веце наследиши жизнь вечную.

12. ***О рабъском житии***. Аще же тою своею черною работою прокормити себя не возможеши и, ради пропитания своего, въдавшися каковому господину, великому или и малому, и не токмо свободному, но аще и к рабу чьему, или и к крестьянину отдашися в рабы, еже служити ему, или токмо ис пропитания, обаче почитай его, яко великаго господина, и никогда, ни в каковом деле, с ним не ровняйся. Аще он пред иными и низок, но пред тобою высок, и аще он крестьянин государев, или монастырьской, или и дворянской чей, почитай ево и служи ему, яко Богу, без всякия лености и безлукавно, каково во очесех, таково и заочно. Всею христианъскою правдою работай, и как себе желаеши добра, тако и ему радей, со истинным усердием; а от погибели всякую господскую, великую и малую, вещь блюди паче своея. И аще той твой господин будет тебя с собою кормити, не моги ты прежде его начати что ясти, или лучшие куски из сосуда себе избирати, но во всем ему честь отдавай. И аще он и крестьянин, не глаголи перед ним невежливо, но во всяком деле и слове почитай его. И аще есть у него другие работники, наемные или купленые, со всеми живи мирно, ни о чом с ними не сварися, и аще чем тебе они и досадят, терпи. Писано бо есть: претерпевый до конца, той спасен будет. И во время работы, и без работы, никакова сквернословия не глаголи, но всегда пребывай в богомыслии. И тако творя, не токмо людям, но и Самому Богу зелми мил будеши, и, такова ради праведнаго твоего жития, и господина твоего дом угобзится[351]. Яко древле, ради Иакова — дом Лаванов, ради же Иосифа — дом Пентефриев благословил Бог всяким изобилием, тако и господина твоего дом, за самое твое христианъское житие и за усердное твое радение, благословит Бог. А о том ничего не размышляй, что ты был съмлада в богатстве, или что отца знатнаго сын еси; но токмо во едином Бозе надежду свою полагай и от всего своего сердца к Богу вопий: благо мне, яко смирил мя еси, Господи, да научуся оправданием Твоим (Псалом 118, ст. 71). И аще ты от всея своея души будеши господину своему радети и, ра-

ди истиннаго твоего радения, Бог господина твоего дом угобзит, а он к тебе не будет милостив, то ты, сыне мой, не скорби, и не токмо людем, но и Богу на него не жалуйся; но паче радуйся, что он, за благочестивое твое житие и за усердное твое радение, воздаяния ти не чинит. Понеже аще он воздаст тебе, то от Бога воздаяния ти великаго не будет, потому что на сем свете восприял еси; а аще он ни во что твое усердное радение и Божие благословение поставит, а ты ничем не понесеши его и не возропъщеши на него, ни словом, ниже помышлением, то уже ведая веждь, сыне мой, яко воздаст тебе Господь Бог не сугубо, но уже стогубо. И того ради наипаче подобает ти о сем радоватися, аще, въместо добраго слова и излишняго пред своего братиею воздаяния, примеши от господина своего озлобление.

О чести же своей, во младенчестве бывшей, нимало не скорби. Авраам каков был богат и славен, иже имел при себе вящши трех сот вооруженных рабов, и царие покланялись ему, а родного его внука, Ияковлева сына, Иосифа, родныя братья, от зависти, продали в работу татарам, и тии, завезши его во Египет, продали в рабы египетскому велможе, имянем Пентефрию. И той Иосиф Пентефрию не явил своего благородия, ниже отча богатъства, но яко един от убогих, со всяким усердием, всем сердцем и всею душею работал, и во всем ему прибытку искал. И господин его Пентефрий, видя усердную его работу и о всем прилежное радение, вручил ему и дом свой весь, и старых своих рабов всех вручил ему. Жена же Пентефриева, видя ево верна и услужна, к тому же юна, и лицем красна суща, и всем ся домом владеюща, возжела с ним быти. Он же таков был благоразумен и целомудрен, аще и велми юн бяше, обаче отрек ей, глаголя: «госпоже моя, господин мой нарек мя добрым человеком, и того ради весь свой дом вручил в мое владение; и за такую его ко мне милость како я могу сие сотворити, еже с тобою быти?» [А про то он не не ведал, что то ево ослушание без беды от нея не пройдет; обаче лучши изволил страдати, нежели времянную скверную сладость себе принимати]. И она, за то ево ослушание, мужу своему Пентефрию навадила, оклеветав, якобы он хотел ее изнасиловати. И господин, по словесем жены своея, всадил его в темницу гражданьскую, идеже осуженики сидят. И той Иосиф и тогда явилъся, яко кроткое овчатко, безгласен: ни малаго себе оправдания господину своему не явил, ниже на жену его что изнес; и пребысть в той

темнице затворенный две лете. Что же Бог за то его терпение и за крепкое целомудрие сотворил ему? Ибо не токмо тому своему господину Пентефрию, но и всему египетскому царству бысть господином. Обаче, и во власти своей будучи, кроткаго своего и святаго нрава не изменил: оному Пентефрию и жене ево не токмо мстити делом, но и словом не воспомянул их неправды. И за такое его кроткое смирение, и за целомудрие, и за незлобие, и будущих благ не лишен бысть.

И на сие зря, ты, сыне мой, ни о каком злоключении своем не скорби, без воли бо Божия ничто тебе не содеется. Токмо буди ты Божий, ни о чом не печалься, но во всяких своих благих и злых случаях живи по Его Божией воле, и ни о чом не токмо на Бога, но ни на какова своего злодея злобься, понеже нищета и богатъство человеку приходит от Господа (Сирах., гл. 11, ст. 14). И никаковым людям того не изъявляй, кто ты по отце был [всем бо, яко богатым, тако и убогим, един есть Отец нашь, Иже на небесех, и пред Богом вси ми равны мирским бытием; токмо духовным не равны]. Его же бо восхощет Бог богатити, богатит, а его же восхощет убожити, убожит; во всех бо людех, и во всяком деле токмо Его Божия воля, а не наша. И сего ради ты, сыне мой, ни о чесом не скорби, и не сетуй, и первых своих дней не воспоминай не токмо словом, но ниже помышлением своим. И аще будеши жити, яко же аз предрекох ти, то благословляя благословит тя Бог, не единым здешным благом, но и во грядущем сторично ти дарует.

И аще и в самых убогших рубищах оболчен будеши, не воспоминай своих прежних мягких одежд, но буди яко един от убогих и худородных. И того ради, от всего своего усердия всякому человеку служи и работай с прилежанием. И аще господин твой будет тя куды посылати на работу, или для известия какова, в близость или в далькость[352], не моги преслушати повеления его. Аще у него и много есть иных рабов и работников, а он, тех минув, да будет тебя посылати, не отрецы ему и не моги отрещися тем, ежели ты и болши их работаеши. И аще кой твой клеврет и гуляет, не указывай на него и очередей не расчисляй, но, что ти ни повелит работать, работай, такожe и сходить куды повелит, съходи без замедления; и аще грязь, или слота[353], ничем не отговаривайся и во всяком деле буди услужен и безответен. Но токмо в том не буди послушен, естьли станет тебя посылати на разбой, или на татьбу, или на убивство какое, или и на

иное какое дело богопротивное, или закону христианъскому развратное, или людем досадителное. А и в таковом деле отрицайся кротостно, чтобы ти его не озлобити; рцы ему сице: «господине мой, благоволи иного кого послать посмелее меня; я человек несмелой и несловесной[354]; Господа ради, помилуй ты меня», или как тебя Бог вразумит; толко бы ти себя поберечь, а его бы не оскорбити.

Работная же дела вся, великая и малая, отправляй со усердием, елико можеши понести, без всякаго прекословия. И аще который брат твой гуляет, не указывай на него, но ты знай о себе, чтобы тебе даром не прогуляти и времяни бы сего света напрасно не потеряти. Ты сам всегда тщися в работе быти, а иной как кто хочет. То себе веждь, сыне, еже от излишние работы греха не наживеши, а от гулянья без греха не пробудеши. От гулянья не токмо в грех токмо въпадеши, но и вечно себя погубиши: от праздности бо всякое зло случается и в нищету въходят, а люботрудные люди всегда в безпечалии пребывают. Несть бо того на свете утешнее, еже во трудех забавлятися; егда бо что от своего вымыслу зделаеши художеством тщателным, то ты и последи, зря на то дело, будеши веселитися. И трудолюбия ради, аще господин твой и не тебя куды нарядит, а ты, заслышав тот ево наряд, приступив к нему, рцы: «господине, аз иду и сие ти сотворю». А иное и без наряду делай; аще что узриши в доме неисправно, не дожидаясь наряду поправь. И аще будеши сице творити, то — первое, еже Богу будеши мил; второе, еже и господин твой будет тя паче клеврет твоих любити тя; третие, еже житие твое веселостно ти будет. И аще господин твой будет пьяница, или и иной какой мотыга, не поноси его, но единаче буди ему во всем покорен. И аще безвинно тя избранит, или и зашибет, не гневайся на него, и не токмо людям, но и Богу не жалуйся на него. И аще кто и спросит тебя о нем, каков он к тебе, сказывай: «тих и милостив»; а досад и непорядочности его никому не объявляй. И тако творя, велми к Богу близок будеши.

А аще пойдеши к господину каковому служить на урочные годы, и аще той твой господин и велми будет к тебе зол, или пищею скуден, всячески ко пропитанию его способствуй. И того не моги сотворити, еже бы тебе, не дожив, прежде срочнаго числа отойти прочь от него, или, живучи у него, нерадеть ему, или, за досаду его или за недостаток пищи, красть что у него. Велми сего, сыне мой, у всякаго господина, яко у благаго, тако и у злаго живучи, бойся,

дабы тебе не быть вором. Аще бо и у иноверца будеши служить, такожде и тамо верно живи, и там себя храни. Не то, чтобы тебе красть что, но аще что и найдеши в дому его, не токмо в хоромах, но аще и на дворе, или в саду, не моги взять себе, ни пенязей, ни иные какия вещи; великую или малую найдеши вещь, вся господину своему, или госпоже своей отдаждь. И аще и на пути народном что найдеши, и того не моги себе усвоити, еже никому не объявя, но всякому изъявляй словесно о своей находке. И аще кто явитца погубивый, то спроси у него свидетелства, и свидетелство аще сходно, то отдаждь ему; а аще не сходно, то удержи у себя до двонадесяте дней; а потом как ти понравитца, так и учини, токмо чужому ничему и найденому не весма прикасайся. А на господина своего, за скудость его или за злодейство, такожде и на госпожу свою, никаковым людям, ни своей братье, жалобы не твори и недостатков их никому не объявляй, но все свое злоключение на грехи свои возлагай. И не то, чтобы тебе людям что глаголати, но и сам в себе помышляй, яко за грехи твои таков ти господин случилъся; и того ради вся та на себе понеси. А аще прочия рабы, товарыщи твои, злы до тебя будут за твое смирение, или за верность твою, паче же от диаволския ненависти будут тя бранити и всячески ругати, ты же буди, яко ничесого не слышай, и поставляй сие себе в находку, еже за добрые твои дела будут ти зло чинити. Понеже, за таковое твое терпение, от Бога будет ти венец соплетатися. И аще, ругающе, будут тебя и бити, всячески понеси на себе; а буде же тягостных побоев понести не в мочь ти будет, то ты присвидетелствуй и рцы им, глаголя: «буду на вас господину своему жалобу творити». И аще они изменятся, то умолкни; а аще не изменятся и попрежнему будут тя несносно бити, то ты донеси господину своему. А аще же можеши понести на себе, ради своея вящшия душевныя ползы, то вся претерпи; аще болши будет твоего терпения, то болши будет ти и воздаяния от Бога; претерпевый бо до конца, той спасен будет. И за такое твое кроткое и беззлобивое христианъское житие, и за благодарное твое терпите Бог тебя не оставит, и ими же весть судбами Своими из тоя твоея нужды извлечет тя не твоим происком, но Своим Божественным Промыслом; и не токмо здешним токмо богатством наделит тя, но и грядущаго царствия наследие за такое твое благодарное терпение дарует ти. И какие труды ты ни понесеши ради своея душевныя ползы, то ты тех трудов и болезней своих не воспоминай

не то что пред Богом, или пред человеки, но ниже сам пред собою. Тако их имей, якобы ничего того не бывало; но токмо то помышляй, како бы тебе в предьгрядущее время труд какой понести, или добродетель какая ти соделати, и чтобы ти в праздности предгрядущих дней не изгубити.

13. ***О художестве***. А аще будеши в каковых либо художниках, то тщися всякое свое мастерство делати тщателно, самым добрым и искусным мастерством, за что бы тебе при иных художниках быти похвалену. И того ради делай неспешно, самым неспешным тщанием и, зделав, на всякой своей работе клади своего звания клеймо, дабы кто ин не мог твоего мастерства нарещи своим, или своего худого твоим. И аще твое мастерство и плохо будет, обаче за своим клеймом отпускай. А того, сыне мой, не моги учинить, еже бы ти подделатца под чужое, руское или и иноземческое, клеймо: велми бо сие правде противно, а и по гражданъскому правому суду подъчинишися жестокому наказанию.

И кому даси слово, еже на срок состроити какое дело, и то слово свое памятуй крепко, дабы тебе лживъцом не слыть. И кое ты дело чаеши треми денми зделать, клади срок на неделю; а буде кое дело можеши зделать в месяц, не имайся его зделать в месяц, но рцы: «аще Бог помощь Свою святую ми послет, то, чаю, месяца в полтора зделаю; а аще учинитца какая помешка, то и в два месяца не зделать будет; аще же и прежде срока зделаетца, то не медля отнесу к милости твоей». И всякое дело, аще велико, аще и малое, обаче неизменно тщися на уреченный срок отнести, или и прежде срока; а того весма бойся, дабы тебе за срок не задержати. И аще тако будеши вся своя дела управляти, то всяк тебя будет блажити и добрым человеком будеши слыти. И того ради, не омысляся, никакова слова не давай; но первее омыслись, да тогда уже слово свое дай, дабы тебе последи не раскаятися и во лжу бы того своего слова не претворити. А егда уже даси кому какое слово, то всею своею силою держися, дабы тебе в нем не погрешити.

О сем бо издревле еще Исус Сирахов написал, дабы слово было в нас едино (Сирах., глава 5, стих 12). И аще ты слово свое будеши хранити нерушимо, то ты честен будеши между своими клевреты, и Бог тебя возвысит, и слава про тебя протечет добрая. А аще будеши непостоянен, то прословеши трусом и недобрым человеком, слава про тебя пронесеться злая.

Паче же того, храни себя, с великим опасением, еже бы ти от порученных вешчей не похитити чего, ниже что бы ти переменити, не взяти бы тебе доброе и вместо того не положить бы своего худово; но каково что возмеши, доброе или худое, ис того и делай, и примесу никакова отнюд не клади. Аще золото возмеши, ни меди, ни серебра в него не примешивай, и золота своего плохово не прилагай: но каково возмеши, из того и делай. Такожде и серебро, каково возмеши, из такова и делай, а меди в него и плохово серебра своего не примешивай. Такожде и олово, доброе или плохое возмеши, из того и делай, а свинцу в него, ни плохова олова не примешивай. Подобне и железо, или и иную какую вещь, от древес или от каменей: каковы у кого возмеши, таковы и в дело клади, а изменить не моги ни единые искрицы[355]. И всякое свое дело делай правдиво, без всякаго фалшивъства[356], чтобы в работе твоей никакова и малаго повреждения не было, и чтобы тебе худово не отдать за доброе. И никакова дела своего мастерства, совершенно не осмотря, не отдавай, чтобы не было в нем никакова пороку. А такова безумия не учись глаголати, яко нецыи невегласы[357] глаголют: «мне бы де с рук, а там хотя все пропади»; но тщися ты так делать, чтобы твоя работа и по смерти твоей была славна.

И аще будеши оружейным мастером, то на ружье отбирай самое железо мягкое и чистое, чтобы и непленасто[358] было, и чтобы внутри ствола непроварки и малыя бы не было, потому что от того чинятъца великия беды. Ружье имеетца для охранения от неприятеля; а аще кое ружье сковано из ломково железа, и таково ружье не оборонь от неприятеля, но само оно имеющему е великим неприятелем будет, понеже, за плохость железа и за невыварку, много ружья розрывает и держащих е самих убивает. И аще кого убьет от твоего небрежения, то взыщет Бог убиеннаго душу на тебе, а великий Государь взыщет человека своего убитаго на тебе же; и за плохость мастерства, и за неразсмотрение в железе подпадеши смерти, понеже ты будеши убийца. А аще будеши делать копии, или палаши, то избирай самую добрую сталь, а из голого железа отнюд не делай, дабы было оно остро и крепко.

А буде же будеши моляром, то наипаче тщися, еже бы ти не погрешити пред Богом в рисовке и во изображении Лица Спасителева. И знай во всем меру. Есть бо в иконописцах великое неискусство: пишут младенцов не во младенческой мере, но в самой совер-

шеннаго возраста человеча мере. И, ради примеру, имей у себя а и буки розмера человеческаго личные и писменные розмеры. Разумей же совершеннаго человека сице: возми меру с болшого пальца, и что меры в нем, то и в носу; а в ноздрях ширины та же мера без трети; и между глаз та же без трети мера; во главе четыре меры; в шее поперег две меры; от плеча до плеча седмь мер; от плеча до лохтя шесть мер; от лохтя до запястья пять мер без четверти; от запястья в ладони две меры без трети; от длани средней перст мера с третью; а от запястья со длани три меры. Сидящему человеку от сиденья до плеча 10 мер, а до поясницы от плеча полъосмы меры, от поясницы же до колена 7 мер без трети, или полсемы; от колена до.

14. ***О купечестве***. Аще же въступиши в купечество, то в слове своем буди тверд, яко недвижимый камень. Аще сторгуеши себе какой товар и выше настоящия цены, уже возми его; и аще и великая тщета от него тебе будет, обаче слова своего не моги изменити, и у росплаты денег из договорные цены не отварачивай, и росплатою не волочи. Паки: аще за какую цену и свой товар с кем помолвиши, а последи того твоего слова ин человек будет ти аще и сугубый прибыток давати, не моги слова своего изменити, но отдажди тому, с кем ты прежде слово молвил, и цены уже не изменяй, но на чом слово свое поставил, на том и стой. И аще тебе повидится и скорбно, еже проронил у себя много, обаче въспять не обращайся, не буди столп слан: Бог бо, видя твою правду и постоянъство, наградить тебе и, откуду ты и не чаеши, пришлет тебе.

Понеже Бог правда, правду Он и в нас любит; а ложь — диавол; диавол ее и любит. И ты, сыне мой, сам в себе разсуди, что ти угоднее: правды ли держатися ти лучши, или лжи? Аз ти сказую: аще во всяком деле будеши творити и говорити правду, то правдолюбец Бог будет в тебе жити и вечных благ уже не лишишися. А аще же будеши неправду делати, неправду и на словах говорити, то лженачалник диавол будет в тебе жити. И аще не возненавидиши неправды и правдивыми делами не проженеши от себя диавола, то по смерти твоей сведет тя во ад. Аз тебе, сыне мой, прежде рех и ныне верно ти сказую, яко лучши, правды ради, смерть прияти, нежели лжи ради живу быти. И аще в каковом чине ни будеши, ни о чесом тако не старайся, яко о правде: правда бо не токмо в животе добро, но и по смерти благо, ибо доведет тя до царства небеснаго. Соломон сказует, яко правда и от смерти избавляет (Притч., глава 10, стих 2).

И паки той же Соломон возвещает, глаголя, яко правда безсмертна есть (Премудр., глава 1, стих 15). Той же Соломон глаголет, яко с правдою лучши нищета терпети, нежели со лжею богатство (Притч., глава 19, стих 22).

И сего ради ты, сыне мой, паче богатства и паче живота своего люби правду; неправды же и малыя не припускай к себе. Каковое слово кому даси, в том уже и стой неподвижно; молвя, уже не порушивай. И, ради своего постоянъства, не буди про дерзлив на слово, но всякое слово первое рожжуй ево, не будет ли в нем какова пороку; а егда уже молвиши и правдою подтвердиши, то уже не моги его нарушити. И ради правды, и весы у себя имей самые правые и верные, дабы в них не было ни малыя неправды. Такожде и в мерах во всяких, яко в хлебных и в питейных, тако и в локотных: все бы у тебя были правые, и чтобы в них не было ни малыя неправды; и в какову меру что примеши, в таковую жь и отдавай, а других мер неправых отнюд у себя не имей. Сам бо Господь Бог запретил двои меры имети [то есть, великие и малые] (5 Моис., глава 25, стих 14), и, того ради, пилно[359] смотри, колико каких мер у тебя ни будет, чтобы одна одной ни болши, ни менши была. И товаров своих плохих не называй добрыми, и закрасы в товарех своих ни малыя не чини, но каков есть, таков бы и был весь. И чужово товара добраго не нарицай худым; но аще и совершенно чей товар узриши не токмо плох, но аще и непотребен, купующим не моги охулити его. Развее кто тебя нарочно спросит, каков де сей товар, добр ли, то уже тут не можно ти неправды сказать, но, каков есть, объяви ему; обаче объяви ему не голосно[360]: не положи ты меж(д)у продавцом и собою вражды. Буде же нелзя тебе скрытно объявить о плохости того товару, то ты у него же спроси, глаголя: «брате, нет ли у тебя иного товару, получши сего?». И буде скажет: «нет», то ты ко иной лавке поведи и выбери ему самой доброй; а к своей лавке отнюд не води; и рцы первому продавцу, глаголя: «для Бога, на меня не подосадуй; ей, нелзя мне инако зделать; понеже он на меня положился, то как мне его оболгати?» А буде же кой купец придет к тебе и положитца на тебя в выборе товару твоего, то самой лучшей выбери ему; а аще же и в цене положитца на тебя кто, то не моги ты болшого барыша с него взять. Такожде аще кто придет к тебе от малых отрочат, то не моги ты лишняго и пенязя у него взять; товару какова он спрашивает, такова ему и дай, а цену возми с уступкою; то Бог тебе сугубо

наградит, аще сице будеши творить. И купцов от чужих лавок отнюдь не перезывай, и товару своего, аще и добр, не весма выхваляй, но токмо глаголи: «господине, будеши ты меня и заочно хвалити, понеже аз безо лжи и без всякаго лукавъства продаю тебе и товар мой зело добр». А буде же товар твой не весма добр, то ты так и сказывай, что «товар твой средней, или росхожей, и я потому у тебя и цену прошу самую малую». А буде же у тебя есть и доброй товар, то предложи пред него доброй, и средней, и самой плохой, и объяви ему: «сей товар самой доброй, цена ему сия; а сей средней, цена ему сицевая; а сей товар плох, то и цена ему сия малая». А аще какой товар продаси обманом, наипаче же аще незнающаго человека обманеши, то, по закону, проклятию подпадеши.

Аз тебе, сыне мой, ни о чесом тако не завещеваю, яко о любви к Богу и к своей братье, и еже бы тебе ни в каковом деле неправды не касатися: понеже неправда от диавола, а правда от Самого Бога. И того ради во всяком своем деле правды держися, дабы тебе на сем свете и на оном с Богом жити и во царстве Его небесном быти в некончаемые веки веков.

15. ***О салдатъском бытии***. А аще, сыне мой, каким случаем будеши в салдатех, то и тамо живи праведно; так себя храни, чтобы тебе ни в малом чем Бога не прогневати. В начале великому Государю служи всею своею правдою: в ратном деле буди тверд, противо неприятеля стой неоплошно и буди безстрашен; нарочно отнюдь в руки не давайся, но всею своею силою брань твори, донележе на ногах будеши стояти. Всего же паче блюди себя от измены, дабы тебе в проклятии и в вечной погибели не быти; лучши ти смерть прияти, нежели изменити. Аще бо и скудость хлебная сълучитъся, то яждь не токмо чистых скотов мясо, но и нечистых, ничтоже сумняся: в нужде бо бывает и закону пременение. А аще каковым случаем, сонного или падшаго, тя возмут в плен, не моги ты о недостатках своих хлебных, или о недостатке воинъских припасов изъявляти неприятелю, но глаголи: «вси мы всем доволны, нет у нас никакой скудости». И аще и мучити тя будут, не моги недостатку своего объявити им; лучши смерть приими, а недостатку никакова не объявляй, да с мученики святыми причтешися. А аще спросят: колико людей военных? рцы: «аз знаю толко тех, колико нас в каше», десять ли вас, или болши, или менши человек; «а в армии колико нас всех, знать мне непочему, потому что я салдат». И аще и ведаешь, что

немного, сказывай вьдвое, или и вьтрое. И про людей, своих полчан, сказывай, что «велми на бою жестоки и велми уметелны старые салдаты, а нашей братьи новиков немного; все наголо боец». И аще ты и много служил, не объявляй, что бывал на боях, но глаголи: «я новобраной, и взят в салдаты неволею, и сия мне первая баталия, и того ради ничего и не знаю». Своему ты Государю служи всею правдою, а неприятелю во всяком не токмо деле, но и в словах, правды ни малыя не объявляй, но сплошь говори им лошь, дабы они страшны были. А буде како от них уйдеши паки в свои полки, то ты, что у них видел какую исправность, объяви тайно полководцу своему; а своей братье отнюд не объявляй, что они силны и всем изобилны.

Буди ты, сыне мой, Богу и великому Государю истиной раб, и буди ты доволен своим жалованием. Аще же определенным ти жалованием пропитатися не можно, то ты какое ни есть заведи рукоделие, от чего бы тебе прибавка в пищи приобрести. А в неправедное дело ни в каковое не вступай, никого ничем не обижай и насилством своим ни у кого ничего не отъимай, но неправеднаго паче огня бойся, дабы тебе Бога не прогневити и, за неправду, души бы своея не погубити. И аще у кого на кватере будеши стояти, не моги того дому хозяина чем потеснити, но буди ему рабом, а не господином. Аще ты чином и службою своею и велик перед ним, обаче буди перед ним низок и во всем послушен, а не противен, ни в чем ему досады не чини и всякое свое слово глаголи с ним смирно и ласково. Понеже он иногда последнюю свою копейку на строение свое издержал, а ты пришед, да начнеши его теснити и из хором выживати, и он от горести сердца своего возопиет к Богу, и Бог, видя его скорбь, тебя паче оскорбит. Господа ради, буди кроток: тем ты своея чести не урониши, что с хозяином кватерным смирно и любовно будеши обходитися. Ты, сыне мой, веждь, яко идеже любовь, тут Бог пребывает; а идеже вражда и досада, тамо диавол бывает. И ты сам в себе разсуди: з диаволом, или з Богом лучши быти? И не вем, кто бы от православных христиан пожелал з диаволом быти, а не з Богом? Но всяк соизволит лучши з Богом быти, а не со диаволом. И кто хощет з Богом быти, тому подобает смирну быти яко овце. И аще смирно и любовно будеши стояти, к тому же аще и услугу хотя малую пред ним будеши имети, то всякому человеку будеши мил. И за такую твою добрую поступку

всяк будет тебе рад, яко ближнему своему свойственнику, и покоить тебя будет, яко самого своего кровнаго свойственника. Салдаты ничем народу тако не мерзеют, яко обидою, и нахальством своим, и гордостными поступками. И ты, сыне мой, Господа ради, не буди досадителен, но буди ко всякому человеку любителен. Тем тебе на войне храбру не быть, еже своих православных христиан будеши изобижать. Мнози бо дома храбръственно собя ведут, а на бою за нсех туляются[361]. А кто у себя во граде между своими смирен, а на бою тии люди бывают храбри.

Аз известно знал в Шепелеве полку салдата, прозвашем Кулнова, и таков он при Москве был смирен, еже уподобился курице, и за его великое смирение нелзя было и салдатом ево назвати. А в Чигиринъскую первую службу[362] товарыщи ево, салдаты ж, сказывали про него, что изо всего полку на бою нарывчиве[363] ево не было; чаять де десятка два-три Турков своими руками он порубил, и егда де Турки ево отхватили, то всего ево в малые части изрубили. И так товарыщи ево про него сказывали: «естьли бы де да таковы салдаты все на бою были, то бы де разве чорту против их стояти, а не людем; самая де забытая голова[364] была! А естьли на образ ево посмотрить, то никто не поймет веры, потому ростом невелик, лицом был без меры сух, к тому ж еще и сутул, и в летах был уже не молод, а смирением и милостию не скоро приберешь такова человека, каков он был; а на бою таков напорен явилъся, что все ево товарыщи удивлялись ево храбрости. И яве есть, яко за его безмерную кротость Бог ему помощь Свою посылал. И сего ради и ты, сыне мой, не ревнуй злым озорникам, но ревнуй сему Кулнову: между своими сожители буди смирен и милостив, а на бою против неприятеля буди зол и безстрашен; в дому своем буди яко кроткая овечка, а противо неприятеля буди яко волк хищный и яко лев страшен. А и при военном деле, между своими клевреты буди паки кроток, и ко всем, тамо обретающимся людям, яко к военным, тако и к мастеровым, такожде и к купецким людям, нисходителен и любителен буди. А того велми бойся, еже бы тебе не изобидети и не солгать на кого.

Святое Евангелие воинам подаде заповедь токмо сию, еже никого не обидети, ни оклеветати кого, и доволну быти оброки своими [то есть, определенным себе жалованием] (Лук., глава 3, стих 14). И токмо за те три добродетели, или рещи, заповеди, обещано воинам спасение: колми же паче, аще приложиши пост и молитву

с богомыслием, и от блуда воздержание, понеже на бою чистота — паче щита железна, а и во гражданъском житии чистота велми добро. Израилтяне были люди на боях непобедимы, и того ради иноязычники нарочно подпускали жен своих и девиц, дабы с ними в блуд въпадали, дабы им, за блуд, Израилтян преодолети (4 Моис., глава 25 и 31, стих 15–16). Виждь, сыне, яко издревле и иноязычники знали, яко чистота паче щита на бою, а блуд — погибель. Есть же и повесть, в писании обретающаяся, яко некоторый князь греческий шел войною на Болгары, и на пути случись ему начевати в дому некакова человека. И в нощи к тому полководцу пришла девица, и начала его лобызати, и на блуд понуждати; он же удержалъся и проженул ее от себя трикраты. Потом, уснув, виде в сонном видении поле, и на том поле виде Греков побиенных: лежаша, укрыв все то поле; посреде же того трупа виде место просто, еже на нем лещи единому человеку. И бысть ему речено: «сие место, еже видиши просто, быть было тебе убиену и на нем лежати; а за еже брался еси со змием трикраты, убиен не будеши». Тако бо, сыне мой, чистота телесная хранит человеки на бою; а аще Божия воля и придет, еже убиют кого чистаго, то он со святыми мученики сопричтен будет. А кии живут блудно и во всяких неправдах пребывают, и тыи, аще и за веру убиени будут, обаче о воздаянии их Бог весть. Велми ты, сыне мой, бойся блуда.

И аще в кое время и несть боев, обаче дважды в году исповедывайся и Тела Христова причащайся. А во время военное во все четыре посты исповедывайся и Тела Христова причащайся. Буди на всяк день готов умереть. Иноцы бо, аще мира сего и отреклися, обаче, аще и согрешит в чесом, может по времяни покаятися и за грех свой отслужити. А воину сторично паче иноков надлежит от всякаго греха себя хранити, и житие свое свято имети, еже бы никого не изобидети, и в самой чистоте паче монахов жити, понеже всегда ему подобает готову быть к смерти.

В полковом же деле командирам своим, яко великому тако и малому, не буди ослушен, дабы тебе скорби на себе не понести. Ружье же свое имей чисто, каково извне, паче того извну; и замок бы был у тебя смазан салом квашенинным[365]. Порох держи в сухом месте, чтобы он не отсырел. Буде фузея[366] у тебя не целна, отдай ее бронинку[367], чтобы ее приправил к цели. Пороху и свинцу отнюд даром не теряй, но стреляй с прикладу, чтобы пулки даром не пропадали,

всяк будет тебе рад, яко ближнему своему свойственнику, и покоить тебя будет, яко самого своего кровнаго свойственника. Салдаты ничем народу тако не мерзеют, яко обидою, и нахальством своим, и гордостными поступками. И ты, сыне мой, Господа ради, не буди досадителен, но буди ко всякому человеку любителен. Тем тебе на войне храбру не быть, еже своих православных христиан будеши изобижать. Мнози бо дома храбръственно собя ведут, а на бою за инех туляются[361]. А кто у себя во граде между своими смирен, а на бою тыя люди бывают храбри.

Аз известно знал в Шепелеве полку салдата, прозвашем Кулнова, и таков он при Москве был смирен, еже уподобился курице, и за ево великое смирение нелзя было и салдатом ево назвати. А в Чигиринъскую первую службу[362] товарыщи ево, салдаты ж, сказывали про него, что изо всего полку на бою нарывчиве[363] ево не было; чаять де десятка два-три Турков своими руками он порубил, и егда де Турки ево отхватили, то всего ево в малые части изрубили. И так товарыщи ево про него сказывали: «естьли бы де да таковы салдаты все на бою были, то бы де разве чорту против их стояти, а не людем; самая де забытая голова[364] была! А естьли на образ ево посмотрить, то никто не поймет веры, потому ростом невелик, лицом был без меры сух, к тому ж еще и сутул, и в летах был уже не молод, а смирением и милостию не скоро приберешь такова человека, каков он был; а на бою таков напорен явилъся, что все ево товарыщи удивлялись ево храбрости. И яве есть, яко за его безмерную кротость Бог ему помощь Свою посылал. И сего ради и ты, сыне мой, не ревнуй злым озорникам, но ревнуй сему Кулнову: между своими сожители буди смирен и милостив, а на бою против неприятеля буди зол и безстрашен; в дому своем буди яко кроткая овечка, а противо неприятеля буди яко волк хищный и яко лев страшен. А и при военном деле, между своими клевреты буди паки кроток, и ко всем, тамо обретающимся людям, яко к военным, тако и к мастеровым, такожде и к купецким людям, нисходителен и любителен буди. А того велми бойся, еже бы тебе не изобидети и не солгать на кого.

Святое Евангелие воинам подаде заповедь токмо сию, еже никого не обидети, ни оклеветати кого, и доволну быти оброки своими [то есть, определенным себе жалованием] (Лук., глава 3, стих 14). И токмо за те три добродетели, или рещи, заповеди, обещано воинам спасение: колми же паче, аще приложиши пост и молитву

с богомыслием, и от блуда воздержание понеже на бою чистота — паче щита железна, а и во граждаиъском житии чистота велми добро. Израилтяне были люди на боях непобедимы, и того ради иноязычники нарочно подпускали жен своих и девиц, дабы с ними в блуд въпадали, дабы им, за блуд, Израилтян преодолети (4 Моис., глава 25 и 31, стих 15–16). Виждь, сыне, яко издревле и иноязычники знали, яко чистота паче щита на бою, а блуд — погибель. Есть же и повесть, в писании обретающаяся, яко некоторый князь греческий шел войною на Болгары, и на пути случись ему начевати в дому некакова человека. И в нощи к тому полководцу пришла девица, и начала его лобызати, и на блуд понуждати; он же удержалъся и проженул ее от себя трикраты. Потом уснув, виде в сонном видении поле, и на том поле виде Греков побиенных: лежаша, укрыв все то поле; посреде же того трупа виде место просто, еже на нем лещи единому человеку. И бысть ему речено: «сие место, еже видиши просто, быть было тебе убиену и на нем лежати; а за еже брался еси со змием трикраты, убиен не будеши». Тако бо, сыне мой, чистота телесная хранит человеки на бою; а аще Божия воля и придет, еже убиют кого чистаго, то он со святыми мученики сопричтен будет. А кии живут блудно и во всяких неправдах пребывают, и тыи, аще и за веру убиени будут, обаче о воздаянии их Бог весть. Велми ты, сыне мой, бойся блуда.

И аще в кое время и несть боев, обаче дважды в году исповедывайся и Тела Христова причащайся. А во время военное во все четыре посты исповедывайся и Тела Христова причащайся. Буди на всяк день готов умереть. Иноцы бо, аще мира сего и отреклися, обаче, аще и согрешит в чесом, может по времяни покаятися и за грех свой отслужити. А воину сторично паче иноков надлежит от всякаго греха себя хранити, и житие свое свято имети, еже бы никого не изобидети, и в самой чистоте паче монахов жити, понеже всегда ему подобает готову быть к смерти.

В полковом же деле командирам своим, яко великому тако и малому, не буди ослушен, дабы тебе скорби на себе не понести. Ружье же свое имей чисто, каково извне, паче того извну; и замок бы был у тебя смазан салом квашенинным[365]. Порох держи в сухом месте, чтобы он не отсырел. Буде фузея[366] у тебя не целна, отдай ее бронинку[367], чтобы ее приправил к цели. Пороху и свинцу отнюд даром не теряй, но стреляй с прикладу, чтобы пулки даром не пропадали,

и казна бы государева напрасно не пропадала. И навыкай стрелять с руки в цель. Буде на бою, то стреляй человеку в груди, а по обыкновению древнему на ветер отнуд не стреляй. И аще все будете стрелять целно, чтобы пулки даром не пропадали, то и худое дело, что от тысящнаго полку, в один залп, неприятелей пятьсот человек повалите; а буде же Бог помощь Свою пришлет к вам, то сот семь, или и восемь повалите; и в таковой целной стрелбе, пороху и свинцу будет неизъянно, а война будет спора. И егда бою не случится, а фузея заправлена с пулею, то долго не держи ее, и болшое, что три дни подержа, да и выстрели; а просто отнюд не стреляй, но постави цель и стреляй по ней, с приклады с руки, дабы у тебя твердо было стреляние и рука бы не тряслася. И буде тебе государева пороху командиры, для навычки мастерской к стрелбе, давать и не будут, то ты купи пороху на свои денги; и того не моги учинить, чтобы тебе неделя или другая пропустить без стрелбы, но на всякую неделю раза два или три выстрели в цель. И буде ты навыкнеши целно с руки стреляти, то ты один за десять человек не умеющих заслужиши. Буде твердо навыкнеши с руки стреляти в цель, то и на кораблях силен будеши: аще корабль волнами и шатает, а твоя пуля даром не пропадет.

А того, сыне мой, не моги учинити, еже бы тебе какие заговоры у себя имети. Аще заговоры иметь будеши, то з Богом вражду возъимееши, понеже въместо Бога будеши у себя имети заговоры. И аще с теми заговоры убьют тебя, то будеши ты чорту баран, и кровь твоя и з душею твоею ни за что погибнет.

И аще ты и весма в том своем салдатском бытии оскудееши и пищи лишитися будеши, обаче не моги ты нахалством своим у кого что отняти, и от того себе пищу приобретати. Но лучши Христовым имянем питайся, или у своей братьи нанимайся, а силою ни у кого ничего не отъимай, да благословит тебя Бог и во грядущий век даст тебе венец славы. Салдатъством души своея не погубиши, но погубиши злыми делами. Аще и в духовном чине будеши, а дела злая будеши творити, то погубишь свою душу; а и в салдатех будучи, да будеши жить по Бозе, то наследиши живот вечный.

16. ***О афицерстве***. А аще же будеши афицером, то на болшую добродетель и на богоугождение подвигнися: сам никого не обижай, и подданным своим обидеть никого не попускай. И наказуй сперва словом, а потом уже и наказанием неоскудным, дабы под командою твоею того не помянулось, еже бы кого изобидели чем.

Буди к подданным своим за исправное их бытие милостив, яко отец; за злыя же дела буди им великим злодеем: не щадя, их наказуй. И аще кой салдат учнет ти какую почесть давати, в вине сущей, то ты, за принос ево, въдвое, или и вътрое вящши накажи, дабы въпредь никто не смел под тебя подвалитися; велми взятков бойся. Буди ты им началник, а не они тебе. Аще поблазнишися и коснешися приносам, то ты и Богу солжошь, и Царю неправду будеши делати. Мзда бо и мудрому заслепляет очи и правды видети не допускает. И аще узриши и не твоея команды салдата или драгуна, обидяща какова человека, всячески потщися изяти обидимаго от обидящаго его; и, за такую добродетель, великую и сугубую мзду себе от Бога приимеши.

И всем своея команды солдатам накрепко запрети, чтобы на кватерах стояли смирно, хозяина бы того дому ничем не теснили, и никаковые обиды ему не чинили[368]. И не обленись, на всякую неделю по всем кватерам сам объежай, и спрашивай хозяина и хозяйки, и работников ево и работниц спрашивай имянно, смирно ли салдаты стоят, нет ли какой обиды от них? И буде кой хозяин или хозяйка пожалуетца на коего, что он не смирно стоит, или чем приваливается, или хотя словами какими ругает, то вдаль не откладывай, тут ему и указ учини, без болшого свидетелства, потому что салдаты не могут смирно стояти: на притчу[369] кто издастца из них смирной человек. А буде станет запиратца во озорничестве своем, то ты спроси за имянем Божиим, чтобы безо лжи сказали. То веждь, что купецкие люди не солгут, а се и не смеют лгать; а у салдат то и лучшее, что лгать. И буде салдаты будут своего брата оправливать, и аще признаешь, что они лгут, то и их высеки хорошенко, чтобы въпредь товарыщам своим не потакали и ложно бы не третьевали. И аще тако будеши чинить, то ты великую мзду от Бога приимеши.

Ради же лучшаго воинъскаго умения, на всякую неделю, всех команды своея собрав, вели при себе, раза по два или по три, выстрелить с руки по цели, и кой из них целно[370] стреляет, того запиши. И буде которые солдаты мимо цели не стреляют, тех ты велми люби, и береги их, и, егда улучишь потребное время, великому Государю о тех салдатех имянно донеси, что сии салдаты даром ни пороху, ни пулки не потеряют. И аще дерзновение при Царском Величестве имети будеши, то ты каким ни есть способом, как тебя Бог вразумит, воспомяни, дабы Его Царское Величество тем салдатам, которые даром не стреляют, учинил бы от неумеющих отмену в жалованье.

Мне ся мнит: аще великий Государь прибавит совершенным уметелем по рублю денег на год[371], то многие будут тщателно навыкати к стрелбе; а аще да рубля по два прибавить, то я вем, что будут вси салдаты без принуждения тщатися, дабы им всем уметелным быти к стрелянию. И аще вси салдаты будут целно стреляти, то одна тысяча заслужит тысячи за две, или и за три. Первое дело, что на бою свинцу и пороху росходу будет менши. Другое дело, что аще тысяча человек выстрелят, то и малое дело, что сот пять положат неприятелей своих, а буде Бог помощь Свою послет, то иногда и тысящу же положат; и за такую уметелную стрелбу будут наши велми неприятелным людям страшны и служба велми спора будет. Третие, что и на кораблях таковые салдаты не то, чтобы один за два, или за три заслужил, но я так помышляю, что один человек заслужит паче десяти человек, понеже на воде корабли и прочие суды смирно стоять не могут; и того ради кой человек не умеет с руки в цель стреляти, то и в двадцати выстрелах вряд убить человека, и пулки ево все на ветер полетят; а которой человек с руки целно стреляет, то как бы корабли ни шатались, то даром пулки не потеряет. И естьли ты, сыне мой, токмо одну свою роту научиши, чтобы никогда мимо цели не стреляли, то и один твой корабль, или фрегат страшен будет неприятелю: потому разве кои внутри сидят тех не могут побить, а кои на полубе, или на маштах, то запала в два-три всех очистят. И аще казеннаго пороху на такое тщателное вышшие командиры давать не будут, то ты хотя от себя, по фунту место, или и по другому дай для того. Хотя ты десятка два-три рублев своих и издержишь ради такова великаго дела, а егда великий Государь усмотрит, что они весма уметелны и в деле споры, то им не без прибавки учинит, а ты и сугубо за такое радение пожалован будеши. И аще таковых салдат где случится человек пять-шесть, то их неприятель сам-дватцать взяти не возможет, потому естьли они пули по три выпустят, то всех побьют. Умеющей человек в дватцати, или и в тритцати саженях не допустя убьет, а неумеющей и в пяти саженях едва.

И в ратное время аще что у неприятеля салдаты твоея команды возмут какова скарбу, и аще неведомо какие честные вещи, не моги у них отняти. Велик бо есть грех, аще и у деревенскаго мужика что отнимеши, аще они и от земляныя своея работы приобретают; а салдаты кровью своею добудут, а ты аще отнимеши у них, то како не

нищии согрешити? Буде царскаго определения о военных корыстях, како их между собою делити, не будет, то возми ты себе от взятых корыстей толко десятую часть; а буде отделить десятые доли немочно, то вели ты цену ей положить и дай им денги сполна, и из того полнаго числа вычти себе десятую часть. А буде великий Государь не поволит у них брать, то уже нимало х корыстям их не прикасайся. И тако творя, и на сем свете славен и богат будеши, а на оном свете уже и сторичную приимеши себе мзду. И аще кой салдат и своею волею принесет к тебе в дар какую вещь, а тебе она нравна, то ты ее процени, и что будут за нее давать, толико ему отдай денег. А буде же тебе ненравна, то и близ себя не припускай с нею; не прикасайся к салдатским взяткам, дабы они в свою волю тебя не усвоили. А аще кой салдат будет тебе услужлив паче прочиих салдат, а явитъся в воровстве каком, или и во озорничестве, то и мало не ослабь ему, но еще излишние раны наложи на него, чтобы и прочие салдаты учились христианъски жить и не обидеть кого. И не токмо своих салдат, под командою твоею сущих, но и посторонних страху Божию учи, и свою братью афицеров, елико можеши, учи, чтобы салдатам своим воровать и озорничать не попускали, и всячески бы их смиряли, и сами бы жили христианъски: ни у кого бы ничего не отнимали, и досад бы никому никаких не чинили, и честию бы своею не гордились, понеже гордым Бог противится, а смиренным дает благодать Свою.

А аще узриши своего какова афицера, или салдата, или хотя и из работных людей, какова ни есть человека, или аще кто и досадитель тебе был, а гоницца за ним неприятель и хощет его убити, или в полон взяти: и ты не попомни его досады, но всячески потщися, еже изяти его от гонящаго его. И аще тако сотвориши, еже, видя своего досадителя, поступиши еже душу свою положити за него, и аще измеши от беды его, и от смерти свободиши его, и сам здрав возвратишися: не моги ты тем похвалитися, еже ты, не попамятав его досаждения, себя не пощадил, и врага своего от смерти избавил, но вся сия остави единому Богу. Понеже сие дело весма велико есть, еже любити врага своего и злобы его не памятствовати. Сам бо Господь Бог, о сем заповедая нам, рек: любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас (Матф., гл. 5, ст. 44), и аще кто тако сотворит, той сын Божий наречется (Лук., гл. 6, ст. 27, 35). И такова ради Божия нам обещания, диавол велми ненавидит сего, аще кто врагу

своему добро хощет сотворити, то он всячески препинает добро сотворити, но всеми своими силами поущает его на отмщение. А аще же ты, сыне мой, на той врага своего выручке, да убиен будеши, то наипаче в любовь Божию приусвоишися. Тако бо Господь рек: яко несть сея любви болши, аще кто и за друга своего душу свою положит (Иоан., гл. 15, ст. 13). Колми же паче, аще за врага своего душу свою положиши!

И аще сицевую ты добродетель учиниши, то аз не всем ясно изъявити, како Бог, за такое великое дело, во царствии Своем возвеличит тя и вечною славою прославит. Что бо человеку болши сего надлежит обрести, токмо еже бы вечнаго мучения убежати и царьствия небеснаго наследником быти? А Бог уже ведает, чем кого наделити и как кого упокоити.

И что аз написах ти, сыне мой, в салдатском расположении, вся та памятъствуй, и храни вся моя предложения со всяким исправлением, неуступно, да за исправление твое благословит тя Бог здешним и грядущим, в некончаемые веки. Аминь.

17. ***О крестьянъском житии***. А аще же каковым либо случаем будеши во крестьянъстве, и аще восхощеши, то, и тамо будучи, можеши спастися. Аще от святыя церкви и в далекости имаши жити, обаче по вся дни воскресныя и праздники Господския ко святей церкви ходи, и по могуте своей свечки в честь Богу приноси, и по вся годы говей, и тела Христова причащайся. И живи смирно, ни с кем не бранись, и с воровскими людми не водись, и стану ворам у себя не держи. На работе помещика своего работай так, как работаеши на себя; помещицкой работы ничем от своея не отменяй и на всякое изделье буди первой. И никакова лживаго словесе помещику своему, ни своей братье, не глаголи, но чему быть, или что потребно, то и говори, понеже ложь от диавола есть. Людие бо, кои любят лгать, и те люди диаволу сыновьями нарекутъся; того ради велми лжи бойся, дабы тебе диаволим сыном не быти. И обиды никому и малые не чини, но живи ты христиански, своею работою питаяся, а не чужою. Так опасно живи, чтобы тебе у соседа своего, или и у постороннего человека, ни репы, ни гороху во обиду не взяти. И кто проежжей человек к тебе заедет начевать, всячески охраняй ево обиход, самому же ему дай покой безпечной, и буде не беден будеши, то положи перед него хлеба своего, и млека, и яиц; а буде и недостаточен будеши, то, чего он востребует, даждь ему, а излиш-

ние цены не бери. А неимущаго, аще и недостаточен будеши, накорми без цены: Бог тебе за него заплатит. А аще, за великую свою скудость, накормить не можеши, и ты хотя квасу ему дай напитца: и за то от Бога мзду себе приимеши. И во всяких своих поступках живи христианъски. Ворожей к себе никаковых не призывай, и сам ни касайся вороженья, ни бобами не разводи, ни в приметы ни никаковые не верь, но всю свою надежду возложи на Бога. А аще ворожбе какой коснешися, то все свои добрые дела погубиши и вьместо благословения приимеши клятву, вместо же царства небеснаго наследиши вечную муку. И сего ради ты, сыне мой, велми бойся всякия неправды и ворожбения, дабы тебе души своея не погубити. И в каковом житии, сыне мой, ни будеши, буди Богу благодарен, и ни о чесом на Бога не возропъщи. И тако живя, и во крестъянъстве спасешися и царствия небеснаго наследник явишися.

18. ***О нище(н)ском житии***. Аще же, сыне мой, нападет на тя дряхлость, и весма оскудееши, и ничем прокормити себя не возможеши, то ты и тогда не возропщи на Бога, но, со благодарением, возложи на ся суму и не гнушайся нищетою. Кто есть Бог, Иже владеет небом и землею, и еже есть, вся суть Его, а на земли в нищете велицей пребывал: еже и того не имел, идеже бы глава Ему подклонити! И ты, сыне мой, аще хощеши Богу своему поревновати, то не имей себе собственныя своея и малыя хижины, но ходи по всему миру, и идеже нощь пристигнет, тамо и начуй. А и в чужих людях особыя себе хижи аще имети не будеши, то ты Христовой нищете подражатель будеши. К сему же приложи пост, и молитву, и совершенное нестяжание, и в той своей нищете живи прямым праведником. И в прошении милостыни докушлив не буди, и у подающаго милостыню при своей братье милостыни не перехватывай, но буди своим праведным кусом сыт. И аще где соберетца нищих множество для какова подаяния, то ты тут отнюд не приставай и в тесноту никогда не тиснися; но иди тамо, идеже никого нет. Бог тебя пропитает, токмо ты буди малым кусом сыт. Так себя опасно храни, дабы тебе не токмо каким богачам досадити, но и самым убогим нищим, хворым или здоровым, ничем не досадити и обиды никому никакой не учинити.

И егда набереши хлеба на день, то болши того не проси, но иди в хижу свою; а о другом дню не пекися и хлеба в запас на другой день отнюд не собирай, но пекись о настоящем дни. Даст Бог день,

даст и пищу. Когда уже Бог привел тебя в нищету, то уже ты буди совершенным нищим: ничего у себя не имей, но весь буди в Боже. Сам бо Господь рек, глаголя: не пецытеся о утренней, утренняя бо сама о себе печетъся (Матф., гл. 6, ст. 34); и того ради, что у тебя останетца хлеба собраннаго от насыщения твоего, отраждь иным гладным сушъщим. И ризу имей едину; и егда весма обетшает, а никто целыя ризы тебе не подаст, то собирай на ню елико требе, на платежь тоя ризы; а егда ризу оплатиши, а денег собранных от платежа останетца, все отдаждь неимущим, а у себя остави пенязя два или три; а болши того никогда не накапливай. А и те имей не ради себя, но ради подаяния самым бедствующим людем, или за престол свечка подать, или на просфиромисание[372] за подающих ти милостыню послати. А на погребение себе отнюд не запасай денег: то бо есть самое безумие, еже на погребение, или на поминовение себе денги копити; но аще случатся денги, то при животе своем их раздавай, а в запас ничего бы у тебя, и малаго числа, не было. И тако творя, истинный раб Божий будеши и царствия Божия наследник явишися.

Не буди в нищете сребролюбствовати: то самая явная погибель, еже Христа ради просити, а демона ради денги копити. То себе, сыне мой, веждь: аще болши милостыни у кого возмеши, то болши на оном свете и взыщется. И того ради за куюждо милостыню, укрушец[373] хлеба приятый, пред образом Божиим положи по три поклоны; а за полушку по шти поклонов; за денгу по двонадесяти; а у кого болши примеши, то болшие и труды надлежит ти положити, дабы на тебе на оном свете не взыскалось. И аще и скорбен будеши, и к церкви итти не можеши, то в хижи своей не лежи во время церковнаго пения, но трудись за подавших ти милостыню. И аще и трудно ти, всячески понуди ся к литургии бресть во церковь; и аще и стоять не можеши, то хотя сиди, и сидя моли Бога за питающих тя. И того ради ты, сыне, не радуйся милостыню приявъши, но радуйся труд за ню положивши, дабы тебе на оном свете, за приятие милостыни, скорби какой не терпети. И на кийждо день да молишися в начале за Царя, потом за Царицу, за Царевичей и за Царевен, дабы Бог живот их продолжил и царство их миром оградил; а потом — за подающих ти милостыню. А буде же когда, за самую нестерпимую немощь, дойти до святыя церкви не можеши, то, аще и лежа на постели, не моги святыя литургии пропустити, еже

бы ти молитвы к Богу не принести за Царя, и Цариц, и чад их и за подающих ти милостыню, и за всех православных христиан. И аще, от немощи своея, и рукою двигнути что, или крестнаго воображения возложити на ся не можеши, обаче молитвы своея не отлагай: возведи очи свои чувъственныя горе, умныя же свои очи возведи на небо, пред Самого Бога, и от всего своего сердца к Богу вопий, да помилует Царя, и Цариц, и с наследием их, дабы продолжил их век и всяким бы благоденъствием их благословил; такожде и питающих тя помиловал и всяким изобилием благословил их.

И егда будеши имением своим нищь, то буди и духом нищь, понеже Господь Бог блажит паче нищих духом, нежели имением. Рече бо: блажени нищии духом, яко тех есть царство небесное (Матф. гл. 5, стих 3). И по сему глаголу Божию, аще кто имением и богат, а духом нищь, то всем тем от Самого Бога обещано царство небесное; кольми же паче, аще кто имением и духом нищь будет, и за послание тоя нищеты благодарствовати Бога будет, то, за сугубую свою нищету, и воздаяние от Бога во грядущий век сугубое же приимет!

Глава 6. О ПРИКАЗНЫХ ПОРЯДКАХ

1. Аще же ты, сыне мой, будеши в какой либо концелярии молодым подьячим, то и тамо живи богоугодно; прежде реченнаго ти завещания моего ничесого не нарушивай. В деле же своем приказном буди всегда бодр и на дело свое готов; пьянъства же велми бойся, но всегда буди при концелярии и сиди на месте, не поскакивая. И егда дневание твое будет, то ни на едину минуту от определеннаго ти дневания не отлучайся, дондеже товарыщь не сменит тя. А егда и не твое дневание, обаче буди ты неотлучен, ничим же буди от дневальных подьячих отменен, но всегда при концелярии будь, яко и в дневании своем; развее к ночи домовь[374] отходи. А и дома не засыпайся, приходи в канцелярию прежде людей, а выходи последи всех своей братьи. И дома пообдав, ни за чем не бався[?], паки беги в канцелярию, и всегда живьмя живи в концелярии. И егда судья приедет в приказ, а ты, аще и в молодых подьячих, обаче выбеги и въстреть его, не допуская до крылца, и поклон ему достойный отдай, и, проводя в приказ, паки за свое дело сядь. А буде у тебя своего дела мало и писать тебе нечего, то ты у своего брата возми

даст и пищу. Когда уже Бог привел тебя в нищету, то уже ты буди совершенным нищим: ничего у себя не имей, но весь буди в Боже. Сам бо Господь рек, глаголя: не пецытеся о утренней, утренняя бо сама о себе печетъся (Матф., гл. 6, ст. 34); и того ради, что у тебя останетца хлеба собраннаго от насыщения твоего, отдаждь иным гладным сушъщим. И ризу имей едину; и егда весма обетшает, а никто целыя ризы тебе не подаст, то собирай на ню елико требе, на платежь тоя ризы; а егда ризу оплатиши, а денег собранных от платежа останетца, все отдаждь неимущим, а у себя остави пенязя два или три; а болши того никогда не накапливай. А и те имей не ради себя, но ради подаяния самым бедствующим людем, или за престол свечка подать, или на просфиромисание[372] за подающих ти милостыню послати. А на погребение себе отнюд не запасай денег: то бо есть самое безумие, еже на погребение, или на поминовение себе денги копити; но аще случатся денги, то при животе своем их раздавай, а в запас ничего бы у тебя, и малаго числа, не было. И тако творя, истинный раб Божий будеши и царствия Божия наследник явишися.

Не буди в нищете сребролюбствовати: то самая явная погибель, еже Христа ради просити, а демона ради денги копити. То себе, сыне мой, веждь: аще болши милостыни у кого возмеши, то болши на оном свете и взыщется. И того ради за куюждо милостыню, укрушец[373] хлеба приятый, пред образом Божиим положи по три поклоны; а за полушку по шти поклонов; за денгу по двонадесяти; а у кого болши примеши, то болшие и труды надлежит ти положити, дабы на тебе на оном свете не взыскалось. И аще и скорбен будеши, и к церкви итти не можеши, то в хижи своей не лежи во время церковнаго пения, но трудись за подавших ти милостыню. И аще и трудно ти, всячески понуди ся к литургии брести во церковь; и аще и стоять не можеши, то хотя сиди, и сидя моли Бога за питающих тя. И того ради ты, сыне, не радуйся милостыню приявъши, но радуйся труд за ню положивши, дабы тебе на оном свете, за приятие милостыни, скорби какой не терпети. И на кийждо день да молишися в начале за Царя, потом за Царицу, за Царевичей и за Царевен, дабы Бог живот их продолжил и царство их миром оградил; а потом — за подающих ти милостыню. А буде же когда, за самую нестерпимую немощь, дойти до святыя церкви не можеши, то, аще и лежа на постели, не моги святыя литургии пропустити, еже

бы ти молитвы к Богу не принести за Царя, и Цариц, и чад их, и за творящих ти милостыню, и за всех православных христиан. И аще, от немощи своея, и рукою двигнути что, или крестнаго воображения возложити на ся не можеши, обаче молитвы своея не отлагай: возведи очи свои чувъственныя горе, умныя же свои очи возведи на небо, пред Самого Бога, и от всего своего сердца к Богу вопий, да помилует Царя, и Цариц, и с наследием их, дабы продолжил их век и всяким бы благоденъствием их благословил; такожде и питающих ти помиловал и всяким изобилием благословил их.

И егда будеши имением своим нищь, то буди и духом нищь, понеже Господь Бог блажит паче нищих духом, нежели имением. Рече бо: блажени нищии духом, яко тех есть царство небесное (Матф., гл. 5, стих 3). И по сему глаголу Божию, аще кто имением и богат, а духом нищь, то всем тем от Самого Бога обещано царство небесное; кольми же паче, аще кто имением и духом нищь будет, и за послание тоя нищеты благодарствовати Бога будет, то, за сугубую свою нищету, и воздаяние от Бога во грядущий век сугубое же приимет!

Глава 6. О ПРИКАЗНЫХ ПОРЯДКАХ

1. Аще же ты, сыне мой, будеши в какой либо концелярии молодым подьячим, то и тамо живи богоугодно; прежде реченнаго ти завещания моего ничесого не нарушивай. В деле же своем приказном буди всегда бодр и на дело свое готов; пьянъства же велми бойся, но всегда буди при концелярии и сиди на месте, не поскакивая. И егда дневание твое будет, то ни на едину минуту от определеннаго ти дневания не отлучайся, дондеже товарыщь не сменит тя. А егда и не твое дневание, обаче буди ты неотлучен, ничим же буди от дневальных подьячих отменен, но всегда при концелярии будь, яко и в дневании своем; развее к ночи домовь[374] отходи. А и дома не засыпайся, приходи в канцелярию прежде людей, а выходи последи всех своей братьи. И дома пообедав, ни за чем не бався[375], паки беги в канцелярию, и всегда живьмя живи в концелярии. И егда судья приедет в приказ, а ты, аще и в молодых подьячих, обаче выбеги и въстреть его, не допуская до крылца, и поклон ему достойный отдай, и, проводя в приказ, паки за свое дело сядь. А буде у тебя своего дела мало и писать тебе нечего, то ты у своего брата возми,

чтобы тебе отнюд даром не сидеть. Аще повидитца тебе чужое дело делать и безкорыстно, обаче тебе въперед послужит. Первое дело, что ты времяни своего даром не истеряеши; другое дело, что писму и делам навыкать будеши; третие дело, что всем ты своей братье, молодым и старым подьячим, мил будеши, все тебя будут любить. А егда судья вон из приказу пойдет, то паки проводи ево до саней или до коляски. И проводя, буде не пришла пора обедняя, то паки за свое дело сядь и трудись с самым прилежным вниманием. Что ни будеши писать, всему внимай, и пиши мелким и уписистым писмом, чтобы бумаге неистратно было. [Сие бо велми писари неразумно чинят, что бумагу не берегут и пишут писмом крупным и розметистым[376]: и в том небрежении, на кийждо год, тысячь по десятку, или и по другому, из Российскаго царства казны пропадает напрасно]. И аще твоя братья подьячие пойдут куды погулять, или чем забавитися, а ты забавляйся своею писменною работою и неподвижным приказным сидением. И куды судья или старой подьячей пошлет тебя, буде и не в очередь, не отрицайся, но со тщанием пойди. А буде же прикажет тебе зделать, или написать что, въместо дневалнаго, или и не въместо дневалнаго, отнюд не отрицайся, но паче своего определеннаго ти дела потщися и поспеши им; и, то приключшееся дело отправя, паки за свое надлежащее дело примись. А буде же и свой равный ти подьячей помолит тя, дабы ты въместо его что написал, и ты, аще срочьнаго дела у тебя нет, не отрецыся и от него, исправь ему нужду его. И Бог, видя твое послушание, положит тя пред всеми в щедроты, и не токмо своей братье любим будеши, но и судья любити тя имать, и всячески добром награждати ти будут. Кому железа, кому батоги, а тебе доброе слово и милость будет, и делами тебя прибыточными наполнять.

К тому же в челобитчиковых делах имей твердое постоянство. Аще возмеши у кого какое нибудь дело писать, то положи ты срок и рцы ему тако: «аще что от Бога не займет, и от судей наряду какова не будет, и Божия помощь поспешит ми, то к сему числу, или ко оному напишу». И молвя с кем свое слово, уже памятно памятуй, чтобы тебе во лжи не быть и лживцом бы не прослыть. И тщися, еже бы ти всякое дело прежде сроку изготовити, и челобитчику до уреченнаго сроку ходить не вели; а придет на срок, то бы уже оно готово у тебя было. И ради своего постоянства срок поставляй с прибавкою, чтобы день место, или и болши, был лишней. А такова себе

безумия не чини, еже бы тебе чего невозможно в два дни зделать, а челобитчику сказать, что к завтрею изготовишь. Но аще кое дело и совершенно к утру мочно зделать, а ты ставь срок к вечеру; и аще срок и далеко поставиши, обаче за дело примись того числа, когда помолвиши. А естьли отложиши до иного дня, то либо займет тя иное какое дело, и в слове своем не устоиши, и тем порок на себя наведеши. Уже бо в какое дело возмешися, оплошно ево не делай. А буде до сроку зделаеши, то тебе же лучши: челобитчик придет к тебе проведати, делаешь ли ево дело, а ты ему готово покажеши то и прежде сроку отдаси, то челобитчики весма любити тя будут и друг другу будут про тебя сказывати, что ты делом не волочишь. То и сам ты увидишь, что прибытку у тебя много будет: кто тебе не рад будет, аще волочить и манить[377] не будеши? Ибо и плату за работу твою давать тебе будут излишнюю. И ради своего лучшаго управления, держи у себя памятную книжку; и х коему дню кое дело возмешися зделать, то записывай в ту книжку, и по записке памятнее тебе будет. Сего велми бойся, чтобы тебе в слове своем непостоянну не быть и лживцом не слыть. Аще со младости своея навыкнеши в слове своем постоянен быть, то и под старость будеши постоянен, и славу себе добрую учиниши. А буде же кто тебя чем подарит, дабы ты прилежнее потрудился, то и сна у себя убавь, и тщися, чтобы не туне был ево тебе подарок; велми бо грешно человеку тунеядцом быти. Так ты, сыне мой, тщись, чтобы тебе ни малому чему чужому коснутися; или кто тебя чем ни подарит, не моги того учинитъ, еже бы тебе чем не отплатить, дабы на оном свете той подарок не взыскался на тебе.

2. ***О старом подьячестве***. А егда будеши и старым подьячим, то и тогда нрава своего добраго не изменяй, но еще и паче подвигнися на богоугодные дела. И ни единаго дела, не омысляся крепким размышлением, не начинай делать; и егда в тонкость разсмотриши о нем, еже оно будет тебе и людям невредно и безгрешно, то, Божию помощь от Бога испросив, начинай. А буде же уразумееши, еже оно и полезно и пожиточно[378] тебе, а иному кому будет вредително, то отнюд такова дела не начинай. Так ты себя в приказных делах поведи, чтобы все твои дела были праведны, а лукавства, или какие неправды, и следу в делах твоих не было бы. И аще тако будеши дела свои управляти, то тебе приказное сидение въместо скитъскаго жития будет. К сему же и от пьянъственнаго питья весма удаляйся.

И в концелярии, такожде яко и в молодых быв, поспешай прежде своей братьи, чтобы тебе судью въстретить и проводить. А по обеде паки приежжай в концелярию свою и дела свои управляй неоплошно. На товарыщей своих не весма полагайся, но сам о делах своих прилежи. И кое дело мочно одним днем зделать, на два дни его не раскладывай; а кое дело мочно вечером зделать, к утру не отлагай: за ночью, что за горою. Ты тако в делах своих буди исправен, еже бы ти кое дело утром делать, а ты его еще свечера изготовь, то уже утром о нем не трудишися. И за товарыщи своими за молодыми смотри накрепко, чтобы они не отгуливали: сидели бы в приказе яко пригвождени, чтобы как до обеда, так бы и после обеда, были бы в приказе и без дела бы отнюд не сидели, но, пришед в концелярию, за писмом бы сидели. А и сам ты даром не сиди, но свои надлежащия ти дела делай и за молодыми смотри прилежно, и чего они не дознают, указывай им, чтобы они, сидя, приказные дела делали, а не кощунство бы какое творили, но яко пригвождени бы к месту своему были, и писали бы мелким и уписистым писмом, и словами не розметистыми, чтобы истраты лишние бумаге не было, понеже, от розметистаго писма, из Руси тысячь по десятку и по другому на кийждо год пропадает богатства напрасно. А по моему мнению не велми бы часто было, еже бы на странице дестевой писать по сороку строк, а в записных книгах менши бы пятидесяти строк отнюд не надлежало писать; а по прямому разсуждению, не худо бы и в шестьдесят строк записные книги писать. И аще тако обыкнут молодые подъячие писать мелко и уписисто, то бумаги и половины у нас в Руси изходить уже не будет; где было издержать, по прежнему обыкновению, десять стоп, а по сицевому манеру довлеет и четырех стоп. И егда мало на нее росходу будет, то и цены с нее збудет: коя стопа покупаетца ныне по полтора рубли, а тогда и за рубль с радостию будут отдавать.

И, облюдая лишную истрату бумаге, за подьячими молодыми смотри, чтобы они ни на какую безделицу белые бумаги не тратили. А буде у коего подьячего увидиши какие безделки пометные пишуща, иже ни в какое созидателное дело не годятся, то ты учини ему великое страхование, чтобы он въпредь бумаги и малаго лоскутка даром не тратил. И в отходы бы, на подтирание сиденья своего, бумаги бы отнюд не драли. И буде узриши, кто колико бумаги на безделные дела издержал, доправь на нем десятерицею; и аще он не

на государевой бумаге, но на свои денги купя тратил ее, то и тут без штрафованья не отпусти ему вины. А и сам ты такой безделицы не чини, чтобы тебе бумага без надобные потребы тратить, или в отход носить для подътирания кала своего. Аз тебе, сыне мой, не повелеваю и писаные драные бумаги носити на подтирание во отход, для того, что бывает иногда имя Божие написано, или Богородично, или коего либо святаго, а ты, кал от сидения своего отерши, да вергнеши во отход, и святое имя Божие смесиши с калом. И сие дело есть не христианъское, еже тако чинити. Господь повелел святое Свое имя святити, а не сквернити, и по Господню словеси, идеже имя Божие имяновалось, то уже стало быть свято; и святыя иконы ничим иным тако не святи, яко имянованием Божиим святи суть. И сего ради, аще либо на каковой бумажке узриши имя Божие помянулось, то не токмо во отход, но и под ноги не мечи ево, дабы имя Божие в попрании не было, но предай его огню. А аще на коем писме написано и царское имя, то и тое хартии во отход не носи же; аще бо Царя чтиши, то и имя его почитай, понеже Помазанник Божий есть, а тебе Государь, и того ради и царскаго имяни с калом не мешай.

И аще ты и старой подьячей, обаче дневанье свое опасно храни. Аще и дебелостью отяготишися, или великим богатьством обогатишися, а в приказ буди легок, и на всякое время готов, яко же и выше рех, и дневания своего прогуляти не моги; но яко днем, тако и нощию, во всякое свое дневанье, буди неотлучен. А егда судья какое дело велит тебе с поспешением зделать, то ты всякие свои нужды отложи, и сна себе убавь, и то дело со всяким поспешением исправь. А и без судейскаго приказу, по вся дни, яко до обеда, тако и по обеде, хотя на малое время, а в приказе побывай.

Егда перо свое починиши, или чернил похочеши отведати, то ты не пиши по древнему обыкновению: «помилуй мя, Боже», или «по милости Божией», или «за молитв святых отець наших», но пиши: «опыт перу», или «опыт чернилам», или какую нибудь речь мирскую, коя бы была без воспоминания имяне Божия, потому что те все опытные бумажки ни во что обращаются и мечутся под ноги, и, в таковом неразумии, имя Божие в попрание повергается. И сей грех самой безкорыстной, а на оном свете и за него ответ Богу давать будет: потому Господь Сам нам изъявил, еже и за празднословие истязани будем, то како за сие не будем истязани, еже имя

Божие написав, да вергнуть на землю в попрание всем человеком. Господа ради, блюдись сего, дабы ти в грехе и сем не быти. Такожде и молодым подъячим всем накрепко запрети, дабы в опытах и во иных безделицах имяне Божия отнюд не писали и греха бы себе такова не привлачили, но писали бы какие ни есть повести, или что ни есть свецкое, а не божественное.

Егда же будеши кого допрашивати, не моги того писать, чего вопрошаемый не говорит; но что он говорит, худо или добро, то и пиши. Бойся ты суда Божия: велми за сие постраждеши, аще не правду будеши писати. Бойся неправды паче огня, дабы и на тебе не исполнилось слово Божие, реченное чрез пророка Исаию, сицевое: вси бо глаголют неправду, и суда праваго несть; яица аспидова разбиша, и постав паучинный[379] ткут, и хощут от яиц тех ясти; [и рече] егда разбиют яица, обрящут в них [лютаго] василиска[380], и поставом паучинным одеятися не возмогут, понеже их делеса беззаконий (Исаия., гл. 59, стих 5–6). И на сие зря, ты, сыне мой, смотри в делах своих прилежно, дабы неправды в них не было, чтобы лютый василиск в делах твоих не возгнездилъся и тебя бы вечною смертию не умертвил. Василиск бо не токмо угрызением, но и зрением убивает человеки до смерти. Такожде и паучиннаго постава не тки, за еже непрочен ти будет, но тки постав из самаго лна чистаго, которой мялицами мят, палицами бит и гребницами изчесан, и кая была в нем непотребность, вся изтресена. Тако и ты дела своя всякие десятерицею осмотри, дабы в них ни малые костери, то есть, неправости не было; и аще прилежно врученная ти дела будеши разсмотряти, то и ткание твое, то есть, дела твоя, не уподобятся паучинной сети. И паки той же святый пророк Исаиа глаголет: горе пишущим неправду (Исаия., глава 10, стих 1). И сего ради ты, сыне мой, велми, велми бойся, дабы тебе не написать каковыя либо неправды, или что лукавое написати; понеже пророк святый не от себя таковый глагол изнес, но Дух Святый чрез его уста вещает, яко лукавая и неправая пишущим — горе. Господа ради, опасно себя стереги, дабы и безхитростно неправды или лукавъства какова не написати, или бы товарыщи твои под твоим раментом[381] чего бы таковаго не зделали.

И аще судья даст тебе дело какое высмотрить и подписать, кто чем прав и кто чем виноват, то ты, взяв то дело, упразднись от всяких дел, и отойди в особое место, дабы тебе никто ничем не прешкодил[382], и читай ево с самым опасным вниманием, дабы тебе

выразуметь самую в том деле правду и выписать бы тебе на особую хартийцу самую есенцию того дела. А в подлинном деле, на краишках поль, противо причинных всех речей ставь численные слова, цыфирные или и азбучные; и на выметку те причинные речи выметав, приписывай те же численные слова противо всякия речи, кои написаны у тебя будут в подлинном деле. И выметав все те речи, сличи противо всех отметок, и сицевым образом удобее познать можеши, чья правда и чья неправда. А буде тебе не велми вънятно явитца, то ты в другой ряд прочти, или и вътретьи, дабы тебе внятно и памятно было; и буде найдеши еще причинную речь к вине, или к правости, то такожде на поле отметь, и в выметке своей противо прежняго же порядку отметь, и въпиши в тужь выметку[383]. И тако в тонкость то дело изследя, и из тоя выметки выняв самую силу правости, самую же силу и винности, подпиши имянно, с ясною очисткою: кто почему прав и кто почему виноват. И аще из судей, или и иной кто будет тебе спорить, то ты, по тем отметкам, всю правду можеши изъяснити. А в приговоре так бойся неправды, чтобы ее и следу тут не было, понеже Бог суд Свой вручил Царю, а Царь судьям, а судьи вручили тебе. И естьли ты поползнешися ко взятку, или и безо взятьку, да станешь виноватово поправливати, а праваго привинивати, то ты судей очистиши и весь тот грех падет на тебя; ты в нем постраждеши и на оном свете горши всех мучен будеши. Господа ради Всевидящаго, бежи от неправды. Аще бо подпишеши неправо, а судья разсмотрит, что ты подписал неправо, то и здешняго суда бойся, а на оной суд Божий нелицеприятный готовься. А и от здешнаго судьи за неправое подписание наказан будеши доволно, аще и нехитростно подписал; а аще же да явитъца подписка твоя хитростная, то и на сем свете смерти не убежиши, а на оном свете и вечне страдати имаши.

Буде же будеши ты, сыне мой, у какого либо росхода, то сам себя береги. Без росписки никому ничего не давай, а и росписак на орлыках отнюд не примай, потому что и сам не узнаеши, когда ее потерявши. А буде кого о росписке понудить не можно, за особность[384] лица, то ты запиши имянно, коего числа взял, и на какую потребу, и при ком взял. А к иному дни отнюд росписки и записки не отлагай, но всякую дачу первое запиши в книгу и, под запискою егда роспишется, тогда давай. И тако творя, в росходе своем не изтеряешися, потому аще, повидитца тебе, и памятно памятуеши,

и якобы и забыть немочно, ажно[385] захватят иные дела суетливые, и час за час, а потом день за день замедляется, и тако ис памяти твоея выдет. А кто взял без росписки, последи уже не понудит тебя, ниже припамятует, еже бы ти записать, или ему росписатися в том взятье. А аще же он, не взяв денег, роспишется, а какое дело нужное захватит тя и выдать в тот час ему не успееши: то тот, кто роспишется, не забудет, но и десятья[386] попамятует ти, что денги ему не выданы. А буде же денги или и иное что давать, напредь не записав, а записывати будешь после, то так весь истеряешися и в грех клятвенной въпадеша, потому что, в суетливом деле, иную дачу пропустишь, а иную дважды напишешь, и в том будет спор да беда, да клятва между вами. А естьли же предел себе положиши неподвижный, еже ни великия, ни малыя дачи, не записав, давать не будешь, то ни греха, ни убытку ти и малаго не будет. Ни от чего бо так росходчики не разоряются, что от незаписных дачь. А и денги, кои ты сам примеши, то сам и раздавай; а которые денги товарыщи твои или щетчики принимали, то те денги они и да отдают. Многие бо подъячие страждут, а наипаче жены и дети их от прочотов разоряются. И начоты на росходчиков ни от чего так не чинятся, что от незаписных дачь и безросписачных.

Ты, сыне мой, памятно памятуй вся моя ти наказания. То себе и смотри, чтобы в чем пред Богом не согрешити, и пред человеки лжи бы какой не явити; и в делах своих опасно ся храни, дабы ти тщеты какой не нажить своею какою простотою. Во всех своих делах буди бодр и памятлив, и во всяком деле заживай себе имя доброе, и во испущенном из уст твоих слове ни малаго порока не наводи на себя. И аще во всяком деле будеши совершенную правду делати, то ты и на сем свете блажен будеши, а на оном свете вечных благ наследник явишися.

3. ***О судействе***. Аще же, сыне мой, будеши судиею, то тамо паче угодити Богу можеши, неже во ином каком мирском пребывании. Аще праведный суд будеши имети: обидимых от обид их будеши изимати и миловати их, обидников же отторгати от них и немилостиво наказовати, и во всяком деле росправу праведную и правдивую имети, и таковое твое управление паче поста и молитвы тебе заслужит. Аз же, для примеру, предлагаю ти малые статьи, по своему ми мнению; ты же у Бога неумолчно проси, дабы даровал тебе здравое разсуждение во всяком твоем правлении. И к тому судей-

кому правлению всю свою мысль приложи, и ни о доме своем, ни о вотчинах, ни о жене, ни о детях своих такова попечения не имей, яко о управлении судейском, како бы тебе людей Божиих разсудити в правду. И аще и в церковь святую внидеши, то и тамо иного ничего не помышляй, точию о правосудии, како бы тебе без погрешения разсудити люди Божия в правду, и у Бога ни о чесом не моли тако, яко о правосудии. Мое ти приказание такое, что не токмо о чом тебе житейском пещися, но и самого себя всего презри. Токмо едино твое помышление и попечение да будет о разсуждении правды с неправдою: то тебе пост, то и молитва, еже право и нелицеприятно судити.

И на кийждо день, по окончании утренняго правила, очи свои возведи телесныя ко образу Спасителеву, а душевныя возведи на небо, пред Самого Бога, и рцы языком своим и умом: «Господи, отверзи ми ум, да возмогу поне и от малыя частицы разумети в делах правость и неправость человеков прящихся. Аще бо и грешен есмь, обаче желаю, како бы ми разсудити правостно[387]; токмо Ты, Трисвятый Боже, не остави мя в деле сем и посли ми помощь Свою святую! Не мое было сие дело, еже судити ми люди Твоя, но дело сие благородных людей и высокоразумных, кии в делах сицевых искусны; обаче Ты мя не остави: уже убо егда вручил ми еси сие такое великое дело, то Ты, Боже, и управи е. Кто есмь аз? токмо червь, а не человек, и поношение человеческое, и аще Ты, Боже мой, не послеши ми святыя Твоея Божественныя помощи, то что я могу сотворити? токмо поношение вечное. И сего ради всю свою надежду на Тя, Господа Бога моего, возлагаю и припадая молю: помилуй мя и посли ми святую Свою помощь, како ми правду с неправдою разсудити! И аще и от малыя частицы даси ми правду с неправдою познавати, потщуся труд, елико возмогу, полагати; за Твое же такое великое дарование должен во вся дни живота моего хвалити и благодарити Тя, Бога моего!»

И аще во церкви отправляют литургию, или вечерню, или утреннюю, или и иное какое действо, неумолчно на всяком действии у Господа Бога проси, дабы тебя Он не оставил в правлении твоем, и еже бы ти виновнаго не оправдити, а праваго не обвинити. О ином же ни о чесом не проси тако, яко о управлении дел приказных. И аще и остр будеши к разсуждению, обаче не надейся на свою остроту, но непрестанно Бога моли, дабы Он не оставил тебя в прав-

лении твоем, то аще и туп будеши к разсуждению, обаче, за всеусердное твое моление, въразумит тя Бог тако, еже и мудрый тако разсудити не возможет. И аще поемен[388] или непоемен к разсуждению будеши, единаче, путем идучи, и стоя, и седя, ни о чесом ином не размышляй, токмо о управлении правостном, како бы ти прямо разсудити.

Егда же въпидеши в концелярию свою, то, став пред образом Божиим, рцы: «Боже Человеколюбче, не остави мене в правлении моем, но управи дела моя, якоже Ты, Боже мой, веси!» И егда телесныма своима очима на образ Спасителя нашего зриши, тогда, умные свои очи возвед на небо к Самому Богу, глаголи тая словеса, их же выше ти рех, и сотворив святому образу три поклоны, сяди на уготованное ти место, с возложением на ся крестнаго воображения, с богомыслием. И седе на место, в начале всех дел, повели пред себя всех колодников новоприведеных, кои без тебя приведены, поставить. И коегождо их сам спрашивай, за какую вину приведен, и что его дело, и кто челобитчик; и спрашивай в тонкость, тихим глаголом. И аще присмотриши в тех разглагольствах какую винность[389], или правость, вели, для памяти, потребные речи записать, и ту записку держи у себя, и разъсмотря, кои дела невелики, тут и решение им учини.

А коих того дни решить не можно, тех прикажи на поруки и на росписки свободить; а в концелярии отнюд в исцовых делах колодников не держи, но токмо в царственных. И коих свободиши на поруки, прикажи им являтца не по вся дни, но, по делам их смотря, поставь сроки, в коем кому явитися, и потщися, чтобы к тем срокам тыи их дела тебе разсмотрити и вершити, чтобы тем людям излишние волокиты не было. А аще же коего дела к тому нареченному сроку управить не успееши, то ты, омысляся, паки срок положи, чтобы им не по вся дни волочитися.

Аще же кто тебе подаст, в какой обиде, или в чесом ни есть, на какова человека, под судом твоим сущаго, и ты, приняв, заметь ее, а к записки не отдавай; а и подьячим в стол не отдавай же, но первое сам разсмотри ее в тонкость. И аще признаешь правость челобитчикову, или признаеши нападок ево, или и ничего не признаеши, обаче возми того челобитчика в особую кантору, и спроси ево сам, глаголя сице: «Друже, подал ты на онаго человека челобитную; правдою ли ты на него бьешь челом?». И аще он речет: «самою

правдою», и ты ему рцы: «Господа ради, сам себя осмотри хорошенко, чтобы тебе не въпасть в убыток; паче же убытка, в грех не въпади, дабы тебе во втором пришествии Христове праведным Его судом осуждену не быть. Мы судим овогда право, овогда же и неправо, понеже мы не сердцеведцы. А тамо не нашь гнюсной суд будет, но самый истинный, правый суд будет, иже не утаитъца от него и самая малая чертица[390], яко винности, тако и правости, понеже Сам Сердцеведец судити будет. Святый апостол Павел глаголет, яко страшно есть въпасти в руце Бога жива (Евр., глава 10, ст. 31). И сего ради ты, друже мой, в себе помысли, дабы тебе не въпасти в Божей суд. Велми бойся суда Божия, понеже Бог ни на каковые лица не смотрит, но на самое дело смотрит. И аще ты сего человека изубытчишь напрасно, и на нашем суде аще и прав будеши, а тамо оправдание наше будет тебе в болшую неправду и в горшее осуждение, аще напрасно его изубытчиши: а и нас на грех приведеши. А аще же ты перед ним чем винен, или должен еси, а надеючись на свою мочь потолочишь[391] ево, то уже самое горшее осуждение приимеши, и аще тогда и каятися будеши, да уже не поможеши. И того ради ныне осмотрись, дабы тебе в вечную погибель не вринутися. Кто перед Богом не грешен, и кто перед Царем не винен? Такожде и между собою, другу з другом, како бы о чом не розмолвитися? Господа ради, не входи в болшую съсору, и ево в болшой убыток не въводи. Естьли ты и прав будеши, то не без убытку тебе будет; а естьли же да неправ будеши, то ево изубытчишь, а себя в великую напасть въвалишь, понеже все убытки, что он ни скажет, безсрочно доправлю на тебе, да в казну заплатишь пошлины, а приказным людям дашь за работу. Пойди себе, и з добрыми людми подумай, и как ни есть, хотя на себя поступя, а лучши помирись». А челобитную ево сам заметь, и положи ее у себя, дондеже он о миру договор учинит.

А буде ответчик случитъся в приказе, — или и нарочно вели сыскать, — то возми его перед себя, и такожде на словах его поросспроси, чем он ему виновен? И спроси его за верою, чтобы он тебе сказал всю правду, как у них было и за что стало. И буде он тебе повинитца, то ты ту ево вину запиши для памяти у себя; а буде за твоим притужанием запретца и с клятвою скажет, что он ни знает, ни ведает, напал на него челобитчик напрасно, — и ты такожде, что он скажет, запиши. И всячески поводи ево на словах, как тебя Бог вразумит; и аще умно с ним будеши разговаривати, то можешь

признати, правду ли он тебе сперва сказал, или неправду. И буде признаешь в нем вину, то понудь его великим принуждением, чтобы он помирился. А буде же признаеши ответчикову правду, то истца понудь великим притуженением к миру, чтобы ни ево, ни себя не убытчил, и вражду свою порвали бы без допросов, чтобы им в том убытку и разоренья напраснаго не было. А буде же истец, или и ответчик, гордостно будет говорить и на мир итъти не похочет, и ты ему скажи: «Друже, добро то, буде ты прав будеши, то и убытки твои все на нем доправлю и отдам тебе; а буде же явишися винен, то ты тогда ни малыя милости от меня не жди. Однако же, аще ты и весма прав, а пойди и с добрыми людми подумай. И как ни есть, а лучши без болших убытков помиритца, потому что и худой мир лучши добрые брани; и живите себе попрежнему в любви. Видаешь ли ты, что идеже любовь, тут и Бог?».

И дай им сроку дни на три. И аще во всем помирятся, то пришли бы они оба перед тебя, и изъявили бы, еже помирились. И ты, востав, воздай Богу благодарение, глаголя: «слава Тебе, Господи, слава Тебе, яко сподобил мя еси сиих суперников в мир пришедших видети»; и святому Спасителеву образу сотвори три поклоны. И вели мир их записать в книгу, на то устроенную, и записывать вели имянно, кто был челобитчик, и кто ответчик, и в чем у них то дело было. И прикажи с них по указу мировые денги взять, как о том определено будет. И егда мир их в книгу записан будет, и мировые пошлины взяты и в приход записаны, и придут пред тебя, то вели им обоим к мировой записки руки приложить, и тот мир закрепи своею рукою; а челобитную, подрав, отдай челобитчику, понеже челобитье его будет записано в книгу, за ево челобитчиковою рукою. И отпуская их, рцы им: «Бог мира да будет с вами, идита в мире, и въпредь живите хорошенко! И буде кто кому и досадить чем, и вы призовите кого с стороны, и разводитесь домашним судом, а не приказным. Диаволу в себе вогнеждатися не допускайте, и егда съсора какая учинитца, долго не тяните ее, но днем или другим и порывайте ю, дабы враг, ненавидяй в мирности живущих, не радовался».

А аще же в мир не пойдут, то вели их допросить перед собою, и кто чем станет уличать, внемли, и на словах всячески поводи их. А того, сыне мой, Господа ради Всемогущаго и Всевидящаго, не моги учинить, чтобы тебе с кого взять какой взяток[392], и винному в суде помогати, а на праваго посягати. И аще и не ради взятки

какой, но токмо един тебе случится знакомец, а другой незнаемый, или един тебе и друг, а другой враг, обаче на суде поведи самую правду, без всякого посягателства и без поноровки. Во время допроса обоих на словах поводи, с тонкостным вопрошением, и на самом умном вопрошении можеши познать, чья правда и чья неправда. И буде из них один силен, и богат, и честен, и словесен, а другой беден, или и небеден, да безсловесен, к тому же аще и малосмыслен, то ты не устыдись силнаго лица. Аще во убогом, или и неубогом безсловесном истце, или ответчике, усмотришь правость, а тот ябедничеством своим не даст ему в словах выправитца, то всячески, ради любве Божия, помози бедному, не даждь его силному сопернику изобидети. Понеже суд имянуется Божий, то тако и чини, чтобы суд твой подобен был суду Божию, нелицеприятный, и чтобы истец и ответчик сами были, а не наемные ябедники[393]. Ябедников наемных ни в допросы, ни в очные ставки отнюд не допускай, понеже они, ябедническим многословием, и самую правду заминают и так ухищренно забивают, что и судьям трудно разобрать и правда познать.

И егда в допросе или на очной ставке будут истец и ответчик стояти, при себе держи тое записку, которая записана у тебя в канторе в первых их разговорех, и прилежно смотри, не будет ли кой истец, или ответчик, с первыми своими словами разбиватца. И буде кой станет иное говорить, изменно первым словам, то приложи своего истязания во изменных речах и всячески, как тебя Бог вразумит, дощупывайся самые силы во прении их. И аще безсловеснаго явятца слова сходны с первыми, и естьли признаеши в нем правду, то всячески помози ему и не дай обидящему напрасно малосмысленнаго изобидети. Аще ты и судья, а за обидимаго буди стряпчим, обиднику же буди судиею жестоким и немилостивым. Так здраво и нелицеприятно суди, что аще и самый кровный твой сродник будет у тебя на суде, не пощади его, аще с неправдою приидет, но самою истинною суди, чтобы твой суд и на том свете ненарушим был. Так пилно смотри правды и неправды, чтобы и Сам Бог не нашол в твоем суде неправости какой, и суда твоего не токмо иной судья мог пересудити, но чтобы и Богу пересуживати твоего суда не надлежало. Аще бо в суде и малую обиду правому учиниши, то всю ту обиду, юже ты по пристрастию каковому учиниши, взыщет Бог на тебе десятерицею, или и вящши.

И у коих суперников учинитъца какая съсылка, аще общая, аще и необщая, то, паче судной записки, прилежно и разсмотрително надлежит в них поискать прямые правды, понеже ни в чем так, что в свидетелстве, лгут. И того ради первое, по обыкновению приказному, взять подъячим у них сказки за руками; и чтобы подъячие ничем их не розбивали, дали бы им волю, что они ни скажут, добро или худо, сходно или и несходно, и чтобы к тем допросным речам приложили они руки; а дьяк бы, или и сам ты, того же часу и закрепи те скаски, дабы последи не перемолвили и не переменили бы. А и всякие допросы закрепляли бы дьяки того же часу, егда кто допрошон будет, и того ради, ни в каких делех подъячие без судей не допрашивали бы. А после записки допросные, день-другой спустя, или и болши, прикажи им явитъца, и в то время возми их допросные сказки и просмотри, как они сказали: с исцовыми ли словами, или с ответчиковыми сходно. И егда все они сойдутся, вели всех их розвести розно. И одного из них позвав в кантору, пред образ Божий поставь и рцы ему:

«Ты, друг мой третей, скажи мне ты так, как тебе на втором пришествии Христове стать. Не моги ты ни единаго словесе ложнаго сказать, потому что стал ты быть свидетелем верным; кого ты оправишь, тот будет и прав, а кого обвинишь, тот и винен будет. И того ради убойся ты Бога, не моги ни малаго слова прибавить или убавить: как что было, так и сказывай. Я тебе не обинуясь сказываю, что естьли ты солжешь, и скажеши по дружбе, или изо мзды какой, или по досаде посягнешь на кого, то, кто на тебя слался, виновен будет платежом, а тебе, за неправое твое свидетелство, по положенному великаго Государя указу, отсекут голову, а пожитки твои все взяты будут на Государя, и жена твоя и дети твои меж двор будут скитатца. И того ради сам ты себя и детей своих побереги. Буде ты подьячему сказал ложно, то теперь мне скажи самую истинну, как ты видел или слышел, скажи имянно». И аще повинитца перед тобою, и ты ево побереги: первую ево сказку оставь и гораздо ево словесно накажи, чтобы он въпредь так не делал; от наказания же его свободи, за ево правое повиновение. Обаче в книгу вели записать, что он сказал было неправду, а покаелся пред судьею, и того ради от наказания свобожен. И кто о каком деле ни принесет повинную, вели на такие дела учинить книгу особую, и всякие повинные писать в тое книгу, для того, что естьли кто, повинную

принесши, паки в том же деле явитъся, хотя в десять лет, и аще впредь в такой же лжи явитца, то, аще и повинную принесет, чинить ему указ, каков о таких делех состоится. А буде же перед тобою и [illegible]торе не повинитца, а в словах своих станет поминатца, то ты наипаче напри на него, и всякими образы роспрашивай ево в тонкость. И спроси ево имянно: давно ли то было, и товарыщи ево, кои написаны в съсылке, все ли тут были, и преже ли тебя они пришли, или после, и как то дело у них началось, и как кончилось, и о коем часе дня или нощи то дело было, и в какой хоромине, или на дворе, и буде в хор(о)мах, то в каковом месте, за столом ли, или где в ыном месте, и сидя или стоя, и на дворе в то время каково было, ведрено или ненасливо, и после того случая как розошлись? И, как тебя в той час Дух Святый научит, роспрашивай в самую дробь[394], паче сего ти моего предложения, и все те дробные речи вели записывать имянно, что он ни скажет.

А последи вели другово свидетеля привесть, и слово в слово таким же поведением распрашивай. И у того роспросу никто бы посторонней человек не был, но токмо товарыщь твой, да подьячей, кой записывает, да фискал. И к той каморочной записке вели ему руку приложить; а буде грамоте не умеет, то ручника[395] не вели приводить, чтобы выносу не было, но ты закрепи, да фискал. И вели его отвесть в особое место, чтобы с протчими своими товарыщи никакова слова не промолвил; а буде же каким образом промолвит с своими товарыщи, то уже надлежит роспросить его и с пристрастием[396], в застенке, каковыя ради вины товарыщам голос подал? И потом вели другово к себе привести, и таковым же образом в тонкость же роспроси, и роспрося, в особое же место вели отвести, чтобы он ни с кем никакова слова не промолвил, дондеже все они допрошены будут. И по такому тонкостному допросу и сам ты увидишь прямую правду, и буде кои свидетели нарядным делом будут свидетелствовати, то на сицевом тонкостном и хитром допросе никоими делы утаитися не возмогут, но вси, колико их ни будет, разгласятся, яко же и при Данииле пророце, иже два старца свидетелствовали на неповинную Сусанну и за неправое свидетелство смерти предани (Даниил, глава 13, стих. 51–62).

А буде же случится в свидетелстве токмо один третей[397], то также вели ево допросить, по обыкновению подъячему. И егда от иных нужных дел упразднишися, — а наипаче для сицевых допросов

приежжай по обеде, и тогда тебе никто роспрашивать их не помешает, — и в то время, по обеде, челобитчиков не вели пускать; но токмо управляйся з допросами и с прежними делами, кои к вершению приходят. И приходили бы те исцы и ответчики и третие, коим когда присрочено будет. А допросные сказки, кои подьячие допросят в столе, чтобы ни четверти часа у себя не держали, относили бы к закрепе; а закрепя, к подьячим в столы уже не отдавать, донележе канторные допросы кончаться. И по обеде, въшед в концелярию, вели к себе в кантору привести того одинокова свидетеля и роспроси ево таким же тонкостным порядком, яко же выше рех, или и вящши того, как тебя на той час Бог вразумит. И того свидетеля выслав в особое место, вели привести пред себя исца или ответчика, коему тот свидетель на оправдание сказал, и роспроси ево имянно, противо вышеявленнаго же порядка, без уятия тонкостных вопрошений; но еще и приложи тонкостей, дабы тебе и за одним свидетелем правду и неправду сыскать. И спроси ево о свидетеле: прежде ли суперника ево пришол к нему, или после, и, пришод, в коем месте он стоял или сидел, и от него вместе ли с суперником пошол, или прежде, или после? И на сицевом роспросе, кто бы каков хитр ни был, а неправды своея скрыть не возможет, но вся правда и неправда обнажиться. А потом вели привести пред себя того, кого винят, и объяви ему, что свидетель сказал; и буде он, видя себе обличение, повинитца, то и конец делу.

А буде же не повиниться и скажет с клятвою, что свидетель на него свидетелствует неправо, и ты, изыскивая правды, и ево спроси тонкостно[398] же, как они случились с суперником, чтобы сказал весь порядок началу и концу, без прибавки и без убавки, но как что было, и прежде ли ево пришол, или после, и пошол от них прежде, или после, или въместе? И буде есть чем ему того лжесвидетеля обличить, то вели ему без всякаго сумнения уличать. И буде он прямо уличит, или ты, на тонкостном своем роспросе, розобьешь ево и неправда ево означится, то ты, оставя все дело, примись за свидетеля, и спроси его в застенке: иным кому такожде не лжесвидетелствовал ли прежде того? И буде первое ево то лжесвидетелство, и поставился свидетелем по прозбе, а не изо мзды, то, мнитца мне, мочно ему, въместо смерти, и живот дать, толко наказать бы ево с великим страхованием и положить на нем знак, что он лжесвидетелем был, и чтобы и до старости все могли знать, что он лжесви-

детель, и никто бы ему ни в чем не верил. А буде один придет свидетель, без суперников, то в канторной роспрос не бери ево, но, всех соглася, допрашивай по вышеписанному ти предложению; и спрашивай их не слагая им, но прети судом Божиим, и царским наказанием, и казнением смертным. И егда уже свидетелей, и исца с ответчиком, в тонкость роспросишь, и правду их разсмотришь, и буде которой истец, или ответчик, или свидетель повиниться тебе в канторе, то над ним всячески потщись милосердие свое показать. А кои винности своея тебе не принесут, а в словах своих размолвились, и тех всех отправь в застенок и роспрашивай их с великим пристрастием, дабы они размолвку свою очистили: чево ради в словах неправо сказали? И аще в застенке винность их сыщетца, еже они свидетелствовали ложно, то доложи Государя: на смерть ли их осудить, или, наказав, дать их всему свету на поругание, аще, въместо смерти, на лице и на руках обеих, наколов иглицами, еже он лжесвидетель, и натереть сажею или порохом, дабы во вся свои дни был всем явен, что он свидетель? И ни х каким делам его не избирати, и кто ево избранит или и зашибет, суда не давать, понеже такой ему живот дан въместо смерти; а буде кого он зашибет, хотя самаго последняго человека, то его бы кнутом высечь; а буде кого изувечит, или что украдет, или в каком ни есть воровстве явится, то, аще пункта на такое дело дано тебе не будет, то доложи Государя, или сенатов[399]: что тебе повелят учинить, то и чини. И на таковое жестокое наказание зря, въпредь лжесвидетелствовать отнюд не будут.

О сем же молением молю тя: Господа ради, буди у дела своего люботруден. Дела всякия, не токмо Государевы, но и челобитчиковых, отнюд не волочи. Так тщися, чтобы тебе малыя дела обыденно[400] вершить; а буде за чем не мочно одним днем вершить, то болши бы трех дней челобитчик в малом деле не волочилъся; а и болшие дела болши бы месяца отнюд не волочились. И того ради зделай ты в концелярии своей две таблицы, одну малым делам, а другую болшим делам; и которое дело коего числа начнется, в том числе вели и записать, а когда кое дело вершитца, то в том числе и записать. И вшед в концелярию, на кийждо день, по вышеписанному, по росписи колодников всех пересмотри, и, пересмотря их, возми те таблицы и просмотри их, не затянулось ли какое невершеное дело? И того не моги учинить, чтобы тебе, быв в концелярии, дел каких не верша вытить. И по малой, и по болшой таблице тщися

очищать задние дела, чтобы они в забвении не были и въдаль бы не затянулись.

А паче, всяких исцов и ответчиков приводи всякими образы в мир. Не радуйся пошлинам: пошлинами казны государевы не наполнишии. Но аще восхощеши великому Государю порадеть и инътерес его царственной умножить, то ты о миру паче суда прилежно подвизайся, понеже от тяжбы истец и ответчик разоряются, а в миру живучи всячески сами будут в полности, и Государю прибыли от них болши сойдется. Потому, купецкой человек с торгу своего болши приказных пошлин прибыли принесет, а мастеровой болши сработает; а в приказной тяжбе и болшой волоките всех своих пожитков лишаются. И ты, сыне мой, коих людей в мир привести не можешь, то их докуки не дожидайся, но верши их и болшое дело в месяц, а малые, аще не захватят нужные дела, то верши их дня в три, или в четыре.

И учини себе книжицу карманную, и записывай в нее всякая свои вершенья повседневно, переченком; записывай же в нее и мировое вершенье, дабы тебе знать вся своя дела, колико в мир привел, и колико приказным порядком вершил; и по той записке явно тебе будет, колико и пошлин с тех вершеней взято будет. А в приказе учини две книги: мировым вершеньям особую, а приказным вершениям особую же; и вели в приказные книги записывать пространнее, кто чего искал, и кто из них обвинен, и почему обвинен; и ту записку закрепляй ты своею рукою. А другую себе карманную книжку учини памятную, и записывай в нее, какие указы за чем куды пошлешь; тут же записывай вся своя повеления: кому что прикажеши зделать, и х коему числу, или что и иное прикажешь, или слово кое кому дашь, чтобы тебе во лжи не быть. Тамо же записывай и сроки: кому в коем числе к ответу, или к свидетелству быть, и в коем часу, до обеда или по обеде, чтобы людям Божьим излишние волокиты не было и тебе бы в слове своем постоянну быть. И в сию книжицу, по утру въстав, правило отправив, просмотри, что нет ли каково сроку или дела, к тому дню пасомаго? Вошед же в концелярию паки просмотри, по обеде вътретьи посмотри, и тако творя, в слове своем никогда не погрешиши, кроме Божия или царевы воли. И егда тако обыкнеши, то и легко тебе будет. А ныне многие судьи, еже аще и ясно что прикажет, а последи от повеления своего отпираются, и в том порок на себя наводят немалой, и на душу свою грех наносят, а людям пакость чинят великую. А аще ты всякое свое

повеление будеши записывать, то никогда повеления своего не забудеши, и никто тебя ничем не оболжет, и слова дурного никогда на себя не наведеши, и товарыщи твои имянем твоим ничего, без твоего ведома, зделать не возмогут.

Буде же кои люди повинны будут смерти, не держи их не токмо лет пяти-шти, но ни месяца, и болшое, что неделю; и то ради покаяния, дабы в тыя дни постился и молился о оставлении грехов своих. А буде кои люди явятся богохульцы, иже Тела Христова и Крове Его не приемлют, скверня е, и нарицают ту пресвятую святыню мерзостью, то тем не надлежит сроку давать ни на сутъки; но, из застенка вывед, немедля, того же часа и на виселицу, или на главоусечение, или на сожжение, како о том указ будет повелевати. Понеже таковых Сам Бог, еще при Моисеи, повелел предавати смерти. А буде станет он проситца на покаяние, не верь ему: несть ему покаяния. И аще даси ему от смерти отраду, то ты сам за него пostраждеши, понеже он, избыв от смерти, горши перваго будет разврат в вере чинити, прочия же его клеврети будут его исповедником нарицати. И аще совратит в вечную погибель и десять душь, то ты чем их искупишь? А я вем, что он многие сты душь погубит. То ты веждь, сыне, яко всех тех погибших душь взыщет Бог на тебе, аще ты собою его свободиши. А аще ту ему свободу учинит вышшей твой товарыщь, или санатыри, то на них Бог и взыщет, токмо ты не приобщайся его свободе; обаче, елико можеши, спорь.

А аще же мирскаго и духовнаго чина наступят на тебя, чтобы ты дал ему свободу, и ты иглицами на челе его и на руках назначь, что он расколник, и собери поручную запись по нем крепкую, з добрыми поруки. А в записи напиши имянно, что ему людей Божих из благочестивые веры во свои расколничьи погибелные веры не приводить, но и старых своих товарыщей на свет истиннаго благоверия изводити; и еликих увещает, приводил бы к тебе на объявку к записке. И ты, прияв их, на словах всячески поискуси. Вели ему проговорить Символ веры, или заставь ево при себе павечерницу прочитать, пред образом стоя: то тамо увидишь и услышишь, как он станет читати и персты свои к воображению слагати. И кого ни есть и с стороны подошли под него, чтобы его поискусили на словах. И буде явитца ложное того исповедание, то ты новопросвещеннаго того лестца прими за каравул, и в застенке пытай ево накрепко: тот, кой ево привел, прямо ль принуждал ко благочестивой вере, юже святая

Церковь содержит, или для обману какова привел? И буде явитца, что приведен лестию, то уже непочто его много спрашивать; только поспросить ево товарыщей, кои учителми ходят и в раскол приводят, и где они живут? И дни два или три погодив, паки их попытать крепчае, чтобы истинну сказали. А потом предать их обеих огню, а буде кости их останутца, то, разбив их, паки изжечь, чтобы в пепел претворились; и тот пепел в помет человечь въмесить, или в непроходимое болото разъвеять, чтобы ученикам их собрать и во святыя мощи причести им было невозможно. А кои по нем ручались, учинить им жестокое наказание, как о том пункты предложены будут, и страфование учинить им великое.

О сем ты, сыне мой, не сумняйся, еже злых злых погублять: тако бо от Господа повелено (Матф., глава 21, стих 41), а не от себя я сие глаголю. И совершенныя богохулцы никогда на совершенное покаяние обратитися не могут, понеже от таковых благодать Божия отъемлется и владеет ими диавол. Того бо ради Сам Господь ясно нам изъявил, глаголя, яко всякой грех, иже творят человецы, отпустится, а иже восхулит на Духа Святаго [то есть, на действо Духа Святаго], и той грех ни в сей век, ни в будущий не отпустится (Матф., глава 12, стих 31; Марк, глава 3, стих 29). И, по сему Господню словеси, нечего нам много толковати и паче Бога мудритися. Паки Господь рек, яко древо злое не может плода добра сотворити (Матф., глава 7, стих 18); и, по сему Господню словеси, како злой человек и богопротивный может в добраго претворитися? И того ради никаким их молбам не верить, и буде кой богохулец в застенке первом не повинитца, то, дни два-три погодив, паки его крепчае попытать, спросить о товарыщах и о учениках ево. И коих скажет, вели записать имянно, а его долго не держи, но, как тебе указано будет, верши немедля. А тех, кого он оговорил, вели сыскать и, буде грамоте умеет, вели павечерницу прочитать, то тут услышишь, как он будет говорить Символ, и как аллилуию, и как будет персты слагати к воображению на себе крестънаго знамения; то тут можеши познать, прямой ли он расколник, или ни так ни сяк. И кой явитца под сумнением, а не всесовершенной расколник, то того, понаказав и словесно, мочно без жестокаго наказания отпустить, а въместо поруки на обеих руках положить знаки иглицами, что он расколник; и буде паки явитца в расколе, то уже без всякаго милосердия надлежит его предать смерти.

А разбойники и протчие воры, по моему мнению, болши трех застенков не пытать; и кого он с трех застенков оговорит, тех вели записать, а ево немедля вершить. И тако творя, ворам страшен будешь, и воровать будет неповадно. И на коих людей с первых и последних пытак говорил, а при самой смерти, приведши к плахе, или к виселице, паки надлежит приступить к нему отцу ево духовному спросить у него, глаголя: «Теперь ты, чадо, идешь на тот свет. Господа ради, очисти свою душу! О своих грехах покаяние ты Богу и Царю принес, скажи же ты ныне истинну, как тебе перед Христом стать, прямо ль ты говорил на того и на того, не поклепал ли кого напрасно? Господа ради, очисть свою душу, чтобы тебе на том свету за неправедной оговор муки вечныя не приятий». И аще что при кончине своей и изменит, убавит что, или прибавит, вели записывать все ево слова, записать имянно, что он при смерти своей и при отце своем духовном сказал; а его, не отлагая, верши.

Еще же ти совет мой буди: егда приведут какова вора или разбойника, надлежащего к розыску, а у тебя излучатся прежние воры невершены, то отнюд новоприводных воров не вели сажать к прежним ворам, но посади их в особое место, и ни на мал час не вели их спускать, чтобы им меж собою говорить что. Нет тово хуже, что сажают воров новоприведеных к старым ворам: естьли новоприводные воры да свидятца с старыми, то уже правды не сыщеши. Буде же похочеши послать по оговорных людей, по домовых, кои своими дворами живут, то их забрав, вели соседей всех, не то что тое деревни, в коей он живет, ведают ли за ним воровство? И вели им так сказать, что естьли они прикроют, а после явитца, что он ведомой вор, то всем надлежит сказать смертная казнь; а буде объявят, что он на разбои ездит, то им никакой тщеты не чинить. И взяв ево, и в околних деревнях для подлиннаго свидетелства спросить; и буде скажут и те, что он вор, то по трем застенкам чинить ему указ, каков определен будет. А буде кои крестьяня, хотя не ради потачки, но бояся ево, назовут ево добрым человеком, а с пытки он скажет, что они про воровство ево ведали: то и тех надлежит наказать жестоко, дабы въпредь не таили воров [аще бо крестьяне ворам поноровки чинить не будут, то скоро всех их мочно перевести]. А буде же посланной твой посылщик поноровку какую ему учинит, то едва не достоин ли будет и он смерти. И когда какова вора ни приведут, в общую тюрму не вели их сажать; развее, осудя на смерть, для

покаяния на одну неделю посадить. И колко воров ни приведут, вели их держать порознь, за крепким караулом, и чтобы ни с какими колодники не спускали они речей своих, потому что всякие воры с приводу, оторопев, винятца и сказывают правду; а повидавшись с старыми ворами, уже правды не сказывают и первые свои речи спорят. И аз того не мало видел, что в роспросех сперва винились, а последи так закрепились, что и с пытки и с огня не винились. И такова ради неправаго порядка, многие всесовершенные воры оправлени бывают и на свободу отпускаются, и тыи воры, вышед на свободы, горши перваго своего воровства воруют.

Мне ся мнит тако: естьли бы приведеных воров, не дав им надуматца, после приказнаго роспросу, немедля и в застенак, хотя бы после обеда, толко бы надуматца не дать ему, то он оторопеет и скажет правдивее. А егда те новоприводные воры увидятся с прежними, кои до них пойманы, то уже никоими делы прямой правды не скажут. И аще кой вор первые свои речи изменит и, в чом винился, станет запиратца, то надлежит ево с великим пристрастием спросить, кто ево научил с себя зговаривати, и пытать жестоко, дабы он сказал, кто ево научил. И егда скажет, кто ево научил, то того надлежит смертелно пытать, без милосердия, чтобы он сказал то, чево ради он научил его зговаривать с себя и с товарыщей своих? И последи наказание ему, по моему мнению, надлежит чуть не смертное ли же. И о сем великаго Государя доложись, буде в пунктах написано не будет, чтобы воров не держать ни месяца: буде кои повинны смерти, то немедленно их и казнить, чтобы они даром хлеба не ели; а кои надлежат наказания, то тех из застенку да и к наказанию. И наказав, буде на свободу, или в ссылку, или на катаргу, то и великое, что дни два-три подержав, да и отсылай. В сием инътерес царственный тратитца напрасно, что колодники годы по два, и по три, и болши в тюрмах сидят. Первое дело, что хлеб едят даром; другое дело, что дни даром теряют, без работы и без промыслу; третие, что, свободясь, воры паче перваго воруют. А естьли бы указ такой состоялъся, еже бы в самых скорых числех всяких воров вершити, то воров гораздо будет менши, потому что кой вор ни попадет, въскресу уже ему не будет, и никакой вор не будет надеятися попрежнему на свободу; и такова ради порядку велми будет воровства менши. Скорая казнь велми всякому вору будет страшна, а в протяжной сидке[401] тово, сидя, и метит, как бы уйти на свободу и за старое свое воров-

...сию паки принятца. А буде же кой вор пойман ни был, тот бы и казнен был, то я не знаю, как им плодитися? Но мало-по-малу и все бы извелись. И буде кой вор не надлежит смертныя казни, то ех просто отнюд не свобожать, но, учиня ему достойное наказание, иглицами на руках и на лице класть клейма; и аще паки той явится в прежнем воровстве, то уже на свободу таковаго не пускать, но предавать ево смерти.

Я сего не могу знать, что то за честь судье, еже тюрму, и не одну, полны насажает воров? И не токмо тюрмы, но и в канцеляриях инъде насажено так много, что меж них и пройти не возможно. Но то бы судье самая честь, чтобы в тюрме ни одного не было. И по такому бы суду и тюрем строить было не для чего, и государеве бы казне в том истраты не было, но на тех местах иное бы было что построено.

По моему мнению, то бы добро было, чтоб не токмо колодников, но и челобитчиков в канцеляриях не много шаталось. Я не знаю, что и в сем красы: еже так в концеляриях челобитьчиков натиснетца, что и до судьи додратъца маломочному невозможно. Ты же, сыне мой, так учини, чтобы перед тобою, и болшое, что человек пять или шесть стояло. И коего отправишь, того и вон вышли, и в то место паки одъного жь вели пустить; а без дела бы перед тобою никто не стоял. Я не знаю, что то за разсудок, что судьи перед собою человек по сотнице место стоящих в приказех имеют и, ис такова множества, едва человеков и дву-трех отправят? А иное бывает то, что ни одного дела не зделав, да и вон пойдут: как вошли, так и вон выдут. Ты же, сыне мой, так предел себе положи, чтобы тебе, вошед в концелярию, без дела никогда бы тебе не быть, или бы тебе, посидя, да дела никакова не зделав, вон пойтить. Буде захватит тебя дело трудное, что въскоре разобрать не можешь, и ты, ево послушав, отложи до иного часу, да возми кое дело полегче, и вершив ево, да пойди вон. О том пекись о том и радуйся, чтобы туне приход твой в концелярию не был. И аще и много дел зделав пойдеши из приказу, ажно въстретит тебя обидимый, то и з дороги вернися, и аще оно не весма трудно, то того же часу и окончи его.

И устав в своей концелярии зделай такой, чтобы не то что перед тобою, но и в подьяческих столах никто бы без дела не шатался. Того ради и подьячим всем прикажи, чтобы челобитчиков отнюд долго не волочили, и буде кому выписка или иное какое дело де-

лать, то всякой бы подьячей положил своему делу срок, и челобитчику велел бы токмо во уреченный срок приитти, и до сроку отнюд бы в приказ не шатался. И, для верности, давали бы подъячие челобитъчикам за руками своими ерлычки, х коему числу то ево дело он изготовит. И буде на тот срок он не зделает и челобитчик придет перед тебя с срочною запискою, и ты по той записке призови подьячего и спроси у него, чего ради он того дела по слову своему не зделал? И буде какое оправдание себе принесет явное и прилучное, а не самоизволное медление, и ты дай ему сроку, на колко дней надлежит, еже ему исправитися. И буде и к тому сроку не зделает, то уже дай ты ему жестокое наказание. И естьли тако ты во своем правлении учинишь, то в приказе твоем никогда людей много не будет, но великое будет пространъство. А на дом к себе никаких челобитчиков не пускай, и гостинцов у них, ни великих, ни малых не принимай, понеже мзда заслепляет очи и мудрому. Уже бо того дела никоими делы прямо и здраво разсудити не можешь, но всячески будешь тому чинить понoровку, у кого гостинцы возмеши. Господа ради, бойся и малых взятков, дабы тебе в суде своем не погрешити. А кто, перед тебя в концелярии пришед, будет стоять молча, и ты присмотришь, что он стоит давно, а подступить к тебе поближе не смеет, то ты сам пригласи ево и спроси, какое ему до тебя дело. И что он скажет, управь ему паче, нежели словесному и докушливому челобитчику, потому что многие люди бывают такия смирные и застинчивые, что нужду аще и великую имут, а подъступить к судье не смеют. И таковым буди ты милостив, и не было бы худо, еже бы за таковых быть тебе и стряпчим. Бог тебе заплатить за него.

А в праздничную пору аще придут к тебе приказные люди, или и посторонние, поклон отдать ради праздника, то ты, поклон и поздравление прияв, и сам им поздрави, и тоя же минуты и отпусти их, чтобы у тебя в доме и четверти часа не медлили, но шли бы, куды кому потребно. Сего бо много бывает, что придет на час, токмо поклон отдать, а тот господин не речет им, дабы они шли, кому куды потребно, то, аще и великую нужду имеют, а пойтить не смеют, и тако час-другой простоят напрасно. У многих господ повычай[402] такой бывает: аще кто приидет поклонитися, да пойдет в иное место такожде поклонитися, и за то гневаются, и того ради поклонницы стоят яко связаны. И от таковаго излишняго стояния

тем людям чинитца пакость великая, а у кого стоят, тому грех немалой. И ты, чадо, греха сего безкорыстнаго и самаго пустотнаго не наводи на себя, и безумства такова не чини, чтобы тебе, накопя поклоньщиков многое число, да вытить к ним; но аще человек пять-шесть сойдется, то немедля и выдь, да поклонясь с ними, рцы: «мир вам». Разве кто из них тебе надобен, того можеши и поостановить; а без дела отнюд не держи людей, дабы тебе греха того не было. О сем и сам ты разсуди себе: аще человек десятка три-четыре накопитца, то как ты всех в лицо увидишь? А буде же сто-другое сойдется, то и помыслить невозможно, чтобы всех в лицо видеть и помнити бы их всех, или со всеми бы лицом к лицу поздравитися; но разве десятаго человека из них увидишь, а последи и тех забудешь. А аще по малому числу будешь накапливать, да и отпускать, то ты всем мил будеши, и вси тебя блажити имут, и ходить к тебе будет охотьно.

А егда пойдешь куды, или пойдешь дорогою, челобитчиков за тобою ни мало бы не было. Токмо имей при себе на пути, и в дому своем, и в гостях, дневалнаго подьячего молодого, да салдат, для всякия потребы, человек дву, или и трех, по потребе своей. А буде кто бедный человек и на пути на кого либо побьет чело(м), а дело аще не велико, то тут ево и реши.

В канцелярии же, егда будеши дела коего слушати к вершенью, то слушай ты не одними ушми, но и ум твой весь при том слушании да будет неотлучен; так же и товарыщи твои слушали бы с прилежным въниманием. И аще ты и болшим судиею будеши, обаче не стыдись, но товарыщам своим рцы, глаголя: «Господа ради, послушайте со вниманием, чтобы нам не погрешити в чем и чтобы нашего суда иные судьи пересуживать не стали; а наипаче же того, чтобы нашего суда Бог не пересудил и нас самех не осудил бы в вечную муку». И егда все то дело прочтут, то ты прежде товарыщей своих не оговаривай, ни по исце, ни по ответчике, но спроси товарыщей своих, как которой его оговаривает? И те твои товарыщи, аще разные толки будут издавать, или и в одно слово будут говорить, обаче ты поумолчи и своего толку не объявляй, так ли же и ты разсуждаеши, или инако. Но вели токмо товарыщам своим всем, комуждо их, мнение свое написать, как кто разумеет, и чем кто кого правит, и чем винит. И те писма возми к себе и сохрани их в свою кантору. Последи же обеда приедь в концелярию, и паки, против товарыщных разсудков, высмотри хорошенько сам; и буде уразумееши, что

право они разсудили, и буде дело не велми вязко[403], то так и верши ево. А буде же велми вязко, то призови подьячего, кой выписку делал, и спроси у него, кого он будет править, и кого винить, и почему; и написал бы он имянно, почему кой прав и почему кои виноват? И тот его оговор сложи с товарыщевыми оговоры. И буде еще тебе сомнение какое являетъся, или и несть ти сомнения ни малаго, а дело велико и многопрително[404], то отдай то дело в другой стол подьячим, кои из них разумнее, человека два или три; и зашед бы в особой чулан, и разсмотрили ево накрепко, и высмотря, подписали бы все они, еже, по их следованию, той прав посему и посему, а той виноват посему и посему. И те их писма паки сложи с прежними оговоры, и буде сходны, то так и верши. Обаче призови тех подьячих, кои то дело читали, и выспроси их крепонько, чтобы они тонкостно тебе растолковали: по которым статьям или словам кто прав, или кто виноват? И буде кой подьячей будет праваго винить, а виноватаго править, то ты и наипаче тонкостнее выспроси у него. И буде признаешь, что правее он прочих разсуждает, то ты с товарыщами своими поприлежнее потолкуйте, чтобы вам в чем не ошибитъца и напрасно бы праваго не обвинити, а виннаго не оправити.

Я судное дело поставляю велми велико, паче всех дел, на свете сущих; и того ради никакому человску не подобает судейства искати, но всячески от него отрицатися.

И ради совершеннаго оправдания, все бы оговорщики, яко подьячие, тако и дьяки, тако и товарыщи твои, в своих оговорех подписывали бы государевы указы, по коему указу кто прав или виноват. И егда ты все те оговоры и выписанные государевы указы сложишь и разсмотришь, то всячески познать можеши, кто прямо разсудил и кто криво. И буде кой подьячей подписал криво безхитростно, то таковому наказание учини с милостью; а буде же кой подьячей по какому пристрастию подписал неправо, то, без всякаго милосердия, жестоко накажи его, чтобы он не токмо сам, но и людям бы заказал, еже неправды отнюд не делать, но во всяком деле делали бы самую правду. А буде же в другой ряд так же неправо кой подьячей подпишет, то учини ему всенародное наказание на площади. А буде такую же неправду усмотришь в дьяках, или в товарыщах своих, то без стыда поговори, чтобы въпредь так не делали; а на дьяков и со гневом покричать мочно. А буде же в другой ряд так же

учинит которой товарыщь твой, то ты доложи самому Государю, чтобы он поучил ево по своему царскому разсмотрению.

И егда уже на мере поставишь, как тому делу быть, прикажи подьячему написать приговор с подлинною очисткою, и все правости и винности вели в нем написать имянно, чтобы въпредь спора никакова не было. И написав его вчерне, высмотри хорошенко сам, и товарыщам своим вели высмотрить такожде. А потом призови истца и ответьчика, и тот приговор вели им вычесть; и буде чего в приговор не внесено, тут бы они и спорили, и к тому приговору приложили бы руки, что приговора слушали, и проронки[405] подьяческой никакой в нем не нашли, и руки приложили. И буде кому приговор спорить, то бы тут и спорил, чтобы всякое дело вершить однножды, а не двожды. И буде кто в то время спорить не будет, и их руками, и подьяческими, и судейскими то дело закреплено будет, и после того вершенья никакова спору уже не принимать, но еще спорщика и страфовать. А буде какой истец или ответчик, хотя и до закрепы, оспорит и руки своея не приложит, а оправдания себе не сыщет, то на нем, за неправой спор, взять пошлины въдвое, а правому проесть[406] и волокиту въдвое же.

И аще ты, сыне мой, и весма будеши к разсуждению остр, обаче, наперед товарыщей своих и подьяческих свидетельств, никакова дела не оговаривай. Но егда они разсудят и подьячие подпишут правость и винность, то тогда уже ты, разсмотря их разсудки[407] свой суд предлагай и объявляй, согласно ли ты с ними разсуждаеши, или вопреки; а одним своим разумом отнюд ничего не делай[408].

Своим разумом ничего не делай[409]. Но аще и нивесь какую в их приговорех неправость усмотришь, обаче своим одним разумом не верши, но объяви то дело самому Государю, или сигклиту, и свое разсуждение все им изъясни, по чему ты правишь; и буде великий Государь, или санаты, по твоему разсудку скажут, то уже верши так, как ты намерился. А своим одним умом отнюд никакова дела не верши, понеже Бог тем не помогает, кии на свой токмо разум уповают. Но идеже два или три соберутся, с призыванием имяне Божия, и при таковом совете Сам Бог обещался быти (Матф., глава 18, стих 15), тут и помощь Свою Божию посылает; и за Его Божественною помощию, и дело то состоятелно бывает. А идеже един совещает, тамо несть Бога. Сам же Господь и сие рек, глаголя: аще два или три совещают о какой либо вещи, то будет тако (та же глава, стих 16).

И сего ради ты, сыне мой, аще коего дела великому Государю и сенатам объявлять не похочеш, то ты товарыщам своим гордостно не рцы, и не уничижай их, и несмысленными их не нарицай, еже они от неразумия своего тако разсуждают; но предъложи им весь свой намерок[410], почесому ты так разсуждаеши и по коим речам или статьям так ты судишь. И буде и они притакнут, то верши так; а буде же будут спорить и, чем спорят, объявят тебе, то ты паки то дело высмотри. И буде усмотришь, и за спором их, что оно по твоему намерку надлежит вершить, то възнеси ево пред вышших судей, идеже спорные дела разбирать имут. А своим разумом отнюд никакова дела не верши, понеже самоумъное дело пакость наводит, а самомнение и в погибель вводит. Господь Бог чрез Исаия пророка глаголет, яко горе мудрым о себе и пред собою хитрым (Исаии, глава 5, стих 21). И сего ради ты, сыне мой, отнюд сам собою не мудрьствуй, но во всяком деле совету употребляй. О сем и Приточник глаголет, яко во мнозе совете спасение пребывает (Притч., глава 11, стих 14). А и Исус Сирахов такожде повелевает, дабы без совету всякой старейшина ничего не творил (Сирах., гл. 32, стих 21). И уже когда в совете спасение пребывает, то и держатися во всяком деле подобает совета.

И в которой день сам ты в концелярию за чем либо не будешь, то ты посылай от себя дозорщика: летом в третьем часу дня, да в другой ряд в полдень, а зимою в перьвом часу дня и паки в первом часу пополудни, — и вели всех подьячих, коих нет, переписать. И егда придешь в концелярию, тех нетчиков сам спроси, чево ради не были? И буде за ленью не были, или за пьянством, то ты дай им наказание, по своему разсмотрению. А буде кто затем не был, что дела все приделал, и тому надлежит словесно наказать, чтобы для всякаго случая, а в приказе бы побывал, а лености бы на себя не накладывал. А буде у коего подьячего дело есть срочное, а он прогуляет и на срок дела своего не зделает, то тому с приложением ран наказание надлежит дать.

И в правлении приказном наипаче всего стереги того, чтобы тебе не проронить чего из данных тебе пунктов. И во всяком деле того себе и смотри, дабы тебе положенъным указам великаго Государя чего в противность не учинить. А буде какое дело случитца дикое, еже на него ни в уложенье, ни в артикулах, ни во иных великаго Государя указех, решения не сыщешь, и ты учини докладъ-

ную выписку, или доиошение, дабы сигклитом, или имянным великаго Государя указом то дело решить и ту новую статью въпредь для таковых же случаев блюсти в сохранение. Горе неправо разсуждающим, горе и мудрящимся собою и пред собою хитрым (Исаия, глава 5, стих 21)!

Глава 7. О ЖИТИИ ЦЕРКОВНАГО ПРИЧТА

Аще, сыне мой, в настоящем сем житии не пощаститъца тебе и недостаточество твое принудит тя быти церковным служителем, — сторожем, или понамарем, или дьячком, — то ты ни о чом тако не тщися, яко о уставе церковном. И тако его затверди в себе, дабы тебе весь круг церковной и весь устав наизусть памятствовати. И на церковную службу буди всегда готов прежде своих клевретов.

А презвитеру буди повинен, яко самый последний раб, и буди перед ним трепетен, и ни в каковом деле не буди ему прекословен, или непокорен, но во всем буди ему послушен, яко Самому Богу. И аще в чем либо узриши в нем неисправность какую церковную, не обличай ево явно, но аще можеши, то наодине скажи ему неисправность его. А аще же наодине не примет твоего поправления первостнаго, то ты и другижды изнеси, со смирением; не товарищески, но рабски. И аще он в том своем погрешении не исправится, и ты и третицею покучись ему погрешение его, или неисправность какую, предложить. И аще не будет на тя злобитися, то не поскучь, и предложи ему и еще, со смирением и с самым унижением. А аще жь, за то твое учение, будет на тя злобитися, и ты более никаких неисправостей его не предлагай пред очи его; и аще совершенное его правилное погрешение, то возвести отцу его духовному, таинственно, за словом, дабы тем того презвитера на гнев не привести и на себя бы злобы не навести. Людей надобно исправляти, а и себя охраняти.

И того ради никаковым людям, приходским и посторонним, отнюд ни о каких его неисправностях не изъявляй, и поноснаго слова, ни малаго, ни великаго, не рцы на него. Аще в чесом либо понесеши на него, то смертне согрешиши, понеже он слуга есть Бога Вышняго, а ты кто еси? Аще бо кто и вопросит тя о винностях его, или о неисправах каких, и ты рцы: «аз простолюдин есмь и знать мне неисправностей его непочему». И аще и тебя чем озлобляет, или

в доходах обидит, отнюд не понеси на него, но всякому человеку глаголи: «аз в нем никакова худа не знаю». И тако творя, Богу будеши угоден, и за такое твое терпение воздаст тебе Бог сторично. А аще же ты таинсътвенно самому ему, или отцу ево духовному, изнести не можеши, то ты к Богу припади и со слезами у Него, от всего своего сердца, о исправлении его проси; и Бог, видя твое истинное усердие и любовь, имиже весть судбами исправит его, и тебя помилует.

А аще приходския люди, усмотря в нем те неисправности, о коих ты стараешься, будут ему говорить голосно, или и неголосно, ты же буди, яко ничтоже ведый, и ни х какому словеси их не приставай, ни явно, ни тайно. И аще кто и напрет на тя, отповеждь с кротостию, глаголя: «господине, не мое есть сие дело, но дело Бога Вышняго: Он его пастырем сея святыя церкве поставил. Он и научит; а я и о себе ничего разуметь не могу, аще не ин кто научит мя». И тако, сыне мой, творя, не токмо людям, но и Самому Богу любимь будеши, и от царствия Божия не далек будеши.

И аще кто, и кроме презвитера, из причетников будет тя в доходе обидети, то всячески утерпевай, а людям и того ничего не объявляй. И такое твое смирение и терпение видя, всячески умилятся и будут к тебе милостивы.

А аще кто чрез тебя подаст презвитеру подаяние к просфиромисанию, за здравие или за упокой, или на молебен, или в церковное строение, или на свещи или на иную каковую потребу: то ты, аще и в самой последней скудости будеши жить, а того не моги учинить, еже бы тебе то подаяние затаить и себе ево похитить, или и часть некую от того подаяния взять. И ничего церковнаго, и ни свечки, ни воску, ни малаго огарка, не бери себе в дом свой ни на каковую свою потребу. Аще и самая малая вещь, кирпичик, или полено дров, или и иное что таковое употребитца тебе в дом свой взять, и того без благословения отнюдь не бери. А на сие толкование не слагайся, еже речено: служай олтарю, от олтаря и да питается. То бо слово речено не о том, еже бы брать что церковное, но то слово лежит, еже от подаяния людскаго, во служении церьковном приимая, питатися, а не от торгу какова, но токмо от надлежащих церковных доходов питатися; и то питание себе имей прямое правое. И тако творя, благословен будеши от Бога.

А аще же ты подаянием мирским, за скудостью прихожан, или за малолюдством, пропитатися не можеши, то ты пиши книги полез-

ные, четьи или певчие[411], или детей учи грамоте, или писать или петь. И в том труде аще не будеши скушлив, то и кроме церковнаго доходу будеши пищу себе приобретати.

Точию пиянства не держись, но всячески от него удаляйся. Аз тебе аще и не заклинаю о питье, но Сам Господь Бог чрез Иезекийля пророка заповеда, да церковники вина не пиют (Иезек., глава 44, стих 21). Обаче и аз совет даю здравый: аще будеши церковником, болшим или малым, а не токмо вина, но аще и пива, и меда не будеши пить, то ты истинной служитель святыя Церкви будеши и имаши велик человек быти. И сего ради ты, сыне мой, сам себе избери лучшее: то ли тебе лучши, что пьяницею слыть, или то лучши, чтоб тебя вси люди называли добрым человеком? Паче жь людские похвалы, похвален будеши от Самого Бога, за еже всегда в служении церковном трезв будеши. И сицевую трезвость чини не питье охуждая, но пиянство порокуя. Питье бо не погано, вмеру приемлемо; но безмерное пиянство, то сквернит человека. Пьяной человек не то, что(бы) Богу в служении церковном был годен, но и людям не годитца. И аще пьяной человек и будет служить во церкви, то лише на ругание себе, и церковному правлению на порок, а людям на соблазн и на осуждение. И сего ради, чадо мое, всячески тщись, еже бы ти никогда пьяну быть.

И в служении церковном буди подобен ангелу: ступай кротко, глаголи со смирением, книги читай неборзостно и явственно, дабы чтение твое было во церькви стоящим вънятно. И не учись такому безумию, еже бы тебе конец прежде начала глаголати, якоже есть обычай у невегласов. Читают прежде: «и ныне и присно, и во веки веков, аминь», а последи друзии читают: «слава Отцу и Сыну и Святому Духу». Такожде и прежде окончания священническаго возгласа не моги рещи «аминя», понеже «аминь» — окончание возгласу, а не начало. И паки: мнозии безумънии и страха Божия не имущии, не дав диакону или презвитеру не токмо окончить ектения, но еще и прежде начала поют: «Господи, помилуй», или «подай, Господи». И много аз слыхал, еже «подай, Господи» крылошане пропоют, а диакон или презвитер прошение последи читает. И за такое небрежение вси тако творящии въпадают в проклятие: ясно бо о сем святый пророк Иеремиа глаголет, яко творящии дело Божие с небрежением прокляти суть (Иерем., глава 48, стих 10). И сего ради ты, сыне мой, блюди сие опасно, дабы тебе, прежде начала, окончания ника-

кова не глаголати, да не въпадеши во узаконенное проклятие. Подобне и царь Давид, уча нас, глаголет: пойте Богу, пойте разумно (Псалом 46, стих 8). А сие стало быть безумно, а не разумно, еже прежде начала конец глаголати, а начало последи конца глаголати. Истинну бо царь Давыд глаголет, еже повелевает пети разумно. И аще кто разум имеет, тот может сие разумети; а безумной небрежет о сем, как ни згодится ему, последняя ль наперед, или преднее последи глаголати. Царь же Давыд и паки подтверждает нас, глаголя: работайте Господеви со страхом (Псалом 2, стих 11). А сие самое есть безстрашие, еже небрещи презвитерских возгласов и ектеней, да петь по своему изволу, а не по презвитерскому, или читаемые во ектениях проситедные глаголы заминать пением. Истинно, я многократно слышах, еже крылошане пропоют «Господи, помилуй», а диакон или презвитер последи пения станет ектению читати. А возгласов и того болши бывает: еже «аминь» давно уже пропет у крылошан, а презвитер в молитвах еще не исправился и, исправясь, последи пения возгласит; и по том презвитерском возгласе крылошане стоят уже, что пни: ничесого по окончании возгласа не отвещевают. И сие стало не самое ль безумие? Се бо самое Божияго дела небрежение и явъное безстрашие; и сицеваго дела кто от разумных не зазрит? Ей, имущему смысл морскотно[412] и слышать! А аще кто сему не верит, той да прислушает, а наипаче в коей церькви поют Киевским напевом[413]: егда диакон или презвитер, по заамвонной молитве, начнет ектению глаголати, то не дадут и первые ектении проглаголати, — вдруг, единым гласом и не перерывая своего гласа, поют «Господи, помилуй», дважды, и «Тебе, Господи»; а иное бывает, что и «аминь» пропоют, не отлича от того пения. И аще кой презвитер заобыкновенен тому их безумному пению, то всячески поспешает, а и тут мнозии остаются от пения; а которой презвитер не заобыкновенен, то и половины не проговорит, а крылошане все свое пение отпоют. И о сем всяк да разсудит, коль хорошо? И аще кто внимает сему, то и человеку тому неприятно сие слышати. Колми же паче Богу небрежение сие неугодно!

Истинно, по Псаломнику, надобно Богу работати со страхом и радоватися Ему со трепетом, а не з безстрашием. Господа ради, ты, сыне мой, буди пред Богом страшен и трепетен. Аще людие и повелят тебе, от неразумия своего, поспешити, но ты буди разумен; лучши тебе от людей и озлобление прияти, а Богу бы ти не доса-

дити своим поспешением. В небрежении бо какая ти полза будет, аще людям угодное нечто сотвориши, а Богу досадиши? Но аще кто ти, от неведения своего, и будет понуждати на такое небрежение, и ты им ростолъкуй, и скажи им сице: «Вы, с сицевым поспешением, вместо благословения, клятву себе, чрез Духа Святаго изъявленную, примете (Иерем., глава 48, стих 10), и в той клятве хощете и меня ввести. И вам, господие мои, не без греха, еже на такое безстрашие Божие понужъдаете, аще и от неведения своего понуждаете мя; а мне велми велик сей грех, еже, ведая, да согрешити пред Богом. О сем Сам Господь Бог изъявил нам, яко ведаяй волю господина своего и не сотворивый ея, много биен будет, а от неведения сотворивый мало биен будет (Лук., глава 12, стих 47). И сего ради вы, господие мои, паче меня, себя поберегите; понеже аще вы и от неведения своего на сие понуждаете, обаче наказания и вам не минуть будет, понеже слово Господне мимо не пойдет, еже рек: аще кто от неведения своего сотворит противно воли Божией, и той мало биен будет; а кто ведая преступит волю Божию, той много биен будет». И сия глаголы слышав, не будут тебя въпредь понуждати на таковое безумие.

О поповстве. А аще приходъские люди, не ради твоего проискания, но ради своего какова намерения, возжелают тя посвятить во презвитерство к той церкви, в нейже ты работаеши, или и из иного, прихода, то ты, чадо мое, всеми своими силами от таковаго великаго дела отрицайся. И не токмо единым словом, но и самым делом отдаляйся, понеже презвитерское дело велми велико есть и тяжелоносно, — аще дело сие и святое есть, — и честию не от земныя каковыя власти, но от Самого Бога почтено, и возвышено вышши облак, под небесем сущих. И сего ради велми надобно беречися, дабы от таковыя высокие высоты не упасть в преисподнюю пропасть.

И аще никоими делы того их изволения препрети и отбыть не возможеши, то ты не ходатайствуй о поставлении своем у архиерея, и своих денег ни приказным людям, ни служителем архиерейским, ради поставления своего во презвитеры, отнюд не давай, и уставленных пошлин от себя не плати. Но аще кои люди восхощут тя презвитером быти, те они все то от себя да и платят. И аще тако о тебе состроится, то разумей Божию званию быти, понеже ты не самозванец явишися. И аще начало твоего священства свято, то и все твое

дело во презвитерстве будет свято, токмо ты не ослабевай. Помни свое поручение, от Бога ти врученное, и, по приятии того великаго и святаго чина, буди во всех своих поступках ие яко человек, но яко ангел Божий. И елико болший будеши, толико болши смирения себе приложи, и зато благодать пред Господем обрящеши (Сирах, гл. 3, ст. 18).

И по посвящении твоем, егда отослан будеши для учения священнодействия к презвитеру, то смирись пред ним, яко раб. И дондеже не изучишися всех священнодействий всесовершенно, не моги проситися прочь, но о том проси, дабы тебе поболши побыти под началом, чтобы тебе, отшед к своей церкви, ни в каковом служении запинания не имети. Аз тебе приглашаю во учении пребыти полгодищное время, или и всецелой год. И будучи в подначалстве, празднаго себе дня не имей: вся уставы тверди напамять, и вънимай въсему прилежно, и у наставника своего обо всем спрашивай в тонкость, как что править, и как детей духовных принимать, и как их пасти. Что тебе он скажет, то ты, для своея памяти, записывай себе в тетратку. И у коего презвитера будеши в подначалстве, то, из самаго начала, почти его почестию неоскудною от своего уже истаго имения, дабы тебя прилежнее всякому священнодействию учил, и еже б на всякое благоразумие и благонравие наставлял тебя, как тебе править святая церковь, и как Христовых овец пасти, и как заблудившихся от заблуждения свобождати, и как коростовые овцы лечити. О всем сем прилежно вопрашивай и подарки давай неоскудные, дабы тебе изъявлял обо всем нескрытно и давал бы тебе книги читать, которые ко правлению церковному надлежат. И егда всесовершенно всех священнодействий изучишися, и всего правления церковнаго навыкнеши, и отпущен будеши, то ты за учение воздаждь благодарение, елико можеши, неоскудное, от своих имений.

И егда приимеши святую церковь в правление свое, то ты паче перваго своего бытия смирися и ни в каковых поступках не высься. Так живи опасно, чтобы тебя ни малая горъдость не коснулася, понеже гордым Бог противится, а смиренным благодать Свою дает. И того ради буди ко всем равен: яков к богатым смирен, таков смирен и ко убогим буди. И детей духовных не велми себе умножай. И паче избирай себе в паству людей не весма богатых и не весма силных, понеже богатые и силные лица бывают не токмо послушны, но еще и противны, и восхотят тебя под своею властию иметь, а не

ими у тебя быть; и аще разум в себе будешь имети, то от таковых детей духовных не рад будеши и своему житию. А и из подлые статьи не велми умножай себе детей духовных, но собирай толико, елико пасти можеши. По Господню словеси, довлеет ти и ста овец, яко же Господь явил у единаго господина, имуща сто овец, и егда от тех овец и одна овечка погибнет, то он взыскует ю, дабы и едина овца от того числа не погибла (Матф., глава 18, 12; Лук., 15, 4). И по сему Господню словеси, и о едином человеке погибающем годствует ти пещися, дабы из паствы твоея не погибл бяше. И егда век сей скончится, и тогда надлежит ти пред Господем стати и рещи: «се аз и дети моя, Господи, их же дал ми еси». А аще жь на сем свете в паству свою собереши и тысечу человек, а упасти их не возможеши, и из того твоего собрания разыдутца твои дети в разныя пути и, заблудився, погибнут, и аще, за таким множеством, ни единыя от них не упасеши, то како ты на страшнем суде Божии явишися и како тогда речеши: «се аз, Господи, и дети моя»?

Веждь, сыне мой, яко всех погибших овец, в пастве твоей бывших, взыщет Господь от руки твоея: тако бо Господь чрез пророка Иезекиля рече, яко от руки пастырей погибающих человек взыщет Бог (Иезек., глава 34, стих 10). И посему, аще ты и свято будеши жить, а овец паствы своея не упасеши, то и со святым своим житием погибнеши, и речет тебе Господь: «ленивый раб, се вручих тебе пять талантов, ты же, от лености своея, прибытку Мне не сотворил еси и даннаго ти таланта не усугубил еси!». И кои ты добрые дела и соделал еси, повелит Господь взяти от тебя и отдать тем, кии паству свою добре пасли; ты же, за нерадение свое, върержен будеши во тму кромечную, и тамо будет ти плачь и скрежет зубов. И сего ради вельми бойся умножати детей духовных. А и собирай их не ради своего какова прибытка, но ради прибытка Божия, еже бы тебе добрым прилежанием упасти их и привести к Богу, и за той прибыток прияти бы тебе похвалу и воздаяние от Самого Бога, дабы тебе рек: «благий и верный раб, о мал был еси верен, над многими тя поставлю; вниди в радость Господа своего!»

Ты, сыне мой, веждь сие, яко не то что презвитеру, пастырю сущему душевному, но аще и простолюдину вручены будут люди под управление, а он не попечется о них и небрежением его аще кто погибнет, то и на простолюдине взыщет Бог. И аще ты и самый простолюдин еси, и узриши человека согрешающаго, а не воспре-

тиши ему, и он аще в беззаконии своем умрет, и крови его от руки твоея [рече Господь] взыщу (Иезек., глава 33, стих 1–8). И по сему Божию глаголу, не токъмо презвитеру, но и всякому простолюдину о своей братье пещися подобает, дабы не погибали во грехах людие. Колми жь паче взыщет Бог погибших людей от рук пастырских!

О приятии на-дух. И егда коего человека примеши себе на-дух, то ты первее вопроси того сына своего духовнаго о Християнской вере: како он верует, не имеет ли в каковых либо церковных таинствах, или в сложении перстов к воображению на себе крестнаго знамения, какова сумнителства? И аще здраво верует, и сумнения никакова в себе не имеет, и ее святою Церковию ничем не разъгласен, то вопроси его, како он о Бозе разумеет и о силе Его; верует ли, яко вся может, и крепко ли на Него надеется, и в надежди своей не сумневается-ли? И аще не твердо надеется, то утверди его тако, еже бы, аще и смертная какая пришла на него напасть, не отчаявался бы от человеколюбия Божия, понеже Бог, его же любит, того и наказует; и того ради вся напасти с любовию бы претерпевал, понеже Бог друзей Своих врачует напастми, дабы ими, аще кто грехи на себе имеет, очистились.

А аще кто не имеет греха, тем за злострадание безвинное сугубый венец соплетается и всякое воздаяние сугубо уготовляется, якоже бысть праведному Иову: по страдании его и на сем свете усугуби ему Бог всякаго стяжания, якоже о том ясно являют его Иевлевы книги; подобна и во грядущий век, за долгое его и безвинное страдание, даст ему Бог не токмо сугубое, но и стосугубое воздаяние. Воззри же паки и на апостольское житие. Они ли Богу не верни были, они ли и не близки Христу быша? Обаче Бог, ради лучшаго им воздаяния, попускал и на них напасти, якоже о том являют апостольская Деяния и святаго апостола Павла послания. И возлюбленъный ученик Христов Иоанн Богослов не токмо от людей, но и от стихий злоключение великое прия. Ибо, егда плы во Асию, воста буря велия и разби корабль, и бывших со Иоанном в корабли всех море изверже на берег, и ученика Иоаннова, Прохора; святый же Иоанн Богослов остася в море и носим бяше на дщице 40 дней и нощей. Егда же от тоя беды избы, — ибо море, по толиком долгом томлении, изверже на брег, — и поидоша со учеником своим Прохором во Ефес, и во Ефесе паки беды великия и несносныя от Романы, жены идолопоклонницы, подья: ибо вначале в торговой бане работою

великою его удручала, а потом и смерти хотела его предати; но Бог его от смерти избавил. Подобне и избранный сосуд Христов, Павел апостол; зри, колико и той пострада: ибо, везом в Рим, 14 дней в море волнами носимь бяше, и в тыя дни и солнца не видеша, и хлеба не въкусиша вси сущии с ним в корабли (Деян., глава 27, стих 33). Сам же святый апостол Павел о себе сказоваше, яко трикраты корабль в мори опровержеся с ним и во глубине морстей пребыл нощь и день (2 Кор., глава 11, стих 26).

И сия примеры изъявя ему, рцы: «Зриши ли, чадо, како Бог попускал и самым Своим верным и избранным ученикам быти в напастех таковых; и ты ли не хощеши потерпети? Аще бо хощеши верен и близок к Богу быти, то ты тщися паче апостолов претерпети, и во всяких приключившихся тебе напастех буди, чадо мое, долготерпелив. И аще долготерпелив будеши и, за озлобление, на Бога гневатися не будеши, но с любовию будеши их принимати и за присещение Божие благодарение Ему возсылати усердное, и не токмо словом, но аще и мыслию своею на Создателя своего не поропщеши: то ты ничимже отменишися от Иова многострадалнаго, и на сем свете аще что ти будет на ползу, то благословит тя Бог и дарование Свое усугубит ти; во грядущий же век приимеши воздаяние и стогубое. А аще же противо Бога возропщеши, то ты не токмо то свое терпение, но и прежняя своя добродетели погубиши».

И в том утвердя его, вопроси, како он святыя иконы почитает? Не нарицает ли их богами, и самым своим помышлением не боготворит ли их, и молитвы своя ко образу ль приносит, или чрез образ Божий возсылает их на небо, к Самому Богу, чрез же образ Пресвятыя Богородицы к самой Ей, Пресвятей и Пречистой Деве, в неприступном свете у престола Божия стоящей и за ны молящей, молитвы своя возсылает? Такожде и прочиим святым: образу ль токмо молитву свою приносит, или чрез той образ к самому тому святому угодънику Божию, в небесных селениях сущему? Понеже святии вси душами своими обретаются в небесных селениях и тамо, радующеся, ожидают себе лучшаго воздаяния и за нас Богу молятся. А до Христова распятия души всех святых низводимы были, за Адамле преступление, во ад; обаче тамо держимые души попечение о живых имели, якоже о сем самая Божия правда повествует, глаголя, яко богачь умерый въсажден бысть во ад и, аще и в муках сый мучимь бе, обаче о живых молился (Лук., глава 16, стих 27). Паки явно сие

и по откровению, иже бысть явлено святому Иоанну Богослову, яко души мученические просят Бога о отмщении крове своея (Апокалипс., глава 6, стих 10). Колми жь паче святии молятся за тех, кии их в помощь себя призывают! И Сам Господь Ездре изъявил, яко души праведных человеков вопиют безпрестани о отмщении: и рече Господь, глаголя: отмщу им (3 Ездр., глава 15, стих 8–9). Колми же паче просят святыя души о тех, кии живут во благих делех и их просят о заступлении в прошенияих своих! И по сему Божию нам откровению никтоже от верных да слагается на люторская блядословия, якобы души святых о нас Богу не молятся. О сем и святый апостол Петр ясно изъяви, глаголя, яко по отшествии от телесе, памятовати о нас будет (2 Петр., глава 1, стих 15); и еще в животе сый обещался, еже, по отшествии от телесе, всегда о нас памятовати, то есть, молити Бога о нас обещася. И по сему слову святаго верховнаго апостола Петра велми нам, православным христианам, годствует святых угодников Божиих молити, дабы они такожде, яко и Петр апостол, памятовали о нас пред Богом и о оставлении грехов наших Его молили.

И о молении сына своего духовнаго испытай накрепко. И аще в чесом либо неправо деет, то направь его, как подобает христианину жити, и как, пред образом стоя, молитвы на небо возсылати. И, наказав, утверди его, дабы он во православии был тверд, и никогда бы никакова образа за Бога не въменял, но токмо, за любовь Божию, образам святым достойную честь и видимым телом видимый и поклон отдавал, а невидимым духом и душею на небо, к Самому Богу, невидимый и поклон возсылал.

О записной книге детям духовным. И ради лучшаго ти упасения стада Христова, учини ты, сыне мой, у себя записную книгу переплетеную. И коего числа кто и какова чина человек исповедает ти грехи своя, и ты имя и чин его, и где он родился, и где воспитался, и где ныне житие свое имеет — запиши в ту книгу имянно. И аще причащен будет Тела Христова, или непричащен, запиши имянно жь. И аще наложишь на него каковую либо епитемию, запиши жь, что на кого наложиши, дабы тебе не запамятовати в предъбудущее время[414].

И егда паки приидет ти той же человек исповедатися, то ты паки вознови исповедь сначала, и, по той записке, вся та своя приказания воспомяни ему, и спроси у него: исправил ли он, или чего не испра-

вил, еже ты ему заповедал? И аще вся исправил, то ты возблагодари Бога и его пред Богом похвали. А аще же не исправил, то крепчае ему накажи, как тебя Господь Бог на той час вразумит; и какой даст тебе во уста глагол, аще нисходителный, или аще и яростный, таковым глаголом его и подкрепи, дабы он въпредь уже приказание твое исправил. И въторое свое приказание под первонаписанным его имянем и под первым приказанием и подпиши. И аще и до десяти крат будет ти кой сын духовной исповедатися, или и вящши, то вся своя приказания пиши на одном листе, на одной стороне. А на обороте пиши жене ево приказанные заповеди. А детей на обороте жь пиши, под матерним имянем, отступя полъстраницы. И аще кой дом семьянист, то ты на тот дом листа хотя два-три оставь, дабы всякой дом был в одном месте записан. И в кой год егда станут исповедыватися, все(х) под теми жь статьями и подписывай, дабы тебе мочно видеть всякаго своего сына духовнаго исповеди и причащение, и исправление приказаний твоих.

И ту твою книгу держи за крепким замком и за печатью. А того себе не учини, чтобы тебе какова человека исповедать и причастить, а в книгу ту не записать. А аще случитца тебе исповедати проежжаго человека, или при самой смерти, тех пиши особо, от домовых записок отступя, листов за пять-шесть, или за десяток до конца; и записывать их без отступок, колико их ни вместитца.

Трудись, сыне мой, о врученном ти стаде прилежно, с великим тщанием и со опасением. И служителей церковных ни малым чем не обиди, но лучши им из своего участка уступай, дабы на тебя ни Богу, ни людям не пожаловалися, и не токмо люди, но и твоя совесть не зазрила бы ти. И аще будешь тако себя вести, то веждь, яко Бог тебя паче напитает. И простому человеку велик грех, еже людей обидети: колми же паче презвитеру подобает необидливу быти! Тебе надобно людей учить, дабы никаких людей и малою обидою не обидели, а не то, чтобы тебе самому обидливу быть. Сам Господь Бог о сем изъяви, глаголя: аще соль обуяет, то чим осолится (Матф., 5, 13. Лук., 14, 34)? Господа ради, прияв такое великое дело Божие, буди не токмо обидлив, но ко всякому человеку милостив; на благие дела буди бодр, на злые же немощен, и веди себя не яко человека, но яко ангела Божия, и врученное ти Христовых овец стадо паси неослабно. Буди им истинный пастырь. Не сотвори себя наемником, но, по Господню словеси, за овцы душу свою полагай. И аще восхощеши

быти верным и добрым Божиим рабом, и истинъным пастырем, а не наемником, от Христа нарещися, то ты киих человеков при имеши к себе в паству, и во грехах их исповедаеши, и бремя им какое наложиши, то ты неоплошно их паси.

И посещати не обленись почасту. Времянно и безвремянно приходи к ним в домы и прилежно разсматривай, каково кто живет, и исправляют ли твоя приказания. И аще кии и твердо в приказаниях твоих пребывают, обаче ты их подтверждай, дабы они в наложенном на них иге не ослабевали, но день от дни на лучшее бы исправление поощрялися. И тако предел свой положи, дабы тебе и единаго сына духовнаго не оставити, от богатых господий даже и до последних рабов, еже бы ти месяца в два, или в три, всякаго не посетити и не посмотрити, как кто живет. И аще почасту будеши их посещати и подкрепляти, то всячески они исправнее будут. И так их твердо паси, дабы тебе поимянно всех знать и житие их насквозь бы тебе видеть, кто каково живет; такожде бы и они тебя знали, что ты прямой им пастырь, а не наемник и, по Господню словеси, по имяни бы их глашал, и они, глас твой слыша, по тебе б шли, а иного гласа, ни люторскаго, ни расколнича бы не послушали, но вси бы воследствовали тебе и ревновали бы токмо твоему житью. И аще будеши тако творити, то ты истинный пастырь Христовых овец наречешися и ко апостолам Христовым причтешися.

И приходя к ним, отнюд ничего пьянственнаго питья не приемли, да не пронесеться про тебя слово, якобы ты ради питья приходишь, а не ради пастырскаго управления. И аще ты, сыне мой, запрещение мое, за слабость свою, и нарушишь, и пианственное питье пить будеши, то пей ты тогда, егда ради каковыя либо потребы зван будеши. А в присещении, или рещи, в надзирании пастырьском, отнюд себе ни малыя части не пей. И, ради подкрепления своего, сам на ся клятву наложи, дабы тебе во время посещения детей своих духовных не токмо пьянственное питье пить, но и в руки его не приемли. И хлеба не въкушай, дабы тебя гладным человеком не называли; но аще придеши во время обеда или ужины, то сяди с ними и разглагольствуй о душевной ползе и о всяком деле благом, о духовном и житейском, иже к созиданию, а хлеба не яждь. И аще и прозба будет велика, то, ради их прошения, малую частицу приими и сьяждь, но, вшед в дом сына духовнаго, буди апостолом, а не пийцею, ниже ядцею. А аще, ходя в надзирании, и самыя малыя

части пьянственнаго питья коснешися, то ты велий порок на себя наведеши, и пред Богом и пред человеки омерзеши, и наречешися не душевный пастырь, но питейной надзиратель.

И аще словеса моя отеческая, сыне мой, презриши, и стадо Христово не по вышеписанному пасти имаши, но будеши по их прихотех ходити, или свою леность исправляти, то ты наречешися совершенным наемником, а не пастырем. О сем себе, чадо мое, веждь, яко аще от нерадения твоего которой твой сын духовной в раскол выпадет, или и во иную какую душепагубную ересь, или и в смертный грех въпадет, и от небрежения твоего погибнет, то Бог ту погибъшаго человека душу от руки твоея изыщет. О сем Сам Господь чрез пророка Иезекиля рече яко всех погибших человек от руки пастырей взыщет (Иезекиил., гл. 34, стих 10).

К сему жь и церковное правило веди прямо. Не шатайся ни налево, ниже на мнимое десно, но иди царским путем, — то есть, иди прямо.

И егда будеши готовитися в служение к литургии, то ты все правило исправляй сам, и исправляй его единогласием, а в два голоса отнюд не читай, ни канонов, ни молитв. А читай не борзяся, но читай ясно, с богомыслием, дабы и стоящии у того правила вси могли разумети, еже ты читаеши, чтобы и они в богомыслие могли ум свой въперити. А аще же случится ти быти в соборе и будет ин презвитер правило обще со иными священники читати, то ты всем глаголанным тамо глаголом внимай и умом своим последуй им з богомыслием. А естьли же, за иными какими суетами, или за двоегласием, с богомыслием слушати ты не управишися, то ты, в дом свой пришед, исправь свое правило по себе, не борзяся, и читай так твердо, дабы ум твой от чтомых глаголов никуды не отдалялся, но вся бы твоя мысль была у престола Божия на небеси. И егда будеши тако исправляти, то ты истинный служитель Божий будеши.

И егда ты будеши святую литургию служити, то ты с таким страхом Божиим служи, яко на небеси пред Самем Богом служиши, и мысли своея от богомыслия нимало не отводи, но весь буди вне своея жизни; но токмо да будет во уме твоем едино страдание Сына Божия. Прободая Агнца, в разуме своем держи, яко Самого Господа прободаеши; и во всех проскомисальном и литургийном действии положенных глаголех то и помышляй, что в страдании Христове

деялось. И аще с таковым страхом будеши служити и умом своим ясно самое Его страдание зрети, то вем: каков ты жесток ни будеши, а без слез не пробудеши!

И по совершении службы, изшед из церкви, памятуй, что ты делал, и весь той день буди тебе свят. И пищи слегка поеш, дабы тебе не отяготитися; а пития и непьянственаго померно испей, дабы ты чрева своего не отяготити излишним питием; а пьянственнаго разве самую малую часть. А то лучши бы, еже бы той день и не пить, но пребыть той день в богомыслии и книжном прочитании.

И аще и вся церковная правила будеши цело исправляти, якоже предрекох ти, обаче тем своим исправлением не повыси себя. Не то, что делом или словом, но ниже мыслию своею высоко о себе помысли, понеже никто от человек совершенно исправен пред Богом быти не может. [Люторове велми в сем погрешиша, еже глаголют, якобы они пред Богом исправны паче всех отеческих и апостольских преданий древних; тем своим высокомнением весма себя погубили]. Ты же во всяком деле буди тверд и постоянен. И испущенное свое слово твердо храни, дабы тебе в нем не погрешити и никогда бы его не изменити. Скоро в слово не въступай, а въступив, уже не раскаевайся, но яко рек, тако и тщись исправити. К службе же церковной буди первый, а ко взятию пенязей буди последний. Скоту безсловесному не уподобляйся: скот бо от несмыслия своего то чинит, еже, егда подана им бывает пища, то они друг друга упрежают, а последние, пришед, первых попирают. Есть же сицевый обычай и в человецех несмысленных: егда увидят каковое подаяние, то друг перед другом порываются; и кто так чинить, на тех и дивить нечево: понеже толко у него смысла. А ты буди мужь мудр, и буди тверд, яко дуб, а не яко осиновой лист, иже и без ветра колеблется. Церковной же устав веди чинно.

И у кого приимеши какое подаяние, памятуй его, и егда будеши литургисати, то у престола Божия воспомяни его, не единым токмо языком, по и помышлением своим, и часть за спасение его выми. И киих имян не веси и в лицо их не памятствуеши, то и за таковых выми часть, глаголя: «помяни, Господи, подавшаго ми милостыню»; а Господь уже имя давшаго тебе весть. Ты токмо в долгу у подавшаго ти не буди; понеже аще что приимеши, а не отслужиши за то его подаяние, то всегда ты будеши ему должен; а егда заработаеши, то от подаяния будеши свободен.

И в просфиромисании управляй единогласием. Ты токмо един, держай в руку своею копие, имяна, их же хощеши, воспоминай и части за них вынимай; прочие же сослужителие твои да молчат. Но аще сослужитель твой, или и пришлой кто, аще и презвитер же, восхощет за твоим просвиромисанием воспомянути кого, то ты, прияв у него имяна, сам из своих уст Богу воспомяни и часть за них выни. А аще жь не восхощет кто тебя потрудити, то, его же хощет, да поминает токмо мыслию своею, а гласа бы ни малаго не испускал и шопотом бы не поминал, дабы тем шумлением у тебя богомыслия не препинали. И их же ты станеши поминати, то ты не просто поминай, но с самым чистым богомыслием. А аще будеши поминати без богомыслия, то ты уподобишися бубну: той бо аще и голосно гласить, но что гласит и кому гласит, того ничего не весть. А ты человек еси и создан ты по образу Божию и по подобию Его, и того ради буди ты с Богом союзен: никогда ума своего, ни помышления, далеко от Него не относи; в служении буди ты вне себя, токмо во едином Бозе. И сего ради отнюд не подобает, к жертвеннику Божию приступя, иным людям гласити и тое богомыслие пресекати.

И аще ты, и кроме служения, будеши в богомыслии пребывати, то ты в великой грех не въпадеши и никого, кроме Бога, боятися не будеши, но и смерть тебе будет не страшна. Понежь по смерти не помышлением токмо будеши Бога зрети, но истым своим лицом Лице Его пресветлое узриши; и сего ради смерть тебе радостна будет паче царьскаго пира. И того ради присно в богомыслии пребывай: не токмо во едином токмо служении, но и въставая, и ложася, стоя и сидя, и путем идуще, из мысли своея Бога никогда не испускай.

Во многоглаголании бо никоими делы в богомыслие ума своего въперити не возможеши, но весь твой ум смятется, и еже и сам глаголати будеши, не увеси, но яко кимъвал[415] бряцаяй будеши. Аще бо инии презвитери и творят во проскомисании шумно, еже бывает, человек и до пяти-шти, причетницы и простолюдини, обступя жертвенник, гласят кийждо своих, ов живых, ов же умерших, а презвитер токмо глаголет: «помяни, Господи», «помяни, Господи», а кого помяни, живых или мертвых, того и сам не весть, а надобно ведая ведати, за кого жертву Богу приносиши. Бог вселяет единомысленныя в дом. И во многих голосах како ты к Богу ум свой возведеши? Но и сам ты не ведаеш, за кого Бога молиши, за живых, или за

умерших. Иоанн Златоустый тако глаголет: аще ты сам не разумееши, что глаголеши, то Бог таковые молитвы не приемлет, но, яко меди звенящия, голос твой и молитва твоя росточается и исчезает в ничтожность. А и сие коль разумно, аще презвитер части вынимает заупокойныя, а те гласят имяна живых; а егда вынимает презвитер заздравные части, а тыи гласят имяна мертвых человеков? А ты, сыне мой, сицеваго неразумия не моги чинити, но ведая вежды, за какия лица жертву приносити будеши; живого мертвым не нарицай, ниже мертваго живым. Инии презвитери аще и творят тако, то они и да творят; токмо ты не твори тако. Надобно Богу служити со страхом и управлять всякое действо разумно, и яко языком, тако и умом ведати, за кого Бога молиши. Ты вся имяна, яко живых, тако и мертвых, воспоминай пред Богом своими усты, а не чужими, и с самым богомыслием; идеже язык твой, тамо и сердце твое да будет; и в воспоминании ум свой возведи на небо, пред Самого Бога. И аще умножитца у тебя имян поминаемых, то ты прежде часов, во время благовеста[416], проскомисание начни отправляти, или и прежде благовесту, дабы тебе возможно было с помяновением управитися.

И во время благовеста отнюд часов не начинай, но вели, окончав благовест часы начать. Такожде и о полуношнице чини. А дондеже звон не окончится, до тех мест на литургии, ни утреняго пения не начинай же отнюд. Такожде и к вечерни: дондеже благовест идет, девятаго часа не начинай, а начинай по благовесте жь. Подобне и вечерняго пения, дондеже звон идет, не начинай же. И той устав аще утвердиши у себя неизменный, то вси люди будут знать, как коему пению будет начало.

Во время ж возглашаемых Христовых словес, иже на тайней вечери рек Господь, глаголя (Матф., глава 26, стих 26; Марк, глава 14, стих 22): «*приимите, ядите, се есть тело Мое*, еже за вы ломимое во оставление грехов», и паки рек: «*пиите от нея вси, сия есть кровь Моя, новаго завета*, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов», — и во время тыих возгласов, в самое возглашение перваго возгласа, повели в колокол начать благовестить; а егда во втором возгласе «аминь» пропоют, до тех мест токмо и благовест да протягнется. Аще пятья, или шестья толко в колокол ударитца, то того и довлеет; а далее «аминя» вътораго отнюд не попускай благовесту быть. А сего велми стереги, дабы прежде тыих возгласов благовест не начинался, такожде и последи б не протягался, дабы лю-

дие, в домех и на путех сущии, ведали, в которое время в коей церкви тыи Христовых уст словеса возглашаемы бывают, и дабы за таковое человеколюбие Божие, еже обеща нам плоть Свою дати, и таковому великому и преестественному слову достолепный поклон отдати в самое тое время, в неже возгласится от презвитера то Господнее слово.

И сие есть самое христианское дело и покорное пред Господем Богом, еже таковому великому и преестественному слову Господню честь воздати и поклонение творити рабъски, якоже и подобает, не токмо во церкви; но и вне церкви тожде подобает творити, еже и во церкви. Сие бо в людех и кроме таковаго превысокаго дела деется. Ибо егда не токмо царь земный, или архиерей крайний[417], но аще и велможа егда пошлет кому сказать свое милостивое слово или поздравление, и до него же то слово дойдет, то он, и не видя пославшаго ему слово, покланяется тому слову, яко самому тому, аще и не видит пославый милостивое слово того его поклонения. А Бог есть Всевидящее Око, и какову отдадим честь тому превелебному[418] слову, велику или малу, или в ничтожность повержем, вся та Сам Своим истым Оком видит. И сего ради велми всем, имя Христово на себе носящим, годствует в то время, в неже возгласится то Господнее слово, где кто ни случится, аще в дому, или на пути, или на торжищи, или за рукоделием каким, и дондеже благовест той идет, вся оставить и тому Господню слову поклон отдать достолепный. И того ради церковным служителем велми подобает сего блюсти, дабы благовест в самые те словеса Христовы токмо был; и того ради ни прежде, ни последи возгласа тех Господних словес благовесту отнюд не подобает быть, но токмо в самые тыи словеса.

К сему же и прочая вся церковная дела управляй умным управлением. И егда часы читаются, а ты у жертвенника управлявши свое дело, и в читании часов егда дойдет до настоящаго возгласа, а тебе, за управлением проскомидии, возгласить не возможно, понеже в тое время подобает тебе в самом богомыслии быти. А аще будеши возгласов стрещи, то в богомыслии тебе быть будет невозможно, но ты токмо то мыслити и будеши, како бы тебе возгласа не пропустить. И аще восхощеши в совершенном богомыслии быть, то аще ты в могутъстве будеши, то пригласи инаго презвитера чьего крестоваго, или с крестца, или от иные церкви, дабы к часам приходил и, стоя во церкви и въместо тебя, на часех возъгласы отправлял,

дабы ти возгласами от мысли своея богомыслия не ижденути и в действе твоем прешкоды б какой не чинилось. Аще же зачем того тебе учинить будет невозможно, что во время часов иметь себе другово презвитера, то ты читающему часы заповеждь, дабы он дошел до того места, идеже надлежит быти возгласу, и о том бы месте остановился, и ждал бы до тех мест, дондеже ты возгласиш. И егда будеши возглас глаголати, и дондеже его не докончиши, не попускай псаломъщику, прежде окончания возгласнаго, рещи «аминя» и еже бы ему псалмы или иное что читати. Но егда ты речеши: «ныне и присно и во веки веков», то тогда бы уже он рек: «аминь»; а не дождав конца возгласа, отнюдь бы «аминя» не глаголал.

Сие бо есть самое безумие и божественнаго дела небрежение, еже, не дождав окончания возгласа, да «аминь» петь или глаголати. А сие и того безумства безумнши есть: еже возгласа еще и начала не бывало, а чтец речет «аминь»; а чему речет «аминь», того и сам не ведает, да и читает то, что надлежало по возгласе читати; а презвитер, исправя свое правление и спустя после «аминя» многое время, возгласить настоящей возглас; а иное, накопя возгласа два, или три, да вси уже вдруг проглаголет. [Також де, яко обычай имеют многия на утренях: кафисмы[419] проглаголют молком[420], во время утренних первых дву псалмов и шестопсалъмия и иныхь стихословий; да по пропетии «Бог Господь и явися нам», крилики тех дву кафисм, или и трех кафизм, «аллилуия» токмо прочитают, все въдруг]. И сие не безумие ль правителей церковных, что кафизмы во время иных исправлений прочитают молком, или самым тихим гласом, без «аллилуи», а последи «аллилуи» въдруг вси прочитают? А сие похвалить невозможно жь, иже кии презъвитери, прежде времяни, взапас возгласы возглашают.

Ты же, сыне мой, буди всего сего чуждь и в ектениях крылошанам заповеждь накрепко, дабы они, не выслушав ектении или возгласа, отнюд не пели бы. А буде кои певцы, по безумному своему обыкновению, прежде ектении пропоют «Господи, помилуй», или «Тебе, Господи», или прежде возгласа пропоют «аминь», то ты, по изречении ектении или возгласа, паки петое ими повели другижды пропеть, дабы им было въпредь не повадно такова безумия творити. А буде крылошане станут упрямитца, «у нас-де пето», и петь не похощут, то ты воскричи на них со гневом; или сошли их с крылоса долой, и повели дьячку или понамарю допеть; а их, за безстрашие

их, великим воплем нагоняй и з заклинанием запрети им, дабы работали Богу со страхом и пели б разумно. И аще тыи певцы прямые рабы Божии, то они глаголы твоя с любовию приимут и не токмо у твоея церкви, но и в прочиих церквах будут опасно петь. А буде жь самозброды, и глаголы твоя вничто положат, то веждь, еже в тыих несть христиа(н)ства. И они за тот свой грех ответ самому Богу отдадут, ты же чист будеши.

Есть же, сыне мой, у певцов и такое безумие, еже много поют и от своего умыслу, чего ни в обиходе, ни в служебнике, ни во уставе не положено. В Херувимской песни указано пети: «Иже херувими тайно образующе», а они поют: «Иже херувими тайно образуем», и, по тому их разуму, оные певцы нарицают себя херувимами. И егда услышиши тако поющих, вопроси у них: почесому они сами себя нарицают херувимами? И буде ответу не дадут, запрети им, дабы впредь так не безумствовали. Паки, на литургии же, по пропетии «Достойно есть» или задостойника, поют по возгласе, въместо «и всех и вся», — «и о всех и за вся»; и то они чинят не по возгласу, но от самаго своего малосмыслия. И ты, сыне мой, всякия сицевые непотребности истребляй, ово разсуждением, ово же и запрещением.

Аз ти, сыне мой, завещеваю: в житейских делех во всех буди овцею, а в церковных делех буди львом. Не токмо подлому, но и сильному лицу не уступай, и Божиего дела в попрание не повергай, и попрати его никому не даждь, но стой даже до крове. Буди ревнитель, яко Иоанн Златоустый. И аще за церковное правое правление и постраждеши, то от руки Божиея венчан будеши и с мученики причтешися. И сие себе поставляй в великую находку, аще за правду постраждеши до смерти: обаче мзда твоя не отъимется от тебя, токмо ты буди благодарен и изреки им, не стыдяся их лица. Понеже един пророк повелел Богу работати со страхом (Псалом 2, стих 11), а другий пророк, Духом Святым наставляемь, тако рек: яко творяй дело Божие с небрежением — проклят (Иерем., глава 48, стих 10).

И аще станут тебя молить смиренно, еже бы, ради их нужд, службою поспешить, и ты вели поспешнее гораздо пение петь. А чтения отнюд не нарушивай; но да читают явственно, во един токмо голос, а не в два и не в три. Понеже пение услаждает токмо слухи человечи, а чтение внятное услаждает душу и плод духовный содевает. Протяжное жь пение, аще зритца и красно слышати, но ползы в нем духовные несть ни малые.

В неделныя же дни и в праздники Господьские отнюд себе того не чини, еже бы у тебя после литургии поучению не быть. Аще можеши изустно читать, то читай изуст; а аще же изуст читать не можеши, то читай по книге. А без поучения отнюдь бы у тебя не было. И аще даст тебе Бог дар, еже изъуст читати, то ты не тщися риторски, с фемами да с наръраціыями, читать, понеже той чин есть ученых и школных людей. А ты риторики не учил, того ради в риторской чин и не въступай. Но поведи ты поучение свое по естественному разуму. Сие себе веждь, сыне мой, яко от философъских и богословских учений не многим полза бывает, но паче от простаго учения люди ползуются, понеже у нас люд простой. И того ради людям простым простое и учение служит, а мудраго и единаго глагола въместить в себя не могут. И о сем веждь, яко не во украшении словес Божия благодать пребывает, но во усердном тщании. О сем и святый апостол Павел ясно сказует, яко простое Божие мудрее человек есть и немощное Божие крепчае человек есть (1 Кор., глава 1, стих 25); и тако святый апостол прирече: яко избра Бог буяя[421] мира, да премудрыя посрамит. И сие пиша, апостол не книжный разум и учение уничижает, но уничижает мудрящихся о себе и о своем разуме возвышающихся, а не о Бозе. Апостол святый глаголет: не будите мудры о себе (к Римл., глава 12, стих 16). И сего ради ты, сыне мой, не в велеречии упражняющеся, поучение свое чини, но ревнуя поревнуй по Господе Бозе и учение свое поведи ревъностное, а не ухищренное.

Возми своему учению основание от святых апостолов. Зри и внемли, которой апостол чиновно, по риторскому разуму, учил? Но вси самым простым разумом поучали. Той же святый Павел глаголет, яко премудрость мира сего буйство у Бога (1 Кор., глава 3, стих 19); и паки, подкрепляя свои глаголы, рек: яко благоволи Бог буйством проповеди спасти верующия в Него (1 Кор., глава 1, стих 21). И сего ради и ты, сыне мой, в сказании поучений своих не избирай витийства высокаго, но самою простотою учи. Токмо того ты смотри, чтоб в словесех твоих было состоятелно, и неразвъратно людям было, слушающим полза душевная была. И того ради непрестанно читай Божественнаго Писания книги и, всякую книгу читаючи, потребная словеса, для своея памяти, выписывай в тетратку, и записывай имянно, в коей книге и в коей главе, чтобы тебе в последи сыскать было мочно. А святое Евангелие и Апостол так затвер-

ди, чтобы ты всякую речь, приличную к своему розглагольству, изустно сказати мог. И какое слово в поучении и от своего разума изнесеши, а евангельским словом, или апостольским, или и пророческим, и подопри ево.

И аще дает тебе Бог дар во изустном сказании, обаче ты тем своим разумом не повысь себя, но самым смирением и низостно себя поведи, дабы в тебе благодать Божия въкоренилася. Высокости жь паче огня бойся. И аще кого узриши несмысленна, не моги его никаковым словом уничижити, понеже вси мы живем под Богом. Бог бо богатых убожит и убогих богатит; и высоких снижает, а низких возвышает; мудрым о себе и хитрым запинает, а буиих умудряет. Невозможьно бо никому о себе похвалитися, но токмо о Господе Бозе. Той бо богатство наше, Той и премудрость наша. Господь рек нам, глаголя: егда ведени будете на судище пред цари и князи, не пецытеся, что глаголати, или что отвещати, зане в той час дастца, еже глаголати; не вы бо [рече] будете глаголати, но Дух Святый имать глаголати (Матф., глава 10, стих 19; Марк., глава 13, стих 11). И сие слово аще у Господа было о мучениках, обаче аз верую, яко аще и ты, не готовяся, будеши поучение читати, а от всего усердия будешь поучати, то, яко и мученикам, в той час откроет тебе Бог тако, еже последи и сам будеши своим словесем дивитися; понеже не ты будеши глаголати, но Дух Святый возглаголет чрез твоя уста. А учоные люди за многие дни приуготовляются к поучению, и егда они читают свое поучение, то помогает им школное их учение; а кто не готовяся учит, тому помогает Дух Святый. И того ради тыи риторская поучения не тако и пользуют, яко простосказателная поучения.

Сего ради и ты, сыне мой, аще и учения школнаго коснешися, обаче тщися учить людей апостолски. Они бо учили и глаголали по настоящему случаю: что видели, то и глаголали. Тако и ты, что увидиши, или услышиши в людех худо, о том и стой, дабы тебе то худое обратить в доброе. И о всякой ползе человеческой ревностно учи; и аще от побожные ревности будеши людей учити, то аз верую, еже таковую жь помощь ти послет Бог, яко и апостолом. Понеже и ныне Той же Бог, Кой апостолом помощь Свою посылал, а и дело за тобою то же, кое было за апостолы, и дар Духа Святаго той же в тебя влиян, кий во апостолех был. И аще прилежным своим радением, якоже и апостол, душь хотя десяток-другой от грехов отведе-

ши и приведеши их во царство небесное, то ты и во царстве небеснем причтешися ко апостолом.

И в поучении никаковых людей не зазорся. Аще узриши во церкви каковых либо странных людей, и аще ты воззриши на них, а они, на тебя глядя, либо усмехнутся, или межь себя станут тебя пересмехати, то ты отврати от них очи свои и без зазору отправляй свое поучение. А аще же станут тебя переговаривать въслух, то ты не устыдись их лица, вышли их вон и прогони их бичем духовным. А аще духовнаго бича не убоятся, ни умолкнуть, ни вон не изыдут, то ты уподобся Христу. И аще Господь и един бичь прия, обаче всех торг творящих во церкви, изгна вон (Иоан., глава 2, стих 15); а ты на сих ропотников сотвори три бича [понеже сия их вина несравненно вящши тоя вины, иже в ветхозаконной церкви чинили: тамо токмо торг чинили приносимым потребам на жерътву, сии же не торге чинят, но слову Божию препятие творят]. И тыих своих сотворенных бичей един бичь возми в руце сам, а два церковникам своим отдаждь, и тако, за их безумное ругание и Божию слову препинание, с великим безчестием прожени. И, проженув их, паки начни учити людей Божиих и начатое свое поучение доверши.

А аще тии ропотницы будут тебе последи службы, хотя в церкви, хотя и изшед из церкви, глаголати о неразумном сказании твоем, или о неисправе в словесех твоих, или в том зазрят, что ты не по школному обычаю поучаеши, то ты тут уже отнюдь на них не злобся. Тамо злоба твоя за церковь и за пресечение Божия слова, и тая твоя злоба — святая; а сия злоба клятая, еже за то злобитися, что они последи службы будут тебе воспрещати или осуждати. Последи службы аще будут тебя и заушати, не протився им, но егда ударят тя по ланите, обрати ему и другую; и слова им противнаго не глаголи, но токмо глаголи: «воля ваша, господие мои; я согрешил пред Богом, и за грехи мои достоин я того». И егда престанут тя бити, не кричи на них, но токмо кланяйся, глаголя: «простите мя, господие мои». И во время биения их не гласи людей себе на помощь, или на оборонь, и последи не гневайся на них, но буди, якобы ничего не бывало. А аще токмо единым розговором будут тебе глаголати о неисправе твоей, или о нечинном твоем сказании, и ты рцы им со смирением: «Господа ради, в том меня простите, что нечинно я сказывал; но молю вас, господие мои, помолитеся за меня Господу Богу, дабы во уста моя вложил слово полезное. А о сем буди вашей

благости известно, еже я человек не ученой: не токмо риторики учихся, но ниже грамматику свем, и школнаго разума не учихся; от отца своего остался мал, и о учении моем попечися было некому. И того ради елико ми Бог в кой час откроет, толико и глаголю. А умолчать не смею, понеже видах и един талант приемшаго, иже закопал в землю, и за то его осудил Бог на вечное мучение. А мне, господие мои, вручил Бог два таланта, и аще я их закопаю в землю и, по могутству своему, купли ими делать не буду, то что мне будет от Господа? И ныне вы дайте ми совет здравый, что мне лучши творити: в землю ли данные ми таланты закопати, или приплод ими творити?» И они, каковы бы безумны ни были, а не скажут тебе того, что лучши в землю закопать; но либо умолчат противо тебя и со стыдом отъидут, или скажут: «ну де, отче, как знаешь, так и твори».

И аз тебе отечесъкой совет даю: не моги ты, от врученных тебе талантов, и одного закопати в землю, но обеими куплю дей. И в поучении не зазорся, аще кую речь и подвоиши, или и потроиши, или заднюю напреди молвиши, или преднюю последи речеши. Толко ты того смотри, чтобы тебе изрещи слово к созиданию святой Церкви и ко отвращению людей Божиих от грехов. И аще в зазор поставиши слово мое сие, то возми ты пророческия книги и почти их: узриши тамо многое множество не токмо удвоеные, но и учетвереные словеса, и во единой главе узриши много разных дел. И того ради и ты, сыне мой, не велми о том печался, что риторски учить не можеши, но о том пекись, чтобы тебе без поучения людей Божиих от церкви не отпустить. Хотя слов пять-шесть скажи, что тебе Бог во сердце положит, еже бы на ползу людем было. И по совершении службы, не попользовав людей особыми словесы, в домы не отпускай. И кой день никакова полезнаго слова людем не скажешь, то ты тот день ставь себе безчастный и якобы что потерял того дня, еже никому накакова полезнаго слова не сказал. Буди на всякой день апостолом. И аще будеши на всякой день людей Божиих ползовати, то ты во грядущий век причтешися ко апостолом. То себе веждь, еже апостоли не токмо о службе церковной, но и о крещении не тако пеклися, яко о учении ползы душевныя. Павел апостол ясно о сем сказует, что не послал его Бог крестити, но благовестити, не в премудрости слова, да не испразднится крест Христов (1 Кор., глава 1, стих 17), то есть, труды душеполезные. И ты, сыне мой, паче ревнуй апостолом, а не торжником. Не о том пекися, еже бы ти где пенязей

множае собрать, но пекись о том, еже бы ти где болши людей Божиих попользовати. И по апостолову слову, и о мудрых словесех не пекися, но еже бы ти и просто, токмо бы поучати о ползе душевней.

И поучения, сыне мой, сказывай самая краткая, токмо вънятная. И того ради велми просто поучай, по случаю смотря, без зазрения[422]. Аще коего дни узриши что худо творимо, на отпуске, хотя тем, кои придут тебе ко благословению, остановя, им скажи хотя сице: «сего дня, или онъсице[423] дня, видел я, сицевое или сицевое нелепотство[424] творят людие; и вы, Господа ради, так не творите, но бутте сицевы или сицевы». Смотря по тому случаю и по тому делу, и глагол простри. Аще бо и краткостно будешь поучати, да внятно и ежедневно, то ползы болши сотвориши людям и себе; понеже людие краткостнаго учения сладостнее и вънятнее послушают и памятнее будут памятовати. А в долгих поучениях многия глаголы забвению предаются. И учению своему бери основание ово от Евангелия, ово жь от Апостола; и учи не ухищренными словами, но токмо полезными. Апостольски учи, а не риторски; яко Бог тебя вразумит, так и поучай.

Еще же молю тя, сыне мой: аще в юности грамматическаго разума не научишися, то ты, и в попех будучи, всячески потщися, дабы тебе хотя первая часть, то есть, орфография выучить, дабы тебе правописание познать. А без грамъматическаго учения не токмо презвитеру, но и простолюдину велми трудно, потому что не может разумети не токмо падежей или склонений, но ниже коего рода кой глагол. И расколников от чего умножилось? Точию от недознания в писании: аще бы правописание они знали, то не стали б новоисправных книг хулити.

Прошу же и еще тебя, сыне мой. Господа ради, не обленись и по малым праздникам читать нарядная поучения, аще и десять человек в церковь сойдется. А естьли же болши десяти, то и в простой день без поучения не моги отпустити, понеже яко телу пища, тако и душе поучение есть пища. Сам Господь Бог о сем сказал нам, яко не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе Божии (Лук., глава 4, стих 4). И по сему глаголу Божию, пища есть духовная — словеса божественная, ползующая человеки. И аще управишися, то велми б добро поученейца, хотя самая малая, и на вечернях праздничных сказывати. Мне ся мнить: лучши повечерие, во церкви глаголемое, отставить, да читать его дома, а во церкви поучение

людям читати, дабы людие не ослабевали. А наипаче подобает поучениям быть во дни Святая Пасхи, понеже дни тогда свободныя и поучениям последи вечерни велми прилично быть.

То себе, чадо мое, веждь, яко Бог тако не спросит церковъныя службы, яко спросит учения и паствы детей духовных: ибо всех погибших человеков, иже от небрежения и от нерадения твоего погибнут, на тебе Бог их възыщет. И о сем не от себя аз написах ти, но Сам Господь Бог слово сие изрек пророку Иезекилю; и о сем яснее зри во главе 34 Иезекийлеве. И сего ради и сна очесем своим не даждь, дабы тебе стадо Христово упасти, и паси его недреманным оком, да да не тщу бы тебе пред Богом явитися. Аще бо обленишися людей Божиих учити, то не токмо людей, в пастве твоей погибших, но и данный ти талант взыщет на тебе Бог сугубо. А аще не усугубиши ты даннаго ти таланта, то, еже и мниши добро пред Богом зделал, возмется от тебя и въвержен будеши, по Господню словеси, во тму кромечную. О, сыне мой любезный, буди бодр, буди бдя на всяк час, дабы тебе не погубити даннаго ти таланта и не праздну бы ти пред Господем Богом стати!

И елико ти заповедах в первых главах творити, вся та детям своим духовным и не духовным в поучениях и не в поучениях сказуй, ово молением, ово жь и прещением, дабы тебе не тщу пред Богом явитися. И в поучениях своих вноси по части от вышеписанных ти заповедей, дабы и они тому жь подражали, еже от моего наказания приял еси; и овогда тое, овогдажь другое воспомяни, дабы людие не оплашивалися и памятовали бы твое приказание, паче же Божие повеление в ничтожность не метали б.

И, ради примеру, написах тебе коротенкие и простенкие поученейца. И ты, сыне мой, им применяяся, и прочая поучения сочиняй, дабы людям охотнее было слушать за краткость поучений. И аще даст тебе Бог остроту ума и книжный разум, и можеши починовнее сего моего образцоваго поучения сочинить, то сочиняй, как тебя Бог наставит. А аще лучши не можеши, то такожде просто поучай. О сем тебе и паки глаголю, яко в простосложных учениях паче благодать Божия действует.

Твори жь сице. Изшед из олтаря, стани на месте учителном и, став, в начале воззри чувственныма своима очима на образ Спасителев, иже пред лицем твоим над дверми трапезными поставлен; умныма жь воззри к Самому Богу на небо; и, тако творя, возложи на ся

ное воображение и рцы: «Боже, Спасителю наш, спаси нас
чи нас творити волю Твою!» И отпустя от образа очи свои и на
тоящия ти люди зря, рцы:
юдие Божии! Приклоните ушеса ваша к слышанию словес
:твенных, от Самого Бога и от учеников Его глаголанных, чрез
ия недостойная уста вам изъявляемая.
идех бо во святом Евангелии написано тако. Господь Бог, со-
ия нас от вечныя погибели, рек, глаголя: яко аще кто восхулит
на человеческаго, отпустятся ему, а на Духа Святаго хулившему
устится грех, ни в сей век, ни в будущий. И сей глагол Христов
вангелисти, Матфей, Марко и Лука засвидетельствовали (Матф.,
; Марк., 3, 29; Лук., 12, 10). Ох, страшно сие слово Христово!
рехи, иже творят человецы, аще истинно покаются, прощение
ают; а похуливший Духа Святаго никогда прощения прияти
не возмогут, и покаяние их — не в покаяние, но вси тии чело-
уже погибли и идут в пропасть адъскую, понеже покаяния им
» [И аще кто речет тебе, яко несть грех, побеждающь челове-
оие Божие, и ты рцы ему: «Самому ль Богу лучши вера яти, или
иному? Господь тако о словесех Своих рек: яко небо и земли
пойдут, а словеса Его мимо не пойдут; но како что Он рек,
і будет. И сего ради ты, господин мой, умолкни»]. [А аще но
твоего учения не препнут тя, то ты той ответь свой минуй, но
настоящее свое учение сказуй, глаголя:]
равославнии слышателие! Вем, яко не вси вы ведаете о хуле на
Святаго, что есть на Духа Святаго хула? И се, ныне ведите, яко
ула происходит от человек под прикрытием, и мнозии хулят
зумеюще, еже он Духа Святаго хулит. И ныне аз вам открываю
о сказую, яко от православных христиан, кии древняго благо-
і не нарушили, церкви святыя почитают и прибегают к ним,
тцов своих духовных живут в послушании, и Тела и Крове
овы причащаются несумненно, — и от таковых человеков на
Святаго хула не изъносится. Но износится хула от расколни-
онеже они древнее благочестие нарушили, и издали новую
і в ней возложили хулу на святую Церковь и на вся действа
вная; и сказуют проклятии, якобы ныне Дух Святый ничего не
зует, и над Тело Христово действуемое Дух Святый не сходит
освящает его; и не токмо простым хлебом называют, но не
шилися проклятии тое святое и пречистое Тело Христово

и мерзостью нарицати. Апостол бо Павел велегласно гремит, яко гром от небеси, тако он, ко евреем пиша, глаголет: горкия муки сподобится той, иже Сына Божия попрал, и Кровь завета, ею же освятися, возмневый скверну, и Духа благодати укоривый (ко Евр., глава 10, стих 29). И прирече святый Павел, яко страшно есть въпасти в руце Бога жива. А проклятии еретики расколницы не боятца суда Божия: непрестая, Святаго Духа хулят. И тако диавол их уловил, что и крещение святое сквернят; и что от Самого Бога, и от святых Его апостолов, и от преемников их наречено свято, то у них клято; а что от святых отец запрещено и проклято, то они поставляют в святость.

«И аз не о них пекусь, понеже они, по Господню неложному словеси, уже осуждени суть на вечное мучение; но токмо о вас единых есть ми слово, кии держатся святыя Церкве. Господа ради, стойте на недвижимом благоверия камени, не восхулте на Духа Святаго, да не осудитеся с проклятыми расколники и да не погибнете вечною погибелию. Аще узрите презвитера и пиана суща, что либо действующа, не могите рещи хулнаго словеси ни на презвитера того, ниже на действо его: Дух бо Святый невидимо действует, а аще похулиши то его действо, то похулишь Духа Святаго и въпадеши в непростимый грех. Тако диавол уловил расколников, еже аще Господь сотворит чудо каковое чрез образ каковый, или и кроме, образа, по молению чьему, и тыи чудеса причитают они к силе диаволей, а не к Божией. И ничим они разнились с жидами, такожде глаголавшими, яко Господь Бог не Божиею Своею силою, но диаволскою чюдеса творит (Матф., глава 12, стих 24; Лук., глава 11, стих 15). И то стала самая жь хула на Духа Святаго, понеже рекоша: "о веелзеуле, князе бесовстем, изгонят бесы".

«А аще кто возмнит не тако хулению быть на Духа Святаго, той да зрит в сущее Евангелие, и тамо узрит, яко Господь, егда, уча нас, чудеса творил и жидове, видя преславная чудеса творяща Христа, не воздали хвалы Богу, но от презелные своея злобы глаголали: "сей не изгонят бесы, но токмо о вельезеуле, князе бесовстем", — и противо того их хуления Господь рек вышереченное слово, яко иже речет слово на Сына человеческаго отпустится ему, а иже речет на Духа Святаго не отпустится, ни в сей век, ни в будущий. И по сему всякому человеку явно есть, яко аще кто восхулит действо Духа Святаго, и того ради и непростителен есть той грех, — понеже самую Бо-

крестное воображение и рцы: «Боже, Спасителю наш, спаси нас и научи нас творити волю Твою!» И отпустя от образа очи свои и на предстоящия ти люди зря, рцы:

«Людие Божии! Приклоните ушеса ваша к слышанию словес божественных, от Самого Бога и от учеников Его глаголанных, чрез же моя недостойная уста вам изъявляемая.

«Видех бо во святом Евангелии написано тако. Господь Бог, соблюдая нас от вечныя погибели, рек, глаголя: яко аще кто восхулит на Сына человеческаго, отпустятся ему, а на Духа Святаго хулившему не отпустится грех, ни в сей век, ни в будущий. И сей глагол Христов три евангелисти, Матфей, Марко и Лука засвидетельствовали (Матф., 12, 31; Марк., 3, 29; Лук., 12, 10). Ох, страшно сие слово Христово! Вси грехи, иже творят человецы, аще истинно покаются, прощение получают; а похуливший Духа Святаго никогда прощения прияти себе не возмогут, и покаяние их — не в покаяние, но вси тии человецы уже погибли и идут в пропасть адъскую, понеже покаяния им несть!» [И аще кто речет тебе, яко несть грех, побеждающь человеколюбие Божие, и ты рцы ему: «Самому ль Богу лучши вера яти, или кому иному? Господь тако о словесех Своих рек: яко небо и земля мимо пойдут, а словеса Его мимо не пойдут; но како что Он рек, тако и будет. И сего ради ты, господин мой, умолкни»]. [А аще во время твоего учения не препнут тя, то ты той ответь свой минуй, но токмо настоящее свое учение сказуй, глаголя:]

«Православнии слышателие! Вем, яко не вси вы ведаете о хуле на Духа Святаго, что есть на Духа Святаго хула? И се, ныне ведите, яко сия хула происходит от человек под прикрытием, и мнозии хулят, не разумеюще, еже он Духа Святаго хулит. И ныне аз вам открываю и ясно сказую, яко от православных христиан, кии древняго благочестия не нарушили, церкви святыя почитают и прибегают к ним, и у отцов своих духовных живут в послушании, и Тела и Крове Христовы причащаются несумненно, — и от таковых человеков на Духа Святаго хула не изъносится. Но износится хула от расколников, понеже они древнее благочестие нарушили, и издали новую веру, и в ней возложили хулу на святую Церковь и на вся действа церковная; и сказуют проклятии, якобы ныне Дух Святый ничего не действует, и над Тело Христово действуемое Дух Святый не сходит и не освящает его; и не токмо простым хлебом называют, но не устрашилися проклятии тое святое и пречистое Тело Христово

и мерзостью нарицати. Апостол бо Павел велегласно гремит, яко гром от небеси, тако он, ко евреем пиша, глаголет: горкия муки сподобится той, иже Сына Божия попрал, и Кровь завета, ею же освятися, возмневый скверну, и Духа благодати укоривый (ко Евр., глава 10, стих 29). И привече святый Павел, яко страшно есть въпасти в руце Бога жива. А проклятии еретики расколницы не боятца суда Божия: непрестая, Святаго Духа хулят. И тако диавол их уловил, что и крещение святое сквернят; и что от Самого Бога, и от святых Его апостолов, и от преемников их наречено свято, то у них клято; а что от святых отец запрещено и проклято, то они поставляют в святость.

«И аз не о них пекусь, понеже они, по Господню неложному словеси, уже осуждени суть на вечное мучение; но токмо о вас единых есть ми слово, кии держатся святыя Церкве. Господа ради, стойте на недвижимом благоверия камени, не восхулте на Духа Святаго, да не осудитеся с проклятыми расколники и да не погибнете вечною погибелию. Аще узрите презвитера и пиана суща, что либо действующа, не могите рещи хулнаго словеси ни на презвитера того, ниже на действо его: Дух бо Святый невидимо действует, а аще похулиши то его действо, то похулишь Духа Святаго и въпадеши в непростимый грех. Тако диавол уловил расколников, еже аще Господь сотворит чудо каковое чрез образ каковый, или и кроме, образа, по молению чьему, и тыи чудеса причитают они к силе диаволей, а не к Божией. И ничим они разнились с жидами, такожде глаголавшими, яко Господь Бог не Божиею Своею силою, но диаволскою чюдеса творит (Матф., глава 12, стих 24; Лук., глава 11, стих 15). И то стала самая жь хула на Духа Святаго, понеже рекоша: "о веелзеуле, князе бесовстем, изгонят бесы".

«А аще кто возмнит не тако хулению быть на Духа Святаго, той да зрит в сущее Евангелие, и тамо узрит, яко Господь, егда, уча нас, чудеса творил и жидове, видя преславная чудеса творяща Христа, не воздали хвалы Богу, но от презелные своея злобы глаголали: "сей не изгонят бесы, но токмо о вельезеуле, князе бесовстем", — и противо того их хуления Господь рек вышереченное слово, яко иже речет слово на Сына человеческаго отпустится ему, а иже речет на Духа Святаго не отпустится, ни в сей век, ни в будущий. И по сему всякому человеку явно есть, яко аще кто восхулит действо Духа Святаго, и того ради и непростителен есть той грех, — понеже самую Бо-

жию силу таким своим хулением ничтожат, и, за уничижение Божии силы, ни в сем веце, ни в будущем, той грех не проститца. А еже жидове налагали на Господа хулу, глаголя: "сей человек ядца и винопийца, друг мытарем и грешникам", и иная, тому подобная, хулении наносили на Него, — и тыи грехи кающимся прощает Бог, понеже та хула токмо на человечество Христово, а не на самое божество, и того ради и простителен той грех бе.

«А аще кто восхулит дела Божия, иже чрез Духа Святаго действуемая призыванием архиерейским и иерейским, или и самого архиерея или и презвитера похулит, якобы он не освящен, или речет, якобы он власти, от Бога данные, на себе не имеет и якобы он не может человека ни связати, ни разрешити, — и таковым глаголом Самый Дух Святый хулится, а не презвитер. Понеже архиереи и презвитери не собою вяжут или разрешают, но силою, от Самого Бога вдохновенною, и действом Святаго Духа вся та содеваются. И того ради таковым грехам и прощения несть.

И сие слышав, вы, благочестивии христиане, бойтеся сего смертнаго греха, еже восхулити на Духа Святаго. Не могите похулити какова презвитера, или священнодейства какого. Аще узриши священника и упившагося, и будет что священнодействовати, не ничтожте ни его самого, ни священнодейства его, яко свято есть; понеже не он посвящает, но посвящает действо Духа Святаго, иже чрез рукоположение архиерейское на нем почивает».

А аще время свободно, то и сие приложи:

«Молю же вас, православнии христиане, да не токмо вышепомянутых непростимых грехов, но и прощаемых да не косьнетеся хулений. Кая вам польза, еже инех людей и своих равенников хулити? И что позритца вам худо, не хулте и ничем не укаряйте; но, аще кто совершенно может разуметь, то да запретит ему и научит; как ему что лучши творити, и той да поучает и на добрая дела да наставляет. А аще жь научити кто не может, тот да молчит, и иным людям о том, еже видел, да не сказует; и аще что возминитца и худо, не подобает хулить, понеже в хулении несть спасения, но токмо погибель. Весте ли, яко архангел Михаил, егда разговор имел о Моисееве телеси со диаволом, и се словесе хулна нанести и на диавола не смел (Иуд., глава 1, стих 9)? То како кто может не на диавола, но на подобнаго себе человека хулу каковую нанести? Ей, велик есть хулный грех! Отнюдь бо не подобает и самаго простолюдина хулити; колми жь

паче подобает хранити себя от похуления презвитеров! Но токмо надлежит, елико кто может, поучить и призапретить. И аще послушает его, то приобрел себе благодать; а аще и не послушает, обаче той мзды своея не лишится.

«И того ради блюдите себя сообщения с расколники, кии во святыя церкви не ходят и хулят ю, и попов хулят, и священнодействия вся хулят, и новопечатные книги хулят, и новописанные иконы хулят. Тако бо их диавол ослепил, еже не могут и света со тмою разобрати и, от презелныя своея слепоты, тму нарицают светом, а свет тмою. И о таковых святый пророк Исайя глаголет, яко — горе нарицающим свет тмою, а тму светом (Исаии, глава 5, стих 20)! Истинну о них святый Павел апостол глаголет, яко омрачися их ум: глаголюще себя быти мудрых, объюродеша (к Римл., глава 1, стих 21). И аз истинну вам сказую, яко расколницы что ни глаголют, то все ложь, понеже они сообщилися со диаволом. И яво диавол — весь ложь и лжи началник, тако и детки его, еретицы и расколники, вси во лжи пребывают, и что они и делают, того и сами не ведают. Токмо тем и утешаются, еже изо уст своих, научившеся от скверные жены, во откровении Иоанну Богослову показанныя, хулы и научившеся от того седмоглавнаго зверя (Апокалипс., глава 17, стих 3), возложиша хулы на седмь таин церковных, и не умолкая хулят, и ложь сшивают, к хулению предводящюю. И что есть свято, то у них клято, а что проклято, то у них свято. И за таковыя их хулы Господь уже осудил их прежде общаго суда. О, горе, горе таковым человекам, и паки реку: горе, кии от святыя Церкве отторгошася и в раскол въпадоша! То себе ведайте, благочестивии християне, яко уже, за хуление их, благодать Божия отъяся от них, и уже бо они, аще зрятся и живы, а мертвы суть и ничтоже ино, токмо стень едина. О, люте, люте тем, их же согрешения прощения несть!

«И аще кто хощет от таковыя лютыя беды избыть и другом Божиим слыть, тому отнюдь никакова и знакомства со отпадъшими от святыя Церкве не подобает имети, и из одного сосуда с ними ни ясти, ни пити, понеже они врази суть Божии; а кто со врагом Божиим будет дружбу имети, тот и сам враг Богу будет. Помысли в себе всяк: и в видимом мире, аще кто будет со врагом царевым дружбу имети, и егда царь уведает содружии со враги его, то не постраждет ли и той, яко враг, иже со врагом дружбу имевый? Колми же паче подобает бежати от Божиих врагов, дабы в чужом грехе не постра-

дати! О сем и святый Иоанн Златоустый ясно сказует (Маргарит, лист), яко имевый дружбу со врагом Божиим ничим же менши постраждет сущаго врага. И сего ради всякому православному христианину надлежит расколнича содружения велми боятись, дабы и в неведении вечною погибелию не погибнути.

«Вы, православнии христиане, аще хощете Бога любити и в любви Его быти, то вы всеми своими силами держитеся старые веры, которую в Росъсию принес благочестивый великий князь Владимер. Тая бо наша старая вера повелевает церкви созидати, и на молитву в них ходити, крещением святым креститися, миром и елеем святым крестообразно помазатися, пред презвитеры каятися, Тела и Крове Христовы во оставление грехов причащатися, — понеже Сам Господь о сем рек, глаголя: приимите и ядите, се есть тело Мое; и прием чашу, благодарив; даде, глаголя: пийте от нея вси, сия бо есть кровь Моя, новаго завета, за многи изливаемая во оставлеше грехов (Матф., глава 26, стих 26). А проклятии расколницы ту Кровь Христову в скверну въменяют. А Господь тако о теле Своем рек: аще не снесте плоти Сына человеческаго и не пиете крове Его, живота не имате в себе (Иоан., глава 6, стих 53), то есть, те погибнут, кии Тела и Крове Христовы не причащаются. А проклятии расколницы Христовым словесем вопреки глаголют, сказующе, якобы кии человецы Тела Христова причащаются, тии погибнут и в вечную муку пойдут. О, лютости расколничи презелныя! И таким своим блядословием простых людей уловляют и во ад низводят.

«Да дьявол их научил те свои проклятые и богопротивные ереси называти старою верою. И несмысленных людей наипаче тем прелщают, еже старою верою нарицают. А точно бы сие и самым простякам знать: понеже в старой вере того нет и не бывало, еже бы к церкви не ходити, и о грехах не каятися, и Тела Христова не причащатися. И тако их диавол уловил, что и креститися возбраняют, а кого они уловят в свою веру, то снова тех крещают. А в Кормчей написано имянно: аще кто в другой ряд будет крестити, то вовъторые Христа распинает (Кормчая, лист). И сицевая их безумная дела видя, кто от них не пробегнет? Токмо тот, кой хощет со диаволом быть. Ей, истинну вам сказую, яко вся их расколнича издания — новая, а по новостному изданию и вера их стала быть новая, а не старая, и от века неслыханная. И древняя наша святая и благочестивая вера во святых церквах стоит во всей нашей России

болши седмисот лет неизменна. А проклятые расколницы завели сию свою новую веру тому и ста лет нет, не з большим развее 50 лет, еже церквы святыя хулить, Тело Христово хулить, архиереев и презвитеров хулить и крещение святое хулить. А Господь ясно изъявил, яко аще кто не крестится водою и духом, не внидет во царство небесное (Иоан., глава 3, стих 5).

«И сего ради вы, благочестивии христиане, аще кого услышите тако глаголюща, дабы люди во церковь святую на молитву не ходили, Тела и Крове Христовы не причащалися, и вся церковная действа хуляща, — и таковых вы в домы своя не пущайте и радоватися им не глаголите, понеже они сынове суть диаволстии. И чад своих, и рабов, и рабынь наказывайте накрепко, дабы ни малаго с ними сообщения не имели, и от святыя Церкве ни мало бы не отлучалися, но держалися бы ея, яко матере своея; а проклятым еретикам и раскольникам отнюдь бы ни в чем не верили, и словес бы от них никаковых не принимали, но бежали бы от них, яко от ядовятаго змия. И тако творя, по Господню неложному словеси, вси держащиеся святыя древния веры, и Тела и Крове Христовы причащающиися, наследите живот вечный, понеже Сам Господь неложными Своими усты обещал тех в последний день воскресити, кии Тела Его святаго причащаются (Иоан., глава 6, стих 54). И воскресив, въведет вас в жизнь вечную, и тамо будете со всеми святыми купно веселитися в некончаемые веки веков. Аминь».

А аще явитътися трудно собою поучение издавати, то ты *Обед духовной* или *Вечерю*, и переченками из тех поучений выписав, читай. Аще в день воскресный, то из *Обеда* вынимай, а естьли коему празднику, то из *Вечери* изимай; и тако навыкнув, будеши и собою поучати. Токмо велми сокращенно сочиняй, дабы людем въместительно было и памятно. И во всякое свое поучение прилагай и из моих словес, тебе в наказание написанных, дабы вси всякаго благаго дела навыкали, а от грехов бы, и от всякаго безстрашия, и братоненавидения мало-по-малу отвыкали.

И поучай не сиротски. Всегда бо посланники царевы и пред цармии смело глаголют, аще и от земнаго царя послани суть, а ты — посланник Вышняго Бога. И того ради велми свободно и дерзновенно учи, ово милостивым словом, ово жь и з жесточию, по времяни случившему, учи. Лица же никаковаго да не устыдишися, но свободно поучай, а не рабски. Буди пастырем, еже бы ты готов был

и душу свою за овцы Христовы положити, а не наемником, еже быти и малаго страхования убоятися и, отставив поучение пастырское, молчати.

Се же и второе поучение простое сочинив, предложих ти:

«Православнии христиане! Приклоните ушеса ваша к слышанию словес Христовых! Тако бо Господь рек: помолись Отцу своему небесному вътайне и Той воздает тебе яве; моляще же ся, не лишше что глаголите, яко язычницы, иже мнят во многоглаголании услышаным быти; не уподобляйтеся им, понеже Отец вашь, их же требуете, прежде прошения вашего ведает (Матф., гл. 6, ст. 6). И того ради повелел в молении своем глаголати: "Отче наш, Иже еси на небесех, да святится имя Твое"! И вем, яко вси вы изусть ю памятуете и на кийждо день глаголете ю, а положенные в ней силы едва вси ль разумеете. И сего ради, елико ми Бог открыл, изьявлю вам, токмо внимателно послушайте.

«1. Егда бо речеши: *Отче наш, Иже еси на небесех*, и при том глаголании мысль свою возведи на небо, пред Самого Бога, и внутреннима своима очима зри Его, во славе на херувимех седящаго. И то себе ведайте: егда кто из вас изречет сие слово "Отче наш", то уже учинился еси сын Ему, то уже тщися во весь свой живот послушен Ему быть, дабы, за преслушание, сыновства Божия не лишитися и в сыновство диаволу не вдатися.

«2. Егда же речеши: *Да святится имя Твое*, и при том глаголе в мысли своей держи, дабы имя Его Божие везде, во всяких делех святилося.

«Разумейте жь, православнии, како имя Божие святити, понеже оно свято и трисвято есть. И се вам сказую тако имя Божие святити. Идеже узрите на иконе, над воображением Его Господним, или над крестным начертанием, надписано пресвятое Его имя, то ты, за надписание святаго Божия имяне, то изоображение или начертание святи и достолепный поклон отдаждь ему, дабы имя Его Божие святилося не единым токмо словом, но и явным исполнением дела; понеже имя Божие свято есть, а по имяни Его — и образ и начертание свято есть. Святый апостол брат Господень Иаков сказует, яко вера без дел мертва есть (Иаков., глава 2, стих 17); тако я святость имяни Божия мертва имать быти, аще, видя Его Божие имя на иконе надписано, а поклона достолепнаго не отдадим ему. По апостолову бо словеси, не едиными токмо словесами, но и делами святити имя

Божие подобает. И не токмо едины иконы и изображение креста святити, но аще каковая и вещь Богу наречена, то уже и вещь та свята суть, и не подобает уже никому ю усвоити, понеже та вещь наречена суть Богу и уже она свята есть. Некогда бо царь Давыд собрал от иноплеменников меди, сребра и злата многое число и освяти е Богу (2 Цар., глава 8, стих 11). Како же освятил? Точию, еже назначил е отдать в церковное строение. Подобне и в законе древнем написано, яко всяк, разверзаяй ложесна, свят Богу наречется (2 Моис., глава 13, стих 2); то есть, — отдать его в дар Богу.

«Видите ли, православнии, яко иже отлучено Богу, то уже свято есть. И по сему яве есть, яко архиереи и иереи святи суть, понеже они отлучены суть Богу, и имя на себе носят Божие, и служат Богу, и того ради и от мирские власти отличены суть. И ради имяне Божия аще кто будет почитати, яко словом, тако и делом, и ни чим их озлобляти и обидети не будет, то тот человек явно будет имя Божие святити не едиными словами, но и самым делом. И Исус Сирахов (Сирах., глава 7, стих 33), еще и прежде новыя благодати, иереев повелел прославлять [а аще кто их не будет почитати, тот и имяне Божия не святит]. Такожде и причетников церковных годствует почитати и честь им не гнусную отдавати. Подобне и иноков требе почитати, понеже и тии Богу отлучени суть. И за таковое имяне святаго Божия любление, и самого того возлюбит Бог и пред ангелы Своими святыми прославит его (Лук., глава 12, стих 8), и тоя славы уже во веки веков не отъимет от него. Такожде, кое село, или деревня, или и пустая земля, аще отдана будет архиерею, или иерею, или к церкви, или в монастырь, — и к таковой земле, и ко крестьянам, и ко всяким их служебникам, отнюдь не подобает мирянину прикасатися и какою либо теснотою их теснити, или к себе что от них присвоити. Но яко огня, тако; страха ради Божия, годствует их боятися, наипаче жь, ради самые любве Божия, везде их крестьян и всяких служебников, и не токмо их самих, но и скотину их охраняти; такожде и имения их к своему имению не присовокупляти, и крестьян их никаким вымыслом не присваивати, но во всем их охраняти, паче своих, дабы ни малая обида их не коснулася. И аще кто тако будет творити, то той человек не словом токмо, но и самым явным делом будет имя Божие святити.

«И аще снидешися с неверным, или с неимоверным, иже Божиим чудесем не верит, или власть Его Божию, или силу Его будет кто

снижати, то всякому православному христианину подобает всею своею силою святость и силу Божию изъявити. Моисей бо, аще и верен раб Богу был, обаче, егда в пустыни, у воды пререкания, имяне Божия пред сыны Израилевыми не посвятил, и аще и верен Богу был, обаче Бог, за непосвящение имяне Его, прогневался и рек ему: не внидеши ты во обетованную землю, за еже у воды пререкания имяне Моего не посвятил еси (4 Моис., глава 20, стих 12). Видите ли, православнии, каков велик и близок к Богу Моисей был, а и на того, за непосвящение Своего Божия имяне, разгневался Бог и не допустил ему внити во обетованную землю: то что нам будет, аще мы не будем имяне Его святаго святити, яко же выше изъявих вам? Всех бо, не святивших имяне Его, не допустит Бог внити во обетованное нам вечное царство. А аще же, по вышереченному словеси, будете кто имя Его Божие святити, то того въведет Господь Бог во обетованъную нам землю, то есть, во царство небесное, на вечное веселие, а не на времянное; но будем во веки веков веселитися.

«3. Егда жь речеши: *Да приидет царствие Твое*, и при сем глаголании подобает, мысль свою въперив к Богу на небо, и молити Его от всего своего усердия, дабы Он един царствовал тобою и, за недостоинство, не изринул бы тебя из Своего Божия царствования, но всегда б быть под Его властию, а не под диаволею.

«4. Егда жь дойдет твой глагол, еже рещи: *Да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли,* и при том глаголании всем своим намерением подобает отдати себя в Его Божию волю. Буди жь вам, православным христианом, известно, како в волю Божию отдаватися. Не единым токмо словом, но и самым делом подобает в волю Его Божию себя отдавати. Аще кому случится благо или зло, не гневайся на Бога, и вопреки ничесого Богу не глаголи, и не поропщи на Него; но вся с радостию и любезно приемли, и не токмо словом или делом, но ниже мыслию что противно Богу помыслиши. И есть-ли в злоключении тако сотвориши, то не ложен твой глагол пред Богом будет, а еже рекл еси: "да будет воля Твоя, какова на небеси, такова и на земли". То себе всяк веждь, яко отец никогда чадом своим и малаго зла не хощет; и егда отец рождение свое и наказует, не зла ему хощет, но в предьбудущую ему ползу приуготовляет. А Бог стократно родившаго тя отца лучши любит тя, и несравненно Бог милостив к человеку, нежели отец родивый к сыну. И того ради вся, яко благая, тако и злая, надлежит с радостию принимати. Вся-

кой бо христианин из самаго своего начала въсыновился Богу святым крещением, а ныне уже и изволением своим нарекл еси Его Отцом себе небесным: то како не любезно приимати вся, от руки Божия посланная на тя всякая наказания? Аще бо и смерть наведет на тя поносную, и тогда благодарен буди, понеже тою поносного смертию хощет тя очистити от грехов твоих. И аще любезно я примеши, то Он, Отец твой небесный, сопричтет тя ко святым мученикам, за имя Его святое пострадавшим, и даст тебе по Своей Божией воле наследие восприяти во царствии Своем небесном.

«5. Егда же речеши: *Хлеб наш насущный даждь нам днесь*, и при сем глаголании мысль свою возведи на небо пред Самого жь Бога и проси, дабы напитал тебя не единым токмо хлебом, укрепляющим тело твое, но еже бы и душу твою напитал пищею, присудствующею ей. И о сем ведите, православнии, яко насущный хлеб заключает в себе трегубый хлеб, а не един токмо, иже во чрево проходит. Но и о духовном, то есть, дабы подал тебе Бог полезное слово слышати и еже бы оно вселилося в тя. О сем хлебе Сам Господь рек, глаголя, яко не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе Божии (Лук., гл. 4, стих 4); и по сему глаголу Божию нужно всякому человеку слышати словеса Божия, во церкви прочитаемая. Третие жь заключение хлеба, то есть святое и пречистое Тело Христово, о нем же тако Господь пресвятыми Своими усты рек: аще не снесте от сего хлеба, живота не имате в себе (Иоан., глава 6, стих 53). И аще кто при кончине своей сподобится сего хлеба достойне въкусити, то той человек во веки веков не взалчет. Тако бо Господь о теле Своем рек: ядый Мою плоть и пия Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем. И примече жидам: отцы ваша ядоша хлеб небесный и вси измроша; сей же хлеб, сошедый с небесе, да аще кто от него снесть, жив будет во веки!

«6. Егда жь речеши: *И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим*, и при том глаголании мыслию своею всякий человек сам ся осмотри, тако ли ты твориши, яко глаголеши: отпускаеши ли долги какие должником своим? Труден бо есть сей глагол памятующим какое ни есть зло на кого; наипаче же тыим труднши, кии человецы тщатся, еже б досада та отмстити. И таковому человеку како сия Богом уставленная нам молитва глаголати? Но лучши отставити, понеже сам на себя будеши Богу лгати. Речеши: "остави мне долги мои", и примечеши: "яко же и ты отпус-

каеши", — и словом пред Богом глаголеши, яко отпускаеши, а самым делом не токмо отпускаеши, но и мстити помышляеши. О, труден сей глагол глаголати тем человекам, кии должникам долгов своих не отпускают! Аще бо кто и пенязми должен кому, а заплатить ему нечем, годствует ему отпустити. А о досадах и помыслить не надлежит, еже бы месть какая учинити досадившему; но всякую досаду подобает мимо ушей пускати, дабы ветер по воздуху развел ю. И аще кто тако будет творити, той достоин будет молитву сию глаголати; а аще кто людем не прощает, то како той прощен будет от Бога? Тако бо Господь рек: аще вы не отпускаете человеком согрешений их, то ни Отец вашь отпустить вам согрешения ваша (Матф., глава 6, стих 15). И по сему Господню словеси не можно человеку у Бога прощения согрешением своим просити, аще сам никому согрешений не отпущает. Сие бо есть явная и самоизволная вина, еже пред Всевидещим Оком лгати и глаголати: "остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим", а ты не токмо долги пеняжные, но и в досадах своих не прощаеши. Богу бо не для чего лгати, понеже Он и не соделанная наша весть. А ты Всевидящему Оку глаголеши: "отпусти мне такожде", яко бутъто и ты, не токмо един, но еще и клевретов своих присовокупляеши, глаголя: "отпусти нам, яко же и мы отпускаем в согрешениях пред нами"; а ты и сам не отпускаеши, а не то что клеврети твои отпускали б согрешения людская. Ох, труден сей глагол всякому человеку злопамятливому, и отмстити желающему, и ни малаго долгу не отпускающему!

«И паки Господь, приводя нас к милосердию, рек притчею о должьнике (Матф., глава 18, стих 26), иже должен бе тмою талант. И егда приведоша его, он же нача кланятися, да даст ему сроку; господь же, видев его не имуща чем отдати, милосердовав о нем, отпусти ему весь долг. Он же, изшед, обрете человека, иже должен ему сто пенязь, то есть, токмо рубль един; и, ем его, давляше, глаголя: отдаждь ми должное. Уведа же господин, отпустивый ему долг великий, повелел привести его к себе и рече ему: рабе лукавый, весь долг аз отпустих тебе, понеже умолил мя еси; и не подобаше ли и тебе помиловати клеврета своего, яко же и аз тя помиловах? И за такое его немилосердие разгневался на него господь его, и предаде его мучителем. Тако и Отец Мой небесный сотворит вам, аще не отпустите койждо брату своему от серьдец ваших прегрешений их.

Видите ли, православнии; яко Господь повелевает прощать людей от всего сердца, чтобы и в серце никаковые злобы ни на кого не было. И сего ради будите милостиви, яко же и Отец вашь небесный милостив есть.

«7. Егда же речеши: *И не введи нас во искушение*, и во время сего глаголания подобает мысль свою возвести к Самому Богу и молити Его, дабы не допустил тебя ни до каковыя напасти, от диавола и от человек наносимыя. А аще чаеши каковой быти напасти, или какому грехопадению, то ты, во время моления своего, мыслию своею наводи на тое ти случение[125]; а аще жь и несть никакова случения бедственнаго или греховнаго, обаче ты прилежно Бога моли, дабы тебя ни до каковыя напасти, от диавола и от человек наносимыя, не допустил и соблюл бы тя. А аще, любя тя, Бога попустит на тя какому быть искушению, дабы тебя тем очистити от соделанных тобою грехов, тогда буди уже мужествен, любезно претерпи, яко Иов, дабы ти во оном веце с ним за терпение прияти венец славы. О сем буди вам, православным христианом, известно, что без Божия попущения ни диавол, ни человек, пакости никаковыя нанести не может. Сам бо Господь о сем нам изъявил, глаголя, яко и птичка, коих на денгу две или три купуется, и тая без воли Божией и упасть не может; о нас же тако рек, глаголя: вы же колми лучши есте птиц, — ваши и власы главнии изочтени суть (Матф., глава 10, стих 31; Лук., глава 12, стих 6)! И сего ради подобает всеми своими силами держатися Бога. А аще и попустит каковой беде, великой или малой, скорбети о ней не подобает, но всю свою печаль возлагати на Бога: Той бо весть, како тя от того избавити. А аще с радостию кто будет беды терпети, тот великую себе на оном свете приимет почесть.

«8. Егда жь речеши: *Но избави нас от лукавого*, и в том глаголании мысль свою такожде возведи на небо, пред Самого Бога, Отца твоего небеснаго, дабы ангелом Своим заповедал о тебе, еже хранити тя от диаволя ловления и от всякаго лукавства его, такождо и от человек лукавых. И не токмо от диаволя лукавства, или от человек лукавых; но моли, дабы ангел твой хранитель сохранил тебя и от твоего в тебе бываемаго лукавства, дабы и самому тебе не быть лукавым.

«И аще, православнии христиане, с таковым богомыслием будете сию святую молитву, от Самого Бога нам заповеданную, глаголати, то велми она будет Богу приятна. А аще кто и многократно будет

ю глаголати, а еже глаголет, ум его к Самому Богу на небо возведен не будет, то тща его молитва и прошение его ничтожно будет. Но подобна таковая молитва кимвалному звуку, понеже яко кимвал, что гласит, того сам он не ведает, понеже кимвал вещь есть бездушная, и того ради и не разумеет, что гласит. А человек душу имать, не яко скот, но словесную и Божий образ в себе имущую. И того ради не точию сию великую молитву, но аще токмо "Господи, помилуй" induced речеши, и то надобно с богомысьлием глаголати, а не просто; и той твой глагол паче многих молитв, изреченных без богомыслия, то есть, без возведения мысли своея на небо, доходнее до Бога будет:

«Боже Отче нашь небесный! Научил еси нас, како нам молитися и что в молитве глаголати. Ты же, Боже наш, научи нас и сему, како нам с богомыслием сию святую Твою и прочия молитвы приносити, и дабы нам, яко на небеси, так и на земли, в воли Твоей Божией жити, и со угодившими Тебе быти, и вечних благ наслаждатися в нескончаемые веки веков! Аминь».

Глава 8. О ИНОЧЕСКОМ БЫТИИ

А аще же, сыне мой, бывши во презвитерех, стадо Христово, врученное ти, управиши тако, яко от Самого Бога заповедано и от святых апостол и преемников их узаконено, а потом и моего наказания не отринеши, и управиши вся добре, а Бог не продолжит жития жены твоея, — и егда она скончается, то ты, не весма медли, оставь мирское житие, и врученное ти стадо отдаждь иному пастырю. И отдаждь их не просто, не яко наемник, но буди добрым пастырем. Прежде попроси о том Бога, дабы тебе избрал преемника ти добраго. И егда по воли Божией усмотриши презвитера богобоязливаго и о пастве радетелна такова жь, каков ты был, или и лучши себя изыскав, вручи стадо свое имянно и, кто каков был, дай ему знать. И детям своим духовным всем заповеждь, дабы они лучши того пастыря себе не искали. И кии тому твоему повелению послушни будут, те яве, яко прямые овцы суть Христовы; а кии не послушают, тии яве есть, яко хощут по своим прихотям ходити. Обаче ты пред Богом будеши прав, понеже ты им пастыря избрал добраго, а они под таковою паствою быть не восхотели, но пошли по своей воле; и которой человек ис паствы твоея и погибнет, на тебе Бог их не взыщет, но свободен ты погибели их будеши.

И отдав то свое стадо, не медля, мира сего и яже суть в мире — всего отрецыся. Аще и дети ти будут, возложи их на волю Божию и вручи их, аще свойственник ти есть доброй человек, или и не свойственник, его же увеси житием добрым живущаго; наипаче жь избирай из детей своих духовных, понеже ты и совести их веси; и, всю свою надежду возложа на Бога, вручи тому чад своих. И имение свое, каково имаши, ему же отдаждь. А с собою не моги ни детей своих, ни от богатства что с собою в монастырь взяти, но буди совершенный инок, не имущь не богатства, ни сродства. Един токмо Бог да будет тебе сродник. Той и богатство твое да будет.

Токмо развее возми с собою книги, кои тебе потребны, да пищей бумаги стопу место, или и болши, да чернил и перье, чем тебе писать. И между правила церковнаго и келейнаго празден не сиди, и времене живота своего напрасно не теряй, и никакими иными забавами не забавляйся. Но всю свою забаву первую имей в богомыслии; въторую — в книжном прочитании, з богомыслием же; третию жь забаву имей утешную: что ти от богомыслия и книжнаго прочитания приидет в разум, из чего может быти полза людем, предавай писанию, дабы оть того твоего труда людие Божии ползовалися. И еже напишеши на уединении, вся та, соверша, приноси на собор и объяви святей Церкви, да всем святым собором освидетелствуют, право ль ты написал и нет ли какой святей восточней Церкви противности. А потом и сверхь собора ученым людем обьяви, да и тии освидетелствуют и свидетелство свое подпишут своими руками.

А того себе не моги учинить, еже бы труда своего никому не объявить. Аще и высокаго разума будеши, и богословии коснешися, и на высокая своя учения вознадеешися, и того ради никого в совет себе не приимеши, то, сыне мой, ведая веждь, яко поткнешися. Вси бо прежде бывъшии еретицы, якоже Арий, Несторий, Македоний и Ариген[426], не ученыя ль люди были, а вси от умствования своего погибли. Подобне и Мартин Лютор: не ученой ли же человек был, а погибл бяше такожде, яко и прочии еретицы; и не токъмо един погиб, но и многое множество сластолюбиваго и слабаго народа с собою погубил. И сия вся отчего быша? Токмо оттого, еже, издав своя писания, святей Церкви не объявил и никого, страх Божий в себе имущаго, в совет себе не призывал. Но и вси тии еретицы вознадеялись на свой высокой разум и воспрещающим им никому не повинулися.

Велми бо сие богопротивно есть, еже на един свой разум надеятися и никого в совет себе не призывати. Сам бо Господь Бог о сем явно изрек, глаголя: идеже аще два или три собрани во имя Мое, тамо есмь посреде их (Матф., глава 18, стих 20). Видиши ли, сыне мой, яко Бог обещался тамо быти, идеже не един мудрствует, но в совет инех призывает; тамо и Бог пребывает и помогает. А кто на единаго себя вознадется, тии вси погибают, понеже тамо Бога несть, а идеже Бога несть, тамо диавол есть; а просто место не бывает. Аще кто по воли Божией что творит, то тут Бог пребывает и помощь Свою святую посылает. А аще жь кто станет творити не по воли Божией, но противным обычаем, то тамо противник Божий и водворяется, и учит творити вся дела, воле Божией противная, и на всякие злые дела поущати; и на всякую винность предложит разсудки лехкостныя, дабы ему повинувшагося в вечную погибель низвести. И сего ради ты, сыне мой, велми-велми самоумниченья бойся, дабы тебе Божия благодати от себя не отгнати и диаволу бы ловом не быти. И не токмо в духовном деле, но и в житейских делах велми пакостно, аще кто, вознадеявся на свой разум, и будет что без совета творити. И не токмо в созидании каком, но и в прошении, аще чего восхощеши у Бога просити: и о прошении повелел Господь перве совет положить, да потом уже просить. Тако Господь рек: аще на земли совещаете два о всяком деле, еже просите, будет вам от Отца Моего, Иже на небесех (та же глава 18, стих 19). И по сему Господню словеси отнюд никакова дела без совету делать не возможно, но вся с совету творити.

Совершенное иночество. Еще же ти, сыне мой, завещеваю: егда восприимеши иночество, то ты не токмо мира единаго отрекися, но и самого себя отрекися, и всего себя измени. Аще бо самого себя не сломиши, совершенный инок быти не можеши. Аще был ты в мире богат, тамо жь буди убог, яко самый убогий нищей; аще в мире был славен, тамо жь буди самый безславный человек, яко последний поселянин. Аще в мире был от всех похваляем и возвышаем, тамо жь буди от всех в похулении и поношении и уничтожен, яко брение непотребное; аще в мире был честен, тамо жь буди безчестен и от всех уничижаемый. Аще в мире был велик, тамо жь буди мал, яко младенец, ничего не смыслящь и никаковые досады не помнящь; аще в мире был господин, тамо жь буди раб всякому человеку: не токмо во обители, но и вне обители сущим буди раб и слуга, и служи

всякому человеку, как богатому, так и убогому, и самому последнему; яко обычай рабам, так себя и веди. Аще ты в мире людей бил, тамо жь ты буди от всех биемый, и биющим тя не супротивляйся ни делом, ни словом, но токмо кланяйся, глаголя: «прости мя, господине». Аще в мире был еси разумен, тамо жь, Христа ради, буди буй и ни пред кем умом своим не повысься, но буди яко совершенный простец. И не единым токмо видом, но и всем своим истинным намерением смири себя, и так себя снизь, чтобы никто тебя познать мог; еже есть в тебе умный смысл: буди яко един от самых несмысленных.

И коему ты иноку дан будеши в подначалство, и аще он и весма будет малоумен, или и злонравен, во всем ему угождай и ничего без воли его не твори. И аще повелит тебе дрова сещи, сецы; аще и мотыла[127] повелит ти очищать, очищай; и аще какову ти тягость ни наложит, вся понеси и исправляй, и повеления его не моги преслушати, но буди яко буй пред ним. А аще не тако будеши творити, то совершенным иноком не можешь быти. И тако пред ним себя смири, еже не токмо словом каким понести его, но и в мысли своей никаковые скорбности к себе не моги припустить; но всякое его досаждение приемли с самою любовию и люблением, понеже он не собою будет тя удручати, но тако Божия воля соизволила, ради лучшаго твоего спасения. И аще ты во всех злоключениях благодарен будеши, то ты истинный инок будеши.

А аще же кто и посторонней человек ударит тя по щеке, обрати ему и другую; и аще восхощет ризу твою сняти с тебя, отдаждь ему, ничтоже пререкуя (Матф., глава 5, стих 39); и аще и тяжко тя ударит, не супротивляйся ни в той час, ниже последи мстиши ему. И никаковым отмщением не мсти ему, и не токмо мсти, но и жалобы ни Богу, ни людем не чини. И аще кто вопросит тя, «за что де тебя бил оный человек?» и ты отповеждь, яко «без вины и скотины не бьют, то человека как без вины бить? вина моя явилась пред ним и по вине моей и наказание мне учинено; а без вины не стали бы меня бить». И аще паки тебя спросят: «да ты де знаешь ли свою вину, за что били?» и ты рцы: «а кто де вину свою видит? всегда де с стороны люди болши видят, а сам в себе вины своея никто совершенно познать не может; и того ради ни за брань, ни за побои гневатися отнюдь не подобает, но лучши рещи: прости мя, господине мой, или отче мой». А пред Богом рцы: «Господи Боже мой, аще сей человек, или

сии человецы били мя без вины, молю Тя, Всещедре, прости им грех сей и не мсти им, Боже! Аз грешен есмь пред Тобою, Боже мой, и за грехи свои должен аз и не таких ран!» А аще же кто будет на тя судии бити челом безвинно, и тамо, как можеши, уступай ему и глаголи: «прости мя, господине мой», и кланяйся пред ним, яко винный[424]. Никому ни в чем не протився. И аще вся тако будеши творити, то ты будеши совершеннейший инок и истиннейший ученик Христов, и древним святым отцам будеши подобен. И аще вся тако исправляти имаши, яко же предрекох ти, то ты сугубый венец от Бога приимеши, ибо за истинное иночество иноческий и венец получиши, а за благодарное злострадание мученическаго венца сподобишися.

А аще начальной твой монах, будет добр и милостив к тебе, то ты не ставь себе в находку, что он добр: понеже ратоборства своего противо диавола не положиши — и мученическаго венца не будет тебе. Велми бо полезно у злаго монаха и у малосмысленнаго в подначалстве быти. Обаче у Бога того не проси, дабы тебе у злаго и малосмысленнаго, или у разумнаго монаха в подначалстве быти; но вся та возвержи на волю Божию, и яко что ни случится ти, вся та любезно и благодарно приемли. Аще и благ будет ти началный инок, не скорби и о том, понеже Бог ведает, что ти полезно. Токмо ты всею своею силою держися Его, Создателя своего, воли, и о всем буди благодарен, и ничесого без повеления началника своего не твори.

И егда уже по воли Божией, а не по твоему происку, игумен из под начала тебя свободит и даст тебе особую келию, то ты не моги ее ни чим либо украшати, но какову примеши, такову и поведи. Паче жь храминнаго украшения, в ризах своих ни малаго украшения не твори. И егда риза твоя раздеретца, сам как можеши, плати ее, а швецам, дабы мастерски заплатили, не отдавай. Разве наставник возбранит ти самому платити, то отдаждь; а собою отнюд того не чини. И всячески тщися, дабы тебе при своей братии хужши ризы своя имети.

И всякое свое дело веди от мирскаго весма отменно. Вси свои дела поведи иноческие, еже бы тебе ни малым чим к мирскому житию согласно быть. И пищи по мирскому обыкновению не сочиняй, и сладостей никаковых не избирай ни в ядении, ни в питии. Но кии тебе яди не милы, те яждь а х каковым ядям или к питию мысль твоя приляжет, тех отнюд не вкушай; и не токмо въкусити от

таковых, но и во уста своя не влагай. И аще кую ядь или питие, от неведения своего, во уста себе вложишь и сладително тебе будет, то ты отложи оное и не вкушай более, еже во уста вложил. И аще кто речет тебе: «чесо ради не яси, или не пиеши сего?» — и ты того не изъявляй, еже ради воздержания не яси или не пиеши, но рцы: «и сам не вем, чесо ради претително ми стало быть; боюсь, чтобы мне здравия своего не повредити: и от единаго куска или глотка чуть не зблевал, и того ради и не въкушаю». Или как тебя Бог вразумит, так и скажи. А прямаго своего воздержания собою отнюдь никому не объявляй; развее отец твой велит ти что либо объявити, то и объявляй. А буде без людей во уста своя что сладост(н)ое вложиши и, буде люди не видят, выплюнь изо рта; и тако творя, уподобишися Савве Освященному, приявшему яблоко и ногами своими поправшему. И что ти ни случитца видети сладимо, или лакомо, или зрению миловидно, того весма удаляйся; но что противно зрится, те яждь яди. Такожде и о питии твори. И тако исправляя, никогда не объяшися и не отяготишися, и плотию своею не одебелееши, но велми легок и здрав будеши и век твой продолжится.

И кии яди будеши ясти, не услаждай их. И аще празднуемый день, то ты, ради праздника, разреши на масло, и то толко чин отправь разрешения, а положи в ядь масла самое малое число; а благовоний отнюд никаковых не клади в ню. И аще рыбную похлебку будеши строить, то ни петрушки, ни иных потрав[429] не клади в нее, но вари просто. Токмо аще придет к тебе гость странный, и его ради всячески украшай яди, да не явишися постник; и то аще началник твой позволит тебе тако творити. А собою и того отнюдь ничего не дерзай творити, но весь буди неволником. Возложил ты руку свою на рало — и въспять нимало не озирайся; буди житием своим и всякими поступъками инок, и еже бы тебе нимало мирскому житию непричастну быти. И аще, ради гостя, яди усладиши, а сам не весма их яждь, но токмо лица ради отчасти яждь, дабы тебе гостя своего в зазор не привести. А аще наставник не послабит ти и гостя ради яди учреждати со украшением и услаждением, то ти, без зазору, тем и потчивай гостя, чем сам питаешися, и гостю не оговаривайся. Не рци такова словесе, еже «не осуди», но чествуй его просто, как надлежит по обычаю; и тако не глаголи, яко от неразумения глаголют: «пожалуй, покушай, чем Бог послал», но глаголи: «покушай, что Бог прислал». А того весма стерегись, дабы тебе не рещи тако, еже: «не-

чем мне побить челом»; но аще и сухой хлеб случится, тем и потчивай, без оговорки.

И во обители з братиею своею живи, яко с родными братиями, или и паче родных. Буди ко всем любовен и никого ничем не обижай, но лучши сам буди от них обижен. И каков человек ни изобидит тя, не гневайся на него, но буди всегда ко всем каков к любящим тя, таков и к обидникам; и к ругателем твоим буди, яко ничтоже слышай; и тако творя, истинный раб Христов будеши.

И вещей, кии состроены добрым мастерством, не имей при себе, ниже в келии своей держи ради своего очезрения. И любления твоего ни малаго к ним бы не было.

И из монастыря, в нем же пострижешися, буди неисходен. И аще и свойственники твои, в мире живуще, будут тебя требовати, аще и дети твои востребуюють тя, отнюдь не ходи к ним, никаковы ради нужды, но буди яко недвижимый камень. Уже бо ты мира и яже суть в мире отреклъся еси, то въспять уже не обращайся, яко пес на свою блевотину, и ни зрения, ни ума своего в мирская дела не обращай, да не будеши столп слан, яко Лотова жена (1 Моис., глава 19, стих 36). Но буди весь в Бозе, да и в тебе Бог пребудет. Богу та обещание свое дал, Богу и работай; Той твой сродник, Той твое и богатство, Той твоя утеха и веселие. Но глаголя со избранным сосудом Господним, святым Апостолом Павлом (к Римл., глава 8, стих 35 и 38-й): кто мя разлучит от любве Божия? но ни скорбь, ни теснота, ни гонение, ни глад, ни нагота, ни беда, ни самая смерть, ни живот, ни ангели, ни начала, ни силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни иная кая тварь может мя разлучити от любве Божия! И аще ты, сыне мой, сицевую к Богу будеши имети любовь, то ни мир сей, ни дети твои, и никакая вещь, в мире сущая, вредити тя может, но вся тебе покажутся тмою и мерзостна ти явятся; ты же, яко орел, возлетиши на высоту небесную и к прочиим святым причтешися. Аще бо в совершенной любви Божией будеши жити, то житие твое будет сладостно паче царскаго жития. Ни о чесом печаловатися не будеши: скорбь тебе будет паче здравия, теснота твоя — паче великаго пространства, нищета твоя — паче великаго богатства, и ни кая тварь или вещь вредити тя может.

Попечение жь свое, паче своего спасения, имей о людском спасении. Иоанн Златоустый тако глаголет: яко аще будеши пещися о своем токмо спасении, то ничим же лучший будеши закопавшаго

данный талант в землю (Маргарит, лист); тако бо святый Златоуст толкует о закопании таланта.

О избрании на начальство. Аще же, сыне мой, братиею возлюбят тя и восхощут на каковое либо начальство возвести, то всячески, яко же тя Бог вразумит, отбывай от начальства, понеже начальство велми тяжелоносно есть: хотя и не хотя согрешиши. Того никогда не избудеши, еже бы ти пред Богом, или пред братиею своею не погрешити. Аще начальство свое будеши крепко вести и монахов в руках держати, то вси тебя возненавидят и имут тя злословити. А аще же будеши велми уступчив и братии волю подаси, то пред Богом согрешиши. И кии под твоею паствою будут, а ты их не упасеши, то Бог взыщет на тебе, от перваго и до последняго человека, погибшую душу, и на суде Божием ничем не извинешися, но за всех погибших ответ воздаси. Тако бо Господь чрез пророка рек и простолюдину начальствующу: еже погибших душь, под рукою его живших, от руки его взыщет (Иезек., глава 34, стих 10). А ты не простолюдин сый, но вождь имаши быти ко спасению: то како ти не пещися, дабы души их вечною погибелю не погибли?

Аз ти тако повелеваю: аще от начальства избыть не возможеши, то ты отложи своея души спасение и всею своею силою пекися о спасении монахов и белцов[430], под рукою твоею живущих, дабы тебе пред Богом не тщу явитися и дерзновевно бы тебе реши: «се аз и дети моя, их же еси дал мне; во Твое святое Имя упасох их, иже ни един от них погибл бяше!».

О начальстве иноческом. А аще же ты, сыне мой, никоим образом не отбудеши начальства, то ты вначале сотвори всенощное бдение, и моление простри к Богу просительное прилежное, дабы тебе послал Свою божественную помощь. Канон же в просителном своем молении вели читать Богу Отцу небесному, дабы Он по Своей воле тебя управил. И не просто у Бога проси, но от всего своего сердца; и слезы пролей доволныя, дабы Бог в правлении твоем управил тебя по Своей Божией воле, а не по твоей, ниже по прихотям братским.

И первее приими святую церковь; и что есть в ней святых икон, и сосудов церковных, и книг, и риз, а колико церковных денег, и что чего ни есть, все опиши имянно и пересмотри своим глазом. Такожде осмотри и опиши, колико и монастырьской казны, и что в житницах какова запасу и припасов, и колико братии свободные,

и колико в службах, и в каковой кто службе, и колико каких служебников, и колико вотчин каких и заводов, и колико крестьян, пахатных и оброчных, — и против книг пересмотри, нет ли каких пришлых, — такожде колико монастырьскаго скота, и колико монастырской земли, пахатной и сенокосной, и колико всеяно монастырьскаго хлеба? И аще рекут тебе: «сие де не твое дело, но келарское», — и ты им рцы: «вем и аз, еже келарь тыя дела управляет, и аз того дела у него не отнимаю; но мне надобно токмо знать и ведать, каков приход и каков росход, и мы, по тому смотря, и управлять повелим».

О сем же молением молю тя, сыне мой: Господа ради, никаковых, по властелинскому обыкновениюю, прихотей своих не исправляй и излишних никаких росходов не чини, но того токмо смотри, како бы тебе пробавитися. А и пищи особые отнюд себе не строй и в келью себе не бери, но яждь въкупе з братьею за трапезою; и коя пища про братью сварена будет, ту и себе поставляй, и хлеб, которой про братью испечон, тот и ты яждь. А особые никаковые пищи вышши братские не поставляй пред себя, и излишняго масла, паче братскаго, отнюд во свои яди не полагай. Аще до тебя как ни было, но ты поведи так, как Сам Христос творил. Ибо Он, аще и всего света Игумен, а апостоли у Него были самые убогие люди, — обаче от них особаго Себе кушания не употреблял, но что апостоли, то и Он вкушал. И егда, за каким случаем, за трапезою не будеши, то и тогда в келью к себе отнюд никаковые яди не вели приносить особые, но что про братью изготовлено, то а в келью себе вели подавать. И егда приидет день праздничной разрешеной, то ты повели представить, во утешении братии, вина и пива; и ис коей бочки будут вино или пиво цедить про братию, то из той же и пред себя повели поставлять; а особаго никакова питья отнюд себе не имей. И аще сам и не будеши вина и пива пить, — о сем и аз тебе приглашаю, еже бы тебе отнюд пьянственнаго питья не пить, — а братии порядок праздничный без уятия поведи. А аще же и не можеши того учинить, еже бы тебе вина не пить, то ты лише чина ради вкуси; а того никогда не моги учинить, еже бы ти напитися допьяна. Аще и гость случится, ни его не принуждай, ни сам не упивайся, но паче в духовных беседах забавляйся.

А и во одежди имей равенство з братиею. Аще и в степенном монастыре будеши, обаче одежд мяхких не носи, а наипаче от шел-

ковых одежд удаляйся; но каково на братье, таково и на себе имей. Не ищи ты себе чести по мирскому обычаю одеждами, но ищи добрым нравом и духовным подвигом.

А и в работе монастырской, идеже надлежит братии работать, — во огородном управлении, или на сенокосе, или и на иной какой общественной работе, — то ты не палцом, ниже посохом указуй, но самым делом, своима рукама помогай. Аще бо ты в коем деле сам будеши работати, то дело оное велми будет споро, понеже вси будут со усердием работати; а се, видя Бог твое смирение и трудолюбие, пошлет ти помощь свыше. А того себе в разуме не влагай, еже мнози не смеют сами трудитися и во всем равенъство з братиею имети, глаголюще и помышляюще в себе, якобы то стало быть уничижение, еже з братиею во всем равенъство имети, а уничижение де паче гордости. Веждь ты, сыне мой, яко то разсуждение от неприязни есть. Но ты буди сам в себе тверд, сам о себе высоко не помышляй, буди яко ничтоже сый; а посторонние люди аще тя похваляют, аще же и хулят, ничему тому не внимай.

А аще же таковое неприязненное разсуждение себе приимеши, то доведет тя и мяхкаго одеяния, и возжелаеши и шелковых парчей, и не токмо лисьих или бельих исподов, но и собольих востребуеши, и заморских питей, и всяких вещей миропрелестных[431] возжелаеши при себе имети. Но ты буди тверд, яко адамант[432]: ни в каковые прихотные толки не вдавайся. Мартин Лютор во многия толки и в различная разсуждения вдался, то до того довела ево неприязнь, еже и иночество с себя сверг, и блудное падение ни во что вменил, и ни в чем греха не сыскал, но что ни возжелал, то ему и свято. Тако его диавол безумными разсудки уловил, еже блудное житие паче иноческаго предпочол, и в таковых разсудках не токмо сам един, но и инех сластолюбцев многое множество погубил.

Ты же, сыне мой, буди буй Христа ради, да мудрящихся посрамиши. Тебе непочто много испытовати и примеров искати: зри на единаго Христа Бога своего. Носил ли Он бархатное, или атласное, или и иное каковое шелковое одеяние? Но токмо шерстяное, и то — гладкое, а не узорчатое. То тебе не довлеет ли шерстяного же одеяния? Ей, довлеет и ни от кого зазримо ти будет. А и испода не погнушайся овечьяго носити. Пошол ты вслед Господа своего, требе тебе и учитися от Него всякому смирению, а не люторовой гордости. То веждь, еже Господь собольих и лисьих, ни рысьих исподов не носил; но егда

и лучалось Ему в зимнюю пору, то Он овечей носил, а не иной какой. И аще будут тя иинии в том зазирати, но ты сам себя не зазирай; аще и нарекут тебя буим, или прелестником, ты тому и радуйся, токмо лише сам в себе и в помышлении своем не повысься.

И аще и худы рубища и многошвенныя носити будеши, а братию в руках крепких держи, дабы без твоея воли не токмо что делали, но и за монастырь отнюд бы своевольством не ходили. И егда кого и отпустишь, поставь ему срочной час, в он же в монастырь ему приитти и лицу твоему явитися. А аще во уреченный час не приидет, или и придет, да тебе не явится, и колико часов он за уреченным сроком прогуляет, толико дней да работает в хлебне, или и во иной какой тяжелоносной работе. К тому же не худо и поклонов, поколику мочно, наложить ему исправляти.

И каково правило монастырьское уставиши, то уже твердо ево храни. И вся своя уставы писмом подтверди, дабы они были неподвижны: как ты что начал, так и соверши. А аще в чесом против своего повеления послабиши, то всем своим уставам порок учинишь. Буди не токмо во уставех, ко и в словесех своих, яко камень и яко мраморный столп, неподвижен, и кому какое слово ни речеши, храни ево, дабы тебе в чем самому себя не опорочить. И ради своего постоянъства, скоростно слова своего не давай, но первее помысли, мочно ль ему состоятися? А аще в коем слове и прошибешися, последи уже не раскаевайся; но как уже рек, так и твори, токмо аще не на пагубу души.

И аще возложиши на ся какое прибавочное иго, то ты понеси ево вътайне. А братии, сверх настоящих, игоношений не налагай; токмо того смотри недреманным оком, еже бы не ослабевали в настоящих своих правилех.

Сий же устав положи неизменный: дабы, во все четыре посты, вси, от началнейших монахов даже и до последних, постились и Тела и Крове Христовы причастники были. А наипаче тщание положи, чтобы большая часть причастников было на Христов день, на Петров день, на Госпожин день[433] и на Рождество Христово. И тако праздники тыя будут с трегубым торжеством — духовным, душевным и телесным — празднуеми.

Егда же поедеши во град, аще и до великаго какова лица, поезжай не славно, но яко простой инок, дабы тебя никто не познал, что ты игумен или архимандрит едешь. И дондеже здоров будеши, то

езди, не стыдяся, верхом: ведаешь ты, яко и Сам Христос верхом ехал во Иерусалим, а не в корете. А егда изнеможеши, или престарееши, то езди в небогатой коляске и вапами[434] разноличными не украшенной; и з дышлом бы никакая твоя коляска, ни сани не были, но — с оглоблями. И, ради посылки, емли с собою токмо одного вершника, да возницу; и буде потреба есть, то при коляске имей пешаго человека; обаче подле коляски в пути не вели ему итти, но стоял бы или сидел позади коляски. А иноков никаковых в послужение свое отнюд не бери, понеже он брат ти есть и клеврет; аще саном и не таков, каков ты, но чином таков. Но токмо развее аще поедеши куды служити, то, ради церковнаго служения, служителей церковных, елико мочно, ко управлению емли с собою; а кроме службы, для своея чести или для суетные славы, отнюд монахов не бери с собою.

И аще кто ти речет; «отче, чесо ради ты монахов при себе не имееши?» — и ты ему рцы: «монахи слуги суть Божии, а не мои; к сему же и потребы никаковые несть, еже волочить их мне за собою по городу; они обещались служить Богу, а не мне; а и я, господие, такой же чернец, каковы и они; то чернъцу и честь, еже где он пострижен, тут бы ему неисходно и кости свои положить». А аще кто и от великих лиц будет ти глаголати: «отче, чесо ради ты платье на себе имееши не по сану своему, но велми худо? а и людей при тебе никого нет; пришол ты, яко един от убогих; или де ты не веси, что уничижение паче гордости?» — и ты ему отповеждь: «господине, вем и аз, еже притворное, яко уничижение, тако и смирение, паче гордости; о сем же буди благородию вашему известно, еже я сие творю не притворно и не по своему изволу. Я бы по своему изволу рад был носить и златотканные одежды, да никоими делы нелзя мне себя украшать, понеже до меня то зделано, еже постригающемуся во иночество — отрицатися мира и всего, яже суть в мире. И аз, по тому предуставленному чину, всего, яже в мире водитца, отрекълъся с обещанием: то како могу я, яко пес, обратитися на свою блевотину и паки за миръское украшение ми принятися?» Или как тебя Бог вразумит, так и отповеждь ему. А о рабех единем словом отразиши глаголя, яко «аз и сам раб есмь: на то я от Бога зделан, что(бы) работать мне».

И аще речет ти кто: «да ты де посмотри на свою братью, как они ходят и ездят», — и ты ему рцы: «аз о них не знаю; а о себе добре свем, еже вящше сего не вем, како себя украсити, или как себя возвысити. Мне такова и платья взять негде, я самой человек убогой:

кои у меня пожитки и были, те все остались в мире; а монастырьские казны аще и много, да она не моя и есть. Не можно мне от тоя казны и единаго пенязя взять вышши братия своея, то я како одежуся паче братии своея? откуду я могу что взять? А аще кто изволить ми от себя ризу и получши сея дать, то буду носить, токмо аще не шелковая будет. А шелковые мне никоими делы носить не возможно: понеже Христос не носил шелковых одежд, аще и Бог сый, то я как дерзну паче Господа своего одеяние носити? Господа ради, не дей меня. А се, завещание отеческое не повелевает ми и мяхкаго одеяния носити, а не то что украшающаго мя. А се, я, господине мой, грешен есмь и, за грехи свои, не достоин и сицеваго одеяния носити, кое ныне на мне есть». Или как тебя Бог вразумит, так я отповежды; токмо не гордостно глаголи, но с самым смирением.

И аще по уставу монастырьскому, прежде тебя уставленному, надлежит тебе взять из монастырьские казны, при братних дачах, въдвое или вътрое, или и вящши, и буде тебе не мощно того минуть, еже того уготовленного ти участъка не взять, то ты при братье возми, а последи, утаясь от своея братьи, излишние денги возврати паки в казну, или бедствующим раздаждь; а себе оставь токмо толико жь, поколику братье досталось. Такожде и от церковных доходов, что на твою долю придет, не копи себе на увеселение, ниже на погребение свое, но отдаждь их неимущим; а сам, Христа ради, буди нищь и ничем же богачшь паче своея братии. Възозри па святыя отцы: на Сергиа Чюдотворца и на Феодосиа Печерскаго, иже по одеждам никто их познать не могли, что они игумны, но мнели от самых нижших монахов, понеже одежды были у них многошвенные. И ты, сыне мой, сиим предводителем своим ревнуй и таковому же смирению внимай, иже ин гряды сам копал, а ин возницу своего посадил в телегу, а сам, верхом седши, вез его; обаче вси почитали их. И тебе, сыне мой, аз велми завещеваю, еже бы тебе изменные[435] ризы имети; но и дву риз не имей у себя, и, тако творя, будеши евангельской ученик (Лук., глава 3, стих 13) и Самому Христу последователь, понеже Господь едину токмо ризу имел, а переменных у Него не было. А аще же изменныя ризы будеши имети, то ты будеши святому Евангелию противник. Ты, сыне мой, то себе вежды, яко аще кой совершенный Божий раб, тот никогда не зазрить, но токмо похвалит. Обаче ты ни на хулу, ни на хвалу не смотри, но токмо сам себя смотри, дабы твое сердце не вознеслося.

И аще ти неприязнь будет разсудок какой предлагати люторскаго мудрования, якобы лучши извне одеяние мяхкое носить, а извну носить власяница или вериги, и аще того неприязненнаго совета послушаеши, то тебя уловит диавол такожде, яко и Мартина Лютора. Диаволу трудно человека с места неподвижнаго сътронуть; а егда с постоянъства стронет, то уже и овладает им, и еже хощет, то в нем соделает. И аще восхощеши от коваръства диаволя убегиути, то ты от завещания моего нимало не уступай. Хотя тебя будут пересмехать, хотя ругатца станут, или нарицать тя будут святым человеком, или прелестником, или и самым дураком, — ни на что не смотри, но стой яко мраморный столп неподвижный. Все свое упование во едином Бозе положи.

А буде не возможеши чем отговоритца от зазирающих тебе, то ты всю ту вину возложи на меня. И не токмо людям сказуя, но и сам своему размышлению положи во основание мое тебе приказание, и сам в себе рцы: «буди воля Божия во мне; аще ми в пользу, аще и не в ползу, не собою я тако похотел, но завеща мне отец мой», — то и легко ти будет, понеже тою твердостию неприязненный совет проженеши от себя. Древле отец Ионадав детям своим не повелел вина пить, то они не то, чтобы простолюдина, но и пророка Божия не послушали, и пить вина не стали, глаголя: отец наш, Ионадав запрети нам, да не пием вина (Иерем., глава 35, стих 6), — и пророк болши и нудить не стал. Тако и ты рцы, яко «отец мой закля мя, еже ми мяхких одежд не носити, ни изменных риз имети; и кии наша братья не под заповедью, тем не трудно носить и мяхкая, и разновидная одеяния, а мне никоими делы носить не можно». И таковым глаголом паче проженеши от себя препинателей своих, и не поставят, тебе ни во уничижение, ни в святость, но всю тою вину возложат на меня.

А аще ты, сыне мой, восхощеши и власяницу на себе носити, или и вериги, то я тебе не запрещаю. Токмо ты носи под тем своим худым одеянием, а ради тайнаго игоношения не разрешай моего ти завещания. Ты помыслишь, чтобы тебе диавола обмануть, но веждь, яко диавол старее тебя; и каков ты хитр ни возмнишися быти, а он стократно тебя хитрее. Лучши живи просто, яко же аз ти предложих, и с прилежанием Бога моли, дабы тебя диавол каким подлогом не искусил бы. И какая тебе новая мысль ни придет, мнящаяся быть ко спасению, бойся ее творити, но держися настоящего своего правила. Аз и отец твой, обаче в совершенный закон сего своего завещания не поставляю; но аще соборне святии архиереи соизволят

тако держати, то держи; а аще же не соизволят, то ты у отца духовнаго приими благословение; а собою, ни мною отнюд не умъствуй.

Весма и всячески подобает диаволих козней хранитися. И аз не вем, что сего твержжши, еже и в настоящем игоношении, да неподвижно стояти? Всего паче ты, сыне мой, сам себя смотри, чтобы тя диавол не обманул чем. Диавол бо таков хитр и злокознен: въначале поведет человека на доброй путь, желание вложит великое, да и способ доброй подаст к добрым делам; егда же человек подвигнетца, и обещание на ся возложит, и в дело подвижное въступит, то тогда уже и начнет с того подвига совращати: нанесет на него леность, и вложит в мысль разсудки люторские легкостные, и тако и введет в горшую погибель. И таковою хитростию коварною диавол многое множество низвел в вечную погибель.

И того ради ты, сыне мой, не буди спешен к восприятию прибавочных игоношений, но буди спешен к совершению, дабы тебе поругану от него, диавола, не быть. Аз ти глаголю; стой ты неподвижно в том, еже бы ти одеянием и пищею с братиею неотменну быть, и в прочиих уставех монастырских стой твердо; будет ти и того доволно ко спасению твоему. Аще бо высоко поднимешися и не устоиши на той высоте, то, падши, болши разбиешися; а аще низенко пойдеши, то аще и подкнешися, не велми разбиешися и скорее востанеши. А от высокаго падения едва уже кто может исцелитися, но многшии погибают.

И аще ты, сыне мой; ради лучшаго своего спасения, и восхощеши к моему завещанию какое игоношение приложити, то ты приложи не болшую часть, и то — не до кончины живота своего, но токмо на время, на год место, или и на месяц един. И егда един месяц исправиши без порока, то подвигнися и на второй; и тако можеши и всецелой год исполните. А затем, смотря по своей мочи, можеши и на всецелой год заложити своего обещания; а больши года отнюдь никакова на себя ига не налагай. А и на год положа, храни уже опасно, дабы тебе в чесом не погрешити и во обещании своем Богу не солгати. И в том своем обещании годовом положи твердое число с запискою, дабы тебе цело год соблюсти; а буде же из обещания своего и един день утратиши, то ты и весь свой труд годовой погубиши. Аще бо ти и тяжелоносно явитца, а из уреченнаго числа не моги ни единаго дня послабити себе. Но егда весь год без уятия и безпорочно во исправлении своем совершиши, то тагда

можно ти будет и отставити, и в той отставке греха ти не будет и диавол не прикоснетца к тебе. Он того ищет, дабы человек во обещании своем погрешил: аще бо кто в наложенном на ся иге, а наипаче аще от отца духовнаго в наложении не устоит, то над таковыми человеки диавол власть великую восприемлет; а дондеже твердо будет кто стояти, то того человека диавол вредити не может. И того ради подобает велми в восприятых игоношениях человеку твердо стояти, дабы диаволу власти над собою не дати; и того ради никакова ига излишняго до смерти своея не подобает налагати, дабы вечне себя не погубити. Всякое бо дело не начинанием, но совершением красно и полезно.

И колико у тебя ни будет братии, всех жития досматривай, как кто в келлии своей жителствует и чем себя забавляет; а просто деток своих не мечи, чтобы кой не заблудил куды. А наипаче вечеровою порою, по кельям ходя, посещай их почасту и смотри пилно, кто что делает, не праздны ль пребывают. А буде кого увидиши пьяна, или и непьяна, да в пустошных словах забавляющася, то таковых отдавай во смирение. И ради своего присещения, келей запирать им не вели, чтобы тебе нечаянной к ним вход иметь. И в чуланах, и во иных сокровенных местех прилежно осматривай, нет ли какова непотребства, иже монашеское житие враждает.

И присещая, без того из кельи не выходи, еже бы тебе каковым словом не поползовати его от Божественнаго Писания. А и во церкви, после литургии, просто братии не отпускай: что ти Бог на разум наведет, хотя слова два-три на ползу скажи; а без того не изходи из церкви, еже бы не сказать какова полезнаго словесе. Буди истинной им пастырь, и на всяк час то и помышляй, как бы тебе братию упасти и во царство небесное възвести. А наипаче иноков поучай, чтобы непрестанно в трудех были, и из иноческаго обещания не изступали бы, и правила своего не отлагали бы, и правила бы читали не борзяся, чтобы мочно было внимать чтомому, и ни в какие бы забавы не вдавались, но токмо в книжное читание и в богомыслие.

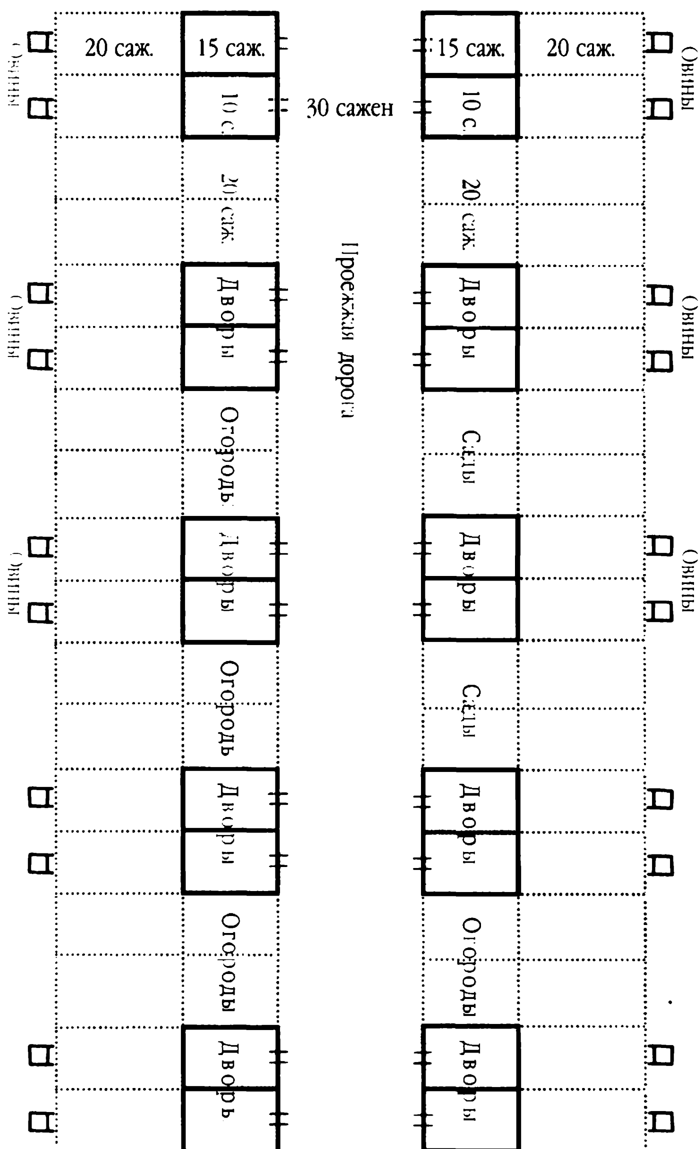
А велми бы добро было, еже бы устав положить, чтобы, кроме праздников, ни каковому бы женскому полу входу в монастырь твой не было; а и в праздничную пору ходили бы токмо в церковь; а по кельям бы и свойственницы к свойственникам отнюд не ходили бы. И ради верности, избери монахов самых добрых, чтобы смотрили того накрепко, чтобы какая жена или девица в келью х кому не прошла.

А и на приказы по селам и деревням старцов и пожилых отнюд не посылай, но посылай слуг монастыръских женатых; а холостых и вдовых не требе и их посылать. И посылай их не по прежнему обыкновению, погодно, но усмотри, кто в них каков радетелен. И коего усмотришь, что крестьян не разоряет и ничем их не обижает, а монастыръские доходы все цело собирает, то ты вели тому на приказе быть безпеременно, хотя до самые смерти. А которой прикащик будет крестьян чем обижать, или монастырьские доходы тратить, или от сторонних обид крестьян оберегать не станет, таковому не то что год дать досидеть, но и в один месяц надлежит переменить, и въпредь такова уже и на малые приказы не посылать, но такова в работу повратить. И на то смотря, иные будут опасны, дабы такова же пороку на себя не навести.

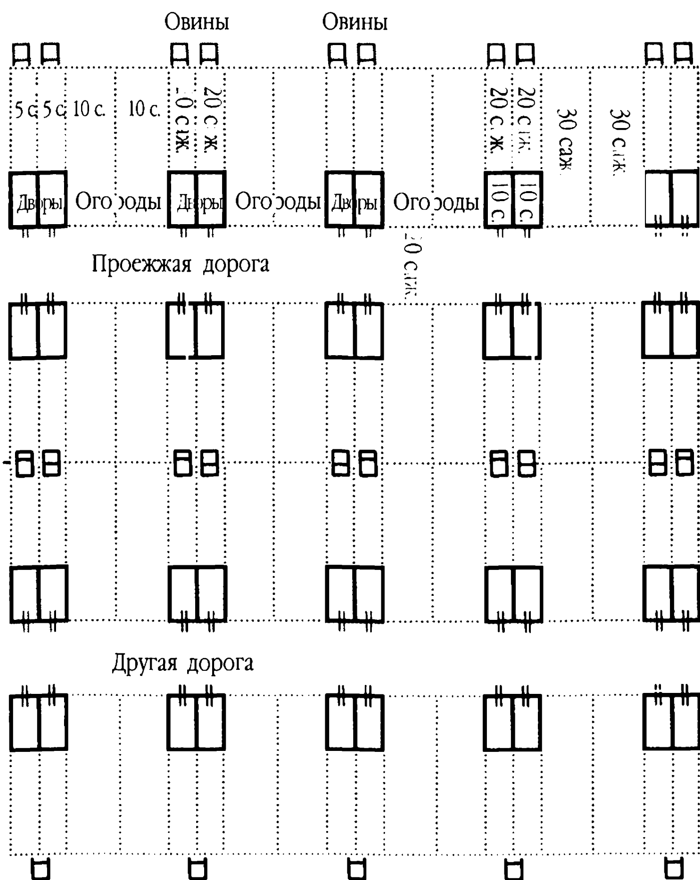
Еще же тебе, сыне мой, совет даю. Аще ти случится поселить где деревня внове, то ты дворы им розмеряй не по прежнему обыкновению, узки и тесны, но зделай их шириною сажен по осми, иль по десяти; да и строй их въместе толко по два двора, гнездами; да отступя от тех дворов сажен дватцать, или и болши, другие два двора поставь; и паки и от тех дворов толикое же число отступя, поставь два же двора. И аще случитца тебе хотя сто дворов поставить, то ты все ставь неизменно по два двора въместе, а между ими простые бы места были, шириною по дватцати сажен, или и болши. И те порожжие места вели разгородить надвое, чтобы тут были два огорода к обоим дворам сумежным; и на тех порожжих местех вели насадить яблоней, или и овощи вели садить тем крестьянам, коим они смежны будут.

Такожде аще где выгорит село ваше монастырское, или и деревня, то ты запрещением запрети, чтобы без твоего указа не строились; и аще не велми в далекости, то сам съезди и дворы им размеряй таковым же манером, по вышеписанному розмеру. А по прежнему, сплошь двор подле двора, строить отнюд не попускай. И кая деревня сидела на полуверсте, а по тому розмеру аще протягнетца на версту, или и на полторы, то о том тужить не о чем. Земля та, коя меж дворов, не туне пролежит: буде кой крестьянин не похочет овощу садить, то хотя жито, или конопли сей. А строенья бы на тех порожжих местах отнюд никакова и малаго не строили. А проежжие улицы вели делать шириною сажен тритцати, или и болыпи.

Строй же сицевым розмером[436]:


20 саж.
15 саж.
10 с.
20 саж.
30 сажен
Проезжая дорога
Овины
Дворы
Огороды
Сады

А аще же протягнутися по одной линее, за реками или за иным каким препятствием, не можно, то ты, колко уставитца дворов, толко и поставь. А ради тесноты аще дворы и уже десяти сажен построиши, и аще дворы и по пяти сажен шириною пустиши, а промежков меж дворов отнюд уже дватцати сажен не делай. Такожде и овинов ближе дватцати сажен не строй же. И буде место удобно будет под те дворы, то вели строитца в другую линею таковым же розмером: овины к овинам, а дворы от овинов отступя дватцать же сажен, — ***сиим розмером***. А улиц менши 20 не пускай, чтобы в пожарную пору мочно было отстоять другие стороны дворы.



И аще по сему розмеру кои деревни построишь, то та деревня, или село никогда все не згорит, но болши дву дворов не будет гореть. Разве гораздо будет ветрено, то дворов пять-шесть згорит, и то развее когда дома людей не изгодитъца; а как люди станут на кровлях с водою, то и в ветренную пору болши дву дворов не згорит.

И аще сие дело видитца и дико, а егда построятся и оживутся, то всем тогда улюбитца, понеже, от утеснения, у крестьян не токмо пожитки их, но и хлеб, и скот погорает, и от того они в конец разоряются и в нищету приходят всеконечную. И егда увидят и уразумеют, что полза есть от такова манера, то и сами крестьяня будут владелцов своих просить, дабы дворы им такожде построить гнездами; а тебя будут блажить и Бога молить. У нас в России ни от чего так люди не разоряются, яко от огненнаго запаления. Воры аще у кого покрадут, то остатки будут, а что и покрадут, из царства вон не вынесут, ни в воду, ни в огонь не кинут, но все в людех будет, и царственное богатьство от воров и от разбойников, не весма погибает; а от огненнаго паления всякое богатьство с сего света погибает, и того ради ни о чом тако не годствует пещися, яко о охранении от пожаров. И того ради и в монастыре своем отнюд келей деревянных в близкости не строй, но так строй, чтобы мочно было от пожарного случая отнять.

А потом пекися и о том, чтобы крестьяня не ленились: всю бы пашню, как монастырьскую, так бы и свою всю, поднимали и хлебом бы засевали. А буде кто оскудал и земли засеять нечем, то их монастырским хлебом съсужай; а буде же и пахать ему нечем, и ты и лошадь ему дай, или згоном вели ее въспахать. А и в житве вели присматривать, чтобы которой крестьянин не упоздал житвом. В работе же монастырской не велми их удручай, дабы они в своих делех могли управитися. То не велми добро, еже аще монастырь богат будет, а крестьяне нищи; но то самая похвала, еже бы монастырь был всем доволен, а крестьяне бы были не убоги. Крестьянам никоими делы не токмо богатим, но и сытым быть невозможно, аще ваша братья разумны и розводны не будут. Как бы кой крестьянин в трудах своих ни силился, а владетели их будут препинать, то сытой и радетелной в нищету придет; а аще вашь брат началник каково о своей сытости, таково и о них будет пещися, то и самой убогой и ленивой будет сыт.

Господа ради, во всяких делах смотри сам, с прилежанием, а на келаря и на иных присутствующих к тому делу не полагайся; но сам всякие дела своим оком смотри, и ум свой въперяй не прилпом[457], и как что уразумееши быть лучши, так то и управляй.

И аще которой крестьянин побьет челом на своего брата крестьянина же о обиде какой, то ты, без всякие мешкоты, не посылая по ответчика, пошли самаго вернаго и разумнаго старца и отпусти ево за клятвою: призови ево в церковь и прикажи ему святое Евангелие поцеловать, еже бы ему третьих допросить, на коих челобитчик слался, порознь, самою правдою, без поноровки исцу и ответчику. И спрашивал бы не по приказному обыкновению, но по самой истинне, как то их дело началось и как окончилось; и что первой скажет, другому бы тех допросов не давал знать; и всякаго свидетеля спрашивал бы сначала, как то дело началось и как окончилось. И аще их будет человек десять, или и болши, то всех бы допрашивал сначала же и порознь, чтобы друг про друга не ведал. А потом вели спросить и кроме тех третьих, посторонних людей, кои в съсылку не написаны; и спрашивал бы их за кресным целованием. А буде же будет у них спор о земле, то бы и земли досмотрил и освидетелствовал посторонними людми. И егда тот сыск привезен к тебе будет, и ты разсмотри со вниманием, как кто сказал. И буде совершенная вина того, на кого истец бил челом, то пошли по ответчика; а буде челобитъчик виноват, то, не посылав по ответчика, исцу тому откажи и наказанье учини ему, чтобы въпредь не повадно было ему, и иным, таковым же обычаем свою братью убытчить.

И буде ты, сыне мой, будеши игумном и во убогом монастыре, тут и пребывай, а богатшаго монастыря не ищи и желанием не пожелай; понеже аще менши будет бремя, лехче и нести его, а аще бремя будет болши, то и нести ево тяжше. О сем Сам Господь Бог изъявил нам, еже аще кому мало дано будет, мало и взыщетца, а ему же много будет дано, много от него и взыскано будет (Лук., глава 12, стих 48). Аще кому дано будет един талант, то от одного таланта и прибытку Бог спросит; а кому дано будет два таланта, то вдвое на нем и взыщетца; а аще же кому дано пять талантов, то тому тяжелое и нести будет. И сего ради всякому человеку надобно не весма за тяжелоносные бремена иматися, и кто во что призван, в том и пребывати; а вышшаго ни чина, ни владетелства отнюд не

годъствует искати. Сие есть самое безумие, еже началства искати; и того ради и аз тебе, сыне мой любезный, о сем велми подтверждаю. Господа ради, не проискивай того, чтобы тебе болшим правителем быти.

Наипаче же не ищи архиерейства. И аще тя будут и собою избирать на тое великое дело, и ты, яко же можеши, всячески отбывай. А буде же отбыть не возможеши, то ты проси у всего Собора, или и у самого Государя, дабы избрали на таковое дело дву или трех человек, и, написав их и твое имяна, залепили бы в воск и, положа бы на святый престол, сотворили божественную литургию и о избрании бы сотворили соборне молитву, кого изберет Бог на такое дело; и по молитве бы взяли един жребий. И аще не твое имя вымется, то ты возблагодари Бога, что свободил тебя от такова великаго бремене, и возвратись паки на свое дело и паси свое врученное ти стадо; недреманным оком паси, дабы тебе не тщу Богу явитися. А аще же падет жребий на твое лицо, то ты возвержи всю свою надежду на Всевидящаго Бога волю, и уже не пререкуй, не токмо делом, но ниже словом, и последуй Божией воле, и не радуйся тому сану, ниже печалься, но токмо единаго Бога в мысли своей держи.

Глава 9. О АРХИЕРЕЙСТВЕ

Аще судом соборным по жребию, или аще и без жребия, да будет от имянного повеления царьскаго, то ты въменяй за жребий царское повеление, понеже царское сердце в руце суть Божией; толко бы твоего о том происку ни малаго не было. И ты, сыне мой, на волю Божию возложася, прежде посвящения, сотвори молитву к Богу прилежную, и в молитвословии своем прочитай новосочиненный канон к Богу Отцу нашему небесному, ему же во основание пóложена Богом данная нам молитва: «Отче нашь, Иже еси на небесех»; и читай его с самым богомыслием. И тако от всего своего сердца помолится, попроси у Бога милости и низшествия на тя Духа Святаго, пойди к посвящению.

Егда же все действо по уставу на тебе совершиться и отпущен будеши во епархию, в ню же посвящен еси, — и, прибыв к державе своей, въначале прими святую церковь, по обычаю, како надлежит. И осмотряся в домовых делех, посли во всю свою епархию досмот-

рить святых церквей: все ли в них исправно, нет ли где какие неисправы, или книжнаго или и иного какова недостатку? И егда описи привезут, то, разсмотря их, пошли по презвитеров, чтобы половина их, приехав, явились тебе; а другая бы половина, вместо их, нужды их управляли.

И егда тые презвитери снидутца и лицу твоему явятъся, то прими их любезно, а приносу ни велика, ни мала не приемли у них. И вопроси их первее о церковном служении, и о всем их управлении, и как они стадо Христово пасут, и нет ли в приходех их расколников, — и коегождо их по единому приведи ко святому Евангелию, — и в ведомстве их живущих расколников не прикрывают ли кто из них, презвитеров, и не потакают ли им, и прихожане их по постам говеют ли, и ежегод ли причащаются, или в два года, или в три? Понеже кои во крестьянстве живут по селам, и по деревням, то которые и не расколничают, обаче, от непринуждения презвитерскаго, многие крестьяня и въблиз Москвы живущие есть такие, что лет до штидесят не токмо не причащаются, но и не исповедываются; и тако живши, мнозии и умирают без всего. И ты, сыне мой, для Господа Бога, попекись о сем прилежненько, чтобы бедные крестьяне от простоты своея напрасно не погибали и чтобы те души, аще в твоей пастве погибнуть, не взыскались на тебе. И сего ради ты, сыне мой, заповеждь всем презвитерам, дабы в Великой пост всех своих прихожан, не токмо крестьян, но и дворян, и иных всяких чинов, принуждали говеть, и Тела Христова кии удостоятся причастниками быть, причащались бы. И кии люди будут поститися и исповедыватися, записывали бы имянно, и въпервые ли кто от роду своего исповедывался, или не въпервые, и прежде того у него ль же исповедывался, или у иного, и о коих годах начал исповедыватися, и причащался ли когда, и коликих кто лет будет исповедыватися? А буде кто в Великой пост будет во отлучке, то принудил би ево в Петров пост, или в Госпожин, или в Рожественъской попоститися. А буде же кои люди будут не послушны и ни в которой пост поститися и исповедыватися, или по исповеди довелся прича(с)титися, а он к причастию не пойдет, и о таковых имянно писали бы к тебе.

А ты буди самым истинным пастырем, а не наемником: не зря на лицо силное, или весма убогое, но по всех равно посылай и испытуй их, чесо ради они ослушны учинились? И буде явятся не раскол-

ники, но токмо за леностью, или за умножением грехов, или за вождещением греха, или и за иною каковою виною, а расколничи прозяби не явится, то таковые подлежать, по словесном наказании, прощения. А аще кии явиться и расколнича духа, а не весма в богохулие вошли, и к причастию Тела и Крове Христовы не шли токмо за устрашением главных расколничих учителей, кии по домам поныряют[438] и от причастия Тела Христова отвращают, и таковые, — по наказании, или и без наказания, — аще истинно покаются, надлежать прощения же. А кии явятся самые произвольные богохулники, иже не исповедывались и не причащались, мерзя Тело Христово, изменяя ево в скверну, и таковые аще и покаяние будут приносити, не надлежит покаянию их верити, понеже Сам Христос неложными Своими усты рек: иже аще кто восхулит на Духа Свята, то есть, на действо Святаго Духа, и таковому грех той не отпустится ни в сей век, ни во грядущий (Матф., глава 12, стих 31, 32). И того ради словесе Христова верить покаянию их не годствует, но таковых испытовати гражданъским испытанием. И аще которой будет и с клятвою обещеватися, еже въпредь такову не быть, не верь и таковому их покаянию и обещанию: но сожигать их огнем, дабы и кости их в прах претворились.

И о сем ты, сыне мой, не сумняйся, еже Божиих противников и от истинные веры развратников смерти предавати: Сам бо Господь повелел древо, не творящее плода добра, посекати и во огнь вметати (Матф., глава 7, стих 19). И сие рече Господь прикладом древа ко злому человеку, кой человек верный и — въпадет в ереси и въместо добрых дел будет творити дела злая; и по тому глаголу Божию яве есть, яко повелел Господь таковых предавати смерти, кии развращают благоверие. А издревле лживых учителей, кии с истиннаго пути совращают, повелел Господь убивати до смерти; и прирек, глаголя: злое сами от себя истребляйте (5 Моис., глава 13, стих 5); и не токмо совращающих с истиннаго пути, но аще кто и несогласно с Господними словесы будет учить, то и тех повелел Бог смерти предавати (5 Моис., глава 18, стих 20). А и в новой благодати самым уже явным глаголом изъявил Господь, глаголя: горе человеку, иж же приходит соблазн; уне[439] есть, да обесится о выи его жерновный камень и вержен будет в море (Марк, 9, 41; Лук., 17, 2). И по сиим Господним словесам, како кто богопротивников и самыих врагов Божиих миловати и смерти не

будет предавати? И аще кто противно тому повелению Божию будет творити, треб боятися, дабы не уподобитися царю Саулу, иже Господь повелел во аммаликийской земли люди вся изсещи, от старца и до съсущаго младенца, и скот всякой изсещи; а он паче Бога помилосердствовал: царя оставил жива, и скот лучшей оставил жив, и, за излишнее пред Богом милосердие, сам себя и царство свое погубил (1 Цар., глава 15, стих 3–29).

Тако и ты, сыне мой, бойся паче Бога милосердствовати. Егда уже Бог повелел злых зле погубляти, то како ты дерзнеши их прощати и паки на свет пускати? Зри же и еще на Господень глагол и внемли: аще кто восхулит на Духа Святаго, и той грех не отпустится ему ни в сей век, ни в будущий (Матф., гл. 12, стих 31; Марк, гл. 3, стих 29), — то како кто может таковаго, иже Тело Христово хухнал[440] и скверною нарицал, простити? Аз ти, сыне мой, тако сказую: аще таковаго богохулца простиши, то и сам врагом Богу явишися. Уже бо Сам Господь Бог отрек им покаяние, то я не могу знать, как кто может их миловати и прощение им творити? И аще кто таковых будет прощати, то и сам той ту же чашу испиет, коя от Бога уготована им, Духа Святаго хулителем; издревле бо повелено хулников Божиих смерти предавати (3 Моис., глава 24, стих 15–16). А буде же будут о ком просить люди и ручатца, еже он въпредь хулы ни на каковое действо Святаго Духа наносить не будет, и с расколниками соединятися не будет, но будет их обращати на древнее благочестие, и таковаго за поруками свободить. А в поручной написать имянно, что естьли будет он попрежнему расколничать, и обращать их из расколу не будет, и таковаго, поимав, огню предать, а порутчиков повесить, а пожитки их взять на великаго Государя. А буде же сыщетца которой поп, их прикрывающь, и с такова попа надлежит сан священъства снять и, без всякаго милосердия, огню предать.

А и в приказных делах не весма на судей своих полагайся, но паче сам суди, понеже ты ни с кого посулу и почести не возмешь, а приказные люди, аще и пожалованы от тебя будут, а всячески поползнутца ко взяткам и праваго обвинят, а виноватаго будут править; и какую они неправду учинят, то тот грех от Бога взыщетца на тебе. И того ради запрети, дабы без твоего ведения никаковых дел не вершили. И коего дела будеши слушать, то ты вели дьяку своему пометить; и буде пометит он так, как ты приказал, то под

тою пометою закрепи ты своею рукою, чтобы последи того дела не переделали. И то вершенье в келейную свою книгу вели въписать, для памятствования своего, перечнем, и у коего подъячего оно на руках, — чтоб было на ком ево спросить. А в приказе вели записывать в переплетеную книгу подлинником, и та бы книга была твоею рукою закрепленная, и записывали бы имянно: кто, на кого, в чом бил челом, и кто чем обвинен, или оправлен, и у коего подъячего то дело на руках, — потому что спорные дела многие пропадают и от того люди Божии разоряютца.

А наипаче блюди презвитеров сельских от обид дворянъских, понеже дворяня презвитеров сельских ни во что ставят и хуже холопей своих их ведут; и тыи презвитери, боящеся их, служат у них и всякую работу рабью на них работают, паче последняго челединца. И то тако они чинят над теми попами, кои служат в их вотчинах и поместьях. Аз же своим подлинным ведением ведаю, еже содеялось и не в их вотчине служащему презвитеру, но самому свободному от их владения. Ибо: в Лихвинском уезде был у меня винокуренной завод, а с версту место от того заводу жил дворянин, по прозванию Хоныков. И в день Святыя Пасхи пошол презвитер с причетники своими, по обычаю, со святыми иконы, и первее пришол к нам, понеже завод мой ближее к церкви; а той Хоныков живяше за завод мой еще с версту, или и с полторы отшед. И той презвитер, посетив нашь дом, да пошол к нему, Хоныкову; и по обыкновению, взем презвитер в руце свои крест Христов, прочии же причетники несуще святыя иконы и идуще, пояху стихи Пасце. И той Хоныков присмотрил, что прежде его был оной презвитер у меня в доме; вышед на крылцо, ударил того презвитера по щеке, и крест святый из рук у него вышиб, и с крылца его спехнув, почал его во всем облачении с людми своими бить, и по грязе волочить, и топтать, и чуть жива его оставил, и бьючи приговаривал: «ты де меня променял на Посошкова». Такожде и прочиих причетников всех били до полуумертвия, и святыя иконы все в грязь вътоптали, понеже в то время было велми грязно. А тот презвитер не его поместья, но — свободной, имеяй церковь на погосте, и своих крестьян той презвитер имеяй, и пахатной земли и покосов имущь доволство свое, а не ево, Хоныкова, даяния; и в приходе у тоя церкви не один токмо Хоныков, но и иных дворян много; и я з братом у тоя же церкви в приходе жил. И над таким свободным презвитером пакость такую

учинил! Колми же паче тем попам чинят пакости, кии на их землях живут! И за таковое дерзновение, как по нашему простоумному суду, довелся бы той Ханыков, за обругание святых икон и священнаго сана, смертныя казни или наказания жестокого, а за безчестие и за увечье попово и причетников довелось было доправить в десять мер настоящия меры безчестья и увечья; такожде и в церковь на новое облачение десятеричную же бы плату взять. И аще бы таковый суд на таких безстрашников был учинен, то бы всячески, на то смотря, иные бы стали страшитися так чинить безстрашно. А той бедной презвитер, аще и не убог сый, обаче не смел о том донести архииерею, дабы последи болши того не пострадати от него. И надлежало было прощатца Хоныкову пред попом, ажно бедной поп добил челом ему, Ханыкову, и едва умолил, что святый крест и иконы отдал им назад.

И ты, сыне мой, внемли сему Ханыкову и так облюдай попов, буде тебе и не от обиженаго попа дойдет до тебя ведение сицевое, или и гораздо легоче сего: аще кой помещик и не во облаченье попа побьет, а той битой поп хотя, страха ради, бить челом не смеет; то ты буди за него стряпчей и, осведомяся подлинно, пошли по того попа и по помещика. И буде поп скажет, ради своего смирения, или страха ради: «я де на него ни о безчестье своем, ни о увечье не челобитчик», или скажет: «что де ни было, да я де помирилъся», — обаче ты стани не за попа, но за честь священъства. И егда приведен тебе будет той бийца, рцы ему: «ты, господине, чесо ради честнее себя биеши и на священника Бога Вышняго скверную свою руку подъемлеши?». И аще не в ризах бит, то доправь на нем безчестье и увечье тому презвитеру въдвое. А буде тот же помещик да побьет другижды, не во облаченье же, то доправь на нем уже четверцею и отошли его к градскому суду для наказания, или, без далные волокиты, управся с ним и своим судом: прикажи хорошенко шелепами[441] высечь, чтобы ему въпредь памятно было. А буде же во облаченье побьет, то надлежит доправить десятерицею, понеже он не попа обезчестил, но сан презвитерства. А аще кто и словесно обругает какова презвитера, или избранит неподобно, и ты, сыне мой, обороняй их, не стыдяся лица силнаго, ниже убогаго обидника милуй, но поведи суд свой праведен, без всякаго лицеприятия.

А и от приказных своих правителей весма их оберегай, понеже обыкновенно архииерейских приказов не токмо судьи, иль подья-

чие, но и приставы, ни во что их ставят, и называют их «попишками», и в малом деле обирают их кругом, и того обирания и в грех себе не въменяют. А естьли ты не будеши сего смотрити, то ты дашь за них Богу ответ.

А буде же и презвитер которой будет винен пред тобою, или и пред иным кем, то и их, не щадя, наказуй игоношением, — а не ручным биением, — и удручением трудов каких, дабы они, надеющеся на твое защищение, излише не шалили.

Такожде и иноков и инокинь смотри, чтобы в мире не шатались, но вси бы трудились во своих обителех, по монашескому уставу, а в мирских бы домех отнюд, кроме самые нужды, не начевали, и пьяные бы между граждан не блукались[442]. А коего инока приведут перед тебя пьяна, то спроси у него и розыщи, где он напился допьяна? И буде отводу[443] не даст, где так упился, то надлежит ево смирить с наказанием, дабы он на кабак не ходил и чину бы своего иноческаго не безчестил; а сверх наказания не непотребно приложить и трудов, дабы въпредь так не делал. А аще и попа мирскаго узриши пьяна и на улице не токмо валяющася, но аще и шатающагося, или на кабаке пиющаго, то, яко же тебя Бог вразумит, накажи великим смирением, дабы он въпредь таков не был и сану бы своего не ругал. А наипаче смотри за селскими попами: велми бо они, егда пьяни напьютца, нелепотны бывают; и аще где попа два-три сойдетца пьяных, то стыдно при них и мирянину сидеть, понеже, от безстрашия своего, всякие сквернавые и неподобные речи разговаривают, еже и простолюдину гнюсно смотрить на них, и таковым бестрашием весь чин презвитерской безчествуют. И такова ради их безстрашия презвитерам пить допьяна отнюд не повелевай, и великим страхом и страфом от пьянъства попов удержуй. Пьянство не то что духовному чину, но и простолюдину пакость великую наносит. Господа ради, попекись ты с прилежным радением, како бы весь церковные причт удержати от пианъства. О семь не аз, но Сам Господь Бог еще издревле не токмо попам, но и причетникам, и ветхозаконнаго служения, пить вина не повелел (3 Моис., глава 10, стих 9; Иезек., глава 44, стих 21). Колми же паче ныне, в новой благодати, церковникам пить не подобает! Тамо были приносимы на жертву и закалаеми быки и бараны, а ныне Агнец Божий в жертву Богу приносится; и яко несравненно нынешняя жертва древние честнее и святее, тако и презвитерам со

причетники древних служителей трезвостию и всяким воздержанием превзыти подобает.

Егда же ты, сыне мой, во всем осмотришися, и всех епархии своея презвитеров пересмотриши, и имяна их и урочища запишеши, и колико у коего презвитера и у причетников сыновей, и в колицех летех, перепишеши, то потщися построить училище[444]. И призови учителя, монаха или или белца, из Москвы или и из Киова, которой бы человек ученой был и навычен бы был грамматическаго учения; и грамматик десятков пять-шесть купи. И собрав поповых а дьячковых детей, которые грамоте учились, от десяти лет и до дватцати пяти лет, и посади их за грамматическое учение. И запиши у себя указ неподвижный, еже кой попович аще не будет уметь грамматическаго разума, то бы ни в презвитери, ни во диаконы отнюд бы не посвящати, но токмо тыих отдавать в салдаты.

И повели в школе учинить устав таковый, еже бы с утра до полудни учились грамматики, а после полудни, отобедав, учились бы писать и читали бы всякие четьи книги: первое, да острятся очеса их во чтении ко зрению; второе, да внимают, како прежде бывшие святии отцы жили, дабы, присмотряся к их житиям, и сами возжелали такожде подвижно жити; третие, дабы памятствовали о христианъском законе и внимали бы всем православные веры догматам.

И ради совершеннаго ведения прочитали бы преосвященнаго Стефана, митрополита Резанъскаго, трудом его сочиненную книгу, названную *«Камень Веры»*[445]. И тую святую книгу неоцененную читали бы с самым прилежанием, многократно, дабы силные словеса памятствовати наизусть. И буде кой человек внятно будет ю читати и читаемое будет памятствовати, то люторам и калвинянам, и всем иконоборцам, и прочиим еретикам может уста заградити, еже не возмогут противо его что отвещати.

А ради расколнича блядословия прочитали бы блаженныя памяти преосвященнаго Димитриа, Ростовъскаго митрополита, сочиненную книгу и названную *«Розыском»*; вторую книгу, его же архипастырским трудом свидетельствованную, названую *«Очевидным Зеркалом»*. И в тыя две книги зря и памятно читающе, уразумеет, чем их, расколников, уличати; и такие глаголы тамо узрит, еже не возмогут что и отвещати. 23-же главу аще со вниманием прочтет, то узрит много потребных глаголов на обличение и люторскаго зловерия. А аще же прочитает кто *«Соборное Деяние»*,

содеявшееся в 6666-м году во граде Киеве на еретика Мартина армянина[446], то узрит и самую главу Российских расколников, откуду их расколнича ересь началась; и тая ересь, от Мартина армянина насеянная, тогда же от Цареградскаго патриарха соборне и проклятию предана. Тамо же обрящет и нашея благочестивыя веры древняя предания, и от греческих патриархов засвидетелствованная, яко ныне во святых церквах действуются вся действа по древнему преданию, а не новое издание, яко оные расколницы блядословят и на Никона патриарха клеветуют. И противо тых вышепомяновенных книг не токмо расколницы подлые, но и учители их онемеют и будут безгласны; а и в люторство склонившияся не возмогут противитися.

И избери добраго человека и разумнаго, дабы он тех учащихся в школе надзирал и вопрашивал бы о чтомых ими книгах, каково кто памятствует и может ли кую речь потребную наизусть сказать? И буде прочол книгу, а что в ней написано, ничего не памятует, то заставил бы тое же книгу другожды прочести, за пристрастием, дабы он внимателно читал. И той надзиратель внимал бы всем им, кто каков тщателен, и кто каков памятен, и кто каков остр к разсуждению; и кто каков явиться, записывал бы имянно, для памятствования, в книжку, почисленно, в коем числе доспытовал[447] кого и кто каков явился во испытании. И изгодя недели две-три, паки их испытовал бы; и тако коегождо ученика до самаго совершенъства испытовал бы, и все те испытования записывал бы имянно. И по тем запискам явен будет весь его разум, и острота или тупость, или и глупость явна будет.

И кои ученики ко чтению духовному будут охочи, тех бы записывал во особую книжицу и давал бы им читать церковные уставы; и так бы их затвердили, чтобы весь круг церковной наизусть могли памятствовати. А потом давать им книги читать о (свя)щенстве; и внимали бы всему тому, какову подобает презвитеру быть, и как ему подобает паства своя пасти, и как им свою честь хранить непорочну. И из сего моего «*Завещания*» выпиши главу о церковничестве, въторую — о священьстве, третью — о иночестве; и выписав, вели им напамять затвердить. И из «*Очевидного Зеркала*» вели выписать 23 главу «о иконоборной ереси», и вели им затвердить напамять же, — для того, что многие ныне почали в люторскую веру скланятися, а свою благочестивую веру хухнати; и егда будет он

презвитером, то тогда надобно ему въпадших в такую погибель извлачити и, извлекши, учити, чтобы неподвижно стояли во благочестивой христианъской вере. А буде и с самым лютором сойметца разглагольствовати, знал бы, что с ним говорить, и знал бы, чем его уличить и уста им заградить.

А которой чтомаго ничего не разумеет, и тем бы он толковал, что кая речь в себе содержит и к чему она надлежит. А кии о духовных делех неприлежни явятся, но паче будут прилежать чтению историй житейских и гражданских, — и таковых бы во священный чин не попускати, но отсылати их во гражданство.

Овогда же бы и доспытацыи[448] от Святаго Писания ученицы между собою чинили, а той бы надзиратель у них слушал. И которой будет памятно говорить, и разумно разсуждать, и толковать будет право, — и тех учеников имяна и разумение их записывал бы в свою памятную книжку имянно. А кии весма тупы, а к тому еще аще и глупы, и тех непочто и держать во училищи долго, но отсылать их в салдатство, или на волю, кроме церковнаго причта.

А аще же кто и разумен, а нрав у него будет дурен, — либо драчлив, либо бранчив, либо завистлив, либо ненавистьлив, либо горд, либо пересмешлив, либо пьяница, или прозябь[449] блудная явитца в ком, — и таковых, без всякаго медления, отсылать в салдатство, понеже Сам Господь изъявил нам (Мф., гл. 7, стих 17), еже от злаго древа никогда плода добраго не будет; и яко древо познаваетца по плоду, тако и человека повелел Господь познавати от дел. Буде кто во нраве и ко всякому доброму делу желателен, той может быти добр; а кой отрок в юности зол, то уже нечего от того добра искать: и под старость уже не изменится, — разве злее будет. И того ради, таковых отнюд не токмо во презвитеры, или в диаконы, но ниже в причет церковной; но токмо — в военной чин. Яко бо трудно арапу черность своя изменити, тако и злому человеку трудно нрав свой переломити: но с коим в колыбель, с тем уже пойдет и в могилу. И того ради, таковых во презвитеры отнюд не посвящати, да не нанесут на презвитерской сан пороку.

Апостол Павел тако пишет: яко подобает презвитеру быти непорочну, трезвенну, целомудру, благоговейну, честну, страннолюбиву, учителну, не пьянице, не драчливу, не бранчиву, не мздоимцу, кротку, не завистливу и не сребролюбиву (1 Тимоф., гл. 3, ст. 2). И надзирателю годствует пилно смотрити за детми, учащимися во учили-

щи, — и аще в коем отроке усмотрите, еже он к вышеписанным страстем, о них же святый Павел изъявил, причастен, то таковаго отнюд во презвитеры, ни во диаконы не посвящати, дабы Павлу апостолу супротивником не быти. Посвящати же во презвитеры и диаконы тех, кии аще и не поповы дети, да кротки и благонравны, и учение прияли твердо, и в Писании имут разсуждение здравое; и таковому и вышеписанные добродетели, от святаго апостола Павла изъявленная, последовати имут.

Которые же дети презвитерские, аще умом будут и не весма достаточны, да смирны и не пьяницы, то аще учение грамматическое им и не дается, обаче таковых в салдатство не отсылати, но отсылати их в причет церковной, — в сторожи, или в пономари, или во дьячки, — понеже в простотных людех благодать Божия обыче пребывати; а чрез пророка Исаию Господь тако рек: на кого призрю, токмо на кроткаго, и молчаливаго, и трепещущаго словес Моих (Ис., гл. 66, стих 2). А в той церковной службе навыкнув, негли удостоится и презвитерства, иль поне диаконства.

И егда училище состроиши, и во училище детей собереши, и учитися начнут, то, ради установления того святаго дела, год место или и другой; посвящать во презвитеры и поизмешкать, доколе ставленики во училищи грамматическаго разума навыкнут и во нравах искусятъся. А буде где нужда будет до презвитера, то поволь от иных церквей презвитерам, приходя, управлять, дабы без покаяния и без причащения люди не погибали. А буде же церковь коя от иных церквей удалена и от посторонних церквей управлять нужд их неудобно, то хотя и из иной епархии презвитера нанять на год, или пока из училища той ставленик выдет, еже бы он у церкви жил, и службу божественную служил, и всякие нужды приходские исправлял, и стерег бы того накрепко, еже бы без покаяния, или без причащения Тела и Крове Христовы не умер кто. Егда же которой ставленик скорее иных учение поймет и во нраве освидетелствован будет, то ты того, не медля, аще и прежде году научится, то посвяти его во презвитерство, и где есть нужда презвитерская, то туды и пошли, аще и не к своему ему приходу.

А егда умножитца ставлеников, достойных презвитеръства, то ты паки пересмотри старых презвитеров. И кои неключимъство за собою имут, — либо пьяницы, либо враждебники, либо в служении своем неисправны, или грамотою плохи, и паствы своея прямо

пасти не могут, — то таковых от служения их отставь, и на их места посвяти уже из ученых и надзирателем и учителем свидетелствованных ставлеников. А без подписаннаго учителева и надзирателева свидетелства, во презвитеры и в диаконы отнюд не приемли. А и за их свидетелством, приведенных к поставлению сам посвидетелствуй.

И свидетелствуй не по прежнему обыкновению — токмо ученые псалмы давать читать; но давай читать в неученых книгах, и рознимай сам книгу, и давай читать незнаемые места, не по закладкам. Понеже много того служители архиерейския чинят: дадуть ставленику местах в двy-трех затвердить, да и заложат закладками потаенно, и по тем закладкам дают ставленикам пред архиереи читать, и тако архиереев обманывают и в грех их вьводят, и тако во презвитеры поставляют таких безграмотных, что иной с нуждею и одну строку неученую прочтет. И такова ради случая ты, сыне мой, всякаго ставленика в тонкость освидетелствуй сам, каково читает незнамые книги, и каково читает и ученые псалмы, и во ударении гласа и в препинании глаголов право ли читает? И буде кой и не весма бодро читает, да во ударении и препинании право глаголет, то таковых подобает прияти во священство. А потом сам же освидетелствуй, каков и к разсуждению, и каков и писати, и по правописанию-ль пишет? И буде во всем исправен, и по свидетелству надзирателеву и учителеву явитъся презвитерства достоин, то, не дожидаяся от приходских людей о нем, ниже от него самого челобитья, посвяти его на место пристойное и тобою усмотренное.

А посвятя ставленика во презвитерство, отошли под начал к доброму и во служении искусному презвитеру, и прикажи в подначалстве быть до тех мест, пока навыкнет всех священнодействий досконало. И егда той новоставленой презвитер изучитъся всех священнодействий, то паки возми его пред себя и заставь ево при себе послужитъ, неделю место; и егда узриши, еже во всем исправен, то вели ему отпускное писмо дать. И на отпуске паки призови его, и положи пред него святое Евангелие, или, ко престолу Божию привед, заклени его смертелною клятвою, дабы он от древняго благочестия никуды не шаталъся, и расколникам бы не потакал и не прикрывал бы их, и умерших их расколников, ни старых, ни малых, у святыя церкви не хоронил бы, но повелел бы их на снедение псом повергати.

И утвердя ево во всем, елико тя Бог вразумит, отошли его к отцовскому приходу, или и во иной приход отошли, идеже явитца старой поп неключимой; и тому, за неключимъство его, от церкве откажи, а на его место сего новоставленаго возведи. Такожде и на умерших попов места возводи по своему архиерейскому изволению, а не по их ставлениковым прошениям: время бо уже и престати попам церквами торговати. И аще сице будеши строить, то все неключимые попы неключимъство свое будут от себя отвергати и всякаго благонравия и смирения навыкати, дабы им мест своих не отбыти, и жену и детей своих в разоренье не видети. А иною никакою грозою застарелых попов нравы не изменити.

А буде же которой твой ставленик, или и не твоего поставления, да за твоим заклинанием, прикроет хотя одного расколника и назовет сыном себе духовным [чего не бывало], и скажет в сказке своей, будто он ево исповедывал и причащал, а церковники в том ево уличат, то таковаго презвитера надлежит, без всякия понаровки и нимало медля, огню предать, а пожитки ево, движимые и недвижимые, отдать без всякаго уятия обличителем его, кто за ним таковую неправду усмотрил и обличил, дабы и въпредь было надежно церковникам за попами, не токмо за своими, но и за посторонними смотрити. И ради лучшаго подкрепления, во всю свою епархию по цервам разошли указы крепкие, чтобы церковники все, такожде и приходские люди, за своими попами и за чужими смотрили накрепко, дабы у святых церквей расколников, от покаяния и от причащения Тела и Крове Христовы отвергъшихся, отнюд не погребали бы, но без погребения повергали бы псом на снедение; а буде кой поп поползнетца ко взятку и такова мертвеца похоронит у церкви, и о том доносили бы тебе немедленно; и за тот их извет, поповы все пожитки отданы будут тому, кто известил. А буде и церковники прикроют, и аще кто от иные церкви причетник или и простолюдин донесет, то и причетникам, за прикрытие попа, указ чинить тот же, что и попу; а пожитки все, как поповы, так и причетников его, без остатку все отдать тому, кто известил. И таковые указы посланной от тебя посылщик созвал бы всех прихожан и прочол бы всем вслух, и, прочитавши той указ, сказал бы и словесно, чтобы все смотрили за попами того накрепко, чтоб расколников у церквей не погребали; и что им за то воздаяния будет, объявил бы всем имянно, и чтобы они на воздаяние были надежны.

А аще застарелаго обыкновения не изменищи и жестокого наказания непокорных не учинищи, то никогда добраго нрава во презвитерех не насадиши, понеже буйство в народе застарело и, яко терние, корение свое глубоко водрузило. И аще прилпом будеши истребляти, то ни малые ползы ни себе, ни людем не учиниши. Но так силно на истребление всяких духовных, неключимъств стани, дабы того злаго терния ни малаго коренечка не осталось. И аще начисто будешя очищати, то и по тебе уже то терние возникнути не возможет, и расколники мало бы по малу вси бы изчезли, понеже расколников ни от чего так не умножается, яко от потачки поповъской. А естьли попов и за одного расколника, погребеннаго у церкви, или ложно назвавшаго расколника сыном духовным, без всякие понорoвки будеши огню предавати, а расколника, у церкви похороненаго, из земли выкопать и, буде невъдавне схоронен, то, выняв ево, поврещи псом на снедение. А попа, кой ведая съхоронил, а расколничих грехов на себя не перенимал, и того попа послать в заточение, а пожитки отдать тому, кто о том известил. А буде же и грехи ево перенял на себя и назвал сыном духовным, то, без всякие пощады и без медления, огню предать. И на такую жесточь зря, расколники вси, яко исчезает дым, исчезнут и память их погибнет.

И выпиши ты, из сего моего ти *«Завещания»*, о презвитерстве всю главу, от начала и до конца, како тебе аз предложих презвитерство вести, и как стадо Христово пасти, и како от хищных волков их блюсти.

А буде расколницы, видя себе тесноту, еже мертвецов их у церквей погребать не станут и псам на снедение пометаемы будут, то они будут их износить в пустыя места за город и будут их тамо погребать. И о том всем презвитерам и причетникам заповежды накрепко, чтобы они стерегли неоплошно: аще в чьем приходе умрет расколник, смотрили бы, куды его погребать понесут; и где ево схоронят, у церкви ли где, или в поле, или в лесу, то, не медля и дня единаго, вели себе о том погребении донести. И егда тебе донесено будет, не медля ни дня, пошли по тех, из коего дому он изнесен, вели забрать всех и учинить между ими розыск великой, чево ради в лес отнесли? И кои во упорстве расколничем будут стоять, всех огню предать; а кои покаются и обещаются ежегод говети и Тела Христова причащатися, и таковых отдать на руки

приходскому презвитеру, дабы он их пас. А буде того мертвеца похоронили у церкви в ином приходе, то паче разыщи, по какому случаю тот поп пустил к себе погребать? И буде явитца, что тот поп, взяв с них взяток какой, да погреб, то мертвеца, выкопав, поврещи псом на снедение, а осталые кости сожещи огнем, дабы ненавидяй церкви и по смерти у церквы не был. А буде же тот поп назовет его сыном духовным напрасно, и о том розыскать церковниками; и буде сыщетца, что он не бывал на исповеди, то и попа того огню предать, яко же о том писано выше сего. И аще будеши сице строити, то и не хотя, а будут, ионе при смерти, расколницы исповедыватися и причащатися. А естьли не сице учинить, то никогда их добром не научить. Злое злым и изтребить надлежит.

Егда же презвитеров всех пересмотриши и исправиши их, то подвигнися и иноков пересмотрити и такожде их исправить. И, ради того исправления, не обленись сам ехать, и в койждо монастырь епархии твоея приехав, посмотри их чина и всего их состояния. И въначале возми у них роспись началным монахам и простым; и под всяким имянем вели оставить строк по пяти-шти, или и болши, смотря по монастырю. И возми архимандрита или игумна во особность, и вопроси его по духовности, каково он подвижно живет, и о братии каково попечение имеет о спасении их, и пищею как их питает, и не строит ли он про себя особные пищи? И о всяких злых и добрых его делах попрашивай его, как тебя Бог вразумит, в самую тонкость. Спроси же его, как он Бога любит, и как святыя образы почитает, и не боготворит ли их, и молитвы, пред ними стоя, им ли приносит, или на небо, пред Самого Бога, и образов угодников Божиих не почитает ли заровно[450] с Божиими образа? Вопроси же его, какова чина в мире он был, и каково там жил, славно или безславно, и милостивно ли, или грабително, и каковы ради причины постригься, и с каковым намерением постригься? И кои речи годятся к созиданию духовному, или ко осторожности потребны, или ко управлению угодные, все те речи вели записать. Спроси же и того, в коем монастыре он пострижен, и чево ради ис того монастыря вышел, и много ль монастырей обшол, и иго Христово любезно ль носит? И тайные речи тайно сам запиши, а не тайные в росписи пиши, под имянем его. И егда все о себе скажет, то спроси у него, каково живет келарь и казначей, и каково они управляют; такожде и о всех иноках спроси ево, каково кто живет? И про коих

скажет имянно, каково кто живет и кто каков грамотен, или безграмотен, то под теми имянами в росписи и подписывай, глаголя: «игумен сказал сице»; «казначей сказал сице»; «келарь сказал сице». И коего старца о ком ни спросишь, под всеми имяны подписывай имянно. Потом спроси келаря: перво такожде — о самом себе, потом — о игумне, каково он живет: не роскошно ли живет, и нет ли от него обиды монахам, такожде и слугам монастырским и крестьянам, и нет ли у него склонности к женам, — не приходят ли к нему, или он не ходить ли куды? Такожде и о казначее спроси в тонкость же, и о прочей братии, коих он подлинно знает. Потом спроси казначея: такожде первее сказал бы сам о себе, а потом о игумне, каково он живет, о всем подробну, и не тратит ли монастырские казны напрасно, и не похищает ли себе во усвоение? Потом спроси о келаре и о прочиих старцах, кого какова подлинно знает, и под всяким имянем подписывай. И колико есть в монастыре старцов, то у всякаго спрашивай на уединении; а паче, х коемуждо пришед в келью, да спрашивай; а буде не один живет, то других вышли вон; а егда той о всем спрошен будет, то повели сему вон вытить, а оному войти. И тако от велика и до мала всех обойди. А и в болнице такожде по одиночкам всех спроси, яко тебя Бог вразумит. И егда всех сам вопросиши, то всех их житие будет ти явно. Такожде и дьячков всех освиделствуй, кто каков грамотен и во нраве кто каков.

И въпредь какое случитца дело о том монастыри, или что случитца между братии рядовые, или между началных, то ты, по той записке, удобно и скоростно можеши разсудити и дело их разобрать: сам ты будеши всем им свидетелем верным. И егда лучитца тебе из того монастыря выбрать во архимандриты, или во игумны, или и во иные службы, то ты посмотри в тое опись, кто достоин таковаго сана или правления, — то и без свидетелей можеши разуметь, ево ли то дело, или не ево?

И тако все свои монастыри обойди и освидетельствуй коегождо инока особно. И которые иноки добронравны, а в летах не престарели, то возми их во училище и вели им поучитца грамматическаго разума и чтения, тамо уготованнаго к созиданию духовному, и чтобы они паче прежних своих добродетелей поострились. И егда во училищи искусятся и разума школнаго навыкнут, тогда, без прошения их, по своему разсмотрению, посвящай их во презвитеры, а по-

том во игумны, и во архимандриты, и в прочия чины, яко же тебя Бог вразумит.

И, для Господа Бога, сего моего предложения, предложеннаго ти, не презри и не поверги его под нозе. Аще тебе, по архииерейскому ти сану, позритца сие мое завещание и тяжелоносно, но ты себя поведи не по высокости сана, но по бытию апостольскому. Тии бо всю вселенную проидоша, и в незнаемыя места, и в богопротивныя, неленостно ходиша, и ходиша не на конех, но пешо[451] и уединенно, едва где два быша в проповеди. А ты, сыне мой, поедеши на колеснице, и при тебе будут служители твои, и писари; а и пищу повезут за тобою уготованную, и никогъда гладен, или хладен, или биен не будеши, яко апостоли нужду принимали; и обойтить тебе не вся вселенная, но токмо своя епархия, и во единоверии христиан(с)тем, а не во иновластных и богопротивных язычницех.

А аще же суд Божий возведет тя на патриаршеский престол[452], то ты паче не дай своим очесам спания, ни телу упокоения; но яко о своей собственной епархии, тако и о прочиих пекися, и всех в державе Российстей митрополитов, и архиепископов, и епископов посети, и посмотри, все ли у них управно, и чтобы тебе ведомо было и их житие, и все их управление. Во присещении же, даров малых от них не приемли; но развее ты их дари, по разуму и по раденью их смотря, да не нарекут тя хищником.

И се ныне, сие оставив, на преждереченная предложения ти обращаюся.

Егда ты, сыне мой, все монастыри обыдеши и иноков всех освидетелствуеши, то ты паки начни из народа изтребляти расколы.

Вышеписанная моя о расколничем истреблении предложения, аще и велику в себе силу имут, обаче не скоростна суть: но и в десять лет едва исправитися и установитися могут. И в та времена проклятыи расколницы многие тысящи православных христиан от истинные веры отвратят и души их во ад низведут, — понеже живут, как в Москве, так и во всех городех, между православными христианы и непрестанно лжеучителством своим совращают в погибельная своя разноверия. И того ради надлежит всякими образы потщатися, како бы сии плевелы, или паче рещи, терние, изъсреди пшеницы изтребити без замедления, дабы тое злое и плодовитое терние и останков добрые пшеницы не подавило и в конец без вести бы не учинило, такожде, яко на западе возрасло дикое терние и во всю Европу

расплодилось, и всю чистую тамо бывшую пшеницу подавило, и овыя начаша жити латинъски, овыя же унеятски, инии же люторски, а инии калвински. Подобне и наши Российстии расколницы тщатся, еже бы им благочестивую нашу старую веру, от святых апостол и святых отец на востоце насажденную, благоверным же великим князем Владимиром к нам в Россию принесенную, в конец истребити, и свою новую и от века неслыханную насадити.

И аще того злаго терния прилежно и поспешно изтребляти не будеши, то ты Богу неверный раб будеши. Приял ты себе пять талантов, и аще прибытку ими не приплодиши других пяти талантов, то ты горши закопавшаго данный ему талант в землю постраждеши, понеже той и за один талант, еже им прибытку не учинил, осужден бысть на вечное мучение. Ты же, сыне мой, прияв пять талантов и уничтожа их, не горши ли постраждеши? Ей, зле свою душу погубиши! Не того ради ты архииерей, да токмо во церкви служиши, или разширенное одеяние носиши, но того ради ты архииерей, да недреманно стадо Христовых овец пасеши и о взыскании заблуждших овец Христовых печешися. Зриши ли, что Господь Бог предложил вам, глаголя, яко добрый пастырь душу свою полагает за овцы, и аще узрит и едину овцу от стада своего заблудившуюся, то, незаблужших девяносто девять овец оставя, ищет едину заблужшую, дабы и та от стада его не погибла. А у тебя аще девяносто девять заблужших будет, а незаблужшая токмо одна, то како ти не тщатися о взыскнии толико сущих погибающих овец? Но лучши тебе, взыскуя их, смерть себе прияти, нежели просто их оставити в заблуждении быти. Господа ради, не плошися о обращении их и себя береги, дабы тебе горши закопавшаго талант свой в землю не пострадати.

Буди ты, сыне мой, во церкви во служении своем архииереем, а вне церкве и вне служения, надлежащего архииереем, буди простой монах. Трудись апостольски, а не властелинъски. Всякому делу будя предначинатель, а не перстоуказатель. Аще что узриши деющееся противно закону христанъскому, подвигнися, яко Христос, своима рукама богомерзские дела истребляти. Господь егда узрел во церкви токмо голуби, да овцы и волы продаеми, и тыя быша продаеми на приношение в жертву Богу; и аще и на Божие дело продаваша скот, обаче Господь изгна их из церкви, дабы во церкви никаковые молвы не было (Иоан., глава 2, стих 14). А ныне несравненно тому чинят, ибо видех во церкви не голуби продаеми, но

самые человецы продаеми. Во олтаре за спасение человеческое Агнец Божий в жертву закалается, а во церкви стоя судии мирстии головы человеческие сърывают: кого погубить восхощут, сошедшеся во церкви, советуют; или кого разорить, во церкви советуют. И не до сего ста, но и пометы, во церкви стоя, налагают, и табак, во церкви стоя, во время служения церковнаго пиют, и во время явления Тела и Крове Христовы покровенными главами стоят, яко бездушные истуканы. И прочая дела, подобная сим, аще узриши, не стыдяся лица, подвигнися на изгнание таковых из церкве.

И одежду, сыне мой, носи простую, от овчие шерсти состроенную, аще грубу, аще и тонку и махку, — обаче была бы от волны состроенна, а не от шолку. А шелковаго одеяния, кроме церковнаго служения, отнюд не налагай на ся. И прочии монаси, видя тя тако ходяща, устыдятся шелковая одежды носити. А не непотребно и призапретить, еже бы монахи не токмо явно, но и в кельях своих шелковых одежд не носили бы; и не токмо простые монахи, но и игумны, и вышши игумна, отнюд шелковых одежд не носили бы, кроме церковнаго служения. Уже бо прияли на ся образ смирения, смирно подобает и жить, смиренная же и одежда носить, а не гордостная.

Такожде и ты, сыне мой, во одеянии и во всяком деле носи на себе образ самаго смирения. За свое дело буди, яко овечка, безответен: аще кто тя как ни обругает, буди яко ничтоже слышай; а за Божие дело, и за малое, стани, яко лев; или узриши силна человека, обидяща убогаго, стани за него подобне, яко же и за Божие дело, понеже убогие люди — люди Божия, и вместо Бога ты за них стой. Ты Христов наместник, Христовы и дела делай. Аще саном ты и велик, а бытием буди низок; не токмо во одеждах, но и во всех поступках буди смирен. Писатися ты будеши ***«смиренный»***, то како ти и в житии своем не смирну быти? Во церкви стоя, во время явления Тела Христова поклон твори до земли; такожде и во иных местех, где надлежит поклоны великия полагати, великия и полагай; и образу Божию поклон твори не гордостен же, но боголепный. А и людям в поклонении не буди нечувственным пнем, но, поелику возможно, поклон твори, понеже кийждо человек имать в себе образ Божий.

И паки обратимъся на преждереченная своя предложения.

Ради поспешнаго расколнича истребления, пошли ты во всю свою епархию, ко всем церквам, яко ко градским, тако и к селским и к помещицким, указы крепкие, чтобы всякой презвитер неотлож-

но свой приход описал имянно, колико в коем дому людей мужеска пола и женска, от стара даже и до съсущаго младенца. И писали бы всех без пропуску, колико в чьем дворе коренных жителей и колико пришлецов. ***И писали бы сице***.

В приходе моем, тоя-то церкви, в том и том урочищи, первой двор того-то имярека. В доме его поголовно всех мужеска пола и женъска толико человек. А имянно: господин или хозяин того дому, чина такова-то, имянем той, сын такова отца, по прозванию той-то, уроженец того города, или села, или деревни; от роду ему толко-то лет; сын духовной мой, или онъсици, тоя-то церкви пресвитера, имярека; или: отца духовнаго у него нет; и — был ли когда у него духовник, или от роду не бывало? Жена у него — имярек, такова отца дочь; родилась она в том-то граде, или селе, или деревни; от роду ей толико-то лет: отец ей духовной я, или онъсица. Детей у нея толко-то; имяна их и лета; описать имянно: коликих кто лет, и кто им отец духовной, и давно ли они все исповедывалися и причащалися ли? Такожде и свойственники, кои у него в доме живут: какова они чина, и откуду родом, и как кому имя и отечество и прозвание, и колико кому лет, и давно ли у него во дворе живут? По тому же примеру и людей крепостных и наемных писать, с подлинною же очисткою; такожде — кто кому отец духовной, и давно ли кто у отца своего духовнаго исповедывалися, и давно ли кто причащался, и первой ли тот ему отец духовной, или другой, или и вящши? И тако и у самого того дому господина спрашивать подлинно же, коликой ему отец духовной от роду, и те отцы духовные — коих церквей были служители? Такожде и саседей всех, кои нанимают у него избы, или землю под хоромы, и живут на переднем дворе, или на заднем, или на задворке, или на загородных дворех, или кто у него живет на дворничестве, — всех описывай противо вышеписаннаго же, с подлинным испытанием и со всякою очисткою, и еже бы не пропустить и единаго человека, ни велика, ни мала, ни самаго новорожденнаго младенца.

А наипаче всего смотрить у тех жилцов, кои живут в особых хороминах и на задворках: с тонкостным испытанием вопрашивати и с подлинным свидетелством писать, у какова презвитера исповедываются и детей своих где крестят? И буде скажет, что безместной поп их исповедывает, и детей крестит, и родилницам молитвы дает, то и без розыску явно будет, что он — расколник. И записав того

попа имя, вели ево сыскать и, сыскав, роспросить, много ли у него таких детей духовных, и где они живут, и буде и причащает тех своих детей духовных, то где он то причастие берет? Спросить же ево, коея церкви был он служитель, и коего города житель, и где он посвящен, и чево ради, оставя древнюю благочестивую веру, и пошол к расколникам? И буде в чем будет запиратися, то остриги ево, и сан презвитерства сойми с него, и отдай ево градскому суду.

И тамо о всех статьях роспросили бы с великим истязанием; и пытать ево накрепко, и, пока он не повинитца, стрещи накрепко, чтобы кто к нему не подшол. А буде кто к нему придет якобы милостыню подати, да потужит по нем, или слово какое приличное к содружию молвит, то тех людей, какова бы чина ни был, взяв, роспросить накрепко, какой он ему знакомец и давно ль, и по какому случаю узнакомился? И записав ево речи, посадить закараул. Потом взять того попа и спросить ево о знакомъстве; и буде согласно скажет, то добро силно; а буде же скажет разногласно, то попа в застенке пытать. А буде поп без пытки скажет, что он познался по расколству, а тот пришлец расколство за собою в первом роспросе потаил и на очной ставке запретца, то пытать ево накрепко же; и спрашивать у него и про иных расколников. И по розыску, того попа огню предать; а кой приходил к нему, — буде явитца по розыску, что он новопришелец в ту расколническую ересь и повинулся им от своего неведения, и покаяние принесет чистое, — то, взяв по нем поруки добрые, свободить, или, паче поруки, иглицами зделать «рцы», сице: ***Р***. И те «рцы» прикажи напятнать и на обеих руках, и натереть порохом или сажею. А кто и поруки даст, то, для подлиннаго свидетелства, на одной руке положить ту признаку. И буде въпредь хотя в малом расколничестве явится, то уже и без розыску сожещи его, или повесити на поле, на высокой виселице, на цепи, нагово, дабы плоть ево птицы растерзали. А буде же он в первом розыску во упорстве будет стояти и Церкви святей не примирится, то ево, въместе с попом, сожещи в пепел, и тот пепел в ево же доме, или и не в ево, токмо в расколничем, в отход вринув, смешать с калом.

А буде про коего жителя скажут, что он в отъезде, и то писать имянно же: куды и давно ль поехал, и за каким делом, и как чают ево быть? И ради подлиннаго уврения о отъезде ево, спросить хозяина того дому и иных жителей, порознь, с подкреплением,

подлинно ли он пошал и давно ли? И буде ложной отъезд явитца, то тех, кто неправду сказал, и тех, кто ево потаил, взять в приказ и розыскать, чево ради они ево потаили? А буде же подлинно в отъезде, то, егда приедет, не медля бы объявить ево у церкви приходскому презвитеру; и егда явится, то презвитеру спросить ево против вышеписаннаго положения и записать в тое же записную книгу.

И ради такой многоделной описи, пошли к ним ис приказу своего подъячих, колко мочно, и из служителей своих; и из монастырей возми дьячков. И у коея церквы писца нет, то тут писал бы присланной от тебя; а у коея церкви умеет дьячок, или дьякон, или и пономарь, то писал бы он. И буде на все церквы писцов не наберетца, чтобы вдруг писать, то, егда ближные церквы опишут, послать их к другим церквам далним, а потом хотя и к третьим, толко бы с поспешением писали, чтобы одним годом всю епархию описать. А от записки писарям прикажи брать за работу со всякаго человека, и со младенца, по две денги з головы; а бумагу пошли свою казенную; однако же за бумагу вели брать по денге с человека. И вели писать им перво въчерне; а когда кои приходы совсем описаны будут, тогда вели их набело переписать, в полудестевые тетрати, и переплести вели коеяждо церкви особою книгою, чтобы тебе мочно было в предьбудущие годы с теми книгами посылать возновлять опись.

А которой человек скажет отца себе духовнаго от далеко сущия церкви меснаго попа, то велеть ему от того отца духовнаго принести, за рукою ево, писмо. А в писме том тот презвитер написал бы имянно, давно ли тот ево сын или дочь в духовности, и по вся ли годы исповедывается, и давно ли Тело Христово принимал, или и никогда не принимал? А буде кой на меснаго попа сказал, а писмо принесет от иного попа безместнаго, или и от местнаго, да не тоя церкви, на коего он сперва сказал, — то того попа надлежит тебе перед себя взять и выспросить в тонкость, за клятвою, подлинно ли он сын ему духовной? И буде повинитца, что не сын ему духовной, но за прозбу назвал его сыном духовным, то накажи ево штрафом и наказанием, с милостию; а буде же изо мъзды назвал ево сыном духовным, то надлежит лишения священства и наказания великаго; обаче, за его скорое покаяние, да будет твое разсуждение. А буде же добром не повинитца, а в словах с тем назваными своим сыном разгласится, то обоих их отошли в гражданъской суд. И тамо бы,

распрося их в застенке, пытали накрепко; а егда сыщетца, что он не прямой отец духовной, то, без всякия пощады, обоих их сожещи огнем и учинить так, как о том выше речеся, или как тебе понравитца. Токмо не моги живых их пустить, но — злый зле да погибнет.

А буде кои явятся простые люди, не в расколе живущия, а отцов духовных не имеют от простоты своея, и тех градскому суду не отдавать, но повелеть им исповедатися. А буде не послушают, и того года не исповедаются, то вели ему, за ослушание, наказанье учинить, по своему разсмотрению.

А когда те твои посланные перепищики которой двор совсем опишут, то взять у хозяина того двора сказка с великим подкреплением, еже, болши того, свойственников ево, и дворовых людей, и работных, и посторонних жилцов на дворе ево, и за двором на ево земле, и в отъездех, никого нет. И те сказки в той же книге, под описью всех жителей, вписать без отставки. И под тою сказкою оставя пробелу строки две-три, да и начать другово двора опись писать, против вышеписаннаго же, со всяким испытанием.

А изшед ис коегождо двора, над вороты вели учинить на доске резную подпись, чтобы она прочна была, и вырезать большими словами сице: ***двор первой***; а под тем писмом, или и подле, рядом, вырезать мелкими словами: [***приходу Спасскаго***], или ***Воскресенскаго***, или ***Успенъскаго***, или ***Николскаго***, или коего либо святаго, в которую надлежит им ходити. А на другом дворе такожде вырезать: ***двор в***[453] — а мелкими словами: [***того-то приходу***]. И тако до последняго двора подписывать все неизменно. А кой двор между теми дворы найдетца иного приходу, то на тех воротах подписать мелом: ***того-то приходу***, а иной двор найдут не того уже приходу, но иного, то так и подписать, мелом же, коего приходу они скажутца. И на тех дворех никого не описывать, толко взять сказка за рукою, коего он приходу скажетца; а у себя в особой тетратке записали бы: «на той-то улице, подле того-то двора, двор приходу тоя-то церкви; живет на нем тот-то имянем». И буде после явитца, по свидетелству тоя церкви презвитера и причетников, коея он сказался прихожанином, тот двор не того приходу, коего кто сказался, то взять ево в розыск и спросить накрепко, чево ради оболгал он и указал на иной приход? И без доводу в расколе — пытать ево.

И кои дворы описаны будут, то и в книге подписать на пробеле в начале: «опись перваго двора»; а над другою описью молвить:

«опись втораго двора»; и тако над всякою описью подписывать, чтобы явно было в книге, коего двора опись.

И таковое резное подписание чинить на воротех того ради, дабы, после описи, писма того не стерли и в дворах бы смятки[454] какой не учинили; а паче для того, чтобы между приходских дворов неописаной двор не остался, понеже в приходех многие дворы перемешены и, в близости церкви, других далных церквей приходские дворы бывают. И то учинено велми не здраво. Добро бы учинить приходы к тем церквам, х коим они ближе, и учинить бы их без переметки. А расколницы в таковых дворех и вогнеждаются, кои бывают меж приходов; и егда ближние церкви придет презвитер со святынею, то он глаголет: «аз не того приходу, но оного»; а егда другие церкви далные придет презвитер, то он указует на ближную церковь: «я де сея церкви прихожанин». И тако в перемешаных дворех многие дворы в безвестии пропадают. И сего ради велми тщателно надлежит дворы подписывать, дабы все они были явны.

А год перепустя, или два, паки пошли освидетелствовати, нет ли какой где измены, и тое описную книгу вели с собою взять. И буде что изменилось, то бы писали в иную книгу, рядом, зачав с перваго двора и до последняго; и где сходно, то под тем числом подписали бы, что тот двор с первою описью сходен. А о исповеди и о причащении спрашивал бы подлинно; и в коих дворех люди и сходны, обаче о исповедании грехов, и о причащении, и о хождении ко церкви на пение, тонкостно надлежит всех вопрашивати, со известным свидетелством, у кого они исповедывалися и у коея церкви причащалися? И буде кто явится оба года не исповедывался, о таковых бы тебе доносили.

Еще же расколницы вогнеждаются на задних дворех, и на удаленных от церквей, и на загородных дворех. И те все дворы приписывать вели к приходским же церквам, куды кой сличнее будет. А буде у коего задняго двора на улицу ворот нет, ни калитки, а ходят они через передней двор, то на тех же передняго двора воротах вырезать резною же подписью имянно, что «позади сего двора другой двор того же приходу». А буде же где есть у задняго двора калитъка, или ворота, или из хором, дверь, то над тою дверью или калиткою, буде вырезать подписи не на чем, то прибить доска и вырезать на ней, что тот двор или хоромы — того-то двора, числом по описи — перваго, или втораго, или коего ни будь числа; прихо-

ду — тоя же ли церкви, у коея в приходе передней двор написан, или другаго. И буде скажетца другово, то надлежет у него спросить, чево ради на одном дворе живет, а не ко одной церкви ходит? И как он ни сказывай, а надлежит ево ведать тому презвитеру, у кого в приходе передней двор.

И тако описав все дворы, — передние, и задние, и загородные, — и исчисля, колико у кого в приходе дворов передних, и колико задних и загородных, и колико описано всех человек поголовно, и в том числе колико православных христиан, иже в древнем благочестии пребывающих, и колико нововымышленные веры расколнича мудрования, и колико простецов, кои отцов духовных себе не имели безхитростно, и колико пришелцов иностранных, обитающих в ведомстве его, — и имяна прямых расколников выписать в особую роспись. И вели принести ее к себе. И ты, по разсмотрению своему, жесточайших огню предай; а которые ни так — ни сяк, стоят не твердо, и буде обещаются от прелести расколничи покаятися, то, наказав и запятнав, яко же выше речено, и то учиня, свободить вели. И аще, по покаянии, паки обратятся, яко пси, на свою блевотину, то уже никаковым их клятвам и обещаниям не ими веры, но предавай их огню, да злый зле и погибнет.

А буде кто будет упорен и описывать презвитера на двор пускать не станет, то итти на двор силно. А буде же запретца в хоромах, то оставить на дворе караул крепкой, чтобы из хором и из двора никто не вышел, и послать в приказ; и взять подьячих и розсылщиков, и от камендата — салдат, и пришод, двери выломать и взять тут живущих и пришлецов, коих во дворе и в хоромах застанут; и отдать всех под крепкой караул. А в хоромах и в чуланах осмотрить накрепко же, нет ли каких пришлых людей из сатанинскаго полку, и нет ли каких расколничих печатных и писменных книг, и нет ли каких расколничих грамотак? И аще обрящутся пришлые люди учители их расколничи, или и не учители, да того же полку сатанинскаго, то спросить подлинно, откуду они и почто пришли? А спрашивать их всех порознь и записывать те допросы на особой бумаге. И буде в роспросех с хозяином или меж собою разноглано скажут, то хозяина и гостей ево всех взять в приказ. А буде сыщутся какие старопечатные книги, а новоисправных нет, то и без пришлых людей мужеска пола и женска взять в приказ и распрашивать их о расколе. И буде станут ставить во свидетелство каких отцов

духовных, то и отцов духовных спросить имянно, прямые ли отцы духовные, или наемные? И буде отцы духовные явятся и приходских церквей попы, то спрашивать их в тонкость: давно ли те дети духовные у него на-духу, и по вся ли годы исповедываются, и на коей недели поста исповедывались, и причащались ли когда; и церковники про то ведают ли, что они дети ему духовные? И егда тот поп скажет про все имянно, и последи такожде тех нареченных ево детей духовных спросить такожде в тонкость: давно ли на-духу у того попа, и многажды ль исповедывался, и на коей неделе святаго поста говел, и кто тому свидетель, что он говел? И аще неправдою назвали того попа отцом духовным, то никоими делы утаитися в сицевых тонкостных роспросех не можно. И о сем у них спросить же: «сами о себе свидетелствуете, что вы святей Церкви не противники, а книги у себя имеете токмо одни старопечатные, а новоисправные ни одное книги нет?» И буде он с названым своим отцом духовным в роспросе розмолвитца, то отдать ево градскому суду и чтобы у него в застенке спросить: что он попу за то дал, что он назвал ево сыном своим духовным? А буде он скажет, что дал ему плату, велику или и малу, а на-духу у него никогда не бывал, то попа того остричь и в застенке пытать накрепко, много ли у него таковых лжедетей духовных? И аще и первой тот у него названой сын духовной, и то записав, не отлагая, учини ему указ, чего он достоин будет, такожде и того, кто и отцом духовным ложно назвал, — дабы въпредь было неповадно отцов духовных денгами покупать, такожде и попам неповадно бы было дар Духа Святаго на цене отдавать и Богу лгать.

А аще же, сыне мой, возревнуеши по Бозе и возжелаеши скоростнее то злое расколниче терние истребити, то ты, прежде описания таковаго, возми у камендата служивых людей, сто или и другое, такожде и своих собери человек сто-другое, и подьячих десятка два-три набери, и раздели по приходам, чтобы от всякие церкви взяв попа и с причетники и итти по всем дворам, а наипаче сперва к тем, кои мало к церкви ходят. И обыскали бы накрепко, по всем хоромам и чуланам и сундукам, а где заперто, тут ломали бы; и искали бы прилежно, без поноровки, нет-ли старопечатных книг, или списков с них, или пересылок каких расколничьих? И в коем дому расколничьи книги или писма сыщутся, то записать их в роспись, сколко у кого их сыщется, и на тех писмах подписать имянно,

у кого они взяты. И хозяев тех, чьи книги, взять в приказ и распросить их, чево ради такие книги у себя держат? И буде скажут, что они у них отцовские или дедовские, то спросить их, для чего новоисправных книг нет у них? И о том как он ни будет отговариватися, тем он прав не будет. Обаче, для лучшего уверения, велеть ему по древнему христианъскому преданию треперъстным сложением крестное знамение на себе вообразити. И аще которой человек того не учинит, то нечего его болши и спрашивать, но отдать ево к розыску; и буде не покается, то, без всякие мешкоты, вели ево огню предать; а буде и жена ево в том же расколе будет стоять, то и ее, без всякие же мешкоты, огню же предать. И таковых упорных раскольников болши трех дней отнюд не надлежит держать, потому что таковые никогда совершенно покаятися не могут, понеже запечатлени суть они антихристовою печатью. И, по откровению апокалепсисному, таковые люди уже покаятися не могут (Апок., глава 16, стих 7–8), — и таковый аще и многая обещания изречет, последи во всем том солжет, и, изшед на свободу, возсмеется и паче перваго испустить от себя яд змиин. Того бо ради и предрекох ти, да у таковых, аще кто и тысящу обещаний сотворит, и ты, видя его многая обещания, восхощеши над ним милость показати, то ты ни ста порук не бери, еже бы ево, не запятнав, отпустить. А аще же и без порук отпустиши, да запятнаеши ему на челе и на обоих руках, то уже всяк будет ево знать, что он был в расколе и отпущон за поролем. И потом аще и в малом чом причинитца к расколу, то ево без всякаго милосердия огнем в пепел сожещи, и той пепел, во отход вринув, с калом смесить. И таковым жестоким порядком можеши во едино лето всю свою епархию от адских волков высвободити.

А аще, сыне мой, восхощеши преодолети их наукою, то и в дватцать лет не возможеши толикаго добра зделать, колико можеши жестокостью одним летом учинити, понеже люд у нас грубой и неучоной, и всякое учение называют расказами; а сами аще и ничего не смыслят, обаче высоко себя поставляют. Аще ныне Божиим Промыслом, чрез повеление царское, тщанием преосвященнаго Стефана, митрополита Резанъскаго, и самая глава ереси их сыскалась, еже на Мартина армянина *«Соборное Деяние»*, и противо того *«Соборнаго Деяния»* не можно им и уст своих растворити, — но аз вем, что диавол, за хуление Духа Святаго, ими овладел, и того ради и такое явное свидетелство ни во что поставят. А жестоким наказанием

и скорым смерти их осуждением скоростнее тое злое терние истребитися может.

И молением молю тя, сыне мой, и Божиим глаголом заключаю: Господа ради, не терпи Божиим врагам! Аще кой явится упорен, вящши трех дней не давай ему живу быть; а буде управишся, то и трех дней не держи, но либо в первый день, либо во вторый и конец ему доспей. Токмо детей их, буде не крещены, вели крестить и отдать их во училище, да навыкнут благочестию. О вразех же Божиих, еже смерти их предавати, сыне мой, не сумняйся: Сам бо Господь еще и в древнем завете повелел смерти их предавати, а в новой благодати и наипаче подкрепил, и ни во что их въменил, глаголя, яко от злаго древа не могут плоды добры быти, и имянно повелел не творящее плода добра древо посекати и во огнь вметати (Матф., глава 7, стих 19; Лук., глава 9). И паки, уча нас, глаголаше: яко аще кто и единаго человека соблазнит и от истиннаго пути отвратит, повелел тому блазнителю навязать на выю его жерновный камень и вринути во глубину морскую; и подкрепил, глаголя: яко лучши есть, да потонет во глубине морстей, нежели единаго соблазнит. И тот Его Божий глагол три евангелисти засвидетелствовали: Матфей во главе 18, стих 6; Марко во главе 9, стих 41; Лука во главе 17, стих 2. А расколничи учители не единаго человека, но иной и многие тысящи человек соблазнил, и от истиннаго пути совратил, и низвел их во тму кромечную: то како таковаго врага Божия смерти не предати? Паки Сам же Господь Бог рек, ако аще кто восхулит на Духа Святаго, не отпуститца ему той грех ни в сей век, ни в будущий. То какому уже прощению быть расколникам? Понеже они непрестанно Духа Святаго хулят, то кто от человек может таковому прощение дати, его же Бог не прощает? Негли человек Бога болши и милостивейши? Аз тебе, сыне мой, глаголю: аще ты восхощеши умняе Бога быти, и на каковая словеса склонишиса, и над учителем расколничим милость покажеши, и дашь ему въместо смерти живот, то ты смертне пред Богом согрешиши. Токмо над таковыми милость развее покажи, кии вскоре покаяние принесут и скажут, что «мы ничего не знаем: нас учили таковому безумию той и той учители, а мы люди простые»; то учителей тех означенных имяна вели записать, а их, запятнав, можеши отпустить. А егда сыщутца тыи учители их, то никаким их обещаниям не ими веры, ни порук по них не бери, ни клеем на них не клади, несть бо

сму покаяния; но учини им скорую кончину, яко же выше рекох, да благословить тя Господь Бог во вся дни живота твоего; а кии будут их смерти предавать тыи, по Господню словеси, в крови их посвятят руки своя.

Еще же тебе, сыне мой, совет предлагаю основателный и в роды родов потребный не токмо тебе, но и прочиим всем нужнейший.

Аще восхощеши прямую правду насадити, а расколников в конец истребити, то прикажи ты во всей своей епархии по всем церквам учинить шестеры книги записные, кроме описных книг, в коих по дворам поголовно прихожане все описаны. И сии все шесть книг учини дестевые и переплети их. И в том числе учини: первые — родилные, вторые — крестилные, третьи — исповедавалные, четвертые — причащалные, пятые — венчалные, шестые — погребальные; и записывать бы в них имянно. В родилных писать сице:

҂аѱг҃[155] года. Книга ***родилная*** церкви Воскресения Христова, что в том-то урочищи.

Месяца, в том-то числе, дня или нощи в том-то часу, по переписи в первом, или втором дворе, Ивана Иванова сына, такова-та прозванием, жена имярек родили сына, или дочь; молитву давал я, то(й) имянем; имя наречено сего дни празднуемаго имярека, в онь же день младенец изшел на свет. [А кроме настоящаго святаго, из иных чисел имяна младенцам давать велми не годствует, понеже в том разбирании многие святые великие от народа в презрение приходят; а се, и простым людям и безграмотным рождения день будет памятен]. И буде свойственница или работница родила, то имянно же надлежит писать, крепостной ли он, или наемной, и кто муж ее имянем и прозванием. [В конце же записки тоя свидетель бы руку приложил]. А буде же родилница случится пришлая, и ее записать имянно, коего она города, или села, или деревни, и какова помещика, или коего прихода, и какова чина. И буде кой священник даст молитву приежжей родилнице, или иного приходу, по прилучаю, и по какому прилучаю — писать имянно же; и тое родилницу записать в ту же настоящую родилную книгу имянно, яко же выше речеся; и записав в книгу, списать с книги список, и тот список давшему родилнице молитву, заруча, отдать для крещения младенца отцу младенцеву, или матери ево, чтобы им то писмо у крещения во свидетелство подать. А крещающему презвитеру то писмо принять и въписать ево в крестилную свою книгу имянно, что тому младен-

цу по случаю дал имя тоя-то церкви презвитер имярек; а подлинное писмо склеить в столп и положить в сохранение.

҂аѱ года. Книга ***крестилная*** церкви тоя-то.

Месяца того-то, в день, по переписи числом того-то двора, Федора Иванова сын или дщерь, имярек, во имя Святыя Троицы крещен во церкви того-то святаго; и молитву давал я же, имярек, или онъсица, тоя-то церкви презвитер имярек, его же явлено будет имя в приносном писме; и въписать то приносное писмо тут же в крестилной книге. Такожде восприемника и восприемницы записать чин, и имя, и прозвания. И к той записке восприемник бы руку приложил и свидетели руки приложили.

҂аѱ года. Книга ***покаялная*** церкви тоя-то.

Месяца того-то, в числе, по переписи числом того-то двора, кто таков имянем и прозванием и чином, и коликих лет от роду, исповедывался у меня, имярека, еще въпервые, или в другой ряд, или и вящши, того-то года; и буде въпервые, то надлежит записать после коея церкви презвитера; и буде он еще жив, то спросить, чего ради от него прочь пошол и з благословения ли пошол? А буде же по случаю исповедывал, то и случай надлежит записать, за скорбию ли, или за отлучкою исповедывался у него?

҂аѱ года. Книга записная ***причастникам*** церкви тоя-то.

Месяца того-то, в числе, причащался сын мой духовной, или дочь моя духовная, имярек, моего приходу, или оного приходу тоя-то церкви, по описи числом того-то двора. И буде у кого иного отца духовнаго исповедывался, и те отцы духовные в писмах своих писали бы имянно, коего числом двора по описи, и в своих причащалных книгах записывали бы, еже отпущон причащатися в тот-то приход, к тому-то презвитеру; а причащаяй презвитер то писмо въписал бы имянно во свои книги; а писма, для всякова случая, клеить в столп и хранить их в соблюдении. И — свидетель руку приложил. Егда же и младенца принесут причастить, то и их записывать же, как ему имя, и кто у него отец, и какова чина, и его ли прихода, или приносной из иного приходу, и по описной книге с коего он двора? А кои причастники в совершенном возрасте придут причащатися от иных отцов духовных, и тех причащаючи, презвитеру и причетникам смотрить накрепко, дабы Тела Христова лестне не принимали и за щекою бы прочь не относили. Такожде и за своими детми духовными, кои внове из расколу пришедшия,

или в коих и старых детях духовных, да есть какое сумнителство, смотрить накрепко же, понеже у проклятых расколников есть такой обычай, еже приличия ради Тело Христово приемлют, дабы зловерие их не познано было, а отшед прочь, повергают в попрание ногам. И буде коего причастника усмотрят Тело Христово не поглотивша, то тех того же часу, и отослать к розыску.

Вышеписанную же младенческаго причащения записку мнозии вознепщуют, якобы она напрасная и трудность излишняя. Аз же изъявляю, яко и она велми потребна, понеже расколницы детей своих никогда не причащают, ибо, паче крещения, от причастия бегают. И аще расколничей младенец умрет, то по той причащалной записке у, погребения мочно будет познать, какой тот младенец; и буде в причащалных книгах есть, то погребсти его у церкви; а буде в причащалных книгах нет, то хотя в крестилных и написан, обаче, за презрение Тела Христова, у церкви его не погребать, но отослать его назад к отцу, и — где хочет, тут погребает. А отца и мать того умершаго младенца вели взять в приказ и роспросить, чево ради младенца крестили, а не причастили? И буде на них есть, на челе или на руках, расколничи знаки, то и розыскивать нечего, но отца и мать огню предать; а буде же младенца в крестилных книгах нет, то и младенца с ними же того же дни сожещи, не розыскивая и не медля ни дня: понеже испросился он на покаяние, а он, яко пес, обратился на свою блевотину,

А аще кого прилучится и на дому причастить, и тех причастников такожде записывать в тех же причащалных книгах; и у коего презвитера тот боль исповедывался, против вышеписанной статьи, как о том положено, записывать имянно же.

И сия статья причащалная, аще видится и диковата, и противновата, обаче ею мнозии расколницы означатся и всем явны будут.

҂аѱ҃г года. Записка ***венчалная*** тоя-то церкви.

Месяца имярека, того-то числа, сицева чина тот-то имянем и отечеством и прозванием, по описной книге того-то числом двора, от роду ему толко-то лет, женитца первым браком на девице того-то прихода, такова отца имярека на дочери имяреке; от роду ей толко-то лет. А буде жених вдовец, то — коим он браком венчается; такожде аще невеста (вдова), то — коим браком и она посягает замуж, и кто у ней муж был; и посягают они не в кумовстве, ни в сватовстве. И к той записке дружка бы женихов за жениха поручился, что он

той невесте ни в кумовстве, ни в сватовстве; а невестин дружка ручался бы по невесте, что она тому жениху ни в кумовстве, ни в сватовстве. И свидетели, два или три, руки бы приложили.

҂аѱі года. Книга записак ***погребальных*** тоя-то церкви.

И записывать такожде, коего числа, кто по имяни и по прозванию и по чину погребен будет, и коего он приходу был, и по описи коего числом двора, и в коликих летех от рождения преставился? Отец ему духовной был тоя-то церкви, и при смерти исповедывал он же. И по книге того отца духовнаго справитца, по вся ли годы он исповедывался, и причащался ли когда, или при смерти въпервые исповедался? Обаче аще и въпервые исповедался, да причастился, погребсти его у церкви; и то — подлинно освидетелствовав, совершенно ли он исповедался и причастился; а буде явитца, что не причащался, ни исповедывался, то и попа, и мертвеца огню предать, яко же о том писано выше сего. А буде же явитца подлинное свидетелство, то того презвитера, кто исповедывал и кто причащал, имя въписать в книгу. А буде ни прямово, ни наемнаго отца духовнаго не явится, то того мертвеца, вынесши за город, поврещи псом на снедение. Свидетели руки приложили.

Такожде и о младенцах умерших: у погребения свидетелствовати, где он крещон и где причащон, и то свидетелство записывать в погребалных книгах имянно, по вышеписанному же положению. А буде и о младенце свидетелства писменнаго о крещении и причащении не будет, и таковых у церквей не погребати, но где хочет отец да мать, там ево и закопают. А о отце и матери чинить розыск, чего ради не крестили; и буде явятся в расколе, то чинить так, как писано выше сего.

И сии вышепомянутые в церковных, книгах записки писали бы дьячки церковные, или пономари, или и посторонние люди, кои бы токмо умели писать; а по совершении бы всякие записки закрепляли бы презвитеры тех церквей, в коих те записки записаны будут. А буде и сам презвитер будет записывать, обаче, по совершении коеяждо записки, под приложением рук свидетелевых, закреплять им же, презвитерам.

Писать книги сице: «1718-го года[156], октября», или иного коего месяца, «23-го дня», или коего случится; — писать по вышеписанному примеру, и писать строка под строку, а пробелов между записак отнюд не оставлять. Толко разве коя строка в записке будет начата,

а окончиться в полустроке, или и менши, то токмо такие пробелы оставлять; а целые строки промеж записак отнюд не оставлять. И под всякою запискою перво бы приложили свидетели, человека два или три, или и один, смотря по делу; и свидетели свои имяна, и прозвания, и отечества, и чин описывали бы имянно; а под свидетелевыми бы руками поп тоя церкви закрепил.

А егда месяц окончится, то под всяким месяцом подписывать перечни. В родилных — колко в том месяце родилось мужеска пола, колико же и женъска; в крестилных такожде, колико коего пола крещено; во исповедалных такожде, колико мужей или жен исповедалось; в причащалных же, колико в возрасте сущих мужей и жен, и колико младенцо(в) причащено; в венчалных же писать, колико токмо свадеб было; в погребалных же писать имянно, колико стариков и старух от осмидесят и выше погребено, колико от седмидесят и выше погребено, колико от штидесят и выше погребено, колико от пятидесят и выше погребено, колико от сорока лет и выше погребено, колико от тритцати лет и выше, колико от дватцати лет и выше, и колико от десяти лет и выше погребено, и колико годовиков и выше, даже до девяти лет, погребено; такожде и самых младенцов, и году не дожили, писать имянно же, особою статьею, колижо коего пола погребено. А и под перечнями месячными болши дву строк не оставлять, да ж зачать иного месяца записки.

А егда весь год исполнится, и — под последним числом, под месячными перечнями, во всех книгах подписывали бы перечни всего года валовые: изо всех месяцов выбрать мужеской пол к мужескому, а женской пол к женскому. А в погребалных по различию годов собрать изо всех месяцев въкупу, мужескаго пола особо, а женскаго особо же; и писать младенцов, кои до году померли, въсех в одну статью, толко различить мужеской пол з женским; а тамо уже всех писать по годом: колко коего пола умерло годовиков, колико двугодных, колико трегодних, колико четырелетных и пятилетных, такожде кои и выше десяти годов, или дватцати, з годом, или з двомя, или с пятью, иди з девятью; и; буде кто и девяноста лет будет с сколкими годами, все писать имянно. И под годовым перечнем ту страницу, на которой годовой перечень окончилъся, покинуть, и на другой странице сначала зачать новаго года записки и чинить по вышеписанному.

А с прошлаго года изо всех шестерых книг списать список в одну книгу и, заруча презвитеру, отнести ее во архиирейской приказ. И тако по вся годы чинить неизменно, дабы всея епархии всех церквей во архиерейском приказе было ведомо о всех православных христианех, колико их родились, и колико скончалось, и колико в совершенной старости умерло, и колико, не дожив совершенных лет, скончалось, и колико человек удостоилось пресвятаго Тела Христова и животворящия Его Крове причаститися.

И аще, сыне мой, сицевое поведение во епархии своей устроиши, то многую ползу не токмо себе получиши, но и всем православным христианом, под паствою твоею живущим, многую ползу сочинищи. ***Первая***, еже врагов Божиих, кии Тело Христово мерзостию нарицают и ногами своими всескверными попирают, мало-по-малу будут исчезати, и Церкви святей от волнения расколнича имать быти тишина преизрядная. ***Второе***, еже многия бы неправды и душевредъства, иже в прениих сродства бываемыи, были бы вси без душевредства явны. ***Третие***, к посяганию бы брачному розыск свойства и кумовства был бы явен и безгрешен. ***Четвертое***, хотящии бы во презвитеры и во диаконы ложно лишних лет приложить бы было невозможно и тое святотатьство пресеклось бы в конец: не то что лет пять или шесть себе приложить, но и единаго бы лета прилгать было не возможно. ***Пятое***, еже бы во всяком деле стала бы проростати правда, а проклятая неправда во всяких делех начала бы истреблятися; а кто кому в свойстве или в кумовстве, то и по смерти бы было явно.

И от сицеваго праведнаго дела начнетея во епархиии твоей свет ведения, и ты, яко в зерцало зря, будеши всю свою епархию видети; тма же неведения мало-по-малу вся исчезнет.

И аще вышеявнаго дела тщателно не учиниши,
И оным злым врагам, за злая их дела, зла не сотвориши,
То терния, подавляющаго пшеницу, будет не истребити;
Но и оставшую чистую пшеницу могут они подавити.

А аще же, сыне мой, во епархии твоей случатся быти некрещеные народы, безграмотные люди, — Мордва, или Черемиса, или Чуваша, или Вотяки, или Остяки, или Якуты, или Тонгусы, или Лопари и Самоеда, или и иныя какие народы, сим подобные, крещения святаго

не имущия, — великим тщанием, подобает ти потщатися, дабы их в познание христианския веры привести.

И аще случатся под властию твоею Мордва, то сии — яко младенцы; несть у них никакова закона, весма противнаго. У нас Святая Неделя празднуется, и они ту же Святую Неделю празднуют; праздиество же их сице: пива наварят, вина накурят, медов наставят, да пьют, переходя друг ко другу. И прочие праздники все празднуют с нами вместе. И святым многим празднуют: Илье Пророку празднуют, Миха(й)лу Архангелу празднуют и Николе Чудотворцу празднуют. И егда случится им обещанное празднество праздновати разным праздникам во едино время, кто кому обещался, и егда наготовят питья, то они, сошедшеся, друг друга спрашивают, кто кому обещался праздновати? То изъявят, кто обещался Богу, кто — Богородице, кто — Михаилу Архангелу, кто — Илье Пророку, или иному коему святому. То не начнут ни коего канона прежде Божия пить; потом начнут Богородицын канун[457] пить; потом — архангелов; по архангелове же, святых кануны пьют, кто кому обещался; а прежде Спасителева и Богородицына, кануна ни коего святаго не начнут пить. А иных праздников, кроме наших, никаких у них нет. И к сиим не требе посылати высокие науки людей. Но — токмо знал бы закон христианской и знал бы, как вера христианская правити, и как Бога знать, и какая Ему честь отдавать, и чтоб образов святых за Бога не почитали; но учили бы их ясно, как Бога, на небесех сущаго, умныма очима зрети, и как Его молити; такожде — како Пресвятую Богородицу, у престола Божия в неприступной светлости стоящую, молити; такожде — како ангелов Господних и святых угодников Божиих призывати на помощь себе, и како коим святым иконам честь отдавать, и с каковым намерением поклонение им творити? И сиих людей, паче увещания, милостию токмо единою мощно их привлещи ко крещению. Естьли им дать леть на десять лготы в податях и отмену в милости учинить крещеным от некрещеных, то вся Мордва годы в два-три приимут крещение. И презвитерам, кии к ним отделены будут, не требе учитися их языка, понеже вси они руской язык знают.

А ежели случатся Чуваша или Черемиса, тии — Мордвы жесточае и упрямее, и к вере низходителства такова не имут. И аще они и безграмотные же, обаче не можно презвитерам не учитися их языка, понеже, от упрямства своего, не хощут рускаго языка пере-

нимати; и естли какое дело и приказное им случится, то они глаголют через толмачь; а женеск пол и единаго словесе рускаго не знают. И ты, сыне мой, поищи из руских людей грамотных, кии в тыих краях живут и языку их навычны, аще и отчасти, — то тыих вели привести к себе в училище; и аще которой по свидетелству надзирателеву и учителеву удостоится, посвяти их во презвитеры; а буде же таковых людей будет мало, то ты (для) ставлеников, кии будут во училищи твоем учитися, возми из тех стран толмачей и вели учитися их языков, чтобы могли с ними разглагольствовати. Наипаче же нужда презвитерам разумети, како их во грехах исповедывать: чтобы могли о грехах спросити, потом могли бы им запретити, чтобы въпредь так не чинили, и могли бы расказати им, каков рай весел и утешен верным, и какова мука болезненна грешным, и еже та мука безконечна, такожде и веселие праведным вечно.

У нас в Руси и ныне есть такие места, что презвитеры руские, а дети духовные — иноязычницы. За Белым озером есть народ, зовомый Чудь, и у той Чуди язык особой; обаче вси издревле крещены, а поруску мало умеют; и тамошние презвитеры и без повеления учатся языку их чудинъскому: священнодействие всякое отправляют руским языком, а им что надлежит сказать, благословение или прощение, то их языком глаголют. Такожде и Корела язык свой же имут, а презвитеры руские их исповедывают и причащают, и младенцов крестят. А мне ся мнит, не худо бы Чудянам и Корелам и запретить глаголати своими их языки, понеже — народы не многочисленныи и обои живут сумесью[458] с рускими людми, токмо особыми деревнями. И, ради всесовершеннаго навыкновения рускаго языка, повелел бы во всех деревнях владетелем их перемешать по-полам, чтобы один двор руской, а другой корелской или чудянъской; и предел бы такой крепкой положил, еже бы им, ни Корелам, ни Чудянам, особыми деревнями не селили. И заповедь бы положил под страфом. И аще у кого дети малые не будут уметь поруски говорить, то тех бы детей у отцов, мужеска пола и женска, отъимать и отдавать их в работу тем, кто таковых робят найдет где, поруски говорить незнающих. И такова ради штрафа в малые годы вси научатся поруски говорить. А ныне не без греха в сем есть, еже не разумеют рускаго языка, и что презвитер по книгам ни глаголет, ничего того не знают. И аз ти, сыне мой, завещеваю, да аще во твоей епархии сии два языка будут, всячески потщися, дабы по вышеписанному учинитя.

И сии два языка яве есть, яко крещены во дниноваго апостола Христова, великаго князя Владимира, понеже сей святый, нашего спасения предводитель, единым замахом всю свою державу ко Христу привел и святым крещением просветил их, без пестроты. А Мордва, и Черемиса, и Чуваша, и прочие вышепомянутые народы не быша под рукою державы Российския, но начашася они быть под державою Рускою с царствования царя Иоанна Васильевича. И тому уже будет лет со двести, а ни един народ из тыих языков святому крещению не привлечен, и промыслу[459] о их просвещении ни малаго ни от гражданъства, ни от духовенъства несть, и тыи бедные народы погибают своими душами ни за что, токмо за наше нерадение. И о сицевом деле наипаче надлежит попечение имети духовному чину. Понеже духовный чин преемницы суть апостольстии и власть имут апостольскую, того ради и дела им подобает творити апостольская.

Возри ты, сыне мой, на Римлян и поревнуй им в трудех сиих! Аще бо они в вере, от возношения своего, и погрешили, еже от восточныя Церкве соединения отпадоша, обаче апостольскаго делания от себя не отвергаша, но со усердием исправляют: ибо не токмо во своей единой области из неверия в христианъскую веру приводити, но и в далечайшия страны не обленишася ходити и Слово Божие проповедати. И ходяще, глад и хлад и иныя всякие скорбности подъемлют, паче же того и о самой своей смерти нерадят, токмо бы им Христову проповедь распространити и Богу прибыток учинити. И в той проповеди не токмо в порубежная царствия ходят, но и в самые далечайшия страны со тщанием ходят: достигоша бо Китайского царства, и Хинъскаго, и не до сего ста, но и в подземную Америку не обленишася дойти, и тамо Слово Божие проповедаша и от идолопоклонъства многих обратиша. И в тыих идолопоклонных странах мнозии от тех Римлян и замучени суть и венца мученическаго сподобишася. И в коей стране посланников их римъских замучат, то на тыя места посылают сугубо: аще умучат где дву человек, то уже пошлют четырех; а аще и тех четырех замучат, то пошлют осмерых; и елико их ни убивают, то сугубо въпредь посылают.

И на такое их тщание зря, не стыдно-ли нам? Верою мы аще и правы, а делами и радением о человеческом спасении весма неправы есмы: не то, чтобы нам, проходя во иные царства, Слово Божие проповедати, но и во своем не умеем. На что легче на свете

к приведению, ко приятию веры христианъские, Мордвы и Черемисы и Чуваши и прочиих таковых безъграмотных людей, а и тех не можем ко христианской вере перевести! Велми бо, сыне мой, сего опасно, дабы не взыскал Бог тыих душь на вас, пастырех. Римляни, аще в вере своей и неправы, а в сием, велми нас правее, и себе великую ползу приобретают, еже от идолопоклонъства ко Христу обращают. А наши иноверцы подобны несмысленным младенцам: идолам они не кланяются, и грамоте не умеют, и закона себе никакова не имеют, и живут не в далном разстоянии, но вънутрь нашего Российскаго государьства, по Волге реке и по Каме, — и их учить бы не тяжелоносно. Первое дело, что они вси безграмотные и закона никакова не имущии; другое дело, что вси суть они под властию Российския державы, а не самовластные, яко Китайцы и Американе; и того ради и учить их не тяжелоносно. Токмо аще упросиши у великаго Государя, еже бы им полготити в податях, лет хотя на десять, или и менши, то вси возжелают креститися. А крестя, их надобно блюсти, яко младенцов: камендатам и прикащикам запретить накрепко, чтобы на крещеных налог никаковых не чинили, но еще и от сторон бы оберегали, а наипаче от их братьи от некрещеных оберегали бы их; так бы их берегли, яко сродников своих. И аще кой некрещеной их брат ругать станет и порицать крещением, то таковых имать и жестоким наказанием наказывати; таковый достоин и казни, понеже не им ругается, но христианской вере. И егда, ради какова дела, придут х камендату, или к лантрату, или и ко иному какову началнику крещеные и некрещеные, то крещеных бы поставляли ближе себя, а некрещеных далечае; и на обед аще кто позовет; то крещеных, аще и убоги суть, сажали бы их выше, а некрещеных ниже. И, ради явнаго знания, надлежит крещеным всем на одеждах своих, яко на верхних, тако и на нижных, и на рубахах, на правом плече, другово цвета, аще кафтан серой, или зеленой, или лазоревой, или какова ни есть цвета, кроме белаго, то на таковых нашивать кружки белые, а на белых кафтанах и на рубашках нашивать кружки красные, — и по тому всяк их будет знать, кто крещен и кто некрещен.

А егда застареет в них христианъская вера и вси в ней утвердятся, то надлежит Мордве, и Черемисе, и Чуваше, и Вотякам; и Остякам, и прочиим иноязычникам безграмотным, такой же указ предложить, яко же выше рех о Кореляннях и Чудянях: еже бы дети их десятилетные вси умели поруски глаголати. А буде кой отрок или

отроковица до десяти лет рускаго языка совершенно не научится, и тех детей у них отъимать, и отдавать всякаго чина людям руским в вечную работу тем, которые их усмотрят и, пришед х камендату или лантрату, известят. И такова ради положения вси будут детей своих учить пороску говорить и, детей уча, мало-по-малу и сами научатся рускому языку. А егда те дети возмужают, то мочно запретить, чтобы отнюд, ни старой, ни малой, кроме рускаго языка и между собою отнюд не говорили. И такова ради предела вси обрусеют. А дондеже языки их истреблены не будут, то совершенными христианы они быть не могут, но будут они полуверцы: лише имя христианское, да чин христианской будет, а дела самаго христианскаго никогда не будет. Како бо им, не зная языка рускаго, разумети, что во церкви читают или поют, и како они молитвы своя совокупят со иерейскими, и с пением и глаголанием церковным како ум свой возведут на небо? А кои в них будут богатые, то тем заповедать за таковым же страфом, еже бы детей своих учили руской грамоте; а буде учить не будут, то (по)тому же отъимать их и отдавать охочим людям в вечное владение. И аще сице учиниши, то себе великой прибыток духовной и душевной учиниши, а великому Государю вековечную прибыль учиниши и разширения православнаго народа неоскудное сотвориши; а и твоя слава, яко на земли, паче того на небеси в неокончаемые веки веков не угаснет.

А и Татары, аще и грамотны, и закон себе имут махометанский, а кои живут под державою Российскою, по той же Волге реке и по Каме, тыих мочно, без высокия же науки, обратить ко Христу токмо тою же милостию и облехчением поборов с них. Аще бо отсрочить им в податях лет на дватцать, или и на пятнатцать, то и тии вси примут христианскую веру. Токмо для татарскаго крещения мню, что надлежит и книги на их язык перевести, понеже язык сей многонароден: будет их, иже под Российскою державою живут, милиона два, или три, а свободных и того болши; и для такова великаго языка не можно быть без переводу книг на их язык. И презвитеры все бы умели их языком говорить и читать по их писмянам татарским. А кии Татарове живут по Оке и по Мокше реке, в Касимовском и в Темниковском уездех, и тыих мочно тем привести: есть у них деревни и всякия угодья, и в деревнях их живут в крестьянской работе не одне татарове, но много живет и руских людей, — и естьли у них руских крестьян отнять, то и помещики их мурзы похотят креститися. Та-

кожде кои в крестьянъской работе живут татарские веры, а похотят креститися, то им аще дать свобода от некрещеных мурз, то, я чаю, и тех немало наберетца. А егда презвитеры в училищах, всего священъскаго правления научився, да научатся и татарскаго языка, то тогда мочно и тебе посылать их и к свободным татарам, еже обращати их ко христианстей вере, яко же и Римляне посылают.

Есть же у нас позади Сибири новообретенная земля, нарицаемая Камчатка, лежащая она на самом востоце, въблиз Китайскаго царства: живут люди, не знающия ни Бога, ни людей; но токмо сами собою жиша до нынешних времен, понеже отвсюду облегло их море, а от Сибири стали за лесами и за великими переправами; и хотящии к ним приитти из Сибири, то в полгодищное время, и болши, доходят. А народ велми великой, и на том острову Камчатском обретается девяносто шесть городов. И ничего не знают, есть ли что на свете, кроме их, или нет, ничего того не знают. И аще туды послать человек пять-шесть, то я чаю, что во един год вси крестятся, понеже не о чем им стоять и упрямитися: закона у них никакова нет; а уже лет близ дватцати есть, как учинились под рукою великаго Государя нашего. А естьли уведают о них Римляне, то они тотчас пошлют от себя и нашь прибыток похитят напрасно; а егда Римляня тамо вселятся и научат своей римъской вере, то уже нам не можно будет их на древнее благочестие навернути. Всячески бо надобно потщатися, дабы нам сие место захватити! Я мню, что не токмо духовнаго, но и вещественнаго богатства тамо много обрящется: мочно тамо быти всякому драгоценному камению, такожде и злату, и сребру, понеже лежит она под самым востоком.

И аще ты, сыне мой, вышеписанная исправления, по завещанию моему предложенная, исправиши, и к тому исправлению и сие приложиши, еже непросвещенных ко святей вере христианстей приводити будеши, то не токмо себе одному, но и великому Государю великую ползу душевную ныне учиниши. И аще ты по Бозе завещанное тебе начнеши, то виновен ты будеши многому спасению, понеже и по тебе уже сие благое дело будет множитися и разширятися. И аще радением твоим и едино сто душь приобрящутся Богу, то приимеши за них венец славы вечныя; а аще же приобрящется сто сот, то уравнишися и святым апостолам! И сего ради ты, сыне мой, всячески потщися, дабы тебе апостолскую честь от Господа получити и великаго Государя того же дара сподобити. Аминь.

ПОПОЛНЕНИЕ К ЗАВЕЩАНИЮ

Сыне мой любезный! Се предложих тебе, в пополнение к Завещанию своему, от Божественнаго Писания древняя некая глаголы, к житию человеческому потребныя; и написах их по азбуце, да аще кую речь востребуеши, можеши не в медленном часе во священной Библии обрести. Лучшия же ради ползы потщися, сыне мой, затвердити их напамять.

А

Аароновы сынове вложиша огнь в кадилниды ин, иже Господь не повелел; и за тое их преслушание огнь с небесе сниде и сожже их. 3 Моис., гл. 10, ст. 1–2.

Авраама срете царь Салимъский Мелхиседек, и изнесе хлебы, и благослови Авраама: бе бо священник Бога Вышняго. 1 Моис., гл. 14, ст. 18.

Аврааму рече Бог: аще в коем граде обрящется праведных десять человек, и их ради не погубит того града. 1 Моис., гл. 18, ст. 32.

Авесолому Ахитофель усоветова, еже бы нощию послать воинов в погоню за Давыдом, наскоро, и еже бы, постигнув, его убить. Хусия же, иже верен бяше Давиду, подаде ин совет, глаголя: отец твой борец бе и человек гневен, и люди при нем все силны; но лучши есть собрати войско великое и итти с ними самому тебе. И вси той Хусиев совет похвалиша, и такова ради Хусиева совета Авесолом в том часе же посла воев и тако царь Давид избысть смерти. — 2 Цар., гл. 17. — Тако бо и ныне: аще кто послушает совета иностранна человека, не на спасение тот совет будет.

Аз аще Отец вам, то где слава Моя? а аще Господь есмь Аз, то где боязнь Моя? глаголет Господь Вседержитель. — Малахиа, гл. 1, ст. 6. — И на сие Господне слово зря, ты, сыне мой, живи всегда во страсе Божии и, тако творяще, истинный раб Ему будеши; а аще же будеши славу Его разширяти, то и в сыновство Ему приусвоишися. — Паки рече Бог чрез того же пророка: аще приведете Ми в жертву овча хромо, или слепо, или недужно, то не зло ли есть? — И на сие слово Господне зря, ты, сыне мой, не моги Богу что дать от худых и непотребных вещей; но аще что возжелаеши Богу дати, то даждь самое лучшее [да благословен от Бога будеши]. И тако творя, уподобишися праведному Авелю, первому наследнику царствия Божия. И аще что

восхощеши и нищему подати, или презвитеру и причетникам дати, аще и пенязи будеши давати, то ты осмотри, дабы худого и пенязи не подати; во избрав, лучшие подавай, понеже от рук их Бог Себе приемлет и на твое намерение смотрит, с каковою любовию ты подаеши; и что нищим, или церковникам ни даеши, то Самому Богу даеши. И в подаянии пищи и пития такожде чини, и не моги лучшаго себе употребляти, а хужшее чрез их руки Богу отдати дабы тебе с Каином в проклятии не быти.

Ангел Господень Маноевой жене не повелел вина пить и нечистого есть. Судей, гл. 13, ст. 3–4.

Ангел Господень Товии юному оженившуся повелел три дни от совокупления воздержатися. — Товиа, гл. 8. — И по сему ангелову слову, всякому человеку, женясь, подобает воздержатися от снития с обрученою своею. И аще кто воздержится тако, яко Ангел Господень завеща, то к таковым людям никаковая порча не прикасается; но касается тех человеков порча, кии, яко жеребцы, с желанием блудным съходятся. Ангел бо Господень ясно изъявил, яко над таковыми людми диавол власть имеет, кии на обручниц своих невоздержно нападают, яко мъски.

Ангели Господни человеческие молитвы возносят на небо ко Господу Богу. Тов., гл. 12, ст. 15.

Алчущия души не оскорби, и нищаго в нищете его не разгневай. Сирах., гл. 4, ст. 2.

Ахиор посоветовал Олоферну, еже бы первее осведомитися, в законе ли Израилтяне живут, или в беззаконии? И изъяви ему о них тако: аще они в законе своем погрешили, то воевати нам на них мочно и Бог их предаст нам всех их в руки; а аще живут в законе, то трудно на них воевати, понеже Бог небесный помогает им. И то слышав, Асъсирийстии велможи за такое его слово хотели умертвить ево, за еже, не осведомяся, не советовал им на Израилтяны воевати. — Июдифь, гл. 5, ст. 20–24. — А нашими Российскими полки начальствующии иноземцы и на всяком бою воинов страшат, глаголя: «Шведы — лихи, бойтеся их»; и тем своим глаголом великое Шведам поможение чинят, а нашим воям страхование. И по ассирийскому разсудку, достойни таковыя препинатели великому наказанию, или извержению ис того воинъскаго чина.

Аще поручишися по ком, предаси свою руку врагу. Притч., гл. 6, ст. 1.

Аще узриши врага твоего осла или ин скот блудящь, обрати его к нему; иди узриша осла падша з бременем врага твоего, воздвигни его. 2 Моис., гл. 23, ст. 4–5.

Аще кто со скотом соблудит, смертию да умрет, он и скот. 2 Моис., гл. 22, ст. 19.

Аще что обещаеши Богу, не умедли исправити, да не будешь в грехе. 5 Моис., гл. 23, ст. 21.

Аще кто з замужнею женою соблудит, да убиени будут оба до смерти. 5 Моис., гл. 22, ст. 22.

Аще кто изнасилует девицу на пути, то да убиен будеть отрок; а девица свободна от смерти. 5 Моис., гл. 22, ст. 25–26.

Аще кто женится, и той год весь да не исходит на брань, но да утешает жену свою. 5 Моис., гл. 24, ст. 5.

Асъса егда воцарился, и во дни тыя почи земля, понеже взыскал Господа Бога своего и в заповедех Его живяше; и десять лет ни с кем брани не имеяше. По десятих же летех пришед Зарай ефиоплянин и привел с собою десять милионов пеших воинов и 300 тысящ колесниц. Асъса же собра токмо 580 тысящ воев своих и, призвав имя Господне, пойде противо такова превеликаго множества, и порази их, и грады их разори, и безчисленное богатство от них взя. — 2 Парал., гл. 14. — И на сие всяк да зрит, како Господь Бог помогает тем, кии в заповедях Его живут и надежду свою возлагают на Него.

Асъса по 35 летех царствования своего надежду возложил на человеки, а не на Бога, и во время нашествия неприятелскаго послал Сирскому царю дары, дабы помог ему; и Бог, жалея его, послал к нему пророка Ананию и повелел реща ему: Возымел еси надежду свою на царя Сирскаго; или не веси, колико было ефиопов, а Бог помог тебе? Очи бо Господня призирают на тех, кии всем своим сердцем веруют в Него и надежду свою возлагают на Него; безумство бо велие сотворил еси пред Богом. И Асса разгневался на пророка, всадил его в темницу. — 2 Парал., гл. 16. — Зрите вси: се бо Асса в юности был разумен и к Богу верен, а в старости обезумился и, паче Бога, вознадеелся на человеки. И на сие зря, ты, сыне мой, не моги надежды своея паче Бога возлагати на человеки, да не постраждеши, яко же и Асса. О сем бо и Иеремиа пророк подтверждает, глаголя, яко — проклят возложивый надежду свою на человеки.

Асафат царь, егда приидоша на него Моавитяне и Аммониты завеща людем своим пост, и сам обратися на молитву к Богу; и Бог

ему поможе, ибо поразил иноплеменников, и корысти многие побрал от пометаемых ими в полку и на пути. — 2 Парал., гл. 20. — И на сие зря, всяк в нашествие либо какие напасти, да прибегает к Богу, и Бог не оставит его. — Сын же Иоасафатов, прияв царство, отвратися от Бога и заповеди Его презрел; и за то разгневался на него Бог, и чрево его разседеся, и тако издше. — 2 Парал., гл. 21. — И на сие зря, всяк да разумеет, каково Богу грубо законопреступление наше человеческое!

Б

Бога бойся и заповеди Его храни. Еклес., гл. 12, ст. 13.

Бога небеснаго Навуходоносор царь повелел подданным своим хвалити; а кто похулит, повелел смерти предавати и дом его разграбити. — Данил., гл. 3. — Колми же паче нам, православным, о Божией чести надлежат старатися и хулящих Бога в евхаристии святой достоит имати и без пощады смерти предавати!

Богу аще что обещаеши, не умедли отдати его; елико обещал еси, отдаждь, да не будеши в грехе. 5 Моис., гл. 23, и Еклес., гл. 5.

Божие дело творяй человек с небрежением, проклят. Иерем., гл. 48, ст. 10.

Божия дела мерило праведное есть. Притч., гл. 16, ст. 11.

Божия дела кто изследити может и державу величества Его кто изочтет? Сирах., гл. 18, ст. 2—3.

Безумный яко луна изменяется. Сирах., гл. 27, ст. 11.

Безумный в смеху возносит свой глас. Сирах., гл. 21, ст. 23.

Безумный аще исполнится пищи? Притч., гл. 30, ст. 22.

Безумнаго глас во множестве словес. Еклес., гл. 5, ст. 2.

Безумному по безумию его и отвещай ему. Притч., гл. 26, ст. 5.

Безумному ничего во уши не глаголи. Притч., гл. 23, ст. 9.

Безумные жены раскопаша храмы мужей своих. Притч., гл. 14, ст. 1.

Безпечалное в мире сем кто может обрести веселие? Сирах., гл. 40, ст. 1—6.

Без совета ничего не твори; а сотворив, уже не раскайся. Сирах., гл. 32, ст. 21.

Безмолвие възводит мудрый мужь. Притч., гл. 11, ст. 12.

Безчестием отца своего не славься: несть бо ти славы в безчестии отчи. Сирах., гл. 3, ст. 10.

Беззаконник, приносяй телца на жертву, яко пса закалает, и приносяй крупу пшеничну, яко кровь свиную приносит. — Исаии, гл. 66, ст. 3. — Зри, сыне мой, и внемли сему глаголу Божию: аще бо беззаконно пред Богом будеши жить, то и приношение твое будет Богу мерзъско.

Бичевая язва творит струп на теле, а язычная язва сокрушает кости. Сирах., гл. 28, ст. 20.

Биет отец сына, его же приемлет. Притч., гл. 3, ст. 12.

Благому даяние даждь, а нечестивому не даждь. Сирах., гл. 12, ст. 5.

Благая аще прияхом от руки Господни, злая не стерпим ли? Иов., гл. 2, ст. 10.

Благовестити нищим посла Мя и исцелити сокрушенныя сердцем. Исаии, гл. 61, ст. 1.

Блудник будет сын тот, кой самоволен. Сирах., гл. 30, ст. 8.

Блуд женской — помизание очей. Сирах., гл. 26, ст. 11.

Блудничи молитвы — нечисты. Притч., гл. 19, ст. 13.

Блужения жену повелел Господь Иосии пояти и родити чада блужения. Иосиа, гл. 1, ст. 9.

Бойся Господа и прослави иерея, и часть его даждь ему. Сирах., гл. 7, ст. 33.

Бойся, дабы тебя не прелстили нечестивии. Притч., гл. 1, ст. 10.

Богом не глаголи зла и князю людей не рцы словесе злаго. 2 Моис., гл. 22, ст. 28.

Боящася Бога не срящет зло; а аще и впадет, то паки измет его. Сирах., гл. 33, ст. 1.

Богатство привлачит многи други. Притч., гл. 19, ст. 4.

Богатый возглагола и — вси умолкоша, и слово его вознесоша до облак. Сирах., гл. 13, ст. 28.

Богатому многи други; а убогих друзей не любят. Притч., гл. 14, ст. 20.

Богатому со убогим кой мир? понеже мерзок богатому нищий. Сирах., гл. 13, ст. 22–25.

Богатаго и в клети ложницы своея не клени. Еклес., гл. 10, ст. 20.

Богата лжива и убога горда ненавидет Бог. Сирах., гл. 25, ст. 4.

Богатъство в день ярости не поможет. Притч., гл. 11, ст. 4.

Болезни. не допустя к себе, врачуй. Сирах., гл. 18, ст. 19.

Болящаго не ленись посещати. Сирах., гл. 7, ст. 38.

Брату своему лихвы сребряные и хлебные да не растиши, чуждему же да растиши. 5 Моис., гл. 23, ст. 19–20.

Браду и главу повелел Господь пророку Иезекийлю обрить и разделить на четыре части: и едину часть сожещи огнем, другую часть на огни сожещи, третью часть мечем издробить, четвертую часть на ветер развеяти. Иезек., гл. 5, ст. и 1–4.

Брить власы со всего тела — в левиты человеком поставляемым. 4 Моис., гл. 8, ст. 7.

Беси воспляшут и ежеве вогнездятся. Исаии, гл. 13, ст. 21–22.

В

Валяяй камень на друга своего, на себя валит. Притч., гл. 26, ст. 26, 27.

Валаам, въместо клятвы, благословил Израиля. 4 Моис., гл. 23, ст. 7–11; 18–25; гл. 24, ст. 3–10; 15–24.

В Божиих руках всякая мудрая и праведная дела. Еклес., гл. 9, ст. 1.

В винопийстве не мужайся: многих бо погуби вино. Сирах., гл. 31, ст. 29.

В виноград чуждь аще внидеши, да зоблеши до сытости; с собою же да не возмеши. 5 Моис., гл. 23.

В день зол помянется добро, а в день добр не помянется зло. Сирах., гл. 11, ст. 25.

В дом плача лучши есть ходити, нежели в дом пира. Еклес., гл. 7, ст. 3.

В дому твоем да не будут две меры, велика и мала; но да будет у тебя мера едина праведная; всякая неправда гнюсна есть пред Богом. 5 Моис., гл. 25, ст. 14–16.

В друга место не буди враг. Сирах., гл. 6, ст. 1.

Велик каков будеши в житии своем, толико смиряйся, и благодать обрящеши. Сирах., гл. 3, ст. 18.

Вервь треплетенная не скоро расторгнется. Еклес., гл. 4, ст. 12.

Веселящуся сердцу, лице цветет. Притч., гл. 15, ст. 13.

Ветхий денми седяше: одежда же Его бяше бела, аки снег, власы же главы Его — аки волна[460] чиста; престол Его — пламень огненный; и тысящи тысящь служаху Ему, и тмы тем предстояху пред Ним. Данил., гл. 7, ст. 9–10.

В злохитрую душу не внидет премудрость. Прем., гл. 1, ст. 4.

В заповедех Господних присно учися. Сирах., гл. 6, ст. 37.

В заповедех Моих, рече Господь, аще пребудете, то дам вам, дождь во время свое и земля даст плод свой. 3 Моис., гл. 26, ст. 3 4; 5 Моис., гл. 11, ст. 14.

Вино любяй и масло, не обогатится. Притч., гл. 21, ст. 17.

Вино пить годствует в печалех сущим. Притч., гл. 31, ст. 6.

Вина церковникам пить не повелено, и земляного владетелства им несть; но повелено им питатися от церкве. Иезек., гл. 44, ст. 21, 28–30.

Вина мы, и жены наши, и дети наши, до века пить не будем: отец бо наш Ионадав заповеда нам, да не писм. Иерем., гл. 35, ст. 6.

Винограда твоего да не насадиши вразличь. 3 Моис., гл. 19, ст. 19; 5 Моис., гл. 22, ст. 9.

Виноград кто насадил вънове, или состроил себе новой дом, или обручил невесту, — и той да нейдет на брань. 5 Моис., гл. 20, ст. 5–7.

Виде Исаиа Господа Саваофа, седяща на престоле высоце и превознесенне, и сарафими стояху окрест Его, — шесть крыл единому и шесть крыл другому, — и взываху друг ко другу, глаголя: свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь вся земля славы Его. Исаии, гл. 6.

Владычества у Бога же проси, ни у царя седания славы. Сирах., гл. 7, ст. 4.

В левиты поставляемым повел Господь власы со всего тела обрить. 4 Моис., гл. 8, ст. 7.

В молитве своей не изнемогай. Сирах., гл. 7, ст. 10.

В мерах и в весах да не сотворите неправды. 3 Моис., гл. 19, ст. 35.

В море потоцы водныя вси идут, а море не насыщается понеже вода паки в свои потоки обращается, отъонудуже[461] истекла бяше. Еклес., гл. 1, ст 7.

Внемлите от всякия неправды. Сирах., гл. 17, ст. 12

Во ад низводит прилепляющихся любодейце[462]. Притч., гл. 5, ст. 5.

Во всех своих словесех поминай последняя: во веки не согрешиши. Сирах., гл. 7, ст. 39.

Во гроб Елиссеев въверженное мертвое тело прикоснулося его, Елиссеевым, костем, и абие оживе мертвый и воста на ногу свою. — 4 Цар., гл. 13, ст. 21. — А люторове Библию читают, а сего не видят, яко и древле от мощей святых чудеса бывали. Колми же паче быть чудесам в новой благодати от мощей святых!

Воду пей от своих студенец[463]. Притч., гл. 5, ст. 15.

Водою жертву покропиша; возсиявшу же солнцу, возгорешася дрова и приношение. 2 Мак., гл. 1, ст. 21–22.

Во Египте пребыша Израилтяне 430 лет. 2 Моис., гл. 12.

Во един день у Иова вся имения — овая огнь пожже, овая же разграбиша, и детей его всех храминою подави. Иов же то видя, и мало пред Богом не погреши, но рече: Господь дал, Господь и взял. — Иов., гл. 1. — Тако бо подобает всякому человеку терпеливу быть и во всяких бедах Бога благодарить, а не поносить Его. Понеже Бог нас создал, Он и волен в нас.

Воздержный человек приложит себе живота. Сирах., гл. 37, ст. 34.

Возсияет Звезда от Иакова н востанет Человек от Израиля. 4 Моис., гл. 24, ст. 17.

Возносяйся смирится, смиряй же ся вознесется. Матф., гл. 23, ст. 12; Лук., гл. 14, ст. 11; гл. 18, ст. 14.

Возложу на всяк хребет вретище[464] и на всяку главу плешь. Амос., гл. 8, ст. 10.

Воззрят на Него, Его же прободоша[465]. Захар., гл. 12, ст. 10.

Возвышаяй себя смирится, смиряяй же ся возвысится. И сей Господень глагол два евангелиста засвидетелствоваша: Матф., гл. 23, ст. 12; Лук., гл. 14, ст. 11; гл. 18, ст. 14.

Вола своего, млатяща жито, да не заградиши устен его чем. 5 Моис., гл. 25, ст. 4.

Вол аще у кого бодлив, а он его не убьет, и аще той вол изабодет человека до смерти, — и той вол, и господин его, да умрут; и того вола мяса людем не ясти. 2 Моис., гл. 21, ст. 29.

Во мнозе брашне недуг бывает, и пресыщение доводит до скорби; от пресыщения бо мнози измроша. Сирах., гл. 37, ст. 33–34.

Волку со овцою кая община, такожде и зловерному с благоверным человеком? Сирах., гл. 13, ст. 21.

Во время конечное снидется с ним царь северский во оружии, с конники и с корабли многими внидет в землю с разсыпанием и сокрушит. Данил., гл. 11, ст. 40.

Во одеянии риз не хвалися. — Сирах., гл. 11, ст. 4. — Аще бы излишество одежд было угодно, то Христос не похвалил бы Иоанна Крестителя о жестости ризной.

Воскреснут мертвии и востанут, иже во гробех. Исаии, гл. 26, ст. 19.

Во оскве́рненной земле жителми скверными повелел Господь три года от древес плодов не ясти. 3 Моис., гл. 19, ст. 53.

Враг твой аще падет, не порадуйся падению его. Притч., гл. 24, ст. 17.

Враг твой аще алчет, накорми; а аще жаждет, напой его. Притч., гл. 25, ст. 22.

Враг твой аще с велиим притужанием молит тя, не верь ему. Притч., гл. 26, ст. 25.

Врагу своему во веки не ими веры. Сирах., гл. 12, ст. 10.

Врага твоего осля, или и ин скот аще узриши блудящь, обрати его к нему; или узриши осла, падшаго з бремянем врага твоего, воздвигни его. 2 Моис., гл. 23, ст. 4–5.

Врата сия затворена будут и никто же ими пройдет, яко Господь Бог пройдет ими и будут затворена. Иезек., гл. 44, ст. 2.

Врачевание Господь от земли созда. Сирах., гл. 38, ст. 4.

Врачуйся прежде болезни. Сирах., гл. 18, ст. 19.

Babret, Babrétum... Вретище возложу на всяк хребет и на всяку главу плешь. Амос., гл. 8, ст. 10.

Время всякой вещи; время родити и время умрети. Еклес., гл. 3, ст. 1–2.

В ризу разнолично истканую да не одеешися. 3 Моис., гл. 19, ст. 19.

Вручено о тебе что, то и разумей. Сирах., гл. 3, ст. 22.

В ско́рби лице дряхло; а веселящуся сердцу, лице цветет. Притч., гл. 15, ст. 13.

В стра́се Господни хвала твоя да будет. Сирах., гл. 9, ст. 21.

Въстанливой человек обогатеет. Притч., гл. 10, ст. 4.

В совете мнозе спасение пребывает. Притч., гл. 11, ст. 14.

Всею своею силою люби Сотворшаго тя. Сирах., гл. 7, ст. 32.

В субботу человек собирал дрова, и Господь повелел его камением до смерти убить. 4 Моис., гл. 15, ст. 32–35.

Вся во славу Божию творите. 1 Кор., гл. 10, ст. 31.

Всяк, иже имя Господне призовет, спасется. Иоил., гл. 2, ст. 32.

Всяк человек мнит себя быти паче иных праведна. Притч., гл. 21, ст. 2.

Всякая дела праведных в руках Божиих. Еклес., гл. 9, ст. 1.

Въшедый к жене доброличной, не без муки будет. Притч., гл. 6, ст. 29.

Высоту небесе, и широту земли, и бездну кто изследи? Сирах., гл. 1, ст. 3.

Выше своея меры не ручайся. Сирах., гл. 8, ст. 16.

Ведение лучши сребра чиста. Притч., гл. 8, ст. 10.

Венец мудрости — страх Господень. Сирах., гл. 1, ст. 18.

Венец на главу приимеши, аще отцу своему послушлив будеши. Притч., гл. 1, ст. 8–9.

Веру емлет незлобивый человек всякому словеси. Притч., гл. 14, ст. 15.

Верному другу несть цены, ни измены. Сирах., гл. 6, ст. 15.

Верен буди даже до смерти, и дам ти [рече Господь] венец живота. Апок., гл. 2, ст. 10.

Валтасара царя Миды убиша, и прия царство Дарий мидянин, Даниила же пророка устрои третиим властелином при себе. И сановники мидстии вознегодоваша на Даниила за возвышение чести его; вины же на него не обретаху, чем бы его изринути из чина. И умысливше, даша всем заповедь на 30 дней: да аще кто, кроме царя, будет у кого милости просить, той да ввержен будет лвам на снедение. И наветницы уведаша о Данииле, яко он, открыв окно, зря ко Иерусалиму, молитца своему Богу; пришедше к царю, реша: ты, царю, заповедь дал на 30 дней, да аще кто, кроме тебя, у кого чего просить будет, то въвержется в ров ко лвам; а Даниил тоя твоея заповеди не соблюл, но просил милости мимо тебя, у своего Бога. И царь пребыл той день весь, пряся с сановники, да защитит Даниила от смерти; и вси велможи налегоша; и егда царь не преможе своих велмож, повеле Даниила всадить ко лвам; и жалея по нем, не вкуси пищи. Заутра же рано рече царь ко рву и возгласи Даниила; той же отповеда ему, яко жив есть; и возрадовася о нем царь, повелел его извести вон; и кии на Даниила вадиша, со женами и з детми въвергоша в ров, и лвы, не допустив до земли, растерзаша их. И видя то, царь Дарий повелел въписать всем, под рукою его живущим, дабы вси тряслися от Лица Бога Данииля, яко Той есть Бог живый и пребываяй во веки. — Данил., гл. 6. — Зри, сыне мой, яко и неверныи иноязычницы тряслися от Лица Божия; ты же, пребываяй во благочестивой христианской вере и известно ведый силу и власть Его Божию, не моги безстрашен пред Ним быти! И рабов Его, кии во церквах у престола Божия служат, почитай, яко Дарий Даниила: ничим же бо священницы менши Даниила, но еще и вышши своим чином.

В Вавилоне бяше кумир Вил; и царь по вся дни ходя кланяшеся ему, и Даниилу рече: чесо ради и ты не кланяешися Вилу? Даниил же рече: аз кланяюся Богу живому, Иже на небесех; сей же медь есть. И царь рече: или не веси, яко по вся дни изъядает колико пищи? И Даниил, россмеявся, рек: ничтоже Вил яст. Тогда царь постави пред Вила пищу, Даниил же пепелом посыпа капище и, изшед, заключи дверь; и царь запечатал своим перстнем. Утром же пойде царь з Даниилом; и отверзши двери, узре царь изъядены яди и возопи: велик есть бог Вил! Даниил же удержа царя и рече: зри, царю, чьи суть стопы по мосту? Он же рече; вижду стопы мужески и женски и детей малых. И егда уведа царь тайный в капище вход и еже нощию въшед жерцы изъядаху пищу, и той царь разгневался на жерцы: повелел всех их избити, Вила же отда Даниилу. И Даниил, взем, Вила сокруши, и капище разори. Данил., гл. 14, ст. 3–22.

В третий день во утрие изведоша всех евреев, со женами и с малыми младенцы, на попрание слонам; и сам царь пойде на то позорище. И слонов напоив пьяных, числом 500, и изведоша; евреи же, видя всеконечную свою погибель, возопиша ко Господу со слезами. И абие отверзошася небеса, и от Господа снидоша два ангела, и от ангелов слоны воспятишася и многих иноверных потопташа. И видя то царь, умилися и разгневался на своих велмож, кии присудили евреев всех погубить; евреем же, въместо плача, радоватися повеле. И велел их на том же поле вином поить, и в веселии праздновати 7 дней; и заповедал царь всем своим подручным, да ни чим евреев не озлобляют. 3 Мак., гл. 6. — И по семь отпущены вси евреи из Египта во свою землю. 3 Мак., гл. 7.

Г

Господь рек: аще кого узриши согрешающа и не воспретиши, а он в беззаконии своею умрет, и крови его от руки твоея взыщу. — Иезек., гл. 33, ст. 8.

Господь рек: аще ты послушаеши Мене, то буду врагом твоим враг. — 2 Моис., гл. 23, ст. 22. — И ты, сыне мой, аще в послушании Господнем пребудеши, то никакова врага, ни видимаго, ни невидимаго, не бойся, понеже, по обещанию Своему, Бог тебя будет обороняти.

Господь тако рек: яко до Соломона не бысть такова смысла и мудрости, каков Соломон бе, и последи его такова не будет. —

3 Цар., гл. 3, ст. 12. — А люторове той глагол Божий порокуют и глаголют, якобы Каперник их лучши Соломона разумел.

Господь, явився Соломону, тако рек: аще поживеши в простоте сердца и заповеди Моя соблюдеши, то утвержду престол царствия твоего; а аще отвратишися от Мене и пойдеши в след инех богов, то изрину из земли, юже дах Израилю, и храм сей, его же освятих, отверьгу от Лица Моего, — 3 Цар., гл. 9. — И на сей Господень глагол ты, сыне мой, крепко зри: се бо Бог любит простоту сердечную и хранение заповедей Его, а за преступление человеческое и святыя места Бог оставляет и в разорение предает! И сего ради велми, сыне мой, бойся, дабы ти Божия заповеди не преступити и, преступлением, Божия бы человеколюбия от себя не отринути.

Господь рек: славы Моея иному не дам. Исаии, гл. 42, ст. 8; гл. 48, ст. 11.

Гельгель — четыре колеса нарекошася; четыре же лица комуждо их: единому херувимле, другому лвово, третие телче, четвертое же лице орле. Иезек., гл. 10, ст. 13–14.

Глад послю на землю: не глад хлеба, ни жажду воды, но глад слышания слова Божия. Амос., гл. 8.

Глухому да не речеши зла, и слепому не положи претыкания: да убоишися Господа Бога твоего. — 3 Моис., гл. 19, ст. 14. — И по сему глаголу ты, сыне мой, глухому не моги какова либо словесе досадителнаго, или посмешнаго, или нелепотнаго изрещи. Подобие и дураку простоумному не посмевайся: понеже Бог его такова сотворил, и того ради его ругание взыдет на Самого Бога. Ты токмо простоумнаго учи, елико можеши. Чему бо ты посмеешися, тому и сам поработаеши. Мнозии бо люди мудрии и разумнии объюродеша, буии же умудришася, и во очесех наших. Вси бо мы живем под рукою Божиею.

Гнездо птичье аще обрящеши, и матерь, седящую на яицах или на птенцах, узриши, — да не возмеши матере со птенцов с яиц, но отпущением да отпустиши ю, а птенцы или яица возми себе, да благо ти будет. 5 Моис., гл. 22.

Гордость — всякаго греха начаток. — Иов, гл. 1, ст. — И сего ради ты, сыне мой, велми бойся, дабы тя ни перед каковым лицом, ни в каком деле, или слове, не погордитися: смертный бо есть грех сей. И диавол не за ино что с небесе свержен, токмо за едину гордость.

Гордым Господь противится, смиренным же дает благодать. Притч., гл. 3, ст. 34.

Гордому сообщаяйся, точен ему будеши. Сирах., гл. 13, ст. 1.

Гордость не создана, и гнев ярости женами не рожден. Сирах., п. 10, ст. 21.

Горе мудрым о себе и пред собою хитрым. Исаии, гл. 5, ст. 21.

Горе грешнику ходящу на две стези. Сирах., гл. 2, ст. 12.

Горе тому граду, в нем же царь юн. Еклес., гл. 10, ст. 16.

Горе единому, аще падет, а не будет другаго, еже его подъяти. Еклес., гл. 4.

Горе пишущим неправду; пишуще бо, лукавая пишут. Исаии, гл. 10, ст. 1.

Горе приближающим дом к дому и село к селу, да отъимет что у ближняго своего соседа. Исаии, гл. 5, ст. 8.

Горе востающим заутра и гонящим питие: вино бо пожже их. Исаии, гл. 5, ст. 11.

Горе вам, помышляющим неполезная и делающим лукавое на ложах ваших, — глаголет Господь. Мих., гл. 2, ст. 1–3.

Горе созидающему дом свой в неправде [то есть, аще земля не права кому, или и иная какая в том созидании есть неправость в припасех, или работных людей чем кто изобидит; вся бо та проклятию подлежать]. Иерем., гл. 22.

Горе глаголащим злу — добро и добру — зло, нарицающим свет тмою, а тму светом, и нарицающим горькое сладким, а сладкое горким. — Исаии, гл. 5, ст. 20. — И на сие зря, ты, сыне мой, не моги ничесого праваго — кривым или виноватым нарещи, или виноватаго — правым; такожде и никаковой вещи добрые, или дела какова добраго недобрым нарещи; ниже худые вещи, или дела какова худова не моги нарещи добрым. И егда право речеши, и за то аще и постраждеши, с мученики венчаешися от руки Господни, понеже за правду постраждеши, а правда — Сам Бог; а ложь — самый диавол, той бо и отец лжи. Иоан., гл. 8, ст. 44.

Гога и Магога, князя Росска, Мосох и Фовель возведу на тя. Иезек., гл. 38, ст. 3.

Гривну злату на выю приимет, аще наказания отча слушает. Притч., гл. 1, ст. 9.

Грехов своих исповедать не стыдись. Сирах., гл. 4, ст. 30.

Грешник за грехи не умрет [рече Господь], аще покается. Иезек., гл. 33, ст. 14–19.

Грехов ко грехам не причащай и не рцы: Божия многи суть щедроты. Сирах., гл. 5; ст. 5–6; гл. 21, ст. 1.

Грешна мужа не подобает славити. Сирах., гл. 10, ст. 26.

Грешника аще с пути злаго будеши совращати, а той тя не послушает, и — той в беззаконии своем умрет, а ты душу свою спасеши. Иезек., гл. 33, ст. 9.

Д

Дам вам дождь во время свое, аще в заповедех Моих пребудете, — рече Господь, — и земля даст плод свой. 3 Моис., гл. 26, ст. 4; 5 Моис., гл. 11, ст. 14.

Даниил пророк молилъся Богу, припадая к земли, — то есть, с поклонением до земли, а не полюторску — седя; и постяся, не парик на главу свою возлагал, но пепел досыпал и облекшися во вретище. Данил., гл. 9, ст. 20, 3.

Даниил пророк постилъся три недели и, постяся, не токмо мяса, но и хлеба не ел — Данил., гл. 10, ст. 2–3. — А люторы глаголют о себе, якобы они паче иных народов христианских в Библии написанная хранят; обаче пост их люторской с Библиею нимало не съходен, ниже с нашим христианским постом съходен; но токмо сходен с мордовъским, паче же — с татарским постом, ибо, постяся, мясо ядят, яко закона не имущии мордва, или яко безсловесный скот, ничтоже разсуждая, и табак пьют рядом.

Давыд бежал от сына своего Авесолома, — и от дому Саулова муж, имянем Синей, камение метал на Давыда и на рабы его, и проклинал Давыда, царя своего суща; рабы же Давыдовы хотеша его убить; Давыд же воспрети им, глаголя: Бог ему тако повелел меня кляти, то како, рече, противитися имам? 2 Цар., гл. 16, ст. 5–12. И на сие зря, ты, сыне мой, отнюд ни на кого не гневайся; и аще кто тя каковым безчестным словом ни обругает, не мсти ему, ниже гнева какова имей на него. Видиши ли? Давыд, аще и царь бе, а не гневался и на раба своего, кленущаго его. Ты же кто еси пред Давыдом? И аще дерзнеши досады своя мстити, то Самому Богу противник будеши, понеже аще Бог не попустит, то никто тя может озлобити. Ты то себе в разуме своем имей и глаголи: Богу попущающу тако врагу действовати! Без Божия бо воли ничто ти не прикоснется.

Дафана и Авирона, за преступление заповеди Божия, земля пожре. 4 Моис., гл. 16.

Два — единому рать. Еклес., гл. 4, ст. 12.

Два аще уснут, тепло поспят; а един како согреется? Еклес., гл. 4, ст. 11.

Два жезла прииму Себе, рече Господь; — и един нарече доброту, другий же нарече съхинизму; — и упасу овцы Моя. Захар., гл. 11, ст. 7.

Две меры, — едина велика, а другая мала, — в дому твоем да не будет: всякая неправда гнюсна есть пред Богом. 5 Моис., гл. 25, ст. 14–16. — И сего ради ты, сыне мой, велми бойся разные меры или разные весы имети; но в какову меру что приимеши, в такову и отдавай.

Десные пути весть Господь. Притч., гл. 4, ст. 28.

День Господень несть ли тма, а не свет, и мъгла не имущая света своего? Амос., гл. 5, ст. 20.

Доброе пред Богом и пред человеки помышляй. Притч., гл. 3, ст. 4.

Добро аще твориши, разумей, кому твориши. Сирах., гл. 12, ст. 1.

Добро и зло, живот и смерть, нищета и богатство от Господа есть. Сирах., гл. 11, ст. 14.

Добро твори смиренному, а не нечестивому. Сирах., гл. 12, ст. 5.

Доброта женская укротит лице, и над желание человече преспеет. Сирах., гл. 36, ст. 24.

Дому своего не смотряяй наследит ветры. Притч., гл. 11, ст. 29.

Досаждение нечестивии возносят. Притч., гл. 3, ст. 35.

Друг верен — кров крепок; обретый же его, обрате сокровище. Сирах., гл. 6, ст. 14.

Другу верну несть цены, ни измены. Сирах., гл. 6, ст. 16.

Друг верен утеха есть житию. Сирах., гл. 6, ст. 16.

Друга своего стараго не оставляй. Сирах., гл. 9, ст. 12.

Друга аще и обрящеши, обаче не скоро ему въверься, понеже и друг во время скорби твоея изменится, и претворится и во врага. Сирах., гл. 6, ст. 7–9.

Друг аще превратится во врага, не во веки ль печаль пребудет? Сирах., гл. 37, ст. 2.

Друг при трапезе твоей есть, во время же скорби твоея оставляет тя. Сирах., гл. 6, ст. 10.

Древу Изралтяне кланялись, глаголя: ты нашь отец. Иерем., гл. 2, ст. 27.

Дрова дети собирают, а отцы огнь зажигают. Иерем., гл. 7, ст. 18.

Дров и лесу не будут сещи, но будут седмь лет жещи оружие. Иезек., гл. 39, ст. 9–10.

Дух Божий почиет на Нем, Дух премудрости и смысла, Дух совета и крепости, Дух ведения и благочестия. Исаии, гл. 11, ст. 2.

Дух Господень на Мне, Его же ради помаза Мя, благовестити нищим посла Мя и исцелити сокрушенныя сердцем. Исаии, гл. 61, ст. 1.

Дева во чреве зачнет я родит Сына и нарекут имя Ему: Еммануил. Исаии, гл. 7, ст. 14.

Девица аще не цела придет, камением да побиют ю. 5 Моис., гл. 22, ст. 20–21.

Дела Божия — мерила праведная. Притч., гл. 16, ст. 11.

Дела Божия кто изследити может, и державу величества Его кто изочтет? Сирах., гл. 18, ст. 2–3.

Е

Евреев царь египетский повелел всех вывесть на поле и потоптать слонами. И Божиим изволением, царь повеление свое заспал и той день тако и минул. Егда же день скончилъся и царь о повелении своем въспомнил — и приказал со гневом, да уготовают к утру слонов на потоптание евреев. И язычницы со тщанием паки уготоваша 500 слонов и всех их напоиша немешаным виноградным вином. 3 Мак., гл. 5, ст. 1.

Его же любит Господь, того и наказует. Притч., гл. 3, ст. 12.

Един советник тебе да будет оть тысящи знаемых твоих. Сирах., гл. 6, ст. 6.

Един аще за тя молитца, а другой кленет, то кой глас услышан будет у Владыки? Сирах., гл. 34, ст. 24.

Един человек заповедь Божию преступил, — и за тот грех от полка Израилска 36 человек под градом Гайским падоша; егда же того преслушника камением побиша и дом его со всем имением сожгоша, тогда и град Гайск взяша. Исус. Нав., гл. 7.

Ежеве вогнездятъся и бесове вспляшут. Исаии, гл. 13, ст. 21–22.

Ездру вопроси ангел Господень, глаголя: скажи ми от трех речей едину: или извеси огня тягость, или измери дыхание ветра, или возврати мимошедший день; и аще токмо едину ми отвещаеши, то аз покажу ти путь, его же желаеши. И паки рече ангел: что есть

твоего и что с тобою израсте, знать не можеши, то како может разсуждение твое объяти дела Вышняго? [И по сему никому не подобает суетитися, еже бы судбы Божии знати, или воля Его разумети, чесо ради что дается]. Паки той же ангел Господень рек: бых в пустыни, идеже древа совет твориша, глаголюще; пойдем и сотворим брань противу моря, да побегнет пред нами, и на том месте сотворим иные дубравы; такожде и волны морския совет сотвориша, глаголюще: пойдем и двигнем брань на леса, и, победивши их, приимем себе многое место; — и аще бы был еси ты их судиа, кого бы ты осудилил или оправил? И Ездра рек: воистинну суетен их совет, понеже лесу свое место и морю свое. И ангел рече: право судил еси; чесо же ради себя не судиши? тако бо, иже обитают на земли, земные вещи и разумевают, а не еже на небеси и на высоте. — 3 Ездра, гл. 4. — И но сему ангелову слову, земные жители земная токмо могут разумети, а не еже на небеси. Сего ради и ты, сыне мой, аще и учения какова коснешися, не суетись, еже бы ти небесная разумети; но довлеет ти и видимых вещей разсуждати, иже на земли и в мире сем деются. Не обрящеши бо ползы в разсуждении небесных действ. Но аще остроту ума возъимееши и ползы себе возжелаеши, то прилепися ко святей Церкви и ум свой распростирай, како святая Церковь от колебания утвердити и како приплод ей сотворити? А аще разумом своим высоко возлетиши, то низко упадеши. Чини прибыток духовной, а не мира сего.

Ездра, до ангелову приказанию, постился 7 дней, и паки начал молитца со слезами; и ангел, пришед к нему, рек: или ты паче возлюбил еси Израиля, нежели Сотворивый его? Ездра же рече: ни, Господи, но от болезни своея, и велми ми желание есть, еже бы взыскати часть суда Божия. И ангел рече: не можеши. Ездра же рече: то лучши бы мне не родитися, или умрети во утробе матери своея, да не видел бы труда и безсилия Израилева. И рече ангел: сочти ми сие, иже еще не пришло; и озелени ми сухие цветы; и отверзи ми запертые хранилища и изведи из них затворенные ветры; и покажи ми образ голоса, — и тогда покажу ти труд, его же желаеши видети. И Ездра отвеща: о, Господи, кто бо есть, иже может сие сотворити? токмо разве иже с человеки обитания не имать; аз же не вем, что о сих глаголати. И ангел рече: како не можеши единаго от сих сотворити, тако не можеши обрести суда Божия. — 3 Ездра, гл. 5. — И сего ради и ты, сыне мой, никакова суда Божия не испытуй, но что

ти ни случится, аще добро, аще и зло, вся та возлагай на Его Божию волю: како бо Ему годе, тако и да творит! Токмо ты не отвращайся от Него, и всего себя отраждь в Его Божию волю.

Ездре ангел Господень рек: востани на нозе твои и, слышав, не ужасайся. И ста Ездра на нозе свои и слыша глас глаголющь: се, дние приидут, и будет, егда посещу, сия знамения сотворю; книги разгнутся, и вси узрят, и временатые незрелые младенцы родят, трех или четырех месяцов; жити имут и воздвижутся; и труба вострубит, и тогда вся земля ужаснется, и узрят люди, иже смерти не вкусиша от рождения своего, пременится бо сердце во обитающих, и обратятся в чувство иное, и победится растление. [Се бо явил Господь Ездре, яко во время втораго Христова пришествия живии человецы смерти не узрят, во токмо преложится их чувство во иное и будут безсмертни]. И паки рече ангел: аще попостишися седмь дней и помолишися, то паки возвещу тебе болши сих; провидел бо Вышний чистоту, юже от юности своея имел еси, и сего ради посла мя показати тебе вси вещи сии. — 3 Ездра, гл. 6. — Зри, сыне мой: се бо Ездра и прежде новыя благодати в чистоте жил, и Господь его за то возлюбил, и сокровенныя тайны открыл. Ныне же наипаче подобает в чистоте жити, понеже Бог возвеличил чистоту, и в чистого живущих и на сем свете прославил. Токмо лютор един нечистоту хвалит и обмыватися не повелевает.

Ездре ангел Господень рек, глаголя: град создан и поставлен на месте красном, полн сый всяких благ; восход же к нему велми тесен; и от единые страны того пути огнь, з другую же страну вода глубока; между же огня и воды едина токмо ступень человеча можаше вместитися. И рече ангел: аще кто не прейдет чрез то положенное стремление, то како кто внидеть в него и примет достояние свое? И паки рече ангел: егда преступил Адам положение Божие, суждено бысть тако, еже тому веку вход тесен и болезнен бяше; и кии [рече] человецы не приимут тесноты, не могут прияти, иже суть представлена. [И на сия зря, ты, сыне мой, велми бойся пространнаго пути, во всячески тщиса шествовати узким и прискорбным путем, дабы тебе внити в царство небесное, показанное Ездре. А потом уже и от Самого Господа Бога сказано есть, яко нужницы восхищают царство небесное. Матф., гл. 7, ст. 14. И сего ради и наипаче ты, сыне мой, буди тверд; на люторская же мягкастная гнилые толки не слагайся и в слабостное их житие не въдавайся]. И рече Ездра: Владыко

Господи, се вижду, яко праведнии терпят тесноту, уповающе на будущее пространство; нечестивии же погибнут! И речеся к Ездре: несть судии паче Бога, ни разума паче Вышняго; погибнуть бо мнози, иже не помнят Божия закона, и положиша себе помышления суетная, и поставиша себе обхождение греховное. [О, сыне мой, бойся, дабы тебе не причтатися к творящим беззаконие, и живущим в роскошности, и мудрствующим люторски! Но поживи на сем свете в воздержании и в теснотах, дабы тамо тебе внити в пространъство]. И паки речеся Ездре: иже рожден есть человек, и аще обижен будеть, да терпит; аще же победит [то есть, в терпении своем не ослабеет], то приимет, еже глаголю. Яко сей есть живот, иже Моисей рек: избери себе живот, да живеши; и не вероваша ему, но ни пророкам по нем, ниже Мне Самому, еже глаголах им, яко скорбь не будет в погубление, до пришествие радости им будет — 3 Ездра, гл. 7. — И по сему истому Божию глаголу отнюд, сыне мой, ни о каковых скорбных делех, случивших ти ся, не скорби, но токмо уповай на Бога; и, за истинное твое упование, вся твоя скорби обратит Бог в радость.

Ездре паки речеся, яко не все сеянное возрастает, и не вся насажденная возторгаются, тако и людие не вси спасутся; вам же отворен есть рай и древо животное насаждено есть, создан есть град, искушен есть покой, и корень лукав знаменан есть от вас; не ищи того, иже уничожиша Вышняго и закона Его не помниша и рекоша в сердцах своих: несть Бога. — 3 Ездра, гл. 8. — Ты же, сыне мой, не буди безумен: не моги того и в мысль свою вложити, якобы несть Бога; люторове бо мнозии уже от высокомыслия своего обезумишася, и мудрствуют тако, яко несть Бога, но свет сам о себе стоит. Ты же, сыне мой, стоя, и ходя, и седя, и лежа, в мысли своей Бога имей, и ни на мал час из мысли своея не испускай Его; но непрестая буди в богомыслии, дабы диавол ни с кою страну коснутися ти не мог.

Ездра, по повелению ангелову, постился еще 7 дней, ни мяса ни хлеба ядый, ниже вино пияй, но токмо травное зелие яде. 3 Ездра, гл. 9.

Ездра паки постися 7 дний и яде токмо зелие же. 3 Ездра, гл. 12.

Ездра написал 204 книги; и писцы, егда писаша тыи его книги, мяса не ели, но токмо един хлеб ели; и ис тех книг повелел ему Господь простому народу объявить 134 книги, а 70 книг оставить мудрым людям. 3 Ездра, гл. 14.

Ездре рече Господь, яко кровь неповиная и скорбная вопиет к Нему, и души праведных вопиют непрестанно; и отмщая отмщу им, рече Господь. — [И сего ради ты, сыне мой, бойся великою боязнию, дабы тебе не токмо кого неповинне окровавити, но и ничим бы не оскорбити, не токмо делом, но ниже словом, дабы Бог, по неложному Своему слову, отмщая не отмстил бы тебе за твоя досаждения. К сему же бойся и люторских толкований: они бо, проклятии, тако глаголют, якобы души святых не могут ничесого творити, или о чесом либо Бога просити, но пребывают де нечувственни; яко мертвыя телеса без души, тако и душа без тела нечувственна. А Сам Господь Бог Ездре ясно изъяви, яко души и праведных непрестая вопиют; колми же паче души святых, киих Бог и в животе их прославил и по смерти прославляет! И прирек Господь, яко отмщая отмстит им]. — И паки Господь Ездре рек, глаголя: аще в заповедех Моих не пребудете, то сотворю вас яко хврастие, врагов же ваших сотворю яко огнь, поядаяй хврастие. — 3 Ездра, гл. 15. — И сего ради ты, сыне мой, велми бойся, дабы тебе заповедей Божиих не преступити.

Наипаче же, аще в воинском чину будеши, бойся, еже бы тебе нимало Божия заповеди не преступити, и никого бы тебе не изобидети, но доволну быти своими оброки, и за погрешение твое не быти бы тебе пред врагами хврастием, а они огнем бы пред тобою не были.

Елизавел, иже Науфея без вины, ради получения винограда Науфеева, уби, и за то, по глаголу пророка Илии, снедоша ю пси; токмо осташа руце, да плюсне ножния, да лоб. — 4 Цар., гл. 9. — И сего ради велми страшно неправдою отъимати что у кого, или без вины, ради каких прихотей, смерти кого предать!

Ж

Жезлом бей младенца, да душу его избавиши от злыя смерти. Притч., гл. 23, ст. 14.

Жезл изыде из корене Иессеова и цвет процветет, и почиет на нем Дух Божий, Дух премудрости и смысла, Дух совета и крепости, Дух ведения и благочестия. Исаии, гл. 11, ст. 1–2.

Женится аще кто не ради блуда и не ради похоти своея, но ради чадородия, и к таковым людям никакая порча не прикасается. Товия, гл. 6.

Женившийся вънове мужь да не исходить на войну целой год, но да утешает жену свою. 5 Моис., гл. 24.

Жена егда родит сына, нечиста будет 40 дней. 3 Моис., гл. 12, ст. 1–4.

Жена доколе в течении крове пребудет, нечиста есть, и них каковой святыни да не прикасается; н кто прикоснется ея, или на постели ея ляжет или сядет, нечист будет. 3 Моис., гл. 15.

Жена благодатная возносит мужу своему главу. Притч., гл. 11, ст. 16.

Жена разумна — венец мужу своему. Притч., гл. 12, ст. 4.

Жена добля веселит мужа своего и лета его исполнит мира. Сирах., гл. 26, ст. 2.

Жена добрая делает мужу своему все доброе, — востает нощию и роздаеть дела рабыням своим. Притч., гл. 31, ст. 12–15.

Жена добра — честь блага дана будет боящемуся Бога. Сирах., гл. 26, ст. 3.

Жена молчалива даяние есть Господне. Сирах., гл. 26, ст. 17.

Жена стыдлива — благодать над благодать. Сирах., гл. 26, ст. 18.

Жена пьяница, — студ ея не имать покровен быти. Сирах., гл. 26, ст. 10.

Жена любодейца, яко червь во древе, погубит мужа своего. Притч., гл. 12, ст. 4.

Жена аще не восхощет под рукою твоею быти, отсецы ю от плоти своея. Сирах., гл. 25, ст. 29.

Жена, от мужа со инем соблудившая, трегубый грех содеевает: первое, от закона Божия отступила; въторое, мужу своему согрешила; третие, блудом предюбодейства от чужда мужа чадо себе сотворила; и тыи чада не вкоренятся в корень, и ветви ея не сотворят плода. Сирах., гл. 23, ст. 31–34.

Жену кто обращеть добру, дражайши есть камения многоцветнаго таковая. Притч., гл. 31, ст. 10.

Жену непокорную отсецы от плоти твоея. Сирах., гл, 25, ст. 29.

Жены добрыя блажен есть муж и число дней его сугубо. Сирах., гл. 26, ст. 1.

Жены премудрыя создаша храмы, а безумныя раскопаша своима рукама. Притч., гл. 14.

Жены добрыя от тысящи не обретох. Еклес., гл. 7, ст. 29.

Жены чуждыя доброта да не одолееть тебя. Притч., гл. 6, ст. 25.

Жене зле не внимай. Притч., гл. 5, ст. 3.

Жене злоумной лепота, яко златая серга во ухе у свиньи. Притч., гл. 11, ст. 22.

Жене лукавой не давай дерзновения. Сирах., гл. 25, ст. 28.

Женъской злобе никаковая злоба не точна есть. Сирах., гл. 25, ст. 21.

Женъской блуд — помизание очей. Сирах., гл. 26, ст. 11.

Женъской доброте не восъхощи, понеже от жены начаток греха и тою умираем вси. Сирах., гл. 25, ст. 23, 27.

Женъская доброта укротит лице и над все желание преспеет. Сирах., гл. 36, ст. 24.

Жесток не буди, да не умреши не во время свое. Еклес., гл. 7, ст. 18.

Жестоко слово воздвизает гнев. Притч., гл. 15, ст. 1.

Жертва всякая солию да осолится. 3 Моис., гл. 2, ст. 13.

Живот и смерть в руце языка. Притч., гл. 18, ст. 21.

Живот и смерть пред человеком; и еже аще изволит, дастца ему. Сирах., гл. 15, ст. 17.

Жнущим жито не повелел Господь падших класов побирати, такожде и в винограде обирков не обирати, но то убогим людем и пришелцам оставляти; и благословит тя Бог. 3 Моис., гл. 19, ст. 9–10; 5 Моис., гл. 24, ст. 19–21.

Ѕ

Зла не твори, и не постигнет тя зло. Сирах., гл. 7, ст. 1.

Зло и добро, смерть и живот — от Господа. Сирах., гл. 11, ст. 14.

Зло за добро аще кто воздает, и из того дому не изыдет зло. Притч., гл. 17, ст. 13.

Злоречит кто отца своего или матерь, смертию да умрет. 3 Моис., гл. 20, ст. 9.

Злоба мужеская лучши добродетели женския. Сирах., гл. 42, ст. 14.

Злословит кто Бога, да будет убиен до смерти. 3 Моис., гл. 24, ст. 15–16.

Зол кто себе, то тако будет добр инем? Сирах., гл. 14, ст. 5.

Змию медяную Израилтяне почитали и кадили ей; царь же Иезекия сокруши ю, дабы не почитали ее и не кадили бы ей. 4 Цар., гл. 18, ст. 1–4.

Змий великий беаше при Вавилоне, и вавилоняне чтяху того змиа за бога. И рече царь Даниилу: еда и сему речеши, яко мед есть? се бо жив, яст и пиет. И рече Даниил: Господу Богу моему поклонюся; ты же, царю, даждь ми власть над змием, то аз без оружия убию его. И рече царь: даю тебе. И Даниил взя смолы и серы и, с шерстию сваляв, въверже тому змию во уста, и абие змий издше. И вавилоняне восташа на царя, глаголюще: аще не отдаси нам Даниила, то тебя убьем. И видя царь такое великое в народе возмущение, отда им Даниила; они же, веземше его, въвергоша в ров ко лвам. И бе тамо Даниил шесть дней; лвов же седмь бяше; и ангел Господень из земли еврейския принесе Аввакума с пищею и напита Даниила. В седмый же день прииде царь ко рву, еже потужити по Данииле, и узрев Даниила седяща здрава, возопи царь гласом великим: велик еси, Господи Боже Даниилов, несть бо инаго разве Тебе! И изя Даниила от рва; повинныя же Даниилове пагубе повелел царь в ров ко лвам вринути; и от лвов, при нем же царе тии наветница Данииловы изъядени быша. Данил., гл. 14.

З

За честь Божию, кии Его хулят, убивать до смерти. 3 Моис., гл. 24.

Зачало премудрости – страх Господень. Притч., гл. 9, ст. 10.

За добро аще кто злом воздает, и из того дому не изыдет зло. Притч., гл. 17, ст. 13.

Законы отца твоего и матери храни. Притч., гл. 6, ст. 20.

Законопреступницы изринуты будут. Притч., гл. 2, ст. 22.

Законопреступных безвремянно отъемлются души. Притч., гл. 11, ст. 30.

За скверныя дела Бог предает людей в плен, и грады в разоренье. 5 Моис., гл. 9.

За свиные мяса замучены быша седмь братий Маккавейских. 2 Мак., гл 1.

Заповедал Господь, дабы людие на иноземках иноверных не женились, дабы те жены от веры не отвратили. 5 Моис., гл. 7, ст. 3–4.

За преслушание Саулово, по Господню словеси, царство его от него отъяся, и сам он паде на мече своем, и сынове его избиени быша, за то: иже повелел ему Бог, да не пощадит он от иноплемен-

ников, от человеков и до скота, но всех, яко людей, тако и скот весь, мечем изсекут; а той Саул царь увидел волов велми добрых и тучных, и не досек их, но оставил их на жертву Богу, понеже добры зело; обаче Бога тем своим умствованием прогневал, и царства и живота своего лишился. — 1 Цар., гл. 31. — И на сей Божий гнев всякий человек да зрит: се бо царь Саул, узрев волов добрых, и оставил их Богу на жертву, а не себе в корысть, обаче Богу неугодно бысть. И на сия, ты, сыне мой, аще будеши каковым либо судиею, и аще кто, по Божию осуждению, будет достоин смерти, то ты, не моги паче Бога поумничать и достойнаго смерти свободить от смерти, дабы тебе не пострадать такожде, яко и Саулу.

З безумным немного разглаголствуй. Сирах., гл. 22, ст. 12.

З богатым не тяжись, да не когда утяготит ти меру. Сирах., гл. 8, ст. 2.

Зверие четыре изыдоша из моря; един подобен лвице, имущь крыле орли; вторый подобен медведице и три ребра во устех имущь; третий подобен рыси, имущь четыре крыла; четвертый горд и страшен, зубы у него железны и велики, ногти же медяны, и десять рогов на главе его; един же рог мал — имущь в себе очи человечи; и се, поставишася престоли и Ветхий денми седяше: одежда же Его бела аки снег, а власы главы — аки волна чиста; престол Его пламень огненный; и тысящи тысящь служаху Ему, и тмы тем предстояху пред Ним. Данил., гл. 7.

Здание создавшему еда речеть: неси ты меня создал? или творение сотворшему речет: неразумна мя сотворил? Исаии, гл. 29, ст. 16.

Земля глубока, небо же высоко, а сердце царево необлично. Притч., гл. 25, ст. 3.

Земля треми трясется, четвертаго же понести не может. Притч., гл. 30, ст. 21.

Земля стоит во веки, а солнце восходит и в место свое влечется, сие возсиевает, и идеть к югу и к северу, и обходит окрест. — Еклес., гл. 1, ст. 4–6. — А люторове с Каперником своим мудрее и достовернее себя сказуют ведущих, нежели Соломон, ибо глаголют Самому Богу и Соломону вопреки, сказующе, яко земля ходить, а солнце стоить. И тако от высокоумия своего обезумишася, еже не токмо в вере погрешили, но творение Божие превращают инако, и Моисея боговидца, и прочиих пророков, и Соломона ни во что поставиша; но токмо свой разум возвышают и разширяют!

Земное житие одебелевает ум. Прем., гл. 9, ст. 15.

Земная едва разумеваем, а яже на небеси кто изследити может? Прем., гл. 9, ст. 16.

З женою чужою в дому не медли, да не когда уклонится душа твоя на ню и поползнешися в пагубу. Сирах., гл. 9, ст. 10–11.

З завистливым о похвале не советуй. Сирах., гл. 37, ст. 11.

Знающиися с тобою да не будут мнози, советник же твой — един от тысящи. Сирах., гл. 6, ст. 6.

И

Играяй с сыном своим — печаль приимет последи. Сирах., гл. 30, ст. 9.

Из Египта изошло Израилтан, кроме рабов, 600 тысящ мужей пеших. 2 Моис., гл. 12, ст. 37.

Излию от Духа Моего на всяку плоть и прорекут сынове и дщери ваша. Иоил., гл. 2, ст. 28.

Илиа пророк своима рукама убил вааловых жерцов четыреста пятьдесят человек. — 3 Цар., гл. 18, ст. 22, 40. — Тако бо и всякому человеку по Господе Бозе ревновать подобает и противников Божиих не щадити.

Имянем Своим Господьним в неправде не повелел клятися. 3 Моис., гл. 19, ст. 12.

Имя ново прозовется работающим Мне, еже благословится на земли. Исаии, гл. 65.

Имя Божие аще кто приложит к суему, и тот грех не очистится. 5 Моис., гл. 5.

Имя доброе лучши, нежели богатство многое. Притч., гл. 22, ст. 1.

Имя благое паче елея благаго. Еклес., гл. 7, ст. 2.

Иному глаголющу, не велми приставай. Сирах., гл. 32, ст. 11.

І

Иаков и Исав не родныя ли братья быша? И Иакова Бог возлюбил, Исава же возненавиде. Малах., гл. 1, ст. 2.

Иереи Божия чти. Сирах., гл. 7, ст. 31.

Иерея прослави, страха ради Божия. Сирах., гл. 7, ст. 33.

Иеремиа пророк свят родился, понеже Бог освятил его прежде рождения. Иерем., гл. 1, ст. 5.

Иезекиа царь разболеся к смерти; и прииде к нему Исаиа пророк и рече: от одра сего не востанеши. И он, обратився к стене, и с плачем помолися Господу. И се, пророк обратися к нему и рече: Господь услышал молитву твою и приложил тебе Господь живота 15 лет. И во свидетелство того Господня глагола, чрез уста пророча глаголанная, возврати Господь солнечную стень назад десять степеней. И въскоре прииде от Вавилона посол, и, обрадовався ему, Иезекиа показа ему вся сокровища своя. И Исаиа пророк, пришед к нему, рече: яже ты показал еси послу вавилонску, вся та внидут в руце вавилонянам, — 4 Цар., гл. 20; Исаии, гл. 37. — Тако бо и ныне Бог делает: аще кто, ради своего высокославия, пославится чем, то лишатся того. И сего ради ты, сыне мой, аще Бог тебе умножить богатством и вещми каковыми дивными, или даст тебе Бог какую премудрость, книжную или художественную, или пред враги будеши силен, — ничем тем не моги похвалитися, дабы тебе всего того не лишитися, такожде, яко и Иезекию; наче же того, еже бы тебе, от высокославия своего, в вечном поношении не быть.

Израилтян во Египет вниде 75 мужей, кроме женска пола. 1 Моис., гл. 46, ст. 27.

Иосиф, страха ради Божия, и принуждаемь, не коснуся жене Пентефриевой, — и по оклеветанию жены тоя всажден бысть в темницу; и, за тое его Иосифово воздержание от блудные скверны, поставил его Бог всему Египту господином. — 1 Моис., гл. 39. — И ты, сыне мой, сему ревнуя поревнуй; и не то чтобы тебе собою того проискивати, еже бы тебе с кем блуд сотворити, но аще и нудити тя будет какая жена или девица, не токмо убогая, но аще и богатая, или и силная, — не моги повинутися ей и в смертный грех въпасти, да с прекрасным Иосифом уравнишися и от Бога возвышен будеши, аще не на сем свете, то на оном; а без воздаяния от Бога не будеши.

Иоанадавовых детей повелел Господь пророку Иеремии напоить вином; и они пророка не послушаша, и не пиша вина, и глаголаша: отец нашь Иоанодав заповеда нам, да не пием вина мы и жены наша и дети наша; и мы того ради и не пием, и пить не будем. — Иерем., гл. 35. — Видиши ли ты, сыне мой, како древле дети отцово приказание хранили твердо, еже и пророка Божия не послушаша? И на сие зря, и ты не моги моих приказаний преслушати, о них же

ти в сией книжице завещах, да похвален будеши от Бога, якоже и Иоанадавовых детей Сам Господь похвалил за содержание отчи заповеди.

Иова поразил диавол лютою и неудобь стерпимою болезнию. И егда многое время мину тоя болезни, нача жена его глаголати ему; доколе терпиши тако? уже бо потребися от земли память твоя; но рцы некий глагол ко Господу и умри. Он же, воззрев на ню, и рече: что ты, яко едина от безумных жен? аще благая от руки Господни прияхом, злаго не стерпим-ли? — Иов, гл. 2. — Тако и тебе, сыне мой, подобает во всяком злострадании быти долготерпеливу. Аще не токмо какая напасть, но аще и лютая болезнь, или какая наглая и безвинная приготовится тебе и смерть, то и тогда не скорби и на неправедной суд не гневайся, но уповай на Бога: без Его бо воли ничто тебе не содеется. Но токмо грехи свои и вси неправости, пред Богом соделанные, исчисляй, и покаяние о них приноси. Смерть бо не погубит человека, но грехи погубляют; и того ради не бойся смерти, но бойся греха.

Иов о себе тако рек: аще возжелах жены мужатые, то и моя жена да будет иному мужу. — Иов, гл. 31. — Тако и ты, сыне мой, никаковые чуждые жены не желай, да тво(е)я инии не возжелают.

Иова, по язве, паки Господь воздвиже, и детми и внучаты и правнучатами наполни; богатства же всякаго при прежнем сугубо даровал ему Бог. — Иов, гл. 31. — Тако бо и ныне Господь творит: аще кто в нашедших бедах благодарит Бога, то тем людям посылает Бог не токмо сугубое, но и десятогубое богатство и честь, и всякое пополнение со умножением.

Исус был третий, кроме Наввина и Сирахова архиереем великим. Захар., гл. 3.

К

Касаяйся пекле очернится и общаяйся горнцу точен ему будет. Сирах., гл. 13, ст. 1.

Каменно сердце изму от них и дам им, рече Господь, сердце плотяно. Иезек., гл. 11, ст. 19.

Каков велик в житии сем будеши, толико смиряйся. Сирах., гл. 3, ст. 18.

Каков владыка граду, таковы и жители градстии будут. Сирах., гл. 10, ст. 2.

Каковы будут судии, таковы и слуги их будут. Сирах., гл. 10, ст. 2.

Камения многоценнаго лучши есть премудрость. Притч., гл. 8, ст. 11.

Камень жестоко, а песок тяжелоносно; гнев же безумнаго обоего тяжчае. Притч., гл. 27, ст. 3.

К волхвом не повелел Господь ходити, ни ворожбити, ни по встречу веровати. 3 Моис., гл. 19.

К другу своему не учащай ходити, да не когда прискучишь ему. Притч., гл. 25, ст. 17.

К дверем дому прелюбодейцы не приближайся. Притч., гл. 5, ст. 8.

К женским песням не приставай, да не увязнеши в сетех ея. Сирах., гл. 9, ст. 4.

Кипарису, древу великому, уподоби Господь Фараона, царя египетскаго. Иезек., гл. 31.

Кляся Господь Вседержитель душею Своею. Иерем., гл. 51, ст. 14.

Кладану повелел Господь и иные благовонные масти прилагать, дабы каждение было благовоннее; а носить с собою, ради нюхания, запрещеним смертным запретил Господь. — 2 Моис., гл. 30. — А люторове то запрещение Господне ничтожат, и всякия благовонныя масти в тростяных головках и на вороту своем и во чпагах носят, не боясь того Божия запрещения. Ты же, сыне мой, не зри на люторы: сам при себе не носи и жене своей не вели.

Князю людей не рцы злаго слова. 2 Моис., гл. 22, ст. 28.

Кости человечи, показанные от Господа на поле Иезекии пророку, вси ожиша. Иезек., гл. 37.

Конь неучен свирепо идет, а сын самоволен блудник будет. Сирах., гл. 30, ст. 8.

Корень премудрости — еже боятися Бога. Притч., гл. 1, ст. 7.

Кроме Бога, не бойся никого. Притч., гл. 7, ст. 1.

Крыться Господь повелел от рати; а аще кто не укроется, сам себе убойца будет. Иезек., гл. 33.

Кровь скотию аще кто будет ясти, той человек потребится, понеже душу с кровию съел бяше. — 3 Моис., гл. 17, ст. 14; 5 Моис., гл. 12, ст. 23. — Люторове же ни во что сию Божию заповедь ставять: ядят кровь с люблением.

Л

Лгать никаковыя лжи не восхощи. Сирах., гл. 7, ст. 13.

Лживых прорицателей или учителей, кии с истиннаго пути совращают, повелел Господь предавать смерти; и прирек, глаголя: злое сами от себя истребляйте. 5 Моис., гл. 13, ст. 1–5.

Лжи никаковые на учись лгать. Сирах., гл. 7, ст. 13.

Лживый человек не внидет во царство небесное. Апокал., гл. 21, ст. 27.

Лживой язык истины ненавидит. Притч., гл. 26, ст. 28.

Лживая уста убивают душу. Прем., гл. 1, ст. 11.

Лжи отец и предводитель — диавол. Иоан., гл. 8, ст. 44.

Ложь человеку иметь — зол порок; лучши тать, нежели лгать присно. Сирах., гл. 20, ст. 24–25.

Лениве, иди ко мравию и ко пчеле, и поревнуй путем их. Притч., гл. 6, ст. 6–8.

Ленивàго постизает нищета. Притч., гл. 6, ст. 11.

Лихвы[46] брату своему сребряные и хлебные да не растиши, чуждему же да растиши. 5 Моис., гл. 23, ст. 19–20.

Лстивые уста — мерзость Господеви. Притч., гл. 12, ст. 22.

Лучши иметь имя доброе, нежели богатство многое. Притч., гл. 22, ст. 1.

Лучши есть малое богатъство с боязнию Божиею, нежели многое без Божия боязни. Притч., гл. 15, ст. 16.

Лучши тать, нежели кто навыкнет присно лгать. Сирах., гл. 20, ст. 25.

Лучши не обещатися, нежели обещався солгати. Еклес., гл. 5, ст. 4.

Лучши скрыть в себе безумство, нежели скрыть премудрость. Сирах., гл. 41, ст. 18.

Лучши злоба мужеска, нежели добродетель женска. Сирах., гл. 42, ст. 14.

Лучши жить в земле пусте, нежели со женою бранчивою. Притч., гл. 21, ст. 19.

Лучши жить со лвом или со змием, нежели с женою лукавою. Сирах., гл. 25, ст. 18.

Лучши ходить в дом плача, нежели в дом веселия. Еклес., гл. 7, ст. 3.

Лучши умереть без чад, нежели чада иметь нечестива. Сирах., гл. 16, ст. 4.

Люби ближняго своего, яко сам себя. 3 Моис., гл. 19, ст. 18.

Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас. Лук., гл. 6, ст. 27 и 35. Матф., гл. 5, ст. 44.

Любяй своего сына прилежно его наказует. Притч., гл. 13, ст. 25.

Любяй своего сына участит ему раны, да возвеселится о нем напоследок. Сирах., гл. 30, ст. 1.

Любовный человек бывает друг паче, нежели брат родный. Притч., гл. 18, ст. 25.

Людие сии устами Мя чтут, сердце же их далече отстоит от Мене; вотще чтут Мя, учаще заповеди человечи и учение человече. Исаии, гл. 29, ст. 13.

М

Матерняя клятва искоренит чада от основания. Сирах., гл. 3, ст. 9.

Мала всякая злоба противо злобе женстей. Сирах., гл. 25, ст. 21.

Малая дела уничижаяй помале сам упадет. Сирах., гл. 19, ст. 1.

Маноевой жене ангел Господень не повелел вина пить и нечистаго есть. Суд., гл. 13, ст. 2–4.

Мед каплет от усть жены любодейцы. Притч., гл. 5, ст. 3.

Мерзска жена аще случится доброму мужу, то и земля понести того не может. Притч., гл. 30.

Мерзость Господеви устны лстивые. Притч., гл. 12, ст. 22.

Между водою некогда огнь паляше. Прем., гл. 16, ст. 19.

Мечь есть остр язык царев. Притч., гл. 24, ст. 22.

Мертвечине аще кто прикоснется, осквернить ся. 3 Моис., гл. 5, ст. 2.

Милости хощу [глаголет Господь], а не жертвы. Иосиа, гл. 6, ст. 6.

Мидов на вас наведу, иже не пощадят чад ваших, и в домех ваших почиют звери, и ежеве вогнездятся, и бесове воспляшут. Исаии, гл. 13, ст. 17–22.

Мзду наемничу удержуяй, яко кровь проливает. Сирах., гл. 34, ст. 22.

Мзды наемничи не повелел Господь удержати до заутрия. 3 Моис., гл. 13, ст. 13.

Младенца от наказания не отрини; аще и жезлом биеши, не умрет. Притч., гл. 23, ст. 13.

Мнение многих прелсти; неправое мнение погубляет совесть. Сирах., гл. 3, ст. 24.

Мозолия творит им, иже обличает нечестивых. Притч., гл. 9, ст. 7.

Молоху князю аще кто семяне своего даст, смертию да умрет; а кто о убиении его помилосердствует опру лице Мое на него, рече Господь. 3 Моис., гл. 20.

Мотыла говяжя дах тебе въместо мотыл человечих, и сотвориши хлебы себе в них. Иезек., гл. 4.

Мудрости венец — страх Господень. Сирах., гл. 1, ст. 18.

Мудрствуйте о Господе в благостыни, и в простоте сердца взыщете Его. Прем., гл. 1, ст. 1.

Мудрый мужь безмолвие въводит. Притч., гл. 11, ст. 12.

Мужь с женою своею аще пребудет, да измыются оба водою и нечисти будут до вечера. 3 Моис., гл. 15.

Мужь да не одеется в женское одеяние, ниже жена в мужеское: гнюсно есть сие пред Богом. 5 Моис., гл. 22, ст. 5.

Мужу со женою своею не сходитися, дондеже она очистится. 3 Моис., гл. 18.

Мужеская злоба лучши нежели женская добродетель. Сирах., гл. 42, ст. 14.

Мужа с женою соединением, и союзством братии, и люблением искренняго украшается премудрость. Сирах., гл. 25, ст. 1–2.

Муравью и пчеле ревнуй, о, лениве! Притч., гл. 6, ст. 6–8.

Мысль благую сохрани. Притч., гл. 5, ст. 2.

Мысль заготовити человеческо есть, совершити же — Божие. Притч., гл. 16, ст. 1.

Мерило праведное приятно Богу, а лестное мерзость есть пред Богом. Притч., гл. 11, ст. 1.

Мера едина да будет в дому твоем, такожде и вес един. 5 Моис., гл. 25, ст. 14.

Мера муки пшеничные, Елиссей пророк рече, будет во утрие за сикль един, а ячменя — две меры за сикль. И тристат тому глаголу пророчу не поверил и рек: аще и небесныя хляби отверзутся, то не можно тому быть. И пророк рек ему: ты очима своима узриши сие, ясти же от него не будеши. И егда сие збыстся, то людие начаша во вратех тиснутися и того тристата задавиша до смерти. — 4 Цар., гл. 7, ст. 1–17. — И на сие зря, ты, сыне мой, не моги не веровати словесем пророчим и апостольским, понеже они не собою глаголаша, но Дух Святый их усты глаголаше.

Н

На Бога уповай всем сердцем. Притч., гл. 3, ст. 5.

На богатство свое аще вознаде(е)шися, упадеши. Притч., гл. 11, ст. 28.

На взятие рука твоя не буди простерта, а на отдание согбена. Сирах., гл. 4.

Навходоносор царь повелел Бога небеснаго хвалити, а кто похулит, тех смерти предавать и дом его разграбить. Данил., гл. 3, ст. 96.

Наг изыдох от чрева матере своея, наг и возвращуся в землю. Иов, гл. 1, ст. 21.

На две стези ходящему человеку — горе. Сирах., гл. 2, ст. 12.

На девиц не гляди, да не когда, зря на них, соблазнишися. Сирах., гл. 9, ст. 5.

На жертву повелел Господь приносить хлеб квасный. 3 Моис., гл. 23.

На жертву увечных овец не повелел Господь приносить. 3 Моис. гл. 22, ст. 20–24; 5 Моис., гл. 15, ст. 21.

На жертву Соломонову сниде огнь с небесе и пожже предложение. 2 Парал., гл. 7, ст. 1.

На зло, а не на добро утвержду очи Мои на них. Амос., гл. 9, ст. 4.

Накажи сына своего и удивит тя. Сирах., гл. 30, ст. 9.

Наказуй праведнаго и приложит приимати. Притч., гл. 9, ст. 9.

Наказуяй сына своего — последи о нем насладится и похвалится о нем; умрет отец его и будет яко не умре, подобна бо себе оставил по себе. Сирах., гл. 30, ст. 2, 4.

Наказания отца своего слушай и материя не презирай, то венец на главу свою приимеши и гривну злату на выю свою. Притч., гл. 1, ст. 8–9.

На кого призрю, токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словес Моих [рече Господь.] — Исаии, гл. 66, ст. 2. — И на сие Господне слово зря, ты, сыне мой, буди кроток, яко овечка, ни с кем не бранись и ничем не величайся; и аще кто, по возмущению диаволю, будет тебя злоречить, заград уста своя молчанием и буди яко не слышай. И никого тако не бойся, яко Бога, и от словес Его трепещи, и храни их опасно, дабы Господь Бог, по глаголу Своему, милостивным Своими оком призрил на тя.

На облацех небесных явися яко Сын человечь, идый бияше; Тому дастся власть вечная и царство Его же не разсыплется. Данил., гл. 7, ст. 13–14.

На паляну Иоасафатову соберу вся страны и разсуждуся с ними ту. Иоил., гл. 3, ст. 2.

На трапезе не простри руки своея прежде клевреть своих. Сирах., гл. 31, ст. 20.

На трапезе силнаго аще сядеши вечеряти, разумевая разумей представленная ти, и наложи руку ведая, что суть. Причт., гл. 23, ст. 1–2.

На трапезе предложенныя ти яди яждь, не разгребая еств, да не возненавиден будеши. Сирах., гл. 31, ст. 18.

На утренняя не хвались; не веси бо, что ти утро принесет. Притч., гл. 27, ст. 1.

Начало премудрости — страх Господень. Притч., гл. 1, ст. 7.

Начало премудрости сие, еже боятися Бога. Сирах., гл. 1, ст. 15.

Начатки дай Богу от праведных трудов. Притч., гл. 3, ст. 9.

Начатки от гумна и от скота [и от овоща] даждь Господу своему. 2 Моис., гл. 22, ст. 29–30.

Небо высоко, земля же глубока, серце же царево необлично. Притч., гл. 25, ст. 3.

Небо ново будет и земля нова; и не воспомянут первых, но радость и веселие обрящут на ней. Исаии, гл. 65, ст. 17–18.

Небо престол Мой, глаголет Господь, а земля подножие ногу Моею; кий храм соградите Ми, или кое место покоища Моего? Все бо сотвори рука Моя, и се все Мое есть. Исаии, гл. 66, ст. 1–2.

Небо от земли како отстоит, тако совети человечи [рече Господь] отстоят от Его Господних советов, и разумы человечи от разума Его Божия. — Исаии, гл. 55, ст. 9. И сего ради ты, сыне мой, не буди высокомыслив, и к Богу ничем не ровняйся, и глубины Божия премудрости не ищи. Никто бо, не токмо от человек, но ниже ангели могут Его Божий разум постигнути. И того ради ни в каковом деле Бога не перекуй; но яко же Он волит, тако и да строит.

Не бойся никого, кроме Бога одного. Притч., гл. 7, ст. 1.

Небесную высоту и земную широту кто изследити может? Сирах., гл. 1, ст. 3.

Не бранись с силным человеком, да не когда в руки его въпадеши. Сирах., гл. 8, ст. 1.

Не буди сам о себе мудр. Притч., гл. 3, ст. 7.

Не буди велми правдив и не мудрись преизлише. Еклес., гл. 7, ст. 17.

Не буди жесток, да не умреши не во время свое. Еклес., гл. 7, ст. 18.

Не буди в дому своем, яко лев. Сирах., гл. 4, ст. 34.

Не буди двоязычен, но буди в разуме своем утвержден. Сирах., гл. 5, ст. 11–12.

Не ворожбите и к волхвам не ходите, и во встречу не веруйте. 3 Моис., гл. 19.

Не величайся своею премудростию. Притч., гл. 3, ст. 5.

Не величайся в рабех своих. Сирах., гл. 4, ст. 34.

Невинно вино, но проклято пьянство. Притч., гл. 20, ст. 1.

Не выслушав речи, не отвещевай. Сирах., гл. 11, ст. 8.

Не вей всяким ветром и не ходи всяким путем. Сирах., гл. 5, ст. 11.

Не даждь места такова, еже бы кляти тя. Сирах., гл. 4, ст. 5.

Не заступай грешника и нечестивому не даждь. Сирах., гл. 12, ст. 4–5.

Незлобивый человек всякому слову веру емлет. Притч., гл. 14, ст. 15.

Не искушающим Господа — обрящеться. Прем., гл. 1, ст. 2.

Не красна песнь во ус(т)ех грешничих, понеже не от Господа послана бысть. — Сирах., гл. 15, ст. 9. — Тако бо всяк, аще законопреступно живет и дела свои делает противна воли Божией, и у таковаго не красна песнь бяше.

Не любяй сына своего щадит жезл от биения. Притч., гл. 13, ст. 25.

Не мудрись преизлише. Еклес., гл. 7, ст. 17.

Не мудрись паче царя. Сирах., гл. 7, ст. 5.

Не надейся на имение многое: не поможет бо в день гнева. Сирах., гл. 5, ст. 10.

Не поможет богатство в день ярости. Притч., гл. 11, ст. 4.

Не посвятил Моисей Господа при воде пререкания, и за то во обетованную землю не допущон войти, 4 Моис., гл. 27.

Не помысли на жену подруга твоего; и ни на дом, ни на ино что либо подруга твоего да не помыслиши. 5 Моис., гл. 5, ст. 20–21.

Не помысли о себе, якобы свято живеши: фарисей бо, возмнил себя быти свята, паде. — Лук., гл. 18, ст. 12. — И сего ради ты, сыне

мой, не моги и умом своим помыслити, якобы свято и праведно живешь: Господь бо таковых не любит; но и в мысли своей держи, яко грешен еси.

Неправая мера [или вес] мерзость есть пред Богом. Притч., гл. 11, ст. 1.

Неправда присвоение есть смерти, а нечестивии рукама своима призваша ю. Прем., гл. 1, ст. 15–16.

Неправедне помышляющии рекоша в себе: мал есть и с нуждею живот наш, яко от ничесого рождени есмы; и по сем будем, яко не быхом, и по смерти тело наше будет, яко пепел; время наше яко стень проходит; уловим лестию праведнаго, разум бо Божий в себе сказуют и от путей наших удаляются; искусим их, избавит ли их Бог их? И сия мысля соблазнишася, не увидаша таин Божиих. Прем., гл. 2, ст. 1–22.

Не прелагай предел вечных, иже положиша отцы твои. Притч., гл. 22, ст. 28.

Неправде поучается язык вашь, и никтоже глаголет правду, и суда праваго несть, и плодят беззаконие; яица аспидна разбиша, и постав паучинной ткут, и хощут от яиц тех ясти; егда бо разбиют, обрящут в них василиска, и поставом паучинным одеятися не могут: делеса бо их — делеса беззакония. — Исаии, гл. 59, ст. 3–6. — И на сия зря, ты, сыне мой, смотри в делах своих прилежно, дабы никакой неправды в них не было, и дабы лютый василиск в делах твоих не скрылся, иже зрением убивает человеки до смерти; такожде и паучиннаго постава не тки, но тки из твердые материи, дабы дела твои не яко паучина расторгалися, но яко твердое и неудобь растерзаемые дела твои были.

Не проси у Господа владычества, ни у царя седания славы. Сирах., гл. 7. ст. 4.

Не приближайся и ко дверем любодейцына дому. Притч., гл. 5, ст. 8.

Не приставай к женским песням, да не како увязнеши в сети ея. Сирах., гл. 9, ст. 4.

Не повтори слова в молитве своей. Сирах., гл. 7, ст. 14.

Не радуйся падению врага твоего. Притч., гл. 24, ст. 17.

Не рцы: щедроты Божии многи суть и множество грехов моих очистит. Сирах., гл. 5, ст. 6.

Не разгребай в блюде яди, да не возненавиден будеши. Сирах., гл. 31, ст. 18.

Не раскаевайся, егда уже что сотвориша. Сирах., гл. 32, ст. 21.

Не ручайся выше меры своея. Сирах., гл. 8, ст. 16.

Не смейся с сыном своим, да не поболиши о нем и напоследок соткнеши си зубы. Сирах., гл. 30.

Не стригите глав ваших, ниже бриете брады ваша. 3 Моис., гл. 19, ст. 27.

Не стыдись грехи свои исповедати. Сирах., гл. 4, ст. 30.

Не скоро и другу своему въверивайся. Сирах., гл. 6, ст. 7.

Не смотряй на девиц, да не како соблазнишися в похотех их. Сирах., гл. 9, ст. 5.

Не смотри чуждые доброты, но отврати око твое от жены красные. Сирах., гл. 9 и 25-я.

Не твори зла и не постигнет тя зло. Сирах., гл. 7, ст. 1.

Не укланяйся ни надесно, ни на шуее. Притч., гл. 4, ст. 27.

Не убей, не любодей, не послушествуй на ближняго своего лжи. 5 Моис., гл. 5, ст. 17–19.

Не учащай вносити ногу твою ко другу твоему, да не возненавидит тя за частое твое прихождение к нему. Притч., гл. 25, ст. 17.

Не ускори изнести слово пред Лицем Божиим. Еклес., гл. 5, ст. 1.

Не хвались на утреннюю: не веси бо, что ти случится. Притч., гл. 27, ст. 1.

Не хощу смерти грешному, глаголет Адонай Господь. Иезек., гл. 18 и 33-я.

Не отлагай дне от дне покаяния, вънезапу бо изыдет гнев Господень. Сирах., гл. 5, ст. 8–9.

Нечестивии премудрость и наказание уничижают. Притч., гл. 1, ст. 7.

Нечестивых путие от земли погибнут. Притч., гл. 2, ст. 22.

Нечестиваго утроба безмилостивна. Притч., гл, 12, ст. 10.

Нечестивии возносят досаждение. Притч., гл. 3, ст. 35.

Нечестивых уста поведают зло. Притч., гл. 15, ст. 2.

Нечестивый аще кленет сатану, сам свою душу кленет. Сирах., гл. 21, ст. 30.

Нечестивых пред царем убивай. Притч., гл. 25, ст. 5.

Нечиста молитва износимая изо уст блудника. Притч., гл. 19, ст. 13.

Не чти себя паче старших тебя. Сирах., гл. 7, ст. 14.

Не обличай нечестиваго, да не возненавидит тебя. Притч., гл. 9, ст. 8.

Не оправдай себя пред Богом. Сирах., гл. 7, ст. 5.

Не яждь чрез сытость, да же отяготишися и здравия своего да не повредиши. Сирах., гл. 31, ст. 13–24.

Ниву аще жнеши, или овощи обираеши, обирка последи да не обираеши, но да будет той обирок и забвенной плод убогим людям и пришельцам, и благословить тя Бог. — 5 Моис., гл. 24, ст. 19–22. — И на сие зря, ты, сыне мой, егда какой овощь или и иное что будеши обирати, припомни сей Господень приказ: забвеннаго последи уже не обирай, но отраждь то убогим людям, да благословит тя Бог. И аще повидитца и многовато забытаго овощу или иного чего, обаче не пожалей, отдаждь е нищим и прочиим убогим людям, а себе в корысть отнюд не бери. — Бог тебя наградить; то бо ти, яко Бог восхотел от тебя то прияти, еже ты забыл. Подобне, аще что и от вещей каковых оброниши, — обретши, в корысть себе не приемли, но отдаждь либо убогим, либо во святую церковь, или причетникам церковными И аще и великой скарб, обаче Бог, по глаголу Своему, наградит тебе, яко же Он весть; а аще помалодушничаши и удержиши той скарб про свой домовой обиход, — не в корысть тебе будет, понеже воли Божией противно учинишь.

Нищаго кто почитает, почитает Сотворшаго его. Притч., гл. 14, ст. 31.

Нищаго милуяй — възаим дает Богови. Притч., гл. 19, ст. 17.

Нищаго в нищете его не разгневай. Сирах., гл. 4, ст. 2.

Нищета мужа смиряет. Притч., гл. 10, ст. 4.

Нищета и сущих друзей лишает. Притч., гл. 19, ст. 4.

Нищета и богатство, зло и добро, смерть и живот от Господа суть. Сирах., гл. 11, ст. 14.

Ногу твою от пути злаго отврати. Притч., гл. 1, ст. 15; гл. 4, ст. 8.

Нозе их на зло текут и спешат еже пролияти кровь; стези их, по них же ходят, разкривлены; того ради и не постигнет их правда, и идеже чают свет, тамо тма. Исаии, гл. 59.

Ною все, еже живо, повелел Бог ясти, точию мяса с кровию не ясти. — 1 Моис., гл. 9. — Зрите вси и разумейте; се бо Господь еще прежде ветхаго закона заповедал, да крови никакова животнаго человеку не ясти; а в ветхом законе паки подкрепи. А в новой благодати и наипаки, глаголя: Аз не придох разорити, но исполнити;

и прирек, глаголя: аминь глаголю вам, дондеже прейдет небо и земля, иота едина, или едина черта не прейдет от закона. (Матф., гл. 5, ст. 17). А люторове, яко иныя заповеди Божия отставиша и издаша свои заповеди, такожде и сию Божию заповедь, еще прежде ветхаго закона уставленную, отринуша, и не токмо мясо с кровию, но и самую источенную из скотов кровь ядят; и во всякие яди употребляют кровь. И сего ради ты, сыне мой, яко змиа ехиднаго, или яко василиска убийственнаго, бойся люторскаго учения. Несть бо в них ни следа самаго христианства, но токмо имянем являются якобы христиане. Они Библию у себя имеют, а что в ней написано, того ничего не исполняют; токмо они исполняют законы законопреступника, розстриги и явнаго блудника Мартина Лютора. И аще хощеши о прочиих его законопреступлениях уведати, то ты зри в *«Очевидном Зеркале»*, в 23-й главе; тамо бо вся его развраты узриши.

О

Образов каких Господь не повелел строить — зри в пятых книгах Моисеевых, во главй 4-й и в 5-й; и 17-я глава тому же учит, дабы людие иного бога не взыскивали. — И мы, по православной вере сущии христиане, иного Бога никогда не искали и не ищем. А люторове, от своего презелнаго безумства, нас порицают, якобы мы то чиним Богу противно, еже, в честь Божию, изоображаем Его Божий образ, такожде и Пресвятыя Божия Матере и прочих святых угодников Его Божиих изоображаем. И тем изоображением мы Бога не безчестим и чести у Него ни малыя не отъемлем; Сам бо Господь о сем ясно изрек, глаголя: идеже Аз, тамо и слуга Мой будет. И такова ради Господня слова, мы никогда образа никоего святаго на иконе без Спасителева образа не изображаем и всегда образ Божий пишем выше, а раба Его, коего ни есть святаго образ, изображаем ниже, и написуем его молящася, или и так стояща под образом Господним; и то стала самая явная честь Самому Богу, в написанном образе нами приносимая. Люторов поразил диавол высокомнением, и то высокомнение ум их повредило; и Божественное Писание аще и читают, да разуметь право ничесого не могут. И сего ради ты, сыне мой, велми бойся люторскаго разума толкований; несть бо в них здраваго разума.

Обещание, изо уст испущенное, да сохраниши и устен своих солганием да не оскверниши. — 4 Моис., гл. 30, ст. 3.

Овцу кто украдет, четверо да отдаст, а за теля — пятерицею. — 2 Моис., гл. 22.

Овча хромо, или слепо, или недужно аще принесешь на жертву, то не зло ли есть? — Малах., гл. 1.

Овна Даниил пророк виде на Увале стояща; козел же имущь един рог; и пришед козел попра овна и попра; и в том попрании рог у козла сокрушися, и в него место израстоша четыре роги. Данил., гл. 8, ст. 2–8.

Огнь супостаты пояст. Исаии, гл. 26, ст. 11.

Огнь в кадилницы Аароновы сынове вложиша ин, егоже Господь не повеле; и за то преслушание сниде огнь с небесе и сожже их. 3 Моис., гл. 10, ст. 1–2.

Огнь некогда между водою паляше. Прем., гл. 16, ст. 19.

Огнь и воду предложил тебе Господь, и на неже хощеши, простреши руку твою. Сирах., гл. 15, ст. 16.

Огнь аще кто вложит в недра своя, сожжеться; тако и вшедый к жене [наедине] не без муки будет. Притч., гл. 6, ст. 27–29.

Одежда мужу женская и жене мужеская воздеть — гнюс есть пред Богом. 5 Моис., гл. 22.

Одр Соломонов имяше 60 человек стрегущих с острым оружием. Песн., гл. 3, ст. 7–8.

Око зрения и ухо слышания не насытится. Еклес., гл. 1, ст. 8.

Око за око, и зуб за зуб, и всякая рана за рану. 3 Моис., гл. 24, ст. 20.

Опреснок един и хлеб един приносить в жертву, по обещанному молению. 4 Моис., гл. 6, ст. 19.

Отца или матерь злоречит — проклят и смертию да умрет. 3 Моис., гл. 20; 5 Моис., гл. 27.

Отцы ядоша кисло, а детям зубы оскоменишася. Иер., гл. 31, ст. 29.

Отец сына биет, егоже любит. Притч., гл. 3, ст, 12.

Отец аще и разумом оскудеет, не оскорби его. Сирах., гл. 3, ст. 13.

Отца сво(е)го почитаяй очистит грехи свои и о своих чадех возвеселится. Сирах., гл. 3, ст. 3–5.

Отца прославляяй долгоденствовати будет. Сирах., гл. 3, ст. 6.

Отца чти словом и делом, да найдет ти благословение от него. Сирах., гл. 3, ст. 8.

Отчее благословение утверждает домы чад. Сирах., гл. 3, ст. 9.

Отца твоего чти делом и словом, да найдет на тя благословение от него: благословение бо отчее утверждает домы чад, клятва же матерня искоренит основание. Не славься в безчестии отца твоего, несть бо ти славы в безчестии его; слава бо человеку от чести отца его, и поношение чадом, аще мати в безславии будет. Чадо, заступи в старости отца твоего и не оскорби его в животе его. Аще и разумом оскудеет, прощение имей пред ним и не обесчести его от самые своея крепости. Милость бо, творимая отцу, не забвенна у Бога будет и в день скорби воспомянет ти ся: яко тает лед от зноя, тако растают грехи твои. Коль хулен оставляяй отца и проклят Господем раздражаяй матерь свою! Сирах., гл. 3, стих 8–16.

Отца своего прославляяй долгоденствовати будет, и бояйся Бога покоить матерь свою, и яко владыце послужит родителем своим. Сирах., гл. 3, ст. 6–7.

Отца почитаяй очистит грехи свои, и прославляяй матерь свою — яко сокровищьствуяй. Сирах., гл. 3, ст. 3–4.

Отца почитаяй возвеселится о своих чадех и в день молбы услышан будет. Сирах., гл. 3, ст. 5.

Отца твоего всем сердцем прослави и матерние болезни не забуди: помяни, яко тема рожден еси и что им воздаси за та, яже взял еси от них? Сирах., гл. 7, ст. 29–30.

Отца твоего и матерь почитай, да долголетен будеши. 2 Моис., гл. 20, ст. 12.

Отца твоего и матерь твою почитай, яко же указа тебе Господь Бог, да благо ти будет. 5 Моис., гл. 5.

Отца своего или матерь аще кто злоречит, смертию да умрет. Матф., гл. 15, ст. 4; Марк., гл. 7, ст. 10. — Павел же апостол сказует, яко во обетовании первая заповедь, еже почитати отца своего. Ефес., гл. 6, ст. 2.

Отеческих уставов не прелагай. Притч., гл. 22, ст. 28.

Отроча родится нам Сын и дастся нам, и наречется имя Его велика совета Ангел, чуден Советник, Бог крепок, Властелин, Отец будущаго века. Исаии, гл. 9, ст. 6.

Очима своима не буди уловлен на женскую доброту. Притч., гл. 6, ст. 25.

О Бозе в ком премудрости нет, тот суетен человек. Прем., гл. 13.

Обидимаго изми от обидящаго его. Сирах., гл. 4, ст. 9.

Обличай премудра и возлюбит тя. Притч., гл. 9, ст. 8.

О брани с страшливым не советуй. Сирах., гл. 37, ст. 11.

Обретох от тысящи единаго мужа, жены же ни единые от сих. Еклес., гл. 7, ст. 29.

О всяком деле с благочестивыми мужи советуй. Сирах., гл. 37, ст. 15.

О грехах повелел Господь каятися. 4 Моис. гл. 5, ст. 6–7.

О падении своем не срамляйся. Сирах., гл. 4, ст. 26.

О похвале с завистливым не советуй. Сирах., гл. 37, ст. 11.

О погибели живых не веселится Господь, ибо созда Бог человека во еже жити. Прем., гл. 1, ст. 13–14.

О правде подвизайся до смерти, и Господь поборет по тебе. Сирах., гл. 4, ст. 32.

О четвертом звере вопросил Даниил и речеся ему: зверь четвертый — царство четвертое есть на земли, и пояст всю землю; десять же рогов его — десять царей востанут; и по них востанет другий царь, иже преспеет злобою прежних царей, и три царя смирит, и помыслит времена и закон, и дастся в руку его до времене и времяне и полвремяне; и тогда судище сядет, и власть того царя погибнет до конца, и дастся святым Вышняго; царство же Вышняго — царство вечное, и вся власти начнут тому работати. Данил., гл. 7.

Ошуюю путь развращенный есть. Притч., гл. 4, ст. 28.

П

Паче царя не мудрися. Сирах., гл. 7, ст. 5.

Паче брата друг бывает. Притч., гл. 18, ст. 25.

Пей воду от своих студенец. Притч., гл. 5, ст. 15.

Первее недуга врачуйся. Сирах., гл. 18, ст. 19.

Первее увеждь, да потом уже глаголи. Сирах., гл. 18, ст. 19.

Песок тяжело, а камень жестоко; гнев же безумнаго обоего тяжчае. Притч., гл. 27.

Песок и руда железная легче носить, нежели человека неразумна. Сирах., гл. 22, ст. 16.

Печаль не пребывает ли до смерти, аще друг претворится во врага? Сирах., гл. 37, ст. 2.

Первор혀днаго скота чистаго повелел Господь отдавать Богу, а нечистаго скота изменить. 3 Моис., гл. 27, ст. 26–27.

Первый юноша царю Дарию рек: яко всего силнее — вино. 2 Ездра, гл. 3, ст. 10, 18–24.

Пищуще бо лукавая пишут, и пишущим неправду — горе. Исаии, гл. 10.

Пианица и блудник обнищает и облечется в раздранная. Притч., гл. 23, ст. 21.

Повелел Господь людям от жен очиститися за три дни до пришествия Своего на Синайскую гору. 2 Моис., гл. 19, ст. 10–11.

Погибающих людей от руки пастырей взыщет Бог. Иезек., гл. 34, ст. 10.

Погублю премудрость премудрых и разум разумных отвергу. Исаии, гл. 29, ст. 14.

Покаяния не отлагай, вънезапу бо изыдет гнев Господень. Сирах., гл. 5, ст. 8–9.

По умертвом сетования седмь дней, безумнаго же и нечестиваго — вся дни живота его. Сирах., гл. 22, ст. 11.

Поминай во всех своих делех последняя своя, то во веки не согрешиши. Сирах., гл. 7, ст. 39.

Помышляй пред Богом и пред человеки доброе. Притч., гл. 3, ст. 4.

Помышления строптивая отлучают от Бога. Прем., гл. 1, ст. 3.

Поручивыйся по друге, предаси руку свою врагу. Притч., гл. 6, ст. 1.

Посреде велможь не равен ся твори. Сирах., гл. 32, ст. 11.

По смерти издревле за усопших жертву Богу приносили, дабы грехи их очистились. 2 Макав., гл. 12, ст. 41–46.

По смерти Соломонове прия царство сын его Ровоам; и приидоша к нему всех колен Израилтяне, и начаша просити облегчения даний. И Ровоам вопроси первее старых людей, и тии рекоша: облегчи, и тако утвердишися на царстве. Потом вопросил своих сверстников, юных человек, и тии рекоша: отвещай им, яко отец твой бил бичем, а аз, наказав, в расточение вас послю. И Ровоаму угоден бысть совет юных; и пришед, Израилтянам отвеща по глаголу юных советников. И то слышав Израилтяне отвратишася от Ровоама 10 колен, а при нем остася токмо два. — 3 Цар., гл. 12. — И на сие зря, ты, сыне мой, ни в каковом деле совета не ищи от юных людей, но ищи от пожилых и искусных людей. К тому же еще избирай тыих людей, кия боятся Бога, и чрез таковых людей Бог

тебе совет подаст полезный. А аще кто и не молод, да живет не в страсе Божии, и от таковых совета никакова не приемли.

Поставлю им князя юнаго, и ругатели ими обладают. Исаии, гл. 3, ст. 4.

Постилъся Даниил три седмицы, и по посте получил многая видения видети и таин Божиих откровение. Данил., гл. 10, ст. 2–3.

Правде научитеся живущии на земли. Исаии, гл. 26, ст. 9.

Правда праведнаго не избавит, аще согрешит; и грешник за грехи не умреть, аще покается. Иезек., гл. 33, ст. 42.

Преслушникам закона положу небо аки железно, а землю аки медяну. 3 Моис., гл. 11.

Похоть чуждые жены да не одолеет тя. Притч., гл. 6, ст. 25.

Почитаяй нищаго почитает Сотворшаго его. Притч., гл. 14, ст. 34.

Прелюбы кто сотворит с женою подруга своего, или с невесткою, то оба смертию да умрут. 3 Моис, гл. 20.

Приложи им, Господи, приложи славным земли. Исаии, гл. 26, ст. 15.

Праведный аще едва спасется, то нечестивый и грешный где явится? Притч., гл. 11, ст. 31.

Правда избавляет от смерти. Притч., гл. 10, ст. 2; гл. 11, ст. 4.

Правда у Бога, яко вески мерителные. Притч., гл. 16, ст. 11.

Правда безсмертна есть. Прем., гл. 1, ст. 15.

Правду заступаяй возсияет. Притч., гл. 11, ст. 28.

Праведник милует души скот своих. Притч., гл. 12, ст. 10.

Праведник нищь лучши богата лжива. Притч., гл. 19, ст. 1.

Праведных и мудрых дела в руку Божиею. Еклес., гл. 9, ст. 1.

Правду возлюбите судящии земли. Прем., гл. 1, ст. 1.

Праведных души в руце Божии, и не прикоснется их мука. Прем., гл. 3, ст. 1.

Праведна всяк себя мнит быти. Притч. гл. 21, ст. 2.

Праздность многой злобе научает человека. Сирах., гл. 33, ст. 28.

Правое течение твори. Притч., гл. 4, ст. 26.

Пред Богом и пред человеки помышляй доброе. Притч., гл. 3, ст. 4.

Пред Господем тощь не явися. Сирах., гл. 35, ст. 4.

Пред царем ложно ничего не глаголи: мечь есть остр язык царев. Притч., гл. 24, ст. 22.

Премудрости внимай. Притч., гл. 5, ст. 1.

Премудрость лучши есть камения многоценнаго. Притч., гл. 8, ст. 11.

Премудрость созда себе храм и утверди столпов седмь. Притч., гл. 9, ст. 1.

Премудрости корень, и венец, и насыщени — страх Господень. Сирах., гл. 1, ст. 17–20.

Премудраму дай вину и премудрее будет. Притч., гл. 9, ст. 9.

Премудрости своею не величайся. Притч., гл. 3, ст. 5.

Премудрости о Бозе в ком несть, тот суетен человек. Прем., гл. 13, ст. 1.

Премудрости насыщение то, еже боятися Бога. Сирах., гл. 1, ст. 16.

Премудрость о себе сказует, яко изо уст Вышняго изыде. Сирах., гл. 24, ст. 3.

Премудрость глаголет: треми украсихся: 1-е, совокуплением братии; 2-е, любовию искренних; 3-е, мужа со женою соединением. Сирах., гл. 25, ст. 1–2.

Преизлише не мудрися. Еклес., гл. 7, ст. 17.

Прежде слышания аще кто отвещает, студ ему бывает и поношение. Притч., гл. 18, ст. 18.

Преклони от юности чадам своим выю, и лица светлаго им не яви. Сирах., гл. 7, ст. 25–26.

Прелюбодейца, измывся, глаголет: ничтоже грешно содела. Притч., гл. 30, ст. 20.

Прелюбодейные чада не совершенны будут. Прем., гл. 3, ст. 16.

Пресыщение до скорби и до смерти доводит: от пресыщения бо мнози умроша. Сирах., гл. 37, ст. 33–34.

Прилепляющихся любодейце низводит во ад. Притч., гл. 5, ст. 5.

Приклони ухо твое нищам, и отвещай им с кротостью, мирно. Сирах., гл. 4, ст. 8.

Проклят будет от Господа, иже раздражает матерь свою. Сирах., гл. 3, ст. 16.

Проклят человек, творяй дело Божие с небрежением. Иерем., гл. 48, ст. 10.

Проклят, иже злоречит отца или матерь свою. 5 Моис., гл. 27, ст. 16.

Проклят человек тот, иже надеется на человека. Иерем., гл. 17, ст. 5.

Проклят, иже слепаго на пути прелщает и (не)прав путь ему сказует. 5 Моис., гл. 27, ст. 18.

Прокаженный егда очистится оть проказы, и тому человеку остригут главу и браду, и ус, и брови, и по приношении чист будет. 3 Моис., гл. 14, ст. 9.

Поста у человеков Господь такова требует, еже разрешити всяк соуз неправды, и писания неправая раздрати, и нищим милостыня дати; аще видиши нага, одей, и сродников своих не презри; и аще сия сотвориши [рече Господь] и воззовеши ко Мне, и, еще ти глаголющу, реку: се, приидох. Исаии, гл. 58, ст. 6–9.

Похвалу чуждую похищающии, покланяются идолу греховному. — Данил., гл. 3, ст. (?) — И сего ради ты, сыне мой, не моги чуждую выслугу, или художество, или и иную какую ни есть похвалу, на себя преяти, дабы ты похвален или почтен был, а сотворивый то дело ужичтожен был. Господа ради, бойся сего греха: велик бо есть, ибо уподоблен идолопоклоннику. Лучши ты свою похвалу отдаждь; и аще здесь и лишишися похвалы, то онамо восприемеши, и со умножением.,

Птицы небесныя преносят клятвы судиам и князем. Еклес., гл. 10, ст. 20.

Путие правые весть Господь. Притч., гл. 4, ст. 28.

Путие нечестивых оть земли погибнут. Притч., гл. 2, ст. 22.

Пшеницу содержай проклят людми. Притч., гл. 11, ст. 26.

Песнь во устех грешничих не красна есть, яко не от Господа послана бысть. Сирах., гл. 15, ст. 9.

Р

Раба своего да не услышиши кленуща тя. Еклес., гл. 7, ст. 22.

Раба наказуй, то обрящеши покой; а аще послабиши ему, то будеть искать свободы. Сирах., гл. 33, ст. 26.

Рабу лукавому узы и раны возложи, и в дела его позри, да не празднует. Сирах., гл. 33, ст. 27–28.

Раб аще воцарится, — безумный исполнится пищи и раба ижденет госпожу свою. Притч., гл. 30, ст. 22.

Разум — паче злата искушена. Притч., гл. 8, ст. 10.

Разумна кого узриши, утренюй к нему и степени стезь его да трет нога твоя [то есть, непрестанно к нему ходи и разума от него требуй]. Сирах., гл. 6, ст. 36.

Разумей правду и истину, и суд исправляй. Притч., гл. 1, ст. 3.

Разумей, кому добро твориши. Сирах., гл. 12, ст. 1.

Раскуют меча на лемеши и копия на серпы. Исаии, гл. 2, ст. 4.

Раскуют оружия своя на лемеши и сулицы свои на серпы: не возмут бо людие противо людей меча и не научатся к сему воевати. Михиа, гл. 4, ст. 3.

Ребра сыну своему сокруши, дондеже млад есть. Сирах., гл. 30, ст. 12.

Ревниваго мужа к себе не призывай и к нему не ходи. Притч., гл. 23, ст. 6–7.

Росъска князя, Мосох и Фовел возведу на тя от конца северска. Иезек., гл. 39, ст. 1–2.

Руку твою на трапезе силнаго ведая простри, что суть таково. Притч., гл. 23, ст. 1–2.

Руку пишущую по стене царь Валтасар зря, смятеся; бе же написано: мани, фекол, фарес. И никто возможе тех словес, кроме Даниила, растолковати. Данил., гл. 5, ст. 5–28.

Руки свои аще кто лобызает, велик грех себе приобретает. Иов, гл. 31, ст. 27–28.

Руки ваши егда воздвигните ко Мне, – рече Господь, – отвращу очи Мои, понеже руки ваша полны суть крове. Исаии, гл. 1, ст. 15.

Ровоаму послал Господь на обличение пророка, и хлеба тамо ясти ему не повелел. Ин же пророк лживый позвал его к себе обедати и рек, якобы ангел ему повелел, накормя его, отпустить; и он тому лживому слову поверил, и у того лживца въкусил хлеба, и, за то преслушание Божия ему приказания, на пути убил его лев. 3 Цар., гл. 13, ст. 7–24. И на сие зря, всякому человеку надобно помнить сущее Божие повеление и от святыя восточныя Церкве подтвержденное, а на лживые словеса и на неправые толки отнюд не скланятися. Тебе же, сыне мой, с клятвою завещеваю, да стоиши в Божиих заповедях неподвижно, иже святая восточная Церковь прияла; а еже толкуют, проклятии лютораня и трепроклятые расколницы, отнюд не приемли и бежи от их толков, яко от лютаго и ядовитаго змиа, да егда возвратишися от временнаго сего жития во отечество свое небесное, идуща на пути не похитил, бы тя адский лев, иже, непрестанно рыкая, ищеть, его же бы поглотити. 1 Петр., гл. 5, ст. 8.

Реки все идут в море, а море не насыщается, ибо в место, аможе[467] потопы идут, и тамо и тии возвращаются итти. Еклес., гл. 1, ст. 7.

С

Сам себя не хвали, но да хвалят тя чуждая уста. Притч., гл. 27, ст. 2.

Сам себя разсмотри, кто еси ты. Сирах., гл. 10, ст. (?)

Сатану аще кленеши, а сам нечестив сый, то свою душу кленеши. Сирах., гл. 21.

Саул заповедал от своего изволения, еже никому от вой его не вкусити хлеба; сын же его Иоанафан, не ведая тоя отчи заповеди, въкусил меда, а не хлеба, и не ведая тоя заповеди; обаче Бог разгневался на Израилтян и к вопрошению Саулову не отвеща Господь ничесоже. И Саул познал, яко некто согрешил, и метнул жребий, и паде жребий на Ионафана; и, Саул вопросил его, что сотворил? Он же рек: не ведая твоея заповеди, вкусил мало меда. И Саул сына своего осудил на смерть. — 1 Цар., гл. 14, ст. 24–44. И на сие взирая, како нам постов, иже от наместников апостолских и знаменоносных святых отцев уставлены суть, не хранити? Се бо Саул, аще и собою пост уставил, а Бог поставил его в дело; колми же паче поставляет от святых и верных Его рабов уставленные посты, и како не будет гневатися на тех, кто святыя посты ничтожит? Саулов сын и не ведая вкусил, обаче на смерть осудился; колми же паче тие осудятся, иже ведая о посте, а разрешают на мясо! О сем и Сам Господь изъявил нам, глаголя, яко ведаяй волю господина своего и не сотворивый — много биен будет, а не ведаяй воли господина своего — мало биен будет (Лук., гл. 12, ст. 47). Одни токмо люторове паче Бога умничают: ибо Бог и Саулов пост поставил в дело, а они и от святых и знаменоносных церковных учителей и у престола Божия служащих уставленные посты и иные уставы вси отвергоша и попраша!

Саулу Господь завещал, да не пощадит от иноплеменных человек никогоже, и скот весь да иссечет, Саул же, видев добры зело волы, по заповеди Господни не изби, но отлучи их на жертву Богу. И Бог за то ослушание разгневался на него, и царство его отъя от него. — 1 Цар., гл. 15, ст. 1–23. Тако бо повеление Господне всякому человеку подобает опасно хранити, а паче Бога не умствовати и паче Бога милостиву не быти. Их же Господь за какие дела повелел смерти предавати, и тех людей не требе от смерти избавляти: Господь бо повелел нам самим от себя зло истребляти. И кто таковых станет и заступати, надобно боятися, како бы Бога не прогневати и казни бы какой не прияти.

Свидетель ложный погибнет. Притч., гл. 21, ст. 28.

Свидетелю единому не повелел Господь верить, но двум или трем верить. 5 Моис., гл. 19.

Свиток Иезекиилю подаде рука Божия, и он прияв снеде, и во устех его бысть сладок, яко мед. Иезек., гл. 3, ст. 1–3.

Свят, свят, свят, Господь Саваоф, исполнь вся земля славы Его! Исаии, гл. 6, ст. 3.

Святый Дух от лстиваго мудрования бежит. Прем., гл. 1, ст. 5.

Священнику повелел Господь быть женату на девице. 3 Моис., гл. 21, ст. 13.

Светлаго лица чадам своим не являй. Сирах., гл. 7, ст. 26.

Сердце царево в руце Божией. Притч., гл. 21, ст. 1.

Сердцу веселящуся, лице цветет; в скорби же сущему — дряхло есть. Притч., гл. 15, ст. 13.

Седекию царя вавилоняне взяша и пред ним сынов его посекоша; Седекию же очи избодоша и в плен отведоша. Иерем., гл. 39, ст. 6–7.

Седмь жен имутся за единаго мужа, глаголюще: хлеб свой имамы ясти, токмо да будем мужными женами слыти. Исаии, гл. 4, ст. 1.

Седмаго лета овощь возрастший не повелел Господь собирати; но да будеть тот плод пришелцу и диким зверем. 3 Моис., гл. 25, ст. 4–7.

Седмь лет, Навходоносор царь травою на поле питался; по седмих же летех паки плоть человеча наступи на него, и укрепися на царстве; и тогда он, воздев руце на небо, благослови Вышняго Бога, яко власть Его во всем, и по Своей воле вся творит, и презирающих Его может смирити. — Данил., гл. 4, ст. 28–34. — И на сие всяк да зрит, и Бога незабвенно во уме своем держит! Ты же, сыне мой, во всяком деле Бога призывай и надежду свою всю на Него возлагай. Видиши ли, како Бог и неверным язычникам дает Себя знать? Колми же паче подобает нам, христианам, Его знати и волю Его творити!

Серп Захариа пророк видел летящь. Захар., гл. 5, ст. 1.

С женою своею аще кто переспит, да измыются оба водою и нечисти будут до вечера. 3 Моис., гл. 15, ст. 18.

Сини очи пьянице, молва пьянице. Притч., гл. 23, ст. 29.

Сиротам буди яко отец, и матери их яко муж, и будеши яко сын Вышняго. Сирах., гл. 4, ст. 10–11.

Скор буди на языце, а на дело косен. Сирах., гл. 4, ст. 33.

Скот блудящь аще узриши, обращением обрати его, чей он есть, аще и врага твоего он бяше; а аще не веси чей, то загони его в дом свой, и егда увеси, отдаждь. 5 Моис., гл. 22, ст. 1–2.

С кровию скота не ясти. 3 Моис., гл. 17, ст. 14.

Съкройтеся людие Мои, дондеже минет гнев Господень. Исаии, гл. 26, ст. 20.

Скверно ничто во царство небесное не внидет. Апок., гл. 21, ст. 27.

Скор буди на слышание, косен же на глаголание. Иаков., гл. 1, ст. 19.

Скот тот ясти, кой копыто копытит надвое, и пазнохти надвое же, и жвание отрыжет: а птиц — кои ступают, а не скачут; а рыба та чиста, коя чешую и перье имеет; а прочая вся нечиста суть. Сам Господь о сем заповеда, да людие нечистаго не ядят и аще кто и мертвечине их прикоснется, нечист будет. 3 Моис., гл. 11, ст. 1–31; 5 Моис., гл. 14, ст. 6–21.

Скотов своих праведник милует. Притч., гл. 12, ст. 10.

Сладкое питие дадите немощным. Притч., гл. 31, ст. 6.

Славы Моея, рече Господь иному не дам. Исаии, гл. 42, ст. 8; 48, ст. 11.

Слава Ливанова к тебе приидет, кипарисом и певгом и кедром, вкупе прославити место святое Мое; и наречешися град Господень, Сион Святаго Израилева. — Исаии, гл. 60, ст. 13–14. — И сие рече Дух Святый чрез Исаиа о граде Иерусалиме и о создании его, а не о кресте Господнем, яко же расколницы непщуют. И на сие зря, да никтоже соблажняется, внимая расколничим кривым толкованиям!

Слово тебе буди едино [то есть: молвя слово, не изменяй]. Сирах., гл. 5, ст. 12.

Слово слышанное сохрани, да умрет с тобою; веждь, яко оно не расторгнет тя. Сирах., гл. 19, ст. 10.

С ленивым о трудех не советуй. Сирах., гл. 37, ст. 12.

Слепому не положи претыкания, да убоишися Господа Бога твоего. 3 Моис., гл. 19, ст. 14.

Слепому положивый претыкание, или путь неправ сказуяй, проклят. 5 Моис., гл. 27, ст. 18.

Смерть и живот в руце языка твоего. Притч., гл. 18, ст. 21.

Смерть и живот, зло и добро, нищета и богатство от Господа суть. Сирах., гл. 11, ст. 14.

Смерти Бог не сотворил. Прем., гл. 1, ст. 13.

Смертный день паче дня бытия его. Еклес., гл. 7, ст, 2.

Смиренным дает Господь благодать Свою. Притч., гл. 3, ст. 34.

С мужи праведными вечеряй, и в страсе Господни хвала твоя буди. Сирах., гл. 9, ст. 21.

Смех с болезнию смесится и последняя радости с плачем скончаются. — Данил., гл. 3, ст. (?) — И сего ради ты, сыне мой, велми бойся смеха и смехотворных вещей, дабы ти на оном свете вечно не плакати.

С нечестивыми в путь не ходи. Притч., гл. 1, ст. 15.

Соберу вся страны на паляну Иоасафатову и разсуждуся с вами ту. Иоил., гл. 3.

Совокуплением братии и любовию украшается премудрость. Сирах., гл. 25, ст. 1–2.

Совет мудрых избавит царя от злаго случая. Притч., гл. 13, ст. 18.

Совершися храм свидения со всем убором во второе лето по изшествии из Египта. 2 Моис., гл. 40.

Согрешающа кого узриши, возбрани ему; а аще же возбраниши, и он во грехе том умрет, крови его [рече Господь] от руки твоея взыщу. — Иезек., гл. 33. — И по сему глаголу Господню ты, сыне мой, аще узриши кого согрешающа, всячески потщися от греха того воспретити ему, дабы тебе за чуждые грехи вечне не мучитися; а наипаче попецыся, аще кто под твоею рукою будет согрешати, дабы на тебе Бог их не взыскал и вечне бы тебе за них не страдати.

Содружия с нечестивыми не имей. Притч., гл. 1, ст. 10–15.

Сокруши ребра сыну своему, дондеже млад есть. Сирах., гл. 30, ст. 12.

Солнце восходит и в место свое влечется; сие возсиевает я идет около, а земля во веки стоить. Еклес., гл. 1, ст. 4–5.

Солнце взыде и отлете, и не познася место его. — Наум., гл. 3, ст. 17. — И на сие пророче слово всем Каперниковым ученикам зря, подобает уста своя заградити: се бо святый пророк Наум не от вещей соделанными инструменты смотрил на солнце, но Святый Дух, Иже сотворил то солнце на послужение земли и живущим на ней, и поставил е на небеси, яко луну и звезды, тако и солнце, и Той Сотворитель открыл ему, яко же и Соломону, еже солнце восходит и идет к западу. А и царь Давид, Духом же Святым провидев, рек, яко «солнце позна запад свой», а не земля; а о земле ясно же написал, яко «не подвижется во век».

Солнечная стень, по Господню словеси, возвратилась назад три степени. Исаии, гл. 38, ст. 7–8.

Соломон о себе сказуеть, яко открыл ему Бог проразумети составление мира и соделание стихий, и образ пременения и изменения, и совершение времен, и круг лета, и звездам разсмотрение, естество животных и гнев зверей, ветров нужду, и помышление человече, разньство летораслей и силу корения; и елика суть скрыта и непредуведена изучих; и всех сих, рече, научи мя Умохитрец. Прем., гл. 7, ст. 17–21.

Соломон всех человек превозшел мудростию и сочинил 3000 притчей и 5000 песней. — 3 Цар., гл. 4. — И се ныне где те притчи и песни? Но токмо самая малая часть обретается в Библии. Паки, во второй книге Ездрине, в 14-й главе, явлено, яко Ездра написал 204 книги: а в Библии обретается токмо две, а двести две книги изгибоша. И по сему, в Библии точию малая капля Писаний обретается.

Соломон в церкви святая святых, и без повеления Божия, собою, состроил образов херувимских многое число. — 3 Цар., гл. 6. — Обаче Господь Бог во облаце сниде в той храм и освятил его. — 3 Цар., гл. 8. — И за построение излишних херувимских образов ни на Соломона, ни на церковь Господь не разгневался, понеже в Божию честь они состроены, а не в бесовскую, и — во украшение святыя церкви, а не поганые. А немецкой предводитель и законоучитель их, а самою вещию разоритель праваго закона Божия и губитель душь человеческих, Мартин Лютор, не токмо херувимских, но и Самого Господа Бога образа ненавидел и нарек идолом. И по тому его богопротивному разуму, ученицы его и доднесь образ Спасителев и Пресвятыя Его Богоматере, и угодников Его Божиих образы, нарицают идолами; а еже мы, ради любве Божия, почитаем те образы и достолепный поклон им отдаем, и за то почитание нарицают нас идолопоклонниками. А мы, православнии, образам святым покланяемся самаго ради почитания Божия, а не диаволи ради каковые чести; и не иного Бога прославляем. Господь бо ясно о сем изъявил нам, еже бы нам иного Бога не искати, и мы вси, в древнем православии живущии, иного Бога не взыскуем и поганским богам ни малыя чести не творим. А они, люторы, нас порицают за святыя иконы, а сами клятыя идолы почитают, ибо Крона, Афродиту, Диа, Ермиа, Ариса и прочих их языческих идолов изоб-

ражают в честных местех, и на высоте поставляют их, дабы всеми людми видимы были, и еже бы память их незабвенна была; а святым образам, кии в честь Божия изоображаются: Воскресение Христово, и Вознесение, и Преображение, и прочая тем подобныя, ради ругания, изображают тыи образы на печах и на муравленых плитках, киими в полатах своих нижние пороги выстилают. И на те образы всякие вещи полагают, а люди, смотря в окна, лохтями опираются; иногда же случается, еже и ногами на них ступают; а егда коя плитка разбиется, то и во всеконечное попрание повергают их. А Благовещение Пресвятей Богородице видех и в лахани на дни изоображено, над чем всякую скверну от рук омывают! И то стало быть самое их люторское лютое святым образам ругание! А в иной лохани видех: Адам с Еввою изваян. А поганских, вышеозначенных и иных, никаких идолов в таковых бесчестных местех никогда не изоображают. И тем они еллинским богам честь отдают великую; а кии образы надлежало по християнству почитать, те образы ругают и ногами попирают. И посему они люторане не християне, но — лжехристиане. И такова ради их люторскаго безумия, ты, сыне мой любезный, с ними аще какое либо и содружие имети будеши, и велми бойся, дабы тебе чем от них не уморатися, понеже касаяйся пекле очернится и сообщаяйся с нечестивым точен ему будет.

Сонная греза аще кому будет, той да измыется, и в вечеру будет чист. 5 Моис., гл. 23, ст. 10–11.

Со скотом аще кто соблудить, смертию да умрет той блудник и скот. 2 Моис., гл. 22, ст. 19; 3 Моис., гл. 20, ст. 15–16.

Сосуд, не имый кровли, нечист есть. 4 Моис., гл. 19, ст. 15.

Спасение бывает во мнозе совете. Притч., гл. 11, ст. 14.

С премудрыми знаяйся премудр будет. Притч., гл., 13, ст. 21.

С ревнивым мужем не вечеряй и к себе в дом не зови. Притч., гл. 23, ст. 6–7.

Сребролюбивый человек не насытится сребра. Еклес., гл. 5, ст. 9.

С силным не бранись, да не когда в руце его впадеши. Сирах., гл. 8, ст. 1.

С страшливым о брани не советуй. Сирах., гл. 37, ст. 11.

Стара прелюбодея и богата лжива ненавидит Бог. Сирах., гл. 25, ст. 4.

Старцы ваша сония видят, и юноши ваша видения узрят. Иоил., гл. 2, ст. 28.

Старейшинство аще ти вручится, не возносись, но буди всем равен. Сирах., гл. 32, ст. 1.

Степени стезь разумнаго человека да трет нога твоя. Сирах., гл. 6, ст. 36.

Страшливому не повелел Господь на брань исходити. 5 Моис., гл. 20, ст. 8.

Строптивая помышления отлучают от Бога. Прем., гл. 1, ст. 3.

Стыдись от зрения жены блудницы. Сирах., гл. 41, ст. 25.

Студ есть наводяй грех, и есть студ — слава и благодать. Сирах., гл. 4, ст. 25.

Судящии земли вострубите правду. Прем., гл. 1, ст. 1.

Судейства не проси, да егда неправды с правдою разсудить не возможеши. Сирах., гл. 7, ст. 6.

Суета суетствий вся, на свете сущая, и изволение духа. Еклес., гл. 2, ст. 1–26.

Суетен тот человек, в нем же не лежит премудрость о Бозе. Прем., гл. 13, ст. 1.

Сыне, храни законы отца твоего и наказания матерня не отрини. Притч., гл. 6, ст. 20.

Сыне, почитай отца твоего делом и словом, да найдет на тя благословение от него: благословение бо отчее утверждает домы чад, клятва же матерня искореняет и основание. Сирах., гл. 3, ст. 8–9.

Сын аще непокорив будеть отцу своему, камением да побиен будет. 5 Моис., гл. 21, ст. 18–21.

Сын премудр веселит отца своего, а безумен печаль наводит. Притч., гл. 10, ст. 1.

Сын самоволный блудник будет. Сирах., гл. 30, ст. 8.

Сын наказан премудр будеть. Притч., гл. 10, ст. 5.

Сына своего наказуй, и возлюбит тя и даст лепоту души твоей. Притч., гл. 28, ст. 17.

Сына своего наказуяй — последи о нем насладится и похвалится о нем. Сирах., гл. 30, ст. 2.

Сына аще в наказании возрастиши, удивит тя; игранием же погубиши его. Сирах., гл. 30, ст. 9.

Сыну своему не давай воли в юности, но сокруши ребра ему, дондеже млад есть; а егда ожестет, не покориттися. Сирах., гл. 30, ст. 11–12.

Сусанну два старика увидевше в саду мыющуся, восхотеша изнасиловати ю и рекоша: аще ты с нами не пребудеши, то осуждена будеши на смерть. Она же лучши изволила умрети, нежели блуд сотворити. И егда она им не повинулася и блуда с ними не сотворила, оболгаша ю, якобы видели они ее с юношею прелюбы творящу; и по тому их ложному свидетелству осудиша ее на смерть. И то видев, Сусанна возопи гласом великим: о, Боже Всевидче, Ты веси, яко лжу на мя рекоша, и, ничтоже сотворив, умираю! И Господь воздвиже Даниила, еще юна суща, и той, вшед в сонм, возопи: аз чист есмь от крове сея неповинныя! И тогда людие вси возвратишася въспять и вопросиша Даниила: что есть его глаголь? Он же, седе на судищи, нача судящих судити и рече: разведите ми сиих старцов разно. И егда разведоша, рече первому: под каковым деревом видел еси сию с юношею блудящую? Он же рече: под терном. Потом другаго вопроси, и той рече: под чресминою. И вси людие, видевше ложное их послушество, воставше, убиша их камением, а Сусанну от неповинныя смерти свободиша. Данил., гл. 13, ст. 15–62.

Семя аще у коего мужа истечет, нечист будет не токмо он, но и прикоснувыйся ему; и для очищения да измыется водою, и ризы своя да измыет, и нечист будет до вечера. 3 Моис., гл. 15, ст. 1–7.

Т

Тайну цареву ангел Господень повелел хранити, а дела Божия проповедати. Тов., гл. 12.

Татя злее тот человек, иже присно лжот. Сирах., гл. 20, ст. 25.

Татя аще кто убьет в подкопании нощию, чист смерти; а аще убьет возсиявшу солнцу, то сам за него да умрет. 2 Моис., гл. 22, ст. 2–3.

Теля аще кто украдет и убьет, или продаст, пятерицею да возвратит. 2 Моис., гл. 22, ст. 4–7.

Тма, а не свет, несть ли день Господень, и мъгла неимущая света своего? Амос., гл. 5, ст. 20.

Тощь не явись пред Господем. Сирах., гл. 35, ст. 4.

Товиа воспитан бысть от юности своея во страсе Божии; и егда и в плен бысть взят, не вкуси от сквернаго хлеба; и за его благостыню Бог претворил сердце царево в щедрость. И царь, видя его кротость, учинил свободна и да идет, аможе восхощет, и дал ему

десять гривен сребра. Он же, ходя по своих и видя кого гладна, питаше, а нага одеваше и мертвых погребаше. Тов., гл. 1, ст. 10–17.

Товиа сотвори пир и посла сына своего, да позовет на обед тех, кии боятся Бога. Сын же изшед, обрете мертвое тело, лежащее на пути; возвратився, возвести отцу своему. И Товиа, оставив пиршество, иде и взя мертвеца в дом свой и в нощи погребе его. — Тов., гл. 2, ст. 1–7. — Зри, сыне мой, на Товиины дела и внемли. Се бо, отставив пиршество, да шед поднял мертвеца и вместо гостей принес его в дом свой и, управя, земли предаде. И еже он, оставив гостей, да мертвеца призрил и погреб, тако бысть Богу угодно, еже во время слепоты его, Товиины, послал Бог ангела Своего Рафаила, и той ангел, по повелению Господню, стараго Товию от слепоты избавил, сына же его юнаго Товию на Рагуилеве дочери ожени и богатство велие в дом Товиин внесе, о чесом явствует того же Товии 12 глава. Видиши ли, сыне мой, каково бе Богу угодно, еже, оставив пиршество, да и мертвому телу, без души сущему, милость сотворил! Колми же паче добро, аще кто живу сущу человеку добродетель какову сотворить!

Товиа егда ослепе, и — людие начаша ему поносити за его добродетелное житие, глаголюще: где твое упование? Такожде и жена его поношаше и укоряше его за добродетелное его житие. Он же, яко и Иов, благодаряше Бога; обаче, от великаго их стужания, нача молити Бога, дабы живот его прекратил, или, яко же весть, по Своей Божией воли сотворил. И по молитве возмнел, яко Бог молитву его приял и живот его вскоре прекратит, начал сыну своему Товии наказывать: как ему жить, и как матерь свою блюсти, и како с людми обходитися. И вся 4 глава в наказании скончися.

Товиа начал сыну своему наказывати, глаголя: Слыши, сыне мой, словеса уст моих, в сия во сердцы своем, яко основание, положи. Егда Бог приимет душу мою, тело мое погреби; матерь же свою, во вся дни живота ея, в чести имей и памятствуй, колики она, тебя ради, болезни в ношении, и в рождении, и в воспитании, и во учении твоем подъя. И во вся дни живота своего во уме своем да имеши Бога; и крепко стреги, дабы тебе ко греху каковому не поползнутися и заповеди бы Божия не преступити. От имения же твоего твори милостыню и не отврати лица своего ни от единаго убогаго; и аще сие сотвориши, то и от тебя Господь Лица Своего не отвратит. Елико можеши, толико буди милосерд: аще много у тебя будет,

изобилно подавай; а аще мало у тебя будет, то и малое благоволно участи подаяти. Мзду бо благу себе восприимеши в день потребный, ибо милостыня от всякаго греха и от смерти избавит и не оставит души твоея итти во тму. Упование велие будет пред Лицем Божиим милостыня всем, творящим ю. Вънемли себе, сыне мой, от всякаго дерзновения, и кроме жены твоея да не ослабиши себя, еже со иною женою грех блудный сотворити. И гордости к себе отнюд не припускай, понеже от нея начинается всякое губителство. И елицы нечто тебе соделают, вскоре им мзду их воздай; и мзды наемника твоего отнюд у себя не удержи. Какова дела ни от кого себе не хощеши, таковаго дела и ты никому да не сотвориши. Хлеб твой с алчными и требующими яждь, и от одежд твоих нагих одей; хлеб твой и вино твое при погребении праведнаго давай, и не яждь его, ниже пий со грешники. Совет себе всегда от мудра человека поищи. И во всяком деле, во всякое время благодари Бога и проси у Него, да вси твои путие управит и вся советы твоя в Нем да пребывают. Сказую же ти, сыне мой: аще и нищетно житие живем, но многа блага имети будем, аще в страсе Божии жити будем, и от всякаго греха отступим, и сотворим дела благая. Зри, сыне мой любезный, како Товиа праведный сыну своему завещеваше. Аз же, аще и грешен есмь, обаче тая же тебе завещеваю. Господа ради, сам себя от всякаго греха, наипаче же блюдися от блуда. В мысли своей Единаго Бога имей и на мал часть из мысли своея не испускай Его; аще яси или пиеши, аще стоиши или седиши, аще путем идеши, или и ино что твориши, отнюд из мысли своея Его, Господа Бога, не испускай. И аще ты Бога своего непрестанно будеши памятствовати, то и Он тебя нимало не оставит, и приводящего тя на грех диавола не допустит до тебя. И аще всего себя в волю Его Божию отдаси, то Он тя яко же весть управит и, имиже весть судбами, до грехопадения тя не допустит. Велми бо полезно, еже Бога присно во уме своем имети.

Третий юноша рек, яко несть на свете силнее жены. 2 Ездра, гл. 4, ст. 14–32.

Треми трясется земля, четвертаго же понести не может: аще раб воцарится, а безумный исполнится пищею, и раба аще ижденет госпожу свою. Притч., гл. 30, ст. 21–22.

Три виды возненавидит душа моя: убога горда, богата лжива и стара прелюбодея. Сирах., гл. 25, ст. 3–4.

Тело тленное отягчает душу, а земное житие одебелевает ум. Прем., гл. 9, ст. 15.

У

У Ахава царя было семдесят сынов. И егда прия царство Иуе, и той повелел всем тем царским сыновам отсещи главы; потом после проповедники повъсюду, дабы вааловы жерцы и вси служители его снидошася жрети идолу Ваалу жертву; и егда безопасно вси снидошася, тогда Иуе царь повелел всех их яти, да не избудет от них ни един; и тако вааловых жерцов и всех служителей изсекоша. — 4 Цар., гл. 10, ст. 6–10; 18–28. — Тако бо всегда подобаеть врагов Божиих истребляти и жить не попускати.

Убивай пред царем нечестивых. Притч., гл. 25, ст. 5.

Убогих людей съсужай рукою неоскудною. 5 Моис., гл. 15, ст. 7–11.

Убогим людям кто дает, не оскудеет. Притч., гл. 28, ст. 27.

Убогий возглаголет и — никто его послушает. Сирах., гл. 13, ст. 29.

Убогих друзей богатии не любят. Притч., гл. 14, ст. 20.

Убога горда, стара прелюбодея ненавидит Бог. Сирах., гл. 25, ст. 4.

Увечные скотины не повелел Господь приносить на жертву и никакова порочнаго приношения в дар Богу не приносить. 5 Моис., гл. 15, ст. 21.

Угль горящий серафим, слетев с небесе, подаде Исаиию. Исаии, гл. 6, ст. 6.

Уничижаяй малая дела чуждая, помале сам упадет. Сирах., гл. 19, ст. 1.

Уповай на Бога всем сердцем. Притч., гл. 3, ст. 5.

Устнами Мя сии люди чтут, сердце же их далече отстоить от Мене; вотще чтут Мя, учаще заповеди человеческия. Исаии, гл. 29, ст. 13.

Уста лжущаго убивают душу. Прем., гл. 1, ст. 11.

Усопших издревле поминали и жертву о них приносили. 2 Мак., гл. 12, ст. 40–46.

У убогаго, или у вдовицы, не приемли одежды в залог, ни жернова; но даждь без залогу, да благословить тя Богъ. 5 Моис., гл. 24, ст. 12–13.

У царя не проси седания славы. Сирах., гл. 7, ст. 4.

Учители, кои учить будут несогласно с Господними словами, и таковых учителей повелел Бог убивати до смерти. — 5 Моис., гл. 18, ст. 20. — И на сие зря, всякий человек да не усумневается, еже развращающих правую христианскую веру предавать на смерть и убивать их. О сем бо уже я в новой благодати Господь подкрепил, глаголя: всякое древо, не творящее плода добра, посекается и во огнь въметается. Матф., гл. 3, ст. 19. — И паки Господь, уча нас, рек: лучши есть, да обесится на выи его жерновный камень и вержен будет в море, нежели соблазнит единаго от верующих в Мя. Той Господень глагол три евангелисти засвидетелствовали: Матф., гл. 18, ст. 6; Марко, гл. 9, ст. 41; Лука, глава 17, ст. 6. — А Исус Сирахов не повелевает таковых и заступати: гл. 12, ст. 4.

Х

Хваляй друга своего велиим гласом — кленущаго ничимъже разньствует. Притч., гл. 27, ст. 14.

Хлеб един и опреснок един приносить в жертву по обещанному молению. 4 Моис., гл. 6, ст. 19–20.

Хулному мужу и завистливу не лепо есть богатство. Сирах., гл. 14, ст. 3.

Ѿ

От блуда зачатыя чада не въкоренятъся в корень, и ветви их не сотворят плода. Сирах., гл. 23, ст. 34.

От всякаго слова неправаго да отступиши. 2 Моис., гл. 23, ст. 7.

Отвращаяй очи своя от убогих в скудости множей будет. Притч., гл. 28, ст. 27.

От жены красные отврати око твое и не глядай чуждые доброты. Сирах., гл. 9, ст. 8.

От жены начаток греха, тою и умираем вси. Сирах., гл. 25, ст. 27.

От злаго пути отврати ногу твою. Притч., гл. 4, ст. 27.

Отъимите лукавство от душь ваших пред очима Моима, — и аще греси ваша будут червлени, яко снег убелю их, а аще будут яко багр, то яко волну убелю их. Исаии, гл. 1, ст. 16–18.

Отъиму дивна советника и мудра художника и разумна послушника, и поставлю им князя юна, и ругатели обладают ими. Исаии, гл. 3, ст. 1–4.

Отлучают от Бога строптивая помышления. Прем., гл. 1, ст. 3.

От любодейцы далече путь свой сотвори. Притч., гл. 5, ст. 8.

От неправды отступи и — уклонится от тебя. Сирах., гл. 7, ст. 2.

От похотей плотских апостол повелевает отгребатися. 1 Петр., гл. 2, ст. 11.

От праведных твоих трудов чти Господа. Притч., гл. 3, ст. 9.

От рук пастырей взыщет Господь погибающих человеков. Иезек., гл. 34, ст. 10.

От Сиона изыдет закон и слово Господне от Иерусалима. Исаии, гл. 2, ст. 3.

От скверны омывыйся и паки оскверняяйся, то кая полза во омовении его? Сирах., гл. 34.

От тысящи знаемых истинный советник един. Сирах., гл. 6, ст. 6.

От тысящи мужа единаго обретох, жены же ни единые от сих. Еклес., гл. 7.

От уст жены любодейцы мед каплет, последи же горчае желчи будет. Притч., гл. 5, ст. 3–4.

От язычные язвы падоша множае меча. Сирах., гл. 28, ст. 20–21.

Ц

Царь дерз въпадет в зло, совет же мудрых избавит его. Притч., гл. 13, ст. 18.

Царь где юн, тому граду горе. Еклес., гл. 10, ст. 16.

Царь аще правдолюбив, то пред очию его ничтоже лукаво станет. Притч., гл. 20, ст. 8.

Царя и в мысли своей не клени. Еклес., гл. 10, ст. 20.

Царю право судящу убогих, престол устроится. Притч., гл. 29, ст. 14.

Царю слушающу словес неправедных, то вси пред ним законопреступницы имут быти. Притч., гл, 29, ст. 12.

Царево сердце необлично. Притч., гл. 25, ст. 3.

Царево прещение подобно лвову рыканию. Притч., гл. 19, ст. 12.

Церковникам земли Бог не повелел давать, но повелел им питатися от церкве. 5 Моис., гл. 14 и 18.

Церковникам и вина пить не повелено. Иезек., гл. 44, ст. 21.

Ч

Чада аще имаши, наказуй их и от юности преклони выю их. Сирах., гл. 7, ст. 25.

Чада, от прелюбодеяния рожденные, совершенны не будут. Прем., гл. 3, ст. 16.

Чад своих како мать утешает, тако Аз, глаголет Господь, утешу вас. — Исаии, гл. 66, ст. 13. — И сего ради ты, сыне мой, держися всею своею силою Господа Бога, дабы, по реченному Своему слову, утешил тебя Бог яко мать — младенца. А аще прогневаеши, то злс наказан будеши.

Человек незлобивый всякому слову веру емлет. Притч., гл. 14, ст. 15.

Человек излише скота ничтоже имать. Еклес., гл. 3, ст. 19.

Человеческо есть, еже мысль уготовити; Господне же — еже устроите. Притч., гл. 16, ст. 1.

Червь их не скончается и огнь их не угаснет. Исаии, гл. 66, ст. 24.

Черви Антиоха царя жива снедоша, и смрад от него такой был, еже от человек никтоже можаше его стерпети. 2 Мак., гл. 9, ст. 9–10.

Четыре посты Господь Захарии пророку объяви и прирече, яко будут они в радость. Захар., гл. 8.

Четыре животна явишася и коемуждо животну по четыре лица: овому лвова, овому телча, овому же орля, и овому человеча. Иезек., гл. 1, ст. 4–10; гл. 10, ст. 14.

Чти Господа от праведных твоих трудов. Притч., гл. 7, ст. 1.

Чти Господа и укрепишися. Притч., гл. 7, ст. 1.

Чти отца твоего и матерь твою, да благо тебе будет. 5 Моис., гл. 5, ст. 16.

Чти врача противо потребы его, Господь бо созда его. Сирах., гл. 38, ст. 1.

Чти отца твоего словом и делом, да найдет на тя благословение от него: благословение бо отчее утверждает домы чад. Сирах., гл. 3, ст. 8–9.

Что тебе вручено, то и разумевай. Сирах., гл. 3, ст. 22.

Чужой суд аще заступаеши, то яко пса за хвост держиши. Притч., гл. 26, ст. 17.

Чуждая уста да хвалят тя, а не твоя. Притч., гл. 27, ст. 2.

Ш

Шесть дней делай, седмый же день святи и никакова работнаго дела не твори в нем; и скот твой да не работает той день. 5 Моис., гл. 5, ст. 13–14.

Ѧ

Явлен бых не ищущим Мене, обретохъся не вопрошающим о Мне, рекох: се есмь, той стране, иже имяне Моего не призваша. Исаии, гл. 65, ст. 1.

Яждь предложенныя та яди и не разгребай, да не возненавиден будеши. Сирах., гл. 31.

Яму другу своему изрывый — сам въвалитъся.

Ярость царева — посол смерти. Притч., гл. 16, ст. 14.

ПРЕДИСЛОВИЕ ЧИТАТЕЛЕМ

Сие ***Завещание*** написах аз сыну своему Николаю вины ради сицевыя. Аз денми жития своего состарехъся, — прейде бо ми от рождения моего шестьдесят седмь лет, — сын же мой бе токмо седми лет; и, по житию века человеческаго, последние дни аз доживаю, и совершеннаго возраста сына своего ми видети не лет есть, и учить ми его, како ему жити в Законе Божии, и како во гражданъстве пребывати, и како себя опасно вести, — некогда. А каково житие его будет, или х каковому делу или чину присутствен будет, аз есмь неизвестен. И того ради написах всяких чинов пределы: како пребывати во гражданъских чинех, и како в духовных, и како долголетну ему быти. И предъложих ему, да буде в коем чине быти ему случится, то в таковое завещанное мое предложение да взирает и, как ему в нем пребывать, оттуду да взимает: вся бо тамо обрящет. Вместо бо изоустнаго своего научения и всякаго наказания оставляю сие мое Завещание. С сим же Завещанием и благословение свое отеческое оставляю ему. Аще бо, сыне мой, в каковом чине ни будеши, а моего наказания не забудеши и будеши вся управляти по предложенному ти моему Завещанию, то[468]...

КОММЕНТАРИИ

Доношение Петру I

Впервые опубликовано: *Есипов Г.* Иван Посошков // Русское слово, 1861. № 7. Печатается по: *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве / Редакция, вступительные статьи и примечания Б. Б. Кафенгауза. М., 1937. С. 93–95.

1 Титул «Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого» был поднесен Петру I Сенатом 22 октября 1721 г., в день празднования победы России над Швецией в Северной войне (1700—1721). Выход России к Балтике означал превращение России в мировую державу.

2 Мизирный — меньший, незнатный.

Книга о скудости и богатстве

Впервые опубликовано: Сочинения Ивана Посошкова, изданы на иждивении Московского Общества истории и древностей российских Михайлом Погодиным, профессором русской истории. М., 1842. Печатается по: *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве / Редакция, вступительные статьи и примечания Б. Б. Кафенгауза. М., 1937. С. 99–318.

3 Синклит — высшая духовная или светская коллегиальная власть.

4 Пресвитер — священник.

5 Алтын — 3 копейки.

6 Компанства (кумпанства) — компании, организовывавшиеся на основе совместной торговой или промышленной деятельности. Объединения купцов для торговли, компании, или «складные торги», были известны с давних пор. Они обеспечивали большую устойчивость капиталов, надежность торговой деятельности. Начиная с петровского времени организация компаний была поставлена на уровень государственной политики. Правительство, учитывая экономическую слабость купечества, поощряло заведение компаний, предоставляя им ссуды, льготы и различные привилегии, вплоть до монополии на торговлю и производство определенных изделий.

Кортома — условленная плата за наем или аренду.

8 Деньга — монета в полкопейки.

9 В петровское время церковная реформа, растянувшаяся на два десятилетия, завершилась в 1721 г. ликвидацией патриаршества, замененного Святейшим Синодом, органом коллегиального управления церковью. Это означало включение церкви в систему государственных институтов. Главные положения церковной реформы были изложены в Духовном регламенте 1721 г. В том числе в нем обращалось внимание на усиление проповедничества как на основную задачу церкви и создание системы духовного образования как условие повышения уровня профессиональ-

ной подготовки духовенства, остававшегося крайне низким. Важной задачей являлось искоренение в среде духовенства всяких «непотребств», связанных с его чрезвычайно низким моральным уровнем.

10 Недельный (день) — воскресный.

11 Совместный указ Сената и Синода 1722 г. вменял священникам в обязанность побуждать прихожан ходить в церковь в воскресные и праздничные дни и установил штрафы за «небытие на исповеди». Он также ввел обязательность крещения в церкви детей староверов, совершения исповеди и причастия с 7-летнего возраста.

12 Ереси (религиозные) — уклонение от основных положений господствующей религии и установленных церковью правил. С точки зрения православного сознания, к их числу Посошков относил все вероучения, отличные от православия, в том числе католицизм («римскую ересь») — христианское вероисповедание с церковной организацией, возглавляемой римским папой, протестантские вероучения (лютеранство, кальвинизм), униатство и др.

13 Раскол (старообрядчество) — религиозно-общественное движение в России, начавшееся в середине XVII в., особенно после Церковного собора 1666–1667 гг., по решению которого казнили или сослали идеологов раскола, не принявших церковно-обрядовую реформу патриарха Никона. Правительство Петра I отошло от однозначно репрессивной по отношению к старообрядцам политики предшествующих царствий. Указы 1716–1718 и последующих годов о переписи всех «раскольников», о расположении на них двойного оклада, ношении особых платья и знаков означали фактическую легализацию старообрядчества. Отныне Петр I со свойственным ему прагматизмом и стремлением к достижению «государственного интереса» и экономической выгоды карательные меры по отношению к приверженцам «раскола» подчинил фискальным целям. В то же время были приняты меры, направленные на искоренение «раскола» и сокращение числа его сторонников.

14 Дробный — подробный.

15 Хотя первые школы при архиерейских кафедрах и на их средства появились уже в начале XVIII в., а неоднократно издававшиеся указы требовали ставить на церковные должности только лиц, прошедших школьный курс, однако из-за малочисленности школ, существовавших не во всех епархиях, таких «ученых» кандидатов не хватало. До конца столетия школьное образование не стало всеобщим и обязательным в среде духовенства.

16 Причетники — церковнослужители (чтецы, певцы, дьячки, пономари и пр.).

17 Литургия — главное христианское богослужение, на котором совершается таинство евхаристии. По церковному преданию, литургия включает ритуальные действия, символизирующие жизнь и смерть Христа, чтение

отрывков из Библии, молитвы и песнопения. Сложилось три чина литургии. Два основных — литургия Иоанна Златоуста и литургия Василия Великого, отличаются редакцией, протяженностью молитв и песнопений. Литургия Василия Великого является по времени более продолжительной, совершается десять раз в году. Литургия Преждеосвященных Даров совершается по средам и пятницам Великого поста и в первые три дня на Страстной неделе. Литургия начинается проскомидией, которая происходит в алтаре при закрытых дверях. Строго соблюдая ритуал, священник вырезает части из пяти просфор и наливает вино в чашу. Затем следует литургия оглашенных. Центральное место занимает выход клира из алтаря с Евангелием. Третья часть называется литургией верных. Главные обряды совершаются в алтаре. Священник, читая молитву, смешивает вино с водой, опускает хлеб в вино, освящает дары, превращающиеся в Тело и Кровь Христовы. Причащаются сначала священник и дьякон, а затем миряне. Происходит утром или в первой половине дня (обедня).

[18] «Маргарит» — название книги поучений, извлеченных из сочинений Иоанна Златоуста.

[19] «Четья минея» — книга, предназначенная преимущественно для внебогослужебного чтения. Содержит жития святых, сказания о церковных праздниках и поучения. Текст в ней располагается по дням каждого месяца в соответствии с праздниками и днями памяти святых. В «Минеи месячной» содержатся богослужебные тексты на один месяц, реже на два, три и более.

[20] Лютеранство и кальвинизм — протестантские вероучения, возникшие в XVI в., первое — в Германии, второе — в Швейцарии, в процессе Реформации. Названия происходят от имен их основателей — М. Лютера и Ж. Кальвина. Протестантизм отрицал посредническую роль церкви и духовенства между Богом и верующими, монашество, культ святых, почитание икон.

[21] «Камень Веры» — полемический трактат Стефана Яворского, написанный в 1718 г. Содержал православные догматы и был направлен на опровержение лютеранства. В контексте проводившихся Петром I преобразований в церковно-религиозной сфере, которые воспринимались как движение к протестантизму, содержащиеся в трактате идеи незыблемости православия, традиций русской церковной жизни означали борьбу против подчинения церкви государству, за сохранение ею ведущих позиций в духовной жизни общества. Не случайно Петр запретил печатать это произведение. Стефан Яворский (1658—1722) — митрополит Рязанский и Муромский, в 1700—1721 гг. — местоблюститель патриаршего престола, с 1721 г. — президент Духовной коллегии (Синода).

[22] «Розыск о брынской вере» — сочинение митрополита Дмитрия Ростовского (1709), содержит критику старообрядчества. «Зеркало Очевидное»

(1708) — сочинение И. Т. Посошкова, также посвященное полемике со старообрядцами. Под книгой, названной «Пращей», имеется в виду сочинение нижегородского митрополита Питирима «Пращица духовная к раскольникам...» (1717).

[23] Униатство — христианская церковь, возникшая в результате унии, заключенной в 1596 г. между православной и католической церквями, по которой сохранялись православные обряды, но главой церкви признавался римский папа.

[24] Арианство — учение александрийского священника Ария, возникшее в начале IV в. в христианстве. Ариане отрицали Божественную сущность Христа, который как творение Бога, по их учению, подобосущен Богу-Отцу. Осуждено на I Вселенском соборе в Никее (325).

[25] Несторианство — течение в христианстве, основанное константинопольским патриархом Несторием (V в.), утверждавшее, что Христос рожден человеком и лишь потом стал Сыном Божьим (мессией). Осуждено как ересь на Эфесском соборе в 431 г.

[26] Триодь — церковная богослужебная книга, содержащая песнопения и молитвы; Осмогласник — октоих, книга церковных недельных служб.

[27] «Завещание отеческое сыну» *(1719)* — сочинение И. Т. Посошкова; впервые по неполной рукописи издано в 1873 г.; полное издание: «Завещание отеческое», соч. И. Т. Посошкова. Новое издание под ред. Е. М. Прилежаева. СПб., 1893. Публикуется в настоящем издании.

[28] Псалтирь — книга, приписываемая царю и пророку Давиду, содержит 150 псалмов; читалась на церковных службах в течение недели, а в Великом посту — дважды в неделю.

[29] Клеврет — тот, кто входит в круг лиц, составляющих чье-либо ближайшее окружение.

[30] Законник — а) знаток религиозного вероучения; б) священнослужитель, монах.

[31] В отличие от Западной Европы, где содержание церковников регулировалось правовыми нормами (оно включало церковную десятину — одну десятую часть любых доходов мирян, приношения прихожан и земельный участок), в России до середины XVIII в. источники материального обеспечения приходского духовенства четко определены не были. Для большинства сельских священников основным источником существования была земля, которую они сами обрабатывали. Еще один источник дохода — плата за исправление «треб» — не был постоянным и зависел от степени расположения прихожан к своему священнику. Введение в 1722 г. «штатов» приходского духовенства, по которым его численность зависела от величины прихода, не сопровождалось обещанным Духовным регламентом определением размера годового налога прихожан в пользу причта своей церкви. Посошков предлагал установить его в размере одной десятой дохода. Идея достойного материального обес-

печения приходского духовенства была близка и другим публицистам. Так, В. Н. Татищев предлагал ввести для этого ежегодные сборы по 3 копейки с души. См.: *И. Т. Посошков.* Книга о скудости и богатстве. Редакция, вступительные статьи и примечания Б. Б. Кафенгауза. М., 1937. (Далее — *Кафенгауз Б. Б.* Указ. соч.) С. 322.

32 Погост — а) место вокруг приходской церкви, где погребают тела умерших христиан; б) округ нескольких деревень, принадлежащих к одной волости; в) торговый, административный или религиозный центр.

33 Овин — а) строение для сушки хлеба в снопах; б) мера хлеба в снопах.

34 Яренка — сукно.

35 Блат — грязь.

36 В ходе Северной войны были осуществлены крупные военные преобразования. Их результатом стало создание регулярной, национальной по своему составу и обладавшей первоклассными боевыми качествами армии, комплектовавшейся на основе рекрутской системы. Единые принципы формирования армии дополнялись созданием типового вооружения, единой военной формой, едиными принципами боевой подготовки войска, закрепленными Воинским уставом 1716 г. В нем высоко поднималось звание солдата. Оно включало «всех людей, которые в войске суть, от высшего генерала даже до последнего мушкетера, конного и пешего». Была введена присяга. Главный недостаток рекрутской системы — невозможность получения обученных солдат для армии и обученных резервов, что определяло необходимость постоянного содержания большой армии и в мирное время. Тяжесть ее обеспечения за счет прямых налогов и рекрутской системы падала на крестьян и посадских людей. Военные расходы России в 1725 г. поглощали почти две трети государственного бюджета. Помимо численности армии, это обусловливалось ограниченными возможностями российской экономики и платежеспособностью тяглого населения, а также неравномерностью распределения бремени налогов.

37 Гривна (гривенник) — серебряная монета в 10 копеек.

38 Воинский устав 1716 г. определил порядок отвода квартир, количество постояльцев, помещаемых в одну квартиру, обязанности домохозяина и наказания за обиды, причиняемые постояльцами домохозяевам. Однако принадлежность домохозяев к тяглым сословиям давала возможность офицерам-дворянам применять по отношению к ним грубое насилие и произвол. Вопрос об изменении организации постойной повинности поднимался в доношениях купцов на протяжении всего XVIII в.

39 Лудан (лаудан) — сорт шелковой ткани.

40 Камка — шелковая цветная узорчатая ткань.

41 Фузея — кремневое ружье.

42 Пищаль — ручное огнестрельное оружие. Находилось на вооружении русских войск в XV–XVIII вв.

[43] Пищаль затынная — артиллерийское орудие типа пушки.
[44] Ратовище — древко копья.
[45] Четверть — здесь: мера длины (четвертая часть аршина), равная 17,77 см.
[46] Батоги — палка, толстый прут, употреблявшиеся для телесного наказания.
[47] Посылки — то, что послано, передано с кем-либо. Здесь: в смысле присылки вызова в суд для разных уточнений по следствию.
[48] Докука — просьба, особенно настойчивая, повторная.
[49] Преображенское — подмосковное село, где находился Преображенский приказ, получивший исключительное право следствия и суда по политическим преступлениям. Во главе его стоял кн. Федор Юрьевич Ромодановский, носивший титул «князя-кесаря».
[50] Деловой человек — категория зависимых людей.
[51] «Слово и дело государево» — преступления против государства, личности государя и его окружения; были отнесены к разряду политических, а следствие по ним имело специфические черты розыска (участие судьи в расследовании, применение пытки и пр.).
[52] В начале XVIII в. в течение недолгого времени разрешалась свободная запись в солдаты Преображенского полка людям всех чинов. В дальнейшем добровольная запись в солдаты крепостных крестьян была запрещена. Указ 1722 г. позволял холопам записываться в солдаты, но по-прежнему запрещал делать это пашенным крестьянам.
[53] Великий пост — самый продолжительный, строгий и особо значимый пост в церковной жизни христиан, приготовляющий их к Пасхе — важнейшему празднику христианского календаря. «Петров день» — праздник апостолов Петра и Павла (12 июля).
[54] Устрика — село, расположенное при впадении р. Увери в озеро Коробожи, в 180 км от Новгорода.
[55] Целовальник — служитель казенных заведений, при вступлении в должность целовал крест.
[56] *Голицын* Дмитрий Михайлович — в описываемое Посошковым время (1719) был сенатором и президентом Камер-коллегии, в ведении которой находилась доходная часть государственного бюджета и в том числе прямые и косвенные налоговые поступления в казну.
[57] Подряд — поставка частными лицами необходимых казне товаров на основе договоров, заключаемых ими с государственными учреждениями. Торговля водкой являлась монополией казны, поэтому ее поставка с частных винокуренных заводов осуществлялась также по подрядам.
[58] Заговенье — канун поста.
[59] Приказ — государственное учреждение центрального ведомства.
[60] Товарищ — здесь: помощник, заместитель.
[61] Сице — так; сицевой — такой.
[62] Тонкостный — острый, проницательный, ловкий, хитрый.

63 Розыск — розыскной процесс с применением судебного дознания, очной ставки и пытки. Применялся в уголовных делах и там, где были затронуты интересы государства, здоровья и чести государя, в так называемых делах по «слову и делу».

64 Повальный обыск — опрос всех жителей в округе до 20 и более верст. В древности имел значение безусловного доказательства как выражение общественного мнения местного мира. В XVII–XVIII вв. он сохранил ограниченное значение в качестве массового свидетельства. См.: *Кафенгауз Б. Б.* Указ. соч. С. 325–326.

Сказка (скаска) — здесь: запись официального показания в чем-нибудь.

66 Заметка читателя, попавшая при последующей переписке в текст. Курсив составителя.

67 Зловерие — вероотступничество, язычество; ересь.

68 Ябедник — наемный ходатай, адвокат.

69 Проесть — расходы, издержки, связанные с ведением судебного дела, тяжбы.

70 Бурмистр — выборное из числа посадских людей должностное лицо, ведавшее судом и сборами государственных налогов с населения.

71 Доимка — задолженность.

72 Откупа — передача казной исключительного права сбора государственных налогов и торговли определенным видом товара частным лицам (откупщикам) за определенную денежную сумму.

73 Первый незначительный опыт государственного кредитования торговли относится к деятельности Монетной конторы в 30-е гг. XVIII в. Но фактически вплоть до учреждения в Петербурге в 1754 г. Купеческого банка в России не было государственного кредитования частных торговых операций.

74 Имеются в виду учреждения (Приказ крепостных дел, а с 1719 — крепостные конторы), в которых регистрировались частно-правовые сделки.

75 Иманцы — здесь: лица, берущие кредит.

76 Соборное Уложение — свод законов, принятый на Земском соборе в 1649 г.

77 Фискалы — лица, назначавшиеся или избиравшиеся (в городах) для государственного контроля и надзора за судом и сборами податей, взятками, кражей казны, соблюдением указов. Подчинялись обер-фискалу. Институт фискалов существовал в 1711–1729 гг., но еще раньше начал вытесняться созданной в 1722 г. системой прокуратуры во главе с обер-прокурором Сената, «оком государевым».

78 Бытность — здесь: реальные условия жизни.

79 Козел (козлы) — подставка на ножках в распорку различного назначения.

80 Нетопырь — летучая мышь.

81 Пыха — спесь, гордость.

82 Соборное Уложение 1649 г., гл. XX, ст. 117–120.

83 Возгри — мокрота, сопли.

[84] Вино корчемное — здесь: тайно изготовляемые крепкие хмельные напитки. Государственная монополия на винокурение и продажу вина впервые введена в 1470 г.

[85] Четвертчик — правитель округи, области (от «четверть» — область, округа).

[86] Слинять, отлинять, отлынять — уклоняться, отбывать от дел.

[87] Молодик — молодой человек.

[88] Имеется в виду смотр служилых людей, проведенный в Москве в 1721–1722 гг. Такие вызовы дворян в старую и новую столицы периодически производились в целях проверки соответствия их занимаемой должности и пресечения уклонения от военной службы.

[89] Регула — правило, установление.

[90] Указом 19 февраля 1721 г. размер «пожилого», взимаемого с помещика за прием беглого крестьянина, определялся суммой в 20 руб. за каждый год, прожитый крестьянином в бегах. За прием беглого после издания этого указа штрафная сумма возрастала в 4 раза.. Помещик освобождался от уплаты «пожилых», если крестьяне были приняты без его ведома старостой или приказчиком. Эта оговорка вызвала негодование Посошкова, который видел в ней покровительство крупным владельцам, безнаказанно укрывавшим беглых крестьян. В 1722 г. в новом указе было разъяснено, что освобождение от уплаты «пожилого» возможно только после тщательного расследования относительно виновности владельца или приказчика. См.: *Кафенгауз Б. Б.* Указ. соч. С. 327–328.

[91] Маетность — дворянское имение; черкассы — название жителей Украины.

[92] Соборное Уложение 1649 г., гл. X, ст. 18.

[93] Правеж — принудительное взыскание долговых денег в пользу истца; состоял в том, что должника ежедневно выводили на площадь перед судом и били палками (батогами) по ногам в течение нескольких часов. Если по истечении срока правежа должник отказывался от уплаты, то он становился кабальным холопом истца, при этом каждый год работы мужчины оценивался в размере 5 руб., а женщины — в 2 руб. 50 коп. Правеж был отменен в 1718 г. По Уложению 1649 г. (гл. X, ст. 261) за каждые 100 рублей долга полагался месяц правежа. См.: *Кафенгауз Б. Б.* Указ. соч. С. 328–329.

[94] Ценовщики — выборные служители из числа купцов, определяющие цену конфискованного имущества; находились также при различных учреждениях для оценки казенных товаров.

[95] Петр I с его жестким принципом «государственной пользы» немало потрудился над искоренением нищенства как явления, желая пресечь для работоспособной части гулящего люда возможность пропитания за счет подаяния. Введенные им новации касались не только наказаний нищих, но и, что было вовсе противно обычаям православной жизни, подателей милостыни. Указы 1718 и последующих годов под угрозой

штрафа (от 5 до 10 руб.) запрещали подавать милостыню и повелевали задерживать бродячих нищих. Наказанию подлежали и хозяева нищих, помещики, старосты и приказчики, с которых «за неусмотрение» за каждого человека взималось по 5 рублей штрафа. Сенатский указ от 23 октября 1723 г. увеличил штраф с помещиков, отпускавших своих людей просить милостыню, до 40 рублей за каждого нищего (ПСЗ-I. Т. IV. № 2467. Т. V. № 3213. Т. VI. № 3945).

[96] «В люди жить» — здесь: жить и работать у кого-либо за прокормление.

[97] Ярыжка, ярыга — работник, батрак.

[98] Зернь — игра в кости.

[99] Кубарь — детская игрушка наподобие волчка.

[100] Бить яйцами — род простонародной забавы или игры: когда бьют яйца по очереди тельцом. У кого останется от всех целое яйцо, тот все битые яйца выигрывает.

[101] Гуляк — человек, не имеющий постоянного места жительства, бродяга.

[102] Хоженое (хожалые деньги) — плата рассыльному от суда на счет оповещаемого.

[103] В ряде статей (9–13, 15, 16 и др.) главы XXI Уложения 1649 г. за уголовные преступления (воровство, мошенничество, разбой) помимо тюремного заключения и ссылки в «украинные города» предусматривалось наказание кнутом и отрезание уха. Третья и четвертая кражи, а также повторный разбой без убийства карались смертью.

[104] В условиях поиска средств на ведение Северной войны политика Петра I по отношению к купечеству и торговле отличалась крайней жесткостью. Она характеризовалась введением новых налогов, увеличением бремени повинностей купцов, утверждением казенных регалий, принудительными мобилизациями и переселением, регламентацией деятельности купечества и в целом сокращением источников накопления купеческого капитала. В эти же годы острая военно-политическая и хозяйственная потребности в возникновении крупного производства в стране определили «лихорадочное» строительство на казенные средства заводов и мануфактур. В преддверии близкого окончания войны в конце 2-го десятилетия XVIII в. правительство переходит к принципам протекционизма в торгово-промышленной политике. Это проявилось в снижении вдвое по сравнению с иностранцами размера пошлин за вывозимые товары и установлении высоких таможенных пошлин на те из ввозимых в страну иностранных товаров, выпуск которых уже был налажен в России, в отмене большинства казенных монополий, а также оказании разнообразной материальной, социальной и организационно-технической поддержки частным промышленникам. По свидетельству современников, сам Петр I не раз «жаловался, что из всех правительственных дел нет ничего для него труднее торгового дела». См.: *Фоккеродт И.Г.* Россия при Петре Великом // ЧОИДР. 1874. Т. II. С. 73.

[105] Магистраты — выборные органы управления городским тяглым (посадским) населением. Возникли в 1721–1722 гг. В круг дел магистратов входили полицейские, податные, судебные и хозяйственные функции.

[106] Укол — тягло, пай, уплата сполна или вперед.

[107] Четверть и осьмина — меры сыпучих тел, четверть равна 2 осьминам, или 8 пудам зерна ржи.

[108] Сугубо — вдвойне, вдвое больше.

[109] Заметка читателя, попавшая при последующей переписке в текст. Курсив составителя.

[110] Локоть — древнейшая мера длины, определяемая расстоянием от конца вытянутого среднего пальца руки или сжатого кулака до локтевого сгиба. Размер локтя колебался от 38 до 46 см.

[111] В петровское время старинную русскую денежную систему сменила более совершенная десятичная система, при которой основные монетные единицы относились друг к другу как 1:10:100. Только в самом конце XVIII в. десятичная монетная система появилась во Франции и Соединенных Штатах, в других странах она распространилась еще позднее. Были введены новые номиналы монет: к серебряным копейкам добавились алтын, равный 3 копейкам, пятачок («десять денег»), гривенник, полуполтина («четвертак»), полтина, а с 1704 г. — рубль, прежде являвшийся только счетной единицей, равной 100 копейкам или 200 деньгам. С 1718 г. мелкая разменная монета ниже гривенника (полушка — четверть копейки, денежка — полкопейки, копейка, алтын и пятачок) чеканилась только из меди. Ефимком в России называлась иноземная серебряная монета талер, в среднем весом в 6 2/3 золотника (от названия немецкого города Иохимсталь). Ефимки покупались казной для денежного передела. Золотая монета — червонцы — первоначально чеканилась в виде монеты высокой пробы без обозначения цены (соответствовала международной валюте — золотому дукату), а к концу царствования Петра I стали делать золотые двухрублевики 75-й пробы, весом близкие к золотнику, т. е. 1/96 фунта. Отмеченный Посошковым рост цен на зарубежные товары касался и товаров отечественного производства и был результатом эксплуатации правительством монетной регалии в целях получения от нее максимальной прибыли (уменьшение веса монеты, понижение пробы, массовая чеканка малоценной медной монеты). См.: *Юхт А.И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 13–36.

[112] Штофы — шелковые ткани.

[113] Гарус — шерстяная пряжа и ткань из этой пряжи.

[114] Бить — тонкая расплющенная золотая или серебряная проволока, употребляемая в золотошвейном производстве.

[115] Вохра — желтая земляная краска; черлень (червлень, черледь) — яркокрасная вохра; празелень — бледнозеленая краска; пульмент — состав под позолоту, полимент.

[116] Кармазинное сукно — тонкое ярко-красного цвета сукно.
[117] Лудан — шелковая ткань вида камки.
[118] Трип — ткань шерстяная на льняной основе, с ворсом.
[119] Гости и гостиная сотня — высшие категории привилегированного купечества в России XVI — первой четверти XVIII в. Были свободны от посадского тягла и постоев, имели судебные и таможенные льготы. Гостям разрешалось владеть купленными вотчинными землями. Они пользовались значительным политическим влиянием, участвовали в деятельности Земских соборов, в приеме и проводах иностранных послов и дворцовых церемониях. Звание гостя имело личный, а гостиной сотни — наследственный характер. Члены обеих корпораций руководили таможенной службой, управляли казенными промыслами, служили в учреждениях в качестве финансистов, оценщиков мехов и товаров. Занимались оптовой и розничной торговлей, поставкой товаров в казну по подрядам, брали на откуп казенные заведения, промыслы, сбор налогов. Введение в начале XVIII в. казенной монополии на продажу соли и другие торгово-финансовые меры правительства по изысканию средств на ведение Северной войны, на реорганизацию армии, создание флота и на осуществление масштабных реформ, а также прекращение пожалования чином гостя привели к ухудшению их экономического положения, резкому сокращению численности и изменению политической роли. Постепенное сближение правового статуса гостей и гостиной сотни с общей массой рядового купечества завершилось включением их в 20-х годах XVIII в. в состав посадского населения и распространением на них всех видов посадского тягла.
[120] Китайчатый — сделанный из китайки (бумажной ткани, привозимой из Китая).
[121] Преображенский и Семеновский — первые гвардейские полки.
[122] Каразин (карзинная водка) — малиновая водка, названная так по цвету.
[123] Астерия — гостиница, трактир, питейный дом.
[124] В петровское время отношение правительства к производству и курению табака резко изменилось. Если Соборное Уложение 1649 г., как и прежде, запрещало под угрозой смертной казни не только привоз и продажу, но и хранение табака, то уже в начале XVIII в. правительство прилагает усилия к широкому внедрению культуры табака и организации его заводской обработки. Делаются попытки устройства табачных плантаций и фабрик для выделки табака по голландскому методу, выписываются семена английского и голландского табака, подыскиваются за границей мастера, в Киевской губернии основывается казенный табачный завод.
[125] Пыха — см. комм. 81.
[126] Ратуша, организованная в 1699 г., была органом управления и суда посадского населения и одновременно центральным финансовым учреж-

дением. С созданием губерний в 1708–1709 гг. ратуша перестала быть органом центрального управления, но сохранила значение местного органа вплоть до магистратской реформы начала 1720-х гг. Правительство Петра I, поощряя развитие крупной промышленности, поддерживало частных промышленников выдачей ссуд и оказанием им организационно-технической помощи. Кредитование же торгового предпринимательства обеспечивалось сугубо за счет широко распространенной практики взаимных частных торгово-заемных операций, выплата процентов по которым поглощала от $^{1}/_{3}$ до $^{2}/_{3}$ прибыли. Понятно, что организация государственного кредитования торговли была назревшей мерой.

[127] Под художеством понимались ремесла. При проведении магистратской реформы начала 20-х гг. XVIII в. золотари, серебряники, иконописцы и живописцы вместе с докторами, аптекарями, знатными купцами были отнесены к 1-й гильдии; ремесленники прочих специальностей вместе с розничными торговцам — ко 2-й гильдии.

[128] Указом 1722 г. в России впервые вводятся цеховые организации ремесленников. В отличие от западноевропейских цехов в России отсутствовали ограничения на право вступления в цех, куда принимались даже крепостные крестьяне и дворовые на срок их паспортов при условии работы на рынок или заказ. Запись в цехи городских ремесленников объявлялась обязательной. Отныне иметь мастерскую, подмастерьев и учеников мог только цеховой ремесленник, прошедший при вступлении в цех освидетельствование своего мастерства. Это создавало стимул к повышению технической выучки ремесленников. Вводился контроль за качеством изделий со стороны старейшины цеха (альдерманов) и обязательное их клеймение мастером. По примеру стран Западной Европы был установлен семилетний срок ученичества. Однако он не привился, и на практике, как и раньше, ученичество продолжалось 5 лет, реже 3–4 года (для портняжного и сапожного дела).

[129] Оголодить — сделать голодающим, бедным.

[130] Похулка — от похулить: осудить, признать негодным, высказать презрение.

[131] Палаш — холодное оружие с широким прямым клинком, поздняя разновидность меча.

[132] Уклад — металл, среднее между железом и сталью, употреблялся взамен стали в различных изделиях.

[133] Шмонить — шляться, бить баклуши, отбывать от дела.

[134] Переимчивый — способный к усвоению чего-либо и охотно учащийся.

[135] Корм — регулярное денежное (или натуральное) жалованье.

[136] Навыкнуть — научиться, приобрести навык, постигнуть.

[137] Десть — размер бумаги, равный полулисту.

[138] Бумазея, рубка, миткаль, камордка — различные ткани.

[139] Страх морской — страхование морских судов на случай крушения.
[140] Заоцкие — расположенные к югу от Оки.
[141] Крутик — кубовая краска, индиго; лавра — кубовая краска высшего сорта; киноварь — красная краска из сернистой ртути; голубец — голубая краска; бакан — красная краска; ярь — зеленая краска; шиш(ж)-голь — желтая краска из отвара березовой листвы.
[142] Выезжий — прибывший на службу из-за рубежа.
[143] *Голицын* Борис Алексеевич, князь (1654–1714) — возглавлял Приказ Казанского дворца, который ведал Средним и Нижним Поволжьем, что указывает на возможное местонахождение рудника, открытого Посошковым.
[144] Мысль о введении паспортной системы в целях борьбы как с разбоями, так и с побегами крестьян от помещиков высказывалась и другими современниками Посошкова. Указом 30 октября 1719 г. предписывалось при переездах каждому иметь «от начальников своих паспорт или пропускное письмо». Особенно детально паспортная система была разработана в 1724 г.
[145] Тать — вор.
[146] В 30-х гг. XVIII в. агентом Тайной канцелярии являлся известный в прошлом разбойник и вор Ванька Каин.
[147] Юстиц-коллегия — центральное судебное ведомство, создана в 1718 г.
[148] Посошков имеет в виду указ 19 марта 1719 г., в котором обозначены принятые еще в XVII в. меры по борьбе с разбоями и определены некоторые новые средства. Согласно им местные власти были обязаны ежемесячно подавать «сказки», что в их районах нет воров, беглых крестьян и солдат, или при наличии таковых объявлять о них. За утайку воров и разбойников указ угрожал помещикам и старостам смертной казнью.
[149] Белец — см. комм. 430.
[150] Чернец — монах.
[151] Гулять — здесь: проводить время в праздности, бездельничать.
[152] Так называемая «леность» крестьян, отмечаемая не только Посошковым, но и рядом его современников, а теперь и западными историками, своими корнями восходила к тем же факторам, которые способствовали формированию таких черт характера и сознания великоросса, как необычайное трудолюбие, способность и привычка к колоссальному физическому и психологическому напряжению в течение достаточно длительного времени, проворность и поворотливость. Вместе с тем, в условиях рискованного земледелия при катастрофической нехватке рабочего времени, когда, несмотря на максимум усилий крестьянина, результат часто был не просто минимальный, а нулевой, то есть отсутствовала прямая корреляции между размером вложенного труда и его результатом, в крестьянской среде закреплялись прямо противополож-

ные свойства характера — небрежность в работе, безразличие и пренебрежение к собственному хозяйству, упование на «авось». Эти особенности сознания и поведения наиболее заметны были в помещичьей деревне, в первую очередь в среде барщинного крестьянства. Объяснение этому феномену представлено в работе Л. В. Милова. В свете его концепции меры, содержавшиеся в вотчинных инструкциях и перекликающиеся с предложениями Посошкова по преодолению небрежения крестьян собственным хозяйством, предстают не в традиционном плане усиления личного режима власти помещика и мелочной регламентации хозяйственной деятельности, а как необходимый срез взаимодействия помещика и крестьянина, несущий в себе один из механизмов «режима выживания». См.: *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд., доп. М., 2006. С. 401–404.

153 Пожиточный — прибыльный, приносящий богатство.

154 Сажень — мера длины, равная 3 аршинам, при Петре I составляла 213,36 см.

155 Еще раньше идею перестройки крестьянских дворов в целях борьбы с пожарами И. Т. Посошков высказывал в «Завещании отеческом к сыну». Указ 1722 г., повторенный в 1724 г., обращал внимание помещиков, приказчиков и старост, чтобы они после случившегося в деревне пожара «до прежнего строения сплошь дворов отнюдь не допускали». Правда, Посошков предлагал начать перестройку дворов, «хотя не вдруг, но помаленьку», не дожидаясь очередного пожара. См.: *Кафенгауз Б. Б.* Указ. соч. С. 337.

156 Низовые города — территория Средней Волги от Нижнего Новгорода до Камы. Посошков использует употреблявшееся в официальном приказном делопроизводстве XVII в. наименование отдельных территорий Русского государства «городами».

157 Паростник (паросник) — поросль, молодой лес на месте старого.

158 Семенов день — 12 сентября (по старому стилю).

159 Снеток — небольшая рыбка.

160 Варя — варево, похлебка.

161 Понизовые места — в широком смысле — места, расположенные в нижнем течении реки; в узком — на Дону.

В состав оброка крестьян в пользу помещиков входили как продукты сельского хозяйства, так и крестьянских промыслов — «изделья».

163 Против этого абзаца на полях Лаптевского списка имеется карандашная запись Погодина: *Целую руку твою!* — прим. Б. Б. Кафенгауза.

164 Посошков имеет в виду подушную подать. Она была введена в 1724 г., но подготовительные работы к ней в виде переписи всего тяглого населения (крестьян и посадских людей) мужского пола проходили с 1719 г. Подушная подать, при которой единицей налогового обложения стала «душа мужского пола», сменила существовавшую с 1678 г.

подворную подать, исчислявшуюся с тяглого двора. Размер подушной подати, предназначенной на содержание армии, исчислялся чисто математически, путем деления необходимой суммы (4 млн руб.) на численность податного населения (5,6 млн чел.) без учета его тяглоспособности. Для помещичьих крестьян размер подати составил 74 коп.; с государственных крестьян, свободных от владельческих платежей, дополнительно взимался оброк в 40 коп. с души; посадские люди платили из расчета 1 руб. 20 коп. (40 алтын) с души мужского пола. Тяжелым был не только сам размер подати, но и способ исчисления оклада, налагаемого на конкретную общину, волость, уезд. В него зачислялись все лица мужского пола, «от сущего младенца» до дряхлого старика. До очередной ревизии, то есть в течение 15–20 лет, трудоспособные тяглецы должны были платить и за выбывших членов общины (умерших, беглых, рекрутов), а также малолетних, дряхлых и неимущих. По сравнению с 1680 г. государственный бюджет России к концу царствования Петра I (1725) в сопоставимой стоимости денег утроился.

[165] При подворном обложении помещики в целях уменьшения оклада действительно прибегали к хитрости, описанной Посошковым. Объединяя во время переписи крестьянские дворы в один двор, они уменьшали число тяглых единиц. Перепись 1710 г. выявила сильную убыль тяглых дворов (на 20% по сравнению с данными 1678 г.). Это побудило правительство ввести подушное исчисление оклада.

[166] Исходя из обычной нормы высева ржи (2 четверти — 16 пудов — на десятину), целый крестьянский двор по предложению Посошкова должен быть обеспечен пашней в 2 десятины в озимом поле, в 4 десятины в яровом, покосом на 20 копен и 600–720 кв. саженями усадебной земли. Десятина как земельная мера определялась в 2400 кв. сажен, что в переводе на метрическую систему составляет примерно 1,2 га.

[167] При трехпольной системе земледелия указывался размер одного поля и оговаривалось равенство двух остальных — «а в двух по тому ж».

[168] Признак — знак, клеймо.

[169] Утин — рубеж, грань.

[170] Вервь — веревка.

[171] Необходимость общего межевания земель была осознана еще во 2-й половине XVII в. Однако неоднократно предпринимаемые с этого времени попытки вплоть до Генерального межевания, начатого в 60-х гг. XVIII в., заканчивались безрезультатно. Измерение производилось «мерной» веревкой (у Посошкова употребляется старинное название «вервь»), которая была снабжена делением.

[172] Проехать сохою — перепахать.

[173] Земельными мерами являлись десятина и четверти, или чети. Посошков упоминает о «сороковой» десятине, размером 80 x 40 сажен, т. е. в 3200 кв. сажен, но уже в XVII в. употреблялась т. н. казенная десятина

в 2400 кв. сажен (80 х 30). Десятина равнялась двум четям. Четь как мера площади соответствовала участку, на котором высевалась четверть (как мера сыпучих тел) ржи.

174 Земский комиссар — должностное лицо местной администрации в масштабах дистрикта (территориально-административной единицы до 1,5 тысячи дворов). Ему непосредственно подчинялись выборные сельские власти в лице сотских и старост.

175 Беломестцы (беломесцы) — категории городского населения, которые в отличие от «черных» посадских людей не несли тягла (податей и повинностей).

176 «Доли сажени» — здесь: часть дворовой земли, измеряемой в саженях.

177 Далее в рукописи на ненумерованном листе помещен чертеж крестьянских дворов и земельных угодий.

178 Трапореховатый — гнилой, рассыпающийся.

179 Ю. Фробус служил «мастером золотого дела» в Золотой палате.

180 Иверень — щеба, выруб дерева.

181 Зяблина — растение, поврежденное морозом.

182 Выметный — негодный, выкинутый.

183 Чотка — игрушка из дерева.

184 Кострика — жесткая кора льна и конопли.

185 Посоха — старинный термин для обозначения сбора населения на войну или на работу государственного значения. Название происходит от «сохи» — земельной меры, основы обложения тяглового населения в XVI–XVII вв. Посошной работой у Посошкова назван обязательный набор рабочих для строительства Санкт-Петербурга. См.: *Кафенгауз Б. Б.* Указ. соч. С. 341.

186 Моркотно — противно, тошно.

187 Алтынник — скупец, скряга, взяточник.

188 *Курбатов* Алексей Александрович — из крепостных людей графа Б. П. Шереметьева, первый «прибыльщик» (изыскатель новых статей государственных доходов) и прожектер. На рубеже XVII–XVIII вв. был дьяком Оружейной палаты; в 1705 г. назначен обер-инспектором Ратуши, а в 1711 г. — вице-губернатором Архангелогородской губернии.

189 Явочные деньги — деньги на покупку товаров.

190 В России вплоть до 1754 г. движение товара на внутреннем рынке облагалось пошлинами. Их размер и количество менялись. Таможенный устав 1653 г. заменил многочисленные и разнообразные пошлины, взимаемые с провоза и продажи товаров единой 5%-ой пошлиной с товаров и заявленных на покупку товаров денежных сумм (10 денег, или 5 копеек с рубля). По свидетельству Посошкова, при последующей перепродаже товара размер обложения в итоге был значительно выше, составляя 15%. Он предлагал в интересах торговцев взимать пошлину «единожды по гривне с рубля», т. е. в размере 10%.

[191] Выпись — таможенный документ об уплате пошлин.

[192] Посошков имеет в виду многочисленные мелочные сборы, вводимые правительством Петра I с начала XVIII в. по подсказке т. н. «прибыльщиков» (у Посошкова — вымышленников), изыскивавших новые источники государственных доходов. К концу царствования Петра I имелось до 40 видов подобных сборов, в том числе и упоминавшихся Посошковым: с извозчиков с клейменья хомутов, с мостов и перевозов, конские пошлины, с ледокола и водопоя, с бань, с судов привальные и отвальные, с найма извозчиков 10-й деньги, с продажи скотины и конских кож, со свадеб, с неуказного платья и бород и т. п. См.: *Кафенгауз Б. Б.* Указ. соч. С. 343.

[193] Благословенный кус — установленная часть.

[194] Казенная монополия на продажу соли была введена с 1705 г. и сохранялась после отмены в 1719 г. большинства казенных регалий. Проект Посошкова предусматривал установление налога по гривне с пуда, при этом торговцам предоставлялось самим определять цену и свою прибыль. Соль поступила в вольную продажу в 1727 г., а в 1731 г. в связи с резким падением прибылей казны и ростом цен на соль вновь была введена казенная монополия на ее продажу.

[195] Бузун — соль самосадочная, выпадающая в соленых озерах.

[196] Пятнать — клеймить; пятно — клеймо.

[197] Платежная выпись — таможенный документ, выдаваемый торговцу на проданные в данном месте товары и уплату с них пошлин. При привозе товара в другой город в таможню представлялась не платежная, как написано у Посошкова, а отпускная выпись, полученная в таможне своего города. Она-то и регистрировалась в «явчей» книге привоза товаров. Платежную же выпись купец привозил в таможню своего города, где она сверялась с предыдущей отпускной и в случае полного совпадения вывезенных и проданных товаров бралась «в зачет».

[198] Доводить — доносить.

[199] Берковец — мера торгового веса, равная 10 пудам.

[200] Связка — форма упаковки и счета.

[201] Установление высоких пошлин на экспортируемое из России сырье (пеньку и лен, смолу и сало, юфть), на чем настаивал Посошков, соответствовало принципам меркантилизма. Внешнеторговый тариф 1724 г., напротив, в целях увеличения внешнеторгового оборота установил на эти товары как основные статьи русского экспорта весьма низкие пошлины, в десятки раз меньшие, чем предлагал Посошков.

[202] Протаможье — пеня за провоз товара без пошлины.

[203] Передать — здесь: дать больше, чем следует.

[204] *Корчмин* Василий Дмитриевич (?–1729) — стольник, землевладелец и заводчик. Обучался за границей инженерному делу; участвовал в Северной

войне (1700—1721) и Персидском походе (1722); выполнял различные ответственные поручения Петра I.

[205] Турбация — беспорядок, беспокойство.

[206] Камерир — высшее должностное лицо по финансовому ведомству в каждой провинции — территориально-административной единице, на которые делились губернии.

[207] «Снискание питейной прибыли» имело исключительное значение для государственного бюджета. Питейные сборы составляли самую крупную статью дохода, превышающую даже таможенные сборы. По Соборному Уложению 1649 г. продажа вина, пива и меда производилась только в казенных кабаках и строго запрещалось покупать его «мимо кабаков», а также курить вино для вольной продажи. Кабаки состояли или в казенном управлении, «на вере», и тогда продажа вина поручалась особым головам, или целовальникам, или кабаки отдавались на откуп откупщикам. Вино заготовлялось на казенных заводах или путем подряда людей на частных заводах. См.: *Кафенгауз Б. Б.* Указ. соч. С. 345.

[208] Золотник — мера веса, равная первоначально весу золотой монеты, слитка; позднее $^1/_{72}$, $^1/_{96}$ части фунта, 4,267 г.

[209] В противоположность предложению Посошкова запретить дворянству винокурение правительство в 1755 г. ввело монополию помещиков на винокурение и поставку вина, отстранив от этого выгодного промысла купцов.

[210] Чарка — $^1/_{100}$ ведра.

[211] Аптекарская водка — лекарственная настойка (на травах, ягодах и т. д.).

[212] Явка — заявка, оповещение в целях уплаты пошлин.

[213] Мотошливо — суетливо, тревожно.

[214] Мерлина — мертвый, дохлый.

[215] Мирволить — попустительствовать.

[216] Серебряная монета времен Ивана Грозного, которую Посошков считал сделанной из чистого серебра, действительно была высокой, $92^1/_2$-й, пробы.

[217] Монетная операция 1718 г., против которой возражает Посошков, составляла третий этап денежной реформы Петра I и была вызвана фискальными целями. Она состояла в выпуске серебряных монет крупного достоинства (главным образом рублевого) пониженной пробы (70-й вместо 84-й пробы), прекращении выделки серебряных копеек и массовой чеканке мелкой медной монеты по более легкой весовой норме. Результатом было обесценение денег и падение вексельного курса.

[218] *Макаров* Алексей Васильевич — кабинет-секретарь Петра I.

[219] Запарити — подвергнуть специальной обработке огнем (золото, серебро).

[220] Цата — монета.

[221] Сумесные деньги — так Посошков называл серебряные монеты пониженной пробы.

222 Зернщик (зерньшик) — игрок в кости.
223 Мамона — богатство.

Завещание отеческое к сыну своему, со нравоучением, за подтверждением Божественных Писаний

Впервые опубликовано: Завещание отеческое к сыну. Сочинение Ивана Посошкова. Открыто и издано Андреем Поповым (с приложением подлинного снимка). М., 1873. Печатается по: Завещание отеческое. Сочинение И. Т. Посошкова. Новое издание, дополненное вновь открытою второю половиною «Завещания» / Под ред. Е. М. Прилежаева. СПб., 1893.

224 В этом месте сын Посошкова Николай был назван по имени, но в рукописи оно выскоблено (прим. Е. М. Прилежаева).
225 Шуюю страну — левую сторону.
226 Десно, десный — правый; десность — следование правым путем, правота.
227 Арианство — см. комм. 24.
228 Несторианство — см. комм. 25.
229 Мессалианство — ересь, возникшая в Малой Азии в середине IV в. Ее приверженцы утверждали, что сущность Троицы может быть воспринята чувственно, плотскими глазами, что Троица превращается в одно лицо, чтобы войти в соединение с душами совершенных, что Бог принимает различные виды, чтобы чувственно открыть себя. Осуждена Вселенскими соборами.
230 Лютеранство и кальвинизм — см. комм. 20.
231 Кийждо — каждый.
232 Имеется в виду собрание епископов поместных церквей для решения важнейших вероучительных и церковно-административных вопросов. Православный Восток признает семь Вселенских соборов: Никейский (325), Константинопольский (381), Эфесский (431), Халкидонский (451), Константинопольские (553, 681), Никейский (787). Все семь Вселенских соборов в догматическом отношении составляют единое целое, поскольку раскрывают содержание Откровения о Воплощении Слова Божия.
233 Олазивый — пронырливый, хитрый, вкрадчивый.
234 Поповщина и беспоповщина — направления в старообрядчестве, возникшие в конце XVII в. Поповцы признавали учение об иерархии и семи таинствах. Господствующую Церковь они считали не порождением Антихриста, как беспоповцы, а лишь впавшей в ересь. Беспоповцы утверждали, что эпоха священства закончилась, в мир пришел «духовный» Антихрист. В отличие от поповцев они активно поддерживали самосожжения. По учению беспоповцев каждый христианин является священником. Из таинств они признавали крещение и исповедь; отрицали таинства евхаристии и брака.

235 *Димитрий Ростовский* (в миру Туптало Даниил Саввич) (1651–1709) — церковный деятель и писатель. Образование получил в Киево-Могилянской академии. В 1668 г. был пострижен в монахи. В разные годы был игуменом ряда украинских монастырей. С 1702 г. — митрополит Ростовский; учредил в Ростове школу для детей всех сословий. Разделял взгляды латинствующих, поддерживал Сильвестра Медведева, был близок кругу Стефана Яворского. Написал полемический богословский трактат «Розыск о раскольнической брынской вере, о учении их, о делах их и изъявлениии, яко вера их не права, учение их душевредно и дела их не богоугодны» (1709). Основной труд Димитрия Ростовского — «Четьи-Минеи» (кн. 1–4, 1689–1705), в XVIII–XIX вв. наиболее распространный свод житий святых. В 1757 г. причислен к лику святых.

236 Опасно — опасливо, бережно, с оглядкой; опасный — опасливый, осторожный.

237 *Лютер* Мартин (1483–1546) — основоположник лютеранства, одного из направлений протестантизма, сложившегося в годы Реформации в Германии. Лютер выдвинул принцип «оправдания верой», согласно которому спасение достигается не с помощью церкви, а только личной верой. Лютер был сторонником «дешевой церкви», отвергал пышную католическую обрядность, выступал против продажи индульгенций католической церковью. Из христианских таинств признавал крещение и причащение. Исходил из идеи греховности всех людей. По учению Лютера человеческая природа испорчена первородным грехом, поэтому люди способны только на зло и полностью зависят от милосердия Божьего.

238 Иноежь — а иногда, а то.

239 *Кальвин* Жан (1509–1564) — основоположник кальвинизма, одного из направлений протестантизма, сложившегося в годы Реформации в Швейцарии. Главной составляющей учения Кальвина стала концепция «двойного предопределения», согласно которой Бог еще до сотворения мира предначертал все, что должно случиться. Участь человека предопределена до его рождения: либо спастись, либо погибнуть. Изменить свой приговор человек не в состоянии, он должен со смирением принять волю Божью. Но следуя заповедям и наставлениям Священного писания, человек должен реализовать свое «призвание», дарования, заложенные в него Богом. Кальвин выступал против пышной обрядности католической церкви; отвергал поклонение святым, мощам, иконам. Из кальвинистских храмов были удалены алтари, распятия, свечи, богатые одеяния священнослужителей, органная музыка. Большое внимание Кальвин уделял авторитету духовных пастырей и церковной дисциплине.

240 «Очевидное Зеркало» — см. комм. 22.

241 Внятненно — с вниманием, с разумением.

242 Пресвитер — см. комм. 4.

[243] В 1682 г. в Москве вспыхнуло стрелецкое восстание. Непосредственным поводом к нему послужило избрание на престол после смерти царя Федора Алексеевича его сводного десятилетнего брата Петра. Подстрекаемые Милославскими, родственниками первой жены Алеексея Михайловича, стрельцы заняли Кремль и в течение 15–17 мая расправились со сторонниками Нарышкиных, родней второй жены Алексея Михайловича Натальи Кирилловны. При поддержке стрельцов первым царем был назначен Иван Алексеевич, вторым — Петр, а регентшей при них — царевна Софья. Этот стрелецкий бунт вошел в историю под наименованием «Хованщина», так как стрельцов в правительстве поддерживал Иван Хованский, глава Стрелецкого приказа. Хованский воспользовался победой стрельцов в целях усиления своей власти. Его всесилие продлилось недолго. 17 сентября Хованский и его сын были казнены. Стрельцы заявили о своей покорности правительству. Этим завершилось стрелецкое выступление.

Во время стрелецкого восстания старообрядцами была предпринята попытка заставить власть вернуться к дониконовскому обряду. Никита Добрынин, более известный как Пустосвят, был священником в Суздале. С начала 60-х гг. XVII в. выступал в защиту старой веры, неоднократно подвергался церковным наказаниям, отрекался от своих убеждений и вновь обращался к старообрядчеству. Посошков называл Никиту Пустосвята «роспопом», так как он был лишен священнического сана. Старообрядческие «старцы» Семен Крашенинников, Савва Романов и Никита Пустосвят составили челобитную, в которой требовали «возобновить старую православную веру». 23 июня Никита во главе «старцев» явился во дворец и потребовал созвать собор для рассмотрения челобитной. «Прение» о вере состоялось в Грановитой палате 5 июля в присутствии патриарха Иоакима, архиерейского собора, царской семьи и правительства. Главным действующим лицом противной стороны был Никита Пустосвят. Диспут происходил бурно. Полемика превратилась в рукоприкладство: Никита схватился врукопашную с архиепископом Афанасием Холмогорским. Софья резко возражала Пустосвяту, но большинство присутствовавших отмалчивалось. После чтения челобитной собор был перенесен на 7 июля. Никита Пустосвят и его сторонники праздновали победу. Но она оказалась недолгой. Софье удалось переманить стрельцов на свою сторону; они выдали Никиту Пустосвята, который был казнен на Красной площади 11 июля 7190 г. (1682). В связи со всеми этими событиями Посошков упоминал девяностый год, с которого раскольники скрываются, как мыши в норах или клопы в щелях.

[244] Чесо — что; чесом — чем.

[245] Пустошный — пустой, бездельный, бессодержательный, глупый, нелепый.

[246] Опасство — опасливость, предосторожность, осмотрительность.

[247] Обаче — но, однако, впрочем.

[235] *Димитрий Ростовский* (в миру Туптало Даниил Саввич) (1651–1709) — церковный деятель и писатель. Образование получил в Киево-Могилянской академии. В 1668 г. был пострижен в монахи. В разные годы был игуменом ряда украинских монастырей. С 1702 г. — митрополит Ростовский; учредил в Ростове школу для детей всех сословий. Разделял взгляды латинствующих, поддерживал Сильвестра Медведева, был близок кругу Стефана Яворского. Написал полемический богословский трактат «Розыск о раскольнической брынской вере, о учении их, о делах их и изъявлениии, яко вера их не права, учение их душевредно и дела их не богоугодны» (1709). Основной труд Димитрия Ростовского — «Четьи-Минеи» (кн. 1–4, 1689–1705), в XVIII–XIX вв. наиболее распространный свод житий святых. В 1757 г. причислен к лику святых.

[236] Опасно — опасливо, бережно, с оглядкой; опасный — опасливый, осторожный.

[237] *Лютер* Мартин (1483–1546) — основоположник лютеранства, одного из направлений протестантизма, сложившегося в годы Реформации в Германии. Лютер выдвинул принцип «оправдания верой», согласно которому спасение достигается не с помощью церкви, а только личной верой. Лютер был сторонником «дешевой церкви», отвергал пышную католическую обрядность, выступал против продажи индульгенций католической церковью. Из христианских таинств признавал крещение и причащение. Исходил из идеи греховности всех людей. По учению Лютера человеческая природа испорчена первородным грехом, поэтому люди способны только на зло и полностью зависят от милосердия Божьего.

[238] Иноежь — а иногда, а то.

[239] *Кальвин* Жан (1509–1564) — основоположник кальвинизма, одного из направлений протестантизма, сложившегося в годы Реформации в Швейцарии. Главной составляющей учения Кальвина стала концепция «двойного предопределения», согласно которой Бог еще до сотворения мира предначертал все, что должно случиться. Участь человека предопределена до его рождения: либо спастись, либо погибнуть. Изменить свой приговор человек не в состоянии, он должен со смирением принять волю Божью. Но следуя заповедям и наставлениям Священного писания, человек должен реализовать свое «призвание», дарования, заложенные в него Богом. Кальвин выступал против пышной обрядности католической церкви; отвергал поклонение святым, мощам, иконам. Из кальвинистских храмов были удалены алтари, распятия, свечи, богатые одеяния священнослужителей, органная музыка. Большое внимание Кальвин уделял авторитету духовных пастырей и церковной дисциплине.

[240] «Очевидное Зеркало» — см. комм. 22.

[241] Внятненно — с вниманием, с разумением.

[242] Пресвитер — см. комм. 4.

243 В 1682 г. в Москве вспыхнуло стрелецкое восстание. Непосредственным поводом к нему послужило избрание на престол после смерти царя Федора Алексеевича его сводного десятилетнего брата Петра. Подстрекаемые Милославскими, родственниками первой жены Алеексея Михайловича, стрельцы заняли Кремль и в течение 15–17 мая расправились со сторонниками Нарышкиных, родней второй жены Алексея Михайловича Натальи Кирилловны. При поддержке стрельцов первым царем был назначен Иван Алексеевич, вторым — Петр, а регентшей при них — царевна Софья. Этот стрелецкий бунт вошел в историю под наименованием «Хованщина», так как стрельцов в правительстве поддерживал Иван Хованский, глава Стрелецкого приказа. Хованский воспользовался победой стрельцов в целях усиления своей власти. Его всесилие продлилось недолго. 17 сентября Хованский и его сын были казнены. Стрельцы заявили о своей покорности правительству. Этим завершилось стрелецкое выступление.

Во время стрелецкого восстания старообрядцами была предпринята попытка заставить власть вернуться к дониконовскому обряду. Никита Добрынин, более известный как Пустосвят, был священником в Суздале. С начала 60-х гг. XVII в. выступал в защиту старой веры, неоднократно подвергался церковным наказаниям, отрекался от своих убеждений и вновь обращался к старообрядчеству. Посошков называл Никиту Пустосвята «роспопом», так как он был лишен священнического сана. Старообрядческие «старцы» Семен Крашенинников, Савва Романов и Никита Пустосвят составили челобитную, в которой требовали «возобновить старую православную веру». 23 июня Никита во главе «старцев» явился во дворец и потребовал созвать собор для рассмотрения челобитной. «Прение» о вере состоялось в Грановитой палате 5 июля в присутствии патриарха Иоакима, архиерейского собора, царской семьи и правительства. Главным действующим лицом противной стороны был Никита Пустосвят. Диспут происходил бурно. Полемика превратилась в рукоприкладство: Никита схватился врукопашную с архиепископом Афанасием Холмогорским. Софья резко возражала Пустосвяту, но большинство присутствовавших отмалчивалось. После чтения челобитной собор был перенесен на 7 июля. Никита Пустосвят и его сторонники праздновали победу. Но она оказалась недолгой. Софье удалось переманить стрельцов на свою сторону; они выдали Никиту Пустосвята, который был казнен на Красной площади 11 июля 7190 г. (1682). В связи со всеми этими событиями Посошков упоминал девяностый год, с которого раскольники скрываются, как мыши в норах или клопы в щелях.

244 Чесо — что; чесом — чем.

245 Пустошный — пустой, бездельный, бессодержательный, глупый, нелепый.

246 Опасство — опасливость, предосторожность, осмотрительность.

247 Обаче — но, однако, впрочем.

[248] Паче того — более того.
[249] Понеже — потому что, так как.
[250] Сицевого — см. комм. 61.
[251] Пенязи — деньги; копейка.
[252] Убо — потому, итак, же.
[253] Дондеже — пока не; до тех пор, пока.
[254] Нарядный — приуроченный, приготовленный к определеннному дню.
[255] Година — время, пора, день, час.
[256] Литургия — см. комм. 17.
[257] Меск — ишак, лошак.
[258] Женитвенный — брачный.
Нощеденство — сутки.
[260] Сый — сущий.
[261] Акафист — форма церковного гимна (при слушании которого нельзя сидеть); сложное по композиции песнопение, прославляющее Иисуса Христа, Богородицу, святого или праздник.
[262] *Василий Великий* (ок. 330–379) — христианский церковный деятель, один из Отцов Церкви, епископ города Кесария в Малой Азии. Выступал против арианства. В «Шестодневе» изложил принципы христианской космологии.
[263] *Григорий Богослов* (329–389) — христианский церковный деятель, один из Отцов Церкви, сподвижник Василия Великого. Важнейшее место в наследии Григория занимают Слова о Богословии, посвященные догмату Троичности.
[264] *Иоанн Златоуст* (между 344 и 354–407) — христианский церковный деятель, один из Отцов Церкви, епископ Константинополя. Прославился как представитель греческого церковного красноречия. С именем Иоанна Златоуста связана наиболее распространенная литургия. В Византии и на Руси был идеалом проповедника и неустрашимого обличителя.
[265] Слабостный — распущенный, потворствующий страстям.
[266] Похапить — выхватить, урвать, похитить.
[267] Безсловесный — не находчивый в словах, не речистый.
[268] Поятие — усвоение, понимание.
[269] Прелюбы — прелюбодеяние, разврат; прелюбы творити — прелюбодействовать, развратничать.
[270] Опако — навыворот, наоборот.
[271] Равенник — равный с кем-либо по своему званию, положению.
[272] Признака — след, знак, клеймо.
[273] Персть — прах, пыль.
[274] Клеврет — см. комм. 29.
[275] Умничество — самонадеянное умствование, самоуверенная ученость.
[276] Перелитрованный — от глагола «литровать», доводить до возможной степени чистоты.

277 Стогубо — во сто раз больше, сторично.
278 Евхаристия (благодарение) — одно из таинств в христианском культе. В православии верующие вкушают квасной хлеб и вино, в которых воплощается тело и кровь Христа, тем самым они приобщаются к Господу. Евхаристии предшествует чтение Святого Писания, а также молитвы и пение. Она совершается в момент произнесения слов «...сотвори хлеб сей честное тело Христа твоего, а еже в чаше сей — честную кровь Христа твоего преломив Духом Твоим Святым. Аминь». Евхаристия, как правило, происходит в храме.
279 Легкостный — легкий, легкомысленный, неосновательный.
280 Кий — который, какой.
281 Дикий — необычный; диковатый — диковинный, странный.
282 Правильный (правилный) — касающийся церковных правил, канонического права.
283 Немотовати — лепетать.
284 Камо — куда.
285 Ожестети — сделаться жестким.
286 Неключимый — непотребный, негодный, безчинный.
287 Приставник — управитель, управляющий, помощник.
288 Кощунание — пустословие, предосудительная болтовня.
289 Художество — см. комм. 127.
290 Досконало — досконально, до конца, доподлинно, с точностью.
291 Присвоение — приучение, освоение.
292 Уятие — убавка, уменьшение.
293 Парук — парик; паручник — носящий парик.
294 Пул — старинная медная монета.
295 Пятья — пять раз, пятикратно.
296 Посести — сесть выше кого-либо.
297 Безкнижество — малограмотность, неначитанность.
298 Крестовый пресвитер — священник домовой церкви.
299 Сигклит, сиглит, синклит — см. комм. 3.
300 Охапить — охватить, обнять.
301 Нисходительный — снисходительный, участливый, расположенный; нисходительство — расположенность.
302 Средовечие — средний возраст человека.
303 Присно — всегда, постоянно.
304 Содружие (содружение) — дружеские отношения, дружба.
305 Крестное знамение тремя перстами (а не двумя) было введено в 1653 г. церковной реформой патриарха Никона. Соединение трех перстов означает веру в Святую Троицу: Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого; два пригнутые перста означают веру в Сына Божия Иисуса Христа, имеющего божественное и человеческое естество. Крестное знамение возлагается на лоб, чтобы освятить ум и мысли, на грудь,

чтобы освятить сердце и чувства, на плечи, чтобы освятить телесные силы.

[306] Неделя — см. комм. 10.

[307] Заплата — плата, платеж.

[308] Бракосочетание Петра I и Екатерины Алексеевны состоялось 19 февраля 1712 г. В рукописи слова «и о Царице Екатерине Алексеевне» прибавлены над строкой (прим. Е. М. Прилежаева).

[309] Непщевание — вид, притворство; непщеванием молитися — молиться напоказ.

[310] Вертоград — сад.

[311] Пещися (пецытеся) — заботиться.

[312] Странный человек — странник, чужеземец.

[313] Минутие — минование, прохождение или проезд мимо чего-либо.

[314] Алебарда (олебарда) — старинное оружие, фигурный топорик на длинном древке.

[315] Оскаредить — запачкать, запятнать, осквернить.

[316] Могутство и могута — денежные средства, материальная достаточность.

[317] Медница — мелкая медная монета.

[318] Единаче — однако же, несмотря на то.

[319] Заединоравно — наравне.

[320] Так в рукописи — 14 вместо 16.

[321] Абие — тотчас, вскоре, вдруг, немедленно.

[322] Верит (Вирит) — ныне Бейрут.

[323] Воспящение — запрещение поступать по-прежнему.

[324] Ектения (ектенья) — особая молитва, разделенная на ряд кратких отрывочных прошений. Они сопровождаются пением еще более кратких молитвенных восклицаний. Прошения ектении возглашаются дьяконом или священником. В зависимости от цели и содержания существуют ектении Великая, Малая, Сугубая, Заупокойная.

[325] Прокимен — определенный по смыслу и назначению стих псалма, исполняемый с другими стихами того же псалма перед богослужебным чтением Апостола, Евангелия или паремии и служащий как бы «предисловием» к нему. Прокимен указывает либо на содержание следующего за ним чтения, либо обозначает тему богослужения.

[326] Великий четверток (четверг) — четверг на Страстной неделе Великого поста перед Пасхой. Посвящен воспоминанию о Тайной Вечере.

[327] Великая суббота — последняя суббота Страстной недели перед Светлым Христовым Воскресением.

[328] Орарь (оларь) — длинная узкая лента, носимая дьяконом при богослужении на левом плече.

[329] Кенаник — киноник, запричастный стих.

[330] Разрешенные дни — дни, в которые по монастырскому уставу разрешается употребление вина на трапезе.

[331] Жалетельный — скупой, бережливый.
[332] Зепь — сумка, карман.
[333] Клосный — увечный.
[334] Притужание — напряжение, натужливость.
[335] Безжелательный — довольствующийся своим положением.
[336] Померный — умеренный; померно — умеренно, в меру.
[337] Притвор — притворство, лицемерие.
[338] Щудо — чудовище, урод.
[339] Сомженный — зажмуренный.
[340] *Коперник* Николай (1473–1543) — польский астроном, создатель концепции гелиоцентрической системы мира. Отказавшись от учения о центральном положении Земли, совершил переворот в познании Вселенной. Объяснял видимые движения небесных светил вращением Земли вокруг оси и обращением Земли и других планет вокруг Солнца. Подвергался гонениям, его труд «Об обращениях небесных сфер» был запрещен католической церковью.
[341] Всотеро — во сто раз.
[342] Прокладный — беспечный, изнеженный, привольный.
[343] Аспид — ядовитая змея.
[344] Клирос (клырос) — места в церкви для певчих по правую и левую стороны от амвона.
[345] Пыха — см. комм. 81.
[346] Возовик — возчик тяжелой клади.
[347] Целик — непроезжее место, снежный сугроб.
[348] Мшица — мошка.
[349] Чпаг — карман, сумка, мошна.
[350] Уять — унять, остановить.
[351] Угобзитися — дать хороший урожай.
[352] Далкость, далкостный — дальний, далекий; далкость — отдаленность, даль.
[353] Слота — слякоть, мокрый снег.
[354] Несловестный — не находчивый в словах, не речистый.
[355] Искрица — искорка.
[356] Фальшивство — ложь, обман, подделка.
[357] Невеглас — неуч, невежда.
[358] Пленатый — имеющий много пленок, прослоек, трещин.
[359] Пильно — пристально, зорко, с напряженным вниманием.
[360] Голосно — во весь голос, громко.
[361] Тулятися — скрываться.
[362] Во время русско-турецкой войны 1676–1681 гг. произошли две осады города Чигирина. Посошков имеет в виду первый Чигиринский поход летом 1677 г., когда 100-тысячная армия турок и крымских татар осадила 12-тысячный гарнизон в укрепленной чигиринской крепости. Осада

Чигирина была снята после победы объединенного русско-украинского войска под командованием Г. Г. Ромодановского и И. Самойловича над турецким под Бужином 28 августа 1677 г. Под Чигириным турки потеряли около 20 тысяч, русские и украинцы — около 8,5 тысяч человек. В результате второй осады Чигирина летом 1678 г. крепость была оставлена русскими войсками. Чигиринские походы определили ход войны и повлияли на условия Бахчисарайского мирного договора 1681 г., по которому Турция признала права России на левобережье Днепра, Киев и некоторые земли Правобережной Украины.

363 Нарывчивый — отважный, устремляющийся к опасности.

364 Забытая голова — человек, отдавшийся своему делу до самозабвения.

365 Квашенинное сало — сало, вываренное из студеня из говяжьих ног; использовалось для смазки.

366 Фузея — см. комм. 41.

367 Бронник — мастер, изготавливающий брони и разное оружие.

368 В Воинском уставе (1716) Петр I лично написал положение, в котором запрещалось офицерам и солдатам чинить обиды обывателям «не токмо в своей, союзничей или нейтральной землях, но и неприятельской».

369 На притчу — на редкость.

370 Цельно — в цель, по цели; цельный — направленный в цель.

371 Годовое жалованье солдата в 1-й четверти XVIII в. было 12 рублей. Генерал-фельдмаршал получал 7000 рублей в год, остальные генералы — от 300 до 1200, полковники — 300, подполковники — 150, майоры — 140, капитаны — 100, прапорщики — 50, вахмистры — 14 рублей 40 копеек.

372 Просфиромисанье совершается во время проскомидии, первой части литургии. На ней путем особых священнодействий из принесённых хлеба и вина приготовляется вещество для евхаристии, и при этом совершается поминовение всех членов церкви, как живых, так и усопших. Проскомидия совершается священником или архиереем в алтаре на жертвеннике во время чтения часов. Хлеб для проскомидии должен быть пшеничным и приготовленным на дрожжах («квасный»). После церковной реформы патриарха Никона для проскомидии стало использоваться пять просфор (до реформы литургию служили на семи просфорах) — в воспоминание евангельского чуда о насыщении Христом пятью хлебами пяти тысяч человек. По внешнему виду просфора должна быть кругловидной и двухсоставной, в ознаменование двух естеств Иисуса Христа. Для проскомидии просфора полностью не используется, из нее копием изымаются частицы.

373 Укрушец — ломтик.

374 Домов — домой.

375 Бавиться — мешкать.

376 Розметистый — размашистый.

377 Манить — обманывать.

[378] Пожиточно — прибыльно.
[379] Паучинный — паутинный.
[380] Василиск — ядовитая змея.
[381] Рамент — начальствование.
[382] Прешкодить — препятствовать, чинить помехи.
[383] Выметка — выписка, извлечение, пометка.
[384] Особность — особое, исключительное, важное положение.
[385] Ажно — а между тем, однако.
[386] Десятья — десять раз.
[387] Правостно — справедливо.
[388] Поемный — восприимчивый, способный.
[389] Винность — виновность, сознание вины.
[390] Чертица — черточка.
[391] Потолочить — потревожить попусту.
[392] Взяток — взятка.
[393] Ябедник — наемный ходатай по судебным делам.
[394] Дробь — подробность.
[395] Ручник — рукоприкладчик.
[396] Пристрастие — острастка.
[397] Третей — свидетель по тяжбенному делу; третьевать — давать показания на суде в качестве свидетеля.
[398] Тонкостно — до тонкостей, со всеми подробностями, обстоятельно; тонкостный — касающийся подробностей; проницательный, ловкий.
[399] Санаты, санатыри — сенаторы.
[400] Обыденно — в один день.
[401] Сидка — сидение в тюрьме.
[402] Повычай — привычка, обыкновение.
[403] Вязко — запутанно.
[404] Многопрительно — весьма спорно.
[405] Проронка — упущение, пропуск.
[406] Проесть — харчевые издержки по тяжбам.
[407] Разсудок — рассуждение, мнение.
[408] На этом кончается Румянцевский список «Завещания Отеческаго».'В последней фразе: «а одним своим разумом отнюд ничего не делай», между словами: «одним» и «своим», одинаковыми с текстом чернилами проведена пунктиром вертикальная черточка (прим. Е. М. Прилежаева).
[409] Этим предложением начинается рукопись «Завещания Отеческаго», найденная Е. М. Прилежаевым в архиве Святейшаго Синода. Первые 85 ее страниц написаны не самим Посошковым, а рукой неизвестного переписчика (прим. Е. М. Прилежаева).
[410] Намерок — предложение, проект.
[411] Певчие книги — нотные книги.
[412] Моркостно (моркотно) — см. комм. 186.

[413] Киевский распев распространяется в России с 50-х гг. XVII в. присланными из Киева певчими. На смену строгому знаменному распеву с бесконечно развивающейся, как бы парящей, мелодикой приходит партесное, многоголосное пение, «сладкозвучные» мелодии. В основе киевского распева лежит построчное распевание текста. В его мелодике есть и речитативные и напевные построения, часто встречаются повторы отдельных слов и фраз текста, что не допускалось в знаменном пении. Известны две разновидности киевского распева: большой и малый (сокращенный вариант большого).

[414] Составление исповедных ведомостей восходит к опыту новгородского митрополита Корнилия, заведенных им в 1690 г. Эта мера была поддержана Петром I и патриархом Адрианом и распространена на все белое духовенство страны. Однако исповедный учет православного населения был налажен лишь к концу 1730-х гг.

[415] Кимвал — музыкальный инструмент в виде двух металлических тарелок.

[416] Благовест — один из видов церковного колокольного звона. Под благовестом понимается звон в один колокол, которым христиане извещаются о начале богослужения. Благовестом также отмечается важнейшая часть литургии.

[417] Крайний — высший, достигший крайней степени власти.

[418] Превелебный — достославный, преславный.

[419] Кафизма (кафисма) — отдел Псалтири, во время чтения которого можно сидеть. Вся Псалтирь делится на 20 кафизм («седален»).

[420] Молком — молча.

[421] Буй — безумный, глупый, неразумный.

[422] Зазрение — застенчивость, стеснение, стыдливость.

[423] Онсица — такой-то.

[424] Нелепотство — беззаконие, беспорядок; нелепостный — беспорядочный, нелепый.

[425] Случение — случай, приключение.

[426] *Ориген* (ок. 185–253 или 254) — христианский теолог, философ, представитель ранней патристики. Жил в Александрии. Соединял платонизм с христианским учением. Осужден в 543 г. как еретик.

[427] Мотыла — нечистоты, помет.

[428] Винный — виновный, провинившийся.

[429] Потрава — приправа из трав.

[430] Белец — см. комм. 149.

[431] Миропрелестный — представляющий соблазн для людей.

[432] Адамант — алмаз.

[433] Госпожин день — праздник Успения Богородицы, приходится на 15 (28) августа.

[434] Вап — краска.

[435] Изменный — переменный, измененный.

[436] См. комм. 155 и 177.
[437] Прилпом — поверхностно, слегка, вскользь.
[438] Понырять — входить украдкой, вкрадываться.
[439] Уне — лучше.
[440] Хухнать — гнушаться, пренебрегать, презирать.
[441] Шелеп — плеть.
[442] Блукаться — бродить, шататься, слоняться, блуждать.
[443] Отвод — причина, отклоняющая подозрение.
[444] См. комм. 15.
[445] См. комм. 21.
[446] В начале XVIII в. для борьбы с расколом было написано «Соборное деяние на еретика Мартина», выдававшееся за древнюю рукопись, обличавшую старообрядчество. В произведении шла речь о якобы прибывшем в 6666 (1148) г. из Константинополя в Киев монахе армянине Мартине, проповедовавшем обряды армянской церкви, отличавшиеся от греческих. Утверждалось, что проповедь раскольника была осуждена киевским собором 1157 г., а константинопольский собор подтвердил решение киевского.
В 1724 г. был издан указ, по которому предавались суду те, кто осмеливался назвать «Деяние» поддельной книгой. Тем не менее старообрядцы убедительно доказывали подложность этой книги.
[447] Доспытывать — производить испытание, экзаменовать.
[448] Доспытация — диспут.
[449] Прозябь — проявление, обнаружение.
[450] Заровно — наравне, одинаково.
[451] Пешо — пешком.
[452] После смерти патриарха Адриана в 1700 г. выборы патриарха не проводились. Рязанский и Муромский митрополит Стефан Яворский (1658–1722) был местоблюстителем патриаршего престола до создания Синода (1721), а затем — его первым президентом.
[453] Буква «В» с надстрочным знаком (титло) обозначала число «2».
[454] Смятка — смятение, замешательство.
[455] Посошков обозначает 1700 г. церковнославянскими буквами, а не арабскими цифрами, которые стали употребляться с 1708 г.
[456] Прямое указание на время работы Посошкова над рукописью.
[457] Канун — питье (мед, брага), сваренное к празднику.
[458] Сумесью — смешанно.
[459] Промысел — забота, старание.
[460] Волна — шерсть.
[461] Отъонудуже — откуда.
[462] Любодейца — блудница.
[463] Студенец — колодец, родник.
[464] Вретище — одежда из грубой материи.

465 Прободать — проколоть, пронзить.

466 Лихва — прибыль; дати в лихву — отдать деньги в рост.

467 Аможе — куда.

468 На этом кончается Синодальный список рукописи «Завещания отеческого». В ней были еще две четвертки, заключавшие в себе дальнейший текст «Предисловия читателем». К сожалению, эти четвертки отрезаны. Сохранившееся начало «Предисловия», занимающее последнюю страницу рукописи, перечеркнуто крест накрест; по-видимому, судя по чернилам, самим Посошковым. Е. М. Прилежаев считал, что «Предисловие читателем» в переделанном виде было изложено Посошковым дальше на недошедших страницах.

Библиография[1]

Завещание отеческое, сочинение *И. Т. Посошкова.* Новое издание, дополненное вновь открытою второю половиною «Завещания» / Под ред. Е. М. Прилежаева. СПб., 1893. 388 с.

Иван Посошков. «Книга о скудости и о богатстве» и некоторые более мелкие его сочинения. С предисловием А. А. Кизеветтера. М.: Издание Н. Клочкова, 1911. 135 с.

Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве / Редакция, вступительные статьи и примечания Б. Б. Кафенгауза. М., 1937. 352 с.

Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Редакция и комментарий д-ра ист. наук проф. Б. Б. Кафенгауза. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1951. 410 с.; Репринтное воспроизведение издания 1951 г. СПб.: Наука, 2004. 407 с.

Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2001. 415 с.

Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. Со вступительной статьей Ю. М. Осипова, комментарием Б. Б. Кафенгауза и послесловием М. Н. Погодина. М.: Наука, 2003. 253 с.

[1] Аннотированный список публикаций других сочинений И. Т. Посошкова, осуществленных до начала XX в. см.: *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве / Ред., вступ. ст. и примеч. Б. Б. Кафенгауза. М., 1937. С. 86–89.

Список сокращений

ПСЗ-I — Полное собрание законов Российской империи. Собрание I.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских.

Указатель имен

Содержание